В. БУЗЕСКУЛЪ,

ПРОФЕССОРЪ ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Б90 0

ИСТОРІЯ

АѲИНСКОЙ ДЕМОКРАТІИ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 лин., 28.

1909.

3842

221050

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе V

ВВЕДЕНІЕ.

Общій ходъ греческой исторіи съ VIII по VI в. до Р. Х.

Паденіе царской власти и владычество знати 1
Колонизація, экономическій переворотъ и возвышеніе демоса . . 9
Борьба демоса съ аристократіей и тираннія 18

ДЕМОКРАТІЯ ВЪ АѲИНАХЪ.

I. Начало.

Переходъ отъ монархіи къ архонтату 27
Килонова смута, законодательство Дракона и экономическій кризисъ 37
Солонъ 49
Новыя смуты и тираннія Писистратидовъ 66
Реформы Клисѳена 79

II. Расцвѣтъ.

Эпоха Греко-Персидскихъ войнъ 95
Первые годы „Пятидесятилѣтія"; Кимонъ и Эфіальтъ 111
Реформа ареопага; судъ присяжныхъ, совѣтъ и народное собраніе . 120
Время борьбы изъ-за гегемоніи на сушѣ 138
Периклъ 146

стр.
„Правіеше перваго мужа“ 157
Основныя черты аѳинской демократіи; свобода и равноправіе; идеалъ и дѣйствительность 182
Положеніе женщины въ Аѳинахъ 200
Метэки и рабы 211
Отношеніе къ союзникамъ 224

III. Кризисъ.

Начало Пелопоннесской войны 237
Демагоги и стратеги; Клеонъ и Никій 255
Война отъ смерти Перикла до Никіева мира и ея вліяніе на общество 264
Темныя стороны аѳинской демократіи 277
Недовольные; сельскій классъ и олигархи; политическая литература. 289
Алкивіадъ, процессъ гермокопидовъ и Сицилійская экспедиція. . 307
Олигархическій переворотъ 411 г. 327
Послѣдніе годы Пелопоннесской войны. 345
Тиранніи Тридцати и возстановленіе демократіи 359
Судъ надъ Сократомъ 374

IV. Упадокъ.

Отъ возстановленія демократіи до Анталкидова мира 388
Второй Аѳинскій союзъ и финансовыя реформы 397
Внутреннее состояніе Аѳинъ въ IV в. 410
Отношеніе философовъ и публицистовъ того времени къ демократіи; монархическія идеи. 427
Аѳины и Филиппъ Македонскій 444
Начало эпохи эллинизма и конецъ самостоятельности Аѳинъ . . . 457

Литература 465
Важнѣйшія поправки и добавленія 467

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Едва-ли надо говорить о томъ, какой интересъ можетъ представлять исторія аѳинской демократіи, особенно если стать на точку зрѣнія современнаго направленія въ области изученія греческой древности. Съ этой точки зрѣнія античный міръ является намъ не міромъ sui generis, далекимъ и чуждымъ, а близкимъ и понятнымъ, имѣющимъ много аналогій съ такъ называемыми средними и новыми вѣками и съ современностью. „Въ древности преобладали, хотя на гораздо меньшемъ пространствѣ и въ иныхъ формахъ, тѣ же вліянія и противоположности, которыя управляютъ и современнымъ развитіемъ“, говоритъ напр. Эд. Мейеръ, авторъ новѣйшей капитальной „Исторіи древности“. „Древній міръ волновали тѣ же жизненные вопросы, которые еще и теперь, отчасти не рѣшенные, занимаютъ каждаго мыслящаго человѣка“, такова основная идея, которая красною нитью проходитъ чрезъ работы другого виднаго представителя современной исторической науки, Пельмана, интересующагося преимущественно соціально-экономическими отношеніями въ древности... Направленіе это иногда впадаетъ въ крайность, слишкомъ модернизуетъ древность, но въ его основѣ много вѣрнаго.

Издаваемая книга посвящена предмету, котораго отчасти

я касался еще въ работѣ моей молодости — въ „Периклѣ“ (1889)—, назадъ тому двадцать лѣтъ, и затѣмъ въ своемъ изслѣдованіи объ „Аѳинской Политіи“ Аристотеля (1895). Многія страницы изъ этихъ работъ въ нее вошли,—конечно, съ необходимыми измѣненіями. Кромѣ того, въ основу ея легли соотвѣтствующіе отдѣлы общаго курса греческой исторіи, читаемаго мною въ харьковскомъ университетѣ. Можно сказать, что настоящая книга представляетъ собою обработку главной части этого курса.

При изложеніи исторіи аѳинской демократіи я имѣлъ въ виду не только самый строй и учрежденія, но и среду, воззрѣнія, настроенія. Этимъ объясняется, почему я такъ часто пользуюсь Аристофаномъ или, напр., Еврипидомъ. Я старался взглянуть на аѳинскую демократію объективно, по возможности изобразить ее такою, какою она была въ дѣйствительности, съ ея свѣтлыми и темными сторонами, не черня и не идеализируя ея, ибо, говоря словами „стараго мастера исторической науки“, Леопольда Ранке, идеалъ всегда заключается въ томъ, чтобы представить историческую правду, — „denn Ideal ist immer die historische Wahrheit der Welt zu vergegenwärtigen“.

Эту книгу я предназначаю не столько для спеціалистовъ, сколько для болѣе широкаго круга — для университетскихъ слушателей, для ищущихъ самообразованія, для интересующихся исторіей, въ особенности исторіей политическихъ формъ. Поэтому я избѣгалъ вдаваться въ мелкія подробности, касаться запутанныхъ и спорныхъ вопросовъ, пускаться въ сколько-нибудь рискованныя гипотезы. Я не желалъ загромождать книгу подстрочными примѣчаніями и ограничился лишь самыми необходимыми, краткими библіографическими указаніями и ссылками, не отмѣчая подробно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, кому и чѣмъ я обязанъ, что̀ мною заимствовано и въ чемъ я расхожусь съ другими. Въ концѣ приложены спи-

сокъ важнѣйшихъ общихъ трудовъ по исторіи Греціи и аѳинской демократіи, поправки и добавленія. Подробныя ссылки и указанія на источники и новую литературу можно найти у Бузольта.

В. Бузескулъ.

Харьковъ.
1908 г., 24 ноября.

ВВЕДЕНІЕ.

Общій ходъ греческой исторіи съ VIII по VI в. до Р. Х.

Паденіе царской власти и владычество знати.

Въ эпоху такъ называемой *микенской культуры*, которую открылъ Шлиманъ и расцвѣтъ которой относится приблизительно за полторы тысячи лѣтъ до Р. Х., въ Греціи была сильная монархическая власть, хотя и тогда единаго государства тамъ, повидимому, не существовало. Памятники того времени—„циклопическія“ стѣны изъ колоссальныхъ каменныхъ глыбъ; обширные дворцы, богато украшенные, съ живописью на стѣнахъ, иногда съ цѣлымъ лабиринтомъ залъ, коридоровъ и комнатъ, съ магазинами и кладовыми для запасовъ; могилы, очевидно—царскія, то въ видѣ шахтъ или глубокихъ ямъ, въ которыхъ тѣла иныхъ покойниковъ оказываются засыпанными драгоцѣнностями всякаго рода, то въ видѣ величественныхъ куполообразныхъ сооруженій, роскошно отдѣланныхъ,—все это краснорѣчиво говоритъ намъ не только о сравнительно развитой техникѣ, о богатой внѣшней культурѣ, нѣкогда процвѣтавшей преимущественно по берегамъ и островамъ Архипелага, о тѣсныхъ сношеніяхъ съ восточными странами и т. под., но и о типѣ государствъ микенской эпохи, о томъ, что тогдашніе цари были могущественными властели-

нами, что въ ихъ распоряженіи сконцентрированы были силы подвластнаго имъ населенія, масса рабочихъ рукъ, огромныя матеріальныя средства.

Среди переворотовъ, наступившихъ въ концѣ II тысячелѣтія до Р. Х.,—тѣхъ племенныхъ переселеній, изъ которыхъ главнымъ является вторженіе дорянъ въ Пелопоннесъ,—пали „микенскія“ царства и пышная микенская культура. Цари послѣдующей, гомерической эпохи (за 1000—800 лѣтъ до Р. Х.), извѣстной намъ по Иліадѣ и Одиссеѣ, рѣзко уже отличаются отъ царей эпохи микенской, строителей громадныхъ стѣнъ, дворцовъ и гробницъ. Правда, они царствуютъ „божьею милостью“, получаютъ скипетръ отъ самого Зевса; но это—не восточные деспоты и не монархи со всею полнотою неограниченной власти: гомерическій царь, особенно въ Одиссеѣ, скорѣе primus inter pares, первый между равными; его окружаютъ представители знатныхъ родовъ, „геронты“, „старцы“ или старѣйшины, съ которыми онъ „думаетъ“, совѣщается и дѣлитъ свою власть; это—его сотрапезники, совѣтники и ближайшіе помощники.

Въ гомерическую эпоху существуетъ и народное собраніе, которое въ Иліадѣ тождественно съ собраніемъ войска, аналогично тому, что̀ мы видимъ и у древнихъ германцевъ. Но роль этого собранія еще ничтожна. Обыкновенно ему оставалось лишь выслушивать рѣшеніе царя и геронтовъ. Голосованія не происходило, и собраніе выражало свое одобреніе бурнымъ крикомъ, по выраженію поэта, подобнымъ шуму, когда вѣтеръ вздымаетъ „волны огромныя моря“ и бросаетъ валы о нависшій утесъ или когда „бурный зефиръ наклоняетъ высокую ниву, то подымаяся грозно, то падая вдругъ на колосья“. Иногда отдѣльныя личности въ родѣ Θерсита рѣшаются выступать съ рѣзкою рѣчью противъ вождя-царя; но масса не поддерживаетъ ихъ; народъ смѣется и выражаетъ сочувствіе Одиссею, когда тотъ наноситъ побои Θерситу (Иліада, II пѣснь).

Въ періодъ съ VIII до VI столѣтія включительно мы видимъ въ Греціи рядъ важныхъ внутреннихъ переворотовъ или, точнѣе, перемѣнъ: паденіе царской власти и господство аристократіи, затѣмъ борьбу народа, демоса, противъ этой аристократіи, владычество тирановъ и наконецъ переходъ къ демо-

кратіи или къ болѣе умѣренной аристократіи. Перемѣны эти совершаются съ замѣчательной послѣдовательностью и происходятъ почти повсемѣстно въ Греціи. Уже одна эта повсемѣстность показываетъ, что онѣ вызваны были не частными, случайными причинами, а причинами болѣе общими и глубокими, коренившимися въ самомъ ходѣ развитія греческаго общества,—въ томъ историческомъ процессѣ, который совершался тогда въ Греціи.

Къ серединѣ VIII вѣка монархическая власть исчезаетъ почти всюду въ Греціи. Какъ исключеніе и своего рода „культурное переживаніе", сохранилась она въ Аргосѣ, въ Спартѣ, да на окраинѣ греческаго міра, у отставшихъ въ культурномъ отношеніи полуварварскихъ племенъ, напр. у молоссовъ въ Эпирѣ. Но въ Аргосѣ, гдѣ цари упоминаются еще во время Персидскихъ войнъ, это была лишь тѣнь прежнихъ монарховъ; въ Спартѣ царская власть тоже утратила свое настоящее значеніе, свою сущность, и сохранила скорѣе лишь внѣшніе аттрибуты.

Паденіе монархіи въ Греціи произошло постепенно, безъ крупныхъ потрясеній. Уже въ гомерическую эпоху царь былъ въ сущности только первымъ между равными ему представителями знатныхъ родовъ. Между царемъ и его родомъ съ одной стороны и знатными, могущественными фамиліями съ другой не было рѣзкой разницы; ихъ не отдѣляла какая-либо непроходимая грань. Знатные, подобно царю, нерѣдко вели свое происхожденіе отъ боговъ и героевъ; ихъ тоже называли иногда „царями". Въ періодъ переселеній и завоеваній царская власть была еще необходима; но по минованіи его миновала необходимость и въ царской власти. Теперь уже не было такой нужды въ сосредоточеніи власти въ однѣхъ рукахъ. Самыя природныя условія Греціи, устройство ея поверхности, далеко не способствовали образованію единаго государства съ сильною центральною властью. Въ древней Греціи всегда было много отдѣльныхъ, самостоятельныхъ небольшихъ государствъ и тамъ развился типъ *государства-города*. А въ такихъ небольшихъ государствахъ легко было обойтись и безъ царя. Притомъ, тутъ особа царя не могла быть окружена ореоломъ величія, подобно тому, какъ на Востокѣ; она не казалась чѣмъ-то таинствен-

нымъ и грандіознымъ; она была, такъ сказать, на виду у всѣхъ, со всѣми ея человѣческими слабостями и недостатками. Наконецъ, царь гомерической эпохи въ своемъ лицѣ соединялъ обязанности военачальника, правителя, судьи и жреца. Но съ теченіемъ времени политическая жизнь развивалась, отношенія дѣлались сложнѣе и являлась необходимость въ расчлененіи прежде единой власти.

Монархія прежде всего падаетъ въ греческихъ колоніяхъ, въ городахъ мало-азіатскаго побережья: здѣсь легче было отрѣшиться отъ прошлаго, отъ традиціоннаго уваженія къ царской власти; на новой почвѣ, среди новыхъ условій, легче было возникнуть и новому порядку, новымъ формамъ политической жизни, не говоря уже о томъ, что въ этихъ колоніяхъ, особенно въ Іоніи, историческій процессъ вообще совершался быстрѣе и скорѣе обнаруживались новыя явленія въ жизни греческаго общества.

Итакъ, въ VIII столѣтіи до Р. Х. монархія въ Греціи уступаетъ мѣсто *аристократіи*, причемъ эта перемѣна совершается большею частью не путемъ революціи, а путемъ эволюціи. Иногда власть отъ царя переходитъ въ руки цѣлаго царскаго рода. Такъ было, напр., въ Коринѳѣ, гдѣ стала властвовать фамилія Бакхіадовъ, къ которой принадлежали и прежніе цари. Случалось, что потомки царей удерживали свой титулъ; за ними оставалось жречество и нѣкоторыя привилегіи или же этотъ титулъ переносился на сановника и членовъ коллегіи, носившихъ обязанности сакральнаго характера.

Новѣйшіе ученые—и въ ихъ числѣ Эдуардъ Мейеръ, авторъ капитальной „Исторіи древности“, — называютъ періодъ отъ переселенія племенъ и до возвышенія демоса, эпоху Гомера и могущества знати, греческимъ „*средневѣковьемъ*“. И дѣйствительно, въ тогдашней Греціи мы видимъ черты, напоминающія намъ средніе вѣка Западной Европы. Общественныя группы и наслѣдственныя сословія рѣзко разграничены. Господствующее положеніе занимаетъ землевладѣльческая, военная знать, раздѣленная на роды (genos), проникнутая сословнымъ сознаніемъ, корпоративнымъ духомъ, сражающаяся сначала на колесницахъ, потомъ верхомъ на конѣ, любящая войну, рыцарскіе подвиги, охоту и пиры. При дворахъ знатныхъ пѣвецъ—же-

данный гость; это—эпоха героической пѣсни, позднѣе—лирики и новеллы. Чѣмъ для средневѣкового Запада были рыцарскіе турниры, тѣмъ для грековъ того времени были олимпійскія и имъ подобныя игры, съ ихъ ристаніями и состязаніями. Слабый ищетъ защиты сильнаго и у тогдашнихъ аристократовъ Греціи была многочисленная кліентела. Мы видимъ крестьянъ въ положеніи людей болѣе или менѣе зависимыхъ, начиная отъ смягченныхъ формъ крѣпостничества и до полной закабаленности; видимъ господство натуральнаго хозяйства, по крайней мѣрѣ въ первой половинѣ греческаго средневѣковья, ремесло—презираемымъ и мало развитымъ [1])...

Аристократы, какъ классъ, носили въ Греціи различныя названія: ихъ называли обыкновенно „хорошими", „лучшими" (aristoi, отсюда и самое слово аристократія и аристократы), „благородными", „евпатридами", иногда „богатыми" и даже „жирными", подобно тому, какъ въ средніе вѣка въ Италіи городской патриціатъ назывался popolo grasso. Простой народъ противополагался имъ, какъ „дурные" „худые" или „худшіе", „подлые" люди.

Основой могущества и вліянія греческой знати было, во-первыхъ, происхожденіе. Если впослѣдствіи даже въ демократическихъ Аѳинахъ благородное происхожденіе имѣло большое значеніе и считалось „великимъ и почетнымъ жребіемъ"; если еще Аристотель говорилъ, что въ наилучшемъ государствѣ ремесленникъ не пользуется правомъ гражданства, что тотъ, кто ведетъ жизнь ремесленника или поденщика, не можетъ развивать въ себѣ гражданской доблести, что для этого и для участія въ государственныхъ дѣлахъ нуженъ досугъ; то тѣмъ болѣе во времена греческаго средневѣковья и владычества аристократіи господствовало убѣжденіе, что только знатный и богатый человѣкъ, не обремененный заботами о насущномъ хлѣбѣ, можетъ заниматься государственными дѣлами. Ремесленники и вообще демосъ, трудящійся въ потѣ лица, еще считались недостойными принимать участіе въ управленіи.

Но могущество знати основывалось не на одномъ только

[1]) E. Meyer, Geschichte des Alterthums. Stuttg. 1893, II, 291 сл. Ср. также у Белоха, Пельмана и друг.; Dondorff, Adel und Bürgertum im alten Hellas (Histor. Zeitschrift, LXVII (1891), 212 сл.).

происхожденіи. Въ тѣ времена знатность соединялась съ богатствомъ и аристократы были въ пору своего владычества самымъ богатымъ классомъ въ Греціи. Въ ихъ рукахъ сосредоточивалась крупная земельная собственность. Кромѣ того, у знатныхъ были многочисленныя стада скота. Но особенно любили они содержать коней: хорошіе кони—необходимая принадлежность тогдашняго аристократа; это—его гордость. Высшее сословіе въ нѣкоторыхъ греческихъ городахъ даже носитъ названіе „всадники“. Въ домахъ знати имѣлись богатые запасы металловъ, оружія, утвари, всякаго рода припасовъ, вина и проч. Когда впослѣдствіи стала развиваться торговля и возвысился торговый классъ, то аристократы, напр., Эгины и нѣкоторые другіе приняли участіе и въ торговомъ движеніи. Но все-же землевладѣніе оставалось главною основою богатства знати.

Аристократы были и главною военною силою. Еще Аристотель принципомъ аристократіи выставлялъ доблесть, подобно тому, какъ принципомъ демократіи, по его словамъ, была свобода. Располагая матеріальными средствами и досугомъ, аристократы могли проходить школу своего рода рыцарскаго воспитанія; они могли предаваться военнымъ упражненіямъ, гимнастикѣ, играмъ и т. под. Въ ту пору главную силу на войнѣ составляла конница. Но чтобы имѣть колесницу и соотвѣтствующее вооруженіе, содержать коней, нужно было располагать большими средствами, слугами, челядью. Всѣмъ этимъ располагали аристократы. Аристотель по этому поводу замѣчаетъ, что тѣмъ, кто небогатъ, нелегко содержать коней; поэтому въ древнія времена въ городахъ, сила которыхъ была въ конницѣ, господствовала олигархія.

Аристократы были обладателями и тогдашняго образованія. Оно было еще мало распространено и тоже соединялось обыкновенно со знатностью и богатствомъ. Аристократы являлись знатоками и толкователями обычаевъ и права, хранителями старины и традиціи. Они были судьями и жрецами; нѣкоторыя жреческія обязанности связаны были съ извѣстными фамиліями.

Такимъ образомъ въ тѣ времена аристократія была не

только политическою, но и соціальною, военною и культурною силою. Немудрено, что ей принадлежало владычество.

И въ лучшую свою пору аристократія смотрѣла на свое владычество не только какъ на право и привилегію. Она понимала, что noblesse oblige. Она служила обществу и государству, и въ мирное, и въ военное время, въ совѣтѣ и на полѣ битвы. Она отправляла дорого стоившую военную службу и щедро выполняла общественныя повинности. Тогда аристократы въ извѣстномъ смыслѣ дѣйствительно были aristoi, „лучшіе“ мужи, и съ честью несли лежавшія на нихъ обязанности.

Но съ теченіемъ времени замѣчается нравственный упадокъ аристократіи, деморализація и разложеніе ея. Сыновья часто не были похожи на своихъ отцовъ, которые, какъ мы сказали, съ честью несли свою службу государству и обществу. Новыя поколѣнія расточали богатства, предавались наслажденіямъ, забавамъ и роскоши. Недаромъ издавались законы противъ излишней пышности. Сыновья знатныхъ росли среди нѣги и роскоши, тогда какъ молодое поколѣніе демоса среди труда и заботъ закалялось въ борьбѣ за существованіе. Наконецъ среди аристократіи обнаруживается и разладъ, происходятъ раздоры и соперничество, борьба отдѣльныхъ лицъ и фамилій за власть. Разумѣется, это не могло способствовать упроченію могущества знати.

Было время, когда знатный человѣкъ оказывалъ во многихъ случаяхъ покровительство и защиту слабому, простому, когда онъ былъ для демоса „кремлемъ и башнею“, по выраженію поэта [1]). Но въ общемъ положеніе народной массы съ паденіемъ царской власти не улучшилось, а скорѣе ухудшилось. Прежде царь могъ стать посредникомъ между знатными и простымъ народомъ; въ его даже интересахъ было оказывать покровительство демосу, чтобы имѣть въ немъ опору противъ могущественной знати и ея притязаній. Теперь же простой народъ былъ всецѣло въ рукахъ правящей аристократіи, и ея владычество вскорѣ стало для него тяжелымъ игомъ. Къ тому же, съ VII вѣка въ экономической жизни Греціи про-

[1]) Ѳеогнида, ст. 234 (Bergk, Poëtae lyrici Graeci, Lips. 1866, II).

исходить перемѣна, которой мы будемъ еще касаться и которая не могла не повліять на ухудшеніе отношенія знатныхъ къ народной массѣ: начинается переходъ къ денежному хозяйству, появляются первые признаки капитализма, обнаруживается страстная погоня за деньгами. Прежнія патріархальныя отношенія уступаютъ мѣсто эксплуатаціи и большему произволу. Тутъ влияли не только личная корысть и алчность, но и болѣе общія причины. Съ распространеніемъ денегъ и съ переходомъ отъ чисто натуральнаго хозяйства къ денежному цѣны повышались, жизнь становилась дороже. А между тѣмъ noblesse oblige. Родовой знати приходилось состязаться съ возвышавшимся новымъ классомъ, богатыми купцами, промышленниками, своего рода капиталистами. Надо было поддержать свое достоинство, сохранить общественное положеніе, соотвѣтственное знатности. Иные аристократы сами принимались за торговлю; но для большинства земля оставалась попрежнему главнымъ источникомъ дохода, и чтобы добыть новыя средства, приходилось выжимать ихъ изъ земли, повышать съ крестьянъ аренды, поборы, повинности, безъ пощады относиться къ неисправнымъ плательщикамъ.

Слабому трудно было найти правды и защиты противъ сильнаго: и господами, и судьями были знатные. Жалобы на тяжелую долю земледѣльца, на беззащитность слабаго и въ особенности на отсутствіе правды въ судахъ, мы встрѣчаемъ уже за 700 лѣтъ до Р. Х. у Гесіода въ его „Трудахъ и дняхъ“ [1]). Мрачными красками рисуетъ Гесіодъ современный ему вѣкъ—„вѣкъ желѣзный“, когда люди обречены весь день страдать отъ труда и тяжелыхъ заботъ, не имѣть отдыха даже ночью. „Позднѣе родиться или раньше умереть“ хотѣлъ бы поэтъ, чтобы только не быть современникомъ этого поколѣнія, испорченнаго и преступнаго. Но зло станетъ еще хуже, и тогда, „прикрывъ прекрасное тѣло одеждой бѣлою, съ земли широкой улетятъ на небо и Стыдъ, и Совѣсть“, оставивъ смертнымъ людямъ тяжкія печали, и не будетъ защиты противъ зла. Въ поученіе правителямъ [2]) Гесіодъ приводитъ басню о ястребѣ

[1]) Есть русскій переводъ Г. К. Властова Спб. 1885.

[2]) Гесіодъ называетъ ихъ basileis, „цари“; но, вѣроятно, тутъ слѣдуетъ

и соловьѣ. Ястребъ схватилъ соловья „сладкозвучнаго" и несъ его высоко въ облакахъ, вонзивъ въ него свои кривые когти, и когда тотъ началъ жалобно стонать, то ястребъ обращается къ нему съ такими словами: „Чудакъ! чего ты кричишь? Вѣдь ты во власти болѣе сильнаго. И отправишься туда, куда потащу, хоть ты и пѣвецъ. Захочу—съѣмъ, захочу—выпущу Безумецъ тотъ, кто захочетъ бороться съ сильнымъ: и побѣды лишится онъ и сверхъ того испытаетъ горечь униженія". „Такъ говорилъ быстролетный ястребъ, ширококрылая птица". Неправый торжествуетъ благодаря правителямъ-„дароѣдамъ", по выраженію Гесіода, т.-е. берущимъ подарки, взятки. Въ судахъ нѣтъ правды: ее изгнали правители-„дароѣды", которые, какъ хотятъ, такъ и судятъ и постановляютъ несправедливыя рѣшенія. Поэтъ грозитъ гнѣвомъ и карой Зевса, который все видитъ, все наблюдаетъ—и правду, и злыя дѣла—и который каждому воздастъ по дѣламъ. Есть еще дѣва Дика. Правда, рожденная отъ Зевса, и она ему повѣдаетъ о нанесенныхъ ей обидахъ, о несправедливости людей.

Неудивительно, что владычество аристократіи стало вызывать неудовольствіе и ропотъ и противъ этого владычества обнаружилась оппозиція.

Между тѣмъ въ Греціи наступали новыя условія, которыя въ свою очередь отразились неблагопріятно на положеніи аристократіи, и выдвигался новый классъ,—возвышался демосъ.

Тутъ мы должны обратиться къ другимъ сторонамъ того историческаго процесса, который совершался тогда въ Греціи.

Колонизація, экономическій переворотъ и возвышеніе демоса.

Было бы ошибочно думать, будто историческая жизнь тогдашней Греціи сосредоточивалась преимущественно въ такихъ пунктахъ, какъ, напр., Спарта или Аѳины. По вѣрному замѣчанію одного историка, центръ тяжести греческой исторіи отъ 1-ой Олимпіады, т.-е. съ 776 г. до Р. Х., и до середины VI вѣка слѣдуетъ искать не у эллиновъ въ Европѣ, но на

подразумѣвать знатныхъ, въ рукахъ которыхъ былъ судъ: титулъ „царь" примѣнялся и къ нимъ, а изъ контекста видно, что рѣчь идетъ главнымъ образомъ о судьяхъ.

периферіи греческаго міра: полный, настоящій пульсъ жизни греческаго народа бьется до половины VI вѣка преимущественно въ іонійскихъ колоніяхъ Малой Азіи.

Колоніи эти шли во всѣхъ отношеніяхъ впереди метрополи. До V вѣка это былъ центръ политической, умственной и художественной жизни грековъ. Ни одинъ городъ собственной Греціи, ни Аѳины того времени, ни тѣмъ болѣе Спарта не могли выдержать сравненія съ городами-колоніями въ родѣ, напр., Милета на востокѣ и Сибариса на западѣ. Колоніи, особенно въ Малой Азіи, могущественнѣе, богаче городовъ метрополи. Въ нихъ кипитъ торговая и промышленная дѣятельность, жизнь бьетъ ключемъ. Здѣсь умственный кругозоръ былъ шире; греки сталкивались или сближались не только другъ съ другомъ, но и съ иными народами, знакомились съ ихъ строемъ, ихъ культурой; завязывались сношенія съ различными странами, иногда весьма отдаленными,—съ понтійскими берегами, Египтомъ, далекимъ Западомъ. Здѣсь образуется многочисленный классъ моряковъ и купцовъ; получаетъ особенное значеніе движимая собственность, деньги. Развитіе во всѣхъ сферахъ идетъ тутъ быстрѣе. Въ колоніяхъ, какъ упомянуто, легче было отрѣшиться отъ традиціи, и тутъ раньше совершается рядъ тѣхъ политическихъ перемѣнъ, которыя характеризуютъ разсматриваемый періодъ греческой исторіи, т.-е. смѣна монархіи аристократіей и затѣмъ переходъ къ болѣе умѣренной аристократіи, къ тимократіи или же къ демократіи. Въ Іоніи, по замѣчанію Э. Курціуса, впервые гражданское равенство поставлено было принципомъ общественной жизни. Здѣсь же, въ Малой Азіи, развивается и греческая поэзія — эпосъ и лирика,—развивается искусство. Мало-азіатскія колоніи, въ особенности Іонія, родина и греческой науки, и греческой философіи...

Греческая колонизація, начавшаяся еще до переселенія племенъ, усилилась послѣ этого переселенія, въ особенности послѣ вторженія дорянъ въ Пелопоннесъ, а въ VIII—VII стол. достигла своего высшаго развитія.

Колонизація вызывалась прежде всего ростомъ населенія, ощущавшимся недостаткомъ земли и трудностью добывать пропитаніе при тогдашнихъ условіяхъ хозяйства и землевладѣнія. Переселенцы, во главѣ которыхъ нерѣдко становились лица,

принадлежавшія къ знатнымъ родамъ, искали сначала плодородной земли, и первыя греческія колоніи имѣли характеръ, такъ сказать, земледѣльческій. Затѣмъ племенныя переселенія и завоеванія, а еще позднѣе внутреннія смуты, борьба партій, тираннія, должны были послужить могущественнымъ толчкомъ для основанія колоній и усилить колонизацію. Многіе предпочитали покинуть родину и искать новаго мѣстожительства на чужбинѣ, нежели покориться побѣдителю. Тираннъ посредствомъ основанія колоній старались избавиться отъ опасныхъ для нихъ элементовъ. Основаніе колоній служило и соціальною мѣрой; въ нихъ направляется избытокъ населенія. Впослѣдствіи же чаще всего колоніи основывались въ торговыхъ видахъ. Словомъ, колоніи для грековъ играли, можно сказать, ту же роль, что̀ Новый Свѣтъ для Западной Европы въ новые вѣка.

Природныя условія препятствовали распространенію греческой колонизаціи сухимъ путемъ. Зато и географическое положеніе Греціи, и близость моря, и устройство береговъ, изрѣзанныхъ удобными бухтами, и сосѣдство множества острововъ, все это влекло къ морю, къ мореплаванію, къ основанію колоній за моремъ. Прибавимъ къ этому самый характеръ народа, большею частью живой, предпріимчивый, непосѣдливый, и мы поймемъ, почему греческая колонизація достигла такого развитія.

Греція по устройству своей поверхности и очертанію береговъ обращена, такъ сказать, лицомъ къ востоку. И колонизація направлялась сначала на востокъ. На западъ греки стали проникать гораздо позже. Это и понятно: западный берегъ Греціи не такъ удобенъ для морскихъ сношеній и самое плаваніе на западъ сопряжено съ большими затрудненіями и опасностями. Основаніе греческихъ колоній въ этой части Средиземнаго моря относится уже всецѣло къ разсматриваемому періоду, ко второй половинѣ VIII и къ VII в. до Р. Х.

И греческія колоніи широко раскинулись на далекомъ пространствѣ—отъ береговъ Испаніи до устьевъ Дона и береговъ Кавказа съ одной стороны, отъ устьевъ Роны и сѣвернаго побережья Чернаго моря до устьевъ Нила [1]) и сѣвер-

[1]) Гдѣ была факторія Навкратисъ.

наго берега Африки съ другой. Онѣ обрамляли, иногда съ большими, конечно, перерывами, берега морей Средиземнаго и Эгейскаго, Пропонтиды и Понта. Далеко въ глубь сосѣднихъ странъ колоніальныя владѣнія грековъ не простирались. По образному выраженію Цицерона, это была кайма у широкой ткани варварскихъ земель, а по другому сравненію (у Платона въ „Федрѣ"), греки сидѣли вокругъ Средиземнаго моря, словно лягушки вокругъ пруда. Даже на западномъ побережьѣ Малой Азіи греческіе города занимали, хотя и сплошную, но узкую полосу (расширявшуюся лишь въ Эолидѣ), причемъ для поселеній избирались преимущественно устья рѣкъ. Въ качествѣ купцовъ или наемниковъ греки заходили и дальше намѣченныхъ предѣловъ. Со времени династіи Псамметиха они проникали, напр., въ глубь Египта, даже къ самымъ Нильскимъ водопадамъ, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ надпись, начертанная въ Абу-Симбелѣ греческими воинами. А плаванія грековъ на западъ простирались до Геркулесовыхъ столповъ, т.-е. до нынѣшняго Гибралтара, и даже нѣсколько далѣе.

Такое распространеніе колоній было, конечно, дѣломъ многихъ поколѣній. Прочному, окончательному основанію поселенія предшествовалъ иногда цѣлый рядъ открытій, предварительныхъ попытокъ и т. д. Для насъ остались большею частью неизвѣстными имена этихъ своего рода Колумбовъ, открывавшихъ новыя, невѣдомыя дотолѣ грекамъ страны, прокладывавшихъ новые пути торговлѣ. „Того, что возникаетъ мало-по-малу, преданіе не хранитъ обыкновенно", говоритъ по этому поводу Э. Курціусъ въ своей „Греческой исторіи". „Отдѣльныя битвы являются въ яркомъ блескѣ славы, тогда какъ мирная и не бросающаяся въ глаза работа народа, на которую въ теченіе многихъ поколѣній онъ тратитъ лучшія свои силы, остается въ тѣни, въ неизвѣстности"...

Главными пунктами, откуда направлялась греческая колонизація въ VIII—VII ст. были преимущественно іонійскіе города въ Малой Азіи, особенно Милетъ, по преданію основавшій будто-бы до 80 колоній, затѣмъ Фокея, отчасти островъ Самосъ, а въ самой Греціи—евбейскіе города Халкида и Эретрія, изъ дорическихъ же—Коринѳъ, метрополія, напр., Сиракузъ, Мегара, основавшая Византію, и нѣкоторые другіе. Обыкновенно

каждый изъ такихъ городовъ имѣлъ свой излюбленный районъ, куда онъ направлялъ своихъ колонистовъ. Милетъ—къ берегамъ Чернаго моря, Халкида—къ полуострову Халкидикѣ и къ берегамъ Сициліи, а никто не заходилъ такъ далеко на западъ, какъ колонисты Фокеи.

Одновременно съ колонизаціей развивалось и морское дѣло, мореплаваніе. За 700 лѣтъ до Р. Х. коринѳянинъ Аминоклъ впервые, по свидѣтельству древности, сталъ строить тріэры, т.-е. суда съ 3 рядами гребцовъ, для самосцевъ. Греки, шедшіе нерѣдко по слѣдамъ финикіянъ, постепенно вытѣсняли этихъ прославленныхъ мореплавателей, купцовъ и посредниковъ въ сношеніяхъ между Востокомъ и Западомъ.

Вообще колонизація явилась важнымъ факторомъ въ историческомъ развитіи греческаго народа [1]).

Во-первыхъ, она должна была сильно повліять на развитіе торговли и промышленности. Между метрополіей и колоніями долженъ былъ установиться живой обмѣнъ. Колонисты получали съ родины продукты и предметы, къ которымъ они привыкли, въ которыхъ они нуждались, и въ свою очередь посылали туда свои товары. Колоніи вступали въ сношенія другъ съ другомъ и съ сосѣдними странами—съ Лидіей и вообще Востокомъ, со скиѳами, ѳракійцами, этрусками, латинами... О томъ, какъ обширны и живы были эти сношенія, говорятъ намъ не только литературныя свидѣтельства, но и многочисленныя данныя археологіи, — предметы, находимые благодаря раскопкамъ. Съ востока, какъ и раньше, получались предметы роскоши; съ запада, изъ Италіи и Сициліи, шелъ хлѣбъ, металлы. Нынѣшняя южная Россія, сѣверные берега Понта, служили уже въ ту отдаленную эпоху житницей для грековъ. Отсюда они вывозили хлѣбъ, а также рыбу, кожи и т. под., а взамѣнъ доставляли свои издѣлія. Немало греческихъ городовъ и въ собственной Элладѣ и среди колоній уже тогда выдавались, какъ торговые и промышленные центры, и оттѣсняли на второй планъ общины чисто земле-

---

[1]) Эд. Мейеръ, Экономическое развитіе древняго міра. Спб. 1898 (рус. пер.); Н. И. Карѣевъ, Государство-городъ античнаго міра. Спб. 1905 (2-е изд.), стр. 59 сл.

дѣльческія. Таковы были названные уже раньше, какъ исходные пункты колонизаціи,—Милетъ, Самосъ, Халкида, Эретрія, Коринѳъ, Мегара. Изъ нихъ Милетъ славился своею шерстью, своими тканями, пурпуровою одеждою, коврами. Коринѳъ, благодаря своему положенію на перешейкѣ, служилъ, по словамъ Ѳукидида, эмпоріумомъ Греціи: чрезъ него шла торговля между восточною частью Средиземнаго моря и западною [1]). Онъ славился, кромѣ того, своею керамикою, въ особенности вазами („коринѳскими"), затѣмъ бронзовыми издѣліями, шерстяными матеріями, вообще своимъ промышленнымъ развитіемъ, и Геродотъ отмѣчаетъ, что здѣсь ремесленники пользовались большимъ уваженіемъ, чѣмъ въ остальной Греціи. Халкида торговала преимущественно металлами, мѣдью и издѣліями изъ нихъ, оружіемъ и т. д. Къ этимъ пунктамъ надо присоединить еще Хіосъ, славившійся своимъ виномъ; малоплодородный, бѣдный природою, но торговый островъ Эгину, занимавшій одно время господствующее положеніе на морѣ; Сикіонъ и такія колоніи на западѣ, какъ Сибарисъ и Сиракузы. Позднѣе стала выдвигаться Аттика своими оливками, серебромъ Лаврійскихъ рудниковъ и въ особенности своею керамикою. Даже между отдаленными другъ отъ друга городами существовали живыя торговыя сношенія, напр. между Милетомъ на востокѣ и Сибарисомъ на западѣ, а сношенія Коринѳа простирались отъ Сициліи и до Лидіи и береговъ Понта. Когда Лидія утвердила свое господство на мало-азіатскомъ побережьѣ, подчинивъ себѣ тамошніе греческіе города, а затѣмъ на смѣну ей явилось владычество Персіи, образовавшей на востокѣ одну обширную державу, то и это благопріятствовало развитію греческой торговли. По крайней мѣрѣ такъ было до тѣхъ поръ, пока не возстала Іонія и не былъ разрушенъ Милетъ.

Съ развитіемъ промышленности число ремесленниковъ увеличивается, но дешевыхъ свободныхъ рабочихъ не хватаетъ,—

[1]) При тогдашнихъ условіяхъ плаванія огибать Пелопоннесъ было затруднительно, тѣмъ болѣе, что на западномъ берегу Пелопоннеса не было удобныхъ гаваней, и товары, доставлявшіеся къ Истму моремъ, перевозились обыкновенно черезъ перешеекъ сухимъ путемъ, а потомъ опять шли моремъ: у Коринѳа былъ своего рода „волокъ".

развивается рабство и торговля рабами. Говорятъ, островъ Хіосъ первый началъ торговать рабами, покупая ихъ въ чужихъ странахъ и потомъ перепродавая; онъ сдѣлался такимъ образомъ рынкомъ для покупки рабовъ. Въ торговыхъ и промышленныхъ городахъ поселяются и свободные ремесленники изъ чужихъ краевъ, не пользующіеся политическими правами, находящіеся въ положеніи аѳинскихъ метэковъ.

Такимъ образомъ уже въ ту эпоху промышленность удовлетворяла не только мѣстныя потребности: она выдѣлываетъ предметы и на вывозъ, и схема извѣстнаго экономиста Родбертуса и его послѣдователя Бюхера, по которой вся древность относится къ періоду замкнутаго, такъ называемаго „ойкоснаго“ или „домашняго“ хозяйства, чистаго производства на себя безъ обмѣна, гдѣ продукты потребляются въ томъ же хозяйствѣ, которое ихъ производитъ, эта схема по отношенію къ Греціи оказывается невѣрною [1]). Уже въ древности существовали высшія формы экономическихъ отношеній; уже тогда промышленность и торговля играли важную роль, продукты производились для вывоза, для сбыта, и еще въ VII столѣтіи до Р. Х. во многихъ мѣстностяхъ греческаго міра совершается переходъ къ хозяйству денежному.

Въ гомерическую эпоху мѣриломъ цѣнности служили драгоцѣнные сосуды, слитки мѣди или желѣза, а чаще всего скотъ—быкъ или овца. Въ Иліадѣ, напр., мѣдный треножникъ оцѣнивается въ 12 быковъ, металлическое вооруженіе—въ 9, рабыня, опытная въ женскихъ работахъ,—въ 4. Съ развитіемъ торговли, при участившемся обмѣнѣ, особенно должна была ощущаться потребность въ единицахъ цѣнности опредѣленнаго вѣса и притомъ удобныхъ для обращенія—въ чеканной монетѣ. Съ Востока заимствованы были греками единицы мѣръ и вѣсовъ, а въ началѣ VII в. въ Малой Азіи, тамъ, гдѣ міръ греческій соприкасался съ міромъ восточнымъ, въ Лидіи и въ Іоніи—въ Фокеѣ, Самосѣ и Милетѣ—стали чеканить монету. Теперь уже не было нужды каждый разъ подвергать взвѣшиванію металлическіе слитки: штемпель города или государства служилъ гарантіей опредѣленнаго вѣса. Не-

[1]) Э. Мейеръ, Экономическое развитіе древняго міра.

чего и говорить, какъ это должно было облегчить торговыя сношенія, какимъ могущественнымъ образомъ повліять на развитіе торговыхъ оборотовъ. Неудивительно, что такое нововведеніе быстро привилось и распространилось.

Вскорѣ деньги дѣлаются силою. Уже въ VII вѣкѣ у поэта Алкея мы встрѣчаемъ изреченіе: „деньги дѣлаютъ человѣка". За ними происходитъ погоня; это — знаменіе времени. „Для большинства", говоритъ другой поэтъ, Ѳеогнидъ изъ Мегары, „существуетъ одна только добродѣтель—быть богатымъ. Остальное ничто тебѣ не поможетъ, обладай ты мудростью самого Радаманта, большими знаніями, чѣмъ Сизифъ, или языкомъ Нестора богоравнаго". Негодуя на то, что знатные вступаютъ въ бракъ съ незнатными, Ѳеогнидъ замѣчаетъ: „Деньги чтятъ они; поэтому благородный женится на дочери богача, а богачъ—на дочери благороднаго. Богатство смѣшиваетъ сословія. Не удивляйся поэтому, если родъ гражданъ портится: благородное смѣшивается съ подлымъ". „Не напрасно люди больше всего почитаютъ тебя, Плутосъ" (т.-е. Богатство), „ибо съ тобою, прекраснѣйшій и желаннѣйшій изъ боговъ, и низкій дѣлается благороднымъ". Но и самъ Ѳеогнидъ въ одномъ мѣстѣ заявляетъ: „будь я богатъ и милъ безсмертнымъ, я бы ни о какой другой добродѣтели не заботился".

Такимъ образомъ выдвигается средній классъ, который можетъ быть названъ греческою буржуазіей. Рядомъ съ знатнымъ, родовитымъ землевладѣльцемъ, а иногда и выше его, становится представитель промышленности и торговли, капитала, богатый купецъ и мореплаватель. Въ лицѣ этого класса возвышается демосъ, — названіе, обнимающее разнообразные элементы, начиная съ крестьянина, поденщика и простого ремесленника и кончая неродовитымъ купцомъ-капиталистомъ.

Аристократы должны были уступить мѣсто и въ такой сферѣ, какъ военное дѣло. Условія войны измѣнились и конница уступаетъ первенство пѣхотѣ—фалангѣ тяжеловооруженныхъ гоплитовъ. А еще Аристотель подмѣтилъ тѣсную связь между организаціей военной силы и политическимъ строемъ. Въ древности, — говоритъ онъ, — гдѣ сила была въ конницѣ, тамъ была олигархія, и послѣ отмѣны царской власти политическія права перешли къ воинамъ, сначала къ всадникамъ,

пока сила на войнѣ была въ конницѣ, а потомъ, съ ростомъ городовъ и съ усиленіемъ гоплитовъ, и къ бо́льшему числу лицъ („Политика“, 1297 b.). Конная сила, по мнѣнію Аристотеля, свойственна аристократіи или олигархіи, тяжелая пѣхота—умѣренной политіи, а легкая пѣхота и морская сила—демократическій родъ оружія. Перемѣну, совершившуюся тогда въ Греціи, можно сравнить съ тѣмъ, что́ наблюдается въ концѣ среднихъ вѣковъ въ Западной Европѣ. И здѣсь рыцарское ополченіе, какъ военная сила, уступаетъ мѣсто пѣхотѣ: англійская пѣхота одерживаетъ побѣды надъ блестящимъ французскимъ рыцарствомъ, швейцарцы—надъ бургундскимъ, гуситы—надъ имперскимъ.

Возвышенію новыхъ элементовъ содѣйствовало и развитіе въ умственной сферѣ. Легко себѣ представить, какъ основаніе колоній и расширеніе предѣловъ греческаго міра, сношенія и знакомство съ другими странами повліяли на расширеніе умственнаго кругозора грековъ. Притомъ, то была эпоха, когда входитъ все въ большее и большее употребленіе такое могучее орудіе просвѣщенія, какъ алфавитъ, усвоенный приблизительно еще въ концѣ X вѣка, появляется письменность. На рубежѣ VII и VI в. мы видимъ первые опыты философскихъ системъ. Конецъ VII и начало VI в. — это вѣкъ семи мудрецовъ. На смѣну эпосу является лирика съ ея выраженіемъ личныхъ чувствъ. Наступаетъ пора пробужденія индивидуальности. Въ VII в. предъ нами впервые выступаютъ личности поэтовъ, подобныхъ Архилоху, съ ихъ индивидуальностью, съ ихъ міровоззрѣніемъ, съ ихъ любовью и ненавистью. „Архилохъ“, говоритъ Белохъ [1]), „первый грекъ, который, какъ живой человѣкъ, стоитъ передъ нами во всей своей индивидуальности Онъ пѣлъ обо всемъ, что́ волновало его въ жизни: о своей любви къ прекрасной Необулѣ на паросской родинѣ, какъ и о своихъ военныхъ поѣздкахъ по дикой Ѳракіи; съ полной откровенностью выражалъ онъ свои страсти и язвительной насмѣшкой преслѣдовалъ своихъ враговъ“.

Образованіе, бывшее прежде достояніемъ и привилегіей

[1]) Исторія Греціи. М. 1897, I, 204—5 (рус. перев.)

аристократіи, проникаетъ и въ другіе слои. Незнатный мореплаватель и купецъ по своему кругозору и опыту теперь часто превосходитъ знатнаго землевладѣльца.

Борьба демоса съ аристократіей и тираннія.

Новые выдвинувшіеся элементы выступаютъ съ своими требованіями: они добиваются гражданскаго равенства и политическихъ правъ. Съ другой стороны, переходъ къ денежному хозяйству сопровождался тяжелымъ экономическимъ кризисомъ [1]). Теперь и крестьянину нужны были деньги, тѣмъ болѣе, что натуральныя повинности переводились часто на деньги и господствовавшая землевладѣльческая знать становилась все требовательнѣе. Крестьянинъ долженъ былъ добывать деньги за большіе проценты; онъ разорялся, лишался земли, входилъ въ неоплатные долги, попадалъ въ кабалу: долговое право тогда было сурово и неисправнаго должника обрекало на рабство. Прибавимъ къ этому, что владычество аристократовъ, какъ мы видѣли, стало тяжелымъ [2]).

Таковы причины борьбы демоса съ аристократіей. Это — борьба политическая и соціальная, борьба ожесточенная, сопровождавшаяся нерѣдко переворотами, изгнаніями, отобраніемъ имуществъ и т. под.

До какого ожесточенія доходили боровшіяся партіи, показываетъ эпизодъ, произошедшій въ Милетѣ: дѣти изгнанныхъ аристократовъ были отведены на токъ и тамъ брошены подъ ноги быковъ, которые ихъ и растоптали; аристократы, возвратившись, отомстили тѣмъ, что осмолили дѣтей демократовъ и сожгли ихъ. Въ Мегарѣ мы видимъ иныя сцены: бѣдные вторгаются въ дома богатыхъ, требуютъ угощенія и въ случаѣ отказа пускаютъ въ ходъ силу, а съ заимодавцевъ требуютъ возвращенія уплоченныхъ процентовъ. Иногда нападали на стада богатыхъ землевладѣльцевъ и избивали овецъ. Въ мѣст-

[1]) E. Meyer, Gesch. d. Alterthums, II, 547 сл.; его-же, Экономическое развитіе древняго міра, стр. 37—8; Pöhlmann, Geschichte d. antiken Kommunismus und Sozialismus. München. 1901, II, 109 сл.

[2]) См. выше, стр. 8—9.

ностяхъ, гдѣ кризисъ особенно обострялся, стремленія демоса вообще принимали, можно сказать, соціалъ-революціонный характеръ [1]: раздавались требованія передѣла земли, уничтоженія долговыхъ обязательствъ и т. д.

Съ настроеніемъ и стремленіями общественныхъ классовъ и партій того времени насъ знакомитъ тогдашняя лирика. Греческая лирика VII и начала VI в. носитъ часто политическій характеръ, и лирическія произведенія для той эпохи были тѣмъ же, что для нашего времени произведенія публицистическія и памфлеты. Еще почти въ началѣ разсматриваемаго періода, на рубежѣ VIII и VII в., мы встрѣчаемъ симптомъ пробужденія массы, выраженіе пессимизма, недовольства и духа оппозиціи, встрѣчаемъ поэта съ анти-аристократической тенденціей—Гесіода. Гесіодъ—самъ сынъ поселянина, покинувшаго мало-азіатскія Кумы изъ-за нужды и поселившагося въ Беотіи, у подошвы священнаго Геликона. Это—поэтъ сельскаго класса, людей, трудящихся въ потѣ лица своего. Мы видѣли [2], какъ негодуетъ онъ на правителей-„дароѣдовъ“, какъ жалуется на отсутствіе правды въ судахъ, какъ изображаетъ тяжелую долю земледѣльца, беззащитность слабаго. Мы знаемъ его басню о ястребѣ и соловьѣ, о сильномъ и слабомъ, на тему: „съ сильнымъ не борись!“ Гесіодъ рисуетъ идеалъ золотого вѣка, но этотъ вѣкъ позади, въ далекомъ прошломъ. Настоящее же мрачно. Отецъ не въ согласіи съ сыномъ, сынъ—съ отцомъ, гость—съ гостемъ, товарищъ—съ товарищемъ, и братъ не милъ, какъ бывало прежде. Теперь—люди насилія; нѣтъ ни правосудія, ни стыда. Въ мірѣ дѣйствуетъ борьба и зависть конкуррентовъ; горшечникъ относится со злобой къ горшечнику, плотникъ—къ плотнику, нищій завидуетъ нищему, пѣвецъ—пѣвцу. Зевсъ далъ такой законъ: рыбы, и звѣри, и птицы крылатыя пусть пожираютъ другъ друга, ибо правды нѣтъ между ними; но людямъ онъ далъ правду, которая—величайшее благо. „Слушайся правды“, наставляетъ Гесіодъ своего брата Перса, хотѣвшаго неправеднымъ судомъ отнять у него участокъ земли, „работай, Персъ,

[1]) Busolt, Griechische Geschichte. 2-te Aufl Gotha. 1893, I, 628.
[2]) См. выше, стр. 8 9.

божественный отпрыскъ". Поэтъ прославляетъ честный трудъ: „работа не позорна, позорно бездѣлье", говоритъ онъ; „разбогатѣешь, будетъ лѣнивый завидовать тебѣ, богатѣющему, а за богатствомъ слѣдуетъ и слава, и почетъ". А кто живетъ въ бездѣли, на того и боги негодуютъ, и люди; онъ подобенъ трутнямъ, которые и сами не работаютъ и работу пчелъ уничтожаютъ, пожирая ее...

Обратимся теперь къ поэту, который жилъ въ концѣ характеризуемаго періода и у котораго особенно ярко выразилось отношеніе къ современной ему дѣйствительности. Это — Ѳеогнидъ изъ Мегары.

Ѳеогнидъ — аристократъ по происхожденію и по симпатіямъ. Онъ лишился состоянія, отечества, долго скитался и только подъ конецъ жизни вернулся на родину. „Какъ собака чрезъ горный ручей, переправился я, въ бурномъ потокѣ все бросивъ". „О, горе мнѣ, бѣдному. Потерпѣвъ несчастье, я сталъ посмѣшищемъ для враговъ и бременемъ для друзей". Ѳеогнидъ мечтаетъ о мести: онъ молитъ Зевса за всѣ претерпѣнныя страданія дать ему „испить черной крови враговъ". Демосъ Ѳеогнидъ страстно ненавидитъ и презираетъ. „Топчи ногами пустоголовый демосъ", говоритъ онъ, „коли его острымъ жаломъ, падѣнь тяжелое ярмо на его шею!" Какъ изъ луковицы не вырастаетъ роза или гіацинтъ, такъ отъ рабыни — свободное дитя. Обращаясь въ своемъ стихотвореніи къ нѣкоему Кирну, любимому имъ молодому аристократу, Ѳеогнидъ совѣтуетъ ему не имѣть общенія съ „низкими", а всегда держаться „благородныхъ": „только отъ благородныхъ можешь ты научиться благородному". По мнѣнію Ѳеогнида, было бы хорошо, если бы всѣ „благородные" владѣли богатствомъ, а простому человѣку подобаетъ трудиться въ бѣдности.

Понятно послѣ этого, какъ относился Ѳеогнидъ къ совершавшимся въ ту пору перемѣнамъ, какъ волновали онѣ его. „Кирнъ! городъ тотъ же, да люди другіе", съ горечью говоритъ онъ. „Тѣ, что̀ раньше не знали ни правъ, ни законовъ, но носили на плечахъ козьи шкуры и за городомъ паслись, какъ олени, теперь — знатные! А прежніе благородные стали теперь низкими! Кто можетъ перенести это зрѣлище!" Особенно негодуетъ Ѳеогнидъ на то, что знатные, забывъ свою

родовую честь, вступаютъ въ бракъ съ незнатными изъ-за денегъ.

Въ одномъ стихотвореніи, приписываемомъ, но, кажется, не принадлежащемъ Ѳеогниду, положеніе государства сравнивается съ положеніемъ корабля, заливаемаго волнами: „Подобравъ паруса, мы пускаемся въ море темною ночью. Воду черпать они не хотятъ, а волны заливаютъ корабль съ обоихъ бортовъ. Едва-ли кто спасется, когда они такъ поступаютъ. Хорошаго кормчаго, который стоялъ на стражѣ съ знаніемъ дѣла, они смѣстили; деньги расхищаютъ они силою; порядокъ исчезъ, нѣтъ больше правильнаго распредѣленія; носильщики властвуютъ, чернь—выше благородныхъ. Боюсь я, что такъ волны поглотятъ корабль!..“

Яркія черты для характеристики тогдашняго положенія дѣлъ мы найдемъ и въ стихотвореніяхъ Солона, но ихъ мы коснемся далѣе, въ исторіи Аѳинъ.

Однимъ изъ результатовъ той борьбы, которая происходила тогда между демосомъ и знатными, и первою уступкою со стороны послѣднихъ является изданіе писанныхъ законовъ. Требованіе писанныхъ законовъ, съ которымъ выступилъ демосъ, вполнѣ понятно, если вспомнить, что судъ находился въ рукахъ знати и что тутъ, при отсутствіи писаннаго права, открывался широкій просторъ для произвола. Вто ая половина VII и начало VI в.—время первыхъ опытовъ писаннаго права въ Греціи. И это нововведеніе впервые появляется опять-таки въ колоніяхъ, только не въ восточныхъ, не въ Малой Азіи, а въ западныхъ: древнѣйшіе писанные законы, по преданію грековъ, принадлежали Залевку въ Локрахъ (Италійскихъ) и Харонду въ Катанѣ [1]). Затѣмъ уже слѣдуетъ въ Аѳинахъ—законодательство Дракона и Солона, въ Митиленѣ (на островѣ Лесбосѣ)—Питтака, и проч.

Борьба партій—аристократической и демократической—была, какъ мы видѣли, политическая и соціальная. Вела она иногда къ такъ называемой *тимократіи*. При тимократіи до-

[1]) Нужно замѣтить, что дѣйствительное существованіе Залевка подвергъ сомнѣнію еще греческій историкъ Тимей.

ступъ къ власти открывался и не-аристократу по рожденію, но лицу, обладавшему извѣстнымъ имуществомъ, богатствомъ, извѣстнымъ цензомъ. Другими словами, *аристократія по происхожденію* уступала мѣсто *аристократіи по состоянію*. Или же обѣ партіи, утомленныя борьбой, не видѣли иного исхода, какъ въ томъ, чтобы вручить неограниченную власть какому-либо лицу, пользующемуся общимъ довѣріемъ. Такое лицо являлось верховнымъ уполномоченнымъ, посредникомъ, законодателемъ, пожалуй въ извѣстномъ смыслѣ—диктаторомъ, и называлось эсимнетомъ [1]). Типичнымъ эсимнетомъ былъ Питтакъ Митиленскій, современникъ Солона, одинъ изъ семи мудрецовъ и одна изъ благороднѣйшихъ личностей греческой исторіи. По окончаніи своего дѣла Питтакъ самъ сложилъ съ себя власть, избавивъ свое отечество, какъ говоритъ древній историкъ, отъ трехъ величайшихъ бѣдствій—отъ тиранніи, отъ междоусобной и отъ внѣшней войны.

Но чаще всего борьба вела къ *тиранніи*.

Съ словомъ „тираннъ" древніе греки связывали иное понятіе, нежели мы. Теперь тираніей мы называемъ жестокое правленіе, а тираномъ—жестокаго, хотя бы и законнаго, государя; греки же обозначали этими словами обыкновенно незаконность происхожденія власти и тираннами называли лицъ, силою или хитростью присвоивавшихъ себѣ власть, по праву имъ не принадлежавшую, хотя бы это были правители кроткіе и гуманные [2]). Такимъ образомъ тираннія въ древне-греческомъ смыслѣ—въ сущности узурпація, а тираны—узурпаторы. Съ точки зрѣнія грека, напр., Наполеонъ I и Наполеонъ III были бы тираны. Вообще греческую тираннію

[1]) Между эсимнетомъ и тираномъ иногда трудно провести границу. По Аристотелю (Polit, 1284a), эсимнетія—„просто сказать, выборная тираннія".

[2]) Впослѣдствіи, впрочемъ, философы, напр. Аристотель, характерною чертою тиранна считали стремленіе не къ общей пользѣ, а къ личной выгодѣ, или превышеніе власти, хотя бы и законной. См. Zeller, Ueber den Begriff der Tyrannis bei den Griechen (Sitzungsber. d. Berl Akad. d. Wissenschaften 1887, стр. 1137 сл.); на рус. яз. о тираніи—В. В. Бауэръ, Эпоха древней тираніи въ Греціи. Спб. 1863, и моя статья въ „Энциклопедическомъ Словарѣ" Брокгауза-Ефрона

скорѣе всего можно сопоставить съ цезаризмомъ въ Римѣ или во Франціи.

Древняя тираннія характеризуетъ преимущественно вторую половину VII-го и VI-ое стол. до Р. Х. и притомъ тѣ мѣстности Греціи, гдѣ политическая, экономическая и вообще культурная жизнь достигла уже значительнаго развитія. Она возникла на почвѣ недовольства и ненависти къ знатнымъ и богатымъ со стороны демоса, страдавшаго отъ политическаго безправія и экономическаго кризиса. Это—своего рода демократическая диктатура, въ которой нуждался недостаточно еще окрѣпшій демосъ.

Тираны выходили иногда изъ рядовъ высшихъ правительственныхъ лицъ, напр. такъ называемыхъ притановъ, стратеговъ или архонтовъ, старавшихся насильно продлить и расширить свою власть. Но чаще всего это были аристократы по происхожденію, изъ политическаго разсчета, честолюбія или изъ-за личной обиды порывавшіе связь съ своимъ сословіемъ, становившіеся во главѣ демоса и съ помощью его, силою или хитростью, захватывавшіе власть въ свои руки. Въ этомъ смыслѣ правъ Аристотель, говоря, что древніе тираны большею частью выходили изъ демагоговъ. Существовавшихъ формъ государственнаго строя и законовъ тираны обыкновенно не трогали и довольствовались властью фактическою, предоставляя высшія должности своимъ родственникамъ или приверженцамъ. Иногда, впрочемъ, они старались и въ самомъ государственномъ устройствѣ дать перевѣсъ началамъ демократическимъ. Въ видахъ большей безопасности и прочности собственной власти тираны принимали мѣры противъ скопленія населенія въ городѣ и старались отвлечь его вниманіе отъ государственныхъ дѣлъ. Опорой имъ служила военная сила—отрядъ тѣлохранителей, укрѣпленный дворецъ и т. под. Въ виду этого, а также и для осуществленія своей внѣшней и внутренней политической системы тираны нуждались въ большихъ денежныхъ средствахъ, вводили налоги, иногда въ формѣ прямого обложенія, прибѣгали къ конфискаціи имѣній знати и т. д. Тираны вступали въ союзъ другъ съ другомъ и въ тѣсныя сношенія съ Востокомъ, вообще развивали широкую внѣшнюю политику, старались распространить свое политическое и тор-

говое вліяніе. Они заботились о развитіи морского могущества и объ основаніи колоній. Тиранны искали и нравственной опоры для своей власти въ дружественныхъ связяхъ съ Олимпіей и въ особенности съ дельфійскимъ оракуломъ. Они вводили новые культы, покровительствовали, напр., культу Діониса, бога преимущественно простого, сельскаго класса, устанавливали новыя церемоніи и празднества. Они вступали въ союзъ съ умственными силами вѣка, подобно итальянскимъ династамъ эпохи Возрожденія являлись въ роли меценатовъ, привлекали къ своему двору художниковъ, поэтовъ, этихъ глашатаевъ славы и тогдашнихъ руководителей общественнаго мнѣнія. Тираннъ проявляли въ широкихъ размѣрахъ строительную дѣятельность, не только способствовавшую украшенію и укрѣпленію ихъ резиденцій или благоустройству городовъ и общей пользѣ, но и дававшую заработокъ массѣ рабочихъ и ремесленниковъ.

Но лучшею опорою тираннамъ служила преданность демоса. Уже личныя выгоды побуждали ихъ заботиться объ удовлетвореніи насущныхъ его потребностей и интересовъ—о правосудіи, о поднятіи экономическаго благосостоянія массы. Нѣкоторые тираннъ особенно покровительствовали земледѣльческому классу, оказывая ему всяческое содѣйствіе и помощь. Зато знать большею частью подвергалась гоненію, а имѣнія у нея отбирались.

Въ нѣкоторыхъ городахъ утвердились цѣлыя династіи тирановъ, напр. Орѳагориды въ Сикіонѣ, властвовавшіе тамъ въ теченіе столѣтія, Кипселиды въ Коринѳѣ, не говоря уже о Писистратѣ и его сыновьяхъ въ Аѳинахъ. Память о могуществѣ и богатствѣ тирановъ долго хранилась греками. О тираннахъ ходили разные разсказы, своего рода новеллы [1]), образцы которыхъ мы находимъ у Геродота, напр. разсказъ о свадьбѣ Агаристы, дочери сикіонскаго тиранна Клисѳена.

Тираннія нанесла сильный ударъ аристократіи и много способствовала возвышенію демоса. Большею частью она служила переходною ступенью къ демократіи или, по крайней

[1]) Erdmannsdörffer, Das Zeitalter der Novelle in Hellas (Preuss. Jahrbucher, XXV, 1869).

мѣрѣ, къ болѣе умѣренной, сравнительно съ прежнею, аристократіи. Благодаря тираніи во многихъ греческихъ государствахъ могъ окрѣпнуть демократическій элементъ. Тираннія освобождала народныя массы отъ владычества аристократіи; власть тиранна фактически уравнивала знатныхъ и незнатныхъ, такъ сказать, нивеллировала общество. Силамъ, истощавшимся во взаимной, внутренней борьбѣ, тираны давали подчасъ иное направленіе и примѣненіе. Многіе тираны, особенно основатели династій, были выдающимися дѣятелями, обладавшими мужествомъ и широкимъ умомъ, личностями сильными, съ рѣзко выраженною индивидуальностью

Но тираннія имѣла немало и темныхъ сторонъ. Если уже наиболѣе выдающіеся тираны, основавшіе династіи, оказывались слишкомъ неразборчивыми въ средствахъ и слишкомъ подозрительными, то ихъ преемники — тѣмъ болѣе: не имѣя ни тѣхъ талантовъ, ни тѣхъ заслугъ, которые давали ихъ отцамъ и предшественникамъ какъ-бы право на власть, сознавая ея незаконность, они становятся еще болѣе подозрительными и жестокими, видятъ свою опору исключительно въ силѣ, въ наемной стражѣ, пренебрегаютъ интересами демоса, которые дѣлаются для нихъ совершенно чуждыми и непонятными, и воздвигаютъ гоненіе на всѣхъ. При тираніи не могъ бы развиться вполнѣ и свободно греческій геній. Тираннія, съ ея насиліемъ, подозрительностью и лицемѣріемъ, должна была имѣть деморализующее вліяніе, и ея паденіе, послѣ того, какъ она выполнила свою историческую задачу, было благопріятно для дальнѣйшаго развитія грековъ. Окрѣпшій демосъ могъ теперь отстаивать себя и безъ тираніи, которая являлась для него уже скорѣе тормазомъ и лишнимъ игомъ.

И тираннія стала вызывать противъ себя недовольство даже въ тѣхъ слояхъ, на которые она прежде опиралась и для которыхъ теперь сдѣлалась ненужнымъ и тяжелымъ гнетомъ. Къ концу VI вѣка въ большей части Греціи она исчезаетъ, уступая мѣсто или умѣренной аристократіи или демократіи [1]).

[1]) Дольше удержалась тираннія въ сицилійскихъ городахъ, гдѣ борьба между разнообразными племенными и соціальными элементами часто пріобрѣтала крайне жестокій характеръ. Она получила особенное развитіе въ Сиракузахъ въ лицѣ двухъ Діонисіевъ (Старшаго и Младшаго) и Агаѳокла

Итакъ, монархія, и паденіе, владычество аристократіи, борьба съ нею демоса . тираннія, какъ переходная ступень къ демократіи или къ болѣе умѣренной аристократіи, — такова обычная общая схема развитія греческаго государства въ VIII—VI в.

Тѣ же явленія наблюдаемъ мы и въ Аѳинахъ. Только тутъ ходъ историческаго развитія совершается еще постепеннѣе и благодаря дошедшимъ до насъ источникамъ извѣстенъ намъ подробнѣе.

Но эта тираннія была нѣсколько иная: современница упадка демократіи и развитія наемничества, она является по преимуществу диктатурою военною; ея представители выходятъ изъ рядовъ военачальниковъ и опираются почти исключительно на военную силу, на солдатъ. То же слѣдуетъ сказать и о тѣхъ тираннахъ, которые появлялись въ Греціи во времена и подъ эгидою македонскаго господства.

ДЕМОКРАТІЯ ВЪ АѲИНАХЪ.

I. НАЧАЛО

Переходъ отъ монархіи къ архонтату

Обычный типъ греческаго государства—polis, государство-городъ, состоящее изъ города съ его ближайшими окрестностями. Аѳины, наравнѣ со Спартой, въ этомъ отношеніи составляли исключеніе. Въ извѣстную намъ историческую пору Аѳинское государство не было просто городомъ, а занимало сравнительно значительную территорію (около 40 кв. миль), обнимавшую всю Аттику и имѣвшую лишь одинъ центръ — Аѳины. Но нѣкогда и въ Аттикѣ существовали отдѣльныя независимыя общины, и прошло немало времени, прежде чѣмъ совершилось полное объединеніе или сліяніе ихъ — такъ называемый *синойкизмъ* — въ одно цѣлое. Напр., Элевсинъ, несомнѣнно, долго былъ отдѣльнымъ, самостоятельнымъ государствомъ. Преданія сохранили явныя указанія на то, что онъ и Аѳины были когда-то двумя враждебными сторонами. На былую самостоятельность Элевсина указываетъ и то обстоятельство, что онъ пользовался правомъ чеканить монету. Нѣкоторыя общины, вошедшія въ составъ Аѳинскаго государства, когда-то были, повидимому, въ особенно враждебныхъ между собою отношеніяхъ, а нѣкоторыя — наоборотъ, въ особенно тѣсныхъ, союзническихъ. Такъ, жители Паллены и Гагна даже впослѣдствіи не заключали браковъ между собою. Съ другой стороны, особенно тѣсная связь существовала между общинами

такъ называемыхъ „Четырехъ городовъ", къ числу которыхъ относился и Марафонъ; то же можно сказать и о „Четырехъ деревняхъ" (въ ихъ числѣ былъ Пирей и Фалеръ). Все это, очевидно, отголоски далекаго прошлаго.

По преданію, при Кекропѣ Аттика дѣлилась на 12 „городовъ", т.-е. областныхъ государствъ. Объединеніе же Аттики, ея синойкизмъ были будто-бы дѣломъ Іона или Тезея, какъ гласитъ болѣе распространенная традиція. Тезей, по словамъ Оукидида (II, 15), упразднилъ совѣты и власти въ отдѣльныхъ городахъ и учредилъ для всей Аттики одинъ совѣтъ (булевтерій) и одинъ пританей — въ Аѳинахъ. Впослѣдствіи преданіе представляло это объединеніе Аттики совершеннымъ мирно, путемъ убѣжденія. Но въ дѣйствительности оно было результатомъ довольно долгаго и, вѣроятно, тяжелаго процесса [1]). Объединеніе исходило изъ „равнины", составлявшей естественное средоточіе страны. Тутъ, на берегу Кефиса, неподалеку отъ морского берега, на скалистомъ холмѣ, господствуя надъ окрестностями, расположена была крѣпость или кремль, акрополь, гдѣ еще въ микенскую эпоху находился царскій дворецъ.

Аѳиняне съ нѣкоторымъ правомъ смотрѣли на себя, какъ на автохтоновъ. Лежавшая въ углу, далеко не плодородная Аттика не служила приманкой для завоевателя и во времена историческія не подвергалась завоеванію. Даже въ эпоху племенныхъ передвиженій, когда доряне вторгались въ Пелопоннесъ, она не испытала потрясеній и участи большей части остальной Греціи. Буря ее миновала, и вмѣсто того, чтобы сдѣлаться добычей завоевателя, Аттика служитъ еще убѣжищемъ и пріютомъ для другихъ. По преданію, сюда являются бѣглецы изъ Беотіи, Пилоса и т. д. Это не были покорители: это былъ лишь приливъ свѣжихъ, энергическихъ силъ, и многіе знаменитые аѳиняне вели свой родъ отъ выходцевъ, нашедшихъ убѣжище въ Аттикѣ. Такимъ образомъ въ Аттикѣ мы, не видимъ той племенной розни, которая существовала во многихъ областяхъ Эллады. Здѣсь нѣтъ двухъ рѣзко отдѣлен-

[1]) По мнѣнію Э. Мейера, только въ одной Аттикѣ сохранилось древнее государство микенской эпохи; отъ той эпохи и ведетъ свое начало государственное единство страны.

ныхъ другъ отъ друга классовъ—побѣдителей и побѣжденнаго, порабощеннаго народа. „Предки наши“, могъ съ гордостью сказать впослѣдствіи аѳинянинъ [1]), „всегда отличались справедливостью въ отношеніи къ людямъ, ибо они не были смѣсью съ другими племенами или пришельцами; изъ всѣхъ эллиновъ они одни — автохтоны; та земля, въ которой они родились, была ихъ кормилицею и любили они ее, какъ любятъ отца и мать“. И это обстоятельство въ будущемъ, конечно, могло способствовать достиженію равноправія и развитію болѣе демократическихъ формъ въ Аѳинахъ.

Но все-таки вражды и борьбы между различными соціальными элементами не избѣгла и Аттика. Въ древней исторіи Аѳинъ предъ нами, не смотря на отмѣченныя черты, все-же въ сущности явленія, аналогичныя тѣмъ, которыя мы видимъ въ большей части остальной Греціи. Историческая жизнь Аттики прошла черезъ тѣ же стадіи развитія, что и въ большинствѣ другихъ греческихъ государствъ VIII—VI вв. И въ Аѳинахъ нѣкогда существовала царская власть, которая потомъ исчезаетъ; и тутъ, прежде чѣмъ упрочилась демократія, властвовала аристократія евпатридовъ и между нею и низшими классами, демосомъ, происходила борьба.

Въ соціальномъ отношеніи, по знатности происхожденія и своимъ занятіямъ, населеніе Аттики дѣлилось на три сословія — на *евпатридовъ*, благородныхъ, *георгіовъ* или *геоморовъ* иначе *агройковъ*, земледѣльцевъ, и *деміурговъ*, ремесленниковъ. Евпатриды сосредоточивали въ своихъ рукахъ крупную земельную собственность, политическое вліяніе и затѣмъ власть. Встарину, а нерѣдко и впослѣдствіи, они жили обыкновенно внѣ города, и въ Аттикѣ немало было поселеній, называвшихся по имени знатныхъ родовъ, которые, очевидно, происходили изъ той мѣстности и тамъ имѣли мѣстопребываніе. Георги или геоморы были преимущественно средними и мелкими земледѣльцами, а деміурги, число которыхъ должно было увеличиваться лишь по мѣрѣ торговаго и промышленнаго развитія Аттики, занимались ремесломъ и торговлей. Такое дѣленіе на сословія приписывалось въ древности Тезею. Плу-

[1]) Исократъ въ „Панаѳинейской рѣчи“, 125.

тархъ передаетъ [1]), будто Тезей, производя синойкизмъ и желая еще больше увеличить городъ, созвалъ всѣхъ „на равныхъ правахъ", но чтобы эта „демократія" не была безпорядочной, смѣшанной толпой, онъ первый раздѣлилъ ее на упомянутыя три сословія: евпатридамъ онъ предоставилъ вѣдать религіозныя дѣла, занимать должности, быть истолкователями законовъ божескихъ и человѣческихъ; они выдавались почетомъ, геоморы—полезностью, деміурги—численностью. Конечно, въ ту отдаленную эпоху, при слабомъ развитіи торговли и ремеслъ, едва-ли деміурги могли выдаваться численностью, какъ говоритъ Плутархъ; да и самое дѣленіе на сословія было, по всей вѣроятности, результатомъ не законодательнаго акта одного какого-либо лица, а самой жизни: сословія эти, такъ сказать, бытовали въ Аттикѣ.

Но рядомъ съ дѣленіемъ на сословія или классы въ Аттикѣ существовало еще дѣленіе родовое—на филы или колѣна, фратріи и роды. Тамъ было четыре филы — Гелеонты, Аргады, Эгикореи и Гоплиты—, изъ которыхъ каждая состояла изъ трехъ фратрій, а фратрія — изъ извѣстнаго числа родовъ [2]).

Относительно этого дѣленія возникаетъ цѣлый рядъ вопросовъ: что древнѣе—фила, фратрія или родъ? обнимало ли это дѣленіе всѣхъ гражданъ Аттики или только знатныхъ евпатридовъ? имѣли ли филы территоріальный характеръ или же скорѣе племенной, кастовый, соотвѣтственно занятіямъ жителей? возникли ли онѣ въ Аттикѣ или принесены извнѣ? въ какомъ отношеніи находится это дѣленіе къ сословному—на евпатридовъ, геоморовъ и деміурговъ? и т. д. По этимъ вопросамъ существуетъ обширная литература, но нѣкоторые изъ нихъ все еще не вполнѣ разрѣшены. Мы здѣсь не будемъ вдаваться въ спеціальныя подробности; скажемъ только, что въ составъ филъ, повидимому, входили всѣ граждане; дѣленіе на три сословія не имѣло отношенія къ дѣленію на филы и фратріи; знатныя фамиліи находились въ каждой изъ филъ; послѣднія были въ сущности равноправны, хотя на первомъ мѣстѣ обыкновенно

[1]) Въ біографіи Тезея, гл 24—25

[2]) По схемѣ, которую мы находимъ, напр., у Аристотеля, въ каждой фратріи было по 30 родовъ, состоявшихъ въ свою очередь изъ 30 главъ семействъ. Но схема эта, очевидно, искусственная.

называютъ филу Гелеонтовъ; филы имѣли до нѣкоторой степени и территоріальный характеръ; это можно заключить изъ того, что впослѣдствіи каждая фила раздѣлена была на 3 триттіи и на 12 навкрарій, а навкраріи были единицы территоріальныя.

Членовъ рода связывало происхожденіе отъ одного — дѣйствительнаго или мнимаго—предка. Нерѣдко родъ и назывался по имени того лица, отъ котораго онъ велъ себя (напр., Алкмеониды — отъ Алкмеона). Члены рода находились между собою въ тѣсной правовой и религіозной связи, имѣли нѣкоторыя общія права и обязанности, общій культъ, свои святилища, своихъ жрецовъ, свои праздники, свои кладбища. Въ древности они должны были защищать другъ друга, мстить убійцѣ, если кто-либо изъ членовъ рода погибалъ отъ руки его; въ случаѣ отсутствія прямыхъ наслѣдниковъ наслѣдовали имущество умершаго. Во главѣ рода стоялъ особый такъ называемый „архонтъ рода“, по всей вѣроятности ежегодно смѣнявшійся. Членовъ фратріи связывалъ тоже общій культъ. Во фратріи велись списки законныхъ дѣтей; она наслѣдовала имущество послѣдняго въ родѣ и т. под. Во главѣ филъ стояли „цари филъ“ (phylobasileis); еще въ IV в., во времена Аристотеля, они совмѣстно съ архонтомъ-басилевсомъ производили судъ въ пританеѣ. Въ строѣ государства и въ тогдашней политической жизни, особенно въ эпоху аристократіи, филы имѣли немалое значеніе, служа основою для организаціи управленія, войска и проч. Въ нихъ, конечно, сильно преобладали аристократическіе элементы и стремленія.

Начало демократіи въ Аѳинахъ послѣдующая традиція относила къ очень ранней порѣ, еще ко времени Тезея. Она представляла этого героя иногда въ образѣ основателя и покровителя демократіи. По поводу синойкизма говорили, напр., что Тезей созвалъ всѣхъ „на равныхъ правахъ“, что онъ достигъ соединенія Аттики путемъ компромисса и уступокъ, обѣщавъ раздѣлить власть съ главами и представителями прежнихъ отдѣльныхъ общинъ, являясь между ними скорѣе первымъ между равными, что при немъ уже форма правленія уклонилась отъ царской и что онъ первый „склонился на сторону толпы“. Тезей, собравъ въ Аѳины разнообразный людъ, создалъ будто

бы демосъ и придалъ монархіи болѣе демократическое направленіе [1]).

Разумѣется, подобныя сообщенія не заслуживаютъ довѣрія. Не говоря уже о томъ, что Тезей—личность не историческая, а легендарная, въ преданіи этомъ мы замѣчаемъ противорѣчія: оно и Солона считаетъ основателемъ аѳинской демократіи, и вообще трудно допустить, чтобы о столь отдаленномъ періодѣ аттической исторіи позднѣйшая греческая литература сохранила сколько-нибудь достовѣрныя свѣдѣнія. Но преданіе о Тезеѣ, какъ основателѣ аѳинской демократіи, интересно въ другомъ отношеніи: оно показываетъ, какъ послѣдующія поколѣнія представляли себѣ первоначальную демократію въ Аѳинахъ и въ какую отдаленную глубь вѣковъ готовы были они относить ея начало.

Въ дѣйствительности отъ монархіи Аѳины перешли не прямо къ демократіи, а къ аристократіи, къ *архонтату*. Переходъ этотъ совершился съ замѣчательною постепенностью. Одна изъ версій древней традиціи упраздненіе въ Аѳинахъ монархіи и учрежденіе должности архонта пріурочивала ко времени смерти царя Кодра, будто-бы пожертвовавшаго жизнью ради спасенія отечества. Согласно господствовавшему въ древности преданію, цари замѣнены были архонтами, которые сначала были пожизненными и избирались изъ фамиліи царской—изъ потомковъ Кодра, Медонтидовъ. Съ половины VIII в. должность архонтовъ ограничивается 10 годами. Черезъ 4 десятилѣтія послѣ этого Медонтиды теряютъ исключительное право на архонтатъ и доступъ къ послѣднему открывается всѣмъ евпатридамъ, а еще черезъ 30 лѣтъ—въ 683/2 г. до Р. Х.—въ Аѳинахъ стали выбирать ежегодно *9 архонтовъ*—собственно *архонта* (впослѣдствіи называвшагося *архонтомъ-эпонимомъ*), *басилевса*, *полемарха* и *6 ѳесмоѳетовъ*, и такимъ образомъ власть, принадлежавшая прежде одному лицу, теперь раздѣляется между нѣсколькими. Такое ея раздѣленіе и созданіе новыхъ, ежегодно замѣщавшихся должностей должно было удовлетворять честолюбію евпатридовъ, ихъ стремленію къ власти.

[1]) Аристотель—въ „Аѳинской Политіи“, гл. 41; Плутархъ—въ 24—25 гл. біографіи Тезея.

Аристотель въ своемъ трактатѣ: „Аѳинская Политія", вновь открытомъ среди папирусовъ, пріобрѣтенныхъ въ Египтѣ Британскимъ Музеемъ, и изданномъ впервые Кеніономъ въ 1891 г., представляетъ переходъ отъ монархіи къ архонтату такъ (гл. 3). По времени первою въ Аѳинахъ была власть царя, ибо она существовала изначала. Второю возникаетъ, рядомъ съ нею, полемархія, вслѣдствіе того, что нѣкоторые цари стали невоинственными, а затѣмъ появляется должность архонта (эпонима), которая и сдѣлалась впослѣдствіи главною. Должности эти были сначала пожизненными, а потомъ десятилѣтними. Большинство, по словамъ Аристотеля, относитъ возникновеніе архонтата ко времени Медонта, а нѣкоторые—ко времени его преемника, Акаста, когда потомки Кодра „отказались будто-бы отъ царской власти изъ-за даровъ, которые получалъ архонтъ", причемъ ссылаются на клятву, даваемую архонтами, въ которой тѣ обязываются „присягать такъ, какъ при Акастѣ". Что должность архонта сравнительно съ должностью басилевса и полемарха болѣе поздняго происхожденія, это, по мнѣнію Аристотеля, видно между прочимъ изъ того, что архонты не завѣдуютъ никакими древними учрежденіями и культомъ, подобно басилевсу и полемарху, а только новыми. Θесмоѳетовъ же стали въ Аѳинахъ выбирать спустя много лѣтъ, уже при ежегодныхъ архонтахъ, съ тѣмъ, „чтобы они записывали и хранили постановленія для суда надъ преступниками".

Такъ передаетъ Аристотель о паденіи царской власти въ Аѳинахъ и началѣ архонтата. Онъ здѣсь опирался, конечно, не на какой-нибудь документальный, вполнѣ достовѣрный источникъ: предъ нами тутъ преимущественно комбинаціи и выводы, съ ссылкой на доказательства, которыя основываются больше на такъ называемыхъ „культурныхъ переживаніяхъ". Но въ пользу сообщенія Аристотеля говоритъ и внутреннее правдоподобіе, и историческая аналогія. Въ его изложеніи постепенность перехода отъ монархіи къ аристократіи представляется особенно рельефно. По Аристотелю, какого-либо переворота, формальной отмѣны царской власти въ Аѳинахъ не было. Мы видимъ тутъ, какъ и въ большей части остальной Греціи, не революцію, а эволюцію. Паденіе монархіи и переходъ къ аристократіи совершается медленно, съ удивительною

послѣдовательностью: архонтъ, первоначально лицо менѣе важное, занимавшее третье мѣсто, возвышается мало-по-малу до положенія первенствующаго, становится выше не только полемарха, но и самого басилевса, совѣтникомъ и помощникомъ котораго онъ, вѣроятно, сначала былъ, а басилевсъ изъ монарха превращается во второстепенное лицо, во второго архонта, завѣдывающаго преимущественно дѣлами, касающимися культа. Такимъ образомъ, второй архонтъ есть прямой, непосредственный преемникъ прежнихъ царей; но фактически главная власть перешла въ руки сановника, сначала стоявшаго на третьемъ мѣстѣ, а затѣмъ возвысившагося надъ басилевсомъ и заслонившаго его собою.

Съ усиленіемъ знати царская власть ограничивалась и падала. По мѣрѣ того, какъ отношенія и условія жизни становятся сложнѣе, выдѣляются новыя должности и происходитъ, такъ сказать, дифференціація и дробленіе нѣкогда единой власти; обязанности, исполнявшіяся прежде однимъ лицомъ, монархомъ, бывшимъ вмѣстѣ правителемъ, военачальникомъ, судьею и жрецомъ, исполняются тремя, а впослѣдствіи къ тремъ сановникамъ присоединяется еще 6 θесмоθетовъ.

Съ паденіемъ власти басилевса и возвышеніемъ архонта (эпонима) мы можемъ до извѣстной степени сопоставить ограниченіе царской власти въ Спартѣ эфорами и ихъ возвышеніе. У молоссовъ въ Эпирѣ власть царей ограничивали простаты; въ Мегарѣ на-ряду съ царями стоятъ стратеги, власть которыхъ расширяется на счетъ царской. А возвышеніе полемарха въ Аѳинахъ — вслѣдствіе невоинственности и изнѣженности царей, по объясненію Аристотеля,—можетъ напомнить намъ возвышеніе франкскихъ майордомовъ при Меровингахъ.

Архонты избирались ареопагомъ „по знатности и богатству", какъ выражается Аристотель въ своей „Аѳинской Политіи" (гл. 3). Это не значитъ, что уже тогда существовалъ строго опредѣленный цензъ и господствовалъ тимократическій принципъ: слова „по знатности и богатству" лишь взаимно дополняютъ одно другое; знатность и богатство въ тѣ времена совпадали, были какъ-бы синонимами. Но естественно, что наиболѣе богатымъ евпатридамъ отдавалось предпочтеніе. Изъ ихъ среды и выходили архонты.

Первоначально 9 архонтовъ, т.-е. собственно архонтъ, басилевсъ, полемархъ и 6 θесмоθетовъ, не составляли одной коллегіи и имѣли различное мѣстопребываніе; въ одну коллегію соединилъ ихъ Солонъ. По свидѣтельству Аристотеля, въ старину архонты имѣли право рѣшать дѣла окончательно, собственною властью, а не только предварительно разслѣдовать, какъ было впослѣдствіи. По словамъ Θукидида (I, 126), они тогда завѣдывали большею частью государственныхъ дѣлъ.

Главнымъ сановникомъ въ государствѣ былъ первый „архонтъ", архонтъ по преимуществу, которому спеціально присвоенъ былъ этотъ титулъ и по имени котораго обозначался годъ: въ Аѳинахъ употреблялось выраженіе: „въ архонтство такого-то", подобно тому, какъ въ Римѣ говорили: „въ консульство такихъ-то". Позже этотъ архонтъ оффиціально назывался „архонтомъ-эпонимомъ". При вступленіи въ должность онъ прежде всего объявлялъ, что чѣмъ каждый владѣлъ до него, тѣмъ и будетъ владѣть до конца его архонтства, т.-е. каждому гарантировалась его собственность. Въ этомъ видятъ отголосокъ той глубокой старины, когда еще господствовала полная необезпеченность собственности. Впослѣдствіи вѣдѣнію перваго архонта преимущественно подлежали семейно-правовыя отношенія; онъ долженъ былъ заботиться о дочеряхъ-наслѣдницахъ, сиротахъ, вдовахъ; онъ долженъ былъ назначать опекуновъ, защищать родителей отъ дурного обращенія съ ними дѣтей. Онъ завѣдывалъ и нѣкоторыми празднествами. Но нѣкогда, во время господства аристократіи, должность перваго архонта была очень важною: это былъ какъ-бы президентъ Аѳинской республики.

Второй архонтъ—басилевсъ, „царь"—вѣдалъ дѣла главнымъ образомъ сакральныя, имѣющія отношеніе къ культу, и предсѣдательствовалъ въ ареопагѣ по дѣламъ о смертоубійствѣ, потому что въ тѣ времена такія дѣла связаны были съ культомъ и пролитіе крови разсматривалось, какъ оскверненіе. Между прочимъ, любопытнымъ остаткомъ старины являлся обрядъ бракосочетанія „царицы", жены архонта-басилевса, съ богомъ Діонисомъ.

Полемархъ, какъ показываетъ самое названіе, былъ „военачальникомъ": онъ командовалъ войскомъ и вѣдалъ дѣла, ка-

сающіяся войны, а такъ какъ въ старину „врагъ“ и „чужой“ были понятіями тождественными, то его вѣдѣнію подлежали и дѣла, касавшіяся чужеземцевъ и не-гражданъ.

Наконецъ θесмоθеты несли обязанности преимущественно судейскія.

При царяхъ существовалъ совѣтъ изъ знати. Несомнѣнно, что подобный совѣтъ существовалъ и въ періодъ господства аристократіи, при архонтахъ. Такимъ правительственнымъ совѣтомъ въ Аѳинахъ былъ *ареопагъ*.

По словамъ Аристотеля, ареопагъ имѣлъ назначеніемъ наблюдать за исполненіемъ законовъ; но въ сущности онъ вѣдалъ бо́льшую часть—и притомъ важнѣйшихъ—государственныхъ дѣлъ, собственною властью наказывалъ и каралъ всѣхъ нарушающихъ порядокъ; онъ же по своему выбору и усмотрѣнію назначалъ архонтовъ, каждаго соотвѣтственно его способностямъ. Члены ареопага были пожизненные и состоялъ онъ изъ бывшихъ архонтовъ („Аѳ. Пол.“, гл. 3 и 8). Судя по этимъ словамъ, ареопагу принадлежало первенствующее значеніе въ государствѣ. Его можно сравнить съ римскимъ сенатомъ. Ему принадлежитъ высшая контролирующая и карающая власть. При владычествѣ евпатридовъ, съ паденіемъ монархіи и съ раздѣленіемъ власти между нѣсколькими ежегодно мѣняющимися сановниками, неминуемо должны были сильно возрости авторитетъ и вліяніе совѣта, состоявшаго изъ пожизненныхъ членовъ, наиболѣе знатныхъ и богатыхъ, служившаго средоточіемъ политической опытности и хранителемъ традицій, пополнявшагося въ сущности путемъ кооптаціи, хотя и косвеннымъ образомъ (такъ какъ состоялъ ареопагъ изъ бывшихъ архонтовъ, имъ же избранныхъ). Между архонтатомъ и ареопагомъ должна была существовать тѣсная связь, ибо архонты избирались ареопагомъ и въ него же потомъ вступали.

Народное собраніе, существовавшее въ Греціи въ гомерическую эпоху, было и въ Аѳинахъ. Оно не совсѣмъ исчезло, вѣроятно, и теперь, при господствѣ аристократіи, но созывалось рѣдко и значенія не имѣло.

Еще при владычествѣ евпатридовъ, по крайней мѣрѣ подъ конецъ этого періода, для удовлетворенія вновь возникшихъ потребностей, особенно во флотѣ, и для привлеченія населенія

къ несенію повинностей введено было дѣленіе Аттики на *навкраріи*. Каждая изъ 4 филъ раздѣлена была на 3 триттіи и 12 навкрарій. Навкрарій. слѣдовательно, было 48. Во главѣ ихъ стояли навкрары. Каждая навкрарія должна была снаряжать по 1 кораблю и выставлять по 2 всадника. Навкраріи введены были въ военныхъ и финансовыхъ цѣляхъ, и навкрары завѣдывали текущими мѣстными сборами и расходами. Навкраріи являются представителями не стариннаго, родового принципа, а другого, новаго,—территоріально-административнаго.

Отмѣтимъ еще, какъ очень древнюю должность, *колакретовъ* (буквально—„разрѣзывателей мяса", „рѣзниковъ"), имѣвшихъ первоначально отношеніе къ жертвоприношеніямъ и бывшихъ потомъ преимущественно завѣдующими денежною кассою.

Таковъ былъ въ общихъ чертахъ строй Аѳинъ во время владычества евпатридовъ.

Килонова смута, законодательство Дракона и экономическій кризисъ.

До второй половины VII в. владычество евпатридовъ въ Аѳинахъ было незыблемымъ и не встрѣчало противодѣйствія. И въ политическомъ, и въ культурномъ, и въ экономическомъ отношеніи Аттика отстала отъ другихъ: ея сосѣди — Мегара, Коринѳъ, Эгина—стояли тогда на первомъ мѣстѣ, заслоняя ее. Но съ середины VII в. въ сферу того новаго движенія, которое происходило во многихъ греческихъ общинахъ и о которомъ мы уже говорили, была втянута и Аттика, тѣмъ болѣе, что вслѣдствіе ея географическаго положенія и природы легко могли установиться тѣсныя сношенія между нею и приморскими городами Малой Азіи и появиться классъ торговыхъ мореходцевъ. Почва Аттики давала прекрасный матеріалъ для гончарнаго производства, для керамики. Въ VII ст. развился особый стиль—геометрическій, иначе называемый стилемъ Дипилона, и центромъ производства были Аѳины. Археологическія находки показываютъ, что аѳинская керамика проникла далеко на востокъ и на западъ—во Фригію, на Кипръ, въ Сицилію,

въ Этрурію. Въ VI в. она уже вытѣсняетъ произведенія другихъ греческихъ городовъ, въ томъ числѣ и знаменитыя коринѳскія вазы. Бѣдная хлѣбомъ, Аттика была богата оливками, и оливковое масло составляло важный предметъ вывоза. Введеніе навкрарій, о которыхъ мы говорили, показываетъ, что уже сознавалась необходимость во флотѣ. Флотъ этотъ былъ, конечно, на первыхъ порахъ небольшой. Есть извѣстія, что уже въ концѣ VII в. аѳиняне заняли Сигей, къ югу отъ Геллеспонта на мало-азіатскомъ берегу, и изъ-за него вступили въ борьбу съ митиленянами. Борьба на этотъ разъ окончилась тѣмъ, что по приговору коринѳскаго тиранна Периандра, избраннаго въ посредники, Сигей остался за Аѳинами. Очевидно, аѳиняне старались обезпечить сношенія съ Понтомъ. Вѣроятно, уже тогда они нуждались въ подвозѣ иноземнаго хлѣба.

Вообще, какъ мы видѣли, то было время, когда съ одной стороны развивалась промышленность, торговля, входили въ употребленіе и получали большое значеніе деньги, возвышалась новая сила—демосъ, а съ другой стороны усиливались произволъ и злоупотребленія господствующей аристократіи, тяжелый экономическій гнетъ, отъ котораго страдала масса земледѣльческаго населенія, и ея задолженность. Недовольство массы, броженіе въ ея средѣ, борьба со знатью,—все это создаетъ благопріятныя условія и почву для тиранніи, которая въ ту эпоху составляла обычное явленіе въ Греціи.

Разгаръ этой борьбы въ Аѳинахъ относится къ болѣе позднему времени; но ея зародыши и первые симптомы обнаруживаются еще во второй половинѣ VII в.

Въ 30-хъ годахъ этого вѣка молодой, знатный и богатый аѳинянинъ, по имени Килонъ, зять мегарскаго тиранна Ѳеагена, дѣлаетъ попытку овладѣть властью въ Аѳинахъ. Съ помощью друзей и даннаго ему тестемъ отряда, въ годовщину своей побѣды на олимпійскихъ играхъ, онъ захватываетъ акрополь. Но противъ него поднялось населеніе Аттики все поголовно, какъ горожане, такъ и сельскіе жители—послѣдніе подъ предводительствомъ притановъ навкраровъ—, и Килонъ съ приверженцами былъ осажденъ. Осада затянулась. Большинство осаждающихъ разошлось, предоставивъ архонтамъ покончить съ возстаніемъ. Килонъ съ братомъ успѣлъ бѣжать;

приверженцы же его, которымъ грозила гибель отъ голода и жажды, сдались, положившись на обѣщаніе, что они будутъ пощажены. Но обѣщаніе было нарушено, и сторонники Килона избиты, причемъ нѣкоторые изъ нихъ погибли у самыхъ алтарей боговъ.

Такъ неудачно кончилась попытка Килона. Недовольство и начинавшееся броженіе въ народѣ могло подать ему мысль о захватѣ власти, внушить смѣлость и надежду на успѣхъ. Но Килонъ не былъ защитникомъ и вождемъ недовольнаго народа. Повидимому, онъ не постарался или не съумѣлъ пріобрѣсти довѣріе и опору въ массѣ, слишкомъ явно обнаружилъ свои тираническіе, чисто эгоистическіе замыслы. Въ довершеніе всего онъ опирался на чужеземную помощь—и притомъ тиранна—и, слѣдовательно, въ глазахъ большинства являлся врагомъ отечества.

Но эта неудачная Килонова попытка и ея подавленіе надолго оставили послѣ себя тяжелый слѣдъ въ аѳинской исторіи. Положеніе дѣлъ не улучшилось, а напротивъ, еще болѣе ухудшилось. Началась продолжительная война съ Мегарой, тираннъ которой Ѳеагенъ мститъ аѳинянамъ за неудачу Килона и гибель его приверженцевъ. Островъ Саламинъ, расположенный у самаго берега Аттики, перешелъ тогда въ руки мегарянъ. Аттика находилась какъ-бы въ блокадѣ; ея сообщенія моремъ крайне затруднены, берега въ опасности; самый подвозъ хлѣба, въ которомъ она нуждалась, стѣсненъ. Въ довершеніе всего угнетенное настроеніе овладѣло народомъ: при подавленіи Килонова возстанія совершено было святотатство—пролита кровь на священномъ мѣстѣ, у жертвенника Евменидъ, и народъ ждетъ небесной кары за осквернение святынь и алтарей. Вина за произошедшее падала главнымъ образомъ на архонтовъ, въ особенности на тогдашняго перваго архонта Мегакла изъ фамиліи Алкмеонидовъ, руководившаго подавленіемъ Килонова возстанія.

Наконецъ, послѣ долгаго промежутка, когда многіе изъ участниковъ въ этомъ святотатственномъ дѣлѣ сошли уже въ могилу, состоялся судъ надъ святотатцами, причемъ судьями были 300 „лучшихъ мужей“. По ихъ приговору трупы виновниковъ были выброшены изъ могилъ, а родъ ихъ преданъ

вѣчному изгнанію [1]) Такая кара постигла Алкмеонидовъ и такъ положено было начало разрыву между этою могущественною фамиліей и остальною аѳинскою аристократіею. И долго еще потомъ будутъ припоминать Алкмеонидамъ ихъ участіе въ святотатственномъ дѣлѣ при подавленіи Килонова возстанія; во времена аѳинскаго законодателя Клисѳена, изъ рода Алкмеонидовъ, Перикла, по матери происходившаго отъ нихъ, этимъ будутъ пользоваться ихъ враги.

Существуетъ преданіе, что въ Аѳины для окончательнаго очищенія города отъ „скверны" святотатства призванъ былъ Эпименидъ Критянинъ, мудрецъ и пророкъ, который и совершилъ рядъ очистительныхъ обрядовъ. Но личность Эпименида — полумиѳическая и разсказы о немъ носятъ характеръ легендарный.

Тяжесть положенія и зависимость демоса отъ евпатридовъ немало увеличивало то обстоятельство, что въ Аѳинахъ не было тогда еще писанныхъ законовъ и судъ находился въ рукахъ аристократіи. Къ тому же существовавшее обычное право мало уже соотвѣтствовало новымъ условіямъ жизни, не удовлетворяло вновь назрѣвшимъ потребностямъ. И первое требованіе, съ которымъ выступилъ аѳинскій демосъ и на которое согласились евпатриды, было изданіе писанныхъ законовъ.

Дѣло это было поручено Дракону, повидимому, одному изъ ѳесмоѳетовъ, который издалъ законы въ архонтство Аристэхма [2]), т.-е., по всей вѣроятности, въ 621 г. Кодексъ Дракона цѣликомъ не сохранился. Но въ концѣ V в. до Р. Х. по постановленію аѳинскаго народнаго собранія начертаны были на каменной стелѣ Драконовы законы, касавшіеся убійства, и эта копія съ оригинала VII стол., въ видѣ надписи, въ обрывкахъ, дошла до насъ [3]). Кромѣ того, имѣются цитаты у ораторовъ

[1]) О спорныхъ вопросахъ см въ моей книгѣ: „Аѳинская Политія Аристотеля, какъ источникъ для исторіи государственнаго строя Аѳинъ до конца V в." Харьк. 1895, стр. 296 сл.

[2]) Аристотель въ „Аѳинск. Политіи", гл. 4.

[3]) См. собраніе аттическихъ надписей, Corpus Inscript Attic. (=Inscriptiones Graecae), I, nº 61; Dittenberger, Sylloge inscript graec., 1², nº 52, и Recueil des inscript. juridiques grecques, par Dareste, Haussoullier, Th. Reinach, 2me série (Paris 1898), гдѣ имѣется и французскій переводъ отрывковъ и комментарій.

и нѣкоторыя другія данныя. Но все-же мы не можемъ въ точности сказать, кодифицировалъ ли Драконъ лишь существовавшее право или же внесъ что-либо новое въ него и что именно.

По Драконовымъ законамъ судьями были въ большинствѣ случаевъ *эфеты*. Не вполнѣ выяснено, ввелъ ли ихъ впервые Драконъ, какъ сообщаютъ нѣкоторые источники, или они были и до Дракона. Эфеты выбирались въ числѣ 51 изъ „лучшихъ людей", конечно, знатныхъ, имѣвшихъ отъ роду не менѣе 50 лѣтъ. Ихъ можно сравнить съ средневѣковыми шеффенами. boni homines. Число эфетовъ—51—, на первый взглядъ нѣсколько странное, проще всего объясняется по аналогіи съ послѣдующими аѳинскими судами, дикастеріями, состоявшими изъ 201, 501 и т. д. судей: имѣлось въ виду избѣжать возможнаго равенства голосовъ при рѣшеніи и съ этою цѣлью введено было число нечетное.

Драконово законодательство уже различаетъ убійства по категоріямъ. Такъ, судъ по обвиненію въ предумышленномъ убійствѣ происходилъ въ ареопагѣ; но являлись ли тутъ судьями сами ареопагиты, какъ это было впослѣдствіи со временъ Солона, или же эфеты, вопросъ спорный [1]). Если убійца былъ неизвѣстенъ или же смерть причинена была животнымъ, какимъ-либо неодушевленнымъ предметомъ, напр. упавшимъ камнемъ, деревомъ и проч., то обрядъ суда происходилъ въ пританеѣ, гдѣ засѣдали „царь филъ" подъ предсѣдательствомъ архонта-басилевса. По окончаніи суда животное или предметъ, причинившій смерть, извергались за предѣлы Аттики. Судъ производили эфеты въ Палладіи, святилищѣ Аѳины въ Фалерѣ, въ случаѣ убійства непреднамѣреннаго или же подстрекательства; въ Дельфиніи, святилищѣ Аполлона,—если убійство было „справедливое", т.-е. дозволенное закономъ, напр. въ случаѣ самообороны, прелюбодѣянія, во время состязанія и т. под.; во Фреатто, на берегу моря, близъ Пирея,—если убійство совершалъ изгнанный, причемъ въ такихъ случаяхъ обвиняемый защищался передъ судомъ, не вступая на почву Аттики, а

[1]) Lipsius, Das attische Recht und Rechtsverfahren Leipz. 1905, I, 20. Ср. Busolt, Griech Gesch., II², 232 сл

находясь въ лодкѣ. Судъ надъ убійцею происходилъ вообще подъ открытымъ небомъ, дабы судьи не осквернялн себя, находясь подъ однимъ кровомъ съ лицомъ, запятнаннымъ кровью.

Солонъ отмѣнилъ большую часть Драконовыхъ законовъ, но оставилъ въ силѣ тѣ изъ нихъ, которые касались убійства. Одинъ ораторъ конца V в. до Р. Х. называетъ уголовные законы Дракона „самыми древними въ странѣ", которыхъ никто никогда не осмѣливался трогать. Но уже въ IV в. Аристотель отмѣчаетъ, какъ характерную черту Драконовыхъ законовъ, ихъ жестокость. Говорили, что Драконъ почти за всякое преступленіе, даже за мелкое воровство, назначалъ смертную казнь. Современникъ Филиппа Македонскаго, ораторъ Демадъ выражался, что Драконъ писалъ свои законы не чернилами, а кровью. Выраженіе это стало ходячимъ.

Въ дѣйствительности однако было не совсѣмъ такъ. Мы видимъ, напр., какъ по Драконову законодательству убійство преднамѣренное уже различается отъ непреднамѣреннаго: за послѣднее назначается не смертная казнь, а изгнаніе; при этомъ допускается примиреніе съ ближайшими родственниками убитаго, а въ случаѣ неимѣнія таковыхъ—съ представителями фратріи: убійство раба наказывается наравнѣ съ убійствомъ свободнаго гражданина: наконецъ, съ убійцей запрещается дурно обращаться.

Но тогда какъ обычная, распространенная традиція древности представляетъ Дракона законодателемъ только въ области уголовнаго и гражданскаго права, въ одной изъ главъ (4) „Аѳинской Политіи" Аристотеля ему или, по крайней мѣрѣ, его времени приписывается особый политическій строй. Эта „Драконова конституція" была будто бы такова. Политическія права принадлежали тѣмъ, кто имѣлъ оружіе. Послѣдніе выбирали архонтовъ и казначеевъ изъ лицъ, у которыхъ свободнаго отъ долговъ состоянія было не менѣе 10 минъ [1]); на остальныя, младшія должности выбирали изъ имѣвшихъ оружіе, а на высшія военныя должности стратеговъ и гиппарховъ—изъ лицъ, которыя покажутъ, что обладаютъ свободнымъ

[1]) Мину составляли 100 драхмъ, а 60 минъ составляли талантъ. Драхма — ок. 40 к., а талантъ приблизительно 2400 р. на наши деньги.

имуществомъ не менѣе 100 минъ и имѣютъ отъ законнаго брака дѣтей старше 10 лѣтъ; сверхъ того, отъ стратеговъ и гиппарховъ до сдачи ими отчета требовались особые поручители. Совѣтъ состоялъ изъ 401—изъ избранныхъ по жребію гражданъ. Какъ члены совѣта, такъ и прочія власти должны были имѣть отъ роду болѣе 30 лѣтъ, и одно и то же лицо не могло занимать должность вторично, прежде чѣмъ очередь обойдетъ всѣхъ. Если кто изъ членовъ совѣта пропуститъ засѣданіе послѣдняго или народнаго собранія, тотъ платитъ штрафъ: пентакосіомедимнъ [1]) — 3 драхмы, всадникъ — 2, а зевгитъ — 1. Ареопагъ былъ стражемъ законовъ и наблюдалъ за тѣмъ, чтобы власти правили по законамъ: всякому потерпѣвшему несправедливость предоставлено было обратиться съ жалобою въ ареопагъ съ указаніемъ закона, нарушеннаго по отношенію къ нему.

Итакъ, если вѣрить этому свидѣтельству, еще до Солона политическими правами пользовались не одни евпатриды, а всѣ имѣвшіе оружіе; народное собраніе, совѣтъ 401, жребій, отчеты должностныхъ лицъ, стратеги, господство тимократическаго начала, цензъ, и притомъ для стратеговъ гораздо болѣе высокій, чѣмъ даже для архонтовъ, дѣленіе на имущественные классы, — все это оказывается существующимъ еще при Драконѣ!

Такова та „Драконова политія", описаніе которой въ глазахъ однихъ является своего рода перломъ среди свидѣтельствъ Аристотелева трактата, а въ глазахъ другихъ—нелѣпостью. Вообще вопросъ о ней одинъ изъ самыхъ спорныхъ [2]). Это изложеніе Драконовой конституціи находится въ противорѣчіи съ нѣкоторыми мѣстами того же трактата объ аѳинской политіи и съ остальною традиціею древности, а главное, на-ряду съ чертами вполнѣ правдоподобными—народнымъ собраніемъ, политическими правами „имѣющихъ вооруженіе", требованіемъ свободнаго отъ долговъ состоянія,—оно содержитъ анахронизмы. Не говоря уже о жребіи, объ имущественныхъ классахъ и т. п.,

[1]) Т.-е. имѣвшій дохода не менѣе 500 медимновъ. Объ имущественныхъ классахъ—ниже, гдѣ рѣчь идетъ о реформѣ Солона.

[2]) См мою книгу: „Аѳинск. Политія Аристотеля", стр. 309 сл.

о чемъ можно еще спорить, совершенно невѣроятно, чтобы во времена Дракона, въ 20-хъ годахъ VII в., стратеги и гипархи стояли выше архонтовъ, а такъ выходитъ по „Драконовой конституціи", такъ какъ отъ стратеговъ и гипарховъ требуется цензъ большій, нежели отъ архонтовъ; и что это не простая какая-либо описка лишь въ цифрахъ, видно изъ того, что къ этимъ лицамъ предъявляются еще особыя требованія: они должны имѣть дѣтей отъ законнаго брака старше 10 лѣтъ и представлять поручителей до сдачи отчета. Очевидно, стратегамъ и гипархамъ придавалось значеніе большее, нежели архонтамъ. Это уже явный анахронизмъ. До V в. въ Аѳинахъ въ общемъ государственномъ управленіи архонты занимали высшее мѣсто, а главное начальство надъ войскомъ принадлежало полемарху.

„Драконова конституція" представляетъ много сходныхъ чертъ съ тѣми олигархическими проектами, которые были распространены въ Аѳинахъ въ концѣ V в., въ послѣдній періодъ Пелопоннесской войны. Она какъ-бы выражаетъ стремленія и идеалы тогдашнихъ аѳинскихъ олигарховъ. Наконецъ, ея описаніе въ Аристотелевомъ трактатѣ плохо связано и не совсѣмъ согласуется съ предыдущимъ и послѣдующимъ текстомъ, пришито, такъ сказать, бѣлыми нитками.

Поэтому мы склоняемся къ выводу, что описываемая въ „Аѳинской Политіи" „Драконова конституція" есть анахронизмъ, что описаніе это заимствовано изъ какого-либо олигархическаго источника конца V в. и составляетъ вставку, принадлежащую даже не Аристотелю [1]).

Но какъ бы мы ни смотрѣли на Дракона, будемъ ли мы видѣть въ немъ реформатора политическаго или нѣтъ, несомнѣнно, что соціально-экономическихъ отношеній онъ не коснулся. Между тѣмъ положеніе массы земледѣльческаго населенія въ Аттикѣ тогда было тяжелое. Помимо того „корыстолюбія и высокомѣрія" знатныхъ, о которомъ говоритъ и Солонъ въ своихъ стихотвореніяхъ, оно вызывалось, какъ мы

[1]) Я не вижу основанія отказываться отъ этого мнѣнія, высказаннаго въ 1895 г. въ моей книгѣ объ „Аѳинской Политіи", хотя оно и встрѣтило возраженія. Недавно къ такому же выводу пришелъ Wilcken, Apophoreton. Berl. 1903.

видѣли, и болѣе глубокими, общими причинами—тѣмъ кризисомъ, который происходилъ тогда въ экономической жизни Греціи вслѣдствіе перехода отъ натуральнаго хозяйства къ денежному, развитія торговыхъ сношеній, привоза дешеваго хлѣба изъ другихъ странъ и проч. Многіе земельные участки были заложены; на нихъ ставились своего рода ипотечные знаки, закладные столпы (horoi), съ обозначеніемъ имени заимодавца и суммы долга. Число независимыхъ мелкихъ собственниковъ уменьшалось.

„Государственный строй Аѳинъ былъ тогда во всѣхъ отношеніяхъ олигархическій", говоритъ Аристотель въ своей „Аѳинской Политіи" (гл. 2). „Бѣдные были въ кабалѣ у богатыхъ сами и дѣти ихъ, и жены. Назывались они пелатами и гектеморами" (т.-е. шестидольниками), „ибо за эту долю они обработывали поля богатыхъ — вся же земля была въ рукахъ немногихъ—и въ случаѣ неисправныхъ взносовъ обращались въ рабство, и сами, и дѣти ихъ. Займы заключались тогда подъ залогъ тѣла" (т.-е. личности), „и такъ было вплоть до Солона, который первый явился предстателемъ демоса. Тяжелѣе всего для большинства было находиться въ кабалѣ, но оно и всѣмъ остальнымъ было недовольно, ибо ни въ чемъ не имѣло доли". Выходитъ, что причины тяжелаго положенія массы и ея недовольства, по Аристотелю, были двоякія: политическія—олигархическій строй и обусловленное этимъ полное безправіе демоса—и соціально-экономическія.

Въ общемъ такая же картина тяжелаго положенія земледѣльческаго населенія рисуется и у Плутарха. Въ то время, говоритъ Плутархъ въ біографіи Солона (гл. 13), неравенство между богатыми и бѣдными достигло высшей степени, государство находилось въ опасности и казалось, что только съ установленіемъ тиранніи можно возстановить спокойствіе и прекратить смуту; ибо весь демосъ находился въ долгу у богатыхъ. При этомъ у Плутарха этотъ обремененный долгами демосъ раздѣляется на двѣ категоріи: во-первыхъ, на гектеморіевъ (или гектеморовъ) и ѳетовъ, которые обработываютъ землю для богатыхъ, платя, по словамъ Плутарха, „шестую часть" сбора, и во-вторыхъ, на лицъ, которыя, беря въ-займы подъ залогъ „тѣла", становятся рабами своихъ заимодавцевъ въ

случаѣ неуплаты долга. „Многіе принуждены были продавать даже собственныхъ дѣтей", продолжаетъ Плутархъ,„ ибо ни одинъ законъ не запрещалъ этого—и бѣжать изъ государства вслѣдствіе притѣсненій заимодавцевъ. Большинство же—и притомъ наиболѣе энергичное — собиралось и призывало другъ друга не терпѣть долѣе такого положенія, но избравъ вождемъ надежнаго человѣка, освободить должниковъ, подѣлить землю и совершенно измѣнить строй государства".

Въ изложеніи нашихъ источниковъ въ подробностяхъ есть, конечно, преувеличенія, неточности и неясности. Что̀ такое, напр., „гектеморы"? [1]). Судя по всему, это не были арендаторы или фермеры, какъ ихъ часто называли; это и не сельскіе наемные рабочіе, получавшіе за свой трудъ натурою извѣстную часть жатвы. Въ гектеморахъ скорѣе всего можно видѣть или половниковъ (métayer), или людей, ставшихъ въ силу экономическихъ условій полузависимыми, своего рода колоновъ. Гектеморы находились въ нѣкоторой какъ-бы наслѣдственной зависимости отъ богатыхъ, были людьми полусвободными; въ случаѣ же неисправности въ платежѣ имъ грозило лишеніе и той доли свободы, которою они еще пользовались, уже полное рабство и продажа хотя бы даже на чужбину. Между ними могло быть немало и прежнихъ земельныхъ собственниковъ, которые заложили свои земли или вынуждены были уступить ихъ заимодавцамъ, оставшись на нихъ въ качествѣ гектеморовъ и работая на богачей. Но если гектеморы платили извѣстную часть жатвы, то какъ объяснить ихъ задолженность по отношенію къ землевладѣльцамъ? Повидимому, имъ—особенно при неурожаѣ—иногда не хватало на жизнь или на посѣвъ и они вынуждены были брать себѣ изъ доли владѣльца. Аристотель, нужно замѣтить, распространяетъ, очевидно, на гектеморовъ то, что̀ скорѣе относится къ другой категоріи бѣдствовавшаго населенія, упоминаемой у Плутарха, свидѣтельство котораго тутъ заслуживаетъ предпочтенія по боль-

[1]) Guiraud, La propriété foncière en Grèce. P. 1893, стр. 421 сл. Вопросъ о гектеморахъ имѣетъ свою литературу. См. въ моей кн. „Аѳинск. Политія", стр. 303 сл. Изъ новѣйшихъ изслѣдованій—Swoboda, Beiträge zur griech. Rechtsgeschichte (Zeitschrift d. Savigny-Stiftung für Rechtsgesch. 1905).

шей отчетливости, вразумительности и внутреннему правдоподобію. Какую долю получали гектеморы, т.-е. $^1/_6$ или $^5/_6$ урожая,—тоже давній и спорный вопросъ. Названіе „шестидольники“ по-гречески само по себѣ не можетъ служить тутъ указаніемъ: оно равно примѣнимо и къ тѣмъ, кто отдаетъ, и къ тѣмъ, кто оставляетъ себѣ шестую долю. Показанія же источниковъ расходятся: Плутархъ, какъ мы видѣли, ясно говоритъ, что гектеморіи платили шестую долю; другіе выражаются неопредѣленно; есть извѣстія, что гектеморамъ шла лишь шестая часть. Въ правильности показанія Плутарха можно сомнѣваться. Дѣло въ томъ, что положеніе гектеморовъ изображается въ нашихъ источникахъ какъ особенно тяжкое, бѣдственное; спрашивается, могло ли быть оно такимъ, если бы гектеморы отдавали всего только $^1/_6$, а въ свою пользу оставляли $^5/_6$? Вопросъ до сихъ поръ остается открытымъ. Для надлежащаго рѣшенія его необходимо болѣе точное и близкое знаніе условій тогдашняго хозяйства въ Аттикѣ, чѣмъ то, какимъ мы располагаемъ при данныхъ источникахъ.

Когда Аристотель говоритъ, что „вся земля была въ рукахъ немногихъ“, или Плутархъ выражется, что весь демосъ находился въ долгу у богатыхъ, то это — преувеличеніе, что̀ доказывается существованіемъ во время Солона цѣлаго класса некрупныхъ землевладѣльцевъ, зевгитовъ (о которыхъ подробнѣе еще придется говорить), и свидѣтельствомъ самого Солона, говорящаго о снятіи имъ столповъ, ὅροι, и освобожденіемъ такимъ образомъ „матери-земли“: очевидно, существовали еще мелкія и среднія земельныя владѣнія, хотя и заложенныя. Самая борьба демоса съ евпатридами и ея исходъ, послѣдующее торжество демократіи въ Аѳинахъ, все это было бы непонятно, если бы во второй половинѣ VII. в. въ Аттикѣ были одни крупные землевладѣльцы и колоны или сельскіе пролетаріи и не было значительнаго средняго землевладѣльческаго класса, хотя и переживавшаго тяжелый и опасный кризисъ.

Но въ общемъ картина положенія дѣлъ, написанная Аристотелемъ и Плутархомъ, соотвѣтствуетъ той, которую рисуетъ въ своихъ элегіяхъ современникъ-очевидецъ и дѣятель эпохи—Солонъ. „Городъ нашъ“, говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ

стихотвореній [1]), „по волѣ Зевса и по мысли другихъ блаженныхъ безсмертныхъ боговъ никогда не погибнетъ: такой великодушный хранитель, какъ дочь могучаго отца" (Зевса). „Паллада Аѳина, свыше простираетъ надъ нимъ свои руки. Но великій городъ хотятъ погубить своимъ безразсудствомъ, слушаясь корысти, сами граждане и беззаконный духъ вождей народа... Богатѣютъ они неправедными дѣлами. Не щадя ни священнаго, ни народнаго достоянія, они крадутъ, грабятъ, одинъ тамъ, другой здѣсь, и не хранятъ священныхъ основъ Правды. Безъисходная бѣда уже постигаетъ все государство и оно быстро попало въ злое рабство, которое возбуждаетъ междоусобія. Враждующіе терзаютъ возлюбленный нашъ городъ въ собраніяхъ, дорогихъ для тѣхъ, кто поступаетъ несправедливо. Таковы бѣдствія въ народѣ, а изъ бѣдныхъ многіе приходятъ въ чужду землю, проданные, связанные позорными оковами. Такъ общественное бѣдствіе вторгается въ домъ каждаго; предъ нимъ нельзя запереть двери; оно переступаетъ чрезъ высокую ограду, найдетъ всюду, даже въ глубинѣ спальни". И Солонъ говоритъ о поставленныхъ всюду „столпахъ", о порабощенной „матери-землѣ", о многихъ проданныхъ или бѣжавшихъ изъза нужды на чужбину, долго скитавшихся и забывшихъ было свой языкъ или терпѣвшихъ рабство у себя на родинѣ, о стремленіи къ раздѣлу земли, къ тому, „чтобы всѣмъ имѣть равную ея часть".

Итакъ, задолженность земледѣльческаго класса и крайняя нужда, рабство должниковъ, рѣзкое дѣленіе тогдашняго общества на два враждующихъ лагеря—съ одной стороны народа, демоса, съ другой — знатныхъ и богатыхъ, съ ихъ корыстолюбіемъ и высокомѣріемъ, мечты о раздѣлѣ земли, это засвидѣтельствовано и Солономъ [2]).

---

[1]) Bergk, Poetae lyrici Graeci, II, нѣмецкій перев. Солоновыхъ стихотвореній — у Peppmuller, Solons Gedichte (въ Jahresbericht des Gymnasiums zu Stralsund. 1904).

[2]) Поэтому въ сообщеніяхъ Аристотеля и Плутарха нельзя видѣть лишь „соціальную легенду", „формулу, лозунгъ радикально-соціалистическихъ партій въ греческихъ общинахъ съ конца V в. до Р. Х.". (Р Ю. Виппперъ, Лекціи по исторіи Греціи. М. 1905, стр. 65—67. Ср. мою ст. въ Журн Мин. Нар. Просв., 1905, окт).

Аттика переживала тяжелый кризисъ. Демосъ возсталъ противъ знатныхъ. Крайняя партія изъ недовольныхъ и обездоленныхъ стремилась къ коренному политическому и соціальному перевороту. Тогда впервые раздалось требованіе: „земля массѣ, народу“ [1]).

Солонъ.

Въ этотъ критическій моментъ выступаетъ на историческое поприще идеальная по благородству и безкорыстію своихъ стремленій личность—Солонъ.

По происхожденію Солонъ былъ очень знатнаго рода—изъ той фамиліи Медонтидовъ, къ которой принадлежали прежніе аѳинскіе цари, и древніе считали его Кодридомъ, т.-е. потомкомъ Кодра; но онъ не былъ богатъ и по своему положенію и состоянію принадлежалъ къ „среднимъ“ гражданамъ. Есть извѣстіе, что Солонъ занимался торговлей. Далекими путешествіями, частью по торговымъ дѣламъ, частью изъ любознательности, онъ расширилъ свой умственный кругозоръ. Стремленіе къ знанію никогда не покидало его даже въ старости. „Старѣю я“, говорилъ онъ о себѣ, „но постоянно многому учусь“.

По Плутарху, Солонъ обратилъ на себя вниманіе прежде всего своимъ знаменитымъ стихотвореніемъ по поводу Саламина и возвращеніемъ этого острова, который находился въ рукахъ мегарянъ и который былъ такъ необходимъ аѳинянамъ въ виду его географическаго положенія, затѣмъ—возбужденіемъ Священной войны въ защиту интересовъ Дельфъ и, въ-третьихъ, дѣятельностью, направленною къ успокоенію населенія, встревоженнаго святотатствомъ, которое совершено было при подавленіи Килонова возстанія: именно Солонъ будто-бы побудилъ Алкмеонидовъ подчиниться суду. Что касается Саламина, то дѣйствительно есть основаніе думать, что онъ въ ту пору, при участіи Солона, перешелъ въ руки аѳинянъ. Участіе же Со-

[1]) Pöhlmann, Geschichte d. antiken Kommunismus und Sozialismus, II, 148 сл.

лона въ Священной войнѣ и въ умиротвореніи умовъ послѣ Килонова возстанія, вѣроятно, легенда.

Но Солонъ былъ поэтъ и въ своихъ стихотвореніяхъ живо отзывался на событія; онъ ярко выражалъ въ нихъ свои идеалы, стремленія, свою скорбь при видѣ общественныхъ бѣдствій, борьбы партій и проч. Въ томъ большомъ стихотвореніи, отрывокъ изъ котораго мы раньше приводили для характеристики положенія дѣлъ въ Аѳинахъ, можно видѣть его какъ-бы „политическую программу“: Солонъ говоритъ въ немъ о бѣдственныхъ послѣдствіяхъ „дисноміи“, беззаконія, и изображаетъ благотворное дѣйствіе „евноміи“, законности, которая всюду водворяетъ порядокъ и согласіе, сглаживаетъ шероховатости, смягчаетъ высокомѣріе и послѣдствія вражды, умиряетъ гнѣвъ и ненависть. Самъ евпатридъ, Солонъ однако не причислялъ себя къ партіи знатныхъ. Въ одномъ стихотвореніи онъ убѣждаетъ богатыхъ не быть алчными, причемъ отдѣляетъ себя отъ нихъ: „Вы, пресыщенные многими благами, укротите непреклонное сердце и умѣрьте гордый духъ; ибо и мы васъ не послушаемъ, и у васъ не все будетъ идти гладко“. Вообще вину въ раздорахъ Солонъ возлагалъ больше на богатыхъ: онъ боялся ихъ „корыстолюбія и высокомѣрія“, видя въ этомъ причину возникшей вражды. По его мнѣнію, если бы каждому было предоставлено то, что̀ ему принадлежитъ по справедливости, то не было бы и раздоровъ: „справедливость войны не порождаетъ“. Въ одной элегіи Солонъ говорилъ о „скорби, проникающей въ глубину его сердца, когда онъ взираетъ на старѣйшую землю Іоніи“, т.-е. Аттику, раздираемую борьбою. По словамъ Аристотеля, цитирующаго начало этого стихотворенія въ своей „Аѳинской Политіи“, Солонъ обращается къ обѣимъ партіямъ, нападаетъ и тутъ же заступается за ту и другую и затѣмъ убѣждаетъ сообща прекратить возникшій споръ. По Аристотелю эта-то элегія, проникнутая любовью къ родинѣ, печалью при видѣ раздоровъ, являющаяся призывомъ къ примиренію, къ взаимнымъ уступкамъ и справедливости, обратила всеобщее вниманіе на Солона и побудила аѳинянъ избрать его въ архонты и законодатели.

Если кто, то именно Солонъ, стоявшій выше корыстныхъ побужденій и внѣ борющихся партій, по происхожденію одинъ

изъ первыхъ, а по состоянію одинъ изъ среднихъ гражданъ, казалось, могъ явиться посредникомъ и примирителемъ между враждовавшими сторонами, не находившими выхода, и та и другая возлагала на него свои надежды. Для евпатридовъ лучше было положиться на Солона, какъ на одного изъ своихъ по происхожденію, чѣмъ доводить дѣло до насильственнаго коренного переворота; демосъ ожидалъ, что Солонъ возьметъ въ свои руки тиранніи и проведетъ самыя радикальныя мѣры. И вотъ въ 594 г. [1]), послѣ ожесточенной и долгой борьбы, обѣ партіи сообща избираютъ Солона въ „архонты, посредники и законодатели“ и поручаютъ ему устройство государства съ правомъ по своему усмотрѣнію „отмѣнять или сохранять существующее и вводить новое“ [2]).

Прежде всего необходимо было облегчить положеніе должниковъ, устранить соціально-экономическія бѣдствія, и Солонъ, по словамъ Аристотеля, ставъ во главѣ дѣлъ, во-первыхъ, „освободилъ демосъ и въ настоящемъ и на будущее время, запретивъ давать въ-займы подъ залогъ тѣла“; это запрещеніе Аристотель называетъ „первымъ и самымъ важнымъ дѣломъ Солона“; во-вторыхъ, Солонъ „уничтожилъ долговыя обязательства какъ по отношенію къ частнымъ лицамъ, такъ и по отношенію къ государству“. Эти мѣры назывались „*сисахѳіей*“, т.-е. снятіемъ или стряхиваніемъ бремени. Правда, существовало еще въ древности и другое воззрѣніе на сисахѳію [3]), которое до открытія трактата Аристотеля раздѣлялось большинствомъ новыхъ изслѣдователей и по которому мѣра эта заключалась будто-бы въ уменьшеніи процентовъ и въ измѣненіи монетной системы, именно въ увеличеніи номинальной стоимости денегъ: изъ одного и того же количества металла вмѣсто прежнихъ 73 драхмъ чеканилось 100 (другими словами, прежнія 100 драхмъ=137 новымъ), благодаря чему при уплатѣ долга новою монетою должникъ получалъ облегченіе на 27%. Но въ такомъ видѣ сисахѳія не могла положить конца бѣдствію и улучшить положеніе наиболѣе за-

[1]) По обычной хронологіи.

[2]) Аристотель — въ „Аѳ. Пол.“, гл. 5 сл.; Плутархъ — въ біографіи Солона, гл. 14 сл.

[3]) У аттидографа Андротіона. См. Plut., Sol., 15.

должавшихъ бѣдняковъ: у кого совсѣмъ не было денегъ, кто заложилъ свое „тѣло“, тому мало было пользы отъ пониженія процентовъ и измѣненія монетной системы, тому въ такомъ случаѣ не представлялось надежды на улучшеніе положенія въ будущемъ. Что касается радикальнаго характера такой мѣры, какъ уничтоженіе долговыхъ обязательствъ, стоящаго, повидимому, въ противорѣчіи съ общимъ характеромъ дѣятельности Солона, съ его стремленіемъ къ компромиссамъ, съ его любовью къ „срединѣ“, то нужно вспомнить о тяжести кризиса, изъ котораго не было иного выхода. Самъ Солонъ говоритъ, что онъ соединялъ „силу и право“. Наконецъ, есть указанія, что Солонъ не только не понизилъ процентовъ, но предоставилъ особымъ закономъ заимодавцу полную свободу относительно размѣровъ процента [1]). Наоборотъ, та версія о сущности сисахѳіи, которой придерживается Аристотель [2]), согласуется съ свидѣтельствомъ самого Солона въ его стихотвореніяхъ, гдѣ онъ говоритъ объ освобожденіи матери-земли и должниковъ, обращенныхъ въ рабство; а это едва-ли могло быть достигнуто пониженіемъ лишь процентовъ и измѣненіемъ монетной системы.

Измѣненіе монетной системы, которое состоялось позже при Солонѣ, не имѣетъ ничего общаго съ сисахѳіей [3]). Оно имѣло въ виду не облегченіе участи должниковъ, а совсѣмъ другую цѣль: это была замѣна прежней эгинской системы евбейскою; Аѳины изъ области господства монеты и торговли Эгины переходили въ область распространенія монеты и торговли евбейской; онѣ вступали въ сношенія съ Коринѳомъ, съ Халкидикой и македонскимъ побережьемъ, а на западѣ—съ Сициліей; имъ открывались новые рынки; ихъ торговыя связи расширялись. Такимъ образомъ, измѣненіе монетной системы предпринято было въ торговыхъ видахъ и должно было способствовать поднятію благосостоянія малоплодородной Аттики путемъ развитія промышленности и торговли.

---

[1]) У оратора Лисія, X, 18.

[2]) Ее мы находимъ и у аттидографа Филохора.

[3]) Kohler, Numismatische Beitrage (въ Mittheil. d. Deutschen Archaolog. Instituts. Athen. 1885, X), еще до открытія Аристотелева трактата. Теперь см. гл. 10 этого трактата.

Итакъ, сисахѳія состояла въ запрещеніи займовъ подъ залогъ тѣла и въ уничтоженіи долговъ [1]). Результатомъ ея, по свидѣтельству самого Солона, было то, что „мать-земля черная", съ которой онъ снялъ столпы, всюду водруженные, изъ порабощенной стала свободною и что демосъ сталъ свободнымъ. Солонъ говоритъ, что „возвратилъ въ Аѳины, на божественную родину, многихъ проданныхъ въ рабство или бѣжавшихъ отъ нужды, долго скитавшихся и успѣвшихъ забыть аттическій языкъ". Вполнѣ понятно, какимъ образомъ для бѣглецовъ, спасавшихся отъ бѣдствія, сисахѳія, состоявшая въ прощеніи долговъ, сдѣлала возможнымъ возвратъ на родину. Но естественно возникаетъ вопросъ, какъ могъ Солонъ возвратить тѣхъ, кто былъ проданъ въ рабство? гдѣ нашелъ онъ средства для этого? Въ источникахъ мы, къ сожалѣнію, не находимъ отвѣта...

Во внутренней связи съ сисахѳіей находится еще одна мѣра. Есть извѣстіе [2]), что Солонъ съ цѣлью предохранить мелкихъ собственниковъ отъ скупки ихъ участковъ крупными и предотвратить скопленіе земли въ немногихъ рукахъ, установилъ извѣстный максимумъ для поземельныхъ владѣній. Мы не знаемъ, какъ великъ былъ этотъ максимумъ, а также, ка-

[1]) По Р. Ю. Виппперу (Лекціи по исторіи Греціи, стр. 68 сл.), Солонова сисахѳія состояла въ полной ликвидаціи крѣпостныхъ отношеній, существовавшихъ прежде въ Аттикѣ: она была завершеніемъ выкупа крестьянскихъ взносовъ и повинностей, концомъ освобожденія крестьянъ. Но съ этимъ трудно согласовать свидѣтельство самого Солона См. мою ст. въ Журн. Мин. Нар. Просв, 1905, окт Вообще нѣкоторые пункты въ вопросѣ о сисахѳіи все-же остаются неяснымп. Спрашивается, всѣ ли долги были прощены или уничтожены только тѣ обязательства, которыя заключены были подъ залогъ тѣла и земли, но не денежныя? Касалась ли сисахѳія и состоятельныхъ должниковъ или же только бѣдняковъ? Наши источники не даютъ на это прямого отвѣта, но въ нихъ есть косвенныя указанія на то, что прощены были всѣ долги. извѣстный анекдотъ о друзьяхъ Солона, узнавшихъ заранѣе о предполагаемой мѣрѣ и накупившихъ земли въ долгъ, показываетъ, что въ древности представляли себѣ сисахѳію касающеюся всѣхъ должниковъ безъ различія ихъ имущественнаго положенія. Во всякомъ случаѣ, лица состоятельныя среди должниковъ составляли исключеніе; громадное большинство принадлежало къ нуждающимся и къ обремененнымъ долгами.

[2]) Аристотель въ „Политикѣ", 1266 b. 17—19.

салась ли эта мѣра только будущаго или же и тѣхъ имѣній, которыя въ моментъ изданія закона превышали установленную норму, и какъ въ такомъ случаѣ было поступлено съ излишками? были ли они экспропріированы, проданы?..

Съ другой стороны, Солонъ, какъ мы видѣли, не ограничилъ размѣра процентовъ, который въ ту пору былъ очень великъ, какъ и вообще это бываетъ при мало развитомъ еще экономическомъ строѣ, — 18% считалось умѣренной платой. Солонъ предоставилъ въ этомъ отношеніи полную свободу заимодавцу. Деньги стоили тогда очень дорого: напр., по жертвенному тарифу, установленному Солономъ, овца или мѣра ячменя стоила 1 драхму, быкъ—5 драхмъ [1]).

За сисахѳіей послѣдовала „номоѳесія“ — реформированіе Солономъ государственнаго строя и изданіе законовъ.

Какъ мы видѣли уже [2]), иногда противоположность между родовою знатью и простымъ народомъ сглаживалась такимъ образомъ, что лицамъ богатымъ изъ не-аристократовъ открывался доступъ къ высшимъ должностямъ и, слѣдовательно, господство аристократіи по происхожденію замѣнялось господствомъ аристократіи по состоянію. Аналогичную мѣру античная традиція приписываетъ и Солону. По этой традиціи Солонъ раздѣлилъ аѳинскихъ гражданъ по имуществу на четыре класса [3]) — *пентакосіомедимновъ*, *всадниковъ*, *зевгитовъ* и *ѳетовъ*. Минимумъ дохода перваго класса опредѣленъ былъ въ 500 медимновъ [4]) хлѣба или 500 метретовъ вина и масла, для второго класса или всадниковъ—въ 300, для третьяго (зевгитовъ) [5])—въ 200.

---

[1]) Белохъ, Ист Греціи, 1, 174.

[2]) Стр. 21—22

[3]) Уже въ „Драконовой конституціи“ (въ 4 гл. „Аѳ. Пол.“) упоминаются первые три имущественныхъ класса, а касаясь Солоновой реформы текстъ трактата говоритъ, что Солонъ раздѣлилъ аѳинскихъ гражданъ на четыре класса, „на которые они дѣлились и раньше“ Но мы уже упоминали, что „Драконова конституція“ сомнительна и представляетъ вставку; слова: „на которые они дѣлились и раньше“, вѣроятно, внесены для примиренія противорѣчія.

[4]) Отсюда и самое названіе класса: по-гречески pentakosioi—500, медимнъ—мѣра сыпучихъ тѣлъ, равная 2 четверикамъ (52, 53 литра).

[5]) По обычному толкованію такъ назывались лица, владѣвшія упряжкой воловъ. По объясненію Э. Р. ф. Штерна и Цихорціуса, зевгитъ значитъ

Всѣ остальные граждане, имѣвшіе дохода меньше 200 медимновъ или метретовъ, составляли четвертый классъ, θетовъ. Спорный вопросъ: принимался ли въ соображеніе только доходъ съ поземельной собственности, такъ-что всѣ лица, не владѣвшія землей, какъ бы ни были велики ихъ движимость, ихъ капиталъ, причислялись къ θетамъ? или же принимался въ разсчетъ и доходъ съ движимаго имущества, причемъ драхма приравнивалась 1 медимну? Наши источники упоминаютъ лишь о доходѣ съ земли и, слѣдовательно, скорѣе говорятъ въ пользу перваго мнѣнія: Аттика въ эпоху Солона представлялась все еще страной попреимуществу земледѣльческой.

Названія имущественныхъ классовъ отзываются стариной и указываютъ еще на ту пору, когда всадники составляли главную военную силу, когда господствовала культура только хлѣба, а культура вина и оливковъ не была распространена [1]). Они указываютъ на преимущественно военныя цѣли. Названія эти могли существовать, такъ сказать, бытовать въ обществѣ уже давно, еще до Солона, и употребляться въ смыслѣ *приблизительнаго* опредѣленія имущественнаго положенія того или другого лица. Но отсюда еще не слѣдуетъ, что мы должны отвергать формальное введеніе Солономъ дѣленія на классы [2]): Солонъ могъ воспользоваться существовавшими названіями, вообще тѣмъ, что уже бытовало, какъ основой для своей реформы. Дѣленіе на классы онъ положилъ за основаніе при распредѣленіи правъ и повинностей и такимъ образомъ придалъ ему особое значеніе. Солонъ, правда, не былъ сторонникомъ плутократіи и въ своихъ элегіяхъ часто возстаетъ противъ богатыхъ; но онъ, по собственному заявленію, далеко не стоялъ за полное, безусловное равенство бѣдныхъ и богатыхъ, и дѣленіе на четыре имущественныхъ класса, соразмѣрность правъ и повинностей, постепенная градація въ распредѣленіи

„рядомъ стоящій", „находящійся въ ряду", „рядовой", то же, что и гоплитъ. Э. Р. ф. Штернъ, Солонъ и дѣленіе аттич. гражданск. населенія на имуществ. классы (въ Сборн. въ честь Θ. Е. Корша, М. 1896).

[1]) При наименованіи перваго класса (пентакосіомедимны) принята въ соображеніе только мѣра хлѣбная, а не жидкихъ тѣлъ.

[2]) Такъ Э. Р. ф. Штернъ въ отмѣченной раньше статьѣ.

тѣхъ и другихъ какъ-разъ были въ духѣ Солона, соотвѣтствовали его воззрѣніямъ и его идеаламъ [1]).

По Солоновой конституціи, права распредѣлялись по классамъ, соотвѣтственно имущественному положенію гражданъ, и повинности соотвѣтствовали правамъ. Только пентакосіомедимны могли быть архонтами и казначеями: зато на нихъ лежали и самыя тяжелыя повинности, такъ называемыя литургіи, особенно впослѣдствіи,—снаряженіе кораблей, постановка хоровъ и т. под. Занимать вообще должности, быть членами совѣта (о которомъ еще будетъ рѣчь) и т. д. могли только лица первыхъ трехъ классовъ; они же несли и главную тяжесть военной службы. Четвертый классъ по закону не имѣлъ доступа къ должностямъ, но зато и не несъ пока никакихъ повинностей и, наравнѣ съ другими, участвовалъ въ народномъ собраніи и въ народномъ судѣ, геліэѣ.

Солоновы классы продолжали существовать и впослѣдствіи: они встрѣчаются въ документахъ—въ надписяхъ даже IV в.; но съ теченіемъ времени, съ вздорожаніемъ жизни и паденіемъ цѣнности денегъ, границы между ними фактически понижаются, и вообще они теряютъ свой смыслъ и значеніе. Они существуютъ, какъ своего рода „переживанія", какъ анахронизмъ. Но для своего времени эта Солонова реформа имѣла большое значеніе. Аристократія въ сущности замѣнялась тимократіей. Вводились чрезвычайно важные принципы: во-первыхъ, тотъ, что „каждый имѣетъ право на участіе во власти по мѣрѣ того, насколько онъ служитъ государству и обществу своимъ трудомъ и имуществомъ" [2]); во-вторыхъ, тотъ

[1]) Есть не совсѣмъ ясное свидѣтельство (у Поллукса), изъ котораго однако можно вывести заключеніе, что въ случаѣ надобности обложенію подлежали у пентакосіомедимна 1 тал., у всадника—не 3600 драхмъ, какъ слѣдовало бы по тому же разсчету, а только 3000 (т.-е. $^5/_6$ имущества), а у зевгита—1000 др. вмѣсто 2400 (т.-е. лишь $^5/_{12}$). На этомъ основаніи полагали даже (напр. Bockh въ своей монографіи Die Staatshaushaltung d. Athener. Berl 2-te Aufl. 1851), что уже при Солонѣ существовало нѣчто въ родѣ прогрессивнаго налога,—гипотеза, въ настоящее время большею частью отвергаемая въ виду того, что подобный прогрессивный налогъ не соотвѣтствуетъ тогдашней стадіи экономическаго развитія. Ср. Beloch въ Hermes, XX и XXII т.

[2]) П. П. Аландскій. Исторія Греціи. Кіевъ. 1885, стр. 167.

принципъ, что не происхожденіе, не знатность имѣетъ значеніе, а состояніе; человѣкомъ же состоятельнымъ могъ сдѣлаться всякій и незнатный, при энергіи, трудолюбіи и благопріятныхъ обстоятельствахъ, а, слѣдовательно, даже высшія должности теперь уже перестали быть исключительнымъ достояніемъ и привилегіей родовитой знати. При томъ, для первыхъ классовъ размѣръ ценза былъ таковъ, что въ составъ ихъ входили не одни только крупные землевладѣльцы. Затѣмъ, важно было то, что «етамъ предоставлялось участіе въ народномъ собраніи и судѣ: они, прежде безправные и нерѣдко закабаленные, теперь, благодаря сисахѳіи и реформѣ Солона, дѣлаются людьми вполнѣ свободными, гражданами въ полномъ смыслѣ слова съ точки зрѣнія Аристотеля въ его „Политикѣ" ничто лучше не опредѣляетъ понятія „гражданинъ", какъ участіе въ судѣ и въ правленіи.

Словомъ, эта Солонова реформа наносила ударъ замкнутой родовой аристократіи. Но самаго родового устройства Солонъ, повидимому, не коснулся: и при немъ филъ было четыре, какъ и прежде, и четыре филобасилевса. Въ совѣтѣ четырехсотъ, введенномъ Солономъ, было по 100 членовъ отъ каждой филы и кандидатовъ въ архонты, по словамъ Аристотеля, избирала каждая фила.

Продолжали существовать попрежнему и навкраріи. Аристотель (въ 8 гл. „Аѳ. Пол.") ссылается на Солоновы законы, въ которыхъ предписывается навкрарамъ „собирать подати и расходовать изъ навкрарской казны".

Со времени Солона 9 архонтовъ стали составлять одну коллегію. Для избранія ихъ Солонъ ввелъ довольно сложную систему: каждая изъ тогдашнихъ 4 филъ предварительно избирала голосованіемъ по 10 кандидатовъ и уже изъ этихъ 40 лицъ по жребію выбирались 9 архонтовъ.

Итакъ, еще при Солонѣ вводится жребій, хотя и въ смѣшанномъ видѣ [1]). Какое же значеніе имѣлъ жребій? Демократическая ли это мѣра или нѣтъ?

[1]) В. А. Маклаковъ, Избраніе жребіемъ въ Аѳинск. государствѣ (Изслѣдованія по греч. исторіи — В. А. Маклакова и М. О. Гершензона, М. 1894).

Говоря вообще, введеніе жребія могло вызываться разнообразными мотивами и соображеніями. Въ этомъ способѣ избранія древніе могли видѣть и выраженіе воли божества, указывающаго на желанное лицо [1]), и удобное средство для избѣжанія взаимной борьбы партій, интригъ и страстей, особенно при многочисленныхъ выборахъ. Жребій могъ существовать и въ олигархіяхъ. Въ глазахъ иныхъ онъ являлся даже компромиссомъ, уступкой со стороны большинства, демоса, благодаря которой меньшинству не совсѣмъ преграждался доступъ къ должностямъ, и въ этомъ смыслѣ жребій могъ считаться даже мѣрой недемократической. Но большею частью онъ являлся средствомъ, такъ сказать, нивеллирующимъ, способомъ удовлетворять притязанія на равенство въ извѣстномъ кругу лицъ, будь то въ немногочисленной средѣ олигарховъ или въ массѣ державнаго демоса, и поэтому, по своему существу, онъ былъ больше свойственъ демократіи. Таково было и болѣе распространенное воззрѣніе древности. Но какъ бы мы ни смотрѣли вообще на жребій, Солоновъ жребій нельзя считать демократическою мѣрою. Избирательная система, введенная Солономъ, носитъ на себѣ тотъ же характеръ, что и вся его преобразовательная дѣятельность: здѣсь мы видимъ то же стремленіе къ „серединѣ“, къ компромиссу и соглашенію различныхъ началъ, которое такъ отличало Солона. Прежде ареопагъ избиралъ архонтовъ; теперь это право Солонъ передалъ народу,—перемѣна, разумѣется, чрезвычайно важная и въ демократическомъ духѣ. Но въ самомъ способѣ избранія, введенномъ Солономъ, нѣтъ ничего демократическаго. Во-первыхъ, жребій здѣсь соединяется съ „предварительнымъ избраніемъ“ кандидатовъ посредствомъ голосованія, на которое и падаетъ, очевидно, центръ тяжести; оно—главный моментъ, имѣетъ больше значенія, нежели послѣдующая жеребьевка. Во-вторыхъ, предварительное избраніе происходитъ по филамъ, а въ филахъ вліяніе было за знатными родами, за евпатридами. Какой же смыслъ Солонова жребія? Приходилось выбирать коллегію, число членовъ кото-

[1]) На этомъ особенно настаивалъ Fustel de Coulanges, La cité antique. P. 10-me éd 1883, стр. 212—213 (есть рус. пер.), и въ ст. перепеч. въ Nouvelles recherches sur quelques problèmes d'hist. P. 1891.

рой не было въ соотвѣтствіи съ числомъ филъ—9 архонтовъ, облеченныхъ вдобавокъ неодинаковою властью; и вотъ естественно было прибѣгнуть къ жребію: онъ устранялъ соперничество и борьбу между филами, удовлетворялъ ихъ притязанія на равенство, уравнивалъ ихъ.

Итакъ, со временъ Солона архонтовъ избиралъ уже не ареопагъ: Солонъ, по словамъ Аристотеля, предоставилъ народу избирать должностныхъ лицъ и подвергать ихъ отвѣтственности, требовать отъ нихъ отчета.

Народное собраніе (*экклесія*), существовавшее, вѣроятно, и раньше, при Солонѣ получаетъ большее значеніе. Въ немъ теперь могли принимать участіе и ѳеты, дотолѣ въ сущности лишенные политическихъ правъ.

Солонъ учредилъ народный судъ или судъ присяжныхъ, *геліэю*. Остается однако неяснымъ, была ли геліэя тогда только аппелляціоннымъ судилищемъ или же рѣшала какія-либо дѣла и въ первой инстанціи. Мы не знаемъ также подробностей объ ея организаціи при Солонѣ, о числѣ судей (дикастовъ или геліастовъ), способѣ избранія ихъ и проч. Могущественная роль геліэи въ государственномъ строѣ Аѳинъ обнаружилась впослѣдствіи. Значеніе этого учрежденія росло постепенно вслѣдствіе реформъ и формальныхъ законодательныхъ актовъ, а еще больше подъ вліяніемъ самой жизни, самой силы вещей. При Солонѣ были положены первая основа и зародыши этому, а вмѣстѣ съ тѣмъ и могуществу демоса. Народный судъ—одинъ изъ важнѣйшихъ демократическихъ элементовъ въ Солоновой конституціи; онъ, какъ говоритъ Аристотель, наиболѣе способствовалъ усиленію массы: „ибо, будучи господиномъ въ судѣ, демосъ становится господиномъ и въ государствѣ“ („Аѳ. Пол.“, гл. 9).

Въ виду новаго порядка и увеличивавшагося значенія народнаго собранія являлась потребность въ такомъ учрежденіи, которое бы подготовляло и вносило рѣшенія въ экклесію, вообще завѣдывало текущими административными и финансовыми дѣлами. Съ этою цѣлью Солонъ учреждаетъ *совѣтъ четырехсотъ (булэ)*, по 100 членовъ отъ каждой филы.

Учрежденіе геліэи и совѣта четырехсотъ, усиленіе значенія народнаго собранія, предоставленіе народу права избирать

должностныхъ лицъ и требовать отъ нихъ отчета, все это, повидимому, должно было отразиться неблагопріятно на положеніи и вліяніи ареопага. Тѣмъ не менѣе Солонъ предоставилъ ареопагу важное мѣсто въ строѣ Аѳинскаго государства [1]). По выраженію Аристотеля, онъ поставилъ его „всеобщимъ блюстителемъ и стражемъ законовъ" (каковымъ ареопагъ былъ въ сущности и раньше) съ правомъ наблюдать за важнѣйшими государственными дѣлами, карать виновныхъ по своему усмотрѣнію, взыскивать штрафы безъ указанія даже причины и судить тѣхъ, кто составитъ заговоръ съ цѣлью ниспроверженія „демократіи". Слѣдовательно, по Солоновой конституціи ареопагъ являлся стражемъ введеннаго государственнаго строя: по словамъ Плутарха, онъ долженъ былъ подобно якорю предохранять государственный корабль отъ бурь и волнъ и удерживать демосъ въ спокойствіи, не говоря уже о томъ, что ареопагъ являлся судомъ по дѣламъ объ убійствѣ.

Солонъ, очевидно, старался обезпечить прочность введеннаго имъ строя. Интересенъ его законъ, имѣвшій ту же въ сущности цѣль—предотвратить смуты, охранить существующій порядокъ и ускорить разрѣшеніе кризисовъ, въ случаѣ ихъ наступленія. Законъ этотъ направленъ былъ противъ общественнаго индифферентизма, который способствуетъ продленію кризисовъ и даетъ возможность отдѣльной личности или сравнительно небольшой группѣ смѣлыхъ и предпріимчивыхъ людей захватывать власть, подчинять инертное и апатичное большинство и всѣмъ распоряжаться: въ виду частыхъ возстаній и того, что нѣкоторые граждане вслѣдствіе безпечности держали себя въ такихъ случаяхъ особнякомъ, Солонъ издалъ законъ, гласившій, что если кто во время возстанія въ городѣ не возьмется за оружіе и не примкнетъ къ той или другой сторонѣ, тотъ лишается чести и политическихъ правъ.

Въ области уголовнаго и гражданскаго права Солонъ отмѣнилъ законы Дракона, за исключеніемъ тѣхъ, которые касались убійствъ. Въ этой области господствующей чертой Солонова законодательства является *освобожденіе личности*,

[1]) Keil, Die Solonische Verfassung in Aristoteles Verfassungsgeschichte. Berl. 1892, стр. 98 сл.

установленіе *юридическаго* равенства между гражданами; выражаясь словами Солона, онъ далъ „законы, равные для простого и благороднаго, установивъ судъ правый по отношенію къ каждому“. Солонъ запретилъ продавать людей въ рабство (за единственнымъ исключеніемъ — случая прелюбодѣянія со стороны дочери или сестры). Онъ предоставилъ каждому право заступаться за обижаемыхъ—обращаться въ судъ въ случаѣ обиды или несправедливости, причиненной другому. Этимъ онъ имѣлъ въ виду помочь слабой массѣ, какъ говоритъ Плутархъ, и этимъ же наносилъ ударъ родовому началу, господству родовой знати. Солонъ предоставилъ каждому, съ нѣкоторыми оговорками, право при бездѣтности завѣщать имущество по своему усмотрѣнію, тогда какъ прежде въ такомъ случаѣ состояніе должно было оставаться за родомъ. Введеніемъ свободы завѣщанія наносился новый ударъ праву родовому.

Подобно нѣкоторымъ другимъ законодателямъ той эпохи, Солонъ вступилъ въ борьбу съ излишнею роскошью, отличавшею тогдашнюю аристократію, старался ограничить, напр., пышность при похоронахъ и т. под. Цѣлый рядъ его мѣръ имѣлъ въ виду поднять и развить матеріальное благосостояніе населенія и ему принадлежатъ первые шаги въ этомъ направленіи. Вспомнимъ объ установленіи извѣстнаго максимума для поземельныхъ владѣній, съ цѣлью предотвратить скупку и соединеніе многихъ участковъ въ однѣхъ рукахъ, о монетной реформѣ, путемъ которой Аѳины отъ эгинской системы перешли къ евбейской и которая доставила имъ новыя торговыя связи, открыла для нихъ новые рынки. Вообще Солонъ стремился развить аѳинскую торговлю и промышленность, что̀ для малоплодородной Аттики имѣло большое значеніе. Онъ только запретилъ вывозъ полевыхъ продуктовъ, такъ какъ хлѣба не хватало для мѣстнаго населенія, и сдѣлалъ исключеніе для оливокъ, которыми страна была богата и культурѣ которыхъ Солонъ покровительствовалъ. Онъ разрѣшилъ составлять товарищества всякаго рода, лишь бы они не противорѣчили государственнымъ законамъ. Чужеземцамъ, переселяющимся въ Аттику, были предоставлены льготы: если чужеземецъ, такъ называемый метэкъ, переселялся со всею семьею или навсегда былъ изгнанъ изъ отечества, то ему давалось въ Аѳинахъ

право гражданства. Къ труду, который обыкновенно презирался въ аристократическихъ общинахъ Греціи, Солонъ старался вселить уваженіе и поощрить его. Правда, законъ противъ праздности принадлежитъ, быть можетъ, не Солону, а Писистрату; но извѣстно, напр., что по Солонову закону отецъ, не научившій сына какому-либо ремеслу, не имѣлъ права въ старости требовать, чтобы сынъ содержалъ его. Наконецъ Солону принадлежитъ рядъ постановленій, касающихся отношеній между владѣльцами сосѣднихъ участковъ, посадки деревьевъ, рытья колодцевъ и пользованія ими, истребленія вредныхъ животныхъ (за истребленіе волковъ, напр., назначались премии) и друг.

Законы Солона начертаны были на аксонахъ, четыреугольныхъ деревянныхъ вращающихся столпахъ, а оффиціальныя копіи ихъ—на каменныхъ столпахъ, кирбахъ. Солонъ взялъ съ аѳинянъ клятвенное обязательство хранить его законы въ теченіе извѣстнаго времени, по одному преданію — 10 лѣтъ, по другому — 100. Архонты и впослѣдствіи предъ вступленіемъ въ должность давали клятву, если преступятъ какой-либо законъ, посвятить золотую статую въ Дельфы величиною въ человѣческій ростъ.

Достойнымъ завершеніемъ дѣла Солона была амнистія: кто лишенъ былъ политическихъ и гражданскихъ правъ до архонтства Солона, возстановлялся въ своихъ правахъ, за исключеніемъ тѣхъ лицъ, которыя, будучи осуждены ареопагомъ, или эфетами, или въ пританеѣ, подъ предсѣдательствомъ „царей", за убійство, нанесеніе ранъ и за попытки къ тираніи, находились въ изгнаніи, когда амнистія была объявлена.

Аристотель въ своей „Политикѣ" говоритъ, что Солонъ установилъ древнюю демократію, прекрасно смѣшавъ разныя начала, причемъ въ ареопагѣ Аристотель видитъ начало олигархическое, въ выборѣ должностныхъ лицъ — аристократическое (очевидно, тутъ онъ придаетъ значеніе лишь предварительному избранію посредствомъ голосованія, игнорируя послѣдующую затѣмъ жеребьевку), а въ народномъ судѣ — начало демократическое. Въ другомъ своемъ произведеніи, „Аѳинской Политіи", Аристотель называетъ Солона „первымъ представителемъ демоса" и отъ него ведетъ аѳинскую демократію.

Три дѣла Солона Аристотель отмѣчаетъ, какъ особенно демократическія: первое и важнѣйшее—запрещеніе давать въ-займы подъ залогъ „тѣла“, затѣмъ — предоставленіе каждому права заступаться путемъ суда за обижаемыхъ и, въ-третьихъ, аппелляція въ дикастерій, въ народный судъ, „ибо“, какъ сказано уже „будучи господиномъ въ судѣ, демосъ становится господиномъ и въ государствѣ“. (гл. 9).

Вообще въ глазахъ аѳинянъ V и IV в. Солонъ былъ великимъ законодателемъ и творцомъ ихъ демократіи, отъ котораго вели свое начало чуть не всѣ главныя ихъ учрежденія. Извѣстно стремленіе потомковъ приписывать одному лицу то, что̀ являлось плодомъ работы нѣсколькихъ дѣятелей или даже поколѣній, олицетворять въ одномъ образѣ цѣлые періоды развитія. И Солону впослѣдствіи приписывалось многое, что̀ въ дѣйствительности ему не принадлежало, что̀ возникло или раньше, или позже его. Есть изслѣдователи [1]), которые относятся поэтому крайне скептически къ извѣстіямъ о политическихъ преобразованіяхъ Солона и готовы даже отвергать самое существованіе Солоновой конституціи. Мы не находимъ возможнымъ заходить такъ далеко и думаемъ, что въ античной традиціи, въ изложеніи Аристотеля и Плутарха, при всѣхъ преувеличеніяхъ, заключается все-же большая доля истины.

Но строй временъ Солона, разумѣется, далекъ былъ еще отъ послѣдующей демократіи V и IV в.: Солонъ лишь заложилъ часть фундамента, на которомъ могло быть возведено зданіе этой демократіи. При этомъ онъ, быть можетъ, являлся не только нововводителемъ, но и возстановителемъ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ началъ, которыя не чужды были искони аѳинскому общественному строю, но которыя подавлены были въ эпоху господства знати; быть можетъ, зародыши эти Солонъ оживилъ и развилъ, такъ какъ иногда то, что̀ кажется новизною и ломкою, есть лишь возвращеніе къ старинѣ, къ исконному порядку; но мы слишкомъ мало знаемъ достовѣрнаго о началахъ равенства и самоуправленія въ древней до-Солоновой Аттикѣ, чтобы утверждать это положительно.

Солонъ былъ врагъ крайностей. „Ничего чрезъ мѣру“,

[1]) Напр. Низе, Белохъ, Р. Ю. Виппперъ.

говорятъ, было его девизомъ. Умѣренность, стремленіе къ примиренію сталкивающихся интересовъ и противоположныхъ началъ характеризуютъ Солона: онъ былъ преимущественно посредникъ и примиритель между двумя борющимися сторонами. Такъ онъ самъ смотрѣлъ на себя: „народу я далъ столько власти, сколько надо; а кто имѣлъ силу и отличался богатствомъ, и о тѣхъ я подумалъ, чтобы они не испытали ничего неподобающаго; я сталъ, распростершн крѣпкій щитъ надъ обоими, и не позволилъ ни той, ни другой сторонѣ одержать несправедливой побѣды“. Или: „Я сталъ словно пограничный столпъ между ними, какъ между двумя войсками“. По мнѣнію Солона, народъ лучше всего слѣдуетъ за вождями, когда онъ ни слишкомъ распущенъ, ни угнетенъ; ибо пресыщеніе порождаетъ наглость, когда много счастья достается людямъ, у которыхъ нѣтъ благоразумія. По словамъ Аристотеля, Солонъ далъ народу лишь самую необходимую власть, именно—право выбирать должностныхъ лицъ и требовать отъ нихъ отчета, ибо если бы народъ не имѣлъ и этихъ правъ, то онъ былъ бы рабомъ и врагомъ существующаго строя („Политика“, 1274 a).

„Если нужно открыто поставить въ упрекъ народу“, говоритъ Солонъ, „—никогда бы ему и во снѣ не видѣть того, что̀ онъ теперь имѣетъ, а тѣ, кто болѣе знатенъ и силенъ, должны были бы меня тоже хвалить и считать своимъ другомъ“.

На самомъ дѣлѣ было не то. Солона постигла обычная участь людей, избѣгающихъ крайностей и стремящихся къ срединѣ. Его реформы въ духѣ умѣренности и примиренія противоположныхъ интересовъ не удовлетворили ни той, ни другой партіи; онѣ вызвали разочарованіе и неудовольствіе, особенно сисахѳія, которая однимъ казалась мѣрою слишкомъ крутою и противозаконною, революціонною, а другимъ—недостаточною. Не того ожидали отъ Солона обѣ партіи. Многіе воображали, что онъ возьметъ въ свои руки диктатуру и сдѣлается тираномъ. Каждая изъ боровшихся сторонъ надѣялась, что онъ примкнетъ къ ней и будетъ дѣйствовать въ ея интересахъ. Знатные думали, что онъ оставитъ прежній порядокъ не тронутымъ или лишь слегка его измѣнитъ; демосъ мечталъ о всеобщемъ земельномъ передѣлѣ. Но Солонъ такой передѣлъ называлъ „грабежомъ“ и былъ противъ того, чтобы „благо-

родные и простые владѣли равною частью тучной родной земли“ [1]).

Стопло Солону только захотѣть и примкнуть къ одной изъ партій, и онъ былъ бы тиранномъ; но онъ оттолкнулъ отъ себя обѣ крайнія партіи, предпочтя „благо и спасеніе государства“ своимъ личнымъ выгодамъ: ему „не нравилось“, по его собственнымъ словамъ, „совершать что-либо путемъ насилія и тираніи“; онъ хотѣлъ дѣйствовать „силою закона“. Въ этомъ— великое нравственное значеніе личности Солона. Другой на его мѣстѣ, замѣчаетъ онъ, „не сдержалъ бы народа и не остановился бы, пока не снялъ бы сливокъ и не взболталъ молока“. „Если бы, какъ я, взялъ бразды другой, зломыслящій и корыстолюбивый человѣкъ, не сдержалъ бы онъ демоса; еслибъ я желалъ исполнить то, что̀ нравилось тогда однимъ, и то, что̀ совѣтовали другіе, многихъ мужей потерялъ бы этотъ городъ“.

Разочарованіе и недовольство крайнихъ партій было велико. „Тщетное они задумывали“, замѣчаетъ Солонъ по поводу раздѣла земли, „а теперь сердясь смотрятъ косо на меня, словно на врага“. Ему приходилось защищаться со всѣхъ сторонъ, „какъ волку среди стаи псовъ“. „Не былъ Солонъ мужемъ совѣта и глубокаго разума“, такъ передаетъ онъ самъ замѣчанія, направленныя противъ него изъ-за того, что онъ не сдѣлался тиранномъ; „когда богъ давалъ ему счастье, самъ онъ не взялъ; поймавъ большую добычу, онъ изумленный не вытащилъ сѣти: духу не хватило и разсудокъ потерялъ“. Но Солонъ зналъ, что „въ великомъ дѣлѣ трудно всѣмъ угодить“, и если онъ не захватилъ тираніи, не запятналъ своей славы, то онъ нисколько не стыдился своего образа дѣйствій; ибо такимъ способомъ онъ думалъ скорѣе побѣдить всѣхъ. Съ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія Солонъ могъ сказать: „я исполнилъ, что̀ обѣщалъ“. Онъ могъ призвать въ свидѣтели „мать-землю черную, прежде порабощенную, нынѣ свободную“, возвращенныхъ имъ изъ рабства и законы, равные для всѣхъ [2]).

---

[1]) Слова Солона цитируетъ Аристотель въ „Аѳ. Политіи“, гл. 12.

[2]) Стихотвореніе Солона, цитируемое въ 12 гл. „Аѳ. Политіи“ Аристотеля.

Солонъ вывелъ Аѳины изъ тяжелаго кризиса, смягчилъ его и отнялъ у него острый характеръ. И безъ сисахѳіи Солона, безъ его безкорыстной, примиряющей дѣятельности, кто знаетъ, чѣмъ бы еще кончился этотъ кризисъ. Преобразованія Солона оставили глубокій слѣдъ въ аѳинской исторіи. Его дѣло не было мертворожденнымъ. Многіе его законы и созданныя имъ учрежденія оказались долговѣчными, пережили его и послѣдующія смуты, самую тираннію. Зародыши и начала, положенные Солономъ, выросли и потомъ пышно развились. Нѣкоторыя положенія перешли и въ римское право, а оттуда—въ современное [1]).

Но плоды Солоновой дѣятельности обнаружились больше впослѣдствіи. Непосредственно же послѣдовавшія затѣмъ событія показали, что великому законодателю все-же не суждено было имѣть полнаго успѣха, что введенный имъ строй неустойчивъ. Самыя его реформы, особенно сисахѳія, нѣкоторыхъ разорившая, крайнихъ партій не успокоили и не примирили, а напротивъ явились на первыхъ порахъ новымъ источникомъ недовольства и смутъ [2]). Оказалось, что не смотря на дѣятельность Солона, Аѳины не могли миновать той ступени, которую проходили обыкновенно греческія государства на пути къ демократіи,—*тиранніи*.

Новыя смуты и тиранніи Писистратидовъ.

Первые годы послѣ Солонова законодательства прошли спокойно; по крайней мѣрѣ, внутренній миръ и установленный Солономъ порядокъ не были явно нарушены. Но „на пятый годъ послѣ архонтства Солона“ дѣло дошло уже до того, что аѳиняне вслѣдствіе смутъ не могли выбрать перваго архонта. Черезъ четыре года повторилось то же; аѳиняне опять не имѣли архонта по причинѣ смутъ, а затѣмъ черезъ такой же промежутокъ времени избранъ былъ въ архонты Дамасій, ко-

[1]) E Meyer, Geschichte d. Alterthums, II, 660.

[2]) М. М. Хвостовъ, Сисахѳія Солона и разложеніе евпатридскаго землевладѣнія (Филологич. Обозрѣніе, XIII, 1897).

торый показалъ себя явнымъ узурпаторомъ: онъ самовольно оставался въ должности болѣе двухъ лѣтъ, пока не былъ „прогнанъ силою“. Тогда состоялось соглашеніе между партіями: постановлено было избрать *десять* архонтовъ: 5 изъ евпатридовъ, 3 изъ агройковъ, т.-е. геоморовъ, и 2 изъ деміурговъ [1]). Событія эти относятся къ концу 80-хъ годовъ VI в.

Въ этихъ смутахъ, въ борьбѣ изъ-за архонтата, Аристотель съ полнымъ основаніемъ видитъ доказательство того важнаго значенія, какое имѣла тогда должность перваго архонта. Борьба шла, по всей вѣроятности, между знатными и незнатными. Нельзя не замѣтить въ этихъ смутахъ извѣстной правильности, періодичности: быть можетъ, не случайно „анархія“, невозможность выбрать архонта, оба раза повторяется черезъ одинъ и тотъ же промежутокъ времени—четыре года. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ возможности уяснить себѣ подробнѣе ходъ и связь событій.

Что касается Дамасія, то, очевидно, онъ стремился къ тиранніи, но на кого онъ опирался—на демосъ или на евпатридовъ, мы не знаемъ. Ясно одно, – что сверженіе его и избраніе 10 архонтовъ является торжествомъ неевпатридовъ—половина мѣстъ въ коллегіи архонтовъ была предоставлена имъ—и что тутъ сдѣланы были важныя уступки со стороны евпатридовъ. Въ совершившейся перемѣнѣ можно видѣть какъбы реакцію противъ Солоновыхъ реформъ: вмѣсто пентакосіомедимновъ предъ нами тутъ опять до-Солоновы сословія, и введенный Солономъ порядокъ, предоставлявшій высшія должности пентакосіомедимнамъ, былъ несомнѣнно нарушенъ. По всей вѣроятности, и тотъ смѣшанный способъ избранія архонтовъ, который введенъ былъ Солономъ, комбинація голосованія и жребія, былъ отмѣненъ или не примѣнялся въ это смутное время. Число архонтовъ—10—столь необычно, что кажется страннымъ и на первый взглядъ вызываетъ недоумѣніе. Но обстоятельства вообще были исключительныя, и если произошелъ столь необычный фактъ, какъ избраніе архонтовъ изъ евпатридовъ, геоморовъ и деміурговъ, то неудивительно, что и самое число архонтовъ было не традиціонное, а исключитель-

[1]) Аристотель въ 13 гл. „Аѳ. Пол.“.

ное. Избраніемъ 10 архонтовъ, изъ которыхъ половина была изъ знатныхъ, а другая половина—изъ незнатныхъ, устанавливались компромиссъ и извѣстное равенство между евпатридами и неевпатридами [1]).

Это нововведеніе просуществовало однако недолго и борьба партій продолжалась. Попрежнему, для однихъ причиной недовольства было уничтоженіе долговыхъ обязательствъ, повлекшее за собою ихъ обѣднѣніе; другіе недовольны были крупными перемѣнами въ государственномъ строѣ; третьи не удовлетворены были этими перемѣнами, а нѣкоторые вели борьбу просто вслѣдствіе взаимной вражды.

Въ то время въ Аттикѣ выступаютъ три партіи, каждая со своими стремленіями и со своими вождями изъ евпатридовъ. Партіи носили названія отъ мѣстностей, гдѣ онѣ сосредоточивались. Это были, во-первыхъ, *педіэи* (или педіаки), жители „равнины“, самой плодородной части Аттики, крайняя аристократическая партія, состоявшая изъ богатыхъ землевладѣльцевъ-евпатридовъ и стремившаяся къ реакціи, къ уничтоженію того, что̀ сдѣлано было Солономъ, и къ возстановленію стараго, до-Солоновскаго порядка. Во главѣ педіэевъ стоялъ Ликургъ. Во-вторыхъ—*параліи* или *параліи*, жители „береговой полосы“, партія умѣренная, сторонница „средней политіи“, по словамъ нашего источника, т.-е. по всей вѣроятности—строя, введеннаго Солономъ. Состояла она преимущественно изъ торговцевъ и ремесленниковъ, представителей не столько землевладѣльческой и родовой знати, сколько движимости, хотя въ составѣ ея были и земледѣльцы. Вождемъ параловъ былъ Мегаклъ, изъ фамиліи Алкмеонидовъ, зять сикіонскаго тиранна Клисѳена. Наконецъ третья партія—*діакріевъ*, сосредоточивавшаяся главнымъ образомъ въ бѣдной, малоплодородной, холмистой части Аттики. Состояла она изъ ѳетовъ, мелкихъ крестьянъ и пастуховъ, поденщиковъ и батраковъ. Къ ней при-

[1]) Существуетъ предположеніе (высказанное и Э. Мейеромъ во II т. его Forschungen zur alten Geschichte. Halle. 1899, стр. 537 сл.), что 10 архонтовъ—это коммиссія, замѣнявшая лишь перваго архонта, рядомъ съ которой существовали остальные архонты—басилевсъ, полемархъ и ѳесмоѳеты. Такое предположеніе не лишено вѣроятія и хорошо согласуется съ свидѣтельствомъ Аристотеля въ „Аѳ. Пол.“.

мкнули также тѣ, кто вслѣдствіе Солоновой сисахѳіи лишился полученія долговъ и обѣднѣлъ, и нечистокровные аѳиняне, опасавшіеся исключенія изъ числа гражданъ. Это была партія наиболѣе демократическая, радикальная, раздраженная противъ богатыхъ, неудовлетворенная Солоновыми реформами, мечтавшая о коренномъ переворотѣ, передѣлѣ земли и т. под.

Во главѣ діакріевъ сталъ Писистратъ, по происхожденію тоже аристократъ, снискавшій себѣ особую популярность въ народѣ. Онъ имѣлъ славу счастливаго полководца. Въ возобновившейся войнѣ съ Мегарой онъ завоевалъ мегарскую гавань Нисею и окончательно упрочилъ за аѳинянами обладаніе Саламиномъ [1]). Съ военными заслугами и доблестями Писистратъ соединялъ обходительность, умѣнье располагать къ себѣ массу; онъ приходилъ на помощь бѣднымъ, обнаруживалъ гуманное отношеніе даже къ врагамъ, а больше всего, казалось, любилъ равенство [2]). Онъ-то и выступилъ въ роли вождя и защитника демоса, пролагая себѣ путь къ тиранніи.

Солонъ, вскорѣ послѣ своего законодательства покинувшій было Аѳины, чтобы избѣгнуть докучливыхъ вопросовъ и порицаній, и теперь давно вернувшійся изъ десятилѣтняго путешествія, ясно видѣвшій, къ чему клонится дѣло, тщетно предостерегалъ аѳинянъ отъ опасности, грозящей ихъ свободѣ: „Изъ тучи идетъ снѣгъ и градъ, изъ блестящей молніи происходитъ громъ; отъ великихъ же людей государство гибнетъ. Народъ по невѣдѣнію попадаетъ въ рабство къ монарху; слишкомъ высоко поднявшагося нелегко потомъ сдержать; надо теперь обо всемъ размыслить“. Но предостереженій Солона не слушали. „Если вы“, говорилъ онъ потомъ, обращаясь къ аѳинянамъ, „по собственной глупости потерпѣли, не возлагайте вины на боговъ; ибо вы сами взростили этихъ тирановъ, давъ имъ силу, и поэтому терпите злую неволю. Въ отдѣльности каждый изъ васъ идетъ по стопамъ лисицы, а сообща у васъ — умъ слабый. Ибо вы смотрите на языкъ и на слова вкрадчиваго мужа, а на дѣло совсѣмъ не глядите“.

[1]) Къ этому времени, по мнѣнію большинства ученыхъ, относится аѳинское постановленіе, касающееся земельныхъ участковъ на Саламинѣ и дошедшее до насъ въ обрывкахъ надписи.

[2]) Plut., Sol., 29.

Извѣстенъ разсказъ о томъ, какъ Писистратъ, нарочно ранивъ себя, явился на площадь къ народу, жаловался на преслѣдованія враговъ и просилъ дать ему охрану. До насъ дошло даже имя того лица, по предложенію котораго постановлено было удовлетворить просьбу Писистрата; это—нѣкій Аристонъ или Аристіонъ. И вотъ Писистратъ, опираясь на отрядъ тѣлохранителей — „дубинопосцевъ", палочниковъ—завладѣлъ акрополемъ и сдѣлался тиранномъ (561/0 г.).

На первый разъ однако Писистрату недолго пришлось властвовать. Прежніе соперники, Мегаклъ, стоявшій во главѣ параловъ, и Ликургъ, предводитель педіэевъ, соединились противъ него, и онъ принужденъ былъ покинуть Аѳины. Писистратъ удалился въ Марафонъ, средоточіе его партіи, діакріевъ.

Но съ удаленіемъ Писистрата рушился союзъ Мегакла съ Ликургомъ, и Мегаклъ вступилъ въ соглашеніе съ Писистратомъ; между ними условлено было, что Писистратъ возвратится въ Аѳины и женится на дочери Мегакла. Разсказываютъ, будто для захвата Аѳинъ имъ пущена была въ ходъ такая уловка: одну высокую, красивую женщину нарядили богиней Аѳиной; она стала на колесницу, рядомъ съ нею Писистратъ, и такимъ образомъ направились къ городу, а впереди шли герольды и провозглашали, что сама Аѳина возвращаетъ Писистрата въ свой акрополь. Жители вѣрили и падали ницъ предъ мнимой богиней. Геродотъ, также передающій этотъ разсказъ (I, 60), изумляется, какъ могли тогдашніе аѳиняне, отличавшіеся своимъ развитіемъ, повѣрить подобной нелѣпости...

Такъ Писистратъ вторично завладѣлъ властью, но опять не надолго. Онъ скоро разошелся съ Мегакломъ и долженъ былъ оставить Аѳины. На этотъ разъ онъ удалился на македонское побережье, у Ѳермейскаго залива, а оттуда—на берега рѣки Стримона, въ окрестности Пангея, мѣстность, богатую металлами, гдѣ онъ владѣлъ рудниками и гдѣ впослѣдствіи въ V в. аѳиняне такъ старались утвердиться, основавъ Амфиполь. Добывъ средства и нанявъ войско, Писистратъ отправляется на островъ Евбею, въ Эретрію, въ которой господствовала олигархія „всадниковъ", оказавшая ему ревностное содѣйствіе. Онъ входитъ, кромѣ того, въ дружественныя связи съ богатымъ

и вліятельнымъ наксосцемъ Лигдамидомъ, съ Аргосомъ, давшимъ ему отрядъ войска, съ ѳиванцами, поддерживаетъ сношенія съ своей партіей въ самой Аттикѣ и зорко слѣдитъ за тѣмъ, что происходитъ въ Аѳинахъ. Теперь съ оружіемъ въ рукахъ онъ думаетъ овладѣть властью, вступаетъ съ войскомъ въ Аттику и въ битвѣ при Палленѣ наноситъ пораженіе своимъ противникамъ. Путь въ Аѳины послѣ этого былъ ему открытъ. На этотъ разъ Писистратъ прочно утвердился во власти, сохранилъ ее до самой смерти и передалъ ее своимъ сыновьямъ [1]).

Торжество Писистрата было ударомъ для евпатридовъ. Нѣкоторые изъ его соперниковъ и противниковъ пали, другіе волей или неволей удалились изъ Аѳинъ; большая часть ихъ имѣній была конфискована; третьи покорились власти тиранна. Но государственныхъ учрежденій и законовъ Писистратъ не тронулъ. По-прежнему существовалъ напр. ареопагъ, и разсказываютъ даже, что Писистратъ, кѣмъ-то обвиненный, предсталъ на судъ его; но обвинитель не явился. По-прежнему существовалъ и архонтатъ; только Писистратъ старался проводить на эту должность своихъ родственниковъ: повидимому, смѣшанная система выборовъ, введенная Солономъ, при которой, благодаря жребію, могли проходить въ архонты лица, нежелательныя для тиранна, не примѣнялась и замѣнена была прямымъ голосованіемъ. Гражданъ Писистратъ постарался разоружить. Въ его распоряженіи былъ отрядъ войска и богатыя матеріальныя средства. Изъ рудниковъ на берегахъ Стримона онъ получалъ большіе доходы. Кромѣ того, онъ установилъ сборъ въ размѣрѣ одной десятой или, по другому свидѣтельству, одной двадцатой части съ дохода.

[1]) Хронологическія данныя касательно тиранніи Писистрата, сообщаемыя нашими источниками, въ особенности „Аѳинскою Политіей“, чрезвычайно сбивчивы и противорѣчивы. См. въ моей кн. „Аѳ. Пол. Аристотеля“, у Бузольта и др. Белохъ и Э. Мейеръ отвергаютъ двукратное изгнаніе и возвращеніе Писистрата; они допускаютъ не три, а только два періода его тиранніи, и принимаютъ приведенные выше разсказы о его возвращеніи за различныя версіи объ одномъ и томъ же событіи. Но доводы ихъ не убѣдительны: разсказы о томъ и другомъ возвращеніи Писистрата не имѣютъ между собою ничего общаго; это вовсе не два варіанта, касающіеся одного и того же факта.

Но не только это служило опорой Писистрату. Античное преданіе, которое нельзя заподозрѣть въ сочувствіи къ тираніи и которое прославляло тиранноубійство, рисуетъ намъ Писистрата въ образѣ гуманнаго, мягкаго, снисходительнаго властителя, соблюдающаго законы, правящаго „умѣренно, скорѣе какъ гражданинъ, нежели какъ тиранъ“. Такими качествами и образомъ дѣйствія Аристотель объясняетъ, почему, будучи изгоняемъ, Писистратъ снова легко захватывалъ власть и подъ конецъ удержалъ ее за собою: его возвращенія желало большинство какъ знатныхъ, такъ и демоса: однихъ онъ привлекалъ ласковымъ обращеніемъ, другихъ—помощью въ ихъ частныхъ дѣлахъ, и съ тѣми и другими онъ былъ хорошъ, говоритъ Аристотель.

Особенно заботился Писистратъ о сельскомъ классѣ [1]). Всеобщаго передѣла земли, о которомъ мечтала крайняя партія, и онъ не совершилъ; но есть предположеніе [2]), что за смертью и удаленіемъ изъ Аттики многихъ знатныхъ Писистратъ получилъ возможность распорядиться землями, которыя были имъ конфискованы, и роздалъ ихъ мелкимъ земледѣльцамъ, прежнимъ гектеморамъ, которые такимъ образомъ стали собственниками обрабатываемыхъ ими участковъ. Источники объ этомъ не говорятъ, но и они свидѣтельствуютъ, что Писистратъ нуждающихся снабжалъ скотомъ и сѣменами, давалъ имъ въ ссуду деньги на обработку земли и проч. Словомъ, онъ открылъ для сельскаго населенія государственный кредитъ. Дѣлалъ онъ это, по словамъ Аристотеля, для того, чтобы масса не скоплялась въ городѣ и чтобы она, пользуясь умѣреннымъ достаткомъ и занимаясь своими частными дѣлами, не имѣла ни желанія, ни досуга заниматься дѣлами общественными; вмѣстѣ съ тѣмъ, при развитіи земледѣлія, увеличивались и доходы Писистрата, такъ какъ онъ взималъ извѣстную долю съ продуктовъ. Но Писистратъ дѣйствовалъ тутъ не только какъ хитрый и властолюбивый тираннъ, желавшій обезопасить себя, но и какъ дальновидный государственный человѣкъ;

[1]) Cauer, Parteien und Politiker in Megara und Athen. Stuttg. 1890, стр. 92 сл.

[2]) Busolt, II², 327—8.

тонкій разсчетъ и личная выгода соединялись здѣсь съ удовлетвореніемъ насущныхъ интересовъ народа. Лучшее средство упрочить свою власть Писистратъ видѣлъ въ поднятіи благосостоянія массы; онъ полагалъ, что населеніе, пользующееся достаткомъ, не будетъ стремиться къ перемѣнѣ, къ сверженію его власти. Въ дѣлѣ экономическихъ реформъ Писистратъ пошелъ дальше по пути, на который вступилъ Солонъ; онъ завершилъ тутъ то, что̀ начато было Солономъ; онъ коснулся самаго корня зла, отъ котораго страдала масса земледѣльческаго населенія и отъ котораго не могла ее радикально освободить даже сисахѳія и другія мѣры Солона. Открывъ кредитъ и оказавъ помощь земледѣльческому классу, Писистратъ устранилъ самыя причины тяжкаго положенія этого класса и сдѣлалъ для Аттики невозможнымъ въ будущемъ повтореніе того экономическаго кризиса, который она пережила въ концѣ VII и въ началѣ VI в. Благосостояніе массы, а вмѣстѣ и дальнѣйшій ростъ демоса были имъ упрочены. Послѣ Солона и Писистрата мы больше уже не слышимъ ни о земледѣльческомъ кризисѣ, ни о гектеморахъ и ихъ печальной долѣ въ Аттикѣ.

Большое вниманіе Писистратъ обращалъ на правосудіе. Онъ часто самъ объѣзжалъ страну, на мѣстѣ разрѣшая споры и надзирая за правосудіемъ. Для сельскаго населенія онъ учредилъ „судей по демамъ“, т.-е. по сельскимъ общинамъ, волостямъ. Аристотель объясняетъ это тоже заботой о томъ, чтобы населеніе не покидало своихъ полей и не являлось въ городъ. Но, кромѣ того, могли здѣсь дѣйствовать и другіе мотивы: учрежденіе судей по демамъ было въ интересахъ массы и правосудія; судъ дѣлался болѣе доступнымъ и близкимъ населенію; вмѣстѣ съ тѣмъ еще болѣе подрывалось вліяніе и могущество мѣстныхъ знатныхъ родовъ.

При Писистратѣ въ Аѳинахъ развилась широкая строительная дѣятельность: предпринята постройка новыхъ храмовъ, полезныхъ сооруженій, въ родѣ водопровода и водоема (Эннеакруносъ), что̀ для города, нуждавшагося въ водѣ, было очень важно; проведены прекрасныя дороги изъ Аѳинъ въ окрестности, причемъ тутъ главная заслуга принадлежала одному изъ Писистратовыхъ сыновей, Гиппарху, и т. д. Все это способство-

вало не только украшенію и благоустройству города, но и давало заработокъ рабочимъ и ремесленникамъ, имѣло, слѣдовательно, значеніе соціально-политической мѣры [1]). Тутъ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ, Писистратъ является предшественникомъ Перикла. При немъ же введено содержаніе на государственный счетъ инвалидовъ, получившихъ увѣчье на войнѣ.

Вообще Писистратъ, по словамъ Аристотеля, не угнеталъ народа, но доставлялъ ему внутренній миръ и спокойствіе, и впослѣдствіи часто говорили, что „время Писистратовой тиранніи—это вѣкъ Кроноса", золотая пора (гл. 16). Въ исторіи развитія аѳинской демократіи тиранния Писистрата является важнымъ моментомъ, подготовкой къ послѣдующему господству демоса: она должна была содѣйствовать соціальному и политическому равенству; знатные должны были подчиниться общимъ для всѣхъ законамъ и господствовавшей надъ всѣми власти тиранна; реакціонныя попытки евпатридовъ были подавлены: страстная борьба и смуты на время улеглись; Солоновы законы, не тронутые Писистратомъ, могли войти въ самую жизнь: благосостояніе массы поднялось; демосъ окрѣпъ.

Въ исторіи внѣшняго могущества Аѳинъ правленіе Писистрата занимаетъ также чрезвычайно важное мѣсто. Аѳинскій тираннъ далеко простеръ политическія связи и свое вліяніе. Онъ имѣлъ опору и извнѣ. Писистратъ находился въ союзѣ съ Ѳивами, Ѳессаліей, Эретріей, Аргосомъ и Поликратомъ Самосскимъ; онъ былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ со Спартой. Онъ покорилъ Наксосъ и поставилъ тамъ правителемъ или тирапномъ своего союзника Лигдамида; совершилъ религіозное очищеніе на Делосѣ и такимъ образомъ расположилъ въ свою пользу этотъ священный островъ; завоевалъ Сигей, изъ-за котораго борьба шла еще въ концѣ VII в., а теперь, повидимому, возобновилась, и посадилъ въ немъ одного изъ своихъ сыновей; имѣлъ владѣнія у Ѳермейскаго залива и Пангея. Наконецъ, при немъ и при его поощреніи представитель

---

[1]) Ѳеофрастъ приписываетъ Писистрату законъ противъ праздности, тогда какъ другіе относятъ этотъ законъ еще ко времени Солона и даже Дракона.

одной изъ самыхъ вліятельныхъ аѳинскихъ фамилій, Мильтіадъ, о которомъ Геродотъ говоритъ, какъ о династѣ, утвердился въ Херсонесѣ Ѳракійскомъ, лежавшемъ на пути въ Понтъ, и положилъ тамъ начало аѳинскому господству. Мы видимъ такимъ образомъ, что уже при Писистратѣ аѳинскому вліянію подчинены были важнѣйшіе изъ Цикладъ, что аѳиняне уже тогда стали ногою на македонскомъ побережьѣ и у Геллеспонта, пунктахъ, чрезвычайно важныхъ въ торговомъ и стратегическомъ отношеніяхъ, и тамъ, гдѣ впослѣдствіи такъ широко распространилось аѳинское господство. На-ряду съ расширеніемъ политическаго могущества, развивались, разумѣется, и торговыя связи, обезпечивались сношенія напр. со странами Припонтійскими. Словомъ, при Писистратѣ уже было какъ-бы намѣчено то, что совершено Аѳинами V в., въ пору расцвѣта ихъ демократіи и внѣшняго могущества. Писистратъ является тутъ предшественникомъ Ѳемистокла и Аристида, Кимона и Перикла, и исторія Аѳинъ V в. представляетъ рядъ фактовъ, аналогію и прецеденты которымъ мы встрѣчаемъ въ исторіи предшествующей—въ эпоху тираніи.

Эта эпоха является важною и въ исторіи искусства, въ частности—пластики и керамики. Тогда совершались крупныя перемѣны и въ религіозной, и въ умственной сферѣ: обнаруживались новыя теченія, и теченія эти находили себѣ покровительство и поддержку при дворѣ аѳинскаго тиранна. Подобно нѣкоторымъ другимъ тираннамъ, Писистратъ содѣйствовалъ развитію культа Діониса, бога земледѣльческаго, сельскаго класса, а въ особенности — культа Аѳины: между прочимъ, повидимому, съ его времени ведетъ начало праздникъ „Великихъ Панаѳиней“. Писистратъ и его сыновья покровительствовали поэтамъ. Вообще при дворѣ аѳинскаго тиранна обнаруживалась живая умственная и поэтическая дѣятельность. Нѣкоторыя черты тутъ могутъ напомнить намъ эпоху итальянскаго Возрожденія.

Писистратъ умеръ въ старости въ 528/7 г. Власть перешла къ его сыновьямъ. Изъ нихъ болѣе выдавались Гиппій и Гиппархъ [1]), которые и стояли во главѣ дѣлъ. Руководилъ

[1]) О сыновьяхъ Писистрата главными источниками служатъ съ одной

правленіемъ собственно Гиппій, какъ старшій и одаренный отъ природы способностями государственнаго дѣятеля. Гиппархъ же былъ любитель музъ и другъ поэтовъ—Анакреона, Симонида и друг., которыхъ онъ приглашалъ въ Аѳины; онъ ближе стоялъ къ искусству и къ литературѣ. Это былъ „Лаврентій Великолѣпный древности", по выраженію одного нѣмецкаго историка.

Первое время по смерти Писистрата его сыновья правили такимъ же образомъ, какъ и онъ. Но положеніе сыновей было затруднительнѣе. Владычество тирановъ становилось тягостнымъ не для однихъ только евпатридовъ, но и для демоса, прежде столь нуждавшагося въ тиранніи, какъ демократической диктатурѣ, а теперь бывшаго въ состояніи обойтись и безъ нея, начинавшаго стремиться къ большей самостоятельности и свободѣ. Притомъ сыновья Писистрата не имѣли за собою тѣхъ заслугъ, которыя дѣлали ихъ отца столь популярнымъ и которыя въ глазахъ многихъ давали ему право на власть; они должны были сознавать, что ихъ власть не имѣетъ законной почвы. Вдобавокъ, они иногда позволяли себѣ по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ поступки, которые должны были вызывать раздраженіе и месть. Однимъ изъ такихъ поступковъ и былъ вызванъ заговоръ Гармодія и Аристогитона.

Гармодій и Аристогитонъ были двое молодыхъ аѳинянъ, связанные между собою любовью — извѣстно, что въ Греціи влюблялись не столько въ женщинъ, сколько въ юношей. Гиппархъ, воспылавшій страстью къ Гармодію, по отвергнутый имъ, нанесъ оскорбленіе его сестрѣ [1]), устранивъ ее, какъ

стороны сообщенія Ѳукидида (I, 20; VI, 54 сл.), съ другой—Аристотеля въ „Аѳ. Политіи", гл. 17 сл. Извѣстія Аристотеля сбивчивы и противорѣчивы, по крайней мѣрѣ въ дошедшемъ до насъ текстѣ. Объ этомъ въ моей „Аѳ. Политіи Аристот.", стр. 371 сл.

[1]) По версіи Аристотеля, если держаться буквально текста, виновникомъ оскорбленія, нанесеннаго Гармодію и его сестрѣ, является другой сынъ Писистрата, Ѳессалъ. Разногласіе съ Ѳукидидомъ есть и въ деталяхъ (подробности—въ моей „Аѳ. Политіи Арист.", стр. 212 сл. и 374 сл.). Свидѣтельство Ѳукидида заслуживаетъ предпочтенія и не только потому, что его авторитетъ стоитъ вообще выше авторитета Аристотеля, какъ историка, и не только потому, что Ѳукидидъ по времени былъ ближе къ событію, но главнымъ образомъ потому, что онъ на исторію сыновей Писи-

недостойную, отъ участія въ процессіи. Тогда Гармодій и Аристогитонъ рѣшились отомстить и составили заговоръ съ цѣлью убить тирановъ. Они хотѣли привести въ исполненіе это во время празднованія Панаѳиней. Но замыселъ ихъ не вполнѣ удался: заговорщикамъ удалось умертвить лишь Гиппарха. Гармодій погибъ тутъ же на мѣстѣ, а Аристогитонъ — потомъ.

Заговоръ Гармодія и Аристогитона былъ дѣломъ личной мести; лишь личное оскорбленіе побудило этихъ молодыхъ аѳинянъ взять на себя роль освободителей Аѳинъ; о свободѣ и демократіи Гармодій и Аристогитонъ въ сущности не думали и не они освободили Аѳины отъ тиранніи. Но фантазія народная идеализировала Гармодія и Аристогитона; легенда сдѣлала изъ нихъ борцовъ за свободу, освободителей отъ ига тирановъ, приписала имъ стремленія, которыхъ они не имѣли, и дѣло, котораго они не совершили. Память о Гармодіи и Аристогитонѣ долго хранилась въ Аѳинахъ; ихъ чтили, какъ тираннобійцъ и освободителей; имъ воздвигнуты были статуи на площади; полемархъ приносилъ имъ жертвы, какъ павшимъ за отечество; потомки ихъ пользовались льготами и привилегіями, напр. обѣдомъ въ пританеѣ, изъятіемъ отъ налоговъ, расходовъ по культу и проч. О нихъ вспоминали во время пиршествъ въ застольныхъ пѣсняхъ. „Не умеръ ты, дорогой Гармодій“, говорится, напр., въ одной изъ такихъ пѣсенъ, „но пребываешь на островахъ блаженныхъ, вмѣстѣ съ быстроногимъ Ахилломъ и Тидидомъ Діомедомъ“. По словамъ другой, слава Гармодія и Аристогитона будетъ вѣчною, такъ какъ они „тиранна убили и аѳинянъ сдѣлали равноправными“. Все это показываетъ намъ, какъ смотрѣли впослѣдствіи въ демократическихъ Аѳинахъ на тираннію и тираннобійство.

Послѣ гибели Гиппарха Гиппій сталъ подозрительнѣе, суровѣе. Тираннія сдѣлалась жестокою: Гиппій мстилъ за смерть брата, многихъ казнилъ и изгналъ; но этимъ внушалъ къ себѣ еще больше недовѣрія и ненависти. Между тѣмъ Писистратиды лишались опоръ извнѣ, одного союзника за другимъ:

страта обратилъ особенное вниманіе, имѣя въ виду опровергнуть невѣрныя версіи, пользовался тутъ документальными данными и относительно фамиліи Писистратидовъ былъ хорошо освѣдомленъ.

пали Лигдамидъ Наксосскій и Поликратъ Самосскій; персы овладѣли Сигеемъ и Херсонесомъ Оракійскимъ. Въ самихъ Аѳинахъ оппозиція противъ тираніи росла, а за границею Аттики дѣйствовали политическіе изгнанники. Во главѣ ихъ были Алкмеониды, которые и берутся за низверженіе тираніи.

Алкмеониды были знатны, богаты и могущественны. Ихъ связи простирались далеко, даже за предѣлы Греціи. Представители этой фамиліи были въ родствѣ или въ дружбѣ съ тиранами Сикіона, съ царями Лидіи и т. д. Даже живя въ изгнаніи, Алкмеониды являлись опасными врагами для Гиппія. Правда, первая попытка ихъ вторгнуться въ Аттику и низложить тиранію окончилась неудачной для нихъ битвою при Лейпсидріи. Но вскорѣ Алкмеониды нашли средство для достиженія своей цѣли: они пріобрѣли могущественнаго по своему вліянію союзника въ лицѣ дельфійскаго оракула. Храмъ въ Дельфахъ сгорѣлъ и Алкмеониды условились построить его вновь, при чемъ отстроили его съ большимъ великолѣпіемъ, чѣмъ обязаны были по договору [1]), и этимъ, разумѣется, пріобрѣли расположеніе дельфійскихъ жрецовъ.

Съ этихъ поръ оракулъ былъ на сторонѣ Алкмеонидовъ и побуждаетъ Спарту положить конецъ тираніи въ Аѳинахъ: каждый разъ, когда спартанцы обращались съ какимъ-либо вопросомъ въ Дельфы, пиѳія повторяла одно: они должны освободить Аѳины. Но были, кромѣ того, и чисто политическіе мотивы, побуждавшіе Спарту выступить противъ Писистратидовъ: это—союзъ послѣднихъ съ Аргосомъ, давнишнимъ соперникомъ и врагомъ Спарты. И вотъ спартанцы отправляютъ моремъ въ Аттику противъ Гиппія небольшой отрядъ; но отрядъ этотъ, высадившись, терпитъ пораженіе. Теперь задѣты были уже честь и самолюбіе Спарты. Во главѣ большого войска въ Аттику является самъ спартанскій царь Клеоменъ. Гиппій заперся въ акрополѣ. Клеоменъ вмѣстѣ съ аѳи-

[1]) Такъ говоритъ Геродотъ (V, 62 сл.). У Аристотеля въ „Аѳ. Пол.“ (гл. 19) другая версія, по которой постройка храма доставила Алкмеонидамъ средства для осуществленія ихъ плана, т.-е., по всей вѣроятности, Алкмеониды получили извѣстную сумму въ свое распоряженіе для постройки и употребили часть ея на предпріятіе противъ Писистратидовъ.

нянами, „желавшими свободы“, осаждаетъ его. Гиппій, послѣ того, какъ его сыновья, которыхъ онъ хотѣлъ отправить въ безопасное мѣсто, попали въ руки осаждающихъ, вступилъ въ переговоры. Онъ долженъ былъ покинуть Аттику и удалился въ Сигей, подъ покровительство персовъ.

Такъ положенъ былъ конецъ тираніи въ Аѳинахъ въ 510 г.

Реформы Клисѳена.

Съ паденіемъ тираніи въ Аѳинахъ возобновилась внутренняя борьба: Исагоръ, сынъ Тисандра, боролся съ Клисѳеномъ Алкмеонидомъ, освободителемъ Аѳинъ. Исагоръ стоялъ во главѣ аристократической партіи, думавшей, вѣроятно, воспользоваться паденіемъ Писистратидовъ въ своихъ видахъ и стремившейся къ реакціи въ антидемократическомъ духѣ. Аристотель называетъ его „другомъ тирановъ“: можетъ быть, Исагоръ принадлежалъ къ тѣмъ аристократамъ, которые примирились съ владычествомъ Писистратидовъ и теперь готовы были протянуть руку сторонникамъ изгнаннаго Гиппія противъ общаго ихъ врага, Клисѳена.

Клисѳенъ принадлежалъ къ фамиліи Алкмеонидовъ, которая сыграла такую видную роль въ аѳинской исторіи. Какъ извѣстно, одинъ изъ представителей этой фамиліи, Мегаклъ, былъ архонтомъ во время Килонова возстанія, при подавленіи котораго совершено было святотатство. Другой представитель, Алкмеонъ, былъ предводителемъ аѳинянъ въ Священной войнѣ, предпринятой въ защиту интересовъ Дельфъ; онъ былъ первый аѳинянинъ, побѣдившій въ Олимпіи на колесницѣ, запряженной четверкой лошадей, и вообще выдавался своимъ богатствомъ, своими связями съ царями Лидіи. Третій—Мегаклъ, зять сикіонскаго тиранна Клисѳена, — былъ соперникомъ Писистрата и вождемъ параловъ. Его сыномъ и былъ тотъ Клисѳенъ, который явился освободителемъ Аѳинъ отъ ига тираніи и однимъ изъ величайшихъ аѳинскихъ законодателей, основателемъ аѳинской демократіи.

Еще послѣ Килонова возстанія, когда состоялся приговоръ надъ святотатцами, начался, какъ извѣстно (стр. 40), разрывъ

между Алкмеонидами и остальною знатью. Теперь, когда партія Исагора оказалась сначала сильнѣе, побѣжденный ею Клисѳенъ рѣшительно становится вождемъ демоса. По словамъ Аристотеля, онъ привлекъ его на свою сторону, отдавая государственное управленіе массѣ (гл. 20).

Тогда Исагоръ обращается за помощью къ спартанскому царю Клеомену. Говорятъ, личные мотивы, связи съ семьей Исагора, побуждали Клеомена поддержать вождя аристократической партіи. Но и помимо этого, — Спарта не могла, конечно, сочувствовать усиленію демократіи въ Аѳинахъ: не для того она такъ содѣйствовала освобожденію ихъ отъ тираніи. И вотъ, по зову Исагора въ Аѳины является спартанскій царь Клеоменъ съ войскомъ. Чтобы нанести пораженіе Клисѳену, враги его вспоминаютъ о святотатствѣ, совершенномъ нѣкогда во время смутъ Килона, и Клисѳенъ долженъ былъ со своими приверженцами бѣжать изъ Аѳинъ; до 700 семействъ было изгнано тогда подъ тѣмъ предлогомъ, что они запятнаны скверной святотатства. Но когда Клеоменъ вздумалъ распустить совѣтъ и вручить власть надъ Аѳинами Исагору и 300 изъ его сторонниковъ, то совѣтъ не повиновался и оказалъ стойкое, мужественное сопротивленіе. На защиту совѣта собрался народъ и Клеомену вмѣстѣ съ своимъ отрядомъ и съ Исагоромъ пришлось искать убѣжища въ акрополѣ. Два дня спартанцы выдерживали осаду; а на третій заключена была капитуляція, въ силу которой спартанцы должны были удалиться. Съ ними ушелъ и Исагоръ; прочіе сторонники Клеомена были преданы казни. Клисѳенъ же и его приверженцы возвратились въ Аѳины.

Итакъ, Клисѳенъ вышелъ изъ борьбы побѣдителемъ, привлекши на свою сторону демосъ. Такія событія, какъ смуты послѣ Солонова законодательства, какъ тираннія Писистрата и наконецъ самая борьба съ Исагоромъ, ясно показывали, что аѳинскому строю недостаетъ устойчивости, и Клисѳенъ выступаетъ преобразователемъ этого строя въ болѣе демократическомъ духѣ. Между нимъ и Солономъ — большое различіе: Солонъ—посредникъ между партіями, а Клисѳенъ—вождь партіи, рѣшительно ставшій на сторону демоса; при немъ мы видимъ побѣду демократическихъ началъ, и въ этомъ смыслѣ.

если кого можно назвать основателемъ и творцомъ истинной демократіи въ Аѳинахъ, то скорѣе всего Клисѳена. Его реформы направлены были къ тому, чтобы доставить рѣшительный перевѣсъ началамъ демократическимъ надъ аристократическими. Съ своими планами Клисѳенъ могъ выступить еще среди борьбы, раньше полнаго торжества надъ соперникомъ, но возможность провести ихъ настала лишь тогда, когда Исагоръ былъ окончательно побѣжденъ.

Въ ряду Клисѳеновыхъ реформъ самая главная — *введеніе новыхъ десяти филъ*. Начало проведенія этой реформы относится еще къ году архонтства Исагора, т.-е. къ 508/7 г.

Реформы Солона и тираннія Писистрата немало сдѣлали для усиленія демоса и ограниченія аристократіи. Но все-таки знатные роды фактически пользовались еще громаднымъ вліяніемъ въ государствѣ, и въ Аѳинахъ до тѣхъ поръ не могло быть демократіи въ дѣйствительности, пока аристократія оставалась своего рода замкнутымъ, тѣсно сплоченнымъ сословіемъ, пока старинныя четыре филы сохраняли политическое значеніе, такъ какъ въ этихъ филахъ преобладала знать и подчиняла своему вліянію остальные элементы. И вотъ, чтобы сломить окончательно могущество аристократическихъ родовъ, Клисѳенъ отнимаетъ у прежнихъ четырехъ филъ политическое значеніе и, оставивъ за ними лишь роль родовыхъ и религіозныхъ союзовъ, создаетъ *новыя десять филъ*, между которыми всѣ граждане Аттики распредѣляются не по своему происхожденію, а по мѣсту жительства, и къ которымъ переходитъ политическое вліяніе, такъ какъ теперь примѣнительно къ этому новому дѣленію организуются и государственныя учрежденія, должности, участіе гражданъ въ служеніи государству—въ управленіи и въ войскѣ. Эти новыя филы тоже составляли своего рода корпораціи, съ собственнымъ имуществомъ и управленіемъ, съ собраніями, происходившими въ Аѳинахъ. Во главѣ ихъ стояли выборные эпимелеты.

Но Клисѳеновы филы не представляли собой сплошныхъ территорій. Вспомнимъ, что въ Аттикѣ существовали одно время партіи, группировавшіяся по мѣстностямъ, что извѣстные уже намъ педіэи, паралы и діакріи соотвѣтствовали тремъ районамъ страны, изъ которыхъ въ каждомъ господствовала

одна изъ этихъ партій. Надо было предотвратить развитіе обособленности различныхъ частей Аттики, развитіе мѣстныхъ партій, преобладаніе мѣстныхъ интересовъ надъ общими; надо было по возможности „перемѣшать" населеніе, какъ выражается Аристотель. Клисѳенъ достигаетъ этого слѣдующимъ образомъ. Вводя новыя филы, онъ раздѣлилъ Аттику на 30 частей, изъ которыхъ 10 находились вокругъ города, 10 — вдоль берега, а 10 — въ срединѣ страны, и эти 30 частей, называвшихся *триттіями*, т.-е. третями, распредѣлены были по жребію между 10 новыми филами, по 3 триттіи на филу, такъ, чтобы каждая фила имѣла свою часть во всѣхъ мѣстностяхъ. Другими словами, каждая фила состояла изъ 3 триттій, которыя лежали въ 3 разныхъ районахъ: одна — въ городскомъ округѣ, соотвѣтствовавшемъ педіэ, другая — въ береговой полосѣ, параліи, и третья — въ срединѣ Аттики, гдѣ была прежняя діакрія. Такимъ образомъ въ составъ каждой филы входили части изъ разныхъ районовъ. Въ противоположность филамъ, триттіи являлись сплошными территоріями, въ $1^1/_2$—2 кв. мили каждая, съ равнымъ приблизительно числомъ жителей. Онѣ были посредствующимъ звеномъ между филами и *демами*, на которые раздѣлена была территорія Аттики и которыхъ было въ общемъ болѣе 100 [1]).

Такимъ образомъ, демы являлись дальнѣйшимъ подраздѣленіемъ филъ и триттій. Распредѣлены они были по триттіямъ, такъ-что принадлежавшіе къ одной и той же филѣ демы расположены были въ упомянутыхъ трехъ разныхъ округахъ, при чемъ тѣ изъ нихъ, которые входили въ составъ одной и той же триттіи, лежали рядомъ, въ непосредственномъ сосѣдствѣ одинъ съ другимъ, а демы, принадлежавшіе хотя бы и

[1]) Слова Геродота (V, 69), изъ которыхъ выводили заключеніе, что при Клисѳенѣ демовъ было 100, надо понимать, вѣроятно, въ томъ смыслѣ, что демы были распредѣлены между филами по 10 группамъ. Во всякомъ случаѣ при Клисѳенѣ демовъ было не 100, а больше. Страбонъ (IX, I, 16) упоминаетъ о 174 демахъ; изъ надписей извѣстны названія около 190 демовъ. Число ихъ могло увеличиться впослѣдствіи, уже послѣ Клисѳена.— О демахъ на рус. яз. ст. Р. Х. Лепера въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1891 — 3. Ср. Milchhöfer. въ прилож. къ Abhandlungen d. Berl. Akad. d. Wissenschaften, 1892.

къ одной и той же филѣ, но къ разнымъ триттіямъ, находились въ разныхъ районахъ Аттики.

Что касается самого города Аѳинъ, то Клисѳенъ не причислилъ его къ одной какой-либо филѣ, а разбилъ на нѣсколько демовъ, принадлежавшихъ къ разнымъ филамъ, съ цѣлью не допустить преобладанія одной какой-либо филы надъ прочими, города — надъ остальною страною, и предотвратить антагонизмъ между ними, такъ какъ если бы Аѳины составили отдѣльную филу или цѣликомъ вошли въ составъ одной какой-либо, то такая фила заняла бы, конечно, особое привилегированное положеніе. Существовалъ, какъ уже упомянуто, цѣлый городской округъ, не ограниченный только столицей и ея ближайшими окрестностями, а занимавшій сравнительно большое пространство, округъ, въ которомъ каждая фила имѣла своихъ представителей, свои демы.

Со времени Клисѳеновой реформы при имени гражданина, особенно въ оффиціальныхъ случаяхъ, ставилось имя его отца и названіе дема, къ которому тотъ принадлежалъ: „такой-то“ (имя), „такого-то“ сынъ, „оттуда-то“, т.-е. изъ такого-то дема. Гражданинъ могъ жить въ какомъ угодно демѣ, могъ пріобрѣтать тамъ собственность, но числился онъ и пользовался правами „демота“ (т.-е. члена дема) въ томъ, къ какому онъ или его предки были первоначально приписаны: перемѣна мѣстожительства не влекла за собою перемѣны дема. Живущій въ чужомъ демѣ гражданинъ долженъ былъ платить особый налогъ.

Демы были различной величины и съ неодинаковымъ числомъ населенія [1]). Были, напр., малолюдные демы, всего въ нѣсколько десятковъ демотовъ, и такіе многолюдные, какъ Ахарны, могшіе выставить, если вѣрить Ѳукидиду, до 3000 гоплитовъ. Населеніе Ахарнъ — по преимуществу угольщики, люди смѣлые, грубые, „сильные, крѣпкіе, словно дубъ, старики, истые мараѳонскіе воины“, какъ характеризуетъ ихъ Аристофанъ въ своей комедіи „Ахарняне“. Вообще почти каждый демъ имѣлъ, такъ сказать, свою опредѣленную физіономію.

[1]) Haussoullier, La vie municipale en Attique. Paris. 1884.

Названія демамъ даны были по расположеннымъ въ нихъ мѣстечкамъ или селамъ, по отдѣльнымъ лицамъ или фамиліямъ, тамъ жившимъ или считавшимся основателями поселенія, по занятіямъ жителей и т. под. Разумѣется, Клисоенъ не создалъ вновь изъ ничего свои демы. Въ извѣстномъ смыслѣ, какъ городки, мѣстечки и селенія, они существовали и раньше: еще Писистратъ, какъ мы видѣли, установилъ судей *по демамъ*. Но Клисоенъ опредѣлилъ границы демовъ, избралъ для нихъ извѣстный центръ, утвердилъ за ними оффиціальныя названія, распредѣлилъ по филамъ и триттіямъ, привелъ въ связь съ общимъ государственнымъ строемъ, а главное — далъ имъ особую организацію и предоставилъ самоуправленіе [1]). Уже онъ отлично понималъ, что безъ такой основы, безъ мѣстнаго самоуправленія, непрочна будетъ и самая демократія, и политическая свобода.

Демы имѣли свое общинное управленіе, своихъ должностныхъ лицъ, свои собранія, свои общинныя земли, свои средства, свои жречества, празднества. Во главѣ дема стоялъ выборный, ежегодно смѣнявшійся *демархъ*. Онъ созывалъ собранія дема, предсѣдательствовалъ въ нихъ, руководилъ обсужденіемъ дѣлъ, наблюдалъ за исполненіемъ постановленій, взималъ деньги за сданную въ аренду общинную землю и производилъ другіе сборы; защищалъ интересы дема въ мѣстномъ собраніи и въ Аѳинахъ, приносилъ жертвы отъ имени дема и вообще являлся его представителемъ, вѣдалъ мѣстную полицію и находился въ постоянныхъ сношеніяхъ съ центральною государственною властью; напр., вмѣстѣ съ булевтами (членами совѣта булэ) составлялъ списки демотовъ, подлежавшихъ военной службѣ. Кромѣ того, въ демахъ были казначеи и нѣкоторыя другія мѣстныя должностныя лица.

Собраніе дема, обыкновенно немноголюдное, въ нѣсколько десятковъ человѣкъ, обсуждало мѣстные нужды и вопросы, избирало должностныхъ лицъ, распоряжалось своими финансами, мѣстными доходами и расходами, иногда исполняло роль посредника и примирителя по отношенію къ демотамъ; оно награждало вѣнкомъ, почетнымъ мѣстомъ въ театрѣ или осво-

[1]) Haussoullier, La vie municipale en Attique.

божденіемъ отъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ повинностей лицъ, оказавшихъ услуги дему. Выборы на многія государственныя должности производились сначала по демамъ, но потомъ въ виду случаевъ подкупа перенесены были въ филы, за исключеніемъ избранія булевтовъ и стражей верфей, которые и впослѣдствіи избирались въ демахъ.

Но едва-ли не главнымъ дѣломъ, подлежавшимъ вѣдѣнію собранія дема, было внесеніе въ списокъ, въ общинную книгу, молодыхъ демотовъ, достигшихъ 18-лѣтняго возраста и становившихся съ этого времени совершеннолѣтними, правоспособными гражданами. При этомъ молодые аѳиняне приносили слѣдующую характерную клятву: „Я не посрамлю священнаго оружія, не оставлю соратника въ бою, буду защищать все священное и несвященное, одинъ и вмѣстѣ съ другими; отечество передамъ (наслѣдникамъ) не меньшимъ, а болѣе сильнымъ и славнымъ, чѣмъ какое унаслѣдовалъ; буду слушаться властей и буду повиноваться законамъ установленнымъ и тѣмъ, какіе народъ установитъ единомысленно; не буду допускать, если кто-либо будетъ ихъ отмѣнять или имъ не повиноваться, но буду защищать ихъ одинъ и со всѣми; буду чтить отечественныя святыни“.

При ревизіи или провѣркѣ гражданскихъ правъ, такъ называемомъ *діапсефизмъ* или *діапсефизъ*, собраніе дема разсматривало списки, причемъ демоты, давъ клятву рѣшать безъ всякаго пристрастія, тайной подачей голосовъ произносили приговоръ о каждомъ, дѣйствительно ли онъ аѳинскій гражданинъ и правильно ли внесенъ въ списокъ, и неправильно внесенныхъ вычеркивали. Такіе теряли право гражданства и дѣлались метэками. Они могли, впрочемъ, аппеллировать въ аѳинскій судъ присяжныхъ; тогда въ случаѣ благопріятнаго для нихъ рѣшенія они возстановлялись въ своихъ гражданскихъ правахъ, а въ противномъ случаѣ лишались имущества и свободы—имъ грозило рабство [1]).

[1]) Существуетъ указаніе, что послѣ низверженія тираніи былъ произведенъ подобный діапсефизмъ, такъ какъ при Писистратидахъ много чуждыхъ элементовъ проникло въ составъ гражданъ. Нѣкоторые полагаютъ, что такая мѣра связана была съ учрежденіемъ демовъ и съ принятіемъ Клисѳеномъ новыхъ гражданъ, когда составлялся гражданскій списокъ. Но

Десять новыхъ Клисѳеновыхъ филъ получили названія по имени нѣкоторыхъ древнихъ героевъ Аттики, которые такимъ образомъ являлись ихъ эпонимами и статуи которыхъ были поставлены въ Аѳинахъ на площади. Эти герои-эпонимы были избраны пиѳіей изъ 100 именъ, представленныхъ ей Клисѳеномъ на выборъ. Такимъ образомъ, свои преобразованія, столь глубоко захватывавшія самый строй государственный и общественный, Клисѳенъ проводилъ какъ-бы съ вѣдома и при поддержкѣ дельфійскаго оракула.

Что касается прежнихъ четырехъ родовыхъ филъ, то онѣ не были окончательно отмѣнены: онѣ продолжали существовать, но уже безъ политическаго значенія и вліянія, лишь какъ родовые и религіозные союзы. Клисѳенъ, говоритъ Аристотель, „позволилъ каждому имѣть свои роды, и фратріи, и жречества по обычаю предковъ“ (гл. 21). Для усиленія же демократическихъ элементовъ Клисѳенъ принялъ въ число гражданъ или, какъ выражается Аристотель (въ „Политикѣ“), „ввелъ въ филы“ многихъ иностранцевъ и рабовъ-метэковъ, т.-е. вольноотпущенниковъ [1]). Вѣроятно, они были приняты въ существовавшія уже фратріи въ качествѣ такъ называемыхъ ѳіасотовъ и оргеоновъ, т.-е. членовъ религіозныхъ союзовъ. Это болѣе соотвѣтствуетъ основной тенденціи Клисѳена—„перемѣшать гражданъ“, нежели созданіе отдѣльныхъ фратрій для новыхъ гражданъ, что̀ естественно повело бы къ извѣстному различію между старыми и новыми фратріями.

Такова основная и самая важная реформа Клисѳена, касавшаяся дѣленія Аттики и ея гражданскаго населенія на новыя филы, на триттіи и на демы съ ихъ самоуправленіемъ. Она нанесла сильнѣйшій ударъ преобладанію аристократіи и утвердила въ Аѳинахъ демократію. Реформа эта была оконча-

---

едва-ли Клисѳену можно приписывать такую мѣру, и въ виду общей тенденціи его законодательства, и въ виду того, что онъ самъ былъ нечистокровнымъ аѳинянином (какъ сынъ неаѳинянки Агаристы). Скорѣе діапсефизмъ послѣ паденія Писистратидовъ былъ дѣломъ партіи аристократической и Исагора.

[1]) В. А. Шефферъ, Аѳинск. гражданство и народн. собраніе. М. 1891, стр. 210. Ср. М. С. Куторга, Критич. розысканія о законодательствѣ Алкмэонида Клисѳена (въ сборн. Пропилеи, М. 1858, кн. III).

тельною побѣдою территоріальнаго принципа надъ родовымъ. Новыя филы являлись извѣстными территоріальными единицами, имѣвшими политическое значеніе. Граждане распредѣлялись между ними не по происхожденію, а по мѣсту жительства: въ одинъ и тотъ же демъ, въ одну и ту же триттію и филу входили наравнѣ аристократы и неаристократы, безъ различія происхожденія. Политическому вліянію родовъ насталъ конецъ... Уже Аристотель понялъ всю глубокую важность Клисѳеновыхъ нововведеній. Для крайней демократіи, говоритъ онъ въ своей „Политикѣ“ (1319 b. 19 сл.), „полезны мѣры, подобныя тѣмъ, какія употребилъ Клисѳенъ въ Аѳинахъ, желая усилить демократію...: слѣдуетъ образовать новыя филы и фратріи и увеличить ихъ число, частные культы свести къ немногимъ и превратить въ общіе, и все измыслить, чтобы какъ можно больше перемѣшать всѣхъ“ гражданъ „между собою, а прежнія сообщества расторгнуть“. И дѣйствительно, Клисѳенъ „перемѣшалъ всѣхъ гражданъ“, парализовалъ вліяніе мѣстныхъ партій и стремленій, связалъ неразрывно различныя мѣстности Аттики, городъ и окружающую его территорію, и этимъ вполнѣ довершилъ объединеніе страны. Нѣкоторую аналогію Клисѳеновой реформѣ можно видѣть въ новѣйшей исторіи—во Франціи во времена революціи, когда прежнее, исторически сложившееся дѣленіе страны на провинціи замѣнено было дѣленіемъ на департаменты.

При всемъ своемъ видимо радикальномъ характерѣ и искусственности реформа Клисѳена имѣла однако извѣстные прецеденты и аналогію въ прошломъ, въ предшествовавшемъ строѣ, и являлась дальнѣйшимъ развитіемъ, въ широкихъ размѣрахъ, началъ, которыя въ зачаткахъ уже существовали. Этимъ въ значительной мѣрѣ объясняется прочность и жизненность дѣла Клисѳена: вспомнимъ, что Клисѳеновы демы уже имѣли своего рода предшественницъ въ навкраріяхъ, а его 30 триттій—въ прежнихъ 12 триттіяхъ, являющихся тоже подраздѣленіемъ филъ, и что эти 12 триттій, какъ отчасти и самыя родовыя филы, были территоріальными единицами.

Съ учрежденіемъ новыхъ десяти филъ связанъ былъ и рядъ другихъ реформъ Клисѳена. Примѣнительно къ новому дѣленію — и въ болѣе демократическомъ духѣ — преобразовы-

ваются нѣкоторыя государственныя учрежденія, приспособляются или вводятся должности и т. д.

Такъ совѣтъ (булэ) [1]), состоявшій прежде изъ 400 членовъ, по 100 отъ каждой изъ 4 филъ, Клисѳенъ преобразовалъ въ *совѣтъ пятисотъ*, по 50 членовъ отъ каждой новой филы. Совѣтъ получилъ вообще новую организацію. Текущими дѣлами занимался не полный его составъ, а 50 членовъ одной и той же филы, составлявшіе одинъ изъ 10 комитетовъ, на которые дѣлится совѣтъ, и называвшіеся *пританами*. Каждый изъ этихъ комитетовъ по очереди, опредѣляемой въ началѣ года жребіемъ, вѣдалъ дѣла въ теченіе одной десятой части года, такъ называемой *пританіи*, т.-е. въ теченіе 35—36 дней въ обыкновенный годъ и 38—39 — въ високосный.

Пританы, какъ сказано, завѣдывали текущими дѣлами, наблюдали за финансами, принимали заявленія, разнаго рода сообщенія, подготовляли доклады для общаго засѣданія совѣта и для народнаго собранія, созывали самыя собранія, руководили ими и т. д. [2]). Предсѣдателемъ притановъ, какъ и всего совѣта, былъ *эпистатъ*, выбираемый изъ ихъ среды ежедневно по жребію. Онъ хранилъ государственную печать, ключи отъ святилищъ, въ которыхъ находились государственныя суммы и документы. Съ частью притановъ (триттіею, т.-е. третью) онъ постоянно дежурилъ въ особомъ зданіи, называвшемся ѳолосъ. Такимъ образомъ часть совѣтскаго комитета засѣдала непрерывно. Въ V в. эпистатъ былъ предсѣдателемъ и народнаго собранія. Изъ должностныхъ лицъ совѣта необходимо отмѣтить еще *секретаря*, обыкновенно имѣвшаго немалое вліяніе на дѣла.

Члены совѣта выбирались [3]) по демамъ и—что оригинально для древности — соотвѣтственно величинѣ демовъ и числу населенія. Такимъ образомъ, въ совѣтѣ 500 демы не только имѣли своихъ представителей: совѣтъ этотъ представлялъ въ миніатюрѣ весь демосъ Аттики, былъ какъ-бы его олицетвореніемъ и своего рода mikropolis'омъ, по выраженію одного

---

[1]) На рус. яз. о совѣтѣ—работа Н. С. Гольцина (Харьк. 1904).

[2]) В. В. Латышевъ, Очеркъ греч. древностей. Спб. 1897 (изд. 3-е), I, 222.

[3]) Впослѣдствіи по жребію; такъ ли было и при Клисѳенѣ, неизвѣстно.

англійскаго изслѣдователя. Въ строѣ Аѳинскаго государства онъ занималъ важное мѣсто, и съ его преобразованіемъ власть архонтовъ должна была подвергнуться большому ограниченію. Компетенція совѣта 500 простиралась въ сущности на всѣ отрасли государственнаго управленія [1]). А главное — совѣтъ долженъ былъ подготовлять проектъ рѣшенія, такъ называемую *пробулевму*, для народнаго собранія, и безъ этого никакое дѣло не могло подвергнуться обсужденію и голосованію. Ему предоставлялись иногда и особыя полномочія. Нужно замѣтить, что засѣданія совѣта были открытыя, публичныя.

Въ самомъ концѣ VI в., въ „архонтство Гермокреонта“ (вѣроятно, въ 501 г.) [2]) введена была та клятва для членовъ совѣта, которую они давали и впослѣдствіи. Аристотель въ своемъ краткомъ, сухомъ перечнѣ преобразованій той эпохи, въ 22 гл. „Аѳинской Политіи“, счелъ нужнымъ отмѣтить и введеніе этой клятвы. И дѣйствительно, въ ней содержится интересный пунктъ: кромѣ обѣщанія хранить Солоновы законы, дѣйствовать („совѣтовать“) согласно вообще законамъ и благу аѳинскаго народа и т. под., булевты обязывались не заключать въ тюрьму ни одного аѳинянина, если онъ представитъ трехъ поручителей изъ своего класса, за исключеніемъ случаевъ государственной измѣны, заговора противъ демократіи или злоупотребленій относительно государственныхъ сборовъ. Обязательство это одинъ изъ новѣйшихъ французскихъ изслѣдователей называетъ „habeas corpus аѳинскаго права“ [3]).

Что касается народнаго собранія, то оно теперь, разумѣется, созывалось чаще и вообще значеніе его со времени Клисѳена возросло. Между прочимъ процессы по государственнымъ преступленіямъ въ формѣ такъ называемой „эйсангеліи“ отъ ареопага перешли къ народу, народному собранію, которое или само производило судъ или передавало дѣло въ геліэю [4]).— Возросло и значеніе геліэи, суда присяжныхъ, возникшаго еще при Солонѣ, а дальнѣйшую организацію получившаго лишь

[1]) Подробнѣе объ этомъ далѣе.

[2]) Относительно хронологіи—въ моей „Аѳ. Политіи Арист“, стр. 392—3.

[3]) Glotz, Études sociales et juridiques sur l'antiquité grecque. P. 1906, p. 128.

[4]) Lipsius, Das attische Recht und Rechtsverfahren, стр. 176 сл.

впослѣдствіи, въ Периклову эпоху, въ связи съ реформой ареопага, и затѣмъ въ IV ст.—Вслѣдствіе увеличившагося значенія преобразованнаго совѣта, народнаго собранія и геліэи, власть и вліяніе архонтовъ, конечно, съуживались и склонялись къ упадку, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ—уже послѣ Клисѳена—въ 80-хъ годохъ V в. для ихъ избранія введенъ былъ вновь жребій, хотя и въ смѣшанномъ видѣ. Но къ этому мы еще вернемся.

Въ 501/0 г. учреждена была должность *стратеговъ*, которыхъ было 10, соотвѣтственно 10 филамъ. Стратеги первоначально избирались изъ каждой филы по одному, но потомъ ихъ стали выбирать изъ всѣхъ филъ, безъ отношенія къ послѣднимъ. Выборы должностныхъ лицъ въ Аѳинахъ вообще происходили лѣтомъ, но стратеги выбирались въ седьмую пританію (если не препятствовали предзнаменованія), т.-е. приблизительно въ февралѣ, когда еще не наступало время, удобное для военныхъ дѣйствій. Главнокомандующимъ пока оставался полемархъ, но потомъ начальство надъ войскомъ перешло въ руки стратеговъ,—должности, какъ увидимъ, вообще ставшей очень важной и вліятельной, компетенція которой не ограничивалась однимъ военнымъ дѣломъ, а простиралась и на другія сферы. Учрежденіе коллегіи стратеговъ въ свою очередь вело, слѣдовательно, къ ограниченію власти архонтовъ.

Есть извѣстіе, что Клисѳенъ учредилъ и новую финансовую должность—*аподектовъ*, тоже въ числѣ 10, въ рукахъ которыхъ сосредоточилъ всѣ денежныя полученія и выдачи, подъ наблюденіемъ совѣта 500 [1]).

Съ введеніемъ новыхъ территоріальныхъ единицъ, филъ, триттій и демовъ, прежнія навкраріи теряли смыслъ, всякій raison d'être, и Аристотель прямо говоритъ, что Клисѳенъ учредилъ демы вмѣсто навкрарій и что поставленные во главѣ ихъ демархи имѣли тѣ же обязанности, что̀ и прежніе навкрары (гл. 21). Этому противорѣчитъ свидѣтельство другого источника [2]), по которому Клисѳенъ увеличилъ число навкрарій до 50 (вмѣсто прежнихъ 48), сообразно числу новыхъ филъ.

[1]) Busolt, II² 436.

[2]) Аттидографа Клидема.

Какъ бы то ни было, но о навкраріяхъ послѣ Клисѳена мы ничего не слышимъ и если онѣ имъ не были упразднены, то во всякомъ случаѣ просуществовали недолго послѣ него,—никакъ не долѣе организаціи аѳинскаго флота Ѳемистоклома.

Но установленной Клисѳеномъ демократіи и свободѣ Аѳинъ въ будущемъ могла грозить опасность — могли быть попытки къ тираніи. Существовалъ аѳинскій законъ, который за такія попытки грозилъ самому виновнику и его роду *атиміей*, лишеніемъ чести и гражданскихъ правъ или объявленіемъ внѣ покровительства законовъ. Но мы не знаемъ въ точности, когда изданъ этотъ законъ. Зато несомнѣнно Клисѳену принадлежитъ введеніе *остракизма*, который, какъ извѣстно, состоялъ въ томъ, что въ особомъ народномъ собраніи каждый присутствовавшій аѳинянинъ писалъ на черепкѣ [1]) имя того лица, которое казалось ему опаснымъ для спокойствія государства, и тотъ, чье имя оказывалось начертаннымъ на большинствѣ черепковъ, долженъ былъ удалиться на время въ изгнаніе. Повидимому, первоначально остракизмъ имѣлъ цѣлью предотвратить тираннію и направленъ былъ противъ попытокъ къ ней, противъ друзей тирановъ. Но впослѣдствіи онъ измѣнилъ свое назначеніе и получилъ другой смыслъ, на который указываютъ нѣкоторые изслѣдователи [2]), сравнивающіе эту мѣру со смѣной министерствъ или съ вотумомъ недовѣрія въ конституціонныхъ государствахъ и видящіе настоящую цѣль остракизма въ удаленіи вождя одной изъ борющихся партій, чтобы очистить поле для дѣятельности противнику. И въ самомъ дѣлѣ, опасаться тираніи впослѣдствіи, напр. въ эпоху Кимона и Перикла, было нечего, и остракизмъ тогда дѣйствительно служилъ средствомъ для прекращенія политической борьбы, для выхода изъ нея: когда борьба достигала крайняго напряженія и обѣ стороны, казалось, были равносильны, когда не видѣлось исхода, остракизмъ рѣшалъ, кто изъ борющихся противниковъ долженъ уступить, чье вліяніе и чья политическая программа должны окончательно восторжествовать. Но мы знаемъ въ исторіи немало

[1]) По-гречески—ostrakon, отсюда и названіе остракизмъ.

[2]) Напр. К. Я. Люгебиль (Über das wesen und histor. bedeutung d. ostrakismos in Athen, въ Jahrbücher f. klass. Philol., IV Supplem.-band. 1861).

примѣровъ того, какъ придуманныя законодателемъ мѣры получаютъ не то значеніе, какое имѣлось въ виду первоначально, и ведутъ къ неожиданнымъ послѣдствіямъ. Такъ и остракизмъ могъ измѣнить впослѣдствіи свое назначеніе. Что это такъ, доказываетъ и его начальная исторія.

По словамъ Аристотеля въ „Аѳинской Политіи" (гл. 22), остракизмъ введенъ былъ Клисѳеномъ въ числѣ тѣхъ новыхъ законовъ, которые сообщили аѳинскому строю болѣе демократическій характеръ сравнительно съ Солоновой конституціей. Но онъ долго не примѣнялся, ибо аѳиняне, „по обычной демосу кротости" (интересное замѣчаніе въ устахъ Аристотеля, вообще далеко не сочувствовавшаго демократіи), позволяли друзьямъ тирановъ, не замѣшанным въ смутахъ, жить въ городѣ. Въ первый разъ они воспользовались закономъ объ остракизмѣ только спустя два года послѣ Марѳонской битвы, въ 488/7 г., „когда демосъ былъ уже смѣлѣе". Первый, подвергшійся остракизму, былъ родственникъ Писистрата, Гиппархъ, сынъ Харма, „вождь и предстатель" друзей тирановъ, изъ-за котораго собственно Клисѳенъ будто-бы и издалъ свой законъ. Вообще, въ теченіе трехъ лѣтъ посредствомъ остракизма изгоняли лишь „друзей тирановъ". Къ удивленію, въ числѣ ихъ мы встрѣчаемъ члена фамиліи Алкмеонидовъ: послѣ упомянутаго Гиппарха подвергся остракизму Мегаклъ изъ Алопеки. Но затѣмъ стали удалять и другихъ, кто казался слишкомъ могущественнымъ. Первымъ изъ такихъ лицъ, не причастныхъ тиранніи, подвергся остракизму Ксанѳиппъ,—отецъ Перикла, будущій побѣдитель при Микале.

Еще въ древности въ примѣненіи остракизма, этого „глинянаго бича", по выраженію одного автора, усматривали какъ скрытый мотивъ, зависть и нерасположеніе къ тѣмъ, кто выдавался, кто былъ могущественъ, видѣли стремленіе къ поддержанію равенства, къ нивеллировкѣ, свойственное демократіи. Аристотель въ своей „Политикѣ" (1284a 20 сл.) прямо говоритъ, что удаляли тѣхъ, кто казался слишкомъ могущественнымъ по своему богатству или числу сторонниковъ, или политическому вліянію. Но для правильной оцѣнки остракизма нужно имѣть въ виду тѣ формальности, которыми былъ обставленъ этотъ „судъ черепковъ". Вопросъ о примѣненіи остракизма не могъ

быть поднятъ во всякое время, въ любомъ народномъ собраніи: вопросъ этотъ возбуждался въ опредѣленный лишь срокъ, въ обычномъ собраніи въ 6-ю пританію, и предлагался сначала въ общей формѣ: признаютъ ли граждане необходимымъ въ данномъ году прибѣгнуть къ остракизму? Въ случаѣ лишь утвердительнаго отвѣта назначалось особое экстренное народное собраніе, въ которомъ и происходилъ „судъ черепковъ". Для его законности требовалось присутствіе не менѣе 6000 и граждане собирались тутъ по филамъ. Наконецъ изгнаніе посредствомъ остракизма было въ сущности почетнымъ удаленіемъ: честь удаляемаго не страдала, право гражданства и имущество не отымались; изгнаніе ограничивалось 10 годами, а чаще еще до истеченія этого срока изгнанника возвращали въ Аѳины, и онъ снова могъ занять вліятельное и почетное мѣсто среди гражданъ.

Въ то время, какъ Клисѳенъ проводилъ свои реформы, молодой аѳинской демократіи пришлось выдержать тяжелую борьбу одновременно съ нѣсколькими внѣшними врагами, съ цѣлою коалиціею—со Спартой, Беотіей, евбейской Халкидой, островомъ Эгиной. Вражда Спарты понятна: Спарта не могла сочувствовать торжеству демократіи; она поддерживала аристократію. Притомъ, спартанскій царь Клеоменъ горѣлъ желаніемъ отомстить за свой позоръ, за свою капитуляцію. Столкновеніе съ Беотіей произошло изъ-за Платей, беотійскаго города, находившагося у границы Аттики, тѣснимаго ѳиванцами и нашедшаго себѣ покровительство въ Аѳинахъ. Халкида и Эгина, близкіе сосѣди Аттики, враждовали съ Аѳинами изъ-за торговаго соперничества и опасались ихъ дальнѣйшаго усиленія.

Положеніе Аѳинъ, которымъ со всѣхъ сторонъ грозили враги, было тяжелое, даже критическое. Самому существованію ихъ, какъ независимаго государства, казалось, угрожала опасность. Спартанцы и ихъ пелопоннесскіе союзники подъ начальствомъ царей Клеомена и Демарата находились уже у Элевсина; нѣкоторые аѳиняне также примкнули къ Клеомену. Къ счастью для Аѳинъ, въ средѣ пелопоннесцевъ обнаружился разладъ: Демаратъ и коринѳяне не хотѣли идти дальше и оставили Клеомена, который послѣ этого вынужденъ былъ отступить. А надъ тѣми аѳинянами, которые перешли было на сторону непріятеля, въ Аѳинахъ произнесенъ былъ смертный при-

говоръ, ихъ имѣнія конфискованы, дома разрушены, имена ихъ, какъ измѣнниковъ, начертаны на мѣдномъ столпѣ, поставленномъ въ акрополѣ. Всѣ дальнѣйшія старанія Клеомена и Гиппія, явившагося въ Спарту, ни къ чему не привели: вслѣдствіе оппозиціи союзниковъ мысль о новомъ походѣ противъ Аѳинъ была оставлена. Между тѣмъ аѳиняне съ своею пѣхотою одерживаютъ побѣду надъ беотійцами, въ тотъ же день переправляются на островъ Евбею и наносятъ пораженіе халкидянамъ, съ ихъ всадниками. Халкидяне должны были уступить плодородное Лелантское поле, изъ-котораго они нѣкогда боролись съ Эретріей, и здѣсь аѳиняне отвели участки нѣсколькимъ тысячамъ своихъ поселенцевъ, *клеруховъ*. Что касается войны съ Эгиной, то она затянулась надолго.

Эта борьба съ цѣлой коалиціей и торжество надъ внѣшними врагами способствовали упроченію молодой аѳинской демократіи. Внѣшняя опасность сплотила аѳинянъ; многіе изъ знатныхъ фамилій искренно примирились съ новымъ порядкомъ. Благодаря этой опасности, внутренняя борьба стихла на время, а демократія стала неразрывно связанною съ независимостью и достоинствомъ самого государства. Какъ смотрѣли слѣдующія поколѣнія на выдержанную Аѳинами борьбу, на значеніе для нихъ свободы и равенства, показываютъ замѣчанія Геродота (V, 78). „Такъ аѳиняне возросли въ своемъ могуществѣ“, говоритъ „отецъ исторіи“. „Не только изъ этого одного, но вообще явствуетъ, какая хорошая вещь политическая свобода (исегорія). Пока аѳиняне управлялись тираннами, они въ военномъ дѣлѣ не превосходили никого изъ своихъ сосѣдей, а освободившись отъ тирановъ, они стали далеко первые. Ибо, будучи подвластны тираннамъ, они были нерадивы, работая какъ-бы на господина, а достигнувъ свободы, каждый сталъ стараться, работая для самого себя“. Тутъ Геродотъ забываетъ, что уже при Писистратѣ внѣшнее могущество Аѳинъ было велико.

Между тѣмъ возстановленія Гиппія въ Аѳинахъ требуетъ сатрапъ Сардъ, Артафренъ [1]), у котораго аѳиняне просили было помощи. Вообще съ востока надвигалась страшная гроза: близилось нашествіе персовъ...

[1]) Или Артафернъ.

II. РАСЦВѢТЪ.

Эпоха Греко-Персидскихъ войнъ.

Греко-Персидскія войны — одинъ изъ моментовъ борьбы между Западомъ и Востокомъ, Европой и Азіей,—борьбы, которая красною нитью проходитъ чрезъ послѣдующую исторію: вспомнимъ покореніе Востока Александромъ Македонскимъ, нашествіе арабовъ и крестовые походы, завоеваніе Балканскаго полуострова турками и войны съ ними европейскихъ государствъ и т. д.

Уже при Кирѣ персы достигли береговъ Малой Азіи и подчинили себѣ находившіеся тамъ греческіе города. Но наступательное движеніе ихъ на этомъ не остановилось. Какъ извѣстно, древнія монархіи стремились стать „всемірными", все расширяясь и поглощая сосѣдей. Одна за другой онѣ рушатся, входя въ составъ новой, еще болѣе обширной державы, пока процессъ этотъ не закончился образованіемъ колоссальной Римской имперіи, обнявшей всѣ берега Средиземнаго моря, почти весь извѣстный тогда міръ, orbis terrarum...

Во время Скиѳскаго похода персидскій царь впервые вступилъ на европейскую почву. Ѳракійское побережье и греческіе города, Византія, Халкедонъ, были покорены; Македо́нія признала свою зависимость отъ персидскаго царя, и его власть въ извѣстномъ смыслѣ простиралась теперь уже до самой горы Олимпа, до границъ Ѳессаліи. Одновременно съ этимъ персидское владычество надвигалось и на югѣ, въ Африкѣ, гдѣ ему подчинилась Кирена, не говоря уже о Египтѣ. Такимъ

образомъ, наступательное движеніе персовъ широко охватывало греческій міръ. Прибавимъ къ этому уже упомянутое требованіе Артафрена, чтобы аѳиняне возстановили у себя власть Гиппія, отказъ аѳинянъ, натянутыя отношенія между обѣими сторонами, и мы поймемъ, что открытое столкновеніе Греціи съ Персіей было неизбѣжно, являлось лишь вопросомъ времени. Поводомъ послужило, какъ извѣстно, возстаніе Милета и та помощь, которую оказали этому городу Аѳины и Эретрія.

Здѣсь не мѣсто останавливаться на самомъ ходѣ борьбы грековъ съ персами, — борьбы, имѣвшей громадное, міровое значеніе, такъ какъ тутъ дѣло шло не только о судьбѣ и независимости Эллады, но и о будущихъ судьбахъ историческаго міра, о господствѣ греческой или восточной культуры, тѣхъ или другихъ политическихъ началъ. Предполагая главные факты Греко-Персидскихъ войнъ извѣстными, мы здѣсь коснемся лишь тѣхъ моментовъ, которые имѣютъ отношеніе къ внутренней исторіи Аѳинъ,—къ исторіи ихъ демократіи.

Походъ Датиса и Артафрена, закончившійся сраженіемъ при Мараѳонѣ, былъ походомъ и противъ аѳинской демократіи: въ станѣ персовъ находился изгнанный тиранъ Гиппій, владѣтель Сигея и вассалъ персидскаго царя, надѣявшійся на возвращеніе къ власти, на содѣйствіе сторонниковъ, которые у него еще были въ Аѳинахъ. Въ числѣ такихъ сторонниковъ молва впослѣдствіи называла даже Алкмеонидовъ. Говорили, что когда кончилась битва при Мараѳонѣ и персы садились уже на корабли, имъ данъ былъ сигналъ, посредствомъ поднятаго щита, указывавшій на удобный моментъ для нападенія на Аѳины и что такой сигналъ дали именно Алкмеониды. Геродотъ (VI, 115, 121 сл.) удивляется этой молвѣ, горячо опровергаетъ обвиненіе, называя его клеветой, и ссылается на то, что Алкмеониды ненавидѣли тиранію, много претерпѣли отъ нея и больше всѣхъ другихъ сдѣлали для освобожденія Аѳинъ отъ тирановъ. Но и Аристотель въ числѣ „друзей тирановъ“ около времени Мараѳонской битвы называетъ, какъ мы видѣли, одного изъ Алкмеонидовъ, Мегакла, который подвергся остракизму. Мы слишкомъ мало освѣдомлены о тогдашнемъ положеніи дѣлъ въ Аѳинахъ — источники для этого скудны,—и трудно сказать, насколько основательны были

подобныя обвиненія и слухи [1]). Они показываютъ лишь, каково было тогдашнее настроеніе, съ какою ненавистью относились къ Алкмеонидамъ ихъ враги, какая борьба шла между главами партій. Повидимому, въ то время въ Аѳинахъ, можетъ быть подъ вліяніемъ печальнаго исхода Іонійскаго возстанія и паденія Милета, произошла реакція. Мы знаемъ, напр., что за нѣсколько лѣтъ до Мараѳонскаго сраженія въ архонты былъ избранъ несомнѣнный сторонникъ Писистратидовъ и ихъ родственникъ—Гиппархъ, сынъ Харма. Алкмеониды были оттѣснены, вліяніе ихъ пало. На первомъ мѣстѣ мы видимъ представителя не ихъ фамиліи, а фамиліи Филандовъ.

Это былъ Мильтіадъ, богатый и могущественный династъ, еще недавно владѣтель Херсонеса Ѳракійскаго, родственникъ и одинъ изъ преемниковъ того Мильтіада, который во времена Писистрата основалъ тамъ владѣніе. Во время Скиѳскаго похода Дарія онъ, какъ извѣстно, предлагалъ разрушить мостъ на Дунаѣ и затѣмъ съ опасностью для жизни бѣжалъ изъ Херсонеса въ Аѳины. Сюда онъ явился съ многочисленной свитой, съ богатыми сокровищами, съ наклонностями династа, съ замашками лица, привыкшаго властвовать. Въ сущности между нимъ и тогдашними Аѳинами, съ ихъ зародившеюся демократіею, было мало общаго: Мильтіадъ не свыкся съ республиканскимъ строемъ Аѳинъ, да и аѳиняне смотрѣли на него подозрительно, какъ на бывшаго тиранна. И на первыхъ же порахъ враги выступили противъ Мильтіада съ обвиненіями по поводу его дѣйствій въ Херсонесѣ. На этотъ разъ онъ вышелъ оправданнымъ. Его даже избрали въ стратеги въ тотъ годъ, когда персы подъ начальствомъ Датиса и Артафрена предприняли походъ противъ Греціи: Мильтіадъ, хорошо знавшій персовъ, ихъ сильныя и слабыя стороны, ихъ тактику и пріемы, казался необходимымъ и самымъ подходящимъ вождемъ въ предстоявшей борьбѣ. И при Мараѳонѣ мы видимъ его главнымъ дѣйствующимъ лицомъ; номинально главнокомандующимъ считается еще полемархъ, но въ дѣйстви-

[1]) Нѣкоторые новѣйшіе историки—Эд. Мейеръ, Пельманъ (Grundriss d. Griech. Geschichte, 3-te Aufl. Munchen 1906)—вѣрятъ имъ.

тельности на первомъ планѣ стоятъ стратеги и въ особенности Мильтіадъ. Побѣдой при Марафонѣ (490 г.), гдѣ гоплиты свободныхъ Аѳинъ одержали верхъ надъ полчищами персидскаго царя, онъ блестяще оправдалъ возлагавшіяся на него надежды.

Пользуясь славой и на этотъ разъ неограниченнымъ довѣріемъ, Мильтіадъ убѣдилъ аѳинянъ предоставить въ его распоряженіе флотъ, отрядъ войска и денежныя средства для дѣла, о которомъ онъ опредѣленно не говорилъ, но отъ котораго сулилъ громадныя выгоды для Аѳинъ. Велики были ожиданія народа, но тѣмъ сильнѣе его разочарованіе, когда оказалось, что предпріятіе Мильтіада направлено было противъ одного изъ Цикладскихъ острововъ, Пароса, и что оно окончилось полной неудачей. Образъ дѣйствій Мильтіада вызвалъ сильный ропотъ и негодованіе. Говорили, что Мильтіадъ предпринялъ экспедицію противъ Пароса для удовлетворенія лишь личной мести. Такимъ настроеніемъ народа воспользовались враги Мильтіада, во главѣ которыхъ стоялъ Ксанѳиппъ, связанный съ фамиліей Алкмеонидовъ общими интересами и свойствомъ (онъ былъ женатъ на племянницѣ знаменитаго Клисѳена). Ксанѳиппъ обвинилъ Мильтіада въ государственной измѣнѣ, въ томъ, что онъ „обманулъ народъ“, и требовалъ его казни. Больной вслѣдствіе полученной во время осады Пароса раны, лежа на носилкахъ, Мильтіадъ слушалъ обвиненія, самъ не будучи въ состояніи защищаться. Друзья его указывали на прежнія его заслуги, на Марафонскую побѣду, на завоеваніе острова Лемноса, и народъ вмѣсто смертной казни присудилъ Мильтіада къ денежной пенѣ, какъ предлагалъ его защитникъ, въ 50 тал. за причиненный государству ущербъ. Мильтіадъ вскорѣ умеръ и пеня уплочена была его сыномъ Кимономъ.

Такъ сошелъ съ поприща побѣдитель при Марафонѣ. Въ такомъ отношеніи аѳинянъ къ Мильтіаду впослѣдствіи нерѣдко видѣли „позоръ для Аѳинъ“, черную неблагодарность демоса къ великому дѣятелю. Но Геродотъ, сообщающій объ этомъ эпизодѣ, напротивъ, усматриваетъ въ исходѣ процесса — въ томъ, что назначена была денежная пеня, а не смертная казнь,— доказательство расположенія народа къ Мильтіаду (VI, 136). Англійскій историкъ Гротъ, въ своей „Исторіи Греціи“ являющійся „адвокатомъ аѳинскаго демоса“, защищаетъ послѣдній

отъ обвиненія въ неблагодарности, доказываетъ вину Мильтіада и говоритъ, что благодарность за прежнія заслуги не можетъ доставить дѣятелю безнаказанность за послѣдующіе проступки. Повидимому, аѳиняне могли опасаться, чтобы примѣръ Мильтіада не нашелъ подражателей: они не желали, чтобы на будущее время ихъ вожди распоряжались такъ народными средствами и силами, потому что это могло создать особое положеніе отдѣльнаго лица въ государствѣ, повести къ тиранніи, вовлечь государство въ непредвидѣнныя затрудненія и опасности. Они находили справедливымъ, чтобы возмѣщены были, по крайней мѣрѣ, понесенные государствомъ убытки.

Вообще въ годы, наступившіе послѣ Мараѳонской битвы, въ Аѳинахъ происходитъ внутренняя борьба. Тогда впервые, какъ мы видѣли, стали примѣнять остракизмъ; послѣдовалъ рядъ изгнаній—родственника Пистратидовъ Гиппарха, Алкмеонида Мегакла, обвинителя Мильтіада—Ксанѳиппа; затѣмъ во время борьбы изъ-за флота подвергся остракизму Аристидъ. Только въ виду нашествія Ксеркса изгнанники возвращены были на родину раньше срока. Такъ представители знатныхъ фамилій враждовали между собою; одинъ за другимъ подвергались они преслѣдованію, не исключая и Алкмеонидовъ, и должны были на время удалиться изъ Аѳинъ; а демосъ усиливался: наступалъ періодъ его владычества...

Въ 487/6 г. произошла важная по своимъ послѣдствіямъ реформа, касавшаяся способа избранія архонтовъ.

Мы видѣли, что жребій при избраніи архонтовъ, хотя и въ смѣшанномъ видѣ, введенъ былъ Солономъ. Во время послѣдующихъ смутъ и тиранніи Писистратидовъ онъ не примѣнялся: тираннамъ выгоднѣе было простое избраніе посредствомъ голосованія, чтобы имѣть возможность проводить своихъ сторонниковъ. Не возстановилъ жребія и Клисѳенъ; при немъ, повидимому, удерживался тотъ же способъ избранія архонтовъ, что̀ и при тираннахъ. Только спустя три года послѣ Мараѳонской битвы, въ архонтство Телесина, т.-е. въ 487/6 г., система Солона была возстановлена, но съ нѣкоторыми измѣненіями: по свидѣтельству Аристотеля (въ „Аѳ. Пол.“, гл. 22), архонтовъ стали выбирать жребіемъ по филамъ изъ 500—или, если принимать предложенную нѣкоторыми учеными поправку

въ текстѣ, изъ 100 [1])—кандидатовъ, предварительно избранныхъ (посредствомъ голосованія) демотами, т.-е. членами дема. Впослѣдствіи—но когда именно, неизвѣстно—и при предварительномъ избраніи голосованіе замѣнено было жребіемъ, но двустепенность выборовъ осталась, какъ своего рода переживаніе, — любопытный примѣръ того консерватизма, желанія сохранить по возможности старыя формы, которые проявляли иногда аѳиняне.

Введенный въ 487/6 г. способъ избранія архонтовъ, вѣроятно, стоитъ въ связи съ тою внутреннею борьбою, которая тогда происходила въ Аѳинахъ. Жребій до нѣкоторой степени долженъ былъ устранить или уменьшить поводы къ борьбѣ, ослабить вліяніе могущественныхъ лицъ и фамилій при замѣщеніи должностей архонтовъ. Недаромъ введеніе этого способа избранія совпадаетъ съ первыми случаями примѣненія остракизма. Но введеніе жребія при избраніи 9 архонтовъ *изъ столь большого числа предварительно намѣченныхъ голосованіемъ кандидатовъ* вмѣстѣ съ тѣмъ знаменуетъ собою паденіе архонтата. Новый способъ выборовъ указываетъ, что прошло уже то время, когда первый архонтъ являлся первымъ лицомъ въ государствѣ, самымъ вліятельнымъ сановникомъ, а полемархъ—главнокомандующимъ надъ военными силами, когда вообще коллегія архонтовъ играла видную роль въ государственномъ строѣ. Очевидно, прежнее значеніе архонтата отошло уже въ область прошлаго. Прежде въ архонты избирались наиболѣе вліятельныя и выдающіяся лица; теперь всякій заурядный аѳинскій гражданинъ признавался достойнымъ и способнымъ нести обязанности архонта. Перемѣна эта имѣла и дальнѣйшія, чрезвычайно важныя слѣдствія: открывалось поле для дѣятельности „вождя народа“, „демагога“ [2]); демагогъ становится необходимымъ, хотя самъ по себѣ и не должностнымъ, лицомъ въ государствѣ, фактическимъ главнымъ руководителемъ народнаго собранія, внутренней и внѣшней политики Аѳинъ. А

[1]) Дѣло въ томъ, что число 500 представляется непомѣрно большимъ, особенно если принять, что архонтами могли быть тогда только пентакосіомедимны; кромѣ того, извѣстно, что впослѣдствіи отъ каждой филы было по 10 кандидатовъ. Все это говоритъ въ пользу предложенной поправки.

[2]) E. Meyer, Gesch. d. Alterthums, III, 343 сл.

изъ должностныхъ лицъ выдвигается на первый планъ стратегъ. Такимъ образомъ вліяніе переходитъ къ демагогу и одному изъ стратеговъ. Но въ эпоху расцвѣта аѳинской демократіи, до самой смерти Перикла, демагогъ и стратегъ обыкновенно соединяются въ одномъ лицѣ. Раздвоеніе, пагубный разладъ и конфликтъ обнаруживаются позже...

Жребій въ Аѳинахъ употреблялся не только при избраніи архонтовъ; мало-по-малу, при господствѣ демократіи, онъ находилъ себѣ все бо̀льшее и бо̀льшее примѣненіе; его стали употреблять при выборѣ почти на всѣ должности, кромѣ немногихъ, преимущественно военныхъ: послѣднія всегда замѣщались лицами, избираемыми посредствомъ голосованія, по понятной причинѣ: должности эти требовали спеціальныхъ способностей; рискованно было ввѣрять начальство надъ войскомъ и защиту государства лицамъ, обязаннымъ своимъ избраніемъ жребію, т.-е. случаю.

Нѣкоторымъ коррективомъ при жребіи служила *докимасія* или „испытаніе“, которому подвергался каждый кандидатъ на какую бы то ни было должность. Впрочемъ, это „испытаніе“ касалось не способностей лица или его пригодности для данной должности, а его жизни, его поведенія и нравственныхъ качествъ, равно какъ его формальныхъ правъ. Напр., кандидату въ архонты предлагались вопросы: кто его отецъ и дѣдъ и изъ какого дема? кто его мать и бабка и изъ какого дема (отъ архонта требовалось гражданство, по меньшей мѣрѣ, въ третьемъ колѣнѣ)? чтитъ ли онъ Аполлона Патроя (Отцовскаго) и Зевса Геркея (Ограднаго, хранителя домашняго очага)? есть ли могилы предковъ и гдѣ онѣ? хорошо ли обращался съ родителями? исполнялъ ли военную службу и несъ ли финансовыя повинности? и т. д. Въ такомъ же родѣ была докимасія и при замѣщеніи другихъ должностей. Чуть не вся жизнь кандидата могла подвергнуться подобному „испытанію“... Быть должностными лицами могли аѳинскіе граждане не моложе 30 лѣтъ. Для занятія нѣкоторыхъ должностей — архонтовъ, казначеевъ—требовался особый, болѣе высокій цензъ. По закону ѳеты вообще не имѣли права занимать должности; это Солоново установленіе, оказывается, никогда не было формально отмѣнено даже впослѣдствіи, при полномъ торжествѣ

демократіи. Аристотель говоритъ, что и въ его время когда у желающаго подвергнуться жеребьевкѣ для занятія какой-нибудь должности спрашивали (при докимасіи), къ какому классу онъ принадлежитъ, то ни одинъ не скажетъ, что онъ ѳетъ (гл. 7). Но на практикѣ законъ обходился, и въ IV в. хотя Солоновъ законъ, по которому казначеи должны быть изъ пентакосіомедимновъ, оставался еще въ силѣ, но въ дѣйствительности, по свидѣтельству того же Аристотеля (гл. 47), занимать эту должность могъ всякій, избранный по жребію, даже и очень бѣдный. Запрещалось два раза занимать одну и ту же должность, за исключеніемъ военныхъ, на которыя можно было выбирать одно лицо нѣсколько разъ, даже изъ года въ годъ, и отчасти должности булевта: членомъ совѣта 500 можно было состоять дважды въ теченіе жизни. Булевты подвергались докимасіи предъ совѣтомъ, рѣшеніе котораго первоначально имѣло окончательную силу, впослѣдствіи же допускалась апелляція въ судъ, дикастерій; архонты должны были подвергаться двойной докимасіи — и предъ совѣтомъ, и предъ судомъ, а всѣ прочія должностныя лица—только предъ послѣднимъ.

Всѣ должностныя лица подлежали контролю, а по окончаніи срока службы должны были давать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ; впослѣдствіи, если дѣло касалось финансовой стороны, то отчетъ сдавался предъ коллегіей *логистовъ* (причемъ во всякомъ случаѣ окончательное рѣшеніе принадлежало суду), а во всемъ остальномъ—предъ коллегіей *εὐθυνῶν*. До сдачи отчета нельзя было быть избираемымъ на другую должность, отлучаться изъ страны и свободно распоряжаться своимъ имуществомъ.

Эпоха борьбы съ персами была тѣмъ моментомъ, когда создались Аѳины, которыя мы видимъ и въ „Перикловъ вѣкъ“. Тогда окончательно опредѣлилось направленіе всей дальнѣйшей исторіи ихъ; тогда онѣ вступили на новый путь, которымъ потомъ лишь продолжали идти. Тутъ начало всѣхъ послѣдующихъ явленій, характеризующихъ аѳинскую исторію V в., — морского могущества Аѳинъ, ихъ гегемоніи, ихъ чистой демократіи. На новую стезю направилъ ихъ среди опасности со стороны врага геній Ѳемистокла.

Ѳемистоклъ не принадлежалъ къ верхнему слою тогдашней аѳинской аристократіи. Онъ — человѣкъ „новый“. Отецъ его былъ не изъ очень знатныхъ; мать—не аѳинянка, а чужестранка. Ѳемистоклъ, слѣдовательно,—не чистокровный аѳинянинъ и съ точки зрѣнія строгаго аѳинскаго права долженъ былъ считаться даже незаконно рожденнымъ Не отличался онъ и образованіемъ. Онъ самъ говорилъ о себѣ, что пѣть и играть на киѳарѣ не учился, но сдѣлать государство великимъ и богатымъ умѣетъ. О Ѳемистоклѣ и его реформатской дѣятельности, столь важной для Аѳинъ, источники говорятъ въ сущности очень мало. Зато они сообщаютъ много анекдотовъ, бросающихъ тѣнь на него. Рѣдко какая другая личность въ греческой исторіи вызывала такую страстную ненависть враговъ. Какихъ только обвиненій не взводили на Ѳемистокла,—то въ излишней расточительности, то въ скаредности, то въ удивительномъ коварствѣ; но особенно подчеркивали его непомѣрное честолюбіе, корыстолюбіе, неразборчивость въ средствахъ. Лишь одинъ историкъ древности вполнѣ оцѣнилъ значеніе личности Ѳемистокла. Это — Ѳукидидъ. Онъ отмѣчаетъ, какъ отличительную черту Ѳемистокла, силу природныхъ дарованій, прирожденный проницательный умъ, благодаря которому, даже при отсутствіи образованія, тотъ могъ предусматривать будущее, способность немедленно найтись среди всевозможныхъ обстоятельствъ, руководить всякимъ дѣломъ, быстро изобрѣтать надлежащій планъ дѣйствій (I, 138). По творчеству мысли, по смѣлости замысловъ Ѳемистоклъ является однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей Эллады. Онъ, по словамъ Ѳукидида (I, 93), первый отважился сказать, что слѣдуетъ держаться моря. Онъ укрѣпилъ Пирей, устроилъ въ немъ военную гавань, создалъ аѳинскій флотъ и превратилъ Аѳины въ морскую державу.

Начало дѣятельности Ѳемистокла въ этомъ направленіи относится, можетъ быть, еще ко времени до Мараѳонской битвы, къ концу 90-хъ годовъ [1]). Мы не знаемъ, какое участіе принималъ Ѳемистоклъ въ событіяхъ 80-хъ годовъ, въ тогдашней

[1]) Имя архонта 493 г.—Ѳемистоклъ. Многіе полагаютъ, что это знаменитый Ѳемистоклъ.

борьбѣ, въ рядѣ остракизмовъ, въ реформѣ 487/6 г. Извѣстно только, что лишь въ 483/2 г. удалось Ѳемистоклу осуществить давно задуманный планъ — организовать флотъ. Поводомъ послужила уже давно тянувшаяся война съ Эгиной, воочію показывавшая аѳинянамъ всю необходимость имѣть свой флотъ, а средства дали доходы съ вновь открытыхъ рудниковъ въ Маропеѣ, которые отданы были въ аренду. По разсказу Аристотеля (въ 22 гл. „Ао. Пол.“), когда въ архонтство Никомеда (или Никодема) открыты были рудники въ Маропеѣ и государство отъ ихъ разработки получило доходу 100 талантовъ, причемъ нѣкоторые совѣтовали народу подѣлить ихъ, согласно тогдашнему обыкновенію, то Ѳемистоклъ этому воспротивился и, не говоря, на что намѣренъ употребить деньги, побудилъ аѳинянъ дать ихъ взаймы 100 самымъ богатымъ гражданамъ, каждому по таланту, съ тѣмъ, что если сдѣланное имъ употребленіе этихъ денегъ понравится, то издержки будутъ приняты на счетъ государства, а если нѣтъ, то деньги должны быть возвращены взявшими ихъ въ-займы; на такихъ условіяхъ будто-бы построено было 100 тріэръ, каждымъ по одной, и на этихъ тріэрахъ аѳиняне сражались противъ варваровъ во время Саламинской битвы. Конечно, совершенно невѣроятно, чтобы народъ согласился раздать такую сумму, не зная на что, или чтобы богатые аѳиняне рискнули взять на себя постройку кораблей безъ народнаго постановленія. Въ основѣ этого анекдотическаго разсказа лежитъ, вѣроятно, тотъ фактъ, что постройка 100 тріэръ возложена была на 100 наиболѣе состоятельныхъ гражданъ въ видѣ общественной повинности, „литургіи“, при чемъ каждому было выдано на это по таланту, и въ случаѣ удовлетворительнаго исполненія корабль принимался, а въ противномъ случаѣ требовалось возвратить деньги.

Не безъ тяжелой борьбы осуществилъ Ѳемистоклъ свои планы. Людямъ осторожнымъ, консервативнымъ, его нововведенія должны были внушать опасенія. Зачѣмъ было, по мнѣнію такихъ лицъ, пренебрегать славнымъ прошлымъ, создавать флотъ и этимъ самымъ отодвигать на задній планъ тяжеловооруженную пѣхоту, тѣхъ гоплитовъ, которые такъ доблестно и съ такимъ успѣхомъ сражались на Мараѳонскомъ полѣ? не

значило ли это оставлять извѣстную, испытанную силу ради новой, еще неиспытанной?.. преобразованіе Аѳинъ въ морскую державу не подѣйствуетъ ли разлагающимъ образомъ? не исчезнетъ ли прежняя простота, патріархальность нравовъ, свойственная земледѣльческой странѣ?.. Уже современники Ѳемистокла сознавали, что съ торжествомъ его плановъ связанъ цѣлый рядъ дальнѣйшихъ, очень важныхъ слѣдствій, что тутъ затронуты интересы многихъ. Словомъ, въ возраженіяхъ и въ противникахъ Ѳемистокловыхъ мѣръ недостатка не было.

Къ числу ихъ до нѣкоторой степени принадлежалъ Аристидъ, котораго традиція надѣляетъ качествами, противоположными тѣмъ, какими отличался Ѳемистоклъ, — справедливостью, разборчивостью въ средствахъ и т. п. „Ты можешь прославлять Павсанія или Ксанѳиппа или Леотихида“, говоритъ родосскій поэтъ того времени, „я же славлю Аристида, его одного, изъ священныхъ Аѳинъ, между всѣми самаго лучшаго мужа“... Борьбу между Аристидомъ и Ѳемистокломъ не слѣдуетъ однако представлять себѣ борьбою двухъ несоединимыхъ, противоположныхъ принциповъ, борьбою старыхъ и новыхъ Аѳинъ, партіи консервативной и партіи прогресса, какъ это принято было прежде. Аристида нельзя считать главою аристократической партіи въ томъ смыслѣ напр., какъ Исагора, противника Клисѳена: онъ не былъ врагомъ демоса и стоялъ на его сторонѣ. Оба — и Ѳемистоклъ, и Аристидъ — были, по выраженію Аристотеля [1]), „предстателями демоса“. Но Аристидъ былъ болѣе умѣренъ и съ Ѳемистокломъ его раздѣляли не только глубокая противоположность характеровъ и личное соперничество, но и взглядъ на средства для достиженія цѣли: безпокойная, слишкомъ смѣлая, новаторская политика Ѳемистокла, неразборчивая на средства и не остана-

[1]) У Аристотеля въ „Аѳинск. Пол.“ Аристидъ даже представитель крайняго демократическаго направленія. Именно онъ будто-бы побудилъ населеніе покинуть поля и переселиться въ городъ; онъ вводитъ систему денежнаго вознагражденія; имъ начато то, что̀ завершилъ Эфіальтъ (гл. 24). Аристотель тутъ впадаетъ, очевидно, въ преувеличенія и неточности; переселеніе въ городъ не могло быть, конечно, результатомъ совѣта одного лица, система же денежнаго вознагражденія принадлежитъ не времени Аристида, а болѣе позднему.

вливавшаяся ни передъ чѣмъ, могла казаться Аристиду опасною, вредною для государства, и встрѣчать со стороны его противодѣйствіе. Стоя оба во главѣ демоса, Ѳемистоклъ и Аристидъ представляли однако собою два разныхъ направленія.

Какъ бы то ни было, дѣло кончилось остракизмомъ Аристида. Ѳемистоклъ вышелъ побѣдителемъ, и ко времени нашествія Ксеркса аѳиняне располагали уже флотомъ, какого не было ни у одного другого государства на континентѣ Эллады,— почти въ 200 судовъ. Во время Ксерксова нашествія аѳинянамъ пришлось пережить тяжелыя испытанія — покинуть городъ и предоставить его врагу на разореніе; кто не могъ сражаться, долженъ былъ спасаться на Саламинъ, въ Трезенъ и другіе пункты; а способные носить оружіе должны были сѣсть на корабли. Ѳемистоклъ и ареопагъ дѣйствовали въ этотъ моментъ рука объ руку. Не было денегъ на содержаніе войска, и ареопагъ прибѣгнулъ къ чрезвычайнымъ мѣрамъ: онъ—повидимому, изъ храмовыхъ суммъ — роздалъ каждому по 8 драхмъ и тѣмъ способствовалъ посадкѣ войскъ на суда; неимущимъ бѣглецамъ также выдано было пособіе. Зато Саламинская битва (480 г.) вознаградила за все перенесенное; она была полнымъ торжествомъ для аѳинянъ и въ частности для Ѳемистокла. „Деревянныя стѣны“ кораблей спасли Элладу...

Итакъ, Ѳемистоклъ преобразовалъ Аѳины въ морскую державу. Съ суши центръ тяжести перенесенъ былъ на море. А это въ свою очередь оказало вліяніе на весь строй жизни Аѳинъ. Клисѳенова конституція имѣла въ виду населеніе земледѣльческое; съ ея точки зрѣнія это была главная сила и опора государства. Теперь выдвигаются новые элементы, другіе классы и профессіи, преимущественно „корабельная чернь“, по выраженію древнихъ авторовъ, не сочувствовавшихъ крайней демократіи Для снаряженія флота пришлось привлечь къ службѣ и ѳетовъ; по принципамъ же Солонова законодательства повинностямъ должны соотвѣтствовать и права; такимъ образомъ, это значило дать четвертому классу гражданъ право на тѣ преимущества, которыя до тѣхъ поръ составляли достояніе первыхъ трехъ классовъ. Побѣды при Саламинѣ и при Микале (479 г.) должны были поднять духъ этой „ко-

рабельной черни", преисполнить ее сознанія своей силы. Послѣ отраженія врага и миновапія крайней опасности рабочіе, матросы, ремесленники стали стекаться въ Аѳины, а особенно въ гавань Пирей, тѣмъ болѣе, что и подать съ метэковъ, по крайней мѣрѣ на время, была тогда отмѣнена. Пирей сталъ кишѣть самымъ разнообразнымъ людомъ; онъ былъ гораздо демократичнѣе самихъ Аѳинъ.

Мѣры Ѳемистокла имѣли, слѣдовательно, результатомъ бо̀льшую демократизацію Аѳинъ. Это отлично понимали еще въ древности: часто тогда еще отмѣчалась связь между развитіемъ морского могущества Аѳинъ и развитіемъ ихъ демократіи. Недаромъ тридцать тирановъ, властвовавшихъ въ Аѳинахъ въ концѣ V в., въ господствѣ на морѣ видѣли корень ненавистной для нихъ демократіи. У Платона море называется „наставникомъ въ дурномъ", а Ѳемистоклу ставится въ упрекъ, что онъ стойкихъ гоплитовъ превратилъ въ корабельниковъ и моряковъ, что, отнявъ у гражданъ копье и щитъ, онъ довелъ аѳинскій демосъ до скамьи гребцовъ и до весла. Недаромъ о Ѳемистоклѣ говорили то же, что̀ такъ часто повторяли о Периклѣ,—что онъ усилилъ демократію больше, чѣмъ слѣдовало, что онъ возвысилъ демосъ надъ аристократами, преисполнилъ его дерзкой смѣлости, что при немъ вся сила перешла въ руки моряковъ, гребцовъ и кормчихъ ..

Платейскою битвою (479 г.) закончился первый періодъ борьбы грековъ съ персами, періодъ, который можетъ быть названъ борьбой за существованіе независимой Эллады. Тяжеловооруженная пѣхота грековъ одержала побѣду надъ легкими персидскими полчищами, вооруженными большею частью лукомъ и стрѣлами. Побѣдилъ свободный гражданинъ-грекъ: онъ зналъ, за что́ онъ сражается; онъ былъ проникнутъ сознаніемъ всей важности борьбы, былъ воодушевленъ любовью къ родинѣ, свободѣ, и это удесятеряло его силы. Одолѣлъ тотъ, кто проявилъ „больше нравственной энергіи, упорства, кто лучше умѣлъ страдать, умирать". Маленькая Грецiя устояла въ борьбѣ съ громадною Персидскою державою [1]), ибо

[1]) Нужно, впрочемъ, замѣтить, что силы Персіи, направленныя противъ Греціи, не были такъ колоссальны, какъ сообщаетъ традиція грековъ,

сила измѣряется не однимъ числомъ квадратныхъ миль и количествомъ населенія: въ исторіи рѣшающее значеніе имѣютъ нерѣдко силы нравственныя — въ широкомъ смыслѣ слова,— измѣрить которыя съ точностью, конечно, нельзя, но присутствіе и вліяніе которыхъ несомнѣнно. Притомъ, въ Греціи, съ ея гористою мѣстностью, съ ея узкими проходами, въ родѣ Ѳермопильскаго ущелья, и проливами, подобными Саламинскому, непріятель не могъ развернуть всѣ свои силы, и самая многочисленность ихъ была гибельна для персовъ; при Саламинѣ напр. персидскіе корабли сталкивались одинъ съ другимъ.

Событія, пережитыя Элладой и особенно Аѳинами въ эпоху борьбы съ персами, потрясенія, испытанныя тогда, и одержанныя побѣды оставили глубокій, неизгладимый слѣдъ въ ихъ исторіи.

Если прежде центръ тяжести греческой исторіи былъ преимущественно въ колоніяхъ, особенно въ Малой Азіи, гдѣ и сосредоточивалось культурное и политическое развитіе грековъ, то теперь первая роль во всѣхъ отношеніяхъ принадлежитъ уже метрополіи, европейской Элладѣ.

Научная, литературная, художественная, вообще духовная дѣятельность народа тѣсно связана съ его внѣшнею дѣятельностью и со всѣми другими сторонами его жизни. Ихъ соединяютъ часто незримыя, но неразрывныя нити. За торжествомъ въ борьбѣ съ внѣшнимъ врагомъ мы часто наблюдаемъ подъемъ народнаго духа, развитіе національнаго самосознанія, умственныхъ и нравственныхъ силъ народа. Такъ было и въ Греціи послѣ отраженія персовъ. Вслѣдъ за побѣдоносной борьбой съ опаснымъ врагомъ, потребовавшей напряженія всѣхъ силъ, греческій геній раскрывается во всемъ своемъ ослѣпительномъ блескѣ. Эллины еще болѣе сознаютъ свое превосходство надъ „варварами“. Ихъ кругозоръ и сфера дѣятельности расширяются. Наступаетъ для Греціи пора высшаго процвѣтанія умственнаго и художественнаго, даже экономическаго,—та пора, которую называютъ „вѣкомъ Перикла“.

слишкомъ ихъ преувеличивая. См. Delbrück, Die Perserkriege und die Burgunderkriege. Leipz. 1887, и Geschichte d. Kriegskunst im Rahmen der politischen Geschichte. Berl. I. 1900, который однако впадаетъ въ другую, противоположную крайность.

Во всѣхъ отношеніяхъ тутъ первое мѣсто принадлежитъ Аѳинамъ.

Греко-Персидскія войны вызвали крупную перемѣну и во взаимномъ положеніи греческихъ государствъ. Первенствовавшая дотолѣ Спарта начинаетъ терять свое исключительное преобладаніе. Во время борьбы за существованіе независимой Эллады она дѣйствуетъ вяло, держится слишкомъ себялюбивой, близорукой политики. Иное дѣло Аѳины: онѣ являются очагомъ національнаго сопротивленія варварамъ, душою его, спасителями Греціи, истинными представителями обще-эллинскихъ интересовъ. Борьбу съ персами аѳиняне вынесли главнымъ образомъ на своихъ плечахъ. Стоитъ вспомнить лишь о Мараѳонѣ, Саламинѣ, даже о Платеяхъ, гдѣ они тоже обнаружили такое мужество; стоитъ вспомнить о ихъ твердости во время переговоровъ съ Мардоніемъ, о ихъ страданіяхъ во время двукратнаго опустошенія персами Аттики. Самъ дельфійскій оракулъ въ ту критическую минуту измѣнилъ дѣлу Эллады и своими изреченіями одобрялъ поведеніе малодушныхъ и измѣнниковъ и наводилъ ужасъ на патріотовъ. Но несмотря на его зловѣщія предсказанія, аѳиняне не пали духомъ, сохранили мужество и бодрую энергію. Ради спасенія Эллады они уступаютъ спартанцамъ въ вопросѣ о начальствѣ надъ флотомъ, собравшимся у Артемисія. Они будятъ Спарту, которая, надѣясь на укрѣпленія Истма, погрузилась было въ полное бездѣйствіе и равнодушно смотрѣла на опустошеніе Аттики Мардоніемъ, полагая, что больше ужъ не нуждается въ Аѳинахъ; лишь послѣ крайнихъ настояній аѳинянъ совершилась отправка войска въ Среднюю Грецію съ царемъ Павсаніемъ во главѣ.

Послѣ битвы при Микале, когда рѣшался вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ мало-азіатскихъ грековъ и когда Спарта остановилась предъ трудностью защиты колоній и готова была бездѣйствовать, Аѳины смѣло берутъ въ свои руки это дѣло. Во второй періодъ борьбы грековъ съ персами война должна была вестись преимущественно на морѣ, и такимъ образомъ Аѳины, располагавшія флотомъ, являлись тутъ ужъ несомнѣнно главной силой.

Такъ во время борьбы Греціи съ персами падало обаяніе

Спарты, а вліяніе и значеніе Аѳинъ возрастало, а это, конечно, должно было повлечь за собой ихъ взаимное соперничество и вражду. Уже тутъ, слѣдовательно, начало того дуализма, который является характерной чертой послѣдующей греческой исторіи V вѣка.

Послѣ отраженія персовъ Аѳины, можно сказать, внезапно очутились во главѣ большого союза, сдѣлались могущественною державою, и прежніе порядки и учрежденія во многомъ должны были измѣниться: если они удовлетворяли потребностямъ и нуждамъ маленькой страны, то новому положенію теперь ужъ во многомъ рѣшительно не соотвѣтствовали.

Война съ персами была войной народной; тутъ участвовало не одно сословіе, а весь народъ, и только при такомъ участіи и полномъ воодушевленіи массы возможна была побѣда. При Саламинѣ, напр., побѣдилъ флотъ, а тутъ главная сила была въ ѳетахъ. Такимъ образомъ, удачный исходъ борьбы неминуемо повлекъ за собой неудержимое стремленіе къ равенству, возвышеніе демоса и полное развитіе демократіи. Побѣдитель демосъ не могъ примириться съ прежними ограниченіями.

Итакъ, въ періодъ, протекшій со времени Платейской битвы до начала Пелопоннесской войны и носящій названіе „*Пяти десятилѣтія*“, предъ нами въ сущности три главныхъ, крупныхъ явленія, какъ неминуемыя слѣдствія всего предшествовавшаго развитія и особенно—побѣдоносной борьбы съ персами: 1) высшее процвѣтаніе—умственное, художественное и экономическое—Греціи; 2) возвышеніе Аѳинъ, перемѣна гегемоніи, перешедшей къ нимъ на морѣ, и обусловленная этимъ вражда къ нимъ Спарты; 3) полное развитіе аѳинской демократіи. Къ демократіи велъ весь предыдущій ходъ исторіи Аѳинъ. Послѣ Клисѳена и Ѳемистокла послѣдующимъ дѣятелямъ оставалось лишь идти по слѣдамъ своихъ великихъ предшественниковъ, развивать созданный предыдущими поколѣніями строй, стараясь только такъ или иначе урегулировать демократическое движеніе.

Первые годы „Пятидесятилѣтія"; Кимонъ и Эфіальтъ.

Послѣ нашествія Ксеркса и вторженія Мардонія Аѳины представляли груду развалинъ. Необходимо было прежде всего возстановить укрѣпленія города и Пирея, а затѣмъ отстроить частные дома. Съ энергіей принялись аѳиняне за это дѣло. Работа шла спѣшно, тѣмъ болѣе, что уже тогда обнаружилось враждебное отношеніе къ нимъ пелопоннесцевъ. И тутъ руководителемъ аѳинянъ и душою этого дѣла былъ Ѳемистоклъ, съ которымъ дѣйствуетъ заодно Аристидъ. Ѳемистоклъ продолжаетъ осуществлять свои планы, которые онъ началъ приводить въ исполненіе еще до нашествія персовъ. Укрѣпленія Пирея были завершены; флотъ усиленъ. Чтобы привлечь ремесленниковъ въ полуразрушенный городъ, метэковъ, какъ было упомянуто, освободили на время отъ особой подати, которую они обыкновенно платили. Городъ Аѳины быстро возросъ и городская жизнь все болѣе и болѣе развивалась.

Послѣ битвы при Платеяхъ наступаетъ второй періодъ борьбы грековъ съ персами, во многомъ отличающійся отъ перваго. Война ведется тутъ ужъ не на почвѣ Эллады, а у острововъ Архипелага, у береговъ Ѳракіи и Малой Азіи, Геллеспонта и Босфора. Ея театромъ служитъ преимущественно море. Борьба эта далеко не такъ опасна, какъ первая; она не требуетъ такого напряженія силъ со стороны грековъ; дѣло идетъ не о существованіи Греціи, а объ избавленіи греческихъ колоній въ Малой Азіи отъ персидскаго ига и распространеніи господства грековъ. Тутъ уже не столько персы, сколько сами греки дѣйствуютъ наступательно.

Едва прошелъ годъ со времени битвы при Платеяхъ и Микале, какъ происходитъ событіе, чрезвычайно важное для будущей исторіи Аѳинъ и ихъ демократіи,—совершается переходъ къ нимъ гегемоніи на морѣ и образуется Первый Делосско-Аттическій или Аѳинскій союзъ.

Вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ мало-азіатскихъ грековъ возникъ тотчасъ послѣ битвы при Микале. Спартанскій царь Леотихидъ предлагалъ переселить ихъ въ Европейскую Грецію. Но понятно, что такое предложеніе было едва-ли осуществимо,

и по настоянію аѳинянъ приняты были въ союзъ острова Хіосъ, Самосъ, Лесбосъ и нѣкоторые другіе. Этимъ былъ уже положенъ первый зародышъ будущему Делосско-Аттическому союзу.

Тѣмъ не менѣе и въ 478 г., когда соединенный греческій флотъ направился къ Кипру и затѣмъ къ Византіи—греки, очевидно, уже тогда стремились къ обладанію проливами въ виду сношеній съ Понтійскими странами,—мы видимъ во главѣ этого флота не аѳинянина, а спартанскаго царя Павсанія Но Павсаній, надменный, грубый и жестокій, походившій больше на тирана, чѣмъ на вождя греческаго войска, этотъ побѣдитель при Платеяхъ, которому успѣхъ вскружилъ голову, который не могъ уже примириться съ скромною ролью спартанскаго царя и, по взятіи Византіи, вошелъ даже въ измѣнническія сношенія съ Ксерксомъ,—Павсаній своимъ обращеніемъ отталкивалъ союзниковъ, находившихся въ составѣ греческаго флота, тогда какъ аѳинскіе вожди, Аристидъ и Кимонъ, составляли полный контрастъ ему. Уже союзники, особенно іоняне, возмущенные обращеніемъ съ ними Павсанія, просили аѳинскихъ вождей принять начальство надъ флотомъ, когда спартанское правительство отозвало его. Спарта вмѣсто него рѣшила отправить другого предводителя, но было уже поздно: союзники не хотѣли принимать спартанскаго вождя, и Спарта примирилась съ совершившимся фактомъ.

Такимъ образомъ предводительство надъ флотомъ перешло къ аѳинянамъ (478/7 г.), и странно было бы, если бы во главѣ союза морскихъ силъ продолжало стоять такое сухопутное государство, какъ Спарта; совершенно естественно, что тутъ главенство перешло къ Аѳинамъ, обладавшимъ сильнымъ флотомъ.

Первоначальная цѣль союза, во главѣ котораго стали аѳиняне по предложенію самихъ союзниковъ, была борьба съ персами. Установлено было, какіе города должны доставлять корабли, и какіе, вмѣсто кораблей,—денежный взносъ, *форосъ*. При распредѣленіи повинностей приняты были во вниманіе силы и благосостояніе каждаго города. Ежегодная сумма фороса на первыхъ же порахъ составляла 460 талантовъ. Для пріема взносовъ и завѣдыванія союзною казною учреждена

была должность *эллинотаміевъ*. Центромъ союза сначала былъ островъ Делосъ: здѣсь должны были происходить общія союзныя собранія, управлявшія дѣлами союза; на этомъ же островѣ, въ святилищѣ Аполлона, хранилась и союзная казна. Первоначально всѣ члены союза были автономны и равноправны; Аѳины являлись лишь первыми между равными. Но вскорѣ такой порядокъ и общій характеръ союза измѣнились...

Организаторомъ союза былъ Аристидъ. Трудная и щекотливая задача — распредѣленіе повинностей — была исполнена имъ съ успѣхомъ и за это собственно онъ и былъ прозванъ „справедливымъ“ [1]).

Послѣ отраженія персовъ въ Аѳинахъ продолжаютъ бороться два теченія. Одна партія, состоявшая большею частью изъ земледѣльцевъ, изъ элементовъ консервативныхъ, держалась Клисѳеновой конституціи и была противъ новшествъ, противъ дальнѣйшаго развитія демократическихъ началъ; она желала какъ-бы остановить ходъ исторіи. Нѣкоторые, крайніе аристократы и олигархи мечтали даже о возвратѣ къ прошлому, къ до-Клисѳеновскому строю. Другая партія, состоявшая

[1]) Съ именемъ Аристида связывали прежде еще демократическую реформу: у Плутарха сохранилось извѣстіе, будто послѣ Платейской битвы, по предложенію Аристида, право занимать должности, не исключая и архонта, предоставлено было всѣмъ аѳинянамъ, безъ различія имущественныхъ классовъ. Полагали, что Аристидъ, проводя такую демократическую реформу, дѣйствовалъ по чувству справедливости и въ сознаніи необходимости этой мѣры при тогдашнихъ обстоятельствахъ. Но съ открытіемъ „Аѳинской Политіи“ Аристотеля стало ясно, что такой реформы не было: до 457 года по закону архонтами не могли быть зевгиты, а о ѳетахъ и говорить нечего. Очевидно, у Плутарха здѣсь какое-нибудь недоразумѣніе и неточность. Можно допустить, что предложеніе Аристида открыло тогда доступъ къ архонтству всадникамъ (такъ какъ передъ реформой 457 года архонты избирались и изъ нихъ, а по Солонову законодательству—только изъ пентакосіомедимновъ; слѣдовательно, въ промежутокъ между Солономъ и 457 годомъ всадники получили доступъ къ архонтству, и возможно, что это было дѣломъ Аристида). Другіе, напр. Белохъ, полагаютъ, что введеніе жребія въ 487/6 году и было „Аристидовою реформою“, а Плутархъ не понялъ сущности ея и отнесъ ее ко времени послѣ Платейской битвы. Есть мнѣніе, что Аристидова мѣра была лишь временною, экстренною, касалась только выборовъ 478/7 г. въ виду того, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ трудно найти было изъ высшихъ классовъ 500 кандидатовъ, какъ требовалъ того законъ 487/6 г. (ст. Fabricius'a въ Rhein. Museum, 51 т., 1896).

преимущественно изъ новыхъ элементовъ, пріобрѣвшихъ силу главнымъ образомъ въ эпоху борьбы съ персами, стремилась къ полному торжеству демократіи, къ устраненію существовавшихъ еще преградъ. Для выросшаго демоса — и притомъ демоса-побѣдителя — стали нестерпимыми прежнія ограниченія; жизнь не укладывалась въ старыя, сдѣлавшіяся тѣсными, рамки; явились новыя настоятельныя требованія и новыя стремленія...

Ѳемистоклъ вскорѣ сходитъ съ поприща государственной дѣятельности. Противъ него были консервативные элементы и многочисленные враги: въ числѣ послѣднихъ мы видимъ и Алкмеонидовъ, и Мильтіадова сына, Кимона, и богача Каллія, и другихъ. Тутъ дѣйствовали не одна политическая вражда и соперничество: притязанія Ѳемистокла, открытое сознаніе того, чѣмъ Аѳины ему обязаны, его постоянныя напоминанія о своихъ заслугахъ и славныхъ подвигахъ,—все это докучало, отталкивало, раздражало, и въ концѣ 70-хъ годовъ Ѳемистоклъ подвергся остракизму [1])... Онъ удалился въ Аргосъ. Потомъ, обвиненный въ соучастіи въ дѣлѣ Павсанія, уличеннаго въ измѣнѣ, и потребованный на судъ въ Аѳины, онъ скитался и, какъ извѣстно, кончилъ тѣмъ, что отправился въ Азію, къ персидскому царю. Онъ вскорѣ умеръ естественною смертью. Но народная фантазія не могла допустить такого конца: она создала легенду, будто Ѳемистоклъ самъ лишилъ себя жизни, припявъ ядъ, такъ какъ не въ силахъ былъ исполнить своего обѣщанія—служить царю противъ своихъ же соотечественниковъ.

Около того же времени умеръ и Аристидъ. Такимъ образомъ сошли въ могилу знаменитые дѣятели времени нашествія персовъ. Выступаютъ теперь другіе вожди—во главѣ аристократической партіи Кимонъ, во главѣ демократической—Эфіальтъ и затѣмъ Периклъ.

Сынъ Мильтіада, Кимонъ, принадлежалъ къ тому поколѣ-

[1]) Въ „Аѳинской Политіи“ Аристотеля (глава 25) Ѳемистоклъ выводится дѣйствующимъ лицомъ при проведеніи Эфіальтовой реформы ареопага въ 462/1 г. Но это противорѣчитъ хронологическимъ даннымъ и свидѣтельству другихъ источниковъ. Подробности—въ моей статьѣ въ Журн. Мин Нар Просвѣщ., 1891, іюль, и въ моей „Аѳинск. Политіи“, стр. 418 сл.

нію, которое во дни своей юности принимало дѣятельное участіе въ защитѣ своей родины отъ персовъ, и онъ всецѣло былъ одушевленъ тѣмъ патріотическимъ пыломъ, тѣмъ энтузіазмомъ, который охватилъ тогда лучшую часть аѳинскаго общества. Въ тотъ моментъ, когда полчища Ксеркса угрожали Аѳинамъ и когда Ѳемистоклъ указывалъ гражданамъ на корабли, какъ на единственное средство спасенія и единственную надежду на побѣду, а масса въ страхѣ и сомнѣніи колебалась послѣдовать такому совѣту, — въ этотъ моментъ Кимонъ, говоритъ Плутархъ, первый подалъ примѣръ: сопровождаемый своими друзьями, онъ направился къ акрополю, съ конскою уздою въ рукахъ, посвятилъ въ храмѣ эту узду богинѣ, а въ замѣнъ ея взялъ себѣ одинъ изъ висѣвшихъ тамъ щитовъ, и, принеся молитву, сошелъ къ морю, къ кораблямъ, показавъ такимъ образомъ, что не въ конницѣ теперь нуждается отечество, а во флотѣ. Вскорѣ затѣмъ мы видимъ его уже дѣятельнымъ помощникомъ и правою рукою Аристида при переходѣ гегемоніи на морѣ къ аѳинянамъ и при образованіи Делосскаго союза: именно Кимону, на-ряду съ Аристидомъ, принадлежитъ здѣсь главная заслуга; вліянію его симпатичной личности Аѳины многимъ обязаны. А рядъ побѣдъ на морѣ и на сухомъ пути, въ особенности надъ національнымъ врагомъ эллиновъ, персами, окончательное очищеніе отъ нихъ береговъ Ѳракіи, Геллеспонта и Босфора, наконецъ двойная побѣда, надъ персидскимъ флотомъ и сухопутнымъ войскомъ, у устьевъ Евримедона, — все это доставило Кимону славу непобѣдимаго полководца и вмѣстѣ съ тѣмъ вліяніе на общій ходъ политической жизни Аѳинъ.

Но истиннымъ призваніемъ Кимона была и оставалась война. Тутъ онъ чувствовалъ себя въ своей сферѣ; тутъ проявлялись его блестящія качества и дарованія полководца. Вообще Кимонъ былъ типомъ истаго воина, со всѣми его слабостями и достоинствами. Высокій, статный, съ густыми кудрями, это былъ дѣйствительно въ своемъ родѣ „рыцарь безъ страха и упрека“ [1]), беззавѣтно храбрый, умѣвшій одушевить, увлечь и другихъ. Доступный и простой въ обращеніи, откры-

[1]) W Oncken, Athen und Hellas. Leipz. 1865, I, 89.

тый и прямой, веселый товарищъ въ пріятельскомъ кругу, онъ владѣлъ тайною располагать къ себѣ сердца и пріобрѣтать друзей. Но образованіемъ Кимонъ далеко не отличался, и въ противоположность большинству аѳинянъ не учился даже музыкѣ. Впрочемъ, все это ему не мѣшало сближаться съ художниками, напр. съ Полигнотомъ, и съ своей стороны оказывать содѣйствіе художественному развитію и украшенію Аѳинъ. Нѣкоторымъ природнымъ даромъ слова онъ, быть можетъ, и обладалъ; но талантъ и искусство настоящаго оратора и та чисто аѳинская велерѣчивость, которая такъ отличала его соотечественниковъ, были ему чужды. Въ этомъ отношеніи Кимонъ скорѣе напоминалъ спартанца, на котораго походилъ и простотой своей обыденной жизни. Но, ведя обыкновенно чрезвычайно простой образъ жизни, Кимонъ далеко не былъ врагъ удовольствій и наслажденій—особенно предавался онъ имъ въ молодости, — любилъ веселые пиры и отличался склонностью къ женщинамъ. Кимонъ обладалъ большимъ богатствомъ и отличался необыкновенною щедростью. Извѣстны разсказы о ней, характеризующіе вмѣстѣ съ тѣмъ и его демагогическіе пріемы. Вообще Кимонъ безъ труда пріобрѣталъ популярность, умѣлъ легко и непринужденно сближаться съ народомъ и въ лучшіе годы своей жизни былъ народнымъ любимцемъ. Сами комики щадили и даже прославляли его.

Отсюда уже видно, что аристократизмъ Кимона въ сущности былъ довольно умѣренный. Кимонъ имѣлъ въ себѣ нѣчто плебейское. Это не былъ человѣкъ партіи въ строгомъ смыслѣ слова. Ведя борьбу съ Ѳемистокломъ, а затѣмъ съ Периклом и Эфіальтомъ, Кимонъ не думалъ однако о переворотѣ въ смыслѣ возвращенія къ прежнему, полному преобладанію аристократіи: онъ желалъ лишь пріостановить, задержать дальнѣйшее развитіе демократіи и возставалъ противъ нововведеній, слишкомъ, по его мнѣнію, расширявшихъ права и значеніе демоса. Выражаясь современнымъ языкомъ, Кимона можно было бы назвать консерваторомъ, но не реакціонеромъ.

Но замѣчательно, что Кимонъ невольно, вопреки даже своему желанію, содѣйствовалъ развитію такихъ явленій и усиленію такихъ элементовъ, въ подавленіи которыхъ, казалось, должна была состоять его задача въ качествѣ вождя партіи

аристократической, — напр. усиленію элемента демократическаго. Способствовалъ онъ этому уже самыми своими морскими побѣдами, одерживаемыми имъ во главѣ того флота, гдѣ такую роль играли граждане четвертаго класса; способствовалъ онъ усиленію демократическаго духа до нѣкоторой степени и своимъ обращеніемъ, своею щедростью, своими чисто-демагогическими пріемами. Мало того: поведеніе Кимона, который самъ въ извѣстномъ смыслѣ былъ представитель и поклонникъ „добраго стараго времени“ и старыхъ нравовъ, должно было въ сущности вести къ деморализаціи аѳинскаго демоса.

Кимонъ, сказали мы, всецѣло проникнутъ былъ патріотическимъ одушевленіемъ временъ борьбы за свободу Эллады. Его стремленія были панэллинскія. Онъ живо сознавалъ единство всего греческаго міра и всѣми силами старался поддержать единеніе между греками. Къ самой Спартѣ, соперницѣ Аѳинъ, онъ относился съ такимъ уваженіемъ и съ такимъ сочувствіемъ, что его не безъ основанія упрекали въ излишнемъ „лаконизмѣ“. Онъ былъ большой поклонникъ всего спартанскаго и неразъ своимъ соотечественникамъ ставилъ въ примѣръ лакедемонянъ, какъ образецъ, достойный подражанія. Кимонъ мечталъ не о борьбѣ Аѳинъ со Спартой, не о полномъ торжествѣ первыхъ надъ второю, а о тѣсномъ и искреннемъ союзѣ ихъ. И къ другимъ грекамъ онъ былъ дружественно расположенъ. Къ союзникамъ относился тоже хорошо, избѣгалъ насилія по отношенію къ нимъ и въ то время, какъ остальные аѳинскіе военачальники требовали отъ нихъ точнаго исполненія принятыхъ обязательствъ — доставленія людей и кораблей, — что̀ для союзниковъ казалось ужъ обременительнымъ, Кимонъ соглашался, чтобы они въ замѣнъ этого представляли денежные взносы. Зато войну съ персами, въ борьбѣ съ которыми прошли лучшіе его годы и побѣды надъ которыми составили его славу, онъ считалъ главною задачею аѳинянъ, главнымъ дѣломъ своей жизни. „Миръ съ греками, борьба съ Персіей“—такова была его программа.

И тутъ результаты дѣятельности Кимона оказывались въ извѣстномъ смыслѣ противоположными его стремленіямъ и ожиданіямъ: такъ, своими побѣдами онъ съ своей стороны подготовлялъ будущій разрывъ со Спартой, такъ какъ Спарта не

могла равнодушно смотрѣть на непомѣрное возвышеніе своего соперника, а Аѳины въ свою очередь, сознавая и даже преувеличивая свои силы, начинали думать объ окончательномъ оттѣсненіи Спарты на второй планъ. А соглашаясь на то, чтобы союзники вмѣсто флота доставляли деньги, Кимонъ тѣмъ самымъ невольно содѣйствовалъ большему ихъ порабощенію и недовольству въ будущемъ, превращенію аѳинской гегемоніи въ полное владычество, и ему же пришлось быть свидѣтелемъ и усмирителемъ первыхъ возстаній союзниковъ. Вообще Кимонъ, обладавшій всѣми качествами хорошаго воина и полководца, оказывался недальновиднымъ въ политикѣ; тутъ обнаруживались его слабыя стороны.

Таковъ Кимонъ, глава аристократической партіи.

Какъ вождь демоса, какъ борецъ за его права, въ Аѳинахъ въ 60-хъ годахъ на первомъ мѣстѣ стоялъ Эфіальтъ. Дошедшія до насъ извѣстія о немъ отрывочны и скудны, но всѣ они сходятся въ признаніи, что это былъ одинъ изъ лучшихъ людей древнихъ Аѳинъ, — твердый, безкорыстный, идеально-честный. Въ этомъ отношеніи его имя ставили наряду съ именемъ Аристида. По выраженію Аристотеля, Эфіальтъ слылъ „неподкупнымъ и справедливымъ въ политическомъ отношеніи“. Онъ не обогащался на счетъ государственныхъ средствъ, какъ большинство другихъ государственныхъ дѣятелей Аѳинъ, и сошелъ въ могилу такимъ же бѣднякомъ, какимъ онъ былъ всю свою жизнь, гордясь своею бѣдностью и отвергая всякую помощь даже со стороны друзей. Въ своей общественной дѣятельности Эфіальтъ представляется намъ своего рода народнымъ трибуномъ: это былъ воодушевленный и краснорѣчивый „предстатель“ демоса, всецѣло преданный его интересамъ, гроза олигарховъ, неумолимый преслѣдователь тѣхъ должностныхъ лицъ, которыя позволяли себѣ какія-либо злоупотребленія или несправедливости по отношенію къ народу.

Заодно съ Эфіальтомъ дѣйствовалъ Периклъ, его единомышленникъ и другъ, но онъ пока оставался на второмъ планѣ; первенствующее положеніе онъ занялъ лишь съ середины V вѣка.

Одинъ изъ эпизодовъ тогдашней борьбы—процессъ Кимона послѣ покоренія возставшаго Ѳасоса (463 г.). Кимона обви-

няли въ томъ, что онъ, будто-бы подкупленный, не воспользовался удобнымъ случаемъ для вторженія въ Македонію. Но время для низверженія Кимона, находившагося въ апогеѣ своей славы, еще не пришло; онъ былъ оправданъ.

Вскорѣ представился другой, болѣе важный поводъ къ столкновенію между противными партіями, когда обѣимъ сторонамъ приходилось помѣриться своими силами. То была просьба спартанцевъ о помощи противъ возставшихъ періэковъ и илотовъ или мессенянъ, оплотомъ для которыхъ служила знаменитая въ преданіяхъ прежнихъ мессенскихъ войнъ Ѳома. Тутъ должны были столкнуться двѣ противоположныя политическія программы. Аристократы были на сторонѣ Спарты: Спарта казалась идеаломъ строго-аристократической республики, примѣромъ незыблемости государственнаго строя, съ однимъ господствующимъ сословіемъ; она была исконнымъ, дѣятельнымъ врагомъ демократіи во всѣхъ ея видахъ и оплотомъ элементовъ аристократическихъ. Наоборотъ, вожди демократической партіи не могли питать симпатій къ Спартѣ. Они являлись продолжателями дѣла Ѳемистокла, видѣли враждебное отношеніе Спарты къ возростающему могуществу Аѳинъ и сознавали, что нечего ужъ разсчитывать на искреннее сближеніе двухъ соперничествующихъ государствъ. Какъ-разъ передъ тѣмъ Спарта обѣщала свою поддержку возставшему противъ аѳинянъ Ѳасосу и только постигшее ее землетрясеніе и затѣмъ возстаніе мессенянъ помѣшали оказать эту поддержку. Несмотря на все это, Кимонъ остался вѣренъ своимъ симпатіямъ и своей программѣ. Самъ проникнутый всецѣло воспоминаніями о патріотической борьбѣ временъ персидскаго нашествія, онъ и аѳинянамъ теперь напоминалъ объ этихъ временахъ, о союзѣ со Спартой, объ еще недавней общей ихъ борьбѣ съ „варварами“. Онъ молилъ народное собраніе не допускать, „чтобы Эллада стала хромать на одну ногу, а Аѳины остались безъ сотоварища по ярму“. Тщетно противъ помощи Спартѣ возставалъ Эфіальтъ; тщетно онъ доказывалъ, что слѣдуетъ предоставить Спарту, этого врага Аѳинъ, ея участи: Кимонъ восторжествовалъ. Рѣшено было помочь спартанцамъ, и самъ Кимонъ во главѣ 4000-наго отряда отправился въ Пелопоннесъ.

Однако спартанцы вскорѣ съ подозрѣніемъ отнеслись къ своимъ аѳинскимъ союзникамъ и отпустили ихъ, заявивъ, что больше не нуждаются въ нихъ.

Велико было негодованіе аѳинянъ на Спарту! Послѣ этого авторитетъ и вліяніе Кимона, политика котораго потерпѣла такую жалкую неудачу, и значеніе всей аристократической партіи естественно должны были пасть: въ общественно-политической жизни Аѳинъ должно было возобладать другое, противоположное теченіе—демократическое.

Такимъ образомъ всѣ эти событія отразились тотчасъ же и на ходѣ внутренней борьбы, переживаемой тогда Аѳинами: съ ними связана такъ называемая *Эфіальтова реформа*, касавшаяся *ареопага*.

Реформа ареопага; судъ присяжныхъ, совѣтъ и народное собраніе.

Трудно въ точности обозначить права и функціи ареопага: по всей вѣроятности, онѣ и не были ясно опредѣлены, и самая эта неопредѣленность могла въ свою очередь способствовать расширенію сферы вліянія ареопага. По выраженію одного древняго свидѣтельства, почти всѣ дѣла по проступкамъ и нарушеніямъ закона подлежали его вѣдѣнію. Но ареопагъ былъ не только высшимъ судилищемъ: это былъ въ извѣстномъ смыслѣ государственный совѣтъ и учрежденіе съ религіознымъ характеромъ, съ полицейскою и цензорскою властью, а главное—съ большимъ политическимъ вліяніемъ: ареопагу принадлежала высшая контролирующая власть надъ дѣйствіями должностныхъ лицъ и даже надъ самой экклесіей, народнымъ собраніемъ: онъ былъ „всеобщимъ блюстителемъ и стражемъ законовъ“; онъ пользовался правомъ veto по отношенію къ постановленіямъ народнаго собранія и, слѣдовательно, вліялъ на весь ходъ государственной жизни.

Въ силу своей древности окруженный особымъ нимбомъ, по преданію—созданіе самихъ боговъ и судилище, предъ которое являлись даже сами безсмертные, составленный изъ избранныхъ лицъ—бывшихъ архонтовъ, съ честью исполнявшихъ свой долгъ,—ареопагъ долго обладалъ особеннымъ нравствен-

нымъ авторитетомъ. Въ чрезвычайныхъ случаяхъ онъ могъ прибѣгать и къ чрезвычайнымъ мѣрамъ. Во время борьбы съ персами за независимость, особенно въ моментъ вторженія Ксеркса, ареопагъ, поддерживая Ѳемистокла. проявилъ энергію и патріотизмъ, что̀, конечно, еще болѣе подняло его нравственное вліяніе и авторитетъ, такъ-что годы отъ Саламинской битвы до начатой Эфіальтомъ борьбы Аристотель въ „Аѳинской Политіи“ выдѣляетъ даже въ особый періодъ *главенства ареопага*, — главенства, при которомъ, говоритъ онъ, дѣла аѳинянъ шли хорошо; аѳиняне имѣли успѣхъ въ войнѣ и пріобрѣли славу среди эллиновъ (гл. 23).

Такимъ образомъ, какъ-разъ въ то время, когда въ Аѳинахъ особенно усиливается демократическій элементъ, возвышается и ареопагъ, представитель другого, противоположнаго начала. Но главенство ареопага, о которомъ говоритъ Аристотель, продолжалось только около 17 лѣтъ, мало-по-малу клонясь къ упадку: оно не могло быть продолжительнымъ, оно противорѣчило общему ходу и направленію аѳинской исторіи. Между ареопагомъ, этимъ воплощеніемъ и блюстителемъ старины, этимъ оплотомъ и средоточіемъ партіи аристократической, и господствовавшимъ тогда въ Аѳинахъ демократическимъ направленіемъ столкновеніе было неминуемо. Коллегія, по самой своей сущности чисто аристократическая, ареопагъ, съ своими пожизненными и неотвѣтственными членами, стоялъ теперь одиноко среди другихъ учрежденій Аѳинъ, составляя рѣзкій контрастъ остальному строю этой демократической республики съ ежегодно избираемыми и отвѣтственными должностными лицами. Многія изъ тѣхъ правъ, которыми пользовался ареопагъ,—особенно право veto—оказывались ненавистнымъ и лишнимъ тормазомъ для окрѣпнувшей демократіи и казались уже анахронизмомъ. Новыя идеи съ трудомъ проникали въ ареопагъ; новые интересы и новыя стремленія, которыми жило аѳинское общество, были чужды, непонятны ареопагитамъ, людямъ большею частью престарѣлымъ, представителямъ ужъ отжившихъ поколѣній. Обновленіе состава ареопага совершалось медленно; долго еще большинство состояло изъ прежнихъ архонтовъ, вышедшихъ изъ рядовъ перваго класса; а главное—духъ, царившій въ этомъ учрежденіи, былъ

слишкомъ могущественъ, и вновь вступающіе члены, представители хотя бы и другихъ общественныхъ слоевъ и другихъ воззрѣній, подчинялись въ свою очередь этому духу. Тутъ дѣйствовали своего рода esprit de corps и строгая, выработанная въ теченіе долгаго ряда поколѣній традиція. Измѣнить ей, отступить отъ установившагося направленія, — это былъ такой предосудительный для ареопагита поступокъ, на который рѣдко кто изъ новыхъ членовъ имѣлъ смѣлость рѣшиться. Притомъ, даже тѣ, кто честно исполнялъ свою обязанность въ качествѣ архонта, подвергались докимасіи предъ ареопагомъ, прежде чѣмъ вступить въ него, и понятно, что ареопагиты, вѣроятно, тщательно старались не допускать въ свою среду лицъ, извѣстныхъ за особенно ревностныхъ демократовъ. Докимасія тутъ могла легко обратиться въ подборъ единомышленниковъ. Среди происходившей въ Аѳинахъ внутренней борьбы ареопагъ являлся не безстрастнымъ зрителемъ или посредникомъ, а представителемъ и органомъ партіи, главнымъ средоточіемъ и оплотомъ всего, что было враждебно дальнѣйшему росту демократіи.

Такимъ образомъ, для полнаго торжества демократіи необходимо было лишить аристократическую партію той опоры, какую она находила себѣ въ ареопагѣ. Съ другой стороны, реформа 488/7 г., ограниченіе власти архонтовъ и введеніе жребія при избраніи послѣднихъ должны были отразиться и на авторитетѣ ареопага: когда большинство ареопага стали составлять не люди выдающіеся, не тѣ бывшіе архонты, которые являлись народными избранниками, а заурядные граждане, обязанные своимъ архонтствомъ въ значительной мѣрѣ жребію, т.-е. случаю, и когда поколѣніе прежнихъ ареопагитовъ сошло въ могилу, — тогда и нравственный авторитетъ ареопага долженъ былъ пасть.

По словамъ Аристотеля, нападенія на ареопагъ начались съ того, что Эфіальтъ устранилъ многихъ ареопагитовъ, поднимая противъ нихъ процессы по поводу ихъ управленія, а въ 462/1 г. онъ выступилъ [1]) съ закономъ объ ограниченіи

[1]) Въ „Аѳинской Политіи“ имѣется анекдотическій разсказъ объ участіи

власти и правъ ареопага съ цѣлью положить конецъ его политическому вліянію. Обстоятельства были благопріятны. Кимонъ въ то время отсутствовалъ—онъ былъ въ Пелопоннесѣ, у Иѳомы, и съ нимъ отрядъ гоплитовъ, состоявшій большею частью изъ его сторонниковъ и элементовъ консервативныхъ,— и предложенія Эфіальта были встрѣчены сочувственно; но возвращается въ Аѳины Кимонъ, и возгорается жаркая и упорная борьба. Какъ глава аристократической партіи и приверженецъ старины, Кимонъ не могъ допустить реформы ареопага; эта реформа поражала средоточіе той партіи, вождемъ которой былъ онъ; посягательства на освященныя временемъ и преданіемъ права ареопага казались ему дерзкимъ святотатствомъ, гибельнымъ нарушеніемъ существующаго строя, завѣта Солона, по мысли котораго ареопагъ долженъ былъ, подобно якорю, предохранять государство отъ бурь и волнъ и держать демосъ въ спокойствіи. Безъ авторитета ареопага государственный порядокъ, казалось, будетъ лишенъ необходимой устойчивости, Аѳины сдѣлаются жертвой ничѣмъ необуздываемой страсти къ новизнѣ и духъ беззаконія и анархіи овладѣетъ гражданами. Кимонъ, всѣ аристократы и всѣ безусловные приверженцы старины, вновь одушевленные присутствіемъ своего вождя, должны были напречь всѣ свои силы, чтобы помѣшать осуществленію предположенной реформы. Эфіальтъ съ своей стороны съ жаромъ отстаивалъ свое дѣло. Аѳины переживали тяжелый, бурный внутренній разладъ. Единственнымъ выходомъ изъ такого положенія являлся остракизмъ. Нужно было такъ или иначе покончить съ внутренней борьбой, рѣшить, наконецъ, чье дѣло должно восторжествовать, кому оставаться въ Аѳинахъ и кому удалиться, предоставивъ свободное поле для дѣятельности своимъ противникамъ, — вождямъ ли демократической партіи или же Кимону? Голосъ большинства рѣшилъ не въ пользу Кимона: какъ „другъ лаконянъ и врагъ демоса“, онъ долженъ былъ отправиться въ изгнаніе. Дѣло демократіи восторжествовало... Но съ этимъ страсти, вызванныя борьбой, не улеглись вполнѣ: глухая затаенная злоба и

въ этомъ дѣлѣ Ѳемистокла, но, какъ было упомянуто уже, этого участія нельзя допустить въ виду хронологическихъ соображеній.

жажда мести одушевляла крайнихъ приверженцевъ побѣжденной партіи, и жертвой этой ненависти вскорѣ сдѣлался Эфіальтъ. Однажды утромъ онъ найденъ былъ мертвымъ: рука убійцы поразила его.

На переживаемыя тогда событія и злободневные вопросы, волновавшіе умы аѳинянъ, отозвался и Эсхилъ въ своихъ „Евменидахъ“ [1]), написанныхъ въ 458 г., вскорѣ послѣ Эфіальтовой реформы. Поэтъ старается укрѣпить благоговѣйное отношеніе къ ареопагу, какъ *судилищу*. Сама богиня Аѳина учреждаетъ ареопагъ для суда надъ матереубійцей Орестомъ, который получилъ очищеніе въ Дельфахъ, но котораго продолжаютъ преслѣдовать Эриніи. Это судъ „недоступный корысти, совѣстливый, но сильный въ гнѣвѣ, бодрствующая охрана земли“, и онъ будетъ существовать впредь, денно и нощно благоговѣйный страхъ гражданъ будетъ противодѣйствовать беззаконію, пока граждане не будутъ подновлять законовъ. Такимъ образомъ Эсхилъ противъ дальнѣйшихъ нововведеній: „Чистая вода, загрязненная дурными притоками и нечистотами, не будетъ годна для питья“. Аѳина даетъ завѣтъ гражданамъ равно остерегаться какъ разнузданности, такъ и рабскаго духа, не изгонять совершенно изъ города того, что возбуждаетъ благоговѣйный страхъ. Въ общемъ драма Эсхила какъ-бы призываетъ къ примиренію; поэтъ, по своему міровоззрѣнію скорѣе консерваторъ, видимо сочувствуетъ союзу, заключенному тогда аѳинской демократіей съ врагомъ Спарты, Аргосомъ: аргивянинъ Орестъ даетъ клятву странѣ и народу аѳинянъ на вѣчныя времена, что союзъ будетъ храниться и ни одинъ правитель Аргоса не пошлетъ противъ нихъ вооруженнаго воина...

Реформа ареопага была, можно сказать, завершеніемъ предыдущаго историческаго процесса: ею утверждено въ Аѳинахъ окончательное господство полной—хотя, какъ увидимъ, далеко пока еще не разнузданной—демократіи, къ чему въ сущности велъ весь предшествовавшій ходъ аѳинской исторіи, особенно со времени Ѳемистокла и Греко-Персидскихъ войнъ. Реформа

[1]) По поводу ихъ—ст. Ѳ. Ф. Зѣлинскаго, Идея нравственнаго оправданія, въ I т. его „Изъ жизни идей“. Спб. 1905.

эта не равнялась вовсе чуть не полному уничтоженію ареопага. И послѣ нея вѣдѣнію ареопага подлежали дѣла о преднамѣренныхъ убійствахъ, о нанесеніи ранъ и увѣчій съ цѣлью лишенія жизни, о поджогахъ и объ отравленіяхъ, поведшихъ къ смерти, тѣмъ болѣе, что судъ по такимъ дѣламъ тѣсно связанъ былъ съ самимъ культомъ, носилъ на себѣ до нѣкоторой степени религіозный характеръ, такъ какъ убійство въ глазахъ грековъ было не просто преступленіемъ, но и оскверненіемъ, требовавшимъ очищенія. Извѣстная доля функцій въ сферѣ культа—напр. надзоръ за оливковыми деревьями, посвященными богинѣ Аѳинѣ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ разбирательство по дѣламъ о нечестіи, отчасти и наблюденіе за надлежащимъ исполненіемъ религіозныхъ обрядовъ—осталась попрежнему за ареопагитами, этими служителями Евменидъ. Цензорская власть ареопага, право надзора за нравами и за воспитаніемъ, не совсѣмъ, быть можетъ, были уничтожены, хотя и ограничены значительно. Впослѣдствіи, въ IV столѣтіи, мы даже видимъ ареопагъ обладающимъ немалымъ нравственнымъ вліяніемъ и авторитетомъ. Въ особенно важныхъ случаяхъ, въ дѣлахъ, касающихся блага и безопасности государства, по порученію народнаго собранія, а иногда, можетъ быть, и по собственной иниціативѣ, ареопагъ является высшей слѣдственной коммиссіей; но судъ по подобнымъ дѣламъ принадлежалъ народу и могъ быть предоставленъ ареопагу не иначе, какъ по особому каждый разъ уполномочію отъ народнаго собранія. Все это были лишь остатки прежнихъ, когда-то широкихъ правъ ареопага: реформой за нимъ были оставлены только тѣ функціи, которыя въ политическомъ смыслѣ казались безвредными, отнятіе которыхъ было бы для дѣла демократіи совершенно безполезно и являлось бы лишь излишнею ломкою и даже святотатственнымъ нарушеніемъ старины. Всѣ остальныя дѣла изъяты были изъ вѣдѣнія ареопага. Судебная власть его сильно съужена, а главное—онъ утратилъ вліяніе на законодательство; у него отнято было право veto,—отняты права, въ силу коихъ ареопагъ былъ „стражемъ государственнаго строя“. Ареопагъ пересталъ быть контролирующею и сдерживающею властью, инстанціей, стоявшею въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ выше самого народнаго собранія; словомъ, прежней

самостоятельной политической роли этого учрежденія, аристократическаго по преимуществу, положенъ былъ теперь конецъ.

Но дѣятельность вождей демократической партіи не ограничивалась только разрушеніемъ стараго; она была въ то же время и созидающею; съ реформой ареопага неразрывно связана и реформа аѳинскаго суда присяжныхъ.

Отнятыя у ареопага права перешли частью къ совѣту 500, частью же къ „демосу", т.-е. къ народному собранію и къ народному суду, геліэѣ.

Компетенція суда присяжныхъ чрезвычайно расширилась: къ геліэѣ отошли дѣла, до реформы подлежавшія вѣдѣнію ареопага, равно какъ и тѣ дѣла, по которымъ прежде были судьями архонты. Послѣдніе лишились нѣкогда столь обширной самостоятельной судебной власти: за ними осталось только разбирательство по мелкимъ дѣламъ съ правомъ налагать незначительные денежные штрафы. Прежде сами самостоятельные судьи, архонты являются съ этихъ поръ лишь предсѣдателями преобразованныхъ дикастеріевъ и руководителями слѣдствія. Такое ограниченіе правъ архонтовъ и расширеніе компетенціи геліэи до нѣкоторой степени можно назвать отдѣленіемъ судебной власти отъ административной, но съ оговорками. Во-первыхъ, архонты, какъ только-что было упомянуто, все-таки принимали нѣкоторое участіе въ ходѣ судебнаго процесса въ качествѣ руководителей слѣдствія и предсѣдателей, да и геліэя, къ которой перешло рѣшеніе большинства дѣлъ, была не только судомъ: она имѣла вмѣстѣ съ тѣмъ и чрезвычайно важныя политическія функціи. Во-вторыхъ, не одна судебная власть архонтовъ съ теченіемъ времени подверглась ограниченію. Мало-по-малу то же произошло и съ остальными ихъ функціями; тутъ мы видимъ конечный результатъ предшествующаго процесса аѳинской исторіи, ведшаго вообще къ постепенному и, такъ сказать, всестороннему ограниченію правъ и значенія архонтовъ. Вообще, точнѣе было бы сказать, что вслѣдствіе реформы судебная власть отъ такого аристократическаго учрежденія, какъ ареопагъ, и отъ единичныхъ сановниковъ, архонтовъ, перешла въ руки самого народа.

Геліэѣ подлежала теперь масса дѣлъ, тѣмъ болѣе, что она являлась судомъ не только для аѳинскихъ гражданъ, но и для

союзниковъ. И понятно, что для того, чтобы она могла справляться съ подавляющимъ количествомъ дѣлъ, подлежавшихъ ея рѣшенію, необходимо было дать ей и соотвѣтствующую организацію.

Такимъ образомъ, если геліэя въ своихъ основахъ и возникла раньше, еще при Солонѣ, то только впослѣдствіи получаетъ она болѣе опредѣленную, полную и стройную организацію [1]), съ общимъ числомъ 6000 присяжныхъ (считая 1000 запасныхъ), съ подраздѣленіемъ на 10 секцій (дикастеріевъ), по 500 членовъ въ каждой, причемъ засѣдать могла и не цѣлая секція и наоборотъ—въ случаѣ надобности нѣсколько дикастеріевъ могли соединяться въ одно. Плата дикастамъ, введенная впервые Периклемъ, довершила эту организацію. Это была одна изъ замѣчательнѣйшихъ попытокъ въ исторіи организовать чисто народный судъ [2]). Чтобы обезпечить безпристрастный, справедливый приговоръ со стороны судей, дикастовъ, принятъ былъ рядъ мѣръ. Возможность подкупа или какого бы то ни было запугиванья устранялась уже большимъ числомъ судей. Въ V вѣкѣ секціи назначались на цѣлый годъ, такъ-что геліастъ зналъ заранѣе, въ какой секціи онъ будетъ засѣдать; но впослѣдствіи, въ IV вѣкѣ, секціи опредѣлялись жребіемъ лишь въ самый день суда, такъ-что никто изъ геліастовъ не могъ знать, въ какую секцію онъ попадетъ и по какому дѣлу явится судьей. Такимъ образомъ устранялась возможность какого-либо предварительнаго соглашенія между присяжными и заинтересованными сторонами. Засѣданія геліэи были публичны, что опять-таки должно было служить гарантіей противъ различныхъ злоупотребленій. Наконецъ геліастовъ должна была связывать и даваемая ими клятва: они клялись, что будутъ рѣшать „согласно законамъ и постановленіямъ аѳинскаго народа и совѣта 500“, а въ тѣхъ случаяхъ, относительно которыхъ закона нѣтъ,—по совѣсти и разумѣнію, безъ вражды и лицепріятія, клялись, что будутъ одинаково выслушивать какъ обви-

[1]) О судѣ присяжныхъ въ Аѳинахъ на рус. яз.—ст. Ѳ. Г. Мищенка въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщ., 1892, сент., и въ Сборн. въ пользу недостат. студ. Универс. Св. Владиміра.

[2]) W. Oncken, Athen und Hellas, I, 262—291.

нителя, такъ и обвиняемаго, и будутъ имѣть въ виду лишь предметы обвиненія.

Но ограничить права ареопага, подавить его авторитетъ, освященный вѣками и преданіями, устранить его контролирующее вліяніе на ходъ государственной жизни,—не значило ли это снять послѣднюю узду съ демоса, дать полную волю народному собранію и его вожакамъ-демагогамъ? не значило ли это допустить, чтобы впечатлительный, подвижной аѳинскій демосъ подъ вліяніемъ мимолетнаго настроенія и увлеченія чуть не ежедневно отмѣнялъ существующіе законы и создавалъ новые? не значило ли это лишить государственный порядокъ всякой устойчивости? Но дѣло въ томъ, что и послѣ ограниченія ареопага въ Аѳинахъ не было недостатка въ сдерживающемъ и контролирующемъ началѣ. Для обузданія непостоянства и легкомысленнаго стремленія къ новизнѣ принятъ былъ рядъ мѣръ.

Во-первыхъ—„обвиненіе въ противозаконіи“, graphē paranomōn. Съ этимъ обвиненіемъ могъ выступить каждый аѳинскій гражданинъ противъ всякаго такого предложенія, постановленія народнаго собранія или даже рѣшенія номооетовъ—о нихъ скажемъ потомъ,—которое, по его мнѣнію, находилось въ противорѣчіи съ существующими законами и было вредно для государства [1]) или которое состоялось съ нарушеніемъ установленныхъ формъ. Стоило только кому-нибудь подъ клятвой заявить въ самомъ народномъ собраніи о своемъ намѣреніи подать graphē paranomōn противъ сдѣланнаго предложенія или постановленія, и дальнѣйшее обсужденіе этого предложенія или приведеніе въ исполненіе уже состоявшагося рѣшенія пріостанавливалось, а обвиненіе поступало въ судъ геліастовъ. Отвѣтчикомъ являлся обыкновенно авторъ предложенія или закона, а обвинителемъ—то лицо, которое подавало graphē paranomōn. Въ случаѣ осужденія, т.-е. признанія геліастами жалобы основательною, отвѣтчикъ подвергался наказанію, обыкновенно денежному штрафу, а въ особыхъ важныхъ случаяхъ — даже

[1]) Собственно вредъ могъ служить основаніемъ для обвиненія лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло о законѣ, а не о постановленіи народнаго собранія.

смертной казни. Кто три раза былъ осужденъ по graphē paranomōn, тотъ лишался на будущее время права инициативы. т.-е. права дѣлать какія-либо предложенія въ народномъ собраніи. Впрочемъ, личная отвѣтственность за какія либо предложенія и постановленія истекала по прошествіи года; по минованіи этого срока можно было потребовать отмѣны самаго постановленія или закона, но виновникъ послѣдняго ужъ не подвергался суду и наказанію. Съ другой стороны, чтобы обуздать не въ мѣру ретивыхъ блюстителей существующихъ законовъ и предотвратить злоупотребленія graphē paranomōn, установлено было, что если обвинитель не получалъ въ свою пользу даже и пятой части голосовъ, то за неосновательное обвиненіе подвергался штрафу въ 1000 драхмъ. Не смотря на эти предосторожности, злоупотребленія graphē paranomōn впослѣдствіи были часты: подобныя обвиненія подавались изъ личныхъ цѣлей, изъ вражды, изъ желанія лишь воспрепятствовать какой-нибудь мѣрѣ и т. под. Но въ V вѣкѣ, graphē paranomōn дѣйствительно была тѣмъ, чѣмъ она должна была быть по мысли введшаго ее законодателя,—палладіумомъ дѣйствующихъ законовъ и существовавшаго въ Аѳинахъ демократическаго строя; мы увидимъ, напр., что олигархи, производившіе переворотъ въ 411 г., прежде всего постарались отмѣнить graphē paranomōn, какъ главное препятствіе къ осуществленію ихъ замысловъ [1]).

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ источникахъ упоминается о коллегіи номофилаковъ, которые должны были наблюдать за исполненіемъ законовъ должностными лицами и, присутствуя въ совѣтѣ и въ народномъ собраніи, гдѣ они засѣдали рядомъ съ предсѣдателями, слѣдили за тѣмъ, чтобы не было отступленій отъ существующихъ законовъ и чтобы не дѣлалось постановленій, вредныхъ для блага государства. Но мы нигдѣ не видимъ дѣйствующими этихъ номофилаковъ, вплоть до македонскаго періода, и о нихъ не упоминаетъ Аристотель въ своемъ очеркѣ аѳинской конституціи даже при перечисленіи должностныхъ лицъ. Встрѣчается упоминаніе о номофилакахъ въ недавно открытомъ такъ называемомъ „Страсбургскомъ анонимѣ“ (Anonymus Argentinensis), изданномъ Кейлемъ (Strassb. 1902); но неясно, въ какой связи, такъ какъ текстъ сохранился лишь въ обрывкахъ, а комбинаціи и возстановленія его Кейлемъ теперь опровергаются Вилькеномъ (Hermes, 1907, XLII), видящимъ въ этомъ анонимѣ комментарій къ одной изъ рѣчей Демосѳена. Во всякомъ случаѣ, если даже институтъ этотъ и былъ введенъ

Но характернѣе всего тотъ порядокъ принятія новыхъ и отмѣны старыхъ законовъ, начало которому было положено, по всей вѣроятности, еще въ серединѣ V вѣка [1]), но который полное развитіе получилъ лишь впослѣдствіи. Въ началѣ каждаго аѳинскаго года въ первомъ очередномъ народномъ собраніи происходила такъ называемая „эпихейротонія законовъ“ (голосованіе законовъ) и обсуждался вопросъ, нѣтъ ли надобности во введеніи какого-либо новаго закона и въ измѣненіи или отмѣнѣ стараго, и тутъ каждый изъ присутствовавшихъ въ собраніи могъ высказывать свое мнѣніе и дѣлать предложенія. Если народное собраніе признавало необходимымъ сдѣлать какія-либо измѣненія въ законахъ, то проектъ новаго закона представлялся его авторомъ въ совѣтъ 500, который и подготовлялъ свой отзывъ, пробулевму, къ 3-му народному собранію послѣ того, въ которомъ происходила эпихейротонія. Тѣмъ временемъ проектъ выставлялся для всеобщаго свѣдѣнія у статуй героевъ-эпонимовъ, этомъ мѣстѣ оффиціальныхъ публикацій, и читался секретаремъ совѣта въ тѣхъ народныхъ собраніяхъ, которыя происходили въ промежуткѣ. Всякій гражданинъ имѣлъ право сообщать совѣту свои замѣчанія относительно проектированнаго закона. Послѣдній не долженъ былъ быть въ противорѣчіи съ какимъ-либо прежнимъ закономъ, иначе его автору грозила отвѣтственность по graphe paranomon, а въ случаѣ существованія такого противорѣчія авторъ проекта долженъ былъ заявить объ этомъ и потребовать — вмѣстѣ съ введеніемъ новаго—отмѣны стараго закона, препятствовавшаго такому введенію: тогда оба они рядомъ выписывались на бѣлой доскѣ, которая, какъ упомянуто, выставлялась у статуй эпонимовъ филъ. Въ третьемъ народномъ собраніи послѣ эпихейротоніи законовъ, проектъ вмѣстѣ съ заключеніемъ совѣта подробно обсуждался, и собраніе дѣлало постановленіе о передачѣ его на рѣшеніе особой коммиссіи изъ числа присяжныхъ, такъ называемыхъ номоѳетовъ, опредѣляло число послѣднихъ, поря-

въ V в., онъ въ дѣйствительности не имѣлъ большого значенія, рядомъ съ graphē paranomōn оказался излишнимъ и вскорѣ былъ упраздненъ, не оставивъ и слѣда своей дѣятельности.

[1]) Собственно говоря, въ V вѣкѣ проекты новыхъ законовъ составлялись обыкновенно коммиссіей syngrapheis.

докъ и срокъ ихъ засѣданій, вознагражденіе имъ съ указаніемъ источника, откуда должно было быть выдано это вознагражденіе, и избирало 5 особыхъ оффиціальныхъ защитниковъ (синдиковъ, синэгоровъ) старыхъ законовъ. Такимъ образомъ рѣшающій голосъ въ дѣлѣ измѣненія законовъ принадлежалъ номоѳетамъ. Число номоѳетовъ бывало неодинаково, смотря по количеству и важности подлежавшаго ихъ разсмотрѣнію матеріала. Засѣдали они вмѣстѣ съ совѣтомъ. Дѣло рѣшалось въ формѣ судебнаго процесса. Предсѣдателями номоѳетовъ были пританы, а впослѣдствіи проэдры съ эпистатомъ во главѣ; обвинителями новаго закона и защитниками стараго (если дѣло шло о его отмѣнѣ) выступали упомянутые 5 синдиковъ или синэгоровъ; защитникомъ проекта, естественно, являлся его авторъ. Всякій аѳинянинъ, кромѣ того, могъ принять участіе въ преніяхъ въ качествѣ обвинителя или защитника. И только послѣ одобренія проекта большинствомъ голосовъ номоѳетовъ получалъ онъ уже окончательно силу закона. Такимъ образомъ, между псефизмой, обыкновеннымъ постановленіемъ народнаго собранія, касающимся отдѣльнаго, частнаго случая, и закономъ, nomos, создающимъ общую норму, проводилась въ сущности рѣзкая грань. Пересмотръ законовъ совершался не по случайному настроенію или произволу народнаго собранія, а лишь въ извѣстный, разъ навсегда опредѣленный для того срокъ. Для знакомства съ проектированнымъ закономъ, для обдуманнаго, спокойнаго рѣшенія, для взвѣшиванія доводовъ за и противъ, прежде чѣмъ ввести новый или отмѣнить старый законъ, времени было достаточно. Наконецъ, рѣшающій голосъ принадлежалъ не измѣнчивому и непостоянному народному собранію, а особой коммиссіи изъ лицъ болѣе зрѣлаго возраста, связанныхъ притомъ присягой.

Изъ предыдущаго уже видно, что аѳинская геліэя не была только судомъ, что она въ нѣкоторомъ отношеніи стояла какъ-бы выше народнаго собранія. Къ ней переходятъ вообще многія изъ политическихъ функцій ареопага, и она получаетъ важное значеніе въ строѣ Аѳинскаго государства [1]). И въ самомъ дѣлѣ, геліэя вліяетъ на весь ходъ государственной жизни, начиная

[1]) Frankel, Die attischen Geshworenengerichte. Berl. 1877.

съ законодательства, такъ какъ рѣшающей инстанціей по вопросу о введеніи новаго или перемѣнѣ стараго закона были, какъ мы только-что видѣли, номоѳеты, выбиравшіеся изъ среды геліастовъ. Благодаря graphē paranomōn, геліэя являлась вообще высшею инстанціею по отношенію ко всякому постановленію народнаго собранія; благодаря же докимасіи, испытанію кандидатовъ на должность, она имѣла вліяніе на назначеніе должностныхъ лицъ, которыя, въ случаѣ отрѣшенія отъ должности народнымъ собраніемъ или при сдачѣ отчета, предъ ней же подлежали отвѣтственности. Ей принадлежалъ рѣшающій голосъ и при раскладкѣ подати съ союзниковъ, производившейся каждые 4 года. Она утверждала постановленія о дарованіи права гражданства, подчасъ участвовала въ заключеніи договоровъ, давая обязательства, и т. под. Такимъ образомъ ея вліяніе простиралось и на сферу внѣшнихъ отношеній. Таковы были права геліэи. Повторяемъ, въ подробностяхъ порядокъ этотъ могъ выработаться позднѣе, но политическое значеніе геліэи, какъ силы сдерживающей и контролирующей, стоитъ въ связи съ реформой ареопага.

Но возникаетъ вопросъ, дѣйствительно ли могла геліэя и ея коммиссія, номоѳеты, служить сдерживающимъ и контролирующимъ началомъ? развѣ она въ свою очередь не была тоже собраніемъ народной массы, своего рода частью той же экклесіи, которую она должна была сдерживать и контролировать, ея „собственною плотью и кровью“? Не говоря уже о томъ, что геліэя получала матеріалъ въ болѣе переработанномъ видѣ, что она была дальше отъ горячки преній и дѣйствовала не подъ вліяніемъ перваго увлеченія, разница между собраніемъ народнымъ и собраніемъ геліастовъ была существенная: во-первыхъ, геліэя состояла изъ гражданъ болѣе зрѣлаго возраста—по закону не моложе 30 лѣтъ, а большею частью геліасты были люди даже пожилые, приносившіе, значитъ, съ собою болѣе консервативный духъ, житейскую опытность, спокойную обдуманность и осторожность, свойственную старости; во-вторыхъ, геліасты давали присягу и уже поэтому должны были сознавать себя болѣе отвѣтственными за свои рѣшенія, нежели не присягавшіе члены экклесіи; и въ-третьихъ, наконецъ, число засѣдавшихъ геліастовъ было гораздо меньше присутствовавшихъ

обыкновенно въ народномъ собраніи, что опять-таки увеличивало въ нихъ сознаніе личной отвѣтственности.

Наравнѣ съ геліэей, особенно на первыхъ порахъ, въ V вѣкѣ, наслѣдникомъ правъ ареопага былъ совѣтъ 500. Совѣтъ этотъ, состоявшій, какъ было раньше упомянуто, изъ представителей демовъ и являвшійся своего рода mikropolis'омъ, не говоря уже о принадлежавшей ему докимасіи булевтовъ и архонтовъ, имѣлъ полное право, по словамъ Аристотеля, наказывать денежнымъ штрафомъ, заключать въ тюрьму и казнить, судить большую часть властей, особенно тѣхъ, которыя завѣдывали деньгами, принимать частныя жалобы на должностныхъ лицъ въ случаѣ отступленій отъ закона. Но впослѣдствіи — вѣроятно раньше конца V вѣка — во всѣхъ упомянутыхъ случаяхъ совѣтъ лишился права постановлять окончательное рѣшеніе, сверхъ извѣстнаго предѣла, и введена была аппелляція въ дикастеріи. Такимъ образомъ, дальнѣйшее развитіе демократіи состояло въ ограниченіи власти совѣта и въ расширеніи на его счетъ компетенціи геліэи и экклесіи. Въ IV вѣкѣ напр. право совѣта налагать штрафы ограничено было 500 драхмъ. Кромѣ того, мы уже видѣли (стр. 89), что совѣтъ не могъ задержать гражданина, если тотъ представлялъ 3-хъ поручителей изъ своего класса, за исключеніемъ случаевъ государственнаго преступленія или неисправности по сбору доходовъ. Совѣтъ принималъ мѣры противъ государственныхъ преступниковъ, рѣшалъ такія дѣла въ предѣлахъ своей компетенціи или донесенія о нихъ передавалъ въ судъ и народное собраніе. Во многихъ случаяхъ совѣтъ дѣйствовалъ совмѣстно съ присяжными, напр., когда дѣло шло о раскладкѣ фороса или о новомъ законѣ, и представлялъ свое предварительное заключеніе, пробулевму. Совѣтъ и геліэя являлись иногда какъ-бы представителями всего государства; въ качествѣ таковыхъ члены совѣта, булевты, и геліасты даютъ напр. клятву въ одномъ дошедшемъ до насъ договорѣ съ Халкидой [1]). Вѣдѣнію совѣта, какъ

[1]) Corp. Inscr. Attic. IV (=Inscript. Graecae, I, Supplem.), 27a; Dittenberger, Sylloge Inscr. Graec., I², 17; Michel, Recueil d'inscript. grecques, № 70. Франц. пер. этой интересной надписи — въ ст. Foucart, Rev. archéolog., XXXVIII, 1877. Договоръ заключенъ былъ послѣ покоренія возставшей Евбеи въ 445 г.

было раньше упомянуто, вообще подлежали всѣ отрасли государственнаго управленія, не исключая и финансовъ. Совѣтъ являлся центральнымъ органомъ государственнаго управленія, въ лицѣ притановъ завѣдуя всѣми текущими дѣлами. Его вѣдѣнію подлежали, напр., изысканіе источниковъ государственныхъ доходовъ, отдача разныхъ статей на откупъ, взысканіе государственныхъ долговъ, пріемъ пожертвованій на государственныя цѣли, докимасія бѣдныхъ, имѣвшихъ право на пособіе. Совѣтъ имѣлъ надзоръ за общественными постройками, святилищами и празднествами, за копницею и впослѣдствіи за молодыми аѳинянами (эфебами), за тріэрами, верфями и доками и заботился о постройкѣ и снаряженіи новыхъ судовъ. Совѣтъ завѣдывалъ сношеніями съ другими государствами, принималъ и вводилъ пословъ въ народное собраніе.

Предварительное заключеніе или опредѣленіе (пробулевма) совѣта было необходимо и для народнаго собранія [1]). Такимъ образомъ, совѣтъ являлся подготовительнымъ, совѣщательнымъ и вмѣстѣ исполнительнымъ органомъ народнаго собранія, получая иногда особыя полномочія. Онъ же служилъ посредникомъ въ отношеніяхъ между должностными лицами и народныхъ собраніемъ.

Державнымъ господиномъ въ Аѳинахъ былъ демосъ и народному собранію принадлежали верховныя права. Оно рѣшало вопросы, касающіеся государственнаго строя, войны и мира, войска и флота, безопасности страны и снабженія ее хлѣбомъ, государственныхъ средствъ и налоговъ, построекъ, культа и проч.; оно сносилось съ другими государствами, заключало договоры, выбирало должностныхъ лицъ, предоставляло особыя преимущества и награды отдѣльнымъ лицамъ и общинамъ, иногда само судило по обвиненію въ государственномъ преступленіи (эйсангелія), иногда передавало такія дѣла въ судъ присяжныхъ, обсуждало законодательные вопросы, производя, какъ мы видѣли, „голосованіе законовъ“ и предо-

[1]) Хотя въ иныхъ случаяхъ такая пробулевма могла и не заключать въ себѣ опредѣленнаго мнѣнія, а ограничиваться лишь формальнымъ внесеніемъ дѣла на рѣшеніе народнаго собранія. Hartel, Studien über attisches Staatsrecht und Urkundenwesen. Wien. 1878 (Изъ Sitzungsberichte d. Wien. Akad. d. Wissensch., т. 90—92).

ставляя рѣшеніе по существу о принятіи новыхъ и отмѣнѣ старыхъ законовъ коммиссіи номоѳетовъ, и т. д. Чѣмъ болѣе развивалась демократія, тѣмъ больше расширялась компетенція народнаго собранія, росло его вліяніе и значеніе. Къ нему впослѣдствіи переходитъ и рѣшеніе такихъ дѣлъ, которыя собственно подлежали вѣдѣнію совѣта и геліэи. То различіе между псефизмами и законами, о которомъ мы говорили, стало утрачиваться. Масса все болѣе и болѣе присвоивала себѣ непосредственную власть и всѣмъ распоряжалась посредствомъ псефизмъ. Такъ было потомъ, въ эпоху разложенія и упадка аѳинской демократіи; въ пору расцвѣта державный демосъ себя ограничивалъ: надъ нимъ стоялъ законъ...

Собранія бывали очередныя, регулярныя, сначала по 1, а впослѣдствіи по 4 въ каждую пританію, и чрезвычайныя. Для каждаго изъ очередныхъ собраній установлены были извѣстныя категоріи дѣлъ. Напр., въ первомъ собраніи разсматривались дѣйствія должностныхъ лицъ, обвиненія въ государственномъ преступленіи, доклады о конфискаціи имуществъ, вопросы о безопасности страны и о „хлѣбѣ“, происходило „голосованіе (эпихейротонія) законовъ“; во второмъ принимались просьбы; въ третьемъ и четвертомъ обсуждались прочія дѣла, причемъ полагалось не болѣе 3 дѣлъ, касающихся культа, 3—по внѣшнимъ сношеніямъ и 3—по остальнымъ вопросамъ; въ шестую пританію ставился вопросъ объ остракизмѣ и т. д. Чрезвычайныя собранія созывались по мѣрѣ надобности и предметы обсужденія въ нихъ были въ зависимости отъ обстоятельствъ.

Созывались народныя собранія пританами, которые и предсѣдательствовали въ нихъ (впослѣдствіи — проэдры со своимъ эпистатомъ). Дѣлопроизводствомъ завѣдывалъ секретарь совѣта, имѣвшій, разумѣется, вообще немало вліянія на ходъ дѣлъ. „Программа“ очередныхъ собраній должна была быть объявлена за 5 дней. Для всѣхъ дѣлъ требовалась „пробулевма“ совѣта; засѣданіе и начиналось съ ея прочтенія; законъ не допускалъ вносить что-либо въ экклесію безъ предварительнаго разсмотрѣнія и отзыва совѣта. Поэтому обычная формула вступленія въ постановленіяхъ народнаго собранія, дошедшихъ до насъ въ большомъ числѣ въ видѣ надписей, гла-

сить: „Совѣтъ и народъ рѣшилъ въ пританію такой-то филы, такой-то былъ секретаремъ, такой-то предсѣдательствовалъ, такой-то сказалъ“, т.-е. внесъ предложеніе, а затѣмъ слѣдуетъ текстъ самаго предложенія. Иногда обозначается и имя архонта-эпонима (въ самомъ началѣ или въ серединѣ вступленія). Если къ предложенію сдѣлана была поправка или добавленіе, то и они вносились, причемъ поименовывалось лицо, ихъ внесшее. Участвовать въ народномъ собраніи, говорить въ немъ и голосовать могъ каждый полноправный аѳинскій гражданинъ, достигшій 20-лѣтняго возраста. Свобода слова въ сущности была полная, лишь бы ораторъ не дѣлалъ предложеній, противорѣчащихъ закону, не касался предметовъ, къ дѣлу не относящихся, не повторялъ дважды одного и того же и не позволялъ себѣ неприличныхъ выраженій или дѣйствій. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, преимущественно когда дѣло шло о постановленіи относительно отдѣльнаго лица, въ томъ числѣ и при остракизмѣ, требовалось присутствіе въ народномъ собраніи не менѣе 6000 гражданъ. Обыкновенно бывало гораздо меньше. Большею частью присутствовали горожане. У Ксенофонта [1]) говорится, что валяльщики, сапожники, плотники, кузнецы, земледѣльцы, купцы, рыночные торговцы,—вотъ изъ кого состоитъ народное собраніе. Земледѣльцы почти терялись въ остальной массѣ; большинство были ремесленники и торговцы.

Уже въ древности говорили, что Эфіальтъ далъ народу испить чашу несмѣшанной, полной свободы, и сколько разъ послѣ того, уже въ XIX стол., повторяли, что Периклъ, въ которомъ видѣли вдохновителя Эфіальта, положилъ начало необузданной демократіи, что при немъ форма правленія дѣлалась все безпорядочнѣе и безпорядочнѣе, что его реформы, ничего не создавая, только разрушали созданное прежними поколѣніями и вели къ анархіи, къ тиранніи толпы, къ царству беззаконія, что измѣнчивому и непостоянному духу демоса дана была полная воля, что Периклъ и Эфіальтъ „не вѣдали, что творили“, и проч. Болѣе близкое знакомство съ формами и строемъ Аѳинскаго государства убѣждаетъ въ иномъ: вмѣсто потворства легкомысленному стремленію къ новизнѣ и

[1]) Въ „Воспоминаніяхъ о Сократѣ“, III, 7, 6.

вмѣсто неуваженія къ закону мы видимъ строго опредѣленный, обставленный довольно сложными формальностями, порядокъ законодательства, проникнутый скорѣе консервативнымъ духомъ, отмѣченный печатью умѣренности и уваженія къ существующимъ законамъ. Даже такой страстный противникъ аѳинской демократіи, безпощадно изобличающій и осмѣивающій ее, какъ венгерскій ученый Юліусъ Шварцъ [1]), и тотъ сознавался, что разсмотрѣнными выше реформами въ государственную жизнь Аѳинъ внесены были идея непрерывно и постепенно развивающагося законодательства и принципъ серьезной отвѣтственности, что ими впервые создана была въ Аѳинахъ законная почва для дальнѣйшаго развитія государственнаго строя, а равно и частнаго права, тогда какъ раньше, до реформы ареопага и геліэи, законодательныя постановленія являлись своего рода переворотомъ, coup d'état, производимымъ народнымъ собраніемъ. Вмѣсто полнѣйшаго господства случая и произвола толпы мы видимъ стройную систему самоограниченія демоса,— порядокъ, созданный по плану, глубоко обдуманному, проникнутому идеей законности, сознаніемъ того, что свобода должна быть въ то же время царствомъ закона. И недаромъ Аѳинское государство называютъ иногда „правовымъ“: надъ волею народнаго собранія, а слѣдовательно и надъ самимъ державнымъ демосомъ, поставленъ былъ законъ; мы видимъ геліэю, образованную изъ среды самого же народа, но стоящую въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ выше экклесіи и ее ограничивающую...

Такой порядокъ и такія мѣры, какъ graphē paranomōn, номоѳесія, должны были поддерживать въ обществѣ идею законности и уваженіе къ праву. Не эти мѣры были гибельны, а наоборотъ — отступленія отъ нихъ, которыя такъ часто бывали впослѣдствіи. Лучшее оправданіе дѣла Эфіальта и Перикла—это его жизненность. Очевидно, новый порядокъ вытекалъ изъ настоятельной потребности, соотвѣтствовалъ вполнѣ остальному строю Аѳинъ, самому народному характеру и коренился во всемъ предшествовавшемъ развитіи. Онъ тѣсно сросся съ самою судьбою государства, съ его независимостью.

[1]) Schvarcz, Die Demokratie. Leipz. 1884 (2-te Titelaufl.), I, 102.

Въ своихъ основахъ онъ развился и удержался въ теченіе цѣлыхъ поколѣній, не смотря на рядъ тяжелыхъ катастрофъ, пережитыхъ потомъ Аѳинами, и на рядъ попытокъ къ его ниспроверженію со стороны и внутреннихъ, и внѣшнихъ враговъ.

Время борьбы изъ-за гегемоніи на сушѣ.

Съ прекращеніемъ открытой, внутренней борьбы, вызванной реформой ареопага, наступаетъ періодъ напряженной дѣятельности аѳинянъ. Они проявляютъ поразительную энергію, необыкновенно предпріимчивый, отважный духъ. Окончательно развившаяся и окрѣпнувшая демократія обнаруживаетъ изумительное богатство силъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и слишкомъ большую самоувѣренность. То былъ періодъ—правда, краткій, но блестящій — высшаго могущества Аѳинскаго государства, до какого только оно достигало. Владычествуя уже на морѣ, аѳиняне стремятся къ господству и на сушѣ, и былъ моментъ, когда казалось, что они уже недалеки были отъ торжества, отъ осуществленія своихъ смѣлыхъ замысловъ, когда они ужъ распоряжались въ Средней Греціи, имѣли опору въ сѣверной и даже въ самомъ Пелопоннесѣ, и когда, ведя войну въ Элладѣ и у ея береговъ, они не упускали изъ виду и борьбы со старинньмъ своимъ врагомъ, Персіей, отправляя цѣлые флоты къ берегамъ Азіи, къ Кипру и къ устьямъ Нила. Но то было вмѣстѣ съ тѣмъ и время, когда впервые открыто съ оружіемъ выступили другъ противъ друга два первенствующія государства Эллады, Спарта и Аѳины, и началась война, которая можетъ быть названа Первою Пелопоннесскою войной (459—445), когда панэллинскія идеи и стремленія потеряли прежнее свое обаяніе и отошли въ область преданія и когда въ политической жизни Греціи рѣзко обозначился и утвердился дуализмъ.

Въ Египетъ, дружественныя связи съ которымъ были важны для Аѳинъ въ виду полученія оттуда дешеваго хлѣба, аѳиняне въ 459 году посылаютъ флотъ на помощь возставшему противъ персидскаго владычества Инару и овладѣваютъ большею частью Мемфиса. Въ Греціи они берутъ подъ свою защиту

Мегару, что̀ даетъ поводъ къ столкновенію съ ихъ естественными соперниками на морѣ и въ торговлѣ—Коринѳомъ и Эгиною, а также съ Эпидавромъ. Послѣ первой неудачи они одерживаютъ побѣду надъ пелопоннесскимъ и затѣмъ надъ эгинскимъ флотомъ, осаждаютъ Эгину и съ успѣхомъ отражаютъ вторгнувшагося въ Мегариду непріятеля.

Такъ одновременно на нѣсколькихъ театрахъ войны, и на сушѣ, и на морѣ, и въ Европѣ, и въ Африкѣ, аѳиняне одерживали верхъ въ борьбѣ съ врагами. Казалось, силы ихъ были неистощимы. Объ ихъ энергіи и напряженіи силъ, а вмѣстѣ и о громадности потерь, краснорѣчивѣе всего свидѣтельствуетъ надпись, въ которой перечисляются воины одной изъ филъ, павшіе въ битвахъ на „Кипрѣ, въ Египтѣ, въ Финикіи, у Галіэй, у Эгины, у Мегары“, — все это въ одинъ и тотъ же годъ.

Въ то же время аѳиняне приступили къ грандіозному предпріятію—къ возведенію такъ называемыхъ „Длинныхъ стѣнъ“, которыя должны были соединить городъ Аѳины съ гаванями Фалерскою и Пиреемъ. Аѳины, сильныя и непобѣдимыя на морѣ, должны были сдѣлаться неприступными съ единственной слабой стороны своей—съ суши; вторженіе врага въ Аттику не должно было грозить опасностью имъ. Впослѣдствіи ясно обнаружилось все значеніе этихъ „Длинныхъ стѣнъ“: онѣ стали оплотомъ, знакомъ независимости и силы Аѳинскаго государства и аѳинской демократіи; олигархи и друзья Спарты ненавидятъ ихъ; Лисандръ спѣшитъ разрушить ихъ, Кононъ возстановляетъ. Такое предпріятіе, какъ постройка „Длинныхъ стѣнъ“, было въ сущности дальнѣйшимъ развитіемъ идей Ѳемистокла. Но не всѣ аѳиняне сочувствовали этому предпріятію; немало было и недовольныхъ. Къ числу ихъ принадлежали и кровные аристократы, которымъ не нравились столь тѣсная связь и соприкосновеніе съ Пиреемъ, съ его обычными обитателями, матросами, торговцами и рабочимъ людомъ; и всѣ тѣ, кто стремился къ миру съ греками, такъ какъ постройка „Длинныхъ стѣнъ“ ясно говорила, что не со стороны персовъ ждутъ Аѳины опасности, а со стороны враговъ своихъ въ самой Греціи; и сельскіе жители, землевладѣльцы, боявшіеся, что теперь, въ случаѣ вторженія непріятеля, ихъ имѣнія, да

и они сами, будутъ преданы на произволъ врага, между тѣмъ какъ городское населеніе, чувствуя себя въ безопасности за „Длинными стѣнами“, будетъ равнодушно смотрѣть на ихъ разореніе; наконецъ, въ особенности недовольна была партія крайнихъ олигарховъ, искавшая себѣ опоры въ Спартѣ, готовая предать въ ея руки родной свой городъ, лишь бы подавить ненавистную демократію, и теперь видѣвшая, что ея надежды должны исчезнуть.

Впрочемъ, надежды олигарховъ оживились, когда въ Среднюю Грецію явились спартанцы. Измѣнники вошли съ ними въ сношенія. Въ битвѣ со спартанцами при Танагрѣ (457 г.) аѳиняне потерпѣли неудачу. Но никогда, казалось, Аѳины не были такъ могущественны, какъ послѣ этой неудачи при Танагрѣ. Именно тогда сфера ихъ вліянія—можно сказать, непомѣрно—расширяется и ихъ могущество достигаетъ своего апогея: аѳиняне заканчиваютъ „Длинныя стѣны“, принуждаютъ Эгину сдаться, распространяютъ свою гегемонію на Беотію и —что характерно и что противорѣчило ихъ обыкновенію—вступаютъ тамъ въ союзъ съ партіей аристократической, такъ какъ она тяготилась господствомъ Ѳивъ.

Внутри самихъ Аѳинъ теперь ужъ не было разлада. Неудача при Танагрѣ, близкая опасность со стороны внѣшняго врага, сплотила аѳинянъ. Аристократы, возмущенные предательскими планами крайнихъ олигарховъ, тѣмъ тѣснѣе примкнули къ демократамъ. Въ виду опасности, грозившей родинѣ, приходилось отложить на время внутреннія распри и счеты между собою. Самъ Периклъ выступилъ съ предложеніемъ возвратить Кимона изъ изгнанія раньше срока. Онъ пошелъ на встрѣчу народнымъ желаніямъ, и изгнанникъ-Кимонъ возвратился въ Аѳины. Но прежнимъ авторитетомъ и обаяніемъ онъ уже не пользовался.

Повидимому, и гегемонія на сушѣ должна была перейти къ аѳинянамъ. Но торжество ихъ не могло быть прочнымъ. Задачи, за которыя брались они, превышали ихъ силы; лихорадочно-напряженная дѣятельность не могла слишкомъ долго длиться. И вотъ, дѣйствительно наступаетъ реакція. Въ Египтѣ аѳинянъ послѣ шестилѣтней войны постигаетъ страшная катастрофа. Въ Греціи они тоже стали испытывать неудачи. Оче-

видно, силы аѳинянъ были надломлены, по крайней мѣрѣ временно; обѣ стороны были утомлены войною, и при посредствѣ Кимона между Аѳинами и Пелопоннесскимъ союзомъ заключается пятилѣтнее перемиріе на условіяхъ status quo.

Какъ только въ Греціи война прекратилась на время, мы тотчасъ видимъ Кимона снова во главѣ флота дѣйствующимъ противъ Персіи. Онъ направляется къ Кипру, къ обладанію которымъ такъ давно уже стремились аѳиняне. Это была послѣдняя экспедиція Кимона. Онъ умеръ во время ея, среди того дѣла, которому посвятилъ лучшіе годы своей жизни. Именно къ этому времени (449 г.) пріурочиваютъ обыкновенно посольство Каллія въ Сузы, и заключеніе такъ называемаго Кимонова или Калліева мира (конечно, кто вѣритъ въ существованіе подобнаго мира). Мы не будемъ останавливаться на этомъ старомъ и все еще спорномъ вопросѣ. Можно считать лишь несомнѣннымъ установленіе извѣстнаго modus vivendi, фактическаго болѣе или менѣе мирнаго положенія, прекращеніе наступательныхъ дѣйствій съ той и другой стороны. Вообще борьба съ Персіей сама собою, неминуемо, должна была утратить свой острый характеръ. Она не могла уже вестись съ прежнимъ воодушевленіемъ и напряженіемъ. Это не была уже борьба за существованіе Греціи; опасность со стороны Персіи для грековъ уменьшилась, если не совсѣмъ миновала: противоположность между міромъ греческимъ и персидскимъ стала нѣсколько сглаживаться.

Силы Аттическаго государства казались тогдашнему его вождю, Периклу, недостаточными для одновременной борьбы и съ Персіей, и съ Пелопоннесомъ. „Что Периклъ поступалъ правильно, удерживая аѳинскія силы въ Греціи“, говоритъ Плутархъ, „это доказали послѣдовавшія затѣмъ событія“, именно отпаденіе Беотіи, возстаніе Евбеи, измѣна Мегары, вторженіе спартанцевъ. Отъ Беотіи, гдѣ гегемонія аѳинянъ не имѣла корня, гдѣ они вступили въ неестественный союзъ съ аристократами и при Коронеѣ потерпѣли пораженіе, пришлось отказаться; Евбея была вновь покорена Перикломъ, а со Спартой, послѣ того какъ удалось безъ сраженія достичь удаленія спартанскаго войска, заключенъ былъ Тридцатилѣтній или Перикловъ миръ (445 г.), по которому Аѳины отказались въ сущ-

ности отъ гегемоніи на сушѣ—отъ владѣній въ Элладѣ, внѣ Аттики, за исключеніемъ нѣкоторыхъ пунктовъ и, оба союза. Аѳинскій и Пелопоннесскій, взаимно признали другъ друга: аѳиняне не должны были принимать въ свой союзъ союзника спартанцевъ, а спартанцы—аѳинскаго. Объ стороны условились, что несогласія и недоразумѣнія между ними должны разрѣшаться путемъ третейскаго суда. Такъ стара идея мирнаго суда и посредничества при международныхъ столкновеніяхъ!

Такимъ образомъ закончилась борьба Аѳинъ изъ-за гегемоніи на сушѣ, эта своего рода первая Пелопоннесская война. То былъ поворотный пунктъ въ исторіи аѳинскаго могущества. Аѳины возвратились къ тому положенію, какое занимали онѣ до 460 г. Ихъ стремленію къ господствующему положенію и на сушѣ, ихъ все возрастающимъ успѣхамъ насталъ конецъ. Аѳинянамъ приходилось ограничиться владычествомъ на морѣ, оставить мысль объ объединеніи подъ своей гегемоніей чуть не всей Греціи. Оказалось, что аѳинское господство на сушѣ не имѣетъ корня, что оно сталкивается съ неодолимыми преградами—съ духомъ партикуляризма, столь сильнымъ вообще у грековъ, съ завистью и соперничествомъ другихъ государствъ, съ консервативными и аристократическими элементами; оказалось, что аѳиняне брались за непосильное дѣло: такому непомѣрному расширенію аѳинскаго владычества не соотвѣтствовали силы небольшой Аттики.

Война не осталась безъ вліянія на развитіе демократическаго направленія. Она ложилась тяжелымъ бременемъ особенно на классъ болѣе состоятельный. Ряды умѣренныхъ порѣдѣли: громадныя потери на войнѣ несли преимущественно хорошо вооруженные гоплиты, вообще люди „приличные изъ демоса и изъ богатыхъ“, какъ выражается Аристотель; по его словамъ, изъ выступавшихъ въ походъ постоянно гибло до двухъ или трехъ тысячъ (гл. 26). На этотъ счетъ мы имѣемъ и документальное свидѣтельство уже цитированной выше надписи, изъ которой оказывается, что одна фила въ теченіе только года потеряла убитыми, не считая раненыхъ, болѣе 170 человѣкъ, а потери во всѣхъ 10 филахъ были приблизительно равномѣрны.

Во время тяжелой борьбы за гегемонію на сушѣ, въ годъ

битвы при Танагрѣ и возведенія „Длинныхъ стѣнъ“, состоялось нововведеніе въ демократическомъ духѣ, касавшееся избранія архонтовъ: постановлено было избирать архонтовъ и изъ зевгитовъ. Такъ открытъ былъ доступъ къ архонтству третьему классу, и на 457/6 г. впервые избранъ былъ въ архонты зевгитъ Мнесиѳидъ, тогда какъ до того архонтами могли быть только пентакосіомедимны и всадники (послѣдніе, вѣроятно, со времени Аристидовой реформы), а зевгиты занимали лишь низшія должности. Что же касается ѳетовъ, то ограниченіе относительно ихъ осталось: по закону они, какъ упомянуто уже (стр. 101), и впослѣдствіи не имѣли права занимать должности, но на практикѣ законъ этотъ потомъ обходился.

Мы видѣли, что еще при Писистратѣ существовали въ Аттикѣ такъ называемые *„судьи по демамъ“*. Потомъ — быть можетъ, при Клисѳенѣ, когда сказалась реакція противъ всего, что напоминало времена тиранніи, — они были упразднены. Теперь, въ 453/2 г., „судьи по демамъ“ были возстановлены. Ихъ было 30. Число это, по всей вѣроятности, стояло въ связи съ числомъ триттій: на каждую триттію было по одному судьѣ. Впослѣдствіи, по низверженіи тиранніи Тридцати, число ихъ было увеличено до 40, „изъ ненависти къ числу 30“, какъ поясняетъ древній лексикографъ. Судьи эти творили судъ, разъѣзжая по демамъ, причемъ ихъ окончательному рѣшенію подлежали дѣла на сумму до 10 драхмъ. Возстановленіе „судей по демамъ“, или, какъ ихъ иначе называли, „тридцати“, находилось, вѣроятно, въ связи съ реформой ареопага и съ расширеніемъ дѣятельности геліэи: дикастеріи были обременены множествомъ дѣлъ и съ цѣлью облегчить ихъ, а также чтобы не затягивать рѣшенія мелкихъ тяжбъ, послѣднія предоставлены были вѣдѣнію судей по демамъ. Притомъ эта мѣра была въ духѣ Писистратовой политики: введеніе вновь судей по демамъ должно было противодѣйствовать наплыву сельскаго населенія въ городъ и вмѣстѣ съ тѣмъ соотвѣтствовало нуждамъ этого населенія.

Существовали, кромѣ того, *діэтеты*, посредники, мировые или третейскіе судьи, изъ лицъ, которымъ шелъ 60-ый годъ. Судьи по демамъ передавали на ихъ рѣшеніе процессы свыше 10 драхмъ. Для большинства частныхъ тяжбъ діэтеты явля-

лись первою инстанціею. Впослѣдствіи (въ концѣ V вѣка) было даже установлено, что ни одинъ изъ такихъ процессовъ не могъ доходить до народнаго суда, прежде чѣмъ не былъ представленъ на судъ діэтетовъ [1]).

Около того же времени [2]) совершилось знаменательное событіе: союзная казна съ острова Делоса и изъ святилища Аполлона была перенесена въ Аѳины и поставлена подъ охрану богини Аѳины, въ пользу которой стали удѣляться и такъ называемые „начатки“ дани союзниковъ, шестидесятая доля фороса. Это былъ моментъ, когда аѳиняне вели борьбу въ самой Греціи, когда въ Египтѣ постигла ихъ катастрофа и когда казнѣ, находившейся на Делосѣ, могла угрожать опасность сдѣлаться добычею непріятеля. Казалось необходимымъ перенести ее въ болѣе безопасное мѣсто — въ Аѳины. Есть извѣстіе, что это состоялось по предложенію самосцевъ. Что сталось съ союзнымъ „синодомъ“, мѣстомъ собранія котораго служилъ Делосъ, — неизвѣстно. Учрежденіе это умирало, такъ сказать, естественною смертью.

Перенесеніе казны въ Аѳины и упраздненіе союзнаго собранія являлось прямымъ слѣдствіемъ предыдущаго хода дѣлъ. Это не былъ крутой, рѣзкій переворотъ: это было лишь „послѣднее звено въ томъ кризисѣ, который приходилось пере-

---

[1]) Кромѣ государственныхъ діэтетовъ, были и частные, выбираемые тяжущимися по соглашенію. Ихъ судъ былъ безаппелляціонный. Объ аттическомъ процессѣ—Meier und Schomann, Der attische Prozess. Berl. 1824 (въ новой обработкѣ Lipsius'a, Berl. 1882—6). Ср. Lipsius, Das attische Recht und Rechtsverfahren. Leipz. I. 1905.

[2]) По надписямъ, шестидесятая часть фороса стала отчисляться въ казну богини Аѳины и начинаетъ вестись счетъ годамъ преемственной „власти“ коллегіи логистовъ съ 454 г. Полагаютъ, что это стоитъ въ связи съ перенесеніемъ казны въ Аѳины, и относятъ это перенесеніе къ 454 г. Правда, на основаніи возстановленнаго Кейлемъ текста папируса такъ называемаго „Страсбургскаго анонима“ (Anonymus Argentinensis) оказывается, будто союзная казна перенесена въ Аѳины въ 450/49 г. Но чтеніе и толкованіе Кейля основаны на гипотезахъ, а самый папирусъ требуетъ еще дальнѣйшихъ изслѣдованій. По Вилькену напр., какъ было упомянуто, это - не историческая хроника, а комментарій къ рѣчи Демосѳена противъ Андротіона, и разсматриваемое мѣсто его касается аѳинской казны, находившейся въ акрополѣ, именно постановленія 431 г. См. Hermes, 1907, XLII.

жить союзу въ концѣ перваго періода своего существованія [1]). Перемѣна въ положеніи союзниковъ, въ ихъ отношеніяхъ къ Аѳинамъ, началась еще задолго до того.—Превращеніе союзниковъ изъ равноправныхъ членовъ союза въ аѳинскихъ „подданныхъ“ было уже къ тому времени готовымъ фактомъ. Начало такого превращенія относится еще ко времени Кимона, который такъ умѣлъ обращаться съ союзниками и такъ симпатизировалъ имъ. Очевидно, сила вещей была могущественнѣе вліянія отдѣльныхъ лицъ, ихъ симпатій и антипатій, и эта сила вещей вела къ тому, чтобы аѳинская гегемонія превратилась во „власть“, владычество.

Возникла и совершалась отмѣченная перемѣна незамѣтно, постепенно и вполнѣ естественно. Цѣлью союза была борьба съ Персіей, но съ теченіемъ времени борьба эта утрачивала свой прежній характеръ; національные обще-эллинскіе интересы начинали мало-по-малу отходить на задній планъ и интересы мѣстные, матеріальные, — брать верхъ. Союзники стали все болѣе и болѣе тяготиться военною повинностью; они стремились къ тому, чтобы, сидя спокойно дома, предаваться торговлѣ и другимъ мирнымъ занятіямъ, не доставляя исправно кораблей и войска; аѳиняне же энергично настаивали на точномъ исполненіи первоначальныхъ условій. Наконецъ, къ обоюдному удовольствію найденъ былъ выходъ изъ такого положенія дѣлъ: вмѣсто кораблей аѳиняне согласились и съ этихъ союзниковъ получать извѣстную сумму денегъ и поставлять свои корабли. Но вслѣдствіе этого союзники мало-по-малу отвыкали отъ военнаго дѣла, ихъ силы уменьшались, а силы Аѳинъ увеличивались на ихъ счетъ. Союзники сами, такимъ образомъ, отдавали себя въ руки аѳинянъ; внося деньги, они сами предоставляли средства для своего же порабощенія. Города, пытавшіеся было отложиться, были покоряемы, лишались прежней автономіи и становились въ рядъ аѳинскихъ подданныхъ. Такъ было—еще въ 60-хъ годахъ—съ Наксосомъ, первымъ союзнымъ городомъ, возставшимъ и порабощеннымъ „во-

[1]) Kohler, Urkunden und Untersuchungen zur Geschichte d. delisch—attisch. Bundes (въ Abhandlungen d. Berliner Akad. d. Wissenschaften, за 1869).

преки существовавшему договору", по выраженію Ѳукидида, и затѣмъ — съ Ѳасосомъ; оба они сдались, обязавшись срыть укрѣпленія, выдать флотъ, платить дань. Число подчиненныхъ союзниковъ все росло и росло. Союзное собраніе дѣлалось все малочисленнѣе. Союзники, остававшіеся еще автономными, мало были заинтересованы въ его дѣлахъ и въ самой его дальнѣйшей судьбѣ. Фактически господствовала здѣсь давно уже воля Аѳинъ...

Такъ совершилась эта перемѣна. Господствовавшая тогда въ Аѳинахъ система, какъ увидимъ, тѣсно связана съ нею и съ самымъ существованіемъ союза.

Периклъ.

Перенесеніе союзной казны въ Аѳины было вполнѣ въ духѣ политики дѣятеля, который около того времени занялъ первенствующее мѣсто въ Аѳинахъ,—Перикла. Мы не знаемъ въ точности, какое участіе принималъ Периклъ въ такихъ реформахъ, какъ открытіе доступа къ архонтству зевгитамъ или возстановленіе судей по демамъ. Зато Аристотель прямо приписываетъ ему внесеніе въ 451/0 г. закона о правѣ гражданства, а именно, что не можетъ имѣть право гражданства тотъ, кто не происходитъ отъ аѳинянина и аѳинянки, — закона, къ которому мы еще вернемся. Съ этихъ-то поръ Периклъ, по словамъ Аристотеля, обратился къ „демагогіи". Но къ серединѣ V вѣка можно относить начало господствующаго вліянія Перикла, апогея его власти, а не начало его государственной дѣятельности. Дѣятельность эта началась раньше, и уже въ 50-хъ годахъ Периклъ занималъ въ Аѳинахъ вліятельное положеніе.

Периклу нерѣдко приписывали великую роль въ развитіи демократіи въ Аѳинахъ, видѣли въ немъ виновника послѣдующаго разложенія ея и упадка аѳинскаго могущества. По его имени называютъ иногда самую блестящую эпоху въ жизни древней Эллады; говорятъ: „вѣкъ Перикла". Во всемъ этомъ много преувеличенія. Но во всякомъ случаѣ время Перикла— кульминаціонный пунктъ въ исторіи аѳинской демократіи. По-

этому мы остановимся подробнѣе на этомъ моментѣ и на самой личности Перикла [1]).

По своему происхожденію Периклъ принадлежалъ къ аѳинской аристократіи, къ одной изъ самыхъ знатныхъ и вліятельныхъ фамилій; онъ былъ сыномъ Ксанѳиппа, побѣдителя при Микале, и Агаристы, племянницы знаменитаго Клисѳена: по матери онъ происходилъ, значитъ, отъ могущественныхъ Алкмеонидовъ, которые въ теченіе цѣлыхъ поколѣній играли такую выдающуюся и вліятельную роль въ аѳинской исторіи и связи которыхъ простирались далеко за предѣлы Аттики. Но и со многими другими представителями тогдашней аѳинской знати, съ первыми фамиліями города, Периклъ находился или въ родствѣ, или въ довольно близкихъ отношеніяхъ. Такимъ образомъ, Периклъ выдавался уже своимъ происхожденіемъ, и, благодаря послѣднему, ему заранѣе открытъ былъ путь къ вліянію и къ широкой политической дѣятельности, такъ какъ и въ демократическихъ Аѳинахъ древность и знатность рода, а тѣмъ болѣе заслуги близкихъ предковъ, въ дѣйствительности всегда много значили.

Дѣтскіе и юношескіе годы Перикла какъ-разъ совпали съ временемъ борьбы его родины съ персами, и тотъ общій подъемъ духа, который былъ результатомъ торжества надъ врагомъ, долженъ былъ глубоко отразиться и на молодомъ даровитомъ Ксанѳипповѣ сынѣ. То былъ моментъ, когда Аѳины становились главою и школою Эллады, ея умственнымъ и художественнымъ средоточіемъ, когда сюда начинали ужъ стекаться со всѣхъ концовъ греческаго міра философы, поэты и художники. Преобладающія теченія въ сферѣ тогдашней мысли и искусства были восприняты и Перикломъ. Подъ ихъ вліяніемъ воспитался онъ. Благодаря своему образованію и широкому, многостороннему развитію онъ сталъ въ уровень съ умственнымъ движеніемъ вѣка, который можетъ быть названъ „вѣкомъ Просвѣщенія“. Въ числѣ наставниковъ Перикла называютъ Дамона или Дамонида, музыканта, философа и политика. Впо-

[1]) О Периклѣ на русскомъ языкѣ—моя книга (Харьковъ. 1889); статья П. И. Люперсольскаго въ „Извѣст. Истор.-Филолог. Института кн. Безбородко въ Нѣжинѣ“, за 1877 г.; Грантъ, Греція въ вѣкъ Перикла. М. 1905 (перев. съ англ.).

слѣдствіи Периклъ пользовался уроками и Зенона, одного изъ представителей элеатской школы. Но особенно сильное и благотворное вліяніе, по свидѣтельству древнихъ, оказалъ на него Анаксагоръ своею возвышенною философіею, признававшею за регулирующее и управляющее начало въ мірѣ „разумъ“. Вліянію именно Анаксагора приписывали ту глубину мысли, которая отличала Перикловы рѣчи; этимъ же вліяніемъ объясняли самые ораторскіе пріемы Перикла, даже его политическія стремленія, образъ жизни и никогда не покидавшее его хладнокровіе и спокойствіе.

Началъ свою карьеру Периклъ воиномъ, а на поприще общественно-политической дѣятельности выступилъ между 469 и 467 г. Это былъ моментъ, когда Аристидъ сошелъ ужъ въ могилу или, по крайней мѣрѣ, доживалъ свои послѣдніе дни среди общаго уваженія, а Ѳемистоклъ скитался изгнанникомъ. Первенствующее значеніе принадлежало въ то время Мильтіадову сыну, Кимону, стоявшему во главѣ консервативно-аристократической партіи.

Периклъ, самъ по происхожденію аристократъ, да и по натурѣ своей всего менѣе демократъ, именно демократической партіи „посвятилъ свои великія дарованія, свое высокое положеніе и свой чистый характеръ“, выражаясь словами англійскаго историка Грота. Тутъ могли дѣйствовать и фамильныя преданія—примѣръ великаго его родственника Клисѳена, тоже, несмотря на свою знатность, ставшаго вождемъ демоса и сдѣлавшагося первымъ организаторомъ настоящей демократіи въ Аѳинахъ; къ этому могло побуждать и личное честолюбіе, такъ какъ мѣсто вождя аристократической партіи было занято Кимономъ и при тогдашнихъ обстоятельствахъ для талантливой и честолюбивой личности удобнѣе всего было стать въ ряды партіи демократической. Но существовали и другіе, не эгоистическіе мотивы. Справедливо замѣчаютъ, что истинно великіе люди тѣмъ и отличаются, что, стремясь къ удовлетворенію своего честолюбія и личныхъ интересовъ, они вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворяютъ и великимъ интересамъ и потребностямъ своей страны и своей эпохи. Такъ и въ данномъ случаѣ. Периклъ могъ ясно видѣть, что въ Аѳинахъ именно демократической партіи принадлежитъ будущее. Въ демократіи

онъ видѣлъ силу Аѳинъ, залогъ ихъ величія и могущества,—такую форму, которая являлась результатомъ прошлаго, окончательная побѣда которой была своего рода неизбѣжною необходимостью и которая одна только и могла быть болѣе или менѣе прочною, устойчивою, обезпечивающею внутренній миръ и порядокъ, полное развитіе богатыхъ силъ Аѳинъ. Вспомнимъ, что побѣдоносная борьба съ персами и Ѳемистокловы мѣры окончательно опредѣлили дальнѣйшее направленіе политической жизни Аѳинъ; поворотъ на другой путь врядъ ли теперь ужъ былъ возможенъ, по крайней мѣрѣ, безъ страшныхъ, долгихъ и кровавыхъ потрясеній. Вмѣсто того, чтобы стараться—быть можетъ, совершенно безплодно—разрушить дѣло предшествовавшихъ поколѣній, вмѣсто того, чтобы, оставляя безъ удовлетворенія новыя потребности, наталкивать демосъ на путь насилія и революціи и тѣмъ способствовать анархіи и превращенію демократіи въ охлократію, владычество черни,—не лучше ли было признать существующій фактъ и, ставъ во главѣ демократическаго движенія, постараться взять его въ свои руки, урегулировать его, направить въ извѣстныя границы въ интересахъ порядка и полнаго развитія духовныхъ и матеріальныхъ силъ народа? За эту-то задачу и взялся Периклъ.

На первыхъ порахъ Периклъ шелъ рука объ руку съ другимъ замѣчательнымъ вождемъ демоса, своимъ единомышленникомъ и другомъ, Эфіальтомъ. Вмѣстѣ дѣйствовали они въ народномъ собраніи, вмѣстѣ вели тутъ борьбу съ партіей аристократической и съ ея вождемъ, Кимономъ.

Ксанѳиппъ былъ врагомъ Мильтіада; именно онъ былъ его обвинителемъ въ предсмертномъ его процессѣ, кончившемся присужденіемъ Мильтіада къ штрафу въ 50 тал., и казалось, что это соперничество и вражда оставлены были отцами въ наслѣдіе сыновьямъ: Периклъ тоже выступилъ противъ Кимона обвинителемъ въ процессѣ, которому тотъ подвергся послѣ покоренія Ѳасоса. Ихъ раздѣляли соперничество изъ-за вліянія и противоположность ихъ политическихъ программъ, стремленій, самыхъ даже характеровъ. И что̀ характерно: Кимонъ, глава партіи аристократической, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ является болѣе демократомъ, нежели „Олимпіецъ“ Периклъ, вождь демоса: первый—простой, обходительный, съ

пріемами демагога, непринужденно сближающійся съ народомъ, имѣющій въ себѣ даже нѣчто плебейское; а второй—сдержанный, скорѣе гордый, нежели доступный, безъ тѣхъ свойствъ, благодаря которымъ такъ легко пріобрѣтается популярность въ массѣ, натура вовсе не демократическая.

При нашихъ источникахъ трудно опредѣлить долю участія Перикла въ дѣлѣ реформы ареопага, проведенной Эфіальтомъ. Во всякомъ случаѣ Эфіальтъ не былъ лишь орудіемъ Перикла, какъ иногда выставляетъ его Плутархъ. Еще во время соперничества съ Кимономъ Периклъ сталъ вводить свою систему денежнаго вознагражденія, начиная съ платы присяжнымъ и кончая ѳеорикономъ. Въ событіяхъ 50-хъ годовъ, въ борьбѣ изъ-за гегемоніи на сушѣ Периклъ принимаетъ уже дѣятельное участіе, являясь руководителемъ внѣшней и внутренней политики Аѳинъ. Тридцатилѣтній миръ, закончившій на время эту борьбу, былъ его дѣломъ и носилъ его имя.

Послѣ того для Аѳинъ наступили мирные годы. Это и было время наибольшаго вліянія Перикла. Но прежде ему пришлось преодолѣть сильную оппозицію.

Аристократическая партія, еще съ изгнаніемъ Кимона лишившаяся было вождя, разрозненная и подавленная нравственно, теперь успѣла снова оправиться. Во главѣ ея сталъ человѣкъ, который съумѣлъ сплотить и воодушевить ее. Это былъ Ѳукидидъ, сынъ Мелесія, называемый иногда Алопекскимъ по мѣсту своего происхожденія и въ отличіе отъ историка Ѳукидида. Онъ былъ изъ знатной фамиліи и въ свойствѣ съ Кимономъ. Какъ полководецъ, Ѳукидидъ Алопекскій не могъ равняться съ послѣднимъ, но зато далеко превосходилъ его, какъ политикъ и ораторъ. Аристотель причисляетъ его къ „лучшимъ государственнымъ людямъ Аѳинъ, если не считать древнихъ“.

Рѣшительное столкновеніе обѣихъ партій и ихъ вождей, Перикла и Ѳукидида, послѣдовало на этотъ разъ главнымъ образомъ по вопросу объ употребленіи союзныхъ денегъ на постройки, на украшеніе Аѳинъ. По словамъ Плутарха, въ народномъ собраніи враги Перикла кричали, что аѳинскій народъ покрываетъ себя срамомъ и пріобрѣтаетъ худую славу, перенеся союзную казну въ Аѳины подъ тѣмъ предлогомъ,

что тутъ она будетъ въ большей безопасности, и теперь вдругъ употребляя ее на постройки; они говорили о страшномъ насиліи и явной тиранніи по отношенію къ Элладѣ со стороны Аѳинъ, такъ какъ деньги, собираемыя съ союзниковъ и предназначаемыя на войну, тратятся на украшеніе города, который, точно тщеславная женщина, увѣшиваетъ себя драгоцѣнными камнями, статуями и храмами въ тысячи талантовъ. Въ отвѣтъ на такія нападки Периклъ доказывалъ, что „аѳиняне не обязаны давать отчетъ союзникамъ въ употребленіи союзныхъ денегъ, такъ какъ аѳиняне сражаются вмѣсто нихъ и защищаютъ ихъ отъ варваровъ, неся на себѣ всѣ тягости, а союзники доставляютъ только деньги; эти деньги принадлежатъ уже не тому, кто даетъ, а тому, кто ихъ получаетъ, если только послѣдній выполняетъ принятыя въ замѣнъ того на себя обязательства. Такъ какъ городъ достаточно снабженъ всѣмъ необходимымъ для войны, то слѣдуетъ излишекъ употреблять на такое дѣло, которое доставитъ Аѳинамъ безсмертную славу, распространитъ благосостояніе въ средѣ населенія, вызоветъ разнообразную дѣятельность и различныя потребности, оживитъ всякія искусства и ремесла, займетъ всѣ руки, такъ-что почти весь городъ будетъ на жалованьѣ, самъ себя украшая и вмѣстѣ съ тѣмъ питая“ [1]).

Периклъ такимъ образомъ стоялъ за централизацію, за безусловное главенство и господство аѳинянъ надъ союзниками; Ѳукидидъ же выступалъ защитникомъ равноправнаго положенія послѣднихъ. Но съ этимъ вопросомъ были связаны и другіе, напр. о направленіи внѣшней политики Аѳинъ, объ отношеніи къ Спартѣ и къ Персіи; тутъ сталкивались интересы городского и сельскаго класса и т. д. Периклъ, по всей вѣроятности, имѣлъ опору преимущественно въ городскомъ населеніи, какъ наиболѣе заинтересованномъ въ осуществленіи его проектовъ относительно построекъ, а Ѳукидидъ—въ сельскомъ. Строительная дѣятельность требовала большихъ средствъ; та система денежнаго вознагражденія, которую ввелъ Периклъ

[1]) Въ этихъ словахъ, передаваемыхъ Плутархомъ въ біографіи Перикла (гл. 12), нѣкоторые видятъ отрывки изъ подлинныхъ рѣчей, произнесенныхъ тогда Ѳукидидомъ и Периклемъ. Но въ нихъ есть и неточность: союзники, платившіе форосъ, поставляли, кромѣ денегъ, еще и гоплитовъ.

и о которой мы еще будемъ говорить, была выгодна преимущественно для городского населенія, а для поддержанія и развитія этой системы опять-таки нужны были средства. Тогдашняя демократія въ Аѳинахъ была связана съ господствомъ надъ союзниками. Это главенство, распоряженіе союзною казною, расширеніе союза, сферы политическаго и торговаго вліянія, своего рода политика „имперіализма“ [1],—все это служило источникомъ средствъ и благосостоянія городского населенія и за все это стояла партія демократическая, радикальная, хотя такая программа была въ сущности далеко не либеральная. Такимъ образомъ имперіализмъ и радикализмъ въ Аѳинахъ были тѣсно связаны между собою. Консервативные же элементы, въ особенности сельское населеніе, или мало были заинтересованы въ поддержаніи „имперіализма“ или же относились даже прямо враждебно къ подобному направленію, какъ противорѣчащему ихъ интересамъ. Столкновеніе разрѣшилось остракизмомъ. Партія Перикла одержала верхъ, и Оукидидъ принужденъ былъ отправиться въ изгнаніе (443/2 г.).

Внутренняя борьба въ Аѳинахъ прекратилась надолго. Съ изгнаніемъ Оукидида Алопекскаго вліяніе Перикла достигаетъ своего апогея. Въ теченіе цѣлыхъ 15 лѣтъ Периклъ правитъ Аѳинами безъ соперниковъ, какъ общепризнанный руководитель государства. Именно къ этому періоду вполнѣ примѣнимо выраженіе историка Оукидида: „по имени это была демократія, а на дѣлѣ правленіе перваго мужа“.

По словамъ одного комическаго поэта, аѳиняне передали Периклу все: „и дань союзныхъ городовъ, и самые города— одни вязать, другіе разрѣшать, и каменныя стѣны — однѣ строить, другія вновь разрушать, и договоры, силу, власть, миръ и богатство, и счастье“. Враги называли Перикла „величайшимъ тиранномъ“, а окружавшихъ его приверженцевъ— „новыми Писистратидами“: его сравнивали съ Писистратомъ и находили между ними даже внѣшнее сходство.

Передъ нами рѣдкое, поразительное явленіе: вполнѣ свободный народъ, и притомъ впечатлительный, подвижной, въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ подчиняется добровольно власти и

[1]) Объ этомъ—E. Meyer, Gesch d. Alterthums, III, 558 сл.; IV, 39 сл.

вліянію одной личности. Гдѣ же причина столь могущественнаго вліянія Перикла? На чемъ же основывался авторитетъ его? Прежде всего—на его личныхъ качествахъ.

Периклъ является благороднѣйшимъ типомъ эллина. Его отличаетъ отъ другихъ знаменитыхъ дѣятелей Эллады не дарованіе и не геніальность въ той или другой сферѣ, такъ какъ, несомнѣнно, были въ Греціи дѣятели, по своему военному гѐнію или, какъ преобразователи и законодатели, по творчеству и смѣлости мысли стоявшіе выше его. Онъ не былъ тѣмъ реформаторомъ, который пролагаетъ совершенно новые пути; онъ былъ лишь продолжателемъ и завершителемъ дѣла Клисѳена, Ѳемистокла и Эфіальта. Даже въ столь блестящей строительной дѣятельности Периклъ имѣлъ предшественниковъ, въ томъ числѣ Кимона, котораго въ этомъ отношеніи никакъ нельзя противополагать ему. Но Перикла отличало необыкновенно гармоническое сочетаніе разнообразныхъ талантовъ и качествъ. Онъ былъ и правитель, и полководецъ, и великій ораторъ, и все это въ немъ соединялось съ безукоризненною честностью и неподкупностью, столь рѣдкими въ Греціи, съ простотою образа жизни, съ возвышеннымъ умомъ, съ широкимъ образованіемъ и художественнымъ вкусомъ, наконецъ, даже съ красивою, величественною внѣшностью.

Перикла нельзя назвать военнымъ геніемъ. Какъ полководецъ, онъ не ослѣплялъ блестящими подвигами; но онъ обладалъ такими драгоцѣнными въ вождѣ качествами, какъ безупречное личное мужество, опытность, хладнокровное благоразуміе и осторожность. Онъ не былъ тутъ рутинеромъ; напротивъ, онъ умѣлъ пользоваться всякимъ нововведеніемъ и усовершенствованіемъ въ военномъ дѣлѣ.

Но безспорно, изъ всѣхъ тѣхъ разнообразныхъ дарованій и качествъ, которыми обладалъ Периклъ, на первомъ планѣ стоялъ талантъ ораторскій. Именно могуществу своего слова прежде всего обязанъ былъ Периклъ тѣмъ обаятельнымъ вліяніемъ, которое производилъ онъ на своихъ современниковъ. Подлинныя рѣчи Перикла не сохранились—онѣ не были записаны—и рѣчи, влагаемыя въ его уста Ѳукидидомъ, составляютъ въ значительной мѣрѣ композицію самого историка. Но въ признаніи величія Перикла, какъ оратора, еще въ

древности согласны были всѣ. Могущество Периклова слова признавалось самими врагами, даже комиками, и недаромъ они называли Перикла Олимпійцемъ. О немъ говорили, что онъ мечетъ перуны, поражаетъ своимъ словомъ, какъ громомъ и молніей. По выраженію одного изъ комиковъ, „само Убѣжденіе возсѣдало на устахъ Перикла“, и о его способности убѣждать свидѣтельствовали сами соперники.

Натура Перикла была далеко не демократическая. Онъ не умѣлъ легко и непринужденно сближаться съ массой; онъ не былъ человѣкомъ, выражаясь нашимъ языкомъ, „популярнымъ“. Наоборотъ, его обвиняли въ надменности и излишней сдержанности. Онъ хранилъ всегда величавое спокойствіе и хладнокровіе. Честность и безкорыстіе Перикла были общепризнаны. Управляя государствомъ въ теченіе стольких лѣтъ, завѣдывая постройками и имѣя въ своемъ распоряженіи большія суммы денегъ, онъ ни на одну драхму не увеличилъ своего состоянія.

Образъ жизни Перикла былъ чрезвычайно простъ и умѣренъ. Почти все время посвящалось дѣламъ государственнымъ. На улицѣ Перикла можно было видѣть идущимъ—своею обычною, медленною и спокойною походкою—только по одной дорогѣ, именно въ народное собраніе или въ совѣтъ. Единственнымъ развлеченіемъ для Перикла была бесѣда въ домашнемъ кругу, среди близкихъ друзей, къ числу которыхъ принадлежали избранные умы и таланты тогдашней Греціи. Здѣсь онъ отдыхалъ отъ своей напряженной дѣятельности, отъ тяжелыхъ государственныхъ заботъ и думъ; здѣсь онъ расширялъ свой умственный кругозоръ, черпалъ новыя силы и идеи, приходилъ въ тѣсное общеніе съ лучшими представителями умственныхъ и художественныхъ стремленій вѣка. Все, что было выдающагося въ тогдашнемъ аѳинскомъ обществѣ, такъ или иначе принадлежало къ кружку Перикла. Въ его домѣ сходились и философы—Анаксагоръ, Зенонъ, Протагоръ, молодой Сократъ, и прорицатель Лампонъ, и историки, какъ, вѣроятно, Геродотъ, и поэты, напр., Софоклъ, и художники, Фидій, философъ-архитекторъ Гипподамъ и другіе. Душою же этого кружка была талантливая и высокообразованная Аспазія, дочь Аксіоха, уроженка Милета, съ которою Периклъ сблизился, разведясь со своею первою женою.

Таковъ Периклъ въ характеристикѣ преимущественно Плутарха.

Затѣмъ при объясненіи того господствующаго положенія, какое занялъ Периклъ, необходимо имѣть въ виду нѣкоторыя черты самаго аѳинскаго строя.

Изъ тогдашнихъ должностей въ Аѳинахъ самою важною и вліятельною была стратегія [1]). Стратеги были не только предводителями войска, но они стояли во главѣ всего военнаго и морского управленія. Они завѣдывали наборомъ войска, назначали тріэрарховъ, предсѣдательствовали въ судахъ по дѣламъ о военныхъ преступленіяхъ, наблюдали за гаванями, городскими стѣнами и укрѣпленіями, за внѣшнею и внутреннею безопасностью страны, за налогами и повинностями, имѣвшими отношеніе къ военнымъ цѣлямъ, принимали мѣры относительно подвоза хлѣбныхъ припасовъ въ Аттику и снабженія города продовольствіемъ. Они являлись представителями Аѳинскаго государства во внѣшнихъ сношеніяхъ, заключали перемирія и иногда даже мирные договоры; ихъ попеченію предоставлялись нерѣдко лица и города, находившіеся подъ покровительствомъ Аѳинъ, иностранцы, получавшіе особыя почетныя права. Немалымъ вліяніемъ пользовались стратеги и внутри государства. По своей должности они постоянно находились въ сношеніяхъ съ совѣтомъ и такимъ образомъ могли вліять на него; они имѣли право созывать (конечно, черезъ притановъ) чрезвычайныя народныя собранія, а въ иныхъ случаяхъ наоборотъ—не допускать созванія экклесіи; ихъ предложенія раньше другихъ обсуждались народомъ и т. д. Въ нѣкоторыхъ жертвоприношеніяхъ, въ религіозныхъ процессіяхъ и торжествахъ стратеги принимали видное участіе. Одному изъ стратеговъ обыкновенно поручалось главное начальство надъ войскомъ, руководительство всѣмъ предпріятіемъ, такъ-что остальные его товарищи до нѣкоторой степени были подчинены ему; иногда одинъ или нѣсколько стратеговъ получали особыя полномочія.

Такимъ главою коллегіи стратеговъ и лицомъ, облеченнымъ особыми полномочіями, является неразъ Периклъ. Въ теченіе 15 лѣтъ своего полновластія онъ избирался въ стратеги изъ

[1]) Hauvette-Besnault, Les stratèges athéniens. P. 1884.

года въ годъ. Кромѣ того, Периклъ завѣдовалъ постройками, и вообще его вліяніе такъ или иначе простиралось и на финансовое управленіе.

Еще важнѣе другое обстоятельство. Аѳинская демократія, съ народнымъ собраніемъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, эта „держава", глава обширнаго союза, ведшая широкую политику, нуждалась въ извѣстномъ сосредоточеніи власти и въ постоянномъ руководителѣ. Существованіе такого „руководителя демоса", демагога, вліяніе одной выдающейся личности было необходимымъ условіемъ успѣшной дѣятельности народнаго собранія, послѣдовательности въ политикѣ, какъ внутренней, такъ и внѣшней, залогомъ величія и благоденствія государства. И понятно, въ Аѳинахъ только тотъ могъ достичь могущественнаго, постояннаго вліянія, кто умѣлъ воздѣйствовать на народное собраніе, увлекать его за собою, подчинять его своей волѣ, другими словами,—кто былъ ораторомъ.

Такимъ ораторомъ и „демагогомъ" въ настоящемъ значеніи слова, т.-е. „руководителемъ демоса", и былъ Периклъ, соединявшій въ своихъ рукахъ въ то же время и стратегію. Замѣчательную характеристику его, какъ вождя аѳинскаго демоса, далъ еще Ѳукидидъ. „Периклъ былъ первый изъ аѳинянъ своего времени, сильный словомъ и дѣломъ", говоритъ этотъ историкъ (I, 139)... „Стоя во главѣ государства въ мирное время, онъ правилъ умѣренно и охранилъ его безопасность. Аѳины достигли при немъ высшаго могущества... Периклъ, сильный нравственнымъ достоинствомъ и умомъ и явно неподкупный въ высшей степени, свободно правилъ массой, и не столько она руководила имъ, сколько онъ ею, потому что онъ пріобрѣлъ власть, не прибѣгая къ недостойнымъ средствамъ, и не имѣлъ вслѣдствіе этого нужды льстить толпѣ, но, пользуясь уваженіемъ, могъ и рѣзко противорѣчить ей. Такъ, когда онъ видѣлъ, что аѳиняне не во-время смѣлы, онъ своими рѣчами пробуждалъ въ нихъ страхъ, и наоборотъ,—видя ихъ падающими духомъ безъ основанія, онъ внушалъ имъ смѣлость. *По имени это была демократія, на дѣлѣ же—правленіе перваго мужа*" (II, 65).

„Правленіе перваго мужа".

Съ того времени, какъ Периклъ сталъ во главѣ демоса, политическій строй Аѳинъ, по словамъ Аристотеля (гл. 27), сдѣлался еще болѣе демократическимъ. Но въ сущности Периклъ не думалъ идти по пути крайней демократіи—въ чемъ его часто обвиняли въ древности и въ наше время—; напротивъ, давая окончательную организацію аѳинской демократіи и удовлетворяя интересы демоса, онъ въ то же время старался совладать съ демократическимъ движеніемъ, урегулировать его, направить въ извѣстныя, опредѣленныя границы. Свободу и равенство Периклъ стремился соединить съ господствомъ закона и порядка. Онъ достигъ власти и вліянія, опираясь на демосъ, но онъ правилъ не исключительно въ интересахъ одной только партіи: покровительствуя демосу, онъ преслѣдовалъ и благо цѣлаго. Неразъ онъ возвышался надъ узкими партійными стремленіями. Вотъ почему многіе, болѣе умѣренные, не ослѣпленные ненавистью и враждою аристократы примыкали къ Периклу.

Аѳинская демократія, со всѣми ея недостатками и свѣтлыми сторонами, сложилась исторически, была національнымъ созданіемъ аѳинскаго народа, плодомъ работы цѣлыхъ поколѣній. Периклювы реформы—лишь одинъ изъ моментовъ, эпизодовъ въ послѣдовательномъ и, такъ сказать, органическомъ развитіи государственнаго строя Аѳинъ; онѣ—естественное и вполнѣ логическое слѣдствіе предыдущаго хода аѳинской исторіи. Периклъ явился лишь завершителемъ того, чему первые зародыши положены были при Солонѣ и что получило дальнѣйшее развитіе благодаря историческимъ условіямъ и такимъ дѣятелямъ, какъ Клисѳенъ, Ѳемистоклъ, Эфіальтъ. Поэтому въ ряду вождей аѳинскаго демоса Аристотель отводитъ Периклу скромное мѣсто, быть можетъ, даже слишкомъ скромное: дѣятель, котораго Ѳукидидъ окружилъ такимъ ореоломъ и съ именемъ котораго у насъ связывается представленіе о полномъ расцвѣтѣ аѳинской демократіи, у Аристотеля является довольно блѣдною личностью.

Перикловы мѣры направлены были главнымъ образомъ къ тому, чтобы въ судѣ и въ управленіи фактически, а не только номинально, участвовалъ весь народъ, не одни лишь богатые граждане,—къ тому, чтобы предоставить демосу всѣ возможныя выгоды и неразрывно связать его интересы съ интересами самого государства. Мѣры эти, въ болѣе или менѣе демократическомъ духѣ, состояли въ ограниченіи правъ ареопага, въ введеніи системы денежнаго вознагражденія за службу государству, въ развитіи клерухій, строительной и художественной дѣятельности, матеріальныхъ средствъ и морскихъ силъ Аѳинъ.

О томъ, что Периклъ отнялъ „нѣкоторыя права“ у ареопага, упоминаетъ Аристотель (гл. 27). Повидимому, это было дальнѣйшимъ развитіемъ реформы Эфіальта; но въ чемъ собственно состояло новое ограниченіе власти ареопага, намъ неизвѣстно: источники не даютъ указаній.

Наиболѣе важная и характерная реформа Перикла—это введеніе *системы денежнаго вознагражденія*. Въ древности должности носили почетный характеръ и ихъ отправляли безвозмездно. Впервые при Периклѣ сдѣлано было отступленіе отъ этого принципа. Введено было жалованье присяжнымъ, членамъ совѣта, войску и флоту: за участіе въ засѣданіи судьѣ выдавалось сначала, вѣроятно, по 1, а затѣмъ по 2 обола [1]) въ день; члену совѣта—по 5 об., пританамъ же прибавлялся еще 1 оболъ „на продовольствіе“; гоплитъ и матросъ получалъ по 1 драхмѣ въ день (въ томъ числѣ и на продовольствіе); такъ, по крайней мѣрѣ, было въ началѣ Пелопоннесской войны и во время Сицилійской экспедиціи. Даже архонты и другія должностныя лица, за исключеніемъ стратеговъ и гиппарховъ, стали получать вознагражденіе: архонтамъ полагалось по 4 обола въ день „на продовольствіе“, причемъ они должны были содержать глашатая и флейтиста. При Периклѣ введены были и „зрѣлищныя деньги“ (*θεωρικόν*) въ размѣрѣ 2 оболовъ на человѣка въ день, которыя раздавались въ праздникъ Діонисій [2]), а потомъ и въ другіе, чтобы

[1]) Въ драхмѣ было 6 оболовъ

[2]) Въ три дня праздника выходитъ 1 драхма на человѣка.—Отъ θεο-

дать возможность и простому народу посѣщать театръ. Что касается платы за участіе въ народномъ собраніи, то она не была введена Периклом: ее ввелъ нѣкій Агиррій уже послѣ Пелопоннесской войны, въ началѣ IV стол.

У Аристотеля и Плутарха введеніе Периклом денежнаго вознагражденія объясняется личными мотивами—тѣмъ, что иначе онъ не могъ бороться съ такимъ богатымъ и щедрымъ соперникомъ, какъ Кимонъ. Нельзя, разумѣется, отрицать того, что подобныя мѣры, особенно θеориконъ, могли служить орудіемъ въ политической борьбѣ, средствомъ для собственнаго возвышенія вождя демоса. Но все же это не былъ только демагогическій пріемъ. Система денежнаго вознагражденія была въ то же время необходима для упроченія и поддержанія существовавшаго въ Аθинахъ строя. Безъ нея не могло быть и дѣйствительной демократіи. Плата, напр., судьямъ вызывалась самою силою вещей и являлась серьезною, неотложною необходимостью со времени реформы ареопага, при тогдашнихъ обстоятельствахъ и положеніи Аθинъ, какъ главы союза, члены котораго должны были по всѣмъ важнѣйшимъ дѣламъ обращаться въ аθинскій судъ. Она стоитъ въ неразрывной связи съ развитіемъ дѣятельности геліэи. Безъ введенія платы нельзя себѣ представить этой дѣятельности. И въ самомъ дѣлѣ, не будь вознагражденія, не было бы и необходимаго числа дикастовъ; развѣ можно было ожидать, что всегда найдется въ Аттикѣ нѣсколько сотенъ людей, которые ради отправленія судейскихъ обязанностей пожертвуютъ своимъ временемъ и трудомъ, оставятъ свои занятія, свое хозяйство? Во-вторыхъ, если только Периклъ желалъ, чтобы въ Аθинахъ существовалъ на самомъ дѣлѣ, а не только по имени, чисто народный судъ, то онъ долженъ былъ ввести плату присяжнымъ; иначе судъ фактически оказался бы въ рукахъ лишь знатныхъ и богатыхъ, а за демосомъ, за всѣми тѣми, кто жилъ трудомъ, осталось бы

рикона надо отличать *діобелію*, раздачу по 2 обола, которую впервые ввелъ Клеофонтъ въ концѣ V в. въ тяжелое время Пелопоннесской войны и которую прежде неправильно отождествляли съ „зрѣлищными деньгами“. См. Wilamowitz-Mollendorff, Aristoteles und Athen. Berl. 1893, II, 212 сл. На рус. яз. о зрѣлищныхъ деньгахъ ст г. Розова въ Журн. Мин. Нар Просв, 1893, май.

только номинальное право, которымъ фактически нельзя было бы пользоваться. Чѣмъ болѣе расширялась сфера вліянія и дѣятельности геліэи, чѣмъ важнѣе стало это учрежденіе, тѣмъ важнѣе съ точки зрѣнія вождей демократіи было не допускать, чтобы оно очутилось въ рукахъ однихъ аристократовъ или даже враговъ демоса и существовавшаго въ Аѳинахъ строя. Наконецъ, отправленіе обязанностей судьи, нерѣдко даже по дѣламъ не своихъ согражданъ, а союзниковъ, было трудомъ и притомъ немалымъ, и, такимъ образомъ, здѣсь плата казалась вполнѣ заслуженнымъ вознагражденіемъ. Самая эта плата въ 1 или 2 обола была незначительна; за эту сумму геліастъ могъ имѣть лишь скромный обѣдъ, и казалось вполнѣ справедливымъ, чтобы государство въ вознагражденіе за потраченные гражданиномъ трудъ и время возмѣщало ему хотя стоимость дневного содержанія.

Все сказанное относительно платы дикастамъ примѣнимо еще въ большей степени по отношенію къ жалованью членамъ совѣта, являвшемуся необходимымъ вознагражденіемъ уже въ виду той массы дѣлъ, которая подлежала разсмотрѣнію совѣта. О жалованьѣ войску и флоту тоже нечего и говорить: содержаніе почти постояннаго войска и флота, тяжелыя войны, а въ мирное время ежегодные продолжительные морскіе маневры, все это дѣлало плату тутъ мѣрой необходимой.

Введеніе вознагражденія за военную службу стоитъ въ связи съ внѣшнею политикой Аѳинъ и съ тѣмъ положеніемъ, которое онѣ тогда занимали въ Греціи: оно необходимо было для поддержанія аѳинскаго могущества. Главную силу Аѳинъ Периклъ видѣлъ во флотѣ, который при немъ состоялъ изъ 300, если не болѣе, тріэръ, вполнѣ исправныхъ и готовыхъ къ дѣйствію. Для флота Периклъ завелъ ежегодные маневры, которые продолжались въ теченіе 8 мѣсяцевъ. Общее же число пѣшаго войска, гоплитовъ всѣхъ категорій, при Периклѣ доходило до такой цифры, какъ никогда еще въ Аѳинахъ,—до 29000; изъ нихъ обязанныхъ къ полевой службѣ и далекимъ походамъ было 13000; конница состояла изъ 1000 всадниковъ и 200 конныхъ стрѣлковъ; кромѣ того, имѣлось еще 1600 стрѣлковъ пѣшихъ [1]).

[1]) Ѳукидидъ, II, 13; Аристотель („Аѳ. Пол.“, гл. 24).

Ни одна Периклова мѣра не вызывала столько порицаній въ древности и въ новое время, какъ ѳеориконъ. Въ ней видѣли „гибельнѣйшее порожденіе Периклова вѣка", „язву государственнаго благосостоянія Аѳинъ", поглощавшую ихъ доходы и средства. Но въ періодъ расцвѣта аѳинской демократіи ѳеориконъ не принималъ еще такихъ пагубныхъ размѣровъ, какіе мы видимъ впослѣдствіи, и введеніемъ ѳеорикона не вносилось новаго, дотолѣ неизвѣстнаго и опаснаго принципа, ничего такого, что̀ противорѣчило бы традиціи и воззрѣніямъ грековъ на государство и его задачи. Еще въ старину было обыкновеніе излишекъ получаемаго государствомъ дохода дѣлить между гражданами. Въ Аѳинахъ самъ народъ былъ верховнымъ господиномъ и отсюда—естественное съ тогдашней точки зрѣнія право гражданъ обращать въ свою частную пользу часть государственныхъ доходовъ. По свидѣтельству Плутарха, Периклъ ввелъ ѳеориконъ во время борьбы съ Кимономъ. А вспомнимъ о чрезмѣрной щедрости Кимона и его демагогическихъ пріемахъ. Это былъ опасный симптомъ; аѳинскому обществу грозила деморализація: примѣръ Кимона могъ найти подражателей въ средѣ богатой знати, демосъ очутился бы въ зависимости отъ нея, нравственно унизился бы и палъ; богачи получили бы возможность пріобрѣтать непомѣрное вліяніе, не имѣя даже заслугъ, благодаря лишь своей щедрости. Разъ обнаружилась возможность подобныхъ явленій, то лучше ужъ было, чтобы демосъ получалъ что-либо отъ государства, нежели отъ вождей партій; лучше ужъ было такъ или иначе урегулировать это дѣло, поставить его въ извѣстныя границы, въ опредѣленныя и правильныя формы, нежели предоставлять частнымъ лицамъ полную свободу вербовать себѣ приверженцевъ, опираясь на богатство и деморализуя массу... При введеніи ѳеорикона Периклъ, кромѣ личныхъ мотивовъ, руководился стремленіемъ предоставить возможность каждому аѳинянину имѣть свою долю участія въ общихъ торжествахъ независимо отъ щедрости богачей, поставить демосъ въ такое положеніе, чтобы онъ менѣе нуждался въ подобной щедрости,—словомъ, сдѣлать его болѣе независимымъ. Бѣдность не должна была служить препятствіемъ къ полученію эстетическихъ удовольствій. Всѣ аѳиняне несли тягости. Во время борьбы съ врагами

бѣдная часть населенія проявляла не меньшее мужество и патріотизмъ, нежели богатые. Ей немало обязаны были Аѳины своими побѣдами. Низшій классъ служилъ во флотѣ и проливалъ свою кровь наравнѣ съ другими. Справедливо ли было бы—такъ могли разсуждать аѳинскіе демократы,—если бы эти граждане лишены были возможности пользоваться, наравнѣ съ прочими, плодами своихъ побѣдъ, своихъ усиленныхъ трудовъ и храбрости, если бы они были лишены участія въ культѣ и празднествахъ? Не должно забывать, что празднества и самыя театральныя представленія имѣли въ Греціи религіозное значеніе, были тѣсно связаны съ культомъ, являлись не простыми развлеченіями, а своего рода религіозными церемоніями.

Аѳинское государство, столь заботившееся объ удовлетвореніи эстетическихъ потребностей своихъ гражданъ, не забывало въ то же время и убогихъ, калѣкъ, инвалидовъ и сиротъ павшихъ въ бою воиновъ,—словомъ, людей, неспособныхъ къ работѣ и нуждавшихся въ самомъ необходимомъ. Начало мѣръ въ пользу инвалидовъ относятъ еще ко времени Солона или Писистрата. Сироты павшихъ за отечество гражданъ содержались и воспитывались на государственный счетъ до своего совершеннолѣтія, т.-е. до 18 лѣтъ, когда они получали отъ государства и полное вооруженіе. Неимущимъ и увѣчнымъ оказывалась денежная поддержка, выдавалась своего рода пенсія въ размѣрѣ 1—2 оболовъ ежедневно, и на такую поддержку въ Аѳинахъ получали право лица, имѣвшія состоянія менѣе 3 минъ и не могшія работать.

Въ одной изъ главъ своей „Аѳинской Политіи“ Аристотель говоритъ [1]), что въ Аѳинахъ на государственный счетъ, преимущественно на взносы союзниковъ, содержалось болѣе 20000 человѣкъ: дикастовъ было 6000, стрѣлковъ, какъ упомянуто,—1600, сверхъ того всадниковъ—1200 (въ томъ числѣ, по Ѳукидиду, — 200 конныхъ стрѣлковъ), булевтовъ — 500, стражей верфей—500, да въ „городѣ“, т.-е. въ акрополѣ,—50 стражей; властей—въ самой Аттикѣ—около 700 и за ея предѣлами, если вѣрить рукописи,—столько же; сверхъ того,

[1]) Гл. 24. Аристотель пріурочиваетъ это ко времени Аристида, что̀ невѣрно; это относится къ Периклову времени.

со времени войны (Пелопонесской)—гоплитовъ 2500, сторожевыхъ кораблей 20, экипажъ которыхъ, считая по 200 человѣкъ на каждую тріэру, составлялъ 4000, да на другихъ корабляхъ, перевозящихъ гарнизоны,—2000 человѣкъ; къ этому нужно еще прибавить содержаніе лицъ въ пританеѣ, спротъ и тюремныхъ сторожей. Если сосчитать приводимыя Аристотелемъ числа, включая и экипажъ 20 сторожевыхъ судовъ, то, дѣйствительно, получится около 20000 содержавшихся на государственный счетъ, тогда какъ общее число взрослыхъ аѳинскихъ гражданъ современные изслѣдователи принимаютъ отъ 35000 до 55000—60000 [1]).

Чрезвычайно важною мѣрою въ соціальномъ отношеніи было основаніе клерухій, т.-е. поселеній аѳинскихъ гражданъ за предѣлами Аттики. Поселенцы получали земельные участки въ пользованіе, безъ права отчужденія—собственникомъ этихъ участковъ признавалось государство,—но сохраняли за собою право аѳинскаго гражданства, несли повинности наравнѣ съ остальными гражданами, продолжали числиться въ филахъ и демахъ, къ которымъ они принадлежали до переселенія. Въ этомъ отличіе клерухій отъ колоній. Одни клерухіи, оставаясь въ подчиненіи законамъ, постановленіямъ экклесіи и высшей юрисдикціи Аѳинъ, составляли общины съ мѣстнымъ самоуправленіемъ, съ своимъ совѣтомъ, народнымъ собраніемъ и должностными лицами; другія возникали въ существовавшемъ уже городѣ или поселеніи и являлись скорѣе лишь гарнизономъ аѳинскихъ гражданъ среди мѣстнаго населенія. Клерухіи основывались и раньше Перикла, но при немъ мѣра эта достигла наибольшаго развитія; она превратилась какъ-бы въ систему. Число аѳинскихъ клеруховъ передъ Пелопоннесской войной доходило до 8000—10000. Въ Периклово время клерухіи возникали иногда путемъ договоровъ съ союзниками: мѣстнымъ жителямъ въ замѣнъ уступленной для клеруховъ земли сбавлялась соотвѣтственно сумма платимаго ими фороса. Наряду съ клерухіями основывались и собственно колоніи.

---

[1]) Первую цифру находимъ у Белоха (между прочимъ и въ его монографіи: Die Bevölkerung d. griechisch-römischen Welt. Leipz. 1886), вторую—у Эд. Мейера, третью—у Виламовица (Aristot. und Athen).

Поселенцы принадлежали преимущественно къ низшимъ, менѣе состоятельнымъ классамъ. Такимъ образомъ городъ освобождался отъ пролетаріата. Въ мѣстахъ своихъ новыхъ поселеній клерухи изъ неимущихъ бѣдняковъ дѣлались уже сравнительно зажиточными земледѣльцами-хозяевами; многіе изъ нихъ переходили въ классъ зевгитовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивая собою ряды тяжеловооруженной пѣхоты. Этого не могъ не замѣтить и Плутархъ, считающій вообще систему клерухій демагогическою мѣрой. А по словамъ одного современнаго изслѣдователя [1]), если что и спасло Аѳины отъ послѣдняго шага—отъ коммунизма и отмѣны всякой собственности—, то это главнымъ образомъ внѣшнее могущество государства, позволявшее удовлетворять пролетаріатъ раздачею земельныхъ участковъ внѣ предѣловъ Аттики. Подобно колоніямъ, клерухіи доставляли также выгоды и въ торговомъ отношеніи: благодаря имъ упрочивалась и поддерживалась связь съ отдаленными странами. Но еще болѣе клерухіи должны были служить опорою и стражами аѳинскаго могущества. Это были наблюдательные посты, можно сказать, съ постоянными гарнизонами изъ аѳинскихъ гражданъ.

Для аѳинянъ чрезвычайно важно было обладаніе проливами Босфоромъ и Геллеспонтомъ. Греческіе обитатели Херсонеса Ѳракійскаго постоянно были тревожимы и тѣснимы своими сосѣдями, хищными ѳракійцами. На помощь имъ во главѣ экспедиціи явился Периклъ, возстановилъ стѣну, возведенную еще нѣкогда Мильтіадомъ въ самомъ узкомъ мѣстѣ полуострова, и въ подкрѣпленіе тамошнимъ грекамъ оставилъ 1000 аѳинскихъ клеруховъ. Быть можетъ, были поселены клерухи около того же времени и на лежащихъ у входа въ Геллеспонтъ островахъ Лемносѣ и Имбросѣ. Изъ Цикладскихъ острововъ при Периклѣ клерухами заняты были Наксосъ и Андросъ. Во Ѳракіи основана была колонія Брея, относительно которой дошло до насъ народное постановленіе, въ видѣ надписи, показывающее, какъ устраивались аѳинскія поселенія. Изъ этой надписи мы узнаемъ, что для раздѣла земли должны были быть избраны 10 „геономовъ“, по одному изъ каждой

[1]) Beloch, Die attische Politik seit Perikles. Leipz. 1884, стр. 11.

филы. Для устройства поселенія даны были полномочія нѣкоему Демоклиду, отъ котораго исходила и самая псефизма. Существовавшіе уже въ Брећ священные участки, „темены“, должны были быть оставлены, какъ есть, но новые запрещалось выдѣлять. Колонисты обязаны были присылать въ Аѳины къ Великимъ Панаѳинеямъ быка и двухъ овецъ, а къ Діонисіямъ—фаллосъ. Въ случаѣ какого-либо нападенія на область колонистовъ сосѣдніе союзные ѳракійскіе города должны были подавать помощь какъ можно скорѣе, согласно „состоявшимся постановленіямъ“. Тому, кто выступитъ съ предложеніемъ, противорѣчащимъ этой псефизмѣ, или же будетъ пытаться склонять аѳинянъ къ ея нарушенію, грозило строгое наказаніе: онъ и дѣти его подвергались атиміи, имущество конфисковалось и десятая часть его шла богинѣ, за исключеніемъ того случая, когда сами колонисты будутъ просить объ измѣненіи постановленій. На переселеніе изъ Аѳинъ въ Брею полагалось 30 дней. Нѣкто Эсхинъ долженъ былъ сопровождать колонистовъ и выдать имъ деньги (на первое обзаведеніе или на путевые расходы). Прибавка Фантокла къ этой псефизмѣ гласила, что отправляющіеся въ Брею поселенцы должны быть изъ зевгитовъ и ѳетовъ [1]).

Но особенно важно было для аѳинянъ стать твердою ногою на нижнемъ теченіи Стримона. Недалеко отъ устьевъ рѣка эта дѣлаетъ крутой изгибъ и съ трехъ сторонъ окружаетъ возвышенность. Пунктъ этотъ имѣлъ большое стратегическое и торговое значеніе. Это былъ лучшій сторожевой, наблюдательный постъ по отношенію къ сосѣднимъ союзнымъ городамъ, оплотъ противъ Ѳракіи и Македоніи, ключъ къ этимъ странамъ, въ то время начинавшимъ уже пріобрѣтать немалое значеніе, являвшимся уже такими силами, съ которыми приходилось грекамъ такъ или иначе считаться. Тутъ былъ узелъ дорогъ, шедшихъ по разнымъ направленіямъ—отъ Стримонскаго залива въ глубь Ѳракіи, отъ Геллеспонта въ Македонію — и здѣсь скрещивавшихся. Недаромъ находившееся здѣсь поселеніе носило прежде названіе „Девяти дорогъ“. А окружающая

[1]) C. I. A. (=I. G.), I, n° 31; Dittenberger, Sylloge, 1², n° 19; Michel, Recueil, n° 72.

страна и ея горы богаты были корабельнымъ лѣсомъ, столь необходимымъ для аѳинскаго флота, и драгоцѣнными металлами. Немудрено поэтому, что греки давно уже стремились къ обладанію этимъ пунктомъ; но сперва неудачно: во времена Кимона аѳиняне потерпѣли пораженіе отъ оракійцевъ (при Драбескѣ). И только при Периклѣ усилія аѳинянъ, наконецъ, увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Въ 437 г. аѳинскіе поселенцы овладѣли этимъ пунктомъ. Городъ получилъ названіе Амфиполя. Къ аѳинскимъ поселенцамъ присоединились выходцы изъ сосѣднихъ городовъ, такъ-что населеніе Амфиполя было смѣшаннаго характера, что отчасти объясняетъ позднѣйшія отношенія этого города къ Аѳинамъ.

И къ отдаленнымъ понтійскимъ берегамъ отправлялись аѳинскіе колонисты во времена Перикла, напр. въ Синопъ. Не оставленъ былъ безъ вниманія и западъ. Вообще между Аѳинами и западомъ въ V в. происходили болѣе или менѣе тѣсныя торговыя сношенія. Изъ Сициліи аѳиняне получали хлѣбъ, изъ Этруріи—желѣзо, мѣдь и выдѣланныя металлическія вещи. Изъ Аѳинъ въ Италію шли оливковое масло, серебро и въ особенности столь славившіяся керамики, которыя вывозились въ Этрурію, а также въ Кампанію, къ устьямъ По, въ Сицилію и, можетъ быть, въ Апулію. Въ Сициліи и Этруріи господствовала въ V в. даже аттическая монетная система: монеты чеканились тамъ по аттическому образцу. Такимъ образомъ, еще до Сицилійской экспедиціи 415 г., въ вѣкъ Перикла, между Аѳинами и Италіей существовали довольно близкія культурныя, торговыя и политическія связи. Послѣ этого понятно, какъ долженъ былъ отнестись Периклъ, когда потомки жителей разрушеннаго нѣкогда кротонцами Сибариса обратились въ Аѳины съ просьбой оказать имъ содѣйствіе при основаніи новаго города на мѣстѣ прежняго. На благодатной почвѣ древняго Сибариса онъ задумалъ основать колонію въ широкихъ размѣрахъ. Новая колонія должна была быть обще-эллинскою. Такъ, недалеко отъ прежняго Сибариса, заложенъ былъ городъ Ѳуріи, при содѣйствіи Гипподама, архитектора-философа, по строго опредѣленному плану: въ длину шли 4 улицы и въ ширину 3; каждая улица носила особое названіе. Въ первые годы своего существованія Ѳуріи привле-

кали въ свои стѣны немало тогдашнихъ знаменитостей: Геродотъ, Протагоръ, Эмпедоклъ жили нѣкоторое время въ нихъ. Подобно древнему Сибарису, новый городъ вскорѣ достигъ замѣчательнаго матеріальнаго благосостоянія; но затѣмъ начались внутренніе раздоры и смуты. Населеніе его было слишкомъ смѣшаннаго характера; аѳиняне составляли меньшинство и перевѣсъ оказывался на сторонѣ враждебныхъ имъ элементовъ.

Но чѣмъ бо̀льшими правами и выгодами пользовался аѳинскій демосъ, тѣмъ ревнивѣе сохранялъ онъ ихъ за собою, стараясь не расширять, а скорѣе съузить кругъ лицъ, пользующихся правомъ гражданства. Этимъ, а также желаніемъ очистить составъ аѳинскихъ гражданъ отъ смѣшанныхъ элементовъ, въ него проникавшихъ, объясняется Перикловъ законъ (451/0 г.), по которому право гражданства принадлежало лишь тѣмъ, кто происходилъ отъ аѳинянина и аѳинянки, и который по своей тенденціи такъ былъ противоположенъ политикѣ другого, болѣе ранняго вождя демоса—Клисѳена [1]). А когда въ 445/4 г. ливійскій царь Псамметихъ прислалъ въ даръ аѳинскому народу 30 или 40 тыс. медимновъ хлѣба и когда хлѣбъ этотъ пришлось дѣлить между гражданами, то получили его 14240 [2]); многіе же [3]) были устранены путемъ ревизіи списковъ гражданъ (діапсефизма) или, что̀ вѣроятнѣе, путемъ процессовъ по обвиненію въ „чужеземномъ происхожденіи“, незаконномъ присвоеніи званія и правъ гражданина.

Соціальное значеніе имѣло и то развитіе строительной и художественной дѣятельности, которое составляетъ такую характерную черту „Периклова вѣка“.

Мы видѣли, что во время борьбы съ Ѳукидидомъ Алопекскимъ Периклъ развивалъ ту мысль, что „такъ какъ городъ

---

[1]) О значеніи этого Периклова закона—далѣе.

[2]) Это, конечно, не есть общая цифра всѣхъ аѳинскихъ гражданъ того времени: хлѣбъ получили преимущественно ѳеты; люди состоятельные, а также отсутствовавшіе или живущіе далеко отъ Аѳинъ не явились за полученіемъ его.

[3]) По Филохору—4760, цифра, на которую нельзя полагаться: она преувеличена и выведена, очевидно, путемъ вычитанія 14240 изъ круглой цифры 19000.

снабженъ всѣмъ необходимымъ для войны, то излишекъ слѣдуетъ употреблять на такое дѣло, которое Аѳинамъ доставитъ безсмертную славу, распространитъ благосостояніе въ средѣ населенія, вызоветъ разнообразную дѣятельность и различныя потребности, оживитъ всякія искусства и ремесла, займетъ всѣ руки, такъ-что почти весь городъ будетъ на жалованьѣ, самъ себя украшая и вмѣстѣ съ тѣмъ питая". Взрослымъ и сильнымъ содержаніе изъ государственныхъ средствъ доставляла военная служба, но массу не служащихъ въ войскѣ и ремесленниковъ Периклъ тоже не желалъ оставить безъ части въ государственныхъ доходахъ или безъ работы. Поэтому онъ, говоритъ Плутархъ, внесъ въ народное собраніе планы великихъ построекъ и проекты высокохудожественныхъ произведеній, требовавшихъ много времени для осуществленія, чтобы тѣ, которые остаются дома, имѣли основаніе получать и свою долю изъ государственныхъ средствъ, какъ и тѣ, кто служитъ во флотѣ, въ гарнизонѣ и участвуетъ въ походахъ. И Плутархъ, передавая это, перечисляетъ самыя разнообразныя профессіи лицъ, получавшихъ заработокъ благодаря развитой строительной и художественной дѣятельности. Матеріаломъ служилъ камень, мѣдь, слоновая кость, эбеновое дерево, кипарисъ, а надъ обработкой его заняты были плотники, лѣпщики, литейщеки, каменотесы, красильщики, золотыхъ и слоновыхъ дѣлъ мастера, живописцы, вышиватели тканей, рѣзчики; далѣе—всѣ кто доставлялъ матеріалъ: на морѣ—купцы, матросы, кормчіе, а на сушѣ—телѣжники, извозчики, кучера, канатные мастера, ткачи, кожевники, дорожные рабочіе, рудокопы; а каждое мастерство, какъ главнокомандующій свое особое войско, имѣло свой отрядъ поденщиковъ и чернорабочихъ, какъ органъ и орудіе исполненія, и такимъ образомъ между всѣми возрастами и профессіями распредѣлялись занятія и распространялось благосостояніе (гл. 12). Вмѣстѣ съ денежнымъ вознагражденіемъ, ѳеорикономъ и клерухіями, это была своеобразная система государственнаго соціализма [1]).

---

[1]) В. Ф. Левитскій, Исторія политич. экономіи въ связи съ теоріей хозяйствен. быта. I вып. Харьковъ. 1907, стр. 19.

Строительная дѣятельность Перикла имѣла въ виду укрѣпленіе Аѳинъ и ихъ украшеніе.

Еще во время борьбы за гегемонію на сушѣ, какъ мы видѣли, возведены были „Длинныя стѣны“: одна—отъ Аѳинъ къ Пирею, другая — къ Фалерской гавани. Но между Фалеромъ и Пиреемъ еще оставалось пустое, незащищенное пространство. И вотъ, по предложенію Перикла рѣшено было построить еще третью стѣну, но не вдоль морского берега между Пиреемъ и Фалеромъ, а между уже существующими стѣнами, параллелльно сѣверной и недалеко отъ нея, по направленію отъ Аѳинъ къ Мунихіи. Къ началу Пелопоннесской войны средняя стѣна была окончена. Аѳины были теперь неприступны.

Съ возведеніемъ средней стѣны Фалерская стѣна была заброшена, а Фалерская гавань обречена на запустѣніе. Зато значеніе Пирея еще болѣе поднялось. При Периклѣ Пирей былъ заново перестроенъ, по плану Гипподама [1]). Находившіеся въ Пиреѣ арсеналы, верфи, доки приведены были въ самый исправный видъ и число ихъ увеличено. Усиленіе оборонительныхъ средствъ Аѳинъ шло рука объ руку съ покровительствомъ и соблюденіемъ ихъ торговыхъ интересовъ. Военная гавань отдѣлена отъ торговой: военные корабли не должны были мѣшать купеческимъ судамъ. На берегу торговой гавани тянулись 5 хлѣбныхъ магазиновъ, изъ которыхъ самый большой построенъ былъ Перикломъ. Имъ же построена была и дейгма, своего рода биржа, гдѣ выставлены были образцы товаровъ.

При Периклѣ же Аѳины украсились великими произведеніями Фидія и такими зданіями, какъ Парѳенонъ, Пропилеи и т. под. Это были памятники, по выраженію Плутарха, „величественные по своей громадности, неподражаемые по своей красотѣ и изяществу“, которыхъ и „время не коснулось, какъ будто кто вдохнулъ въ нихъ вѣчную, цвѣтущую жизнь и не старѣющую душу“. Периклъ вполнѣ достигъ поставленной имъ великой цѣли, которую онъ имѣлъ въ виду здѣсь на-ряду съ

[1]) Нѣкоторые эту перестройку относятъ еще ко времени Ѳемистокла, напр. Foucart, Constructions de Thémistocle au Pirée et au Salamine (Journ. des Savants, 1907, avr.).

заработкомъ для массы и распространеніемъ благосостоянія между „всякимъ возрастомъ и профессіями“: Аѳины, властвовавшія на морѣ и украшенныя великими памятниками искусства, дѣйствительно, были „школой“ и столицей Эллады [1]).

Правда, въ Аѳинахъ улицы, за исключеніемъ немногихъ, главныхъ, были узки и кривы, съ закоулками, пыльны и немощены [2]); частные дома—невзрачны, малы, большею частью въ одинъ этажъ, причемъ двери выходили не на улицу, а въ небольшой дворъ; внутри они были плохо убраны: аѳиняне проводили время большею частью внѣ дома, на площади, подъ портикомъ, въ гимназіяхъ, палестрахъ; многіе еще и теперь предпочитали жить за городомъ, а въ Аѳины являлись лишь на время. Но все-же въ тогдашней Греціи Аѳины были первымъ и самымъ многолюднымъ городомъ; съ ними въ этомъ отношеніи могли соперничать только Сиракузы. Въ „Перикловъ вѣкъ“ въ Аѳинахъ было болѣе 100000 жителей,—цифра для того времени громадная: такіе богатые и торговые города, какъ Коринѳъ или Эгина, имѣли всего до 60000 населенія. Даже уроженецъ враждебной Аѳинамъ Беотіи, Пиндаръ посвятилъ имъ диѳирамбъ, за который ѳиванцы будто-бы его наказали: „Блестящія, увѣнчанныя фіалками, воспѣтыя, славныя Аѳины, опора Эллады, божественный городъ“. Ихъ называли „пританіей мудрости и очагомъ Греціи“. А у комика Лисиппа говорится: „Если ты не видѣлъ Аѳинъ, то ты пень; если же видѣлъ и не былъ восхищенъ, то — оселъ, а если понравившіяся покидаешь, то ты—мулъ“.

Аѳины вмѣстѣ съ Пиреемъ были главою союза, столицей могущественной державы, умственнымъ, художественнымъ, торговымъ и промышленнымъ центромъ греческаго міра. Сюда сходилось и здѣсь жило немало уроженцевъ союзныхъ городовъ и другихъ подчасъ далекихъ краевъ, торговцевъ, ремесленниковъ, рабочихъ, моряковъ. Сюда стекались толпы людей, надѣявшихся именно въ Аѳинахъ и въ Пиреѣ, среди ки-

[1]) Слѣдуетъ однако замѣтить, что и здѣсь Периклъ былъ лишь продолжателемъ своихъ предшественниковъ; многое въ этомъ направленіи сдѣлано было еще при Кимонѣ.

[2]) Busolt, Athen zur Zeit seiner höchsten Blüthe (Deutsche Rundschau, 1898, Aug.).

пѣвшей тамъ дѣятельности, найти скорый и лучшій заработокъ. Тутъ можно было встрѣтить представителей разнообразныхъ профессій и разныхъ племеннымъ элементовъ; особенно пестрая толпа наполняла Пирей. Были въ Аѳинахъ и представители тогдашней философіи, умственной и художественной дѣятельности, являвшіеся сюда изъ другихъ городовъ. На площадяхъ и улицахъ уже появляется, привлекая къ себѣ общее вниманіе, новая фигура—странствующаго софиста въ роскошной, пурпуровой одеждѣ, предшествуемаго громкою молвою, сопровождаемаго толпою послѣдователей, слушателей или просто любопытныхъ зрителей. Въ Аѳины, къ торжественнымъ празднествамъ, являлись многочисленныя депутаціи союзниковъ, весною, къ Діонисіямъ, — съ форосомъ, лѣтомъ, къ Панаѳинеямъ,—съ жертвенными животными, осенью—съ дарами Элевсинскимъ богинямъ, съ „начатками отъ плодовъ земныхъ“.

Нигдѣ въ Греціи не было столько празднествъ, торжественныхъ процессій, жертвоприношеній и зрѣлищъ, какъ въ Аѳинахъ. Здѣсь насчитывалось въ годъ до 60 праздниковъ, вдвое больше, чѣмъ въ какомъ-либо иномъ греческомъ городѣ. Нигдѣ зрѣлища не обставлялись такъ, какъ въ Аѳинахъ. Въ однихъ государственныхъ празднествахъ выступало ежегодно болѣе 1000 и даже до 2000 мужчинъ и мальчиковъ въ качествѣ пѣвцовъ и танцоровъ. Но особенно выдавались театральныя зрѣлища. То было время, когда Эсхилъ, творецъ „Персовъ“, „Прометея“ и „Евменидъ“, закончилъ свою дѣятельность, когда талантъ Софокла, автора „Антигоны“, „Электры“ и „Эдипа“, былъ во всемъ блескѣ и когда выступилъ уже съ своими первыми произведеніями Еврипидъ, этотъ „сценическій философъ“, отзывавшійся на самые животрепещущіе для тогдашняго образованнаго общества вопросы и темы. А комедія, носившая преимущественно характеръ политическій, въ лицѣ Кратина, Телеклида, Гермиппа, Евполида, предшественниковъ и старшихъ современниковъ Аристофана, заняла уже видное мѣсто среди литературныхъ произведеній... До 30000 зрителей присутствовало иногда при театральныхъ представленіяхъ въ Аѳинахъ. На всѣ эти празднества и зрѣлища расходовались громадныя средства. Даже впослѣдствіи, уже во время Пелопоннесской войны, когда спартанцы были въ Де-

келеѣ и держали Аѳины какъ-бы въ блокадѣ, на устройство Великихъ Панаѳиней ассигновывалось 6 талантовъ, т.-е. около 145000 руб. на наши деньги. Не однѣ Аѳины, даже небольшія мѣстечки и села тратили крупныя суммы на свои празднества. Одно изъ такихъ селеній, съ какою-нибудь сотнею гражданъ, расходовало на игры 2000—3000 драхмъ ежегодно [1]).

Эти многочисленныя празднества, торжества и жертвоприношенія, театральныя представленія, состязанія и игры, ихъ разнообразіе и богатая постановка, бани, гимназіи и палестры, колоссальные расходы на нихъ, не только служили демагогическимъ пріемомъ со стороны вождей аѳинскаго демоса: все это являлось вмѣстѣ съ тѣмъ естественнымъ результатомъ общаго процвѣтанія Аѳинъ, ихъ внѣшняго могущества, ихъ положенія, какъ главы обширнаго союза и, можно сказать, столицы всей Греціи.

Для системы денежнаго вознагражденія, содержанія многочисленнаго флота, поддержанія внѣшняго могущества и этого блеска, для созданія великихъ памятниковъ искусства и широкаго развитія строительной дѣятельности, для всего этого нужны были большія финансовыя средства. Одна статуя Аѳины Дѣвственницы (Парѳеносъ) стоила, напр., до 700—800 тал., Пропилеи — 2012 тал. Высчитано [2]), что въ десятилѣтіе съ 447 по 438 г. на постройки издержано 3000 тал., т.-е. по 300 тал. въ годъ, а съ 437 г. до начала Пелопоннесской войны (431 г.) — 4000, что̀ составляетъ по 650 тал. ежегодно. Впервые въ Аѳинахъ мы видимъ болѣе или менѣе сложную финансовую организацію. Периклъ какъ нельзя лучше понималъ, какимъ могущественнымъ факторомъ въ государственной жизни могутъ явиться денежныя средства, и онъ старался увеличить финансовыя силы Аѳинъ.

По болѣе чѣмъ умѣренному разсчету ежегодный доходъ Аѳинскаго государства составлялъ не менѣе 1000 талантовъ [3]).

---

[1]) Белохъ, Исторія Греціи. М. 1897, I, 339.

[2]) Busolt, III², 493—4.

[3]) О финансахъ и государственномъ хозяйствѣ Аѳинъ — монографія Böckh'a, Die Staatshaushaltung der Athener (2-е изд. 1851; 3-е, въ обработкѣ Макса Френкеля, 1886), до сихъ поръ не утратившая еще значенія, и ст. Эд. Мейера въ Handwörterbuch d. Staatswissenschaften, пере-

Прямой налогъ съ имущества, называвшійся *эйсфора*, въ Аѳинскомъ государствѣ взимался лишь въ случаѣ крайней необходимости [1]): этотъ налогъ, по античнымъ воззрѣніямъ, мало совмѣстимъ былъ съ понятіемъ свободнаго гражданина. Государственное хозяйство основывалось главнымъ образомъ на налогахъ косвенныхъ. Кромѣ фороса съ союзниковъ, который Ѳукидидъ передъ Пелопоннесскою войною опредѣляетъ въ 600 тал. въ годъ, но который, судя по надписямъ, въ дѣйствительности равнялся 400 съ лишнимъ тал. [2]), доходы Аѳинскаго государства состояли изъ аренды съ рудниковъ, съ государственныхъ имѣній и домовъ, изъ разнаго рода пошлинъ — портовыхъ (въ Пиреѣ, напр., съ ввозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ взималось 1—2%), рыночныхъ, при сдѣлкахъ и продажахъ, судебныхъ пошлинъ и штрафовъ, изъ налога на рабовъ, съ метэковъ, съ нѣкоторыхъ профессій, изъ суммъ, выручаемыхъ при продажѣ конфискованныхъ имѣній и т. п. Широко распространены были общественныя повинности, или *литургіи*, возлагавшіяся на богатыхъ гражданъ, у которыхъ было состояніе не менѣе 3 талантовъ. Главными изъ нихъ были *тріэрархія*, т.-е. снаряженіе корабля, построеннаго государствомъ, и содержаніе его въ боевой готовности, что во время Пелопоннесской войны обходилось въ 50 минъ, и *хорегія*, — обученіе, постановка и содержаніе хора, который надо было снабжать всѣмъ необходимымъ, платить ему жалованье и кормить. Это стоило отъ нѣсколькихъ сотъ до нѣсколькихъ тысячъ драхмъ. Другія литургіи состояли въ томъ, что приходилось содержать участвующихъ въ гимнастическихъ состязаніяхъ и въ бѣгѣ съ факелами (*гимнасіархія*), угощать филетовъ, т.-е.

веденная въ „Очеркахъ изъ экономич. и соціальной исторіи древн міра и средн. вѣковъ“, подъ ред. В. Э. Дена. Спб. 1899.

[1]) Слова Ѳукидида (III, 19), будто эйсфора впервые введена была во время Пелопоннесской войны, въ 428 г., возбуждаютъ сомнѣніе; здѣсь есть неточность (можетъ быть, слѣдуетъ понимать „впервые за время войны“), такъ какъ эйсфора извѣстна была уже раньше.

[2]) Busolt, der phoros d. athen. Bündner (Philologus XLI). Ѳукидидъ, повидимому, подразумѣвалъ тутъ и другіе доходы, напр. контрибуцію съ Самоса, которая послѣ возстанія и покоренія этого острова уплачивалась по частямъ, въ нѣсколько сроковъ, и нѣкоторые косвенные налоги и пошлины, взимаемыя съ союзныхъ городовъ.

товарищей по филѣ, въ нѣкоторые праздники, и проч. Эти литургіи, особенно тріэрархія и хорегія, бывали часто разорительны. Одинъ, напр., аѳинскій гражданинъ въ концѣ V в. въ теченіе 9 лѣтъ израсходовалъ для государства на подобнаго рода повинности болѣе 10 тал. (ок. 240000 руб.).

При Периклѣ аѳинскіе финансы достигаютъ самаго блестящаго состоянія; именно при немъ аѳинская казна была такъ богата запасными средствами, какъ никогда еще: въ половинѣ 30-хъ годовъ V в. въ ней хранилось 9700 талантовъ, и еще въ самомъ началѣ Пелопоннесской войны, несмотря на громадные расходы, на постройку Пропилеевъ и осаду Потидеи, въ ней оставалось 6000 талантовъ, не считая священныхъ предметовъ, утвари, даровъ и т. п., хранившихся въ храмахъ, чѣмъ, въ случаѣ крайности, государство могло воспользоваться. Интересенъ самый принципъ, основной характеръ финансоваго управленія въ Аѳинахъ второй половины V в. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно характерны два постановленія народнаго собранія, сохранившіяся въ надписяхъ [1]).

Однимъ изъ нихъ самымъ точнымъ образомъ опредѣляется порядокъ уплаты долга „другимъ“ (т.-е. кромѣ богини Аѳины) „богамъ“ и полагается начало центральной казнѣ этихъ „другихъ боговъ“. Каллій, гласитъ надпись [2]), предложилъ „возвратить должныя богамъ деньги, послѣ того какъ Аѳинѣ въ акрополь внесено 3000 талантовъ аттическою монетою, согласно постановленію“. Долгъ богамъ надлежитъ уплатить изъ суммъ, находящихся на рукахъ у эллинотаміевъ, и изъ отданной на откупъ „десятины“. Онъ долженъ быть вычисленъ „въ

[1]) Нѣкоторые (напр. Бекъ въ названной раньше монографіи, Белохъ въ ст. въ Rhein. Mus., 1888), основываясь на начертаніи буквъ надписей и другихъ соображеніяхъ, относятъ эти постановленія къ промежутку отъ Никіева мира и до Сицилійской экспедиціи, именно къ 419/8—418/7 г; другіе (Kirchhoff, Bemerkungen zu den Urkunden d. Schatzmeister... и Zur Geschichte d. athenisch. Staatschatzes.., въ Abhandl. d. Berl. Akad. d. Wissensch. за 1864 и 1876 г.; Ed. Meyer во II т. своихъ Forschungen zur alten Geschichte) относятъ ихъ къ серединѣ 30-хъ годовъ, къ 435/4—434/3 г. По своему содержанію и характеру постановленія принадлежатъ Периклову времени.

[2]) C. I. A. (=I. G.), I, n° 32; Dittenberger, Sylloge, I², n° 21; Michel, Recueil, n° 75.

точности“ логистами, созывать которыхъ уполномочивается совѣтъ. Произвести уплату денегъ должны пританы вмѣстѣ съ совѣтомъ и, по уплатѣ, вычеркнуть долгъ, разсмотрѣвъ документы и разныя дѣловыя записи, которые должны быть представлены и жрецами, и завѣдующими жертвоприношеніями, и вообще каждымъ, кому что-либо извѣстно на этотъ счетъ. Казначеи для завѣдыванія этими деньгами должны избираться жребіемъ тогда же, когда и другія должностныя лица, и такъ же, какъ и казначеи богини Аѳины (т.-е. только изъ класса пентакосіомедимновъ, въ такомъ же числѣ и на такой же срокъ). Они должны завѣдывать въ акрополѣ, въ такъ называемомъ описѳодомѣ, деньгами „другихъ боговъ“, какъ только можно добросовѣстно, и отпирать и запирать двери описѳодома и прикладывать печати вмѣстѣ съ казначеями Аѳины. Отъ завѣдывавшихъ до сихъ поръ казначеевъ, эпистатовъ и жрецовъ при отдѣльныхъ храмахъ эти новые избранные по жребію казначеи должны принять сокровища, взвѣсивъ и сосчитавъ ихъ въ присутствіи совѣта въ акрополѣ, и записать, что̀ принадлежитъ каждому изъ боговъ въ частности, и общій итогъ, серебро и золото отдѣльно. И на будущее время казначеи должны записывать, сколько поступило и сколько израсходовано въ теченіе года, а столбы съ такими надписями выставлять въ акрополѣ. Отчетъ они должны давать отъ однѣхъ Панаѳиней до другихъ, подобно завѣдующимъ казною Аѳины. Излишекъ за покрытіемъ долга богамъ долженъ быть употребленъ на верфи и стѣны. Тутъ обрывается эта надпись.

Другое постановленіе, начертанное на оборотной сторонѣ того же камня и состоявшееся, вѣроятно, вскорѣ послѣ перваго, касается казны богини Аѳины [1]). Изъ начальныхъ строкъ надписи, сильно попорченыхъ, можно заключить, что извѣстная сумма изъ этой казны опредѣлялась на золотыя статуи богини Ники (Побѣды), на обстановку религіозныхъ процессій и на какую-то большую постройку (вѣроятно, на Пропилеи); остальныя же деньги богини Аѳины, какъ находящіяся уже въ акрополѣ, такъ и имѣющія поступить туда, не могли быть упо-

[1]) Э. Мейеръ считаетъ его не отдѣльнымъ постановленіемъ, а продолженіемъ перваго—псефизмы Каллія.

треблены и израсходованы на что-либо другое, да и на упомянутый въ началѣ расходъ, если понадобится, могло быть еще выдано не болѣе 10000 драхмъ. Дѣлать предложенія о расходованіи денегъ богини Аѳины — не на потребности культа — можно было не иначе, какъ выхлопотавъ предварительно у народнаго собранія особое разрѣшеніе, *адею*. За несоблюденіе этого грозило строгое наказаніе. Что же касается фороса, читаемъ далѣе, то эллинотаміи должны складывать поступающія въ теченіе года суммы у казначеевъ богини Аѳины. Послѣ того какъ изъ тѣхъ 200 талантовъ, которые назначены народомъ въ уплату „другимъ богамъ“, долгъ послѣднимъ будетъ отданъ, сокровища богини Аѳины должны храниться по правую сторону описѳодома, сокровища же „другихъ боговъ“ — по лѣвую. Что изъ священныхъ предметовъ еще не сосчитано и не взвѣшено, должно быть теперь сосчитано находящимися въ должности казначеями, при участіи всѣхъ ихъ предшественниковъ.

Изъ этихъ постановленій мы видимъ, какъ излишекъ доходовъ не тратится легкомысленно, а идетъ на покрытіе долга священной казнѣ или на устройство верфей и укрѣпленій. Мы видимъ тутъ опредѣленный порядокъ, строгую отчетность и гласность. До насъ дошли подробные инвентари предметовъ, принадлежавшихъ Аѳинѣ и „другимъ богамъ“, дошли и долговыя записи, въ которыхъ въ точности „до послѣдней драхмы и обола“ обозначалась сумма, должная государствомъ священной казнѣ. Дѣло въ томъ, что государство, употребляя на свои нужды средства этой казны, признавало право собственности за Аѳиной и „другими богами“. Оно возвращало долгъ, когда представлялась возможность, или, по крайней мѣрѣ, обязывалось возвратить его съ уплатой извѣстнаго, хотя и небольшого процента ($1\frac{1}{5}\%$). Для государства священная казна являлась такимъ образомъ запаснымъ фондомъ. Сложныя формальности, въ родѣ, напр., предварительнаго испрашиванія особаго разрѣшенія—„безопасности“ сдѣлать предложеніе, *адеи*, для дарованія которой требовалось присутствіе въ народномъ собраніи не менѣе 6000 человѣкъ,—прежде чѣмъ выступить съ предложеніемъ о займѣ изъ священной казны, должны были дѣй-

ствовать сдерживающимъ образомъ и предупреждать слишкомъ частыя, поспѣшныя и необдуманныя траты.

Независимо отъ священной казны богини Аѳины существовала, повидимому, и государственная казна, по отношенію къ которой право полной собственности принадлежало самому государству. Она являлась депозитомъ и находилась, такъ сказать, подъ охраной самой богини, которой удѣлялись „начатки“ фороса съ союзниковъ въ размѣрѣ $^1/_{60}$. Но аѳиняне въ случаѣ нужды предпочитали брать заимообразно изъ священной казны, какъ запаснаго фонда, на извѣстныхъ условіяхъ, съ соблюденіемъ сложныхъ формальностей, съ уплатой процентовъ и съ обязательствомъ возвратить долгъ, и избѣгали истощать въ конецъ собственно государственныя средства. Словомъ, здѣсь, въ дѣлѣ финансовъ, мы видимъ тотъ же духъ *самоограниченія*, то же стремленіе предупреждать поспѣшныя, легкомысленныя и произвольныя рѣшенія случайнаго большинства народнаго собранія, какими запечатлѣнъ былъ и порядокъ законодательства. Есть даже основаніе думать, что бюджетъ расходовъ въ Аѳинахъ устанавливался законодательнымъ порядкомъ: въ предѣлахъ установленной суммы можно было расходовать по постановленію народнаго собранія, а добавочные расходы нуждались въ дополнительномъ законѣ.

Рядомъ съ внѣшнимъ могуществомъ и блестящимъ положеніемъ государственныхъ финансовъ, торговля и матеріальное благосостояніе самихъ аѳинскихъ гражданъ достигли тоже своего высшаго развитія. Владычествуя на морѣ, аѳиняне властвовали и надъ торговлею. „Ибо“, говоритъ одинъ древній авторъ, „если какой городъ богатъ корабельнымъ лѣсомъ, куда онъ его сбудетъ, если не уладитъ съ властителемъ моря? а если какой-нибудь городъ богатъ желѣзомъ, или мѣдью, или холстомъ, куда онъ ихъ сбудетъ, если не уладитъ съ повелителемъ моря? Именно изъ этого матеріала у меня корабли: отъ одного лѣсъ, отъ другого желѣзо, отъ третьяго мѣдь, отъ четвертаго ленъ, отъ пятаго воскъ... И я, не обработывая земли, все это имѣю посредствомъ моря“ [1])... Аѳины господствовали на денежномъ рынкѣ, а ихъ монета вслѣдствіе своей

[1]) Псевдо-Ксенофонтовъ трактатъ объ Аѳинской Политіи, II, 11.

доброкачественности повсюду охотно принималась. Ихъ торговыя связи обнимали и востокъ, и западъ. Аѳины Периклова вѣка являлись посредникомъ между восточными и западными берегами Средиземнаго моря, торговымъ центромъ, главнымъ складочнымъ мѣстомъ греческаго міра, богатѣйшимъ и многолюднѣйшимъ городомъ, а Пирей—самою оживленною гаванью, эмпоріумомъ Греціи, куда сходились корабли съ разныхъ концовъ и гдѣ, по словамъ Исократа, можно было достать все. Въ Аѳины свозились самые разнообразные продукты, нерѣдко изъ самыхъ отдаленныхъ краевъ. „Вслѣдствіе величины города", говоритъ Периклъ у Ѳукидида (II, 38), „сюда сходится все со всей земли, и мы можемъ наслаждаться благами остальныхъ странъ съ такою же легкостью, какъ и благами своей земли". „Что только есть хорошаго въ Сициліи, или Италіи, или на Кипрѣ, или въ Египтѣ, или Лидіи, или въ Понтѣ, или въ Пелопоннесѣ, или гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ", замѣчаетъ другой авторъ [1]), „все это собирается въ одинъ пунктъ—въ Аѳины, благодаря ихъ владычеству на морѣ".

Еще въ началѣ IV в. сумма годового ввоза и вывоза, судя по пошлинѣ, взимавшейся въ Пиреѣ, превышала 2000 тал., а торговые обороты всѣхъ портовъ Аѳинскаго союза даже во время Пелопоннесской войны простирались до 30—40 тысячъ тал. [2]). Въ мирное время, въ пору расцвѣта, обороты, разумѣется, были больше. „Аѳиняне отличаются склонностью къ новизнѣ, быстры въ замыслахъ и исполненіи", такую характеристику ихъ влагаетъ Ѳукидидъ въ уста коринѳянъ (I, 70); „они смѣлы, склонны къ риску и среди опасностей полны надеждъ". Эти качества, предпріимчивость и кипучую дѣятельность проявляли аѳиняне и въ торговлѣ. „Они подвижны и непосѣдливы", говорятъ тѣ же коринѳяне объ аѳинянахъ у Ѳукидида, „ибо и отсутствіемъ думаютъ что-либо пріобрѣсти".

Деньги, капиталъ становятся еще болѣе могучимъ факторомъ экономической жизни, нежели прежде [3]). Обыкновенный

---

[1]) Псевдо-Ксенофонтовой „Аѳинск. Политіи", II. 7.
[2]) Белохъ, Ист. Греціи, I, 316.
[3]) E. Meyer, Gesch. d. Alterthums, III, 545 сл.

процентъ въ то время равнялся 12, а въ случаяхъ, сопряженныхъ съ рискомъ,—20—30 и болѣе. Знатные аѳиняне стали все чаще и чаще вкладывать свои средства въ разнаго рода предпріятія. Самымъ богатымъ аѳинянином во времена Перикла считался Каллій, обладавшій состояніемъ въ 200 тал., около полумилліона руб. на наши деньги; состояніе Никія оцѣнивалось въ 100 тал. Для той поры это были большія средства; состояніе въ 8—10 тал. считалось значительнымъ. Для ежедневнаго содержанія одного человѣка достаточно было 1 обола. Геліастъ у Аристофана—слѣдовательно въ эпоху Пелопоннесской войны — говоритъ, что на свое жалованье въ 3 обола онъ долженъ содержать семью „самъ-третей, имѣть хлѣбъ, и дрова, и приправу". Во времена Сократа содержаніе семейства изъ четырехъ лицъ обходилось около 400 драхмъ въ годъ. Самъ Сократъ, какъ извѣстно, считавшійся человѣкомъ небогатымъ, у Ксенофонта [1]) оцѣниваетъ свое имущество, включая домъ, въ 5 минъ, т.-е. около 200 рублей на наши деньги.

Земельная собственность была значительно раздроблена. Участокъ стоимостью въ 1 талантъ въ эпоху Пелопоннесской войны казался большимъ; владѣнія, даже старинныхъ знатныхъ фамилій, рѣдко превышали 300 плеѳровъ (приблизительно 25 десятинъ); зато часто упоминаются участки цѣною всего въ нѣсколько сотъ драхмъ [2]). Земледѣліе въ не отличавшейся плодородіемъ Аттикѣ все болѣе и болѣе уступало мѣсто другимъ отраслямъ. Мѣстнаго хлѣба не хватало, да онъ и не могъ конкуррировать съ дешевымъ привознымъ хлѣбомъ. Площадь земледѣлія уменьшалась. Развивалась культура оливковъ,—давно уже являвшихся главною статьею вывоза,—винограда и овощей. На тогдашнихъ амфорахъ нерѣдко встрѣчается изображеніе сбора оливковъ, напр., съ надписью, передъ сборомъ: „Отецъ Зевсъ, дай мнѣ разбогатѣть!" и послѣ сбора: „Уже, уже переполнилось!" при чемъ изображенъ юноша, указывающій на полный сосудъ и по пальцамъ счи-

[1]) Въ діалогѣ о домашнемъ хозяйствѣ, II, 3.
[2]) Белохъ, I, 333.

тающій доходъ [1]). Болѣе крупные землевладѣльцы обрабатывали землю больше для собственныхъ потребностей. Остальное населеніе нуждалось въ привозномъ хлѣбѣ. На мѣстѣ, въ Аттикѣ, производилось всего 400000 медимновъ, а привозилось (въ IV в.) вдвое больше — 800000 медимновъ. Государство тщательно слѣдило за хлѣбною торговлею и регулировало ее. Вопросъ о снабженіи хлѣбомъ и хлѣбныхъ запасахъ составлялъ одинъ изъ обычныхъ предметовъ обсужденія въ народномъ собраніи. Суда съ хлѣбомъ должны были направляться въ Пирей; одна треть ввоза могла быть потомъ отправлена дальше, а двѣ трети доставлялись въ Аѳины. Государство вело борьбу съ хлѣбными торговцами и скупщиками; подъ страхомъ смертной казни запрещалось одному лицу пріобрѣтать сверхъ положеннаго количества хлѣба. На хлѣбъ существовала такса. Были особыя должностныя лица, на обязанности которыхъ лежало наблюденіе за цѣнами, за хлѣбною торговлею и рынкомъ.

Какъ уже сказано, Аттика существовала главнымъ образомъ привознымъ хлѣбомъ, и этотъ хлѣбъ, особенно пшеница, получался преимущественно изъ Припонтійскихъ странъ, съ которыми давно уже были тѣсныя торговыя связи. Кромѣ хлѣба, оттуда шли въ Аѳины соленая рыба, лепъ, пенька, смола, строевой лѣсъ, шкуры, воскъ, медъ, даже рабы, а изъ Аѳинъ отправлялись туда въ свою очередь глиняная посуда, масло, предметы роскоши, разныя бездѣлушки. Аѳинскіе союзники тоже находились въ торговыхъ сношеніяхъ съ берегами Понта. Понятно, какъ важно было для аѳинянъ обладаніе проливами Геллеспонтомъ и Ѳракійскимъ Босфоромъ; понятны и мотивы той экспедиціи въ Понтъ, которую предпринялъ Периклъ (вѣроятно, въ 30-хъ годахъ V в.) во главѣ большого и блестящаго флота: она должна была еще болѣе упрочить торговыя связи съ Припонтійскими странами, поддержать тамошнихъ грековъ, поднять значеніе и авторитетъ Аѳинъ, показавъ во-очію во всемъ блескѣ ихъ силу и могущество на морѣ. Припонтійскіе города введены были теперь въ сферу

[1]) Баумгартенъ, Вагнеръ и Поландъ, Эллинск. культура. Спб. 1907, стр. 267 (пер. съ нѣм.).

аѳинскаго вліянія. Но во времена Перикла фороса съ нихъ не взималось: попытка обложить ихъ данью принадлежитъ уже его преемникамъ [1]).

Вообще во внѣшней политикѣ программа Перикла состояла въ упроченіи и охраненіи существующаго и въ подготовленіи средствъ къ будущей борьбѣ со Спартой, — борьбѣ, которую Периклъ предвидѣлъ. Это была политика сосредоточенія силъ. Периклъ былъ врагъ рискованныхъ предпріятій, и въ то время, какъ демосъ хотѣлъ снова вмѣшаться въ дѣла Египта и вступить въ рѣшительную борьбу съ Персіей, въ то время, какъ многими овладѣла уже, по выраженію Плутарха, „несчастная и роковая страсть къ Сициліи", а нѣкоторые грезили даже объ Этруріи и Карѳагенѣ, онъ всячески старался удерживать аѳинянъ отъ подобныхъ стремленій и отъ политики приключеній. Периклъ выступилъ даже съ планомъ національнаго обще-эллинскаго конгресса изъ представителей греческихъ городовъ какъ европейскихъ, такъ и азіатскихъ, какъ большихъ, такъ и малыхъ, для совѣщанія по вопросамъ, касающимся культа, и „о соблюденіи мира и безопасномъ для всѣхъ плаваніи по морю" [2]). Отправлены были послы въ разныя части греческаго міра съ приглашеніемъ на конгрессъ. Но планъ Перикла прежде всего разбился о противодѣйствіе спартанцевъ, и уполномоченные греческихъ городовъ не собрались въ Аѳинахъ...

---

[1]) Въ связь съ Понтійскою экспедиціею Перикла ставятъ еще одну мѣру. Изъ привилегіи, данной городу Меѳонѣ въ 426 г., по которой меѳонцамъ дозволялось вывозить изъ Византіи ежегодно извѣстное количество хлѣба, причемъ „геллеспонтофилаки" не должны были препятствовать провозу хлѣба подъ угрозой штрафа въ 10000 драхмъ съ каждаго, мы узнаемъ, что за вывозомъ хлѣба изъ Византіи (какъ складочнаго мѣста) установлено было наблюденіе, что существовала должность „стражей Геллеспонта", „геллеспонтофилаковъ", на обязанности которыхъ лежало наблюдать за судами, проходившими съ грузомъ черезъ проливы, и что взималась пошлина, такъ называемая „десятина", съ торговыхъ судовъ, плывущихъ изъ Понта и въ Понтъ. Полагаютъ, что мѣры эти введены были при Периклѣ вслѣдъ за Понтійскою экспедиціею.

[2]) Плутархъ въ 17 гл. біографіи Перикла.

Основныя черты аѳинской демократіи; свобода и равноправіе; идеалъ и дѣйствительность.

Припомнимъ главныя черты того демократическаго строя, который установился въ Аѳинахъ. Привилегіи правящихъ классовъ мало-по-малу распространились на всю совокупность гражданъ [1]). Мы видимъ въ Аѳинахъ державный демосъ и народное собраніе, которому принадлежатъ верховныя права; совѣтъ пятисотъ, центральный органъ государственнаго управленія, совѣщательный и исполнительный органъ по отношенію къ народному собранію и въ то же время своего рода mikropolis, представляющій въ миніатюрѣ всю Аттику; геліэю, судъ присяжныхъ, раздѣленный на дикастеріи, имѣющій большое политическое значеніе, въ лицѣ коммиссіи номоѳетовъ вліяющій на законодательство, и какъ остатокъ старины — ареопагъ, съ его судомъ по дѣламъ о смертоубійствахъ и съ его функціями, имѣющими отношеніе къ культу. Мы видимъ демы съ выборными демархами во главѣ и съ широкимъ мѣстнымъ самоуправленіемъ. Видимъ должностныхъ лицъ, избираемыхъ на срокъ, большею частью по жребію, подвергающихся докимасіи предъ вступленіемъ въ должность, а послѣ несенія должности—отчету. Архонты утратили уже свое прежнее значеніе; изъ должностныхъ лицъ выдвинулись стратеги. Въ народномъ собраніи главное вліяніе принадлежитъ демагогу; но пока еще демагогъ и стратегъ соединяется обыкновенно въ одномъ лицѣ. Принципъ раздѣленія властей, которому придается такое значеніе въ современныхъ конституціяхъ, уже намѣченъ, но не проведенъ послѣдовательно, систематически.

Едва-ли гдѣ-либо народъ принималъ такое непосредственное участіе въ государственныхъ дѣлахъ и въ управленіи, какъ въ Аѳинахъ. Мы видѣли, какъ велико было тамъ число должностныхъ лицъ и разныхъ собраній; притомъ должности

[1]) Если ѳетамъ по закону не былъ открытъ доступъ къ должностямъ, то на практикѣ законъ обходился, да и народная масса больше стремилась къ такимъ болѣе удобнымъ и выгоднымъ обязанностямъ, какъ обязанности напр. присяжнаго.

были годовыя и одну и ту же должность, за нѣкоторыми исключеніями, нельзя было занимать дважды; такимъ образомъ, очередь доходила почти до всѣхъ гражданъ и рѣдко какой аѳинянинъ не несъ въ теченіе своей жизни той или другой должности, той или другой обязанности. „Въ Аѳинахъ", говоритъ Фюстель де Куланжъ [1]), „насчитывалось очень большое число должностныхъ лицъ... Нельзя было сдѣлать почти ни шагу въ городѣ или въ деревнѣ, чтобы не встрѣтить какого-либо магистрата... Изумляешься всей той работѣ, какой эта демократія требовала отъ людей. Это было очень трудное правленіе. Посмотрите, въ чемъ проходитъ жизнь аѳинянина. Сегодня его зовутъ въ собраніе дема, и онъ долженъ тамъ разсуждать о религіозныхъ и финансовыхъ интересахъ этой маленькой общины. Завтра онъ призванъ въ собраніе филы: надо устроить религіозный праздникъ или разсмотрѣть расходы или сдѣлать постановленіе или назначить главъ и судей. Три раза въ мѣсяцъ [2]) регулярно онъ долженъ присутствовать въ народномъ собраніи. А засѣданіе длинное; онъ туда является не только, чтобы подавать голосъ: придя съ утра, онъ долженъ оставаться до поздняго часа, чтобы выслушивать ораторовъ. Онъ не можетъ подавать голосъ, если не былъ съ начала засѣданія и не выслушалъ всѣхъ рѣчей. Это голосованіе для него дѣло изъ самыхъ серьезныхъ: то рѣчь идетъ о томъ, чтобы выбирать вождей политическихъ и военныхъ, т.-е. тѣхъ, кому будутъ довѣрены на годъ его интересы и его жизнь; то надо установить налогъ или измѣнить законъ; то это война, которую онъ долженъ вотировать, зная, что онъ отдаетъ свою кровь или кровь сына. Интересы личные неразрывно связаны съ интересомъ государства. Человѣкъ не можетъ здѣсь быть индифферентнымъ или легкомысленнымъ: если онъ ошибается, онъ знаетъ, что онъ понесетъ вскорѣ за это наказаніе и что при каждомъ голосованіи онъ отдаетъ подъ закладъ свое состояніе и свою жизнь... Пораженіе отечества было для каждаго гражданина умаленіемъ его личнаго достоинства, его безопасности и богатства.

---

[1]) La cité antique, стр. 388—9, 395 сл. (есть рус. пер.).

[2]) Четыре раза въ пританію См. выше, стр 125.

„Обязанность гражданина не ограничивалась голосованіемъ. Когда наступала его очередь, ему приходилось быть должностнымъ лицомъ въ своемъ демѣ или въ своей филѣ. Въ среднемъ черезъ два года на третій онъ бывалъ геліастомъ, т.-е. судьею, и онъ проводилъ весь этотъ годъ въ судахъ, выслушивая тяжущихся и примѣняя законы. Не было почти гражданина, который не призывался бы дважды въ своей жизни къ участію въ совѣтѣ пятисотъ; тогда, въ теченіе года, онъ засѣдалъ въ немъ каждый день, съ утра до вечера [1]), получая донесенія должностныхъ лицъ, принимая отъ нихъ отчеты, отвѣчая иностраннымъ посламъ, составляя инструкціи посламъ аѳинскимъ, разсматривая всѣ дѣла, которыя подлежали вѣдѣнію народа и подготовляя всѣ постановленія. Наконецъ онъ могъ быть должностнымъ лицомъ государства, архонтомъ, стратегомъ, астиномомъ, если жребій или выборъ на него падалъ. Таковы были требованія демократіи... Люди всю свою жизнь проводили въ самоуправленіи. Демократія не могла быть прочною иначе, какъ при условіи непрестанной работы всѣхъ ея гражданъ. Какъ только ослабѣло рвеніе, она должна была погибнуть или разложиться". Конечно, краски тутъ сгущены [2]); но, съ другой стороны, Фюстель де Куланжъ не упомянулъ еще о военной службѣ, которую несли аѳинскіе граждане на сушѣ и во флотѣ, и о томъ, что они должны были заниматься и дѣлами союзниковъ, имъ подвластныхъ.

Эта демократія, не смотря на всѣ перемѣны и нововведенія, подчасъ обнаруживала чисто консервативный духъ и старалась сохранить обычаи и порядки, потерявшіе уже прежній смыслъ и значеніе, являвшіеся „переживаніями", въ родѣ напр. двустепенности выборовъ должностныхъ лицъ даже и тогда, когда жребій сталъ примѣняться и при предварительномъ избраніи кандидатовъ, въ первой стадіи [3]). Въ лучшую пору аѳинской демократіи мы видимъ дѣйствующимъ принципъ самоограниченія, и надъ самимъ державнымъ демосомъ возвышается законъ. Часто говорятъ, что въ античномъ мірѣ лич-

[1]) Собственно такъ засѣдала лишь часть совѣта, пританы. См. выше стр. 88.

[2]) Н. И. Карѣевъ, Государство-городъ, стр. 280.

[3]) См. выше стр. 100.

ность поглощалась государствомъ. Но положеніе это требуетъ оговорокъ и ограниченій. Въ Аѳинахъ уже были нѣкоторыя гарантіи свободы личности, ея неприкосновенности [1]). Тутъ личность развивалась свободно. Это соотвѣтствовало и послѣдующимъ политическимъ теоріямъ грековъ. По Аристотелю напр. [2]), основной принципъ демократическаго строя есть свобода; это—цѣль всякой демократіи. Состоитъ же свобода въ томъ, чтобы, во первыхъ, поочередно и подчиняться власти, и самому властвовать, а во вторыхъ — жить такъ, какъ кому хочется. У Платона [3]) говорится, что въ демократическомъ государствѣ, полномъ свободы, есть возможность дѣлать. что̀ кто хочетъ, и устраивать въ немъ свою жизнь, какъ каждому нравится.

Преимущественно двѣ черты отмѣчали еще древніе въ аѳинской демократіи, какъ основныя, какъ наиболѣе характерныя и дорогія для аѳинянина. Это — *исономія* и *исегорія*, т.-е. равенство передъ закономъ, равноправіе [4]), и равенство голоса, равное право на свободу рѣчи, на участіе въ политической жизни. Слова эти были для аѳинянъ приблизительно тѣмъ же, чѣмъ для французовъ со временъ революціи liberté и egalité [5]). „Правленіе массы", говоритъ Геродотъ устами одного изъ персовъ, которые у него разсуждаютъ о преимуществахъ и недостаткахъ различныхъ формъ правленія, „имѣетъ, во-первыхъ, прекраснѣйшее изъ всѣхъ названіе — исономія, равноправіе, а во-вторыхъ, не дѣлаетъ ничего такого, что̀ дѣлаетъ монархъ; должности правятъ избранные по жребію, каждая власть подлежитъ отвѣтственности и всѣ рѣшенія вносятся въ общее собраніе". Персъ этотъ высказывается за предоставленіе правленія массѣ, „ибо въ массѣ—все" (III, 80).

Греки, а аѳиняне въ особенности, гордились своею свободою, тѣмъ, что они не знали надъ собою другого господина, кромѣ закона, признаннаго народомъ, и повиновались этому

---

[1]) См. напр. выше стр. 89.

[2]) „Политика" 1317 a—b.

[3]) „Государство", кн. VIII (557 b).

[4]) Интересныя замѣчанія объ исономіи — у Hirzel, Themis, Dike und Verwandtes. Ein Beitrag zur Geschichte der Rechtsidee bei den Griechen. Leipz. 1907, стр. 240 сл.

[5]) Р. Ю. Виппперъ, Лекціи по исторіи Греціи, I, 156.

закону, а не капризу или произволу одного лица, подобно „варварамъ“, „ибо у варваровъ всѣ рабы, кромѣ одного“ [1]). У Плутарха Артабанъ говоритъ Ѳемистоклу, когда тотъ явился въ Азію: „У васъ, говорятъ, больше всего почитаютъ свободу и равенство“ [2]). „Здѣсь нѣтъ единаго властителя“,— такія слова влагаетъ Еврипидъ въ уста Тезею въ трагедіи „Просительницы“ (ст. 403 сл.); — „это — свободное государство: народъ самъ правитъ посредствомъ ежегодно смѣняющихся выборныхъ лицъ; богатому не дается преимуществъ и бѣдный имѣетъ равныя права“. Бѣдный и богатый пользуется равною защитою. Равенство, говорится въ другомъ произведеніи Еврипида [3]), связываетъ друзей съ друзьями, государства съ государствами, союзниковъ съ союзниками; оно установлено отъ природы, тогда какъ неравенство всегда порождаетъ зависть и вражду.

Но особенно замѣчательна характеристика аѳинской демократіи въ знаменитой рѣчи Перикла надъ павшими воинами, воспроизводимой Ѳукидидомъ (II, 35 сл.).

„Мы пользуемся государственнымъ устройствомъ, которое не стремится подражать законамъ сосѣдей, но само служитъ образцомъ и предметомъ подражанія для другихъ“, говоритъ здѣсь Периклъ. „Называется оно демократіей, такъ какъ основывается не на меньшинствѣ, а на большинствѣ. По законамъ въ частныхъ дѣлахъ у насъ у всѣхъ равныя права; что же касается уваженія, то каждый, если онъ въ чемъ-либо славится, пользуется въ государственной дѣятельности бо́льшимъ почетомъ не въ силу принадлежности къ извѣстному классу, а по доблести. Даже бѣдняку невидность положенія не препятствуетъ оказывать услуги государству, если онъ на это способенъ. Мы свободно правимъ государствомъ и мы не питаемъ ни подозрительности другъ къ другу въ повседневной жизни, ни гнѣва противъ сосѣда, если онъ въ чемъ-либо даетъ себѣ волю, ни до-

[1]) Еврипидъ. — Д. Ѳ. Бѣляевъ, Воззрѣнія Еврипида на сословія и состоянія, внутренн. и внѣшн. политику Аѳинъ (Журн. Мин. Нар. Просв., 1882, окт., стр. 393); Nestle, Euripides, der Dichter d. griech. Aufklärung. Stuttg. 1901.

[2]) 27 гл. біографіи Ѳемистокла.

[3]) Слова Іокасты въ „Финикіянкахъ“, ст. 536 сл.

сады, которая не причиняетъ матеріальнаго вреда, но на которую тяжко смотрѣть. Непринужденно обращаясь другъ съ другомъ въ частныхъ сношеніяхъ, мы въ общественныхъ дѣлахъ не нарушаемъ закона больше всего изъ благоговѣйнаго страха, повинуемся существующимъ властямъ и законамъ, въ особенности тѣмъ изъ нихъ, которые установлены въ защиту обижаемыхъ и которые, не будучи писанными, навлекаютъ на нарушителя позоръ въ общественномъ мнѣніи. Для духа мы доставляемъ частый отдыхъ отъ трудовъ состязаніями и жертвоприношеніями, слѣдующими одно за другимъ въ теченіе цѣлаго года... Мы любимъ прекрасное, соединенное съ простотой: любимъ образованіе, не впадая въ изнѣженность. Богатствомъ мы пользуемся больше, какъ средствомъ для дѣятельности, нежели какъ предметомъ для хвастовства, и въ бѣдности сознаться у насъ не постыдно; постыднѣе не выбиваться изъ нея трудомъ. Одни и тѣ же лица у насъ соединяютъ заботу о домашнихъ и вмѣстѣ о государственныхъ дѣлахъ и у обратившихся къ другимъ занятіямъ нѣтъ недостатка въ знаніи политики. Только мы одни считаемъ не любящимъ покой, а безполезнымъ того, кто не принимаетъ участія въ государственной дѣятельности. И сами мы или рѣшаемъ, или взвѣшиваемъ правильно дѣла, не считая слова вредомъ для дѣла, но полагая, что больше вреда не посовѣтоваться предварительно, прежде чѣмъ приступить къ исполненію... Словомъ, весь городъ нашъ—школа Эллады, и въ отдѣльности каждый у насъ, кажется мнѣ, можетъ въ самыхъ разнообразныхъ видахъ дѣятельности представить собою личность самодовлѣющую, исполняющую все въ высшей степени искусно и съ граціей“...

Такъ, по Θукидиду, характеризовалъ Перикл аѳинскую демократію по окончаніи перваго года Пелопоннесской войны. Трудно выдѣлить въ этой рѣчи то, что̀ дѣйствительно было сказано Периклом и что̀ составляетъ композицію историка. Основныя мысли, повидимому, Перикла; это—тотъ идеалъ, который его одушевлялъ и къ осуществленію котораго онъ стремился; но форма и подробности, вѣроятно, принадлежатъ историку. Предъ нами тутъ апоѳеозъ Аѳинъ какъ-разъ наканунѣ великихъ, роковыхъ бѣдствій, постигшихъ ихъ вслѣдъ затѣмъ, и упадка. Тутъ ярко освѣщаются лучшія стороны аѳинской

демократіи. Но это—скорѣе идеалъ, нежели точное изображеніе: дѣйствительность не вполнѣ соотвѣтствовала идеалу.

Мы не будемъ говорить здѣсь о всѣхъ темныхъ сторонахъ аѳинской демократіи, недостаткахъ суда, вліяніи демагоговъ, деморализаціи демоса и проч.,—все это обнаружилось больше впослѣдствіи; мы здѣсь остановимся лишь на томъ, въ какой мѣрѣ тѣ основныя начала, которыя характеризовали аѳинскую демократію, главнымъ образомъ — свобода и равенство, были осуществлены на дѣлѣ и не было ли тутъ какихъ-либо исключеній, ограниченій или противорѣчій. При этомъ намъ придется выходить изъ предѣловъ періода расцвѣта аѳинской демократіи и касаться послѣдующихъ періодовъ кризиса и упадка, такъ какъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ихъ трудно раздѣлить есть явленія, черты, которыя имъ общи.

Какъ аѳинскій демосъ относился, напр., къ свободѣ слова и мысли?

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ рѣчи Перикла, въ 424 г. Аристофанъ въ своей комедіи „Всадники“ [1]) представилъ демосъ въ образѣ выжившаго изъ ума старика:

Сынъ Пникса [2]). Демъ, брюзга, глухой старикъ,
Свирѣпый, вспыльчивый и до бобовъ [3]) охотникъ.

Онъ любитъ лесть и его легко обморочить. Онъ находится въ рукахъ своего управляющаго Пафлагонца (Клеона), а отъ него переходитъ въ руки колбасника.

Дивна власть твоя, о Демосъ!
Ты всѣмъ людямъ, какъ тираннъ,
Страхъ ужаснѣйшій внушаешь,
Но ввести тебя въ обманъ
Такъ легко: до лести падкій
Самъ же лѣзешь ты въ капканъ;
И на рѣчи чьи угодно
Ты готовъ разинуть ротъ,
А разсудокъ своевольный
Все въ отсутствіи живетъ...

[1]) Русск. перев г. Станкевича. Спб. 1892.
[2]) Холмъ, обычное мѣсто народныхъ собраній.
[3]) Бобы служили жребіемъ при выборахъ.

Такъ характеризуетъ хоръ „Всадниковъ“ аѳинскій демосъ. Если въ рѣчи Перикла идеализація демоса, то здѣсь, у Аристофана,—каррикатура. Это—злая насмѣшка надъ самимъ державнымъ господиномъ Аѳинъ, демосомъ. Отсюда уже можно видѣть, какая свобода слова господствовала въ Аѳинахъ и какъ вообще терпима была аѳинская демократія къ нападкамъ на нее. Нечего и говорить, что въ комедіи насмѣшкамъ подвергались и отдѣльныя лица, государственные дѣятели, вожди демоса. Въ тѣхъ же „Всадникахъ“ Аристофанъ выводитъ подъ видомъ безстыднаго Пафлагонца, вора и обманщика, Клеона и притомъ выводитъ какъ-разъ тогда, когда вліяніе Клеона, послѣ удачно выполненнаго предпріятія противъ Сфактеріи и взятія въ плѣнъ спартанскаго отряда, достигло наибольшей степени. Подвергался рѣзкимъ нападкамъ на сценѣ и Периклъ со стороны предшественниковъ Аристофана. Его называли, напр., „величайшимъ тиранномъ“, „порожденіемъ Смуты и Кроноса“; смѣялись надъ его наружностью, особенно надъ формой его головы; касались частной жизни его, отношеній къ Аспазіи, которую именовали „Герой“, „новой Омфалой“ и „Деянирой“.

Были однако попытки хотя нѣсколько ограничить свободу комедіи, которая иногда переходила всякія границы. Такъ, въ 440 г. во время возстанія Самоса, въ виду возбужденнаго состоянія общества и опасенія, чтобы престижъ аѳинянъ не палъ въ глазахъ союзниковъ, запрещено было выводить на сцену лицъ подъ ихъ именами. Но такое ограниченіе существовало недолго и черезъ три года было отмѣнено. Есть указанія, что впослѣдствіи все-таки запрещалось осмѣивать на сценѣ должностныхъ лицъ, особенно архонтовъ, подъ ихъ именами, ибо „имя это не отдѣльнаго лица, а государства“. По словамъ неизвѣстнаго олигарха 20-хъ годовъ V в., аѳиняне не дозволяютъ осмѣивать демосъ въ комедіи или дурно о немъ говорить, чтобы не слышать о себѣ дурныхъ отзывовъ, но если кто желаетъ осмѣять частное лицо, то побуждаютъ къ этому, зная хорошо, что осмѣиваемый будетъ не изъ демоса, не изъ массы, но или богатый, или благородный, или вліятельный [1]). Въ случаѣ осмѣянія демоса или должностныхъ

[1]) Псевдо-Ксенофонтова „Аѳинск. Политія“, II, 18.

лицъ можно было подвергнуться обвиненію въ оскорбленіи народа. Но если и были подобныя ограниченія, въ сущности, какъ показываютъ произведенія Аристофана, они мало стѣсняли комиковъ. О трагическомъ поэтѣ Фринихѣ Геродотъ разсказываетъ (IV, 21). что когда послѣ возстанія Іоніи онъ написалъ драму „Взятіе Милета“, въ которой изобразилъ паденіе этого города, и во время ея представленія весь театръ залился слезами, то аѳиняне наложили на автора пеню въ 1000 драхмъ за то, что онъ напомнилъ объ этомъ несчастномъ событіи, а на будущее время постановили подобной пьесы не ставить.

Во второй половинѣ V в. обнаружились новыя теченія въ умственной жизни грековъ. То была эпоха „Просвѣщенія“, представителями котораго съ одной стороны являлись такіе философы, какъ Анаксагоръ, съ его ученіемъ о „разумѣ“, съ его стремленіемъ объяснять всякія явленія причинами естественными, считавшій, напр., солнце и звѣзды раскаленными каменными массами, а съ другой стороны — софисты, съ ихъ субъективизмомъ, утверждавшіе, подобно Протагору, что „человѣкъ есть мѣра вещей“. Нѣкоторыя черты греческаго „Просвѣщенія“ представляютъ аналогію французскому „Просвѣщенію“ XVIII в. И въ Греціи то было время пробужденія и развитія критической мысли, раціонализма. Представители новаго философскаго направленія начинаютъ играть видную роль въ тогдашнемъ образованномъ обществѣ. Въ нѣкоторыхъ домахъ Аѳинъ устраиваются собранія, нѣчто въ родѣ салоновъ, въ которыхъ ведутся философскіе бесѣды и споры. Извѣстенъ напр. кружокъ Перикла, центромъ котораго являлась прекрасная Аспазія. Заѣзжій знаменитый или модный софистъ— желанный гость въ домѣ такого аѳинскаго богача, какъ Каллій. Софисты начинаютъ собирать вокругъ себя толпы слушателей.

Прибытіе, напр., Протагора въ Аѳины—крупное событіе. Извѣстіе о немъ переходитъ изъ устъ въ уста. Знакомый Сократа, Гиппократъ, спѣшитъ къ нему еще до разсвѣта, чтобы сообщить объ этомъ; онъ готовъ ничѣмъ не поскупиться, лишь бы знаменитый софистъ сдѣлалъ и его мудрымъ. Но Сократъ уже знаетъ о прибытіи Протагора. Лишь стало свѣтать, Сократъ и Гиппократъ идутъ въ домъ Каллія, гдѣ остановился

Протагоръ. Привратникъ нехотя едва впускаетъ ихъ. Домъ уже полонъ гостей, слушателей и собесѣдниковъ. Протагоръ прохаживается въ портикѣ и съ нимъ по одну сторону самъ хозяинъ Каллій, Перикловъ сынъ Паралъ и Хармидъ, по другую—старшій сынъ Перикла, Ксанѳиппъ, и еще нѣкоторыя лица; а позади слѣдовали, прислушиваясь къ разговору, повидимому, чужеземцы, тѣ, что̀ Протагоръ уводитъ за собою изъ каждаго города, чрезъ который проходитъ, „очаровывая голосомъ какъ Орфей, а они идутъ за нимъ по голосу какъ очарованные“. Когда Протагоръ со своими собесѣдниками—поворачивалъ, они почтительно разступались, пропуская ихъ впередъ, и затѣмъ опять слѣдовали позади. На противоположной сторонѣ возсѣдалъ на высокомъ сѣдалищѣ другой извѣстный софистъ Гиппій изъ Элиды и велъ съ окружавшими его лицами бесѣду, повидимому, о разныхъ астрономическихъ предметахъ. Былъ тутъ и третій извѣстный софистъ—Продикъ изъ Кеоса. Его голосъ, густой басъ, доносился изъ помѣщенія, которое раньше служило кладовой, а теперь, такъ какъ не хватало комнатъ за множествомъ жильцовъ, гостепріимнымъ хозяиномъ уступлено было тоже гостямъ. Продикъ лежалъ еще, завернутый въ одѣяла или ковры, и разговаривалъ съ лежавшими тамъ же лицами, но о чемъ, Сократъ не могъ разобрать вслѣдствіе низкаго голоса Продика и т. д. Такъ живо рисуетъ Платонъ въ „Протагорѣ“ словами Сократа картину пребыванія знаменитыхъ софистовъ въ Аѳинахъ [1]). Здѣсь въ яркихъ и рельефныхъ чертахъ мы видимъ, какъ относилась къ этимъ софистамъ та часть аѳинскаго общества, которая стремилась къ новому образованію.

Но между новымъ просвѣщеніемъ и старыми вѣрованіями, воззрѣніями и предразсудками столкновеніе было неминуемо. Глубокую противоположность двухъ міровоззрѣній наглядно изображаетъ разсказъ у Плутарха о томъ, какъ однажды принесли Периклу изъ деревни голову барана съ однимъ рогомъ посерединѣ, какъ тогдашній извѣстный предсказатель Лампонъ усмотрѣлъ въ этомъ предзнаменованіе торжества Перикла надъ

[1]) Есть на русскомъ языкѣ, во II т. „Твореній Платона“, перев. В. С. Соловьева, М. С. Соловьева и кн. С. Н. Трубецкого. М. 1903.

его соперникомъ, Ѳукидидомъ Алопекскимъ, и перехода власти въ однѣ руки, а Анаксагоръ, разрубивъ голову, объяснилъ это явленіе естественнымъ образомъ. Самъ Лампонъ, правда, былъ хорошъ съ Перикломъ и принадлежалъ къ числу близкихъ къ нему людей; но были другіе вѣщатели, толкователи оракуловъ—такъ называемые хресмологи—и тому подобныя лица, которымъ ненавистно было новое просвѣщеніе и его представители. Они находили себѣ сочувствіе и опору съ одной стороны въ консервативной части аѳинскаго общества, въ тѣхъ, кто опасался ученія софистовъ, какъ подрывающаго основы тогдашней религіи и нравственности, а съ другой—въ народной массѣ, которая въ политическомъ отношеніи настроена была скорѣе радикально.

Просвѣщеніе было популярно и распространялось въ извѣстныхъ слояхъ аѳинскаго общества; но низшіе слои демоса были имъ мало затронуты. Правда, грамотность въ Аѳинахъ была широко распространена; почти каждый аѳинянинъ умѣлъ читать и писать: у Аристофана во „Всадникахъ“ даже колбасникъ, уличный торгашъ, грамотенъ: „паукамъ не ученъ, лишь грамотѣ“, хотя „и той худого хуже“. Самый строй аѳинской жизни, постоянное непосредственное участіе гражданъ въ управленіи и въ обсужденіи дѣлъ государственныхъ, развитіе искусства и литературы, театръ, все это должно было дѣйствовать развивающимъ образомъ и подымать общій уровень. Но все-же масса стояла скорѣе за старину, за старыя вѣрованія. Мало того: она полна была суевѣрій и предразсудковъ; она мало сочувствуетъ новому просвѣщенію и скорѣе враждебно настроена по отношенію къ нему; она въ сущности не терпитъ изслѣдователей природы, видитъ въ нихъ безбожниковъ и вредныхъ вольнодумцевъ. Наконецъ въ ея глазахъ превосходство ума и образованія нарушаетъ до извѣстной степени принципъ равенства. Въ одной изъ рѣчей такого демагога, какъ Клеонъ, у Ѳукидида (III, 37) есть характерное мѣсто: Клеонъ хвалитъ необразованность, находя ее полезнѣе ума и образованія для государства. „Необразованность“, говоритъ онъ, „соединенная со скромностью полезнѣе, чѣмъ смышленность, соединенная съ распущенностью, и люди попроще обыкновенно лучше правятъ государствомъ, чѣмъ умные. Ибо

послѣдніе хотятъ казаться мудрѣе законовъ, брать верхъ при всякомъ обсужденіи въ народномъ собраніи... и такимъ образомъ губятъ государства. Люди же простые, недовѣряя собственному знанію, считаютъ себя менѣе свѣдущими, чѣмъ законы, и менѣе способными, чтобы порицать рѣчь прекраснаго оратора... и они большею частью лучше правятъ".

Такимъ образомъ аѳинская демократія въ своихъ политически радикальныхъ элементахъ въ религіозныхъ и культурныхъ вопросахъ была настроена консервативно и даже реакціонно. Партіи, которыя въ политикѣ являлись непримиримыми врагами, крайніе консерваторы и крайніе демократы, по отношенію къ новому умственному движенію выступаютъ союзниками во имя борьбы съ новымъ направленіемъ и сохраненія старыхъ традицій [1]).

Въ Аѳинахъ еще въ вѣкъ Перикла воздвигнуто было гоненіе на Анаксагора. Одинъ изъ извѣстныхъ въ то время аѳинскихъ хресмологовъ и прорицателей, Діопейѳъ, выступилъ въ народномъ собраніи съ предложеніемъ, въ силу котораго кто не признавалъ боговъ или разсуждалъ о небесныхъ явленіяхъ, тотъ подвергался обвиненію въ государственномъ преступленіи. То было время, когда положеніе Перикла стало колебаться, оппозиція противъ него усиливалась, и предложеніе Діопейѳа было принято. Эта „псефизма Діопейѳа", лежащая темнымъ пятномъ на аѳинской демократіи, прежде всего имѣла въ виду, конечно, Анаксагора, жившаго тогда въ Аѳинахъ, и такимъ образомъ престарѣлому философу подъ конецъ жизни пришлось покинуть Аѳины и переселиться въ Лампсакъ. Другіе примѣры преслѣдованія за свободомысліе относятся къ болѣе позднему времени, уже къ эпохѣ Пелопоннесской войны. Такъ, поэтъ Діагоръ, по постановленію народнаго собранія, объявленъ былъ внѣ покровительства закона, подобно тираннамъ, и его голова оцѣнена за то, что въ одномъ изъ своихъ произведеній отвергъ существованіе боговъ, такъ какъ они оставляютъ безнаказанными преступленія людей. Знаменитый Протагоръ, говорившій: „о богахъ я не въ состояніи

[1]) E. Meyer, Gesch. d. Alterthums, IV, 420, 425; Н. И. Карѣевъ, Государство-городъ, стр. 332—3.

что-либо знать, ни что они существуютъ, ни что ихъ нѣтъ: ибо есть многое, что препятствуетъ такому знанію — и неясность самаго предмета, и краткость человѣческой жизни", — этотъ Протагоръ, по предложенію Иподора, извѣстнаго впослѣдствіи олигарха, привлеченъ былъ къ отвѣтственности, какъ атеистъ; его сочиненія сожжены были на площади, а самъ онъ бѣжалъ изъ Аѳинъ, гдѣ онъ провелъ много лѣтъ.

Не будемъ говорить здѣсь о процессѣ и казни Сократа, потому что этого еще придется касаться и потому что здѣсь примѣшались политическіе мотивы.

Не смотря на всѣ перемѣны, на развитіе демократіи и переходъ власти къ народу, аѳиняне въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ настроены были консервативно. Это обнаруживалось и въ другой сферѣ—въ воззрѣніяхъ на происхожденіе, на трудъ. Юридически и политически аѳинскіе граждане были равны, но въ соціальномъ отношеніи полнаго равенства не было. И въ демократическихъ Аѳинахъ, напр., знатность происхожденія и богатство не совсѣмъ утратили значеніе: они открывали дорогу къ власти и къ вліянію. На нѣкоторыя должности, почетныя и не соединенныя съ матеріальными выгодами, замѣщавшіяся не по жребію, особенно на должность стратеговъ, избирали преимущественно лицъ болѣе или менѣе виднаго происхожденія и богатыхъ. Аристотель, говоря (въ 26 гл. „Аѳинской Политіи") о 50-хъ годахъ V в., когда Аѳины вели борьбу изъ-за гегемоніи на сушѣ, отмѣчаетъ, что тогда въ стратеги выбирались „неопытные въ военномъ дѣлѣ, но пользовавшіеся почетомъ ради славы предковъ". Этимъ онъ объясняетъ громадность потерь, понесенныхъ въ то время аѳинянами; объясненіе невѣрное—то было время такихъ полководцевъ, какъ Кимонъ и Миронидъ—, но самый фактъ избранія на должность стратеговъ большею частью людей знатныхъ и состоятельныхъ вѣренъ. Вспомнимъ, какую видную роль въ Аѳинахъ игралъ позже, во время Пелопоннесской войны, въ сущности слабый и бездарный Никій, благодаря своему происхожденію, а еще болѣе—богатству. Благородное происхожденіе—это славная и завидная доля, съ точки зрѣнія даже аѳинянина V в. Въ числѣ тѣхъ недостатковъ, которые въ комедіяхъ Аристофана служатъ позорнымъ клеймомъ для выводимыхъ на сцену лич-

ностей, низость происхожденія занимаетъ далеко не послѣднее мѣсто. Правда, это—голосъ оппозиціи: комики вообще хвалятъ „доброе, старое время“, и у нихъ ясно проглядываетъ аристократическая тенденція. Но пьесы Аристофана были популярны; онѣ давались предъ тысячами зрителей, и, вѣроятно, замѣчанія комика въ этомъ отношеніи не являлись чѣмъ-либо оригинальнымъ, не составляли рѣзкаго диссонанса съ настроеніемъ и воззрѣніями общества; иначе бы они и не производили надлежащаго эффекта.

Но еще больше различія въ общественное положеніе аѳинскихъ гражданъ вносили занятія и матеріальныя средства.

Геродотъ говоритъ (II, 167), что у всѣхъ почти варваровъ пользуются меньшимъ почетомъ тѣ, кто занимается ремесломъ и ихъ потомки, что считается благороднымъ тотъ, кто воздерживается отъ ручного труда, и въ особенности, кто посвящаетъ себя военному дѣлу, и что у нихъ заимствовали это всѣ греки, больше всѣхъ—спартанцы, меньше же всѣхъ презираютъ ремесленниковъ коринѳяне. Объ аѳинянахъ Геродотъ не упоминаетъ: очевидно, по его мнѣнію, они не составляли исключенія [1]). И въ демократическихъ Аѳинахъ, не смотря на всю ихъ исономію и исегорію, замѣчается разница въ общественномъ положеніи, напр., землевладѣльцевъ и людей, избирающихъ высшія, такъ называемыя свободныя профессіи, съ одной стороны и представителей низшихъ профессій — ремесленниковъ и рабочихъ—съ другой, какъ это есть, по замѣчанію Э. Мейера [2]), и въ современномъ обществѣ. Древніе были только откровеннѣе [3]). Физическій трудъ, вообще трудъ рабочаго, ремесленника, мелкаго торговца нерѣдко унижалъ гражданина въ глазахъ аѳинскаго общества. Въ этомъ направленіи немало вліяло рабство: занятія, свойственныя рабамъ, а также и метэкамъ, естественно не считались почетными для гражданъ, и лица, занимавшіяся подобными профессіями, въ

---

[1]) Считаемъ лишнимъ, конечно, опровергать мнѣніе Геродота о заимствованіи у варваровъ подобнаго отношенія къ ремесленникамъ.

[2]) Экономич. развитіе древн. міра, стр. 55.

[3]) О взглядахъ грековъ на работу см. 8 гл. I кн. Francotte, L'industrie dans la Grèce ancienne. Bruxelles 1900.

общественномъ мнѣніи какъ-бы приравнивались къ неполноправнымъ.

Въ этомъ отношеніи чрезвычайно характерный эпизодъ мы встрѣчаемъ въ IV в., когда, казалось бы, демократическія тенденціи должны быть еще сильнѣе,—эпизодъ, о которомъ узнаемъ изъ рѣчи Демосѳена [1]). Одинъ аѳинскій гражданинъ, по имени Евксиѳей, былъ вычеркнутъ изъ списка демотовъ и, слѣдовательно, лишенъ гражданскихъ правъ. Въ доказательство его негражданскаго происхожденія указывалось, между прочимъ, на то, что онъ и его мать торговали лентами на рынкѣ: Евксиѳей продавалъ ленты на рынкѣ, онъ—ремесленникъ и мелкій торговецъ; значитъ, онъ не аѳинянинъ, а метэкъ. Кромѣ того, его мать была кормилицей. „Мы признаемъ“, защищается Евксиѳей, „что и ленты продавали и жили не такъ, какъ желали бы“; онъ признаетъ, что мать его была и кормилицей: „мы не отрицаемъ, что это дѣйствительно случилось, когда государство находилось въ несчастіи“ (во время войны) „и всѣ бѣдствовали... Если бы мы были богаты, то не стали бы торговать лентами и не находились бы въ безвыходномъ положеніи... Не унижайте, судьи, бѣдняковъ—достаточное для нихъ уже бѣдствіе бѣдность—и тѣхъ особенно, которые предпочитаютъ работать и жить честно... Что унизительно быть кормилицей, этой истины я не отрицаю; но мы неправы не въ томъ случаѣ, если мы были бѣдны, но — если мы не граждане, и не о положеніи или имуществѣ идетъ настоящій процессъ, а относительно происхожденія: многія рабскія и недостойныя обязанности бѣдность заставляетъ выполнять и свободныхъ, за что̀ справедливѣе пожалѣть ихъ, аѳиняне, нежели губить“. Евксиѳей проситъ судей не считать трудящихся „чужими“, негражданами, а считать доносчиковъ злодѣями. Изъ этой же рѣчи оказывается, что въ Аѳинахъ существовалъ законъ, которымъ запрещалось ставить въ упрекъ гражданину или гражданкѣ ихъ занятіе на рынкѣ; очевидно, такіе случаи бывали нерѣдки и для огражденія гражданъ отъ обидъ понадобился особый законъ.

[1]) Противъ Евбулида. См. В. А. Шефферъ, Аѳинск. гражданство и народн. собраніе, М. 1891, стр. 164—6; Francotte, L'industrie dans la Grèce anc., I, 253—5.

Богатство очень цѣнилось въ Аѳинахъ, больше, чѣмъ благородство происхожденія; безъ него и знатность мало значила. Въ глазахъ массы благороденъ тотъ, кто богатъ. Благородный, но бѣдный—ничто, говоритъ одинъ изъ героевъ Еврипида; плохо не имѣть ничего; знатное происхожденіе не доставляетъ средствъ къ жизни [1]). Быть бѣднымъ значитъ быть въ презрѣніи и безчестіи, говорится у Еврипида въ другомъ мѣстѣ. И рабъ въ почетѣ, если онъ богатъ. Самаго дурного человѣка богатство возводитъ въ первые люди.

Для мудраго, мой мальчикъ, богъ одинъ—
Богатство, да! а прочее—прикрасы
Словесныя, шумиха... [2]).

Рядомъ съ этимъ мы встрѣчаемъ у Еврипида и иныя, противоположныя воззрѣнія. Между прочимъ уже у него высказывается мысль, что богатство не составляетъ собственности людей: его даютъ боги лишь для пользованія намъ [3]).

Богатство и бѣдность вносили, конечно, неравенство въ среду аѳинскихъ гражданъ. Но въ лучшую пору демократіи неравенство это не было такъ велико, какъ впослѣдствіи; не было еще такой бездны между богатыми и бѣдными; борьба классовъ еще не принимала такихъ жестокихъ формъ, какъ позже въ эпоху кризиса и упадка аѳинской демократіи; многочисленнаго пролетаріата не существовало. Мы видѣли [4]), что населеніе въ вѣкъ Перикла пользовалось вообще благосостояніемъ. По разсчету Э. Мейера (IV, 56), передъ Пелопоннесскою войною изъ общаго числа 55500 взрослыхъ гражданъ около 2500 было пентаксіомедимновъ и всадниковъ, 33000 зевгитовъ и 20000 ѳетовъ. По другому расчету (у Франкотта, I, 165—170), изъ 30000 или 35000 гражданъ 20600 могли принадлежать къ первымъ тремъ классамъ, а остальные — къ ѳетамъ. Большинство аѳинянъ владѣло еще

[1]) Д. Ѳ. Бѣляевъ, Воззрѣнія Еврипида..., Ж. М. Н. Пр., 1882, сент., стр. 357 сл.

[2]) Киклопъ у Еврипида (перев. И. Ѳ. Анненскаго, Театръ Еврипида, I, 572).

[3]) Въ „Финикіянкахъ“, ст. 560 сл.

[4]) Стр. 177 сл.

хотя небольшою земельною собственностью. Многіе постоянно жили на своемъ участкѣ, гдѣ имѣлся и домъ. Другіе являлись сюда изъ города, съ тѣмъ, чтобы къ заходу солнца возвратиться въ Аѳины; иногда, впрочемъ, они оставались на своемъ участкѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней, занятые уходомъ за плодовыми деревьями и особенно за виноградниками и оливками. Дорога изъ Аѳинъ производила пріятное впечатлѣніе: кругомъ было все воздѣлано; всюду чувствовалась дѣятельность человѣка [1]).—Торговля, ремесла развивались; масса находила себѣ заработокъ. Заработная плата въ то время равнялась приблизительно 1 драхмѣ въ день [2]). Лица свободныхъ профессій—врачи, поэты, адвокаты—получали значительный гонораръ; особенно это нужно сказать о софистахъ. Въ то время, какъ на богатыхъ лежали тяжелыя повинности, литургіи, въ родѣ тріэрархіи, соціальная политика направлена была въ пользу малосостоятельной массы; стоитъ только вспомнить о системѣ денежнаго вознагражденія, оеориконѣ, пособіи увѣчнымъ и бѣднымъ, клерухіяхъ, широкой строительной дѣятельности Перикла.

Политическими правами, исономіей и исегоріей пользовались въ Аѳинахъ только граждане, т.-е. меньшинство всего населенія. Относительно количества населенія Аттики долгое время принимались цифры, установленныя Бекомъ [3]), по которому въ пору расцвѣта Аѳинъ число взрослыхъ гражданъ было 20000 (съ женами и дѣтьми—ок. 100,000) метэковъ—10000, а рабовъ болѣе 350000. Новѣйшія изслѣдованія повышаютъ число гражданскаго населенія и понижаютъ почти втрое-вчетверо число рабовъ, такъ-что соотношеніе цифръ получается иное. По однимъ вычисленіямъ [4]), въ началѣ Пелопоннесской войны аѳинскихъ гражданъ было 35000 (не считая около 10000 клеруховъ), метэковъ—10000, рабовъ—

---

[1]) Haussoullier, La vie municipale en Attique, стр. 4.

[2]) Buchsenschutz, Besitz und Erwerb im griech. Alterthum. Halle. 1869; P. Guiraud, La main d'oeuvre industrielle dans l'ancienne Grèce. P. 1900, и его же, Études économiques sur l'antiquité. P. 1905; Francotte, L'industrie dans la Grèce ancienne. Bruxelles. 1000—1. 2 v.

[3]) Въ его монографіи Die Staatshaushaltung d. Athener.

[4]) Beloch, Die Bevölkerung d. griech.-römisch. Welt, стр. 99 сл.

около 100000; по другому [1]), взрослыхъ гражданъ было тогда 55500, а считая женщинъ и дѣтей — 170000 [2]), метэковъ, по меньшей мѣрѣ,—14000 (съ женами и дѣтьми—до 40000), а рабовъ взрослыхъ приблизительно 50000, всѣхъ же—150000. Аѳинская демократія не стремилась расширить кругъ полноправныхъ гражданъ. Дарованіе права гражданства было рѣдкостью и обставлялось большими формальностями (требовалось присутствіе въ народномъ собраніи не менѣе 6000 гражданъ). Мало того: въ 451/0 г., какъ было уже не разъ упомянуто, Периклъ провелъ законъ, по которому правомъ гражданства могъ пользоваться только тотъ, кто происходилъ отъ аѳинянина и аѳинянки. Съ тѣхъ поръ, какъ Аѳины стали главою союза, торговымъ и умственнымъ центромъ греческаго міра, сюда, какъ извѣстно, сходилось и здѣсь жило много уроженцевъ разныхъ странъ, росло число смѣшанныхъ браковъ, и чуждый элементъ въ аѳинскомъ гражданствѣ долженъ былъ все увеличиваться, все болѣе и болѣе въ него проникать. Законъ Перикла имѣлъ въ виду положить конецъ этому и, такъ сказать, очистить составъ аѳинскаго гражданства на будущее время, предохранить его отъ поглощенія элементами иноземными. Такой ограничительный законъ вполнѣ отвѣчалъ интересамъ тѣхъ, кто уже пользовался правомъ гражданства и связанными съ нимъ выгодами и преимуществами, кто не желалъ дѣлить ихъ съ другими. Но очищая составъ аѳинскаго гражданства отъ смѣшанныхъ и разнородныхъ элементовъ, быть можетъ, предохраняя Аѳины до нѣкоторой степени отъ охлократіи, господства черни, Перикловъ законъ имѣлъ и свою оборотную сторону. Онъ уменьшалъ число гражданъ и притомъ въ такое время, когда государству особенно важно было имѣть ихъ побольше въ виду борьбы съ Пелопоннесскимъ союзомъ: вспомнимъ, что законъ этотъ проведенъ въ 451/0 г., послѣ катастрофы, постигшей аѳинянъ въ Египтѣ, и тяжкихъ потерь въ борьбѣ за гегемонію на сушѣ [3]). Онъ отталкивалъ

[1]) Э. Мейеръ; кромѣ Gesch. d. Alterthums см. его Forschungen z. alten Gesch., т. II.

[2]) Ср. Фельсбергъ, Къ статистикѣ населенія Аттики V в. до Р. Хр. Юрьевъ. 1907.

[3]) См. выше, стр. 139 сл.

отъ Аѳинъ многіе элементы. Онъ могъ повести къ скорѣйшему вырожденію аѳинскаго гражданства, лишая его прилива свѣжихъ силъ и возможности обновлять свой составъ. Сколько даровитыхъ личностей и прославленныхъ дѣятелей въ Аѳинахъ было именно смѣшаннаго происхожденія, сами или ихъ предки, напр. Клисѳенъ, Ѳемистоклъ, Кимонъ, историкъ Ѳукидидъ! Съ точки зрѣнія Периклова закона все это были бы неполноправные граждане, nothoi, т.-е. незаконнорожденные. Такимъ былъ и сынъ самого Перикла отъ Аспазіи, по имени тоже Периклъ, о дарованіи гражданства которому отецъ впослѣдствіи вынужденъ былъ просить народное собраніе...

Итакъ, аѳинскіе граждане составляли полноправное меньшинство, пользовавшееся политической свободой и равенствомъ, среди остального населенія, неполноправнаго. Къ послѣднему принадлежали не только метэки и рабы, но и женщины.

Положеніе женщины въ Аѳинахъ.

Въ сравненіи съ гомерической эпохой въ періодъ развитія демократіи положеніе греческой женщины на первыхъ порахъ ухудшилось. Нѣкоторое вліяніе могъ на это оказать Востокъ, а главное — просвѣщеніе и развитіе городской, болѣе широкой политической жизни сначала должно было вырыть пропасть между мужемъ и женою. Мужъ проводитъ время большею частью внѣ дома, на площади; онъ занятъ философскими спорами, государственными и общественными дѣлами; онъ живетъ болѣе широкими политическими и умственными интересами. А жена сидитъ обыкновенно дома, разодѣтая и нарумяненная или погруженная въ хозяйственныя заботы. Домъ — это ея міръ, и добродѣтельная жена не должна была переступать его границъ. „Что̀ умнаго и славнаго мы можемъ совершить“, спрашиваетъ одна изъ героинь Аристофановой комедіи „Лисистрата“, „— мы, женщины, которыя сидимъ дома, украшенныя цвѣтами, въ желтошафранной одеждѣ, нарумяненныя, въ роскошныхъ прозрачныхъ платьяхъ, въ модныхъ сандаліяхъ“? Сидятъ онѣ подъ строгимъ присмотромъ, нерѣдко взаперти, охраняемыя, если вѣрить тому же Аристо-

фану, молосскими собаками, крѣпкими замка́ми и запорами [1]), хотя, какъ говорится въ одномъ изъ его отрывковъ, глупъ тотъ мужъ, который полагается на подобныя мѣры.

Въ Аѳинахъ женщина неправоспособна [2]). Она не могла выступать свидѣтельницею, не могла сама вести судебныя дѣла и начинать процессъ, заключать договоръ выше извѣстной нормы. Надъ нею постоянная опека: дѣвушкой, въ родительскомъ домѣ, она находится подъ опекой отца, въ замужествѣ— подъ опекой мужа. Замужъ выходитъ она молодою, лѣтъ пятнадцати, воспитывается подъ строгимъ присмотромъ, по правилу „какъ можно меньше видѣть, слышать и говорить". Обыкновенно она умѣетъ лишь приготовлять платье изъ шерсти, наблюдать, какъ дѣлится пряжа между служанками; зато она хорошо обучена кулинарному искусству, „ибо это — важнѣйшая для нея и для мужа наука". Она застѣнчива, робка, стѣсняется говорить даже съ мужемъ, и нѣтъ человѣка, съ которымъ бы мужъ меньше совѣтовался о дѣлахъ, нежели съ женою.

Говоря вкратцѣ, такова молодая женщина по греческому Домострою [3]). Вообще обычный тогдашній идеалъ жены—молчаливая, скромная, трудолюбивая, „какъ пчела". Даже въ вѣкъ Перикла считалось величайшею славою для женщины, когда о ней меньше всего говорилось въ средѣ мужчинъ какъ въ дурную, такъ и въ хорошую сторону (Ѳукид., II, 45). Отъ жены требовалась вѣрность, но мужу дозволялось все.

Но то же просвѣщеніе, которое на первыхъ порахъ такъ разъединяло мужчину и женщину, мало-по-малу, разными путями, проникало и въ гинекей, на женскую половину. Оно пробуждало въ женщинѣ сознаніе приниженности, недовольство положеніемъ, потребность иной жизни, желаніе выйти изъ этой замкнутой, узкой сферы. Одна изъ господствующихъ чертъ эпохи „Просвѣщенія" въ Греціи, наступившей вскорѣ послѣ Греко-Персидскихъ войнъ, — стремленіе къ эмансипаціи, къ освобожденію отъ всякаго принужденія, въ какой бы формѣ

[1]) „Женщины на праздникѣ ѳесмофорій".

[2]) Gide, Etude sur la condition privée de la femme dans le droit ancien et moderne. Paris 1867 (есть рус. пер.).

[3]) См. соч. Ксенофонта: „О хозяйствѣ".

оно ни проявлялось. То была пора развивавшагося индивидуализма. Уже и въ рабѣ начинали видѣть человѣка; уже и за нимъ готовы были признать человѣческія права; со сцены раздавались слова, что раба позоритъ одно только названіе, что онъ нисколько не ниже свободнаго человѣка; софисты провозглашали рабство безнравственнымъ учрежденіемъ. Естественно, что долженъ былъ измѣниться взглядъ и на женщину [1]).

Отраженіе этого мы видимъ въ тогдашней литературѣ, прежде всего въ трагедіи.

Какъ извѣстно, въ аттической трагедіи женщинамъ отводится чрезвычайно видное мѣсто. Во многихъ пьесахъ онѣ являются главными дѣйствующими лицами. И замѣчательно, что поэты нерѣдко надѣляютъ ихъ сильными характерами, благородствомъ души; многія женщины въ аттической трагедіи поражаютъ своимъ величіемъ, своимъ героизмомъ; онѣ исполнены мужества и самопожертвованія [2]). Стоитъ вспомнить хотя бы о такомъ образѣ, какъ Софоклова Антигона: поэтъ изображаетъ „конфликтъ власти и совѣсти, закона и любви“, и „Антигона, какъ первая мученица, имѣетъ право соединить свое имя съ идеей, которую она освятила своей смертью“ [3]). Но для историка особый интересъ представляетъ Еврипидъ. Это истый поэтъ греческаго Просвѣщенія, со всѣми его идеями и стремленіями [4]). Но необходимо оговориться: мы должны быть готовы къ тому, что встрѣтимъ у Еврипида противорѣчія. Объясняются они, во-первыхъ, тѣмъ, что міросозерцаніе этого поэта-скептика не отличалось строгою послѣдовательностью и цѣльностью; притомъ, съ теченіемъ времени его взгляды мѣнялись; а во-вторыхъ, нельзя все то, что говорятъ герои трагедіи, безъ дальнихъ разсужденій приписывать самому автору,

[1]) Ivo Bruns, Frauenemancipation in Athen. Kiel. 1900 (перепеч. въ его Vorträge und Aufsätze. München. 1905); Donaldson, Woman, her Position and Influence in ancient Greece and Rome and early Christians. Lond. 1907; Б. В. Варнеке, Женск. вопросъ на аѳинск. сценѣ. Казань 1905; В. Бузескулъ, Женск. вопросъ въ древн. Греціи (въ сборн. „Къ свѣту“ 1904, и отд. брош. Харьк. 1905).

[2]) Ѳ. Г Мищенко, Женскіе типы античной трагедіи („Русская Мысль“, 1893, апр.).

[3]) Ѳ. Ф. Зѣлинскій, Изъ жизни идей. Спб. 1905, I, 142.

[4]) Nestle, Euripides, der Dichter d. griech. Aufklarung. Stuttg. 1901.

какъ его собственное убѣжденіе. Напр., довольно распространено мнѣніе, будто Еврипидъ былъ ненавистникомъ женщинъ, мисогиномъ. Дѣйствительно, его Ипполитъ, такъ сказать, принципіальный врагъ всего женскаго пола; онъ горячо выражаетъ свою ненависть къ нему; онъ утверждаетъ, что женщина — великое зло. Но самого поэта, создавшаго такіе типы беззавѣтно любящихъ и самоотверженныхъ до героизма женщинъ, какъ Ифигенія, Макарія, Алкестида, мы не въ правѣ считать мисогиномъ. Даже Медея у Еврипида—величественный образъ, и, не смотря на всю ея демоническую злобу и жажду мести, поэтъ пробуждаетъ въ насъ состраданіе къ этой женщинѣ, оскорбленной какъ жена и мать. Въ уста Медеи Еврипидъ влагаетъ жалобу на горькую долю, на которую обыкновенно обречена женщина. Здѣсь уже слышится недовольство замкнутою жизнью, приниженнымъ положеніемъ. Но въ особенности интересны для характеристики женскаго движенія въ Аѳинахъ слова хора въ „Медеѣ“ на тему, которую можно формулировать такъ: „человѣкъ я, и ничто человѣческое мнѣ не чуждо“. Здѣсь греческая женщина устами хора заявляетъ о своемъ стремленіи и способности къ умственному развитію, къ высшему образованію:

Люблю я тонкія сѣти
Науки, люблю я выше
Умомъ воспарять, чѣмъ женамъ
Обычай людей дозволяетъ.
Есть муза, которой мудрость
И наша отрадна; жены
Не всѣ ея видятъ улыбку —
Межъ тысячъ одну найдешь ты —
Но умъ для науки женской
Нельзя же назвать закрытымъ [1]).

И въ „Мудрой Меланиппѣ“ — трагедіи, изъ которой сохранились, къ сожалѣнію, лишь немногіе отрывки [2]),—Еврипидъ вывелъ женщину представительницею современнаго ему „Просвѣщенія“. Меланиппа, по ея собственнымъ словамъ, „не

[1]) Перев. И. Ѳ. Анненскаго (Театръ Еврипида, I, 189).

[2]) Недавно И. Ѳ. Анненскій написалъ цѣлую пьесу: „Меланиппа-философъ“.

плохого мнѣнія о себѣ“ и о своемъ образованіи; „правда, я женщина“, замѣчаетъ она, „но умъ есть у меня“. Мелаииппа—философъ. Она высказывается противъ обычныхъ воззрѣній и суевѣрій, противъ вѣры въ чудеса; поэтъ влагаетъ ей въ уста смѣлыя по скептицизму мысли относительно Зевса и происхожденія міра, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ его Меланиппа ссылается на то, что она заимствовала свои разсказы у своей матери.

Въ общемъ знаменателенъ уже тотъ фактъ, что женщины занимаютъ такое видное мѣсто въ произведеніяхъ Еврипида. Очевидно, въ то время начинали ужъ интересоваться ихъ душевнымъ міромъ; возникалъ вопросъ о положеніи женщины въ семьѣ и въ обществѣ, а въ приведенныхъ выше словахъ хора изъ „Медеи“ сказываются уже высшіе запросы, по крайней мѣрѣ избраннаго меньшинства. Въ тѣхъ нерѣдко противорѣчивыхъ отзывахъ, которые мы встрѣчаемъ у Еврипида относительно женщинъ, слышится какъ-бы отголосокъ различныхъ мнѣній по женскому вопросу въ тогдашнемъ обществѣ.

Комедія представляетъ намъ дальнѣйшее развитіе женскаго вопроса въ Аѳинахъ; здѣсь женская эмансипація изображается въ крайнихъ ея проявленіяхъ и, конечно, въ преувеличенномъ, каррикатурномъ видѣ.

Аристофанъ посвятилъ женщинамъ три пьесы: „Лисистрату“, „Женщины на праздникѣ ѳесмофорій“ и „Женщины въ народномъ собраніи“.

Въ первой комедіи греческія женщины, по зову и подъ предводительствомъ героини пьесы, Лисистраты, „пресвѣтлой главы смѣлаго дѣла и плана“, собираются и рѣшаютъ общими усиліями спасти мужчинъ и всю Грецію отъ бѣдствій войны [1]), которая давно уже тянется, всѣмъ тягостна и въ особенности даетъ себя чувствовать женщинамъ; онѣ отказываются исполнять супружескія обязанности, захватываютъ акрополь, казну, смѣло и энергично отбиваютъ нападенія стариковъ, пытающихся вытѣснить ихъ изъ акрополя, и т. д. Затѣя женщинъ и ихъ притязанія, разумѣется, возмущаютъ мужчинъ: между обѣими сторонами возникаетъ горячій споръ, обмѣнъ взаим-

[1]) Пелопоннесской; комедія написана въ 411 г. до Р. Х.

ныхъ нападокъ и обвиненій. Мужчинамъ кажется страннымъ, что женщины будутъ завѣдывать денежною казною; кажется безумiемъ, что онѣ хотятъ командовать гражданами: онѣ, слабыя существа, мечтаютъ теперь о шлемѣ и щитѣ и думаютъ вести переговоры о мирѣ! Для мужчинъ — это рѣшительный моментъ: если кто-либо изъ насъ хоть на палецъ уступитъ женщинамъ, говоритъ корифей мужского хора, тогда онѣ не прекратятъ уже неустанной дѣятельности, начнутъ строить корабли, давать морскія сраженія и нападутъ на насъ, подобно Артемисіи (о которой разсказываетъ Геродотъ и которая принимала участіе въ походѣ Ксеркса на Грецію). Мужчинамъ кажется страннымъ, что женщины намѣрены завѣдывать финансами, но Лисистрата не находитъ въ этомъ ничего удивительнаго: „развѣ мы, женщины“, говоритъ она, „не завѣдуемъ всѣмъ домашнимъ хозяйствомъ?“ Женскій хоръ заявляетъ, что онъ готовъ идти на все вмѣстѣ со своими мужественными сестрами, у которыхъ есть природныя дарованія, есть грація, есть смѣлость, умъ, патріотизмъ, разумная доблесть. „Развѣ я не обязана давать полезные совѣты государству?“ говоритъ устами хора аѳинская женщина. „Хотя я родилась женщиной, но не лишайте же меня права предлагать лучшее, нежели жалкое настоящее. Вѣдь я тоже плачу свою долю, ибо я даю государству гражданъ“...

Въ комедіи „Thesmophoriazusai“ [1]) женщины, чувствуя себя оскорбленными нелестными о нихъ отзывами и нападками Еврипида, задумываютъ сообща защитить себя отъ этого поэта и отомстить ему; но подъ видомъ защиты комикъ выставляетъ ихъ еще въ худшемъ свѣтѣ, чѣмъ Еврипидъ, такъ-что на самомъ дѣлѣ пьеса оказывается направленною больше противъ женщинъ, нежели противъ Еврипида.

Третья комедія Аристофана, касающаяся женщинъ, „Женщины въ народномъ собраніи“, написана лѣтъ двадцать спустя послѣ двухъ только-что упомянутыхъ. Женщины на разсвѣтѣ, переодѣвшись въ мужское платье и подвязавъ бороды, отправляются, подъ предводительствомъ гражданки Праксагоры, въ

[1]) Θесмофоріи—праздникъ въ честь Деметры, исключительно женскій: къ участію въ немъ допускались только женщины.

народное собраніе и тамъ, по предложенію той же Праксагоры, принимая въ соображеніе, что при главенствѣ мужчинъ государство испытываетъ бѣдствія, каждый заботится лишь о себѣ, а объ общемъ—никто, и „дабы не оставить непспробованнымъ послѣдняго повшества“, постановляютъ передать управленіе государствомъ женщинамъ, ибо служатъ же онѣ въ домѣ управляющими и казначеями, а также въ виду добрыхъ качествъ женскаго пола. Государство, по мысли Праксагоры, должно быть устроено на совершенно новыхъ основаніяхъ—на началахъ свободы и равенства, общности женъ—или, вѣрнѣе, мужей—и имущества.

Оставляя въ сторонѣ злыя насмѣшки, комическія подробности и непристойныя сцены, которыми особенно богаты разсматриваемыя комедіи, мы видимъ, что женщины у Аристофана недовольны существующимъ положеніемъ, протестуютъ противъ главенства мужчинъ и словомъ, и дѣломъ; ихъ волнуютъ интересы ихъ пола, родного города и даже всей Эллады; онѣ берутся рѣшать государственныя дѣла, вмѣшиваются въ политику, захватываютъ власть въ свои руки, предъявляютъ притязанія на управленіе, на доступъ къ должностямъ, создаютъ утопическіе планы переустройства государства и общества на новыхъ началахъ и т. д. Изъ ихъ среды выдѣляются смѣлыя, энергичныя, предпримчивыя личности—Лисистраты и Праксагоры.

Конечно, каждое слово комика нельзя принимать за чистую монету; несомнѣнно, у него много преувеличеній, много каррикатурнаго. Но и каррикатура должна имѣть хоть отдаленное сходство съ оригиналомъ; намеки, самые смѣлые и, повидимому, нелѣпые, должны имѣть какое-либо отношеніе къ дѣйствительности, иначе они не будутъ понятны и не произведутъ надлежащаго впечатлѣнія. Комедія Аристофана — все-таки отраженіе, хотя бы и каррикатурное, тогдашней дѣйствительности. Очевидно, что въ концѣ V в. аѳинская женщина уже начинаетъ выходить изъ своего приниженнаго, замкнутаго положенія; она выросла изъ тѣхъ узкихъ рамокъ, въ которыя была поставлена ея жизнь; она достигаетъ большей умственной зрѣлости; ея самознаніе пробудилось, и она начинаетъ относиться критически къ окружающимъ явленіямъ, предъ-

являть права на свою долю участія въ общественной жизни. Недаромъ комикъ посвятилъ женщинамъ цѣлыхъ три комедіи; недаромъ его насмѣшки были такъ злостны: ясно, что вопросъ объ эмансипаціи женщинъ давно уже былъ поставленъ въ Аѳинахъ и занималъ умы. Въ „Лисистратѣ“ діалогъ между хоромъ мужчинъ и хоромъ женщинъ, съ взаимными упреками и нападками, это—въ сущности столкновеніе двухъ противоположныхъ точекъ зрѣнія на положеніе женщины; это—споръ сторонниковъ эмансипаціи и встревоженныхъ охранителей существующаго порядка, не могущихъ примириться съ новыми стремленіями и бросающихъ женщинамъ, одушевленнымъ этими стремленіями, упрекъ въ невѣрности и нравственной распущенности.

И Аристофанъ не стоитъ одиноко; онъ не былъ единственнымъ комикомъ, заговорившимъ о новыхъ стремленіяхъ женщинъ: въ комедіи Ферекрата „Тираннія“ женщины являются во главѣ правленія; комикъ Ѳеопомпъ написалъ пьесу „Женщины-солдаты“ и т. п.

Полагали, что Аристофанъ въ своей комедіи „Женщины въ народномъ собраніи“ имѣлъ въ виду осмѣять коммунистическій идеалъ Платона въ его „Государствѣ“. Но въ настоящее время можно считать доказанною ошибочность такого мнѣнія: Платоново „Государство“ появилось позже Аристофановой комедіи.

На воззрѣніяхъ и идеалахъ Платона, касающихся женщинъ, мы не будемъ останавливаться, такъ какъ они далеко стояли отъ тогдашней дѣйствительности. Взгляды, близкіе къ этой дѣйствительности, къ обычнымъ, господствовавшимъ въ аѳинскомъ обществѣ воззрѣніямъ, мы встрѣчаемъ у Ксенофонта. Ксенофонтъ не стоитъ за расширеніе сферы дѣятельности женщины, за полное равенство обоихъ половъ. Но, признавая различіе въ ихъ природѣ и въ кругѣ дѣятельности, Ксенофонтъ допускаетъ равноправность женщины до извѣстной степени, въ извѣстной сферѣ. Богъ, говоритъ онъ устами Исхомаха въ своемъ діалогѣ „О хозяйствѣ“, предназначилъ женскій полъ для домашнихъ занятій, а мужской—для внѣ-домашнихъ. Богъ надѣлилъ женщину большею любовью къ дѣтямъ и большею боязливостью, а муж-

чинѣ далъ больше мужества; но память и заботливость далъ обоимъ одинаково, такъ-что трудно рѣшить, кто въ этомъ отношеніи стоитъ выше, мужчина или женщина, равно какъ далъ одинаковую способность къ умѣренности и самообладанію. Каждый долженъ исполнять свою обязанность какъ можно лучше. Значеніе жены для благосостоянія дома такое же, какъ и значеніе мужа. Исхомахъ считаетъ все, чѣмъ онъ владѣетъ, ихъ общимъ достояніемъ; но въ своей сферѣ, въ домѣ, жена должна быть блюстительницею всего; она здѣсь какъ царица: достойныхъ хвалитъ и награждаетъ, недостойныхъ бранитъ и порицаетъ. На ней лежитъ забота и уходъ за больными слугами, челядью... Цѣль брака Ксенофонтъ видитъ не только въ продолженіи рода: вслѣдствіе различія въ природной организаціи мужъ и жена какъ-бы нуждаются другъ въ другѣ, какъ-бы взаимно дополняютъ другъ друга. Жена—лучшая помощница въ домѣ и въ воспитаніи дѣтей; она — опора въ старости, лучшій другъ для мужа и дѣтей и т. д.

Итакъ, Ксенофонтъ не сторонникъ широкой женской эмансипаціи; но онъ высказываетъ гуманный взглядъ на женщину и ставитъ ее высоко какъ жену, мать и хозяйку въ домѣ. Его Исхомахъ призываетъ жену къ дружной, совмѣстной работѣ въ сферѣ домашняго хозяйства и семьи. Если жена оказывается здѣсь плохою помощницею, то Ксенофонтъ возлагаетъ вину на самого мужа: онъ долженъ осторожно, гуманно и съ любовью обучать и воспитывать то большею частью юное, необразованное, робкое и безпомощное существо, которое онъ беретъ къ себѣ въ домъ въ качествѣ жены. Такимъ образомъ, Ксенофонтъ заговорилъ уже объ обязанностяхъ и нравственной отвѣтственности мужа.

Факты, правда, скудные, исторической дѣйствительности подтверждаютъ существованіе въ греческой женщинѣ стремленія къ болѣе широкому умственному развитію и къ эмансипаціи.

Важнымъ моментомъ въ исторіи женскаго движенія въ Аѳинахъ является эпоха Просвѣщенія, т.-е. вторая половина V в. до Р. Х., когда, какъ было упомянуто, обнаружилось стремленіе къ освобожденію отъ какихъ бы то ни было оковъ

и стѣсненій. Эмансипація женщинъ должна была выразиться главнымъ образомъ въ двухъ направленіяхъ: во-первыхъ, въ отрѣшеніи отъ условной морали, въ нарушеніи установившихся правилъ приличія и нравственности, и, во-вторыхъ, въ стремленіи къ высшему образованію. Такое стремленіе прежде всего обнаруживается въ Малой Азіи, Іоніи, гдѣ до тѣхъ поръ и политическая, и умственная жизнь шла быстрѣе.

Яркой, наиболѣе типичной представительницей эпохи „Просвѣщенія“ и вѣка Перикла въ этомъ отношеніи является знаменитая Аспазія, дочь Аксіоха, родомъ изъ Милета, и въ приведенныхъ выше словахъ хора изъ Еврипидовой „Медеи“ видятъ намекъ именно на нее.

Аспазія славилась своимъ умомъ и образованіемъ. Она появилась въ Аѳинахъ, новомъ центрѣ умственной жизни Греціи, „школѣ Эллады“, около середины V в. и здѣсь заняла выдающееся положеніе въ обществѣ. Мы видимъ ее въ домѣ и въ кружкѣ Перикла, разведшагося съ первою своею женою, съ которою у него, повидимому, было мало общаго и которая послѣ того вступила въ новый бракъ. Женился ли Периклъ на Аспазіи, вопросъ спорный; есть основаніе думать, что Аспазія не была гетерой, куртизанкой, какъ прежде обыкновенно полагали, и что она была женою Перикла; но ихъ бракъ съ точки зрѣнія тогдашняго аттическаго права не могъ считаться законнымъ вполнѣ, ибо Аспазія не была аѳинянка; по проведенному же передъ тѣмъ самимъ Перикломъ закону дѣти отъ подобныхъ браковъ не пользовались правами гражданства. Какъ бы то ни было, Перикла и Аспазію связывала искренняя, серьезная и нѣжная любовь. Любовь эта основывалась на сходствѣ ихъ духовныхъ стремленій, на общности интересовъ и одинаковости уровня умственнаго развитія. Аспазія была истинной подругой жизни Перикла, его совѣтникомъ, вдохновлявшимъ и поддерживавшимъ его въ трудной дѣятельности. Тутъ казался осуществленнымъ тотъ идеалъ брака и супружескаго счастья, о которомъ говоритъ Д. С. Милль въ своемъ трактатѣ „Подчиненность женщины“.

Аспазія была душою того кружка, который собирался въ домѣ Перикла: богато одаренная, сіявшая красотою, съ глубокимъ и высоко развитымъ умомъ, обладавшая даромъ красно-

рѣчія, она здѣсь первенствовала во всѣхъ отношеніяхъ. Тутъ, при ея дѣятельномъ участіи и даже, быть можетъ, руководствѣ, велись разговоры на самыя разнообразныя темы, волновавшія умы и касавшіяся политики, философіи, брака и семейнаго счастья, образованія и воспитанія. Какіе иногда обсуждались здѣсь вопросы, на это нѣкоторымъ указаніемъ служитъ обвиненіе противъ Аспазіи въ безбожіи и нечестіи, поднятое Гермиппомъ.

Если вѣрить древнимъ, Аспазія вдохнула новую жизнь въ просвѣтительную философію того времени; она давала толчекъ къ новымъ идеямъ. Ее называли наставницею Сократа и Перикла. Ей приписывали большую долю вліянія на философское развитіе перваго. Сократовскій методъ, какъ говорили, есть методъ Аспазіи, и у одного древнаго писателя [1]) приводится разговоръ (правда, мнимый) [2]) Аспазіи съ Ксенофонтомъ и его женою именно по такому методу на тему о бракѣ и образованіи жены. Въ Ксенофонтовомъ діалогѣ „О хозяйствѣ“ Сократъ, на вопросъ своего собесѣдника, какъ воспитать хорошую жену, рекомендуетъ ему обратиться къ Аспазіи, „которая все это гораздо лучше объяснитъ“. Въ „Менексенѣ“, діалогѣ принадлежащемъ или, по крайней мѣрѣ, приписываемомъ Платону, Сократъ воспроизводитъ рѣчь, произнесенную будто-бы Аспазіей. Выслушавъ, Менексенъ говоритъ: „Аспазію можно назвать счастливою, если она, будучи женщиной, въ состояніи сочинять такія рѣчи“, на что Сократъ отвѣчаетъ: „Если не вѣришь, то слѣдуй за мною и услышишь, какъ она говоритъ“. „Я часто встрѣчался съ Аспазіей“, замѣчаетъ Менексенъ, „и знаю, какова она“. По словамъ Сократа, у него была не плохая учительница въ риторикѣ, а такая, которая сдѣлала хорошими ораторами многихъ другихъ и даже Перикла, — Аспазія; послѣ этого неудивительно быть сильнымъ въ словѣ. Упоминается о „прекрасныхъ рѣчахъ“ Аспазіи политическаго содержанія. Аспазіи приписывали также большое вліяніе на Перикла. Говорили, будто она составила ту знаменитую надгробную рѣчь, которую произнесъ Периклъ

[1]) У Цицерона со словъ Эсхина.

[2]) Такъ какъ Ксенофонтъ не могъ въ то время быть уже женатымъ.

надъ павшими воинами, воспользовавшись ея отрывками, и хотя все это говорится въ „Менексенѣ“ скорѣе въ видѣ иронiи или шутки, тѣмъ не менѣе такiя подробности характерны: онѣ показываютъ, какъ въ древности смотрѣли на Аспазiю, ея краснорѣчiе и силу ея вліянiя. Ея вліяніе усматривали и въ политическихъ событiяхъ того времени, въ такихъ фактахъ, какъ война съ Самосомъ или Пелопоннесская война. Недаромъ комики называли ее Омфалой, Деянирой, Герой Перикла.

Аспазiя была лишь наиболѣе яркимъ, но не единичнымъ явленiемъ. Въ Платоновомъ „Пирѣ“ передается бесѣда Сократа съ мантинейскою жрицею Діотимою объ Эросѣ, при чемъ Сократъ называетъ эту Діотиму „мудрою“ и какъ бы ея авторитетомъ прикрываетъ свое ученiе объ идеальной, одухотворенной любви.

Женская эмансипацiя, отрѣшенная отъ обычной нравственности, нашла себѣ крайнее выраженiе въ гетеризмѣ. Къ гетерамъ многiе причисляютъ и Аспазiю, но это, какъ мы говорили уже, едва-ли вѣрно. Впослѣдствiи нѣкоторыя изъ гетеръ были своего рода знаменитостями. Онѣ вдохновляли художниковъ, ораторовъ. Имъ воздвигали статуи, великолѣпные памятники. Все это показываетъ, какую роль играли гетеры, эти „жрицы свободной любви“, въ тогдашнемъ аѳинскомъ обществѣ и какимъ поклоненiемъ окружены онѣ были, и вмѣстѣ съ тѣмъ характеризуетъ женскую эмансипацiю въ V—IV в.

Важнѣе проявленiе этой эмансипацiи въ другой формѣ, въ иной сферѣ,—въ области науки и философiи. Впослѣдствiи немало женщинъ въ Аѳинахъ подвизалось на этомъ поприщѣ: стремленiе греческой женщины къ высшему образованiю оказывалось жизненнымъ...

Метэки и рабы.

Важною составною частью населенiя въ Аѳинскомъ государствѣ были *метэки* или *метойки* [1]), чужеземцы, поселив-

[1]) Clerc, Les métèques athéniens. P. 1893, и пособiя по греческимъ древностямъ Busolt'a, Gilbert'a, В. В. Латышева.

шіеся въ Аттикѣ, „жившіе вмѣстѣ“, рядомъ съ гражданами (отсюда и самое названіе ‚метэкъ“).

Еще въ старинныхъ преданіяхъ Аѳины славились тѣмъ широкимъ гостепріимствомъ, которое оказывали онѣ пришельцамъ и чужеземцамъ. У Софокла слѣпой Эдипъ, прибывшій вмѣстѣ съ своею дочерью Антигоною въ Колонъ, предмѣстье Аѳинъ, ссылается на это: „Аѳины, говорятъ, самый богобоязненный городъ; онѣ однѣ способны спасти несчастнаго пришельца, однѣ въ состояніи ему помочь“. У Еврипида гонимые всюду Гераклиды—въ пьесѣ того же имени—находятъ великодушную защиту только въ Аѳинахъ, въ „странѣ свободной“, которая считаетъ ужаснымъ позоромъ выдать чужеземцевъ, молящихъ о пріютѣ. Говорятъ, у аѳинянъ существовалъ даже законъ, повелѣвавшій будто-бы принимать всѣхъ желающихъ изъ грековъ,—извѣстіе, основывающееся, повидимому, на недоразумѣніи и вызванное именно тѣмъ фактомъ, что Аѳины охотно принимали переселявшихся чужеземцевъ.

Съ развитіемъ политическаго могущества Аѳинъ, ихъ господства на морѣ, торговли и промышленности число переселенцевъ изъ другихъ странъ росло быстро. Государство поощряло этотъ приливъ иноземцевъ; оно оказывало нерѣдко разныя льготы имъ. Но правомъ гражданства [1]) чужеземцы въ общемъ въ Аттикѣ не пользовались. Этой чести удостоивались лишь отдѣльныя лица, да и то въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ и съ нѣкоторыми ограниченіями. Получившій право гражданства напр. не могъ быть однимъ изъ 9 архонтовъ; только сыновья его, если они были рождены отъ законнаго брака съ аѳинянкой, вступали во всѣ права аѳинскаго гражданина. Поселившіеся въ Аттикѣ иностранцы не могли пріобрѣтать недвижимость, а если государство предоставляло имъ эту привилегію, то съ ограниченіемъ: стоимость пріобрѣтаемаго дома не должна была превышать 2000 драхмъ, а стоимость земельнаго участка — 12000 др. Тѣ иностранцы, которые у себя на родинѣ оказывали какія-либо услуги аѳинянамъ, получали титулъ „гостепріимца“, *проксена*, а иногда еще и *евергета* („благодѣтеля“). Проксеновъ сравниваютъ съ

[1]) Szanto, Das griechische Burgerrecht. Freiburg i. Br. 1892.

нынѣшними консулами. Они обязаны были принимать у себя частныхъ аѳинскихъ гражданъ. а въ особенности аѳинскихъ пословъ, въ случаѣ ихъ прибытія, оказывать содѣйствіе въ ихъ сношеніяхъ съ правительственными лицами и учрежденіями того города и т. под. Въ замѣнъ проксенамъ предоставлялись разныя почетныя привилегіи и матеріальныя выгоды въ Аѳинахъ: доступъ въ совѣтъ и народное собраніе, право пріобрѣтать недвижимость, неприкосновенность личности и имущества, иногда освобожденіе отъ пошлинъ, право ввоза и вывоза, почетное мѣсто въ театрѣ. Аѳинскимъ сановникамъ вмѣнялось въ обязанность оказывать содѣйствіе проксенамъ, если они въ чемъ-либо будутъ нуждаться.

Иноземцы, прожившіе въ Аттикѣ дольше извѣстнаго срока, должны были записаться въ метэковъ. Съ другой стороны, въ метэки вступали и вольноотпущенники. Такимъ образомъ классъ метэковъ пополнялся частью свободными, частью изъ рабовъ. Одинъ древній авторъ говоритъ, что многіе метэки были лидійцы, фригійцы, сирійцы и другіе различные варвары. Вѣроятно, это относится больше къ вольноотпущенникамъ; собственно метэки были преимущественно греки [1]). Число метэковъ въ Аѳинскомъ государствѣ въ пору расцвѣта демократіи превышало 10000 (по Э. Мейеру, — до 14000), не считая женщинъ и дѣтей. Метэки могли жить всюду, гдѣ хотѣли: особаго какого-либо квартала въ Аѳинахъ для нихъ не было отведено. Метэкъ обязанъ былъ избрать себѣ простата, „предстателя“, патрона. Но тутъ есть неясность: по свидѣтельству лексикографовъ, простатъ являлся посредникомъ между метэкомъ и правительственными учрежденіями, государствомъ; но въ дѣйствительности мы нигдѣ не видимъ такой посреднической дѣятельности простатовъ. Есть основаніе думать [2]), что простатъ былъ необходимъ лишь для внесенія метэка въ списокъ или реэстръ: онъ какъ-бы представлялъ его дему (метэкъ, разумѣется, не становился демотомъ, а обозначался лишь какъ живущій въ такомъ-то демѣ). Во всякомъ случаѣ метэки не были кліентами отдѣльнаго лица; если ихъ и можно на-

[1]) Ксенофонтъ, „О доходахъ“, II, 3; Clerc, стр. 381—3.

[2]) Wilamowitz-Möllendorff, Demotika der Metoeken (Hermes, XXII, 1887).

звать кліентами, то — только аѳинскаго народа, государства, у котораго они находились подъ покровительствомъ и защитой.

Съ метэковъ взималась особая подать въ размѣрѣ 12 драхмъ съ мужчины и 6 драхмъ съ женщины, если она была одинокая вдова или имѣла еще невзрослыхъ сыновей. Кромѣ того метэки платили нѣкоторую сумму за право торговли на рынкѣ. Въ случаѣ прямого обложенія (эйсфора), подлежали ему и метэки, притомъ въ большей долѣ, нежели граждане. Наиболѣе богатые участвовали и въ литургіяхъ, напр. въ хорегіи, но не въ тріэрархіи: отъ послѣдней они были свободны. Метэки привлекались къ военной службѣ, въ пѣхотѣ, и участвовали въ походахъ въ ближайшія, сосѣднія съ Аттикой мѣстности, но не въ далекихъ, заморскихъ экспедиціяхъ; во флотѣ они входили въ составъ экипажа и гребцовъ. Въ общемъ въ отношеніи повинностей ихъ положеніе было въ сущности даже выгоднѣе, чѣмъ положеніе гражданъ. Государство ихъ не притѣсняло и не эксплуатировало въ какихъ-либо фискальныхъ цѣляхъ. Та подать, которую платили метэки, была невелика и скорѣе служила лишь отличіемъ ихъ отъ гражданъ.

Въ религіозныхъ процессіяхъ, напр. въ Великихъ Панаѳинеяхъ, участвовали и метэки. Вообще они жили общею жизнью съ гражданами. Ихъ интересы и судьба тѣсно были связаны съ интересами и судьбой самого государства, того демократическаго строя, который утвердился въ Аѳинахъ. Метэки являлись обыкновенно сторонниками этой демократіи. Въ свою очередь государство оказывало имъ покровительство; оно нуждалось въ нихъ; его благосостояніе зависѣло въ значительной мѣрѣ отъ метэковъ, которые являлись по преимуществу рабочимъ, промышленнымъ и торговымъ классомъ; безъ нихъ трудно было бы строить и снаряжать корабли, поддерживать флотъ на надлежащей высотѣ. И метэка въ обыденной жизни трудно было отличить отъ гражданина: онъ жилъ какъ гражданинъ, такъ же одѣвался, такъ же держалъ себя, отличался такою же свободою рѣчи. Это отмѣчаетъ и авторъ олигархическаго произведенія времени Пелопоннесской войны [1]), не-

[1]) Псевдо-Ксенофонтовой „Аѳинской Политіи“.

годуя на „распущенность“ аѳинскихъ метэковъ. Метэкъ могъ даже покупать и держать у себя рабовъ.

Метэки занимались разнообразными профессіями. Мы видимъ среди нихъ простыхъ рабочихъ и ремесленниковъ; были между ними и выдающіеся мастера: аттическая керамика немало обязана своимъ развитіемъ и славой метэкамъ. Среди этого класса были мелкіе торговцы и крупные коммерсанты, особенно по хлѣбной торговлѣ, находившейся большею частью въ рукахъ метэковъ; капиталисты и банкиры; представители свободныхъ профессій, врачи, артисты, художники, поэты, ученые и ораторы-логографы, т.-е. писавшіе рѣчи для другихъ—для своихъ кліентовъ, которые и произносили ихъ въ свою защиту на судѣ. Къ этому классу принадлежали такіе напр. ораторы, какъ Исей и въ особенности Лисій, „самый славный изъ аѳинскихъ метэковъ“. Примѣръ Лисія и его отца Кефала показываетъ намъ, какое положеніе могъ занимать метэкъ въ аѳинскомъ обществѣ.

Кефалъ былъ богатый сиракузянинъ, котораго Периклъ убѣдилъ переселиться въ Аттику. Здѣсь ему дарованы были нѣкоторыя привилегіи, напр. уравненіе съ гражданами въ отношеніи повинностей (исотелія) и право пріобрѣтать недвижимую собственность. Домъ этого метэка въ Пиреѣ былъ однимъ изъ центровъ, гдѣ собирались выдающіеся люди тогдашнихъ Аѳинъ — Софоклъ, Сократъ и друг. У Платона знаменитый діалогъ о „Государствѣ“ происходитъ именно въ домѣ Кефала. Кефалу и его сыновьямъ принадлежало еще нѣсколько домовъ и большая фабрика щитовъ, на которой работало не менѣе 120 рабовъ. Сыновья получили прекрасное образованіе, какое получали молодые люди лучшихъ аѳинскихъ фамилій: старшій, Полемархъ, обнаруживалъ склонность къ философіи; въ честь другого, Евтидема, Платонъ назвалъ одинъ изъ своихъ діалоговъ; Лисій явился знаменитымъ ораторомъ. Во время тиранніи Тридцати Полемархъ былъ умерщвленъ, а Лисій едва спасся въ сосѣднюю Мегару, причемъ одинъ изъ Тридцати взялъ находившіеся въ домѣ Лисія въ кассѣ 3 таланта, 400 кизикскихъ монетъ, 100 дариковъ и 4 серебряныхъ чаши; кромѣ того тираны присвоили 700 щитовъ, принадлежавшихъ семьѣ Кефала, у которой, какъ сказано, была

фабрика, и „столько серебра, золота, бронзы, украшеній, мебели и женскихъ одеждъ, сколько никогда и не думали имѣть“ [1]), а также 120 рабовъ, изъ которыхъ лучшихъ оставили себѣ, остальныхъ же отдали государству. Но Лисій имѣлъ еще капиталы, помѣщенные заграницей. Въ отрядѣ Ѳрасибула, выступавшій на освобожденіе Аѳинъ отъ тиранніи Тридцати, онъ послалъ 2000 драхмъ, 200 щитовъ и 300 наемниковъ, нанятыхъ и вооруженныхъ на его счетъ. Все это показываетъ, какими средствами располагалъ метэкъ Кефалъ и его сыновья

И все-же метэки не были полноправны: они не участвовали ни въ народномъ собраніи, ни въ судѣ, не могли быть сановниками; ихъ дѣла, какъ негражданъ, „чужихъ“, вѣдалъ полемархъ; ихъ браки съ аѳинянином или аѳинянкой не признавались законными и дѣти отъ такихъ браковъ, въ силу Периклова закона, не имѣли правъ гражданства; метэки не могли пріобрѣтать недвижимую собственность. Впрочемъ, привилегіи, предоставлявшія отдѣльнымъ лицамъ право брака и пріобрѣтенія недвижимости, исотелію, уравнивавшую съ гражданами въ отношеніи повинностей, освобожденіе отъ особой подати, право выступать въ походъ въ отрядѣ гражданъ, доступъ въ совѣтъ и народное собраніе (въ смыслѣ непосредственныхъ сношеній съ этими учрежденіями),—всѣ такія личныя привилегіи имъ давались легко, по постановленію аѳинскаго народа. Только право гражданства доставалось съ трудомъ: его получали лишь немногіе. Даже Лисій, не смотря на свою славу оратора-логографа и на всѣ услуги, оказанныя демократіи, не пользовался имъ. По предложенію Ѳрасибула, главнаго дѣятеля по освобожденію Аѳинъ отъ тиранніи Тридцати, Лисію, правда, постановлено было предоставить право гражданства, но противъ этого выступилъ съ graphē paranomōn, ссылаясь на несоблюденіе нѣкоторыхъ формальностей, другой дѣятель по возстановленію демократіи, Архинъ, и состоявшееся уже постановленіе было потомъ отмѣнено.

Весьма многочисленъ въ Аттикѣ былъ классъ рабовъ [2]).

---

[1]) Рѣчь самого Лисія противъ Эратосѳена, 8—19.

[2]) О рабахъ—Wallon, Hist. de l'esclavage dans l'antiquité. P. (2-е изд.—

Правда, цифра, которую встрѣчаемъ у одного древняго автора (Аѳинея) и которую прежде принимали—400000,—по новѣйшимъ изслѣдованіямъ [1]) оказывается невѣрною; но все-таки рабовъ въ Аѳинскомъ государствѣ было почти столько же, сколько гражданъ, около 40—60 тыс., не считая женщинъ и дѣтей. Это были въ громадномъ большинствѣ „варвары“ изъ Лидіи, Фригіи, Пафлагоніи, Сиріи, Ѳракіи и особенно изъ Скиѳіи. Ростъ рабства обусловливался развитіемъ промышленности и богатства; можно сказать, что онъ былъ прямо пропорціоналенъ этому развитію. Промышленность требуетъ новыхъ рукъ. Свободные рабочіе, особенно сельскіе, оказываются мало подходящими. „Свободные граждане“, говоритъ Эд. Мейеръ [2]), „хотя бы и угнетаемые сильной нуждой, не проявляли особенной склонности вырабатывать въ себѣ техническую сноровку“. Притомъ, свободные рабочіе стоятъ дорого. „Они требуютъ такой платы, на которую могли бы жить; ихъ нужно сначала обучить дѣлу, а еще спорный вопросъ, возвратятъ ли они предпринимателю затраченный на ихъ подготовку капиталъ; но прежде всего, они—свободные граждане, юридически и политически стоящіе наравнѣ съ работодателями, совсѣмъ не то, что на Востокѣ люди, съ малолѣтства привыкшіе къ невольнической жизни. Но промышленность нуждается въ возможно дешевыхъ рабочихъ, силы которыхъ, разъ они попали въ ея руки, она старается использовать наиболѣе полнымъ образомъ... За небольшой капиталъ предприниматель покупаетъ рабочую силу, которую онъ можетъ обучить для своихъ цѣлей и затѣмъ использовать до конца... А самое главное — работникъ юридически совершенно въ его власти; онъ можетъ эксплуатировать его силы гораздо интенсивнѣе, чѣмъ это возможно съ рабочей силой свободнаго человѣка“.

Въ пору расцвѣта аѳинской демократіи мы видимъ рабовъ всюду—въ домѣ, въ полѣ, въ лавкѣ, въ банкирской конторѣ, въ мастерскихъ, на тогдашнихъ фабрикахъ, на торговыхъ су-

1879); Э Мейеръ, Рабство въ древн. мірѣ. М. 1899, пер. съ нѣм.; М. С. Куторга, Общественн. положеніе рабовъ и вольноотпущенныхъ въ Аѳ. респ., въ I т. его „Собр. соч.“ Спб. 1894.

[1]) Главн. образ. Белоха, Die Bevölkerung der griech.-römisch. Welt.

[2]) Рабство въ древн. мірѣ, стр. 38—39.

дахъ въ качествѣ гребцовъ и особенно въ рудникахъ. Они и чернорабочіе, и домашняя прислуга, и мастера, и надсмотрщики, управляющіе, писцы, счетчики, мелкіе служащіе, наконецъ — воспитатели - „педагоги". Рѣдко какой состоятельный аѳинянинъ не имѣлъ хотя бы одного-двухъ рабовъ. Другіе содержали ихъ нѣсколько десятковъ: у отца Демосѳена на фабрикѣ мечей было 32—33 раба; у Лисія, какъ мы видѣли,— 120, а Никій въ арендуемыхъ имъ рудникахъ имѣлъ 1000. Держали рабовъ не только для себя или для своего предпріятія: ихъ отдавали въ наймы и другимъ. Никій разработку рудниковъ предоставилъ ѳракійцу, поставленному надъ рабами. Нерѣдко рабы жили отдѣльно отъ господина, который за извѣстный оброкъ предоставлялъ имъ заниматься ремесломъ.

Главными рынками, гдѣ продавались рабы, кромѣ упомянутаго уже раньше (на стр. 15) Хіоса, были Делосъ, Византія и нѣкоторые другіе пункты. Въ самихъ Аѳинахъ былъ рынокъ, гдѣ на особой эстрадѣ, въ обнаженномъ видѣ, выставлялись рабы для продажи. Цѣна на рабовъ была разная въ зависимости отъ пола, возраста, качествъ или обученія раба. Въ среднемъ она равнялась 2 минамъ (около 75 — 80 руб. на наши деньги); рабы, предназначавшіеся для черной работы, стоили дешевле, а обученные, искусные въ разныхъ мастерствахъ, оцѣнивались въ 5 — 6 и даже 10 и болѣе минъ. Обыкновенно рабъ приносилъ господину прибыли по 1 оболу въ день. Такой доходъ получалъ Никій со своихъ 1000 рабовъ, работавшихъ въ рудникахъ; въ годъ это составляло 10 талантовъ (24000 руб.). Опытные мастера, стоившіе дороже, доставляли и прибыли больше. 32 или 33 кузнеца на фабрикѣ Демосѳенова отца приносили дохода 30 минъ въ годъ, т.-е. около 100 драхмъ каждый, а 20 столяровъ—12 минъ, т.-е. каждый по 60 драхмъ въ годъ или 1 оболъ въ день. Считая стоимость раба по 2 мины, это составитъ 30% на затраченный капиталъ [1]).

На рабовъ иногда налагали оковы, чтобы они не бѣжали. Ихъ можно было подвергать тѣлесному наказанію (обыкновенно плетью). Въ тѣхъ случаяхъ, когда свободный человѣкъ под-

[1]) Белохъ, Ист. Греціи, 1, 228.

вергался штрафу, рабъ отвѣчаетъ своимъ тѣломъ, т.-е. подвергается тѣлесному наказанію. Одна надпись гласитъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ съ свободнаго человѣка полагается 50 драхмъ пени, а рабъ долженъ получить 50 ударовъ [1]). По отношенію къ рабу при процессахъ допускалась пытка. На судѣ его представителемъ являлся господинъ. Вообще рабъ былъ собственностью господина, его какъ-бы вещью, „одушевленнымъ орудіемъ“ или „органомъ“; онъ былъ „тѣло“ (sōma), по тогдашней терминологіи, и господинъ по отношенію къ нему пользовался тѣми же правами, что и по отношенію ко всякому иному предмету собственности. Но въ дѣйствительности этотъ принципъ смягчался, подвергался разнымъ ограниченіямъ, и положеніе рабовъ въ Аѳинахъ было все-же гораздо лучшимъ, чѣмъ во многихъ другихъ государствахъ древняго міра. И тутъ сказывалась гуманность и благоразуміе аѳинянъ, побуждавшія ихъ щадить рабовъ, не доводить до ожесточенія такой многочисленный классъ; и тутъ царство закона и демократическая свобода были въ пользу рабовъ [2]). Государство брало послѣднихъ подъ свою защиту. Напр. запрещалось дурно обращаться съ чужимъ рабомъ; виновный въ этомъ подлежалъ отвѣтственности — предавался суду и платилъ штрафъ. Еще по Драконову законодательству за убійство раба полагалось наказаніе, какъ и за убійство свободнаго. Господину не дозволялось убивать или казнить своего раба. Даже если рабъ заслужилъ смерть, убилъ напр. своего господина и былъ схваченъ на мѣстѣ преступленія, то родственники убитаго не могли сами подвергнуть его смерти, а должны были представить его властямъ, чтобы послѣднія примѣнили къ нему наказаніе, слѣдуемое по закону. Въ случаѣ жестокаго обращенія со стороны господина рабъ могъ воспользоваться правомъ убѣжища — въ храмѣ Тезея или въ святилищѣ Евменидъ, — могъ спастись, выражаясь словами Еврипида, „подъ защиту алтаря, какъ преслѣдуемый звѣрь

[1]) Beauchet, Histoire du droit privé de la républ. athén. P. 1897, II, 425 сл.

[2]) Busolt, Die griech. Staats-und Rechtsaltertumer 2-te Aufl. München. 1892, стр. 196 (въ коллекціи Handbuch d. klass. Altertumswissenschaft, изд. Iw. Muller'омъ).

подъ защиту камня", и даже требовать, чтобы его продали другому господину. Рабы имѣли доступъ въ святилища и участвовали въ религіозныхъ празднествахъ; они могли даже, если были греки, быть посвященными въ элевсинскія мистеріи. Но посѣщать гимназіи и палестры имъ было запрещено. Къ службѣ во флотѣ они привлекались только въ исключительныхъ случаяхъ; такъ было въ 406 г., передъ битвой при Аргинусахъ, при чемъ рабамъ, поступившимъ во флотъ, обѣщана была свобода. Рабы, которымъ за извѣстный оброкъ предоставлялось жить отдѣльно отъ господина и заниматься ремесломъ, пользовались, разумѣется, большею свободою, могли пріобрѣтать средства и выкупиться на волю.

Кромѣ рабовъ, принадлежавшихъ частнымъ лицамъ, въ Аѳинахъ были и рабы государственные [1]), т.-е. составлявшіе собственность государства и ему служившіе. Это — „стрѣлки" или „скиѳы", въ числѣ сначала 300, а впослѣдствіи 1200, отправлявшіе полицейскую службу, глашатаи, тюремщики, писцы и т. под. Положеніе государственныхъ рабовъ было гораздо лучше положенія остальныхъ; они получали жалованье, имѣли свое жилище, свое хозяйство, пользовались извѣстнымъ досугомъ и нѣкоторою независимостью, вообще приближались скорѣе къ метэкамъ.

Рабы могли получать свободу посредствомъ выкупа; случалось, что господинъ и даромъ отпускалъ раба на волю или государство давало свободу рабамъ за какія-либо заслуги, напр. за то, что они храбро сражались при Аргинусахъ, а чаще за донесенія о государственномъ преступленіи, раскрытіе опасныхъ замысловъ и т. д. Въ такомъ случаѣ господину возмѣщалась стоимость раба. Отпущенный на волю вступалъ въ классъ метэковъ, но продолжалъ однако находиться въ нѣкоторой зависимости отъ прежняго господина, напр. долженъ былъ именно его избирать себѣ въ „простаты", неся нѣкоторыя обязанности по отношенію къ нему и въ случаѣ нарушенія ихъ, по приговору суда, могъ опять возвратиться въ рабство; если умиралъ бездѣтнымъ, то наслѣдникомъ его являлся прежній господинъ.

[1]) Waszyński, Rechtliche Stellung der Staatssclaven in Athen (Hermes, XXXIV, 1899).

Вольноотпущенники въ Аѳинахъ не представляли собой такого многочисленнаго и вліятельнаго класса, какъ это было впослѣдствіи въ Римѣ. Но все-таки они играли иногда видную роль. Таковъ, напр., писецъ Никомахъ, „изъ раба сдѣлавшійся гражданиномъ, изъ нищаго—богачемъ, изъ помощника секретаря — номоѳетомъ“, законодателемъ. Таковъ въ особенности Пасіонъ (въ IV в.). Онъ былъ рабомъ у одного аѳинскаго мѣнялы и своимъ трудолюбіемъ и честностью пріобрѣлъ такое его расположеніе, что тотъ даровалъ ему свободу и передалъ даже свое дѣло. Пасіонъ сдѣлался первымъ банкиромъ тогдашнихъ Аѳинъ. Кромѣ того, онъ имѣлъ большую фабрику оружія. За услуги государству народъ даровалъ ему и его потомкамъ право гражданства. Въ старости Пасіонъ передалъ свое дѣло вмѣстѣ съ фабрикой Форміону, который сначала тоже былъ рабомъ, потомъ вольноотпущенникомъ и исполнялъ обязанности нынѣшнихъ бухгалтеровъ и кассировъ. Кромѣ того, Пасіонъ завѣщалъ своей женѣ выйти замужъ за Форміона, котораго назначилъ опекуномъ одного изъ своихъ сыновей.

Рабы нерѣдко являлись лицами, близкими къ семьѣ господина, вѣрными и преданными его домочадцами. Нѣкоторыя надгробныя надписи трогательно выражаютъ привязанность питомцевъ къ ихъ воспитателямъ и кормилицамъ изъ класса рабовъ. Въ произведеніяхъ аѳинскихъ трагиковъ мы встрѣчаемъ также немало примѣровъ этому. Ксенофонтъ въ число обязанностей хозяйки ставитъ заботу о больномъ рабѣ, чтобы за нимъ былъ достаточный уходъ. Вообще тогдашняя литература изображаетъ положеніе раба въ Аѳинахъ не особенно тяжкимъ. Рабы, напр., у Аристофана не отличаются робостью; они не запуганы. Они нерѣдко фамильярны и дерзки. Ксанѳій въ „Лягушкахъ“ — скорѣе младшій товарищъ Діониса, нежели невольникъ. Но особенно характерно свидѣтельство автора олигархическаго произведенія [1]) времени Пелопоннесской войны, который негодуетъ на то, что рабы въ Аѳинахъ, какъ и метэки, отличаются крайнею „распущенностью“: въ Аѳинахъ нельзя ударить раба; онъ не уступитъ тебѣ дороги;

[1]) Псевдо-Ксенофонтовой „Аѳинской Политіи“, I, 10—12.

по одеждѣ и по внѣшнему виду онъ не отличается отъ свободнаго; рабамъ позволяется тамъ нѣжиться, а нѣкоторымъ даже жить пышно; но гдѣ рабы богаты, тамъ нѣтъ выгоды, чтобы мой рабъ боялся тебя, ибо въ такомъ случаѣ онъ станетъ жертвовать своими средствами, чтобы не подвергать риску свою жизнь. Мы, замѣчаетъ авторъ, предоставили рабамъ такую же свободу рѣчи, какъ и не рабамъ. Объ этомъ говоритъ въ IV в. и Демосѳенъ (въ своей третьей „Филиппикѣ“): „Вы“, напоминаетъ онъ аѳинянамъ, „считаете свободу рѣчи настолько общимъ достояніемъ всѣхъ, что удѣлили ее и чужеземцамъ, и рабамъ; у васъ многіе рабы говорятъ, что хотятъ, съ бо̀льшей свободой, нежели въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ граждане“.

Но хотя въ Аѳинскомъ государствѣ положеніе рабовъ и было лучше по сравненію съ другими странами, многіе изъ нихъ, естественно, были недовольны своею участью. Нѣкоторые источники [1]) говорятъ о томъ, что и въ Аѳинахъ рабы были „дурно настроены“ противъ господъ. Массовыхъ возстаній рабовъ, какіе происходили въ Римѣ, въ Аттикѣ не бывало; но рабы иногда бѣжали отъ господъ. Когда, напр., спартанцы заняли Декелею во время Пелопоннесской войны, то къ нимъ перебѣжало изъ Аѳинъ до 20000 рабовъ, большею частью ремесленниковъ.

Какъ извѣстно, Аристотель отстаивалъ необходимость рабства; по его мнѣнію, сама природа предназначила однихъ къ тому, чтобы быть свободными, другихъ къ тому, чтобы быть рабами. Но еще во второй половинѣ V в., въ эпоху просвѣщенія и эмансипаціи личности, высказывались иныя воззрѣнія, осуждавшія рабство и ставившія раба наравнѣ съ свободнымъ. Воззрѣнія эти мы встрѣчаемъ у софистовъ и у Еврипида. По словамъ, напр., Алкидама, богъ всѣхъ насъ создалъ свободными; природа никого не сдѣлала рабомъ. У Еврипида съ одной стороны высказываются мысли, что рабъ, который размышляетъ больше, чѣмъ слѣдуетъ, величайшее бремя для дома и нѣтъ ничего хуже и безполезнѣе подобной собственности; что нехорошо покупать или держать раба, который умнѣе госпо-

[1]) Напр. Лисій въ одной изъ своихъ рѣчей, VII, 34.

дина, что тотъ глупецъ, кто довѣряетъ рабу; для раба чрево— все; больше онъ ни о чемъ не думаетъ. Съ другой стороны рабство выставляется величайшимъ несчастіемъ; это—насиліе и несправедливость. Если и у Эсхила говорится о необходимости хорошо, кротко обращаться съ рабами, то особенно на этомъ настаиваетъ Еврипидъ. У него ярко изображается несчастное положеніе рабовъ, которые, не смотря на свой тяжелый трудъ, позволяющій господамъ наслаждаться жизнью и развивать свой умъ, обречены на положеніе рабочаго скота [1]). Еврипидъ отводитъ рабамъ видное мѣсто въ своихъ пьесахъ, часто изображая ихъ преданность, вѣрность и то, какъ они раздѣляютъ горе и радость господъ; у него рабы, наравнѣ съ другими, разсуждаютъ о вопросахъ религіи, политики и нравственности. Мало того: въ одной изъ трагедій устами хора Еврипидъ провозглашалъ ту мысль, что и благородные, и неблагородные— одинаковаго происхожденія; мать-земля дала всѣмъ одинаковый видъ; ничего такого, что̀ насъ отличало бы другъ отъ друга, мы не получили отъ природы; только время и обычай установили различіе между людьми и возвеличили благородное происхожденіе [2]). Раба благороднаго имя не опорочитъ; многіе изъ нихъ — изъ рабовъ — лучше свободныхъ, говорится у Еврипида въ другомъ мѣстѣ [3]). Или:

...У раба
Позорно только имя. Если честенъ,
Такъ чѣмъ же онъ свободнымъ не чета? [4]).

У Еврипида высказывается мысль, что если рабы обыкновенно ниже свободныхъ по своимъ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ, то въ этомъ виновата не природа, а люди и обстоятельства, поставившіе ихъ въ такое положеніе, что хорошія качества рабовъ не могутъ развиваться.

Но не слѣдуетъ думать — какъ полагали это раньше, — будто рабство совершенно вытѣснило и устранило свободныхъ

[1]) Д. Ѳ. Бѣляевъ, Воззрѣнія Еврипида... (Журн. Мин. Нар. Пр., 1882, сент., стр. 372).

[2]) Отрывокъ изъ „Александра“. См. ст. Д. Ѳ. Бѣляева, стр. 363 и 376.

[3]) Въ отрывкѣ изъ „Меланиппы“.

[4]) Іонъ, въ перев. И. Ѳ. Анненскаго (I, 489).

рабочихъ: на-ряду съ рабскимъ трудомъ продолжалъ существовать и свободный трудъ [1]) и послѣдній игралъ видную роль въ V в. Каменщики, плотники, маляры и проч., возведшіе въ Аѳинахъ грандіозныя постройки, были большею частью свободные люди, хотя у нихъ въ ихъ распоряженіи и находилось по 1—2 раба. Вспомнимъ, что строительная дѣятельность вождей аѳинской демократіи имѣла цѣлью дать заработокъ безработной массѣ *свободнаго населенія*. Документальныя свидѣтельства — уцѣлѣвшіе отрывки счетовъ по постройкѣ Эрехѳейона [2]) — показываютъ, что ремесленники, подмастерья, носильщики—частью граждане, частью метэки, но почти безъ исключенія — люди свободные. Но все-же свободный трудъ встрѣтилъ въ рабскомъ трудѣ опаснаго, можно сказать, неодолимаго соперника, который отнималъ хлѣбъ у многихъ свободныхъ гражданъ, принуждалъ ихъ къ праздности или заставлялъ неимущаго гражданина работать за ничтожную плату, идти въ наемники и т. под. Рабство усиливало перевѣсъ капитала и способствовало увеличенію имущественнаго неравенства. Оно заставляло государство брать на себя трудную задачу — заботиться о существованіи неимущихъ гражданъ. Пока государство было сильно, оно выполняло эту задачу, но стало падать его могущество,—и въ благосостояніи и численности населенія долженъ былъ наступить быстрый регрессъ. Рабство содѣйствовало наступленію тѣхъ соціальныхъ кризисовъ, которые впослѣдствіи погубили Грецію [3]).

Впрочемъ, все это стало обнаруживаться лишь впослѣдствіи: пока Аѳины были еще могущественны, находились въ порѣ расцвѣта и благосостояніе разливалось широкою волною среди населенія.

Отношеніе къ союзникамъ.

Аѳинское государство при Периклѣ обнимало не одну Аттику; оно представляло обширную державу, которой подчинено было, если вѣрить Аристофану, до 1000, а судя по

[1]) Что̀ доказано Белохомъ, Э. Мейеромъ, Пельманомъ и друг.

[2]) C. I. A. (Inscr. Gr.), I, n°s 321—324.

[3]) Э. Мейеръ, Рабство въ древн. мірѣ, стр. 43—44; Эконом. развитіе, стр. 59, прим.; Белохъ, Ист. Греціи, I, 180.

спискамъ дани — болѣе 200 союзныхъ городовъ, платившихъ форосъ. Города эти, вскорѣ послѣ торжества Перикла надъ Ѳукидидомъ Алопекскимъ, были раздѣлены на нѣсколько округовъ: іонійскій, геллеспонтскій, ѳракійскій, карійскій, островной. Послѣ Самосскаго возстанія, о которомъ рѣчь впереди, вслѣдствіе отпаденія многихъ городовъ въ Каріи и Ликіи, карійскій округъ соединенъ былъ съ іонійскимъ. Это дѣленіе на округи имѣло значеніе не только въ финансовомъ отношеніи, при раскладкѣ фороса, но иногда и въ военномъ и административномъ. Такимъ образомъ владычество Аѳинъ простиралось на всѣ почти острова и береговую полосу Эгейскаго моря въ Македоніи, Ѳракіи и Малой Азіи, на берега Пропонтиды и, значитъ, могущество ихъ, самое благосостояніе, во многомъ зависѣло отъ вѣрности союзниковъ, отъ отношенія послѣднихъ къ нимъ.

Союзники аѳинскіе дѣлились на два разряда — на автономныхъ и неавтономныхъ, т.-е. подчиненныхъ, платившихъ форосъ. Обязанность первыхъ состояла только въ поставкѣ извѣстнаго контингента флота; фороса они не платили. Во внутреннихъ своихъ дѣлахъ они пользовались полною свободою и независимостью. Аѳиняне не трогали даже аристократической формы правленія, гдѣ она существовала. Такими автономными союзниками ко времени Периклова полновластія были лишь три большихъ острова—Лесбосъ, Хіосъ и Самосъ. Остальные союзники принадлежали ко второй категоріи — къ подчиненнымъ. Но степень зависимости послѣднихъ была не совсѣмъ одинакова; ихъ отношенія къ главѣ союза опредѣлялись большею частью отдѣльными договорами. Благодаря такимъ договорамъ, аѳинское господство получало законный характеръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ различіе въ положеніи союзниковъ вносило извѣстную рознь между ними, мѣшало имъ сплотиться противъ главы союза и такимъ образомъ упрочивало владычество Аѳинъ, державшихся тутъ, очевидно, правила: divide et impera.

Тѣмъ не менѣе, въ положеніи подчиненныхъ союзниковъ можно отмѣтить общія черты, служившія ихъ отличіемъ отъ союзниковъ автономныхъ.

Во-1-хъ. въ замѣнъ доставки флота союзники неавтоном-

ные платили форосъ. По свидѣтельству Ѳукидида, а за нимъ и другихъ авторовъ древности, ежегодная общая сумма первоначальнаго фороса, установленнаго Аристидомъ, равнялась 460 тал., цифра, которая не покажется такою большою, если принять во вниманіе, что соотвѣтствовавшая по своимъ размѣрамъ первая персидская сатрапія платила царю дань нѣсколько даже бо̀льшую [1]). По словамъ Ѳукидида, передъ началомъ Пелопоннесской войны аѳиняне получали ежегоднаго фороса съ союзниковъ обыкновенно 600 талантовъ. Съ другой стороны, изъ сохранившихся надписей выходитъ, что сумма ежегодно получавшейся при Периклѣ дани далеко не достигала означенной цифры. Показаніе Ѳукидида, вѣроятно, не совсѣмъ точно; тутъ нужно, можетъ быть, подразумѣвать, кромѣ фороса, еще и другіе доходы съ союзныхъ городовъ [2]). Какъ бы то ни было, даже и эта цифра (600 т.) не должна казаться большою въ сравненіи съ прежнею; увеличеніе общей суммы еще не показываетъ, что союзники были больше обременены: увеличилась не доля, платимая каждымъ городомъ, а число городовъ, замѣнявшихъ доставку флота денежными взносами. Для характеристики отношенія аѳинянъ Периклова времени къ союзникамъ чрезвычайно важны данныя, почерпаемыя изъ надписей. Оказывается, что при первой же возможности форосъ уменьшался. Заключено было со Спартой пятилѣтнее перемиріе, прекращалась борьба наступательная съ Персіей, и форосъ былъ понижаемъ. Стремленіе къ уменьшенію дани отдѣльныхъ городовъ обнаруживается въ раскладкѣ 450 г. и еще болѣе въ раскладкѣ 446 г. Но характеренъ самый порядокъ, котораго держались аѳиняне при раскладкѣ фороса.

Пересмотръ списковъ дани и новая раскладка ея производились обыкновенно каждые 4 года. Раскладку производилъ совѣтъ. Союзникамъ предоставлено было право аппелляціи: если какой-либо городъ находилъ раскладку несправедливою и наложенную на него сумму фороса слишкомъ большою, то

---

[1]) E. Meyer, Gesch. d. Alterthums, III, 492.

[2]) См. выше, стр. 173, прим. 2.

онъ могъ протестовать и обратиться къ суду геліастовъ, рѣшеніе которыхъ было окончательнымъ.

Случалось, что союзные города часть слѣдуемой съ нихъ дани покрывали единовременной уступкой земли по договору, обыкновенно для поселеній аѳинскихъ клеруховъ. Иногда нѣсколько городовъ вносили форосъ сообща, составляя такъ называемыя *синтеліи*.

Союзники должны были доставлять форосъ въ Аѳины весною, къ празднику Великихъ Діонисій. Въ случаѣ недоимокъ, за сборомъ слѣдуемаго фороса аѳинянами отправляемы были особыя должностныя лица, а въ содѣйствіе имъ отряжались эскадры подъ начальствомъ одного или нѣсколькихъ стратеговъ. Такія экзекуціи, конечно, были особенно ненавистны союзникамъ. Замѣчательно однако, что въ случаѣ недоразумѣній, если, напр., союзный городъ утверждалъ, что онъ уплатилъ слѣдуемый съ него форосъ, производилось слѣдствіе и дѣло разбиралось *судомъ* въ Аѳинахъ. Къ Великимъ Панаѳинеямъ союзные города обязаны были доставлять по быку и парѣ овецъ. Это было какъ-бы символомъ ихъ единенія съ Аѳинами; аѳинскіе колонисты и клерухи обязаны были дѣлать то же, а Элевсинскимъ богинямъ — Деметрѣ и Персефонѣ — союзники должны были доставлять ту же долю „начатковъ“ жатвы, что̀ и сами аѳиняне. Уполномоченные союзныхъ городовъ участвовали въ жертвенныхъ пиршествахъ и въ религіозныхъ процессіяхъ. Являясь въ Аѳины съ форосомъ и съ дарами, они воочію видѣли все богатство умственной и художественной жизни аѳинянъ; предъ ихъ глазами раскрывался весь блескъ и все могущество главы союза...

Какъ уже раньше сказано (стр. 144), союзная казна въ половинѣ V в. была перенесена въ Аѳины, перешла въ распоряженіе главы союза. Но прежде столь распространенное мнѣніе, будто-бы при Периклѣ Аѳины украшались на счетъ союзниковъ, далеко не точно: средства тутъ брались не всѣ отъ союзниковъ; немало суммъ бралось и изъ городской кассы, изъ казны богини Аѳины и „другихъ боговъ“ и т. д. Знаменитая статуя „Парѳеносъ“ Фидія воздвигнута была на деньги, выданныя казначеями богини изъ храмовыхъ суммъ. Средствами для постройки Пропилеевъ служили: доходы отъ

отдачи въ аренду домовъ или участковъ земли, принадлежавшихъ богинѣ, выручка отъ различныхъ проданныхъ предметовъ, проценты съ отданныхъ въ заемъ денегъ, наконецъ, и прямыя выдачи изъ казны казначеевъ богини и изъ кассы эллинотаміевъ. Есть даже мнѣніе, что изъ союзной казны брались средства только на такіе здапія и предметы, которые имѣли какое-либо отношеніе къ союзу или его покровительницѣ, богинѣ Аѳинѣ. Большая часть получаемой дани или служила для пополненія запаснаго фонда, или шла на то, на что форосъ и первоначально предназначался, — на военныя нужды, на содержаніе флота; не хватало на войну фороса, аѳиняне не щадили и другихъ средствъ, дѣлая заемъ изъ казны богини и т. п., не говоря уже о томъ, что обычные, текущіе расходы Аѳины покрывали изъ собственныхъ средствъ.

Форосъ замѣнялъ поставку кораблей, но не сухопутнаго войска; платя форосъ, союзники не совсѣмъ освобождались отъ военной повинности: они должны были поставлять аѳинянамъ отряды пѣхоты, гоплитовъ. Но автономные города были свободны отъ такихъ повинностей.

На строй неавтономныхъ, подчиненыхъ союзныхъ городовъ аѳиняне оказывали большее или меньшее вліяніе и вмѣшивались въ ихъ внутреннія дѣла. Изъ дошедшихъ до насъ договоровъ аѳинянъ съ Эріѳрами, Колофономъ, Халкидой мы видимъ, какъ союзники давали клятву вѣрности сначала Аѳинамъ и союзу, а позже — только одному „демосу аѳинскому“. Во многихъ союзныхъ городахъ аѳиняне ставили постоянные гарнизоны съ фрурархами (комендантами) во главѣ. Иногда они отправляли къ нимъ такъ называемыхъ „епископовъ“; это была не обычная, постоянная должность, а чрезвычайная. Обязанность ихъ состояла въ наблюденіи за политическими отношеніями, въ установленіи порядка, въ организаціи и реформѣ управленія города. Случалось, что для этой цѣли избиралась особая коммиссія.

Наглядный примѣръ зависимости союзниковъ и вліянія Аѳинъ на ихъ внутреннія дѣла представляютъ дошедшіе до насъ, въ видѣ надписей, договоры съ мало-азіатскимъ горо-

домъ Эриѳрами и съ Халкидой на Евбеѣ. Первый [1]) обыкновенно относятъ ко времени вслѣдъ за битвой при Евримедонѣ; слѣдовательно, это—памятникъ скорѣе Кимоновой эпохи. Второй [2]) состоялся послѣ подавленія возстанія Евбеи въ 445 г. и характеризуетъ положеніе союзниковъ въ Периклово время.

Договоръ съ Эриѳрами постановлялъ, что въ городѣ этомъ долженъ быть совѣтъ изъ 120 выбранныхъ по жребію членовъ. Докимасія избраннаго должна происходить предъ совѣтомъ. Членомъ послѣдняго никто не могъ быть моложе 30 лѣтъ; уличеннымъ въ нарушеніи этого правила грозило преслѣдованіе. Раньше четырехъ лѣтъ нельзя было вторично быть членомъ совѣта. На первый разъ произвести выборы должны были „епископы“ и фрурархъ, а на будущее время это предоставлялось состоящему въ должности совѣту и фрурарху. Каждый членъ совѣта прежде вступленія въ должность обязанъ былъ дать клятву именемъ Зевса, Аполлона и Деметры, предъ пылающими жертвами, призывая, въ случаѣ нарушенія ея, гибель на главу свою и дѣтей своихъ. За исполненіемъ этого долженъ былъ наблюдать находящійся въ должности совѣтъ; въ противномъ случаѣ онъ подвергался штрафу въ 1000 драхмъ или къ какому присудитъ его эриѳрейскій народъ. Дававшій клятву обязывался исполнять какъ можно лучше и добросовѣстно свои обязанности по отношенію къ эриѳрейскому народу, аѳинянамъ и союзникамъ, не отлагаться отъ Аѳинъ и союза, не переходить къ врагамъ и другихъ не склонять къ этому, безъ вѣдома аѳинянъ и эриѳрянъ не принимать изгнанниковъ и бѣжавшихъ къ „мидянамъ“ и никого не изгонять и т. д. Въ договорѣ имѣлись постановленія, опредѣлявшія наказанія за преступленія и разнаго рода проступки.

Договоръ съ Халкидой показываетъ намъ, какъ усиливается во время Перикла власть Аѳинъ надъ союзниками, какъ увеличивается степень зависимости послѣднихъ. По постановленію народнаго собранія, аѳинскій совѣтъ и дикасты должны дать клятву въ томъ, что не изгонятъ халкидянъ изъ Хал-

[1]) C. I. A. (=Inscr. Gr.), I), n° 9; Dittenberger, Sylloge... I², n° 8.

[2]) См. выше примѣч. на стр. 133.

киды и не разрушать города, никого не подвергнуть ни атиміи (лишенію чести, правъ), ни изгнанію, ни заточенію, ни казни, ни отобранію имущества, безъ суда и согласія аѳинскаго народа; безъ предварительнаго вызова не будутъ пускать рѣшенія на голоса, будетъ ли дѣло идти о цѣлой общинѣ или частномъ лицѣ; въ случаѣ прибытія халкидскаго посольства, введутъ его въ совѣтъ и въ народное собраніе по возможности въ теченіе 10 дней. Все это обѣщаютъ соблюдать, пока халкидяне будутъ повиноваться аѳинскому народу. Съ своей стороны халкидяне должны поклясться, что не отпадутъ отъ аѳинскаго народа, ни хитростью, ни происками, ни словомъ, ни дѣломъ, и если кто возстанетъ, то не послушаютъ его, а донесутъ аѳинянамъ, — что будутъ платить форосъ, какой назначатъ, по выслушаніи ихъ заявленій, аѳиняне; будутъ ихъ союзниками сколь возможно лучшими и вѣрнѣйшими, будутъ повиноваться аѳинскому народу, помогать ему и отражать того, кто сталъ бы ему причинять вредъ. Давать клятву должны были всѣ взрослые халкидяне, а кто не дастъ, тотъ подвергается безчестію. его имущество конфискуется и десятая часть посвящается Зевсу Олимпійскому (храмъ котораго находился въ Халкидѣ). Изъ дальнѣйшихъ пунктовъ отмѣтимъ тотъ, который касался живущихъ въ Халкидѣ чужеземцевъ: платящіе въ Аѳины—очевидно, аѳинскіе метэки— и тѣ, кому дана аѳинскимъ народомъ ателія (свобода отъ податей), не должны были платить въ Халкидѣ; всѣ же остальные платятъ тамъ подобно прочимъ халкидянамъ. А въ концѣ псефизмы прибавлялось, что халкидяне по отношенію къ своимъ согражданамъ имѣютъ право налагать наказанія, подобно тому, какъ въ Аѳинахъ аѳиняне, за исключеніемъ изгнанія, казни и атиміи; въ послѣднихъ случаяхъ — значитъ и во всѣхъ политическихъ процессахъ — дѣло должно быть перенесено въ Аѳины, „въ геліэю ѳесмоѳетовъ“, т.-е. въ судъ присяжныхъ.

Но, конечно, не всегда зависимость союзниковъ была такъ велика и не всегда аѳиняне доходили до такого, можно сказать, мелочного вмѣшательства во внутренній строй союзнаго города. Положеніе союзниковъ и въ этомъ отношеніи представляло немало разнообразія. Можно сказать только, что

аѳиняне вообще старались поддерживать демократическій строй въ городахъ, покровительствовали больше демосу, чѣмъ аристократіи, что̀ вполнѣ естественно; въ союзныхъ городахъ опорой аѳинскаго владычества была народная масса, демократы; на нихъ только могъ положиться аѳинскій демосъ; знатные сочувствовали враждебнымъ ему силамъ и искали опоры въ Спартѣ. По свидѣтельству даже нерасположеннаго къ демократіи автора Псевдо-Ксенофонтоваго памфлета объ Аѳинскомъ государствѣ, если бы аѳиняне были за знатныхъ, то они бы оказали содѣйствіе враждебному имъ элементу (Ш, 10); если бы въ союзныхъ городахъ пріобрѣли силу знатные и богатые, то недолго пришлось бы владычествовать аѳинскому демосу (I, 14). Тотъ же авторъ признается, что всякій разъ, когда аѳиняне принимали сторону аристократіи, имъ не везло (Ш, 11).

Но самымъ полнымъ выраженіемъ централизаціи и зависимаго положенія неавтономныхъ союзниковъ было подчиненіе ихъ суду аѳинскому. Право суда аѳинянъ надъ союзниками развивалось естественно и постепенно. Это—прямое наслѣдіе, полученное Аѳинами отъ союзнаго собранія, засѣдавшаго нѣкогда на островѣ Делосѣ. Понятно, что всякій проступокъ противъ союза и союзнаго устройства подлежалъ суду Аѳинъ, какъ главы этого союза; далѣе, въ случаѣ столкновенія и распри двухъ членовъ союза между собою, гражданина одного города съ гражданиномъ другого, кто же являлся естественнымъ посредникомъ и судьею, какъ не Аѳины? Дошло до того, что самимъ союзникамъ предоставлено было рѣшеніе лишь немногихъ мелкихъ дѣлъ; дѣла же политическія и уголовныя подлежали суду аѳинскому, какъ показываетъ и договоръ съ Халкидой. Даже частные процессы, превышавшіе извѣстную сумму или мѣру наказанія, должны были переноситься въ Аѳины, хотя и тутъ общей нормы, обязательной для всѣхъ подчиненныхъ союзниковъ, также, вѣроятно, не было.

Нелегко, конечно, было союзникамъ отправляться по судебнымъ дѣламъ изъ своего города въ Аѳины. Въ лицѣ геліастовъ далеко не всегда встрѣчали они безпристрастныхъ судей; подчасъ судъ принадлежалъ сторонѣ заинтересованной,

въ случаѣ процесса между аѳинянином и неаѳинянином послѣдній оказывался не въ одинаковом положеніи со своим противникомъ: для аѳинянина геласты были люди свои, равные ему, для неаѳинянина—это были люди чужіе и притом его повелители. Но еще вопросъ, много ли выиграло бы правосудіе, если бы аѳиняне совсѣмъ не вмѣшивались въ судебныя дѣла своихъ союзниковъ. Въ союзныхъ городахъ существовали партіи, и судъ легко могъ сдѣлаться орудіемъ самой ожесточенной ихъ борьбы; сторонники аѳинскаго господства могли подвергаться судебнымъ преслѣдованіямъ и наказаніямъ изъ-за того только, что они были преданы Аѳинамъ. Объ этомъ прямо свидѣтельствуетъ авторъ олигархическаго произведенія, Псевдо-Ксенофонтовой „Аѳинской республики“ (I, 16). Честь и выгоды Аѳинскаго государства требовали не допускать этого, и вотъ чѣмъ объясняется постановленіе договора съ Халкидой, гласящее, что судъ по обвиненіямъ, которыя влекутъ за собою смертную казнь, изгнаніе и атимію, долженъ переноситься въ Аѳины. Право суда было однимъ изъ средствъ для поддержанія аѳинскаго владычества и упроченія аѳинскаго вліянія. Но и тутъ важенъ былъ самый принципъ: имѣя возможность употреблять силу, аѳиняне предпочитали предоставлять дѣло суду; аѳинскій гражданинъ подлежалъ отвѣтственности наравнѣ съ союзникомъ; судъ творился по законамъ, равнымъ для обоихъ. Такимъ путемъ устранялись и обуздывались насилія, произволъ и самоуправство отдѣльныхъ гражданъ Аѳинъ по отношенію къ союзникамъ; послѣдніе могли искать себѣ защиты и требовать къ суду аѳинскихъ должностныхъ лицъ, стратеговъ и друг. И дѣйствительно, демосъ союзныхъ городовъ видѣлъ въ аѳинской демократіи, съ ея судомъ, свое прибѣжище.

Характеристика положенія аѳинскихъ союзниковъ была бы не полна, если бы мы не упомянули хотя бы вскользь о такъ называемыхъ „*процессахъ по договорамъ*“ (dikai apo symbolōn). Это были дѣла, возникавшія изъ-за нарушенія имущественныхъ обязательствъ, торговыхъ сдѣлокъ, контрактовъ и т. п., по которымъ судопроизводство опредѣлялось особыми договорами. Договоры подобнаго рода могли заключаться не только между частными лицами, аѳинянином и неаѳинянином, но

и между общинами, между Аѳинами и отдѣльными гражданами другихъ, даже и несоюзныхъ, городовъ, между аѳинянином̀ъ и какимъ-либо городомъ. Для развитія торговли это имѣло большое значеніе. Безъ такихъ договоровъ гражданинъ одного города часто не имѣлъ бы никакой возможности добиться своихъ правъ при нарушеніи обязательства или сдѣлки гражданином̀ъ другого города. Притомъ, „процессы по договорамъ“ должны были разсматриваться безъ проволочекъ, въ теченіе мѣсяца; апелляція не допускалась, по крайней мѣрѣ со стороны отвѣтчика. Судъ происходилъ и не въ Аѳинахъ, по мнѣнію однихъ—вообще въ мѣстѣ заключенія договора, по мнѣнію другихъ—въ городѣ, гдѣ жилъ отвѣтчикъ. Конечно, заключая договоры относительно рѣшенія торговыхъ сдѣлокъ, аѳиняне умѣли соблюсти свои выгоды; но важно то, что здѣсь союзникъ стоялъ совершенно на равной ногѣ съ аѳинскимъ гражданином̀ъ: оба они судились по одинаковому праву, аѳинскому гражданину иногда приходилось вести дѣло не въ Аѳинахъ, а предъ судомъ союзнаго города, и этотъ судъ въ такомъ случаѣ имѣлъ одинаковую компетенцію съ судомъ аѳинскимъ.

Наконецъ, слѣдуетъ еще отмѣтить, что въ союзныхъ городахъ вводились аттическія мѣры, вѣсы и монеты.

Таково было въ общихъ чертахъ положеніе аѳинскихъ союзниковъ въ Периклово время. Мы видимъ тутъ централизацію, которая естественно вытекала изъ предыдущаго хода дѣлъ: аѳиняне, такъ сказать, брали то, что̀ само давалось имъ въ руки. Союзникамъ въ-замѣнъ утраченной независимости они давали многое. Прежде всего они доставляли имъ полную безопасность; аѳиняне выполнили принятыя нѣкогда на себя обязательства и сами несли немало трудовъ и жертвъ; они дѣйствительно стояли на стражѣ Эгейскаго моря, держа въ отдаленіи варваровъ. Союзники пользовались и торговыми выгодами. Подъ покровительствомъ Аѳинъ, благодаря миру и безопасности, развивалось ихъ матеріальное благосостояніе. Основывая колоніи, аѳиняне принимали иногда въ число поселенцевъ и союзниковъ. Благодаря аѳинской гегемоніи, мелкіе союзные города гарантированы были отъ притѣсненій со стороны болѣе сильныхъ сосѣдей. Тѣмъ не менѣе, если не счи-

тать всего этого да той поддержки, которую аѳинскій демосъ оказывалъ демократіямъ въ союзныхъ городахъ, между Аѳинами и союзниками не было глубокой общности интересовъ и неразрывной, органической связи. Аѳиняне не старались замаскировать свое владычество, предоставивъ союзникамъ хотя бы тѣнь вліянія посредствомъ участія въ обсужденіи такихъ дѣлъ, которыя касались всего союза. Это было господство меньшинства привилегированныхъ гражданъ надъ массой подчиненныхъ ему союзныхъ „подданныхъ“. Послѣдніе не могли, напр., вступать въ законный бракъ съ аѳинянином или аѳинянкой, не могли пріобрѣтать недвижимость въ Аттикѣ, не говоря уже о политическихъ правахъ. Словомъ, право аѳинскаго гражданства на союзниковъ не распространялось. Аѳины не дошли до того, чтобы неразрывно связать ихъ съ собою, уравнявъ въ правахъ съ гражданами, въ-родѣ того, какъ впослѣдствіи поступилъ Римъ съ завоеванными областями Правда, во времена кризиса, послѣ злосчастной Сицилійской экспедиціи, у аѳинянъ, можетъ быть, являлась мысль дать и союзникамъ право гражданства. Намекъ на это видятъ у Аристофана: Лисистрата—въ комедіи того же имени—совѣтуетъ при управленіи государствомъ поступать такъ, какъ женщины поступаютъ при пряденіи шерсти,—между прочимъ надо смѣшать въ одну кучу и метэковъ, и чужихъ, и друзей, и кто долженъ государству, и уразумѣть, что города, которые составляютъ колоніи „этой земли“, т.-е. Аттики, лежатъ, какъ клоки шерсти, разбросанные, каждый отдѣльно; и вотъ, отъ всѣхъ ихъ взявъ клокъ шерсти, слѣдуетъ свезти сюда, въ Аѳины, и собрать въ одно, сдѣлать затѣмъ большой клубокъ и изъ него соткать демосу плащъ (ст. 579 сл.). Но мысль эта, если и была, промелькнула, не оставивъ слѣда. Въ самомъ концѣ Пелопоннесской войны, послѣ пораженія при Эгосъ-Потамахъ, аѳиняне даровали право гражданства самосцамъ, но было уже поздно.

Централизація, которую проводили аѳиняне въ отношеніи къ союзникамъ, глубоко противорѣчила исконнымъ греческимъ воззрѣніямъ и стремленіямъ; она была не въ духѣ народа. Союзники не могли вполнѣ примириться съ потерей свободы. Какъ бы ни было легко аѳинское иго, но уже одинъ тотъ

фактъ, что они подчиненные, что они были лишены независимости могъ дѣлать аѳинское владычество для нихъ ненавистнымъ. Владычество это было все-же „тиранніей“, по сознанію самихъ вождей аѳинскаго демоса [1]), — конечно, въ древнемъ, греческомъ смыслѣ слова, а не въ нынѣшнемъ. Врагами Аѳинъ являлись по преимуществу аристократы, и попытки къ сверженію аѳинскаго ига исходили именно отъ нихъ. Подтвержденіемъ служатъ событія временъ Пелопоннесской войны. Подтверждается это и примѣромъ Самосскаго возстанія при Периклѣ.

Самосъ принадлежалъ къ числу немногихъ еще автономныхъ союзниковъ аѳинскихъ. На островѣ господствовала аристократія и аѳиняне не трогали существовавшаго тамъ порядка. Но въ 440 г. Самосъ возсталъ противъ Аѳинъ. Поводомъ послужила его распря съ Милетомъ изъ-за города Пріэны. Аѳины обратились къ Самосу съ требованіемъ предоставить рѣшеніе спора съ Милетомъ ихъ посредничеству. Но самосцы, какъ видно, опасались пристрастія Аѳинъ въ пользу Милета и отказались подчиниться ихъ требованію. Для Аѳинъ положеніе дѣлъ было серьезное. Самосцы находили поддержку со стороны персидскаго сатрапа, искали опоры и у Пелопоннесскаго союза, и еще счастье для аѳинянъ, что коринѳяне высказались противъ вмѣшательства. Важная по своему географическому положенію Византія, быть можетъ недовольная стѣсненіемъ своей торговли, вслѣдствіе взиманія аѳинянами пошлины у проливовъ, послѣдовала примѣру Самоса. Есть основаніе думать, что и города Каріи отложились отъ Аѳинскаго союза. Словомъ, господству Аѳинъ на морѣ грозила опасность. Самая осада Самоса Перикломъ затянулась: самосцы сдались лишь на 9-ый мѣсяцъ осады (439 г.); они обязались выдать свой флотъ, срыть стѣны, дать заложниковъ и уплатить аѳинянамъ по частямъ расходы по войнѣ. Вслѣдъ за Самосомъ покорилась и Византія. Зато въ карійскомъ округѣ аѳинянамъ не удалось вполнѣ возвратить утраченное.

Такъ кончилось Самосское возстаніе, подавленіе котораго стоило аѳинянамъ большихъ усилій и расходовъ. Оно показало,

[1]) Перикла и Клеона (у Ѳукидида, II, 63; III, 37).

что Аѳинскій союзъ не незыблемо прочент. Но пока силы Аѳинъ были свободны, пока не грозилъ имъ могущественный внѣшній врагъ, онѣ могли справляться съ движеніями въ средѣ союзниковъ.

Но не долговѣченъ былъ пышный расцвѣтъ аѳинской демократіи: наступали годы тяжелой и долгой войны, годы испытаній и кризиса.

III. КРИЗИСЪ.

Начало Пелопоннесской войны.

Предшествовавшій ходъ исторіи со временъ нашествія персовъ привелъ Грецію къ дуализму, къ господству двухъ союзовъ, глубоко противоположныхъ и враждебныхъ одинъ другому. Во главѣ одного стояли Аѳины, во главѣ другого была Спарта. Въ одномъ господствовала система строгой централизаціи; прежде равноправные члены союза, за немногими исключеніями, мало-по-малу сошли на степень аѳинскихъ подданныхъ, лишены были автономіи и платили дань. Въ другомъ союзѣ преобладало начало федеративное; его члены фороса не вносили и участвовали на равныхъ правахъ въ обсужденіи общихъ дѣлъ. Одинъ союзъ состоялъ большею частью изъ городовъ приморскихъ и былъ силенъ на морѣ; другой — по преимуществу континентальный и располагалъ большими сухопутными силами. Прибавимъ къ этому и племенное различіе— антагонизмъ іонянъ и дорянъ, сказывавшійся иногда довольно ясно. Между самыми главами союзовъ, Аѳинами и Спартой, существовалъ контрастъ: съ одной стороны—демократія, общество съ пышно расцвѣтшей культурой, съ блестящей умственною и художественною жизнью, торговлей и промышленностью, съ другой—олигархія, государство, далеко отставшее въ экономическомъ и умственномъ движеніи. Съ одной стороны—крайне подвижные и предпріимчивые, неутомимо дѣятельные и энергичные аѳиняне, съ другой—медлительные и нерѣшительные, тяжелые на подъемъ, склонные къ рутинѣ спартанцы.

Но дуализмъ шелъ дальше, проникалъ глубже, въ самую среду тѣхъ и другихъ союзниковъ. Такъ, въ городахъ Аѳинскаго союза было двѣ партіи, раздѣленныя непримиримою враждою,—демократы и аристократы. Если первые поддерживали аѳинское господство, то вторые тяготѣли всѣми силами къ Спартѣ, видя въ ней оплотъ аристократическаго начала, надѣясь съ ея помощью свергнуть аѳинское иго, а съ нимъ и столь ненавистную имъ демократію. На Спарту они смотрѣли, какъ на государство, призванное освободить Элладу отъ „тиранніи“ Аѳинъ.

Вопросъ о гегемоніи и послѣ Тридцатилѣтняго мира (стр. 141) все еще былъ спорный. Только окончательная побѣда той или другой стороны могла рѣшить его, а между тѣмъ Аѳины и послѣ 445 г. стояли на-ряду со Спартой. Благодаря Перикловой политикѣ собиранія силъ въ теченіе нѣсколькихъ мирныхъ лѣтъ, онѣ казались внутренно еще болѣе окрѣпшими, и ихъ могущество вселяло страхъ и зависть въ Спартѣ. Но Спарта была медлительна и нерѣшительна въ самой своей ненависти. Иное дѣло Коринѳъ. Его вражда къ Аѳинамъ была еще сильнѣе. Аѳины являлись его счастливымъ конкуррентомъ на морѣ и въ торговлѣ. Ихъ морское и торговое преобладаніе затрогивало существенные, жизненные интересы Коринѳа. Особенно опасно было для него распространеніе аѳинскаго вліянія на западѣ отъ Эллады, такъ какъ это грозило окончательнымъ стѣсненіемъ его торговли, отнятіемъ послѣдняго района, гдѣ преобладаніе было пока еще за нимъ. При опасности съ этой стороны, Коринѳъ готовъ былъ на все. А между тѣмъ аѳиняне уже и тутъ распространяли свое политическое и торговое вліяніе. О взаимной ненависти между Мегарой и Эгиной съ одной стороны и Аѳинами съ другой мы ужъ и не говоримъ.

При такомъ контрастѣ и антагонизмѣ между Аѳинами и Пелопоннесскимъ союзомъ миръ не могъ быть прочень: столкновеній трудно было избѣгнуть и достаточно было искры, чтобы вспыхнула ожесточенная война. А тутъ сразу явилось нѣсколько важныхъ поводовъ къ ней. Обстоятельства вели къ кровавой развязкѣ [1]).

[1]) Главный источникъ—Ѳукидидъ.

Событія въ отдаленномъ Эпидамнѣ (нын. Дураццо) и вызванное ими столкновеніе между Керкирой [1]) и Коринѳомъ послужили первымъ поводомъ къ ней. Керкиряне, стоявшіе до тѣхъ поръ внѣ всякихъ союзовъ, теперь, боясь, что не устоятъ въ борьбѣ съ сильнымъ противникомъ, рѣшились искать союза и помощи у Аѳинъ, какъ естественнаго соперника Коринѳа. И вотъ предъ аѳинянами предстала трудная дилемма. Съ одной стороны война съ пелопоннесцами въ будущемъ казалась неизбѣжной; а Керкира являлась весьма цѣннымъ союзникомъ, такъ какъ обладала сильнѣйшимъ, послѣ аѳинскаго, флотомъ и была важною позиціею на Іонійскомъ морѣ, на пути въ Италію и Сицилію, съ которыми Аѳины находились уже въ довольно тѣсныхъ сношеніяхъ. А главное, можно было опасаться, что Керкира падетъ въ непосильной борьбѣ съ Коринѳомъ или смирится поневолѣ и тогда, на случай войны Пелопоннеса съ Аѳинами, ея флотъ соединится съ коринѳскимъ. Съ другой стороны, Керкира находилась уже въ войнѣ съ Коринѳомъ, и, слѣдовательно, заключеніе съ нею союза хотя формально не нарушало договора 445 г., фактически все-таки являлось враждебнымъ шагомъ по отношенію къ Коринѳу. Послѣ нѣкотораго колебанія аѳиняне рѣшили вступить въ союзъ съ Керкирой, но только въ союзъ строго оборонительный. Но когда у Сиботскихъ острововъ произошла морская битва между коринѳянами и керкирянами, по количеству кораблей „величайшая изъ всѣхъ, бывшихъ дотолѣ между эллинами“, то въ ней вынуждена была подъ конецъ принять участіе и небольшая эскадра аѳинянъ, а прибытіе другой ихъ эскадры помѣшало коринѳянамъ довершить ихъ побѣду.

Такимъ образомъ при Сиботахъ, хотя и безъ объявленія войны, уже послѣдовало кровавое столкновеніе аѳинянъ съ коринѳянами (осенью 433 г.).

А вслѣдъ за тѣмъ произошло столкновеніе между ними и въ другомъ пунктѣ, на ѳракійскомъ побережьѣ. Потидея, на полуостровѣ Халкидикѣ, колонія Коринѳа, но принадлежавшая къ Аѳинскому союзу, отложилась отъ Аѳинъ (весною 432 г.), когда тѣ потребовали, чтобы она срыла стѣну, обращенную

[1]) Или Коркирой, лат. Corcyra, теперь—Корфу.

къ морю, дала заложниковъ и не принимала больше коринѳскихъ должностныхъ лицъ, „эпидемiурговъ“. У ея стѣнъ произошла битва между коринѳянами, поспѣшившими оказать ей поддержку, и аѳинянами, окончившаяся побѣдою послѣднихъ, которые послѣ этого приступили къ осадѣ Потидеи.

Коринѳяне боялись за судьбу своихъ соотечественниковъ, запертыхъ въ Потидеѣ, и за самый городъ, бывшiй ихъ поселенiемъ. Теперь они употребляютъ всѣ усилiя, чтобы возжечь общую войну, втянуть въ нее спартанцевъ. Къ этому присоединились жалобы эгинянъ, обвинявшихъ аѳинянъ въ томъ, что они вопреки договору не предоставляютъ имъ автономiи, и въ особенности мегарянъ. Аѳиняне не могли простить Мегарѣ ея прежней измѣны (стр. 141). Глубокая вражда раздѣляла двухъ сосѣдей. Ее усиливали еще распри изъ-за укрывательства мегарянами бѣглыхъ аѳинскихъ рабовъ, изъ-за спорной пограничной земли и такъ называемаго „священнаго поля“, присвоеннаго мегарянами, наконецъ — умерщвленiя герольда. Съ Мегарой прерваны были торговыя сношенiя, ввозъ ея продуктовъ запрещенъ, всѣ рынки и гавани на всемъ пространствѣ аѳинскаго господства для мегарянъ закрыты и вражда съ ними объявлена непримиримою. Никто изъ нихъ, какъ говорится у Аристофана (въ „Ахарнянахъ“), не смѣлъ „оставаться ни на рынкѣ, ни въ Аттикѣ, ни на морѣ, ни на землѣ“, и мегарянину, вступившему въ Аттику, если вѣрить Плутарху, грозила смерть. Гористая Мегарида была страна не плодородная, бѣдно надѣленная природою; въ хлѣбѣ она всегда нуждалась, и закрытiе главнаго для нея рынка и аѳинскихъ гаваней грозило ей голодомъ. Эта „мегарская псефизма“, по мнѣнiю многихъ современниковъ, была тою „маленькою искрою“, которою Периклъ зажегъ большую войну [1]).

Спартанцы признали вину аѳинянъ и нарушенiе ими договора, а затѣмъ въ союзномъ собранiи, созванномъ въ Спартѣ, война была рѣшена окончательно. Но пелопоннесцы не были готовы. И вотъ спартанцы отправляютъ въ Аѳины посольства съ различными требованiями и жалобами, чтобы выиграть

---

[1]) Аристофанъ въ „Мирѣ“, ст. 609.

время и главное — чтобы, въ случаѣ отказа аѳинянъ, больше было предлога къ войнѣ.

Обратимся теперь къ Аѳинамъ и взглянемъ на положеніе дѣлъ тамъ.

Было время, когда Периклъ стоялъ во главѣ демократическаго движенія. Но онъ не пошелъ по пути крайней демократіи: онъ правилъ „умѣренно", какъ выражается Ѳукидидъ. Въ силу естественнаго историческаго процесса демократическое движеніе однако не могло остановиться. оно пошло далѣе, и уже незадолго до Пелопоннесской войны оказалось, что Периклъ, такъ сказать, остался позади него, что существовала уже крайняя демократическая партія, которую Периклова политика не удовлетворяла, которой эта политика казалась недостаточно демократическою. Напротивъ, именно въ Периклѣ крайніе демократы и новые демагоги начинаютъ видѣть главное препятствіе къ господству настоящаго народовластія, полной свободы и равенства; съ самымъ фактомъ непрерывнаго, долгаго вліянія одного лица, и притомъ такого аристократическаго по своей натурѣ, они не могутъ примириться. Такимъ образомъ, противъ Перикла подымается оппозиція снизу, изъ рядовъ тѣхъ общественныхъ слоевъ, которые нѣкогда служили ему главной опорой, благороднѣйшимъ вождемъ которыхъ онъ былъ самъ. А рядомъ существовала попрежнему и другая, совершенно противоположная партія — олигархическая, по мнѣнію которой, наоборотъ, Периклъ являлся главной опорой ненавистной демократіи, главнымъ препятствіемъ къ ея низверженію, къ возстановленію прежней аристократіи. Обѣ эти крайнія партіи, столь непримиримо враждебныя другъ другу по своимъ программамъ и стремленіямъ, сходились, однако, въ одномъ—во враждѣ и ненависти къ Периклу, въ желаніи во что бы то ни стало избавиться отъ этого человѣка, мѣшавшаго осуществленію ихъ плановъ, являвшагося въ тотъ моментъ уже представителемъ умѣренной демократіи, носителемъ духа свободы и равенства, но въ то же время и законности Онѣ готовы были протянуть другъ другу руки, соединить свои силы, лишь бы низвергнуть Перикла.

Но было еще теченіе, совсѣмъ иного рода, но тоже враждебное Периклу. Многимъ ненавистны были тотъ новый

духъ, то новое просвѣщеніе, которые распространились въ Аѳинахъ, и его главные выразители—новые философы. Имъ ненавистенъ былъ и Периклъ, какъ человѣкъ, чуждый суевѣрій, какъ сторонникъ и покровитель этого просвѣщенія, какъ другъ Анаксагора и вообще представителей тогдашней философіи. Въ этомъ отношеніи настроена была одинаково и темная, суевѣрная масса, не терпѣвшая изслѣдователей природы, и болѣе образованная, но консервативная часть аѳинскаго общества, движимая не одною только склонностью къ предразсудкамъ, слѣпою привязанностью къ прежнимъ вѣрованіямъ и обычаямъ предковъ, но и совершенно искреннимъ, основательнымъ опасеніемъ въ виду ученія софистовъ, подрывавшаго основы тогдашней нравственности. Эта партія религіозной реакціи если только можно ее такъ назвать, являлась своего рода связующимъ звеномъ между партіями демократическою и олигархическою: она соприкасалась съ тою и другою.

Больше всего оппозиція Периклу выражалась въ нападкахъ на него комиковъ и въ тѣхъ процессахъ, которые направлены были противъ близкихъ ему лицъ. Впрочемъ, что касается нападокъ на Перикла комиковъ, то онѣ въ сущности никогда не прекращались. Комики осыпали его насмѣшками и въ пору наибольшаго его вліянія и могущества. Мы уже видѣли, каковы были эти насмѣшки (стр. 189) Явнымъ же признакомъ усилившейся оппозиціи противъ Перикла и того, что положеніе его начинаетъ уже колебаться, служилъ рядъ процессовъ противъ его друзей. Процессы эти [1]) — косвенное нападеніе на самого Перикла. Враги его еще не рѣшались прямо выступить противъ него. Подымая обвиненія противъ близкихъ Периклу лицъ, они тѣмъ самымъ старались нанести ударъ и ему, а вмѣстѣ съ тѣмъ испытывали настроеніе народа по отношенію къ нему; они подготовляли почву для будущаго нападенія на самого Перикла.

Первымъ подвергся судебному преслѣдованію Фидій, творецъ статуи Аѳины Дѣвственницы (Παρθενος), правая рука Перикла въ дѣлѣ украшенія города. Тутъ тѣмъ болѣе могъ

[1]) Плутархъ въ біографіи Перикла, гл. 31—32.

быть затронутъ и Периклъ, что онъ завѣдывалъ постройками. Послѣдняя судьба великаго художника окутана легендой. Повидимому, его обвиняли въ утайкѣ части матеріала, именно слоновой кости, выданной на статую Парѳеносъ. Фидій былъ обвиненъ и заключенъ въ темницу; а доносчикъ, метэкъ Менонъ, одинъ изъ его помощниковъ, освобожденъ отъ взимаемой съ метэковъ подати, и забота о его безопасности возложена была на стратеговъ. Затѣмъ Діопейѳъ выступилъ съ извѣстною (стр. 193) псефизмою, направленною противъ тѣхъ, кто не признаетъ боговъ и разсуждаетъ о небесныхъ явленіяхъ, и поднято было гоненіе на Анаксагора, который и покинулъ Аѳины. Наконецъ, преслѣдованію подверглось и то лицо, которое такъ дорого было Периклу,—Аспазія. Противъ нея комикъ Гермиппъ поднялъ обвиненіе въ нечестіи и сверхъ того еще въ сводничествѣ, въ томъ, что она устраиваетъ будто-бы любовныя свиданія между Перикломъ и свободными аѳинянками. На судѣ, говорятъ, Периклъ проливалъ даже слезы, умоляя дикастовъ объ оправданіи своей подруги. Аспазія была оправдана.

Периклъ оставался попрежнему главою государства, но онъ чувствовалъ, какъ положеніе его начинаетъ колебаться: съ разныхъ и притомъ противоположныхъ сторонъ подымалась оппозиція. Это могло повліять и на его отношеніе къ войнѣ. Онъ долженъ былъ желать выхода изъ затруднительнаго внутренняго положенія. И такимъ выходомъ могла казаться война, которая отвлекала бы вниманіе гражданъ отъ внутреннихъ вопросовъ. Къ причинамъ войны общимъ, кореннымъ, могли присоединиться и личные мотивы Перикла, не желавшаго долѣе отдалять столкновеніе со Спартой, все равно неизбѣжное.

Таково было положеніе дѣлъ въ Аѳинахъ, когда являются сюда спартанскія посольства съ различными требованіями. Прежде всего лакедемоняне потребовали отъ аѳинянъ изгнанія лицъ, запятнанныхъ святотатствомъ, разумѣя то святотатство, которое нѣкогда совершено было въ Аѳинахъ при подавленіи Килонова возстанія и виновниками котораго являлись между прочимъ Алкмеониды; отъ нихъ же велъ свой родъ по матери Периклъ. Такимъ образомъ требованіе спартанцевъ

было направлено собственно противъ него. Въ отвѣтъ спартанцамъ аѳиняне въ свою очередь потребовали отъ нихъ, чтобы они очистились отъ святотатствъ, совершенныхъ въ тенарскомъ святилищѣ Посейдона, гдѣ были умерщвлены искавшіе тамъ убѣжища илоты, и въ храмѣ Аѳины, гдѣ нѣкогда былъ запертъ царь Павсаній, побѣдитель при Платеяхъ, и откуда онъ былъ вытащенъ при послѣднемъ издыханіи. Затѣмъ является изъ Спарты новое посольство съ требованіемъ снять осаду съ Потидеи, предоставить независимость Эгинѣ и въ особенности отмѣнить постановленіе относительно Мегары. Но аѳиняне оставались глухи къ этимъ требованіямъ. Наконецъ, спартанцы заявляютъ, что они желаютъ мира и что онъ будетъ, если аѳиняне возвратятъ независимость эллинамъ, всѣмъ своимъ союзникамъ. Такимъ требованіемъ Спарта располагала заранѣе въ свою пользу большинство грековъ, выступала въ благодарной роли защитницы эллинской свободы отъ „тиранніи“ Аѳинъ.

Въ Аѳинахъ созвано было народное собраніе. Тутъ мнѣнія раздѣлились. Одни говорили въ пользу войны, другіе—въ пользу мира, настаивая на отмѣнѣ „мегарской псефизмы“, смотря на нее какъ на мелочь, изъ-за которой не стоило воевать. Ясно обозначилось два теченія: съ одной стороны земледѣльцы и люди съ состояніемъ, съ другой—городское населеніе, особенно менѣе состоятельное. Первымъ война, вторженіе врага, опустошеніе страны грозили лишь разореніемъ, бременемъ новыхъ тягостей и повинностей. Естественно поэтому, что они желали избѣгнуть этого и стояли за миръ. Иное дѣло—городской менѣе состоятельный классъ: ему война не грозила новыми повинностями; отъ вторженія врага ему меньше приходилось терять; за крѣпкими городскими стѣнами онъ чувствовалъ себя въ сравнительной безопасности; въ замѣнъ мирныхъ заработковъ, которые вслѣдствіе нарушенія во время войны обычнаго хода торговой и промышленной дѣятельности могли уменьшиться, являлся для него новый источникъ—военная служба, особенно во флотѣ. Словомъ, городской демосъ скорѣе рѣшался на войну.

Наконецъ, выступилъ въ собраніи съ рѣчью и самъ Периклъ. Не дѣлать уступокъ — таково было его мнѣніе. Этого

требуетъ честь и достоинство Аѳинскаго государства, говорилъ онъ, по словамъ Ѳукидида. Отмѣна „мегарской псефизмы“ — вовсе не мелочь: уступка здѣсь равносильна рабству; уступить — это значитъ заранѣе подчиниться Спартѣ, не потерпѣвъ еще пораженія. Требованіе лакедемонянъ относительно Мегары лишь предлогъ. Война неизбѣжна: разъ аѳиняне уступятъ, спартанцы объяснятъ это страхомъ и предъявятъ новыя, еще болѣе тяжелыя требованія. Тутъ скорѣе можетъ помочь твердый, смѣлый отказъ: по крайней мѣрѣ, онъ заставитъ спартанцевъ относиться къ аѳинянамъ, какъ къ равнымъ; чѣмъ охотнѣе Аѳины примутъ брошенный имъ вызовъ, тѣмъ менѣе налегать будутъ на нихъ враги. Периклъ старался поднять духъ гражданъ, внушить имъ увѣренность, что на ихъ сторонѣ нисколько не меньше шансовъ на побѣду, чѣмъ на сторонѣ противниковъ. Онъ выставлялъ на видъ преимущества Аѳинъ въ сравненіи съ пелопоннесцами. Опустошенія Аттики, говорилъ Периклъ, не страшны. За нихъ аѳиняне со своимъ флотомъ могутъ мстить опустошеніемъ Пелопоннеса, что̀ причинитъ непріятелю несравненно бо̀льшій вредъ, такъ какъ для него Пелопоннесъ — все, а у аѳинянъ, кромѣ Аттики, много еще другихъ владѣній, особенно острововъ: ихъ сила на морѣ. Периклъ, если вѣрить Ѳукидиду, больше опасался собственныхъ ошибокъ аѳинянъ, ихъ увлеченія рискованными предпріятіями, стремленія къ новымъ завоеваніямъ среди войны. Въ заключеніе Периклъ предложилъ дать такой отвѣтъ спартанцамъ: „Мегарянамъ аѳиняне позволятъ пользоваться рынкомъ и гаванями, если лакедемоняне не будутъ производить „ксенеласіи“ (т.-е. изгнанія чужеземцевъ) по отношенію къ аѳинянамъ и ихъ союзникамъ. Союзнымъ городамъ аѳиняне предоставятъ независимость, если тѣ были автономными, когда заключался договоръ, и если спартанцы предоставятъ своимъ городамъ управляться каждому, какъ кто хочетъ, а не такъ, какъ это выгодно лакедемонянамъ. Аѳиняне готовы предоставить дѣло третейскому суду, согласно условію договора; войны сами не начнутъ, но съ тѣмъ, кто ее начнетъ, будутъ сражаться“. Такой отвѣтъ и дали аѳиняне.

На этомъ кончились переговоры [1]). Обѣ стороны готови-

[1]) Ѳукидидъ, I, 139—146.

лись къ войнѣ и старались заручиться союзниками. Аѳины располагали силами своего союза, т.-е. городовъ малоазіатскаго и ѳракійскаго побережья, Геллеспонта и острововъ Эгейскаго моря. На сушѣ на сторонѣ ихъ были: Платеи, Навпактъ у входа въ Коринѳскій заливъ, Ѳессалія, съ ея превосходною конницею, и нѣкоторые другіе области и острова, въ томъ числѣ и лежавшіе въ западной части Греціи. На сторонѣ Спарты стоялъ почти весь Пелопоннесъ, гдѣ только Аргосъ держался нейтралитета. Внѣ Пелопоннеса спартанцы имѣли союзниками мегарянъ, благодаря чему ключъ къ Аттикѣ былъ въ ихъ рукахъ, беотійцевъ, конница которыхъ была такъ необходима для вторженія въ Аттику, фокидянъ и нѣкоторыхъ другихъ. На Западѣ Аѳины незадолго до того заключили союзъ съ Регіемъ (въ южной Италіи) и Леонтинами (въ Сициліи). Спарта же разсчитывала на своихъ дорійскихъ соплеменниковъ въ Италіи и Сициліи, особенно на ихъ флотъ и денежныя средства. И не только между греками обѣ стороны искали себѣ союзниковъ, но и между варварами: Спарта думала о союзѣ съ Персіей, аѳиняне—о союзѣ съ одрисами (во Ѳракіи). Взаимная ненависть первенствующихъ государствъ Греціи заглушала чувства національнаго единства.

Вообще, силы обѣихъ сторонъ, можно сказать, были равны, хотя и не однородны; шансы на побѣду одинаковы. На морѣ безспорное преобладаніе принадлежало Аѳинамъ, на сушѣ—пелопоннесцамъ. Аѳинскій флотъ былъ тогда первый въ Греціи не только по количеству кораблей, но и по энергіи, опытности и искусству моряковъ. Зато сухопутное спартанское войско превосходило войско аѳинянъ и численностью своею, и упрочившеюся за нимъ славою непобѣдимости. Что касается денежныхъ средствъ, этого главнаго „нерва войны“, какъ отлично сознавали уже тогдашніе греки [1]), то пелопоннесцы были ими бѣдны. Аѳиняне же, кромѣ ежегоднаго фороса и другихъ доходовъ, располагали, какъ мы видѣли (стр. 174), необыкновенно богатою по тому времени казною въ 6000 тал., а въ случаѣ крайности могли воспользоваться занмообразно сокровищами, хранившимися въ акрополѣ, нечеканеннымъ

[1]) См., напр., у Ѳукидида, I, 83.

золотомъ и серебромъ, дарами и приношеніями отъ частныхъ лицъ и государства, различными сосудами и добычею отъ мидянъ и т. под., что составляло, по меньшей мѣрѣ, 500 тал., одѣяніемъ статуи богини Аѳины изъ чистаго золота, вѣсомъ въ 40 тал., не говоря уже о драгоцѣнностяхъ въ другихъ святилищахъ (Ѳукид. II, 13). Богатство денежныхъ средствъ давало Аѳинамъ большія преимущества на первыхъ порахъ; но зато война имъ стоила дороже, нежели пелопоннесцамъ, съ ихъ, такъ сказать, натуральнымъ способомъ веденія ея и доставкой всего большею частью натурой. Благодаря олигархическому строю Спарта имѣла возможность дѣйствовать въ-тайнѣ, съ большею послѣдовательностью и съ большимъ благоразуміемъ. Наоборотъ, аѳинская демократія, съ своимъ народнымъ собраніемъ, дѣйствовала на виду у всѣхъ: все, что въ Аѳинахъ обсуждалось и одобрялось, легко дѣлалось тотчасъ же извѣстнымъ и врагамъ. Аѳинскій демосъ не всегда былъ послѣдователенъ; измѣнчивый и легко увлекающійся, онъ могъ быстро переходить отъ одного рѣшенія къ другому. Зато и способенъ онъ былъ на такой энтузіамъ, на такой подъемъ духа и на такія жертвы, на какія врядъ-ли была способна тогдашняя олигархическая Спарта. Въ Аѳинскомъ союзѣ было больше централизаціи; зато въ Пелопоннесскомъ — больше солидарности, больше общности интересовъ между главою союза и остальными его членами. Но и у Спарты была своя Ахиллесова пята; это — Мессенія, съ ея порабощеннымъ населеніемъ, столь ненавидѣвшимъ своихъ побѣдителей.

На сторонѣ Спарты былъ дельфійскій оракулъ, обѣщавшій ей побѣду и помощь божества, и еще одинъ важный факторъ: это — общественное мнѣніе тогдашней Эллады, рѣшительно склонявшееся въ ея пользу. Аѳинянамъ завидовали, ихъ опасались, желали избавиться отъ ихъ владычества, казавшагося столь тяжелымъ, и не испытавъ еще господства Спарты, вѣрили ея заявленію, что она берется за оружіе для освобожденія эллиновъ отъ „тиранніи“ Аѳинъ.

Вообще Греція находилась тогда въ напряженномъ ожиданіи, въ виду готовившагося рѣшительнаго столкновенія двухъ первенствующихъ государствъ. Чувствовалось приближеніе ве-

ликихъ, роковыхъ событій. И только молодежь, какъ аѳинская, такъ и пелопоннесская, еще не извѣдавшая по собственному опыту всѣхъ ужасовъ войны, съ радостью принималась за нее, ища поприща для своихъ юныхъ силъ...

Еще приготовленія къ войнѣ шли, какъ миръ былъ открыто уже нарушенъ ночнымъ нападеніемъ ѳиванцевъ на Платеи (весною 431 г.), съ чего и принято считать начало *Пелопоннесской войны* (431 — 404) [1]). Спустя нѣкоторое время пелопоннесское войско, подъ начальствомъ спартанскаго царя Архидама, двинулось къ предѣламъ Аттики. Архидамъ попытался еще разъ вступить въ переговоры съ аѳинянами, но тѣ не впустили спартанскаго посла даже въ городъ и выслали его изъ своей территоріи, заявивъ, что если спартанцы желаютъ вести переговоры, то пусть прежде возвратятся домой. Покидая границы Аттики, посолъ, говорятъ, произнесъ: „День этотъ—начало великихъ бѣдствій для эллиновъ“.

Въ виду наступленія непріятеля Периклъ, стоявшій тогда во главѣ коллегіи стратеговъ и облеченный особыми полномочіями, принялъ свои мѣры. По его плану, на сушѣ въ открытую битву съ подавляющимъ по своей численности пелопоннесскимъ войскомъ ни за что не слѣдовало вступать. Въ его глазахъ, это значило лишь безплодно губить аѳинскія силы и подвергать риску государство. На сушѣ слѣдовало ограничиться защитой города и „Длинныхъ стѣнъ“, главныя же силы сосредоточить на морѣ, снарядить флотъ и съ помощью его опустошать берега Пелопоннеса, производить тамъ высадки и т. п. Сельское населеніе Аттики должно было покинуть свои поля и жилища, перейти въ городъ, снести туда свое имущество, и запереться; почти вся страна, за исключеніемъ Аѳинъ, „Длинныхъ стѣнъ“ и Пирея, должна была быть оставлена на произволъ врага.

Какъ ни тяжело было для аѳинянъ, они послѣдовали совѣту Перикла. Жители Аттики принесли требуемыя отъ нихъ жертвы. Скотъ отослали они на Евбею и на другіе близъ лежащіе острова, а сами съ женами и дѣтьми стали переселяться въ городъ, забравъ съ собою кое-какое имущество,

[1]) Ѳукидидъ, II кн. и слѣд.

хозяйственную утварь, иногда и лѣсъ отъ разобранныхъ ими самими домовъ. Съ невыразимо тяжелымъ чувствомъ разставались они съ своими родными полями, съ своими жилищами и хозяйствомъ, тѣмъ болѣе, что большинство аѳинянъ привыкло жить внѣ города, и теперь ему вдругъ приходилось совершенно мѣнять свой образъ жизни. Въ Аѳинахъ лишь для немногихъ хватило жилищъ. Нѣкоторые нашли пріютъ у друзей или родственниковъ. Но большинству пришлось помѣститься подъ открытымъ небомъ, на пустыхъ, незастроенныхъ мѣстахъ города или же въ храмахъ и святилищахъ, за исключеніемъ акрополя и Элевсинія да нѣкоторыхъ другихъ, оказавшихся крѣпко запертыми. Занятъ былъ теперь даже лежавшій у подошвы акрополя такъ называемый Пеласгикъ, не смотря на грозившее за это проклятіе, на запрещеніе и предсказанія оракула: такъ велика была сила необходимости. Многіе размѣстились въ башняхъ городскихъ стѣнъ, гдѣ и какъ кто могъ. Самый городъ не могъ всѣхъ вмѣстить; поэтому переселенцами заняты были пространство между „Длинными стѣнами“ и большая часть Пирея.

Вступивъ въ предѣлы Аттики, Архидамъ, чтобы выманить аѳинянъ изъ города и завлечь въ сраженіе, расположился почти въ виду Аѳинъ, въ Ахарнахъ, самомъ многолюдномъ демѣ, жители котораго составляли наиболѣе значительную часть аѳинской тяжеловооруженной пѣхоты.

И дѣйствительно, при видѣ непріятельскаго войска и безпрепятственно производимыхъ имъ опустошеній, аѳинянами овладѣло раздраженіе и нетерпѣніе. Особенно молодежь порывалась выйти на встрѣчу врагу. На улицахъ стали собираться сходки; шли толки о томъ, слѣдуетъ ли выступать противъ непріятеля или нѣтъ. На Перикла негодовали. Въ немъ видѣли главнаго виновника войны; его упрекали за то, что онъ не ведетъ войско въ открытый бой съ пелопонесцами. Особенно раздражены были ахарняне, демъ которыхъ больше всего страдалъ отъ непріятеля, эти „сильные, крѣпкіе, словно дубъ, старики, истые мараѳонскіе воины“, по словамъ Аристофана. Тогда впервые сталъ выдвигаться Клеонъ; именно онъ съ особенною горячностью нападалъ на Перикла и этимъ пріобрѣталъ вліяніе на массу, создавалъ себѣ популярность.

Комики осыпали Перикла насмѣшками. Гермиппъ называлъ его „царемъ сатировъ“ и спрашивалъ, „почему онъ не подымаетъ копья, храбро говоритъ о войнѣ, а на дѣлѣ оказывается одареннымъ душею труса“? Но среди волненія и негодованія гражданъ, нападокъ и насмѣшекъ, Периклъ оставался попрежнему непоколебимо твердымъ. Подобно кормчему, который на морѣ при наступленіи бури, все устроивъ какъ слѣдуетъ и спустивъ паруса, поступаетъ по правиламъ своего искусства, не обращая вниманія на слезы и мольбы страдающихъ морскою болѣзнью и боящихся пассажировъ, такъ и Периклъ, — говоритъ Плутархъ, — заперевъ городъ и разставивъ вездѣ охрану, держался своего плана, пренебрегая крикомъ и недовольствомъ гражданъ. Онъ не допускалъ созванія народнаго собранія, опасаясь, что тамъ воинственное настроеніе и чувство раздраженія возьметъ у гражданъ верхъ надъ благоразуміемъ. Дѣло ограничилось небольшой стычкой и пелопоннесцы вскорѣ покинули Аттику.

Тѣмъ временемъ аѳиняне предприняли морскую экспедицію къ берегамъ Пелопоннеса и къ западной части Греціи; постановили отдѣлить на будущее время изъ хранившейся въ акрополѣ казны 1000 талантовъ, какъ своего рода неприкосновенный капиталъ, который могъ быть употребленъ лишь въ крайности, для защиты самихъ Аѳинъ, и смертная казнь грозила тому, кто предложитъ употребить эти деньги на что-либо другое; рѣшено было для той же цѣли, т.-е. для защиты города, ежегодно отдѣлять 100 лучшихъ тріэръ; съ острова Эгины, который для Пирея, по выраженію Перикла, былъ „бѣльмомъ въ глазу“, жители съ женами и дѣтьми были изгнаны, а на Эгину отправлены аѳинскіе поселенцы, — мѣра объясняемая не только чувствомъ мести, но и желаніемъ вознаградить потерпѣвшихъ отъ непріятельскаго вторженія гражданъ и успокоить ихъ раздраженіе; въ Мегарскую область предпринято опустошительное вторженіе.

Периклъ еще сохранялъ первенствующее положеніе, и когда, согласно обычаю, устроено было торжественное погребеніе останковъ аѳинскихъ воиновъ, павшихъ въ бою, то для произнесенія рѣчи надъ ними избранъ былъ онъ. Это — та знаменитая рѣчь, которая представляетъ идеализирующую ха-

рактеристику аѳинской демократіи и отрывки изъ которой мы уже приводили (стр. 186).

Первый годъ войны кончился, но существенныхъ результатовъ ни та, ни другая сторона не достигла. Обѣ онѣ попрежнему стояли одна противъ другой съ неослабленными силами и рѣшеніе вопроса о преобладаніи не подвинулось ни на шагъ.

На слѣдующій годъ (430) пелопоннесцы подъ начальствомъ Архидама опять вторглись въ Аттику и принялись за опустошеніе страны. Но въ то время какъ внѣшній врагъ находился у воротъ города, въ самыхъ Аѳинахъ свирѣпствовало страшное бѣдствіе — эпидемія [1]). Раньше она появлялась уже въ разныхъ мѣстностяхъ, въ Эѳіопіи, Египтѣ, Ливіи, въ большей части владѣній персидскаго царя, даже на островѣ Лемносѣ. Теперь она на корабляхъ занесена была прежде всего въ Пирей, а оттуда и въ Аѳины. Здѣсь она нашла какъ нельзя болѣе благопріятную почву для себя. Тѣснота, скопленіе массы населенія, за городскими стѣнами искавшаго убѣжища отъ непріятеля, перемѣна образа жизни и угнетенное настроеніе народа,—все это способствовало страшному развитію болѣзни въ Аѳинахъ, тогда какъ, напр., въ Пелопоннесѣ эпидемія не достигла значительныхъ размѣровъ.

Ужасное зрѣлище представляли тогда Аѳины. Болѣзнь пожирала свои жертвы, и не было средствъ бороться съ нею. Многихъ больныхъ даже близкіе покидали совершенно на произволъ судьбы. Дома опустѣли. Умирающіе и полуживые часто лежали или ползали по улицамъ и особенно у колодцевъ, томимые нестерпимою жаждою. Тутъ же, на улицахъ, валялись трупы умершихъ, служа нерѣдко добычей птицамъ и собакамъ. Святилища и храмы, гдѣ поселились переселенцы, тоже полны были труповъ. Погребеніе совершалось большею частью какъ попало: случалось, что однихъ клали на чужой костеръ и поджигали его раньше того, кто устроилъ этотъ костеръ; иныхъ бросали въ огонь въ то время, какъ сожигался другой трупъ, и т. п. О силѣ смертности могутъ дать нѣкоторое понятіе

[1]) О ней главнымъ образомъ Ebstein, Die Pest des Thukydides. Stuttg. 1899. (Ср. его же ст. въ Deutsche Medizin. Wochenschrift, 1899, № 36).

приводимыя Ѳукидидомъ (II, 58, III, 87) цифры изъ 4000 гоплитовъ, отправленныхъ къ Потидеѣ, въ теченіе не болѣе 40 дней умерло 1050. Болѣзнь, хотя и съ неодинаковой силой, продолжалась съ небольшимъ перерывомъ три года, и за это время отъ нея погибло изъ гоплитовъ, занесенныхъ въ списокъ, не менѣе 4400, да изъ всадниковъ—300; число же умершихъ изъ остальнаго войска неизвѣстно: и ни отъ чего такъ не потерпѣли аѳиняне, какъ отъ болѣзни, замѣчаетъ Ѳукидидъ. Она не только уносила ихъ лучшія, свѣжія силы; она, кромѣ того, дѣйствовала деморализующимъ образомъ на народъ. Упадокъ духа, отчаяніе и апатія овладѣли обществомъ. Возвышенныя стремленія, чувство чести и стыда, страхъ предъ богами и людьми,—все это исчезло. Увѣренность въ безнаказанности была полная. Разнузданность и жажда чувственныхъ наслажденій достигли ужасающихъ размѣровъ; прежде чѣмъ умереть, спѣшили насладиться всѣми благами жизни, такъ какъ нельзя было быть увѣреннымъ въ завтрашнемъ днѣ, и смерть все равно, казалось, грозила всѣмъ. Ослабѣли семейныя и общественныя узы...

При такихъ условіяхъ нелегко было вести войну. Правда, пелопоннесцы, вѣроятно изъ страха заразы, поспѣшили уйти изъ Аттики, а аѳинскій флотъ съ Перикломъ во главѣ произвелъ нападенія на побережья Пелоннеса; но и тутъ дѣло ограничилось въ сущности только опустошеніемъ; аѳинскій же отрядъ, посланный въ подкрѣпленіе осаждавшимъ Потидею, внесъ лишь заразу въ ряды ихъ.

Послѣ вторичнаго непріятельскаго вторженія и опустошенія Аттики настроеніе аѳинянъ было подавленное. Они негодовали на Перикла, винили его во всѣхъ несчастіяхъ и готовы были просить у спартанцевъ мира. Но всѣ ихъ попытки въ этомъ направленіи были тщетны: посольства въ Спарту ни къ чему не приводили. Тогда, если вѣрить Ѳукидиду (II, 60 сл.), Периклъ созвалъ народное собраніе и обратился къ нему съ рѣчью, въ которой, укоряя гражданъ за ихъ малодушіе, старался оправдать свое поведеніе, поднять упавшій духъ аѳинянъ, совѣтовалъ имъ не поддаваться несчастіямъ, ради блага государства забыть личное горе, терпѣливо переносить всѣ невзгоды и прекратить переговоры со Спартой о мирѣ. Аѳи-

няне послѣдовали совѣту Перикла: переговоры съ Спартой были оставлены. Тѣмъ не менѣе недовольство противъ Перикла не исчезло. Противъ него соединились всѣ, и демосъ, и аристократы. Периклъ былъ смѣщенъ и подвергся суду. По словамъ Плутарха [1]), Драконтидъ выступилъ съ предложеніемъ, чтобы Периклъ представилъ отчетъ пританамъ въ употребленіи казенныхъ денегъ, чтобы судъ надъ нимъ происходилъ въ акрополѣ и судьи подавали голосъ, беря камешекъ съ алтаря. Эта необычная, особо торжественная форма суда смягчена поправкой Гагнона, по которой судъ долженъ былъ происходить предъ 1500 дикастовъ, по обвиненію въ хищеніи и взяточничествѣ или просто въ неправильныхъ дѣйствіяхъ. Тѣмъ не менѣе обвиненіе для Перикла было тяжкое: есть извѣстіе, что дѣло шло о его жизни и смерти. Процессъ кончился присужденіемъ обвиняемаго къ денежному штрафу въ 50 тал. По всей вѣроятности, отчеты Перикла въ употребленіи денежныхъ суммъ, которыми онъ распоряжался, признаны были неудовлетворительными.

Такимъ образомъ, послѣ государственной дѣятельности, не прерывавшейся въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ, Периклъ теперь долженъ былъ возвратиться къ частной жизни, гдѣ у него тоже не было тогда отрады, такъ какъ ударъ слѣдовалъ за ударомъ, одна потеря за другою... Между тѣмъ негодованіе аѳинянъ на Перикла мало-по-малу стало утихать. Оказалось, что не было въ Аѳинахъ лица, которое могло бы достойнымъ образомъ замѣнить Перикла. Безъ него дѣла шли еще хуже, и вотъ когда насталъ срокъ выборовъ въ стратеги, то Периклъ былъ снова избранъ и облеченъ полномочіями. Но прежній авторитетъ и обаяніе не могли уже къ нему возвратиться. Да и жилъ онъ послѣ этого недолго: болѣзнь медленно подтачивала его силы, и осенью 429 г. Периклъ умеръ. Если такія событія, какъ сдача Потидеи, побѣды Форміона въ Коринѳскомъ заливѣ, осада Платей спартанцами, и произошли еще при его жизни, то врядъ ли онъ оказывалъ сколько-нибудь сильное вліяніе на ихъ ходъ.

[1]) Въ 32 гл. біографіи Перикла. Сообщеніе Плутарха, очевидно, слѣдуетъ пріурочить къ этому моменту, а не къ болѣе раннему. О процессѣ Перикла—ст. Swoboda въ Hermes, 1893, XXVII.

Не такъ давно, въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка, въ Германіи высказанъ былъ взглядъ на Перикла, сводившійся къ тому, что великаго государственнаго дѣятеля Аѳинъ старались развѣнчать, показать его несостоятельность, какъ политика и полководца; въ его дѣятельности видѣли чуть-ли не сплошной рядъ ошибокъ. Съ точки зрѣнія этого взгляда Периклъ оказывался посредственностью, почти бездарностью, виновникомъ послѣдующаго упадка Аѳинъ, неудачнаго исхода ихъ борьбы со Спартой и т. д. И это было не единичное мнѣніе, которое можно было бы объяснить претензіей на оригинальность, а цѣлое, такъ сказать, теченіе. Представителями его являлись ученые, уже пріобрѣвшіе болѣе или менѣе почетную извѣстность въ наукѣ, съ мнѣніемъ которыхъ во всякомъ случаѣ нужно было считаться [1]). Всматриваясь внимательно въ дѣятельность Перикла, въ условія, среди которыхъ она протекала, мы приходимъ къ заключенію, что взглядъ упомянутыхъ ученыхъ, не смотря на отдѣльныя вѣрныя замѣчанія ихъ, въ общемъ не выдерживаетъ критики: въ немъ слишкомъ много произвола, субъективности и нѣтъ безпристрастія. Онъ придаетъ слишкомъ большое значеніе отдѣльной личности и ставитъ Периклу въ вину то, что̀ въ сущности являлось естественнымъ и логическимъ слѣдствіемъ цѣлаго предшествовавшаго процесса; онъ противорѣчитъ и Ѳукидиду, а недовѣрять послѣднему въ данномъ случаѣ мы не имѣемъ основанія: разсмотрѣніе дѣятельности Перикла, какъ нельзя болѣе, подтверждаетъ отзывъ о немъ великаго историка древности. Такимъ образомъ, попрежнему Периклъ является въ глазахъ нашихъ однимъ изъ величественныхъ образовъ въ греческой исторіи,— правда, не военнымъ геніемъ, но опытнымъ и благоразумнымъ полководцемъ, талантливымъ и многостороннимъ государственнымъ дѣятелемъ. Онъ не былъ, сказали мы (стр. 153), тѣмъ

---

[1]) Max Duncker въ своей обширной Geschichte des Alterthums. Neue Folge. Leipz. 1884 — 1886 (VIII и IX т. всего сочиненія), Pflugk-Harttung, Perikles als Feldherr. Stuttg 1884; отчасти Beloch, Die attische Politik seit Perikles. Leipz. 1884. Подробный разборъ этихъ взглядовъ въ моей книгѣ „Периклъ“. Харьковъ. 1889. Ср. Delbrück, Die Strategie des Perikles... (Preussische Jahrbucher, 1889, LXIV).

реформаторомъ, который пролагаетъ новые пути; но онъ былъ достойнымъ завершителемъ дѣла Солона, Клисѳена, Ѳемистокла и Эфіальта.

Демагоги и стратеги: Клеонъ и Никій.

По смерти Перикла начинается какъ-бы новая эпоха въ исторіи аѳинской демократіи [1]): наступаетъ время господства *демагоговъ* въ худшемъ значеніи слова,—потворствующихъ толпѣ, подлаживающихся подъ ея вкусы, дѣйствующихъ на ея дурные инстинкты. Ѳукидидъ противополагаетъ Периклу его преемниковъ (II, 65). „Когда умеръ Периклъ", говоритъ онъ, „то еще болѣе обнаружилась его прозорливость относительно войны. Ибо онъ утверждалъ, что аѳиняне останутся побѣдителями, если будутъ держать себя спокойно, если будутъ заботиться о флотѣ, не будутъ стремиться къ расширенію своего владычества во время самой войны и подвергать государство риску. Аѳиняне же поступили какъ-разъ наоборотъ. Да и въ другихъ дѣлахъ, не имѣвшихъ, казалось, отношенія къ войнѣ, они, дѣйствуя въ интересахъ личнаго честолюбія и въ личныхъ выгодахъ, вредили себѣ и союзу; тутъ, при удачѣ, почетъ и польза были бы больше частнымъ лицамъ; при неудачѣ же возникалъ вредъ для государства и въ отношеніи войны". Объясняетъ это Ѳукидидъ тѣмъ, что Периклъ старался возвысить демосъ до себя, а его преемники, послѣдующіе демагоги, дѣйствовали наоборотъ. „Периклъ, сильный нравственнымъ достоинствомъ и умомъ и явно неподкупный въ высшей степени, свободно правилъ массой, и не столько она руководила имъ, сколько онъ ею, потому что онъ пріобрѣлъ власть, не прибѣгая къ недостойнымъ средствамъ, и не имѣлъ вслѣдствіе этого нужды льстить толпѣ, но, пользуясь уваженіемъ, могъ и рѣзко противорѣчить ей... Послѣдующіе же вожди, будучи сами по себѣ больше равны другъ другу и въ

[1]) Gilbert, Beiträge zur innern Geschichte Athens im Zeitalter d. Peloponnesischen Krieges. Leipz. 1877; Beloch, Die attische Politik seit Perikles. Leipz. 1884. На русск. яз.—„Исторія Греціи со врем. Пелоп. войны". Сборникъ статей подъ редакціей Н. И. Шамонина и Д. М. Петрушевскаго. М. 1896, 2 т. (Библіотека для самообразованія).

то же время стремясь каждый стать первымъ, начали въ угоду демосу предоставлять ему и всѣ дѣла". Приблизительно то же говоритъ и Аристотель въ своей „Политіи" (гл. 28). Со смертью Перикла, замѣчаетъ онъ, положеніе дѣлъ измѣнилось къ худшему. Народъ впервые избралъ тогда вождемъ личность, не пользовавшуюся доброю славою у „приличныхъ" (Аристотель подразумѣваетъ Клеона), тогда какъ до тѣхъ поръ его вождями всегда были благородные. Съ тѣхъ поръ, по Аристотелю, начинается владычество демагоговъ, дерзкихъ и угождавшихъ толпѣ, имѣвшихъ въ виду лишь интересы минуты. Говоря въ своей „Политикѣ" (1292a) о крайней формѣ демократіи, Аристотель замѣчаетъ, что здѣсь демосъ является многоголовымъ деспотомъ и что̀ у тирановъ льстецы, то въ демократіи — демагоги; демагогъ и льстецъ — одно и то же, говоритъ онъ; „ибо демагогъ есть льстецъ демоса" (1313b—1314a).

Такихъ демагоговъ изображаетъ Аристофанъ въ своей комедіи „Всадники". Здѣсь Пафлагонецъ (Клеонъ) и уличный торговецъ, колбасникъ Агоракритъ, борются изъ-за вліянія на демосъ, который, какъ мы уже говорили (стр. 188), представленъ въ образѣ выжившаго изъ ума старика; они состязаются въ похвалахъ и лести ему, въ изъявленіи своей любви и преданности, въ разнаго рода приношеніяхъ. Это—состязаніе въ безстыдствѣ, и тутъ колбасникъ превзошелъ даже Пафлагонца-Клеона. Колбасникъ въ началѣ пьесы еще болѣе безстыденъ и наглъ, чѣмъ Клеонъ. Чрезъ то и можетъ онъ возвыситься, „что площадью рожденъ, и подлъ, и дерзокъ". Онъ невѣжественъ, „наукамъ не ученъ, лишь грамотѣ, и той — худого хуже"... Но

Искусство демагога
Не ищетъ ужъ теперь образованья
И для натуры честной не годно:
Ушло оно къ безстыднымъ и невѣждамъ...

Колбасникъ одерживаетъ побѣду надъ Пафлагонцемъ-Клеономъ: Демосъ ввѣряетъ себя ему, а съ Пафлагонцемъ разстается. Въ концѣ пьесы Агоракритъ является благодѣтельнымъ, мудрымъ совѣтникомъ: онъ, какъ волшебница Медея, варитъ Демоса и изъ стараго, гнуснаго, превращаетъ его въ молодого, хорошаго.

Демагоги, преемники Перикла, большею частью были лишь ораторами или руководителями въ народномъ собраніи; нерѣдко они добивались мѣста въ совѣтѣ пятисотъ, но они не были полководцами, стратегами, за исключеніемъ отдѣльныхъ случаевъ. Между тѣмъ какъ прежде немыслимо было, чтобы лицо, не имѣвшее опытности государственнаго дѣятеля или не будучи стратегомъ, руководило народомъ, теперь подобныя явленія сдѣлались обычными. Функціи стратега и народнаго вождя, прежде соединенныя въ одномъ лицѣ, раздѣляются, происходитъ раздвоеніе: одни, демагоги, дѣйствуютъ и вліяютъ въ народномъ собраніи; они мало свѣдущи въ военномъ дѣлѣ; другіе, стратеги, стоятъ во главѣ войска, ведутъ войну; они обыкновенно плохіе ораторы, часто отсутствуютъ изъ Аѳинъ; они несутъ отвѣтственность за успѣхъ, за военныя операціи, нерѣдко ими не одобряемыя, имъ навязанныя, и въ своихъ дѣйствіяхъ должны сообразоваться съ настроеніемъ въ Аѳинахъ, имѣть въ виду, какъ отнесутся къ нимъ вліятельные демагоги. Между тѣми и другими — явный антагонизмъ: въ случаѣ неудачи стратега, его ждетъ обвиненіе въ подкупности, въ измѣнѣ; въ случаѣ успѣха, ему завидуютъ, его опасаются.

Вообще демосъ недовѣряетъ стратегамъ и преслѣдуетъ ихъ цѣлымъ рядомъ процессовъ. Такъ, стратегъ Форміонъ, побѣдитель въ морской битвѣ при Навпактѣ, потомъ присужденъ былъ къ денежному штрафу, который онъ не могъ уплатить. Пахесъ, подавившій возстаніе на островѣ Лесбосѣ, во время самаго процесса по поводу его дѣйствій [1]), въ присутствіи судей вынулъ свой мечъ и лишилъ себя жизни. Лахесъ былъ обвиненъ въ утайкѣ денегъ, но оправданъ. Стратеги Пиѳодоръ, Софоклъ (котораго не слѣдуетъ смѣшивать съ знаменитымъ трагикомъ) и Еврипедонъ въ 424/3 г., по возвращеніи изъ Сициліи, куда они посланы были во главѣ эскадры, подверглись процессу по обвиненію въ томъ, что, будучи под-

[1]) Поводомъ къ обвиненію, при сдачѣ Пахесомъ отчета, послужили, вѣроятно, его самовольныя распоряженія на Лесбосѣ. Иногда съ этимъ процессомъ связывали эпизодъ, упоминаемый въ одной изъ эпиграммъ, будто Пахесъ по взятіи Митилены изнасиловалъ двухъ женщинъ, умертвивъ передъ тѣмъ ихъ мужей.

куплены, заключили миръ и отплыли назадъ, тогда какъ могли подчинить Сицилію; изъ нихъ Ѳеодоръ и Софоклъ приговорены были къ изгнанію, а Евримедонъ—къ денежному штрафу. Историкъ Ѳукидидъ за то, что, въ качествѣ стратега находясь во главѣ эскадры у береговъ Ѳракіи, не успѣлъ предотвратить отпаденіе Амфиполя, былъ изгнанъ. А подъ конецъ Пелопоннесской войны въ 406 г., послѣ морской побѣды при Аргинусскихъ островахъ, произошелъ грандіозный процессъ стратеговъ-побѣдителей, изъ которыхъ шестерыхъ постигла смертная казнь за то, что они не похоронили павшихъ и не постарались спасти оставшихся въ живыхъ, плававшихъ на обломкахъ кораблей.

Понятно, какъ неблагопріятно должно было отражаться это на ходѣ войны. Къ тому же на выборы стратеговъ вліяли политическія соображенія. Между стратегами были сторонники мира или войны; одни стояли ближе къ умѣреннымъ или къ аристократической партіи, другіе—къ демократической. Каждая партія старалась провести своихъ кандидатовъ. По составу коллегіи стратеговъ въ тотъ или другой годъ можно до нѣкоторой степени судить, какое теченіе преобладало въ моментъ выборовъ — болѣе мирное или воинственное [1]). Авторитетъ стратеговъ падалъ, тѣмъ болѣе, что часто это были люди незначительные. „Кого прежде не выбрали бы даже пробовать вино“ (для празднествъ), говоритъ комикъ Евполидъ, „того теперь мы имѣемъ стратегами. О, городъ, городъ, насколько ты болѣе счастливъ, чѣмъ разуменъ!“ Онъ вспоминаетъ о прежнихъ временахъ, о Мильтіадѣ и Периклѣ. „Не такъ мы, старики, въ наше время правили государствомъ; у насъ, прежде всего, были стратеги изъ самыхъ великихъ домовъ, первые богатствомъ и родомъ, на которыхъ мы молились, какъ на боговъ, да они и были ими, такъ что мы жили безопасно; а теперь, куда придется, идемъ въ походъ, выбравъ отбросы въ стратеги“.

Вообще въ то время въ аѳинскомъ обществѣ произошли крупныя перемѣны. Война и ужасная эпидемія произвели страшныя опустошенія въ рядахъ аѳинянъ, и цвѣтъ аѳинскаго

[1]) Gilbert, Beiträge z. innern Gesch. Athens.

населенія погибъ. Число гражданъ уменьшилось на четверть или на треть; по Э. Мейеру, съ 55000 оно понизилось до 36—38000, по Белоху—съ 35000 до 26000. Дѣйствовало новое поколѣніе, во многомъ отличное отъ предшествовавшаго, современнаго Греко-Персидскимъ войнамъ и Перикловой эпохѣ. По словамъ Аристотеля, война имѣла вліяніе и на бо́льшую демократизацію Аѳинъ: народъ, запертый въ городѣ, принимаетъ еще болѣе непосредственное участіе въ управленіи. До сихъ поръ вожди народа, стоявшіе даже во главѣ демократической партіи, были изъ „знатныхъ и благородныхъ“. Теперь на политическомъ поприщѣ ихъ оттѣсняютъ и становятся вождями демоса торговцы, промышленники или фабриканты, представители аѳинской буржуазіи, что̀ вполнѣ было естественно, если принять во вниманіе торговое и промышленное значеніе тогдашнихъ Аѳинъ. Одинъ за другимъ выступаютъ они по смерти Перикла: сначала „торговецъ паклей“ Евкратъ; за нимъ — „торговецъ овцами“ Лисиклъ, женившійся послѣ того, какъ Периклъ умеръ, на Аспазіи, вліянію которой и приписывали, что этотъ „скотопромышленникъ“ былъ способенъ играть политическую роль; затѣмъ—„кожевникъ“, т.-е. владѣлецъ кожевеннаго завода, Клеонъ; фабрикантъ лампъ Гиперболъ и другъ.

Изъ нихъ больше и дольше всѣхъ пользовался вліяніемъ Клеонъ. Относительно него наши источники единодушны. Они изображаютъ Клеона, какъ типъ демагога въ худшемъ смыслѣ слова. По Ѳукидиду, это человѣкъ, въ высшей степени склонный къ насилію, дерзкій, грубый и наглый, клеветникъ, пустой и легкомысленный хвастунъ. По словамъ Аристотеля, Клеонъ „болѣе всего развратилъ народъ своею страстностью, первый сталъ кричать и браниться на каѳедрѣ и произносить рѣчи опоясаннымъ“ (гл. 28). Плутархъ, кромѣ того, указываетъ на его алчность, корыстолюбіе. Но особенно рѣзкимъ нападкамъ подвергся Клеонъ со стороны комиковъ. Аристофанъ вывелъ его, какъ мы уже видѣли (стр. 189), въ комедіи „Всадники“ въ образѣ Пафлагонца, крикуна, государственнаго вора, безстыднаго льстеца и обманщика, въ сѣти котораго попалъ Демосъ и который „съ людей вымогалъ, ихъ тянулъ и душилъ безъ зазрѣнья“. И въ другихъ своихъ пьесахъ Аристофанъ неразъ нападаетъ на Клеона страстно и рѣзко.

Но, не смотря на такое единодушіе, наши источники въ данномъ случаѣ не вполнѣ надежны. Въ особенности это нужно сказать о комедіи. Всѣ эти шутки, подчасъ грубыя, всѣ эти личныя нападки, отзывающіяся нерѣдко сплетней, клеветой и каррикатурой, принимать на вѣру, на нихъ основываться при оцѣнкѣ историческаго дѣятеля никоимъ образомъ нельзя [1]). Какое, напр., превратное представленіе было бы у насъ о Сократѣ, полагайся мы на одного Аристофана и его „Облака“ и не имѣй мы другихъ источниковъ. Нельзя упускать изъ виду, что комикъ—не историкъ, что Аристофанъ прежде всего комическій поэтъ, цѣль котораго заставить зрителей смѣяться. Притомъ, комедія—не только произведеніе поэтическое, но и политическое, тенденціозное. Правда, Аристофанъ не былъ полнымъ, послѣдовательнымъ сторонникомъ олигархіи [2]); но онъ, какъ и остальные комики, стоялъ въ оппозиціи къ тогдашней аѳинской демократіи и ея вождямъ. Кромѣ того, у него были свои счеты съ Клеономъ. Клеонъ преслѣдовалъ Аристофана за его комедіи; Аристофанъ отплачивалъ ему рѣзкими нападками.

Что касается Ѳукидида, который по объективности и безпристрастію стоитъ вообще чрезвычайно высоко, то онъ могъ быть чрезмѣрно строгъ къ Клеону, такъ какъ ему были глубоко антипатичны демократическая натура и, такъ сказать, „плебейство“ этого преемника Перикла, не говоря уже о высказываемомъ нѣкоторыми историками предположеніи, что именно Клеонъ былъ главнымъ виновникомъ изгнанія Ѳукидида послѣ паденія Амфиполя и что, слѣдовательно, въ отношеніи къ нему великій историкъ могъ быть не свободенъ отъ личной злобы и вражды [3]). Наконецъ Аристотель, какъ и Ѳукидидъ, не сочувствовалъ крайней демократіи и ея вождямъ, до нѣкоторой степени былъ проникнутъ аристократическими симпатіями.

Во всякомъ случаѣ, извѣстные намъ факты изъ дѣятельности

---

[1]) Müller-Strubing, Aristophanes und die historische Kritik. Leipz. 1873.

[2]) Это ясно показываетъ M. Croiset, Aristophane et les partis à Athènes. P. 1906.

[3]) Изъ новыхъ историковъ защитниками Клеона явились главнымъ образомъ Grote, въ своей History of Greece, и W. Oncken, Athen und Hellas, т. II (Leipz. 1866)

Клеона, сообщаемые самимъ же Θукидидомъ, позволяютъ составить нѣсколько иное мнѣніе объ этомъ демагогѣ. Θукидидъ напр. называетъ обѣщаніе Клеона взять Сфактерію въ теченіе 20 дней „сумасшедшимъ“; однако Клеонъ свое обѣщаніе сдержалъ, дѣйствовалъ при этомъ цѣлесообразно и благоразумно и предпріятіе выполнилъ удачно. Конечно, онъ не былъ выдающимся государственнымъ человѣкомъ или полководцемъ; онъ былъ необразованъ, вульгаренъ, грубъ и дерзокъ; умъ его былъ узокъ; Клеонъ былъ слишкомъ упоренъ и прямолинеенъ. Но ему нельзя отказать въ энергіи и здравомъ смыслѣ. Нельзя сказать также, чтобы онъ всегда льстилъ демосу: иногда, судя по рѣчи, приводимой Θукидидомъ (III, 37 сл.) онъ говорилъ, рѣзко критикуя демократію. Самъ онъ вышелъ изъ демоса; для народной массы онъ—„свой человѣкъ“, онъ ей былъ болѣе близокъ и понятенъ; чѣмъ, напр., „Олимпіецъ“ Периклъ. Самая его рѣчь и пріемы, болѣе вульгарные, его пошлыя шутки, о которыхъ говоритъ Плутархъ, могли нравиться массѣ. Разсказываютъ, напр., что однажды Клеонъ предложилъ народному собранію отложить засѣданіе, такъ какъ онъ, Клеонъ, долженъ принять гостей и принести жертвы; аѳиняне разсмѣялись, встали и собраніе было распущено.

Что касается должностей, занимаемыхъ Клеономъ, то онъ былъ два раза членомъ совѣта, въ 427/6 г. состоялъ предсѣдателемъ эллинотаміевъ и два раза избирался даже въ стратеги, не считая особой временной стратегіи для взятія Сфактеріи. Клеонъ имѣлъ ближайшихъ сторонниковъ и помощниковъ. „Сотня головъ проклятыхъ льстецовъ кругомъ обвивала его голову“, по выраженію Аристофана (въ „Осахъ“). Онъ былъ вождемъ крайней демократической партіи и во внѣшней политикѣ стоялъ за войну. Наши источники и это объясняютъ дурными, личными мотивами Клеона—его опасеніемъ, что съ установленіемъ мира его злодѣйства скорѣе обнаружатся и его клеветы встрѣтятъ меньше довѣрія [1]), или, какъ говоритъ Аристофанъ, чтобъ „войной и туманомъ народъ ослѣпленный“ не замѣчалъ, какія гнусности Клеонъ дѣлаетъ. Но за войну во-

[1]) Такъ у Θукидида, V, 16.

обще была радикальная демократія и городской демосъ, такъ какъ война была въ ихъ интересахъ.

Вождемъ другой партіи—партіи мира, болѣе умѣренной и консервативной, былъ Никій. Онъ выдавался своимъ богатствомъ и занималъ въ Аѳинахъ вліятельное положеніе. Начиная съ 428 г., его почти изъ года въ годъ выбирали въ стратеги, что не мѣшало ему быть представителемъ партіи мира. Въ сущности Никій былъ посредственностью—нерѣшительный, медлительный, чрезмѣрно осторожный, малодушный и робкій предъ толпою. Онъ чрезвычайно боялся сикофантовъ, доносчиковъ, которые въ ту пору являлись бичемъ для многихъ состоятельныхъ гражданъ, и готовъ былъ отъ нихъ всячески откупаться. Изъ страха предъ сикофантами Никій, говорятъ, избѣгалъ посѣщать кого-либо изъ гражданъ, принимать участіе въ обществѣ, въ бесѣдѣ. Въ исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей онъ былъ необычайно аккуратенъ, а внѣ ихъ замыкался въ своемъ домѣ и былъ малодоступенъ. Если кто приходилъ къ нему, то выходили его друзья и говорили, что Никій проситъ извинить, такъ какъ и теперь онъ очень занятъ государственными дѣлами. Никій былъ суевѣренъ и постоянно совѣтовался съ разными предсказателями-хресмологами. Его политическое направленіе, общественное положеніе, нѣкоторыя черты, напр. „филантропія“, отмѣчаемая Плутархомъ, располагали къ нему аристократическую партію. Но и демосъ относился къ Никію хорошо. Самая робость Никія предъ толпой и страхъ предъ сикофантами являлись въ глазахъ массы какъ-бы доказательствомъ его демократизма. Притомъ онъ располагалъ народъ хорегіями, гимнасіархіями и тому подобными средствами, превосходя своихъ предшественниковъ и современниковъ блескомъ и великолѣпіемъ постановки. Даже комики относились къ Никію сочувственно и лишь мягко, слегка порицали его за нерѣшительность и трусость. А Аристотель въ „Аѳинской Политіи“ (гл. 28) причисляетъ Никія къ самымъ лучшимъ „послѣ древнихъ“ политическимъ дѣятелямъ въ Аѳинахъ и добавляетъ, что въ этомъ согласны почти всѣ.

Таковы были преемники Перикла.

Клеонъ имѣлъ близкое отношеніе къ финансамъ.

Продолжительная, тяжелая война требовала большихъ рас-

ходовъ. Съ весны 431 г. и до начала зимы 428 г. истрачено было около 3500 тал. Въ среднемъ первые два года войны обошлись по 1800 тал. каждый, а слѣдующіе два—по 1100. Одна осада Потидеи въ теченіе двухъ лѣтъ стоила 2000 тал. По сохранившимся, въ видѣ надписей, счетамъ въ первыя 7 лѣтъ военныхъ дѣйствій, начиная съ Керкирскихъ замѣшательствъ въ 433 г. по 427/6 г., взято заимообразно изъ казны богини Аѳины 4001 тал., изъ казны „другихъ боговъ“—болѣе 700, а изъ казны Ники (Побѣды)—22 тал., всего круглымъ счетомъ—4750 тал. [1]). Необходимо было изыскать новый источникъ доходовъ. И вотъ въ 428 г. введена была прямая подать съ имущества, *эйсфора*, въ размѣрѣ 200 тал.; въ 425/4 г. повышенъ болѣе, чѣмъ вдвое, форосъ съ союзниковъ. До тѣхъ поръ въ общемъ аѳиняне относительно фороса придерживались нормы временъ Аристида; но въ теченіе полувѣка экономическія условія сильно измѣнились, города стали многолюднѣе и богаче, цѣнность денегъ понизилась, и это могло служить оправданіемъ при повышеніи фороса. Теперь общая его сумма доведена была приблизительно до 1000 тал. Отдѣльныхъ городовъ увеличеніе коснулось не въ одинаковой степени: съ однихъ форосъ увеличенъ вчетверо и даже впятеро, съ другихъ оставленъ прежній или повышенъ слегка [2]). Обѣ эти важныя финансовыя мѣры—введеніе эйсфоры и повышеніе фороса—приходятся какъ-разъ на тѣ два года, когда Клеонъ былъ членомъ совѣта. По всей вѣроятности, онъ и былъ дѣйствительнымъ иниціаторомъ ихъ, хотя надежнаго, прямого свидѣтельства относительно этого и нѣтъ, и формально, напр., предложеніе объ увеличеніи фороса внесъ не Клеонъ, а Клеонимъ. Во всякомъ случаѣ мѣры эти были совершенно въ духѣ Клеона; именно онъ безпощадно взыскивалъ налоги и недоимки; въ Аѳинахъ начался рядъ фискальныхъ процессовъ, въ союзные города—для взысканія фороса—посланы корабли и т. д. Повидимому, Клеонъ пытался уменьшить расходъ на отрядъ всадниковъ, набиравшійся изъ богатой молодежи, но не имѣлъ успѣха. Одновременно съ увеличеніемъ дохода по-

[1]) Busolt, Griech. Gesch., III, 2, 1015 сл.
[2]) Busolt, III, 2, 1117—1119.

средствомъ повышенія фороса повышена—по всей вѣроятности, по иниціативѣ же Клеона—плата судьямъ съ 2 оболовъ до 3. Это была не только демагогическая мѣра: она вызывалась необходимостью—тою дороговизною, которая являлась слѣдствіемъ долгой войны и опустошенія Аттики непріятелемъ.

Война отъ смерти Перикла до Никіева мира и ея вліяніе на общество.

На самомъ ходѣ войны послѣ смерти Перикла мы не будемъ останавливаться; мы коснемся лишь важнѣйшихъ ея моментовъ и притомъ такихъ, которые имѣютъ близкое отношеніе къ внутренней исторіи Аѳинъ или къ борьбѣ тогдашнихъ партій.

Такимъ моментомъ является, напр., возстаніе въ 428 г. Митилены, главнаго города острова Лесбоса. Изъ прежнихъ союзниковъ Аѳинъ къ тому времени осталось только два, пользовавшихся равноправіемъ и независимостью,—Хіосъ и Лесбосъ (Самосъ, какъ извѣстно, былъ покоренъ еще при Периклѣ), и особыхъ поводовъ къ неудовольствію у митиленянъ не было. Но они опасались, что аѳиняне при первомъ удобномъ случаѣ и ихъ лишатъ равноправія и независимости. Притомъ, въ Митиленѣ властвовала аристократія, а аристократія вообще была враждебно настроена по отношенію къ демократическимъ Аѳинамъ. И вотъ Митилена задумываетъ отложиться отъ нихъ. Аѳиняне, получивъ свѣдѣнія объ этомъ, пытались предотвратить опасность путемъ переговоровъ, а затѣмъ посылкой флота къ Лесбосу. Однако военныя дѣйствія начались, возстаніе охватило весь островъ, за исключеніемъ города Мѳѳимны. Митиленскіе послы, явившись въ Олимпію, во время игръ, жаловались на аѳинянъ и просили помощи у Спарты. Но ни вторженіе спартанцевъ въ Аттику, ни посылка пелопоннесскаго флота на помощь Лесбосу, не принудили аѳинянъ снять блокаду съ Митилены и не спасли послѣдней: Митилена была еще тѣснѣе осаждена и сдалась аѳинскому полководцу Пахесу (427 г.).

Тогда въ аѳинскомъ народномъ собраніи возникъ вопросъ, какъ поступить со сдавшимися митиленянами. Сначала раздра-

женные аѳиняне рѣшили было все взрослое мужское населеніе предать казни, а женщинъ и дѣтей обратить въ рабство. Распоряженіе объ этомъ было даже уже послано Пахесу. Но потомъ аѳиняне одумались, и на слѣдующій день созвано было народное собраніе, чтобы вновь обсудить дѣло. И вотъ во время преній, которыя передаетъ намъ Ѳукидидъ (III, 37—48), высказаны были два противоположныхъ воззрѣнія на значеніе смертной казни, какъ мѣры устрашенія, при чемъ предъ нами впервые выступаютъ доводы за и противъ по этому вопросу, впервые мы встрѣчаемся съ возраженіями противъ самой цѣлесообразности системы устрашенія.

Въ защиту смертной казни и безпощадной строгости выступилъ Клеонъ, и прежде настаивавшій на нихъ. Онъ стоялъ за то, чтобы прежняго рѣшенія не отмѣнять. Демократія, говорилъ онъ, не способна властвовать надъ другими. Въ этомъ онъ часто и раньше убѣждался, а теперь—въ особенности, видя раскаяніе аѳинянъ въ ихъ рѣшеніи относительно митиленянъ. „Вы“, убѣждалъ Клеонъ, „не хотите понять, что ваше владычество есть тираннія, что союзники слушаются васъ не ради добра, которое вы имъ оказываете, вредя себѣ, но ради того, что вы превосходите ихъ силою. Опаснѣе же всего, если мы не будемъ твердо держаться разъ принятыхъ рѣшеній и не признаемъ, что государство, пользующееся худшими, но неизмѣнными законами, сильнѣе, чѣмъ то, которое имѣетъ законы прекрасные, но безсильные“... Вторично обсуждать дѣло митиленянъ—это значитъ лишь затягивать время, что̀ выгодно скорѣе для виновныхъ, нежели для аѳинянъ: только то наказаніе, которое какъ можно ближе слѣдуетъ за обидой, служитъ соотвѣтствующимъ возмездіемъ. Клеонъ старался заранѣе дискредитировать возраженія противниковъ, бросая имъ обвиненіе въ корыстныхъ разсчетахъ и въ подкупѣ, а обращаясь къ слушателямъ, къ народному собранію, онъ говорилъ между прочимъ: „Вы не размышляете заранѣе, что̀ изъ этого выйдетъ. Вы, можно сказать, ищете чего-то другого, а не тѣхъ условій, въ какихъ мы живемъ, и недостаточно обдумываете настоящее положеніе“. Клеонъ ратовалъ за то, чтобы не перемѣнять рѣшенія и не впадать такимъ образомъ въ ошибку „по тремъ самымъ гибельнымъ для власти побужденіямъ: со-

страданію, увлеченію краснорѣчіемъ и снисходительности". „Слушаясь меня", утверждалъ Клеонъ, „вы поступите и справедливо по отношенію къ митиленянамъ, и съ пользою для себя; постановивъ же иное, вы ихъ не расположите къ себѣ, а себя накажете". Ради собственной пользы аѳиняне должны наказать митиленянъ или же отказаться отъ власти и тогда они могутъ спокойно разыгрывать роль добродѣтельныхъ. Въ заключеніе Клеонъ призывалъ покарать виновныхъ и преподать ясный урокъ прочимъ союзникамъ, дабы тѣ знали, что всякій, кто отложится, будетъ наказанъ смертью.

Противъ безпощадной казни безъ разбора выступилъ Діодотъ, о которомъ, за исключеніемъ рѣчи, приводимой Ѳукидидомъ, мы, къ сожалѣнію, ничего больше не знаемъ. Но его рѣчь замѣчательна, особенно если принять во вниманіе, что она произнесена болѣе чѣмъ 2300 лѣтъ тому назадъ. Въ своихъ доводахъ Діодотъ исходитъ не изъ чувства человѣколюбія, а изъ соображеній цѣлесообразности и государственной пользы. „Споръ у насъ", говорилъ онъ, „долженъ быть, если мы благоразумны, не о преступленіи митиленянъ, но о мудрости нашего рѣшенія. Если бы даже я показалъ, что митиленяне совершили большое преступленіе, я на основаніи этого еще не требовалъ бы казни для нихъ, если она для насъ неполезна. Хотя бы они и заслуживали сколько-нибудь прощенія, пусть бы ихъ казнили, разъ прощеніе не было бы хорошо для государства. Я полагаю, что въ своемъ рѣшеніи мы должны имѣть въ виду не столько настоящее, сколько будущее". Діодотъ рѣшительно не соглашался съ тѣмъ, что наказаніе митиленянъ смертью полезно, что благодаря этому въ будущемъ уменьшится будто-бы число возстаній. „Въ государствахъ", говорилъ онъ, „смертная казнь опредѣляется за многія преступленія".. И однако люди рѣшаются на опасныя предпріятія, надѣясь на себя и на то, что выйдутъ благополучно изъ опасности. „И нѣтъ закона, который могъ бы помѣшать этому; ибо люди прошли всѣ виды наказаній, постепенно усиливая ихъ въ надеждѣ, что, быть можетъ, меньше будутъ терпѣть отъ преступленій"... Дошли и до смертной казни; однако законы все-таки нарушаются. „Поэтому или необходимо изыскать еще болѣе жестокое устрашеніе, или же смертная казнь не способна

удержать отъ преступленія". Разныя житейскія обстоятельства, надежды, страсти, желанія,—все это властвуетъ надъ человѣкомъ и нерѣдко приводитъ его къ опаснымъ предпріятіямъ. „Невозможно—да и было бы наивностью думать, что это можно,—когда природа человѣка страстно стремится что-либо сдѣлать, отвратить ее отъ этого силою законовъ или какою-нибудь иною мѣрою устрашенія". „Итакъ", говорилъ Діодотъ, „не слѣдуетъ полагаться на смертную казнь, какъ на залогъ спокойствія, и принимать гибельное рѣшеніе". Не слѣдуетъ возставшихъ лишать всякой возможности раскаяться и загладить свою вину, не слѣдуетъ отымать надежду на прощеніе и примиреніе. „Оберегать себя мы должны не суровостью законовъ, а заботливостью въ дѣлахъ". Людей свободныхъ не должно подвергать суровому наказанію тогда, когда они уже возстали, а надо дѣйствовать такъ, чтобы имъ на мысль не приходило отлагаться, въ случаѣ же побѣды надъ возставшими возможно менѣе взыскивать съ нихъ. По мнѣнію Діодота, для упроченія владычества гораздо выгоднѣе снести добровольно обиду, нежели, строго придерживаясь закона, истребить тѣхъ, кого слѣдуетъ пощадить. „Кто мудро рѣшаетъ, тотъ по отношенію къ врагамъ сильнѣе, чѣмъ тотъ, кто идетъ на нихъ, хотя и съ матеріальными силами, но неразумно".

Такимъ образомъ, уже въ Аѳинахъ, еще за нѣсколько вѣковъ до Р. Х., высказано было мнѣніе, что суровыя наказанія и казни неспособны предотвратить преступленія. Рѣчь Діодота—первое извѣстное намъ изъ исторіи выраженіе этого мнѣнія.

Аѳиняне отмѣнили прежнее постановленіе. Казнены были лишь наиболѣе виновные [1]). Стѣны Митилены были срыты, корабли отобраны. Фороса Лесбосъ и послѣ этого возстанія не платилъ; но на островѣ образовано 3000 земельныхъ надѣловъ, изъ которыхъ 300 посвящены богамъ, а остальные предоставлены аттическимъ клерухамъ. Землю однако обрабатывали мѣстные жители, уплачивавшіе клерухамъ по 2 мины аренды въ годъ за каждый участокъ.

[1]) И то, если вѣрить тексту Ѳукидида, казненныхъ было болѣе 1000. Впрочемъ, цифра эта представляется мало вѣроятною: нѣкоторые предполагаютъ описку въ дошедшемъ до насъ текстѣ.

Вскорѣ послѣ этого жестокая участь постигла вѣрнаго союзника Аѳинъ, городъ Платеи, который еще при жизни Перикла осажденъ былъ спартанцами. Часть платейцевъ успѣла потомъ выйти изъ города, не смотря на осаду. Они нашли себѣ пріютъ въ Аѳинахъ. Имъ даровано было аѳинское право гражданства: но предварительно каждый изъ нихъ долженъ былъ подвергнуться докимасіи, дѣйствительно ли онъ платеецъ и другъ Аѳинъ? Выдержавшіе такую докимасію должны были быть переписаны на каменномъ столбѣ и распредѣлены по демамъ и филамъ; но въ фратріи они не были приняты и вообще занимали нѣсколько особое положеніе среди аѳинскихъ гражданъ [1]). Оставшіеся въ Платеяхъ чрезъ нѣсколько времени принуждены были сдаться (427 г.). Спартанцы устроили надъ ними судъ или, лучше сказать, пародію суда: каждому изъ сдавшихся платейцевъ они предлагали вопросъ, оказалъ ли онъ услугу въ войнѣ лакедемонянамъ и ихъ союзникамъ, и получая, разумѣется, отрицательный отвѣтъ—платейцы были союзниками Аѳинъ—, отводили въ сторону и убивали; „пощады не было дано никому“ (Ѳукидидъ, III, 68). Попавшія въ плѣнъ женщины проданы въ рабство; самый городъ Платеи, около котораго нѣкогда одержана была греками знаменитая побѣда надъ персами, отданъ его заклятымъ врагамъ, ѳиванцамъ, и ими разрушенъ до основанія.

Война изъ-за гегемоніи превращалась въ жестокую борьбу между олигархіей и демократіей. До какого ожесточенія и одичанія доходили въ этой борьбѣ обѣ стороны, показываютъ кровавыя сцены, разыгравшіяся на островѣ Керкирѣ въ тотъ же годъ, когда пала Митилена и разрушены были Платеи. По поводу ихъ Ѳукидидъ даетъ (III, 82—83) поразительное по глубинѣ анализа изображеніе тогдашняго нравственнаго состоянія общества—извращенія понятій, одичанія и деморализаціи, вообще тѣхъ, такъ сказать, патологическихъ явленій, которыя были пагубнымъ и необходимымъ послѣдствіемъ ожесточенной междоусобной войны и борьбы партій.

„Вся, можно сказать, Эллада пришла въ движеніе“, говоритъ Ѳукидидъ, „такъ какъ вездѣ происходили раздоры между

[1]) Busolt, III, 2, 1038.

предстателями демоса, призывавшими аѳинянъ, и олигархами, призывавшими лакедемонянъ... И вслѣдствіе междоусобицъ множество тяжкихъ бѣдъ обрушилось на государство,—бѣдъ, какія обыкновенно бываютъ и всегда будутъ, пока человѣческая природа остается тою же, но только проявляются онѣ въ бо̀льшей или меньшей степени и различны по формамъ, сообразно обстоятельствамъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ... Итакъ, въ государствахъ поднялись междоусобія. Волновавшіяся позже, умудренныя предшествовавшими событіями, шли гораздо дальше въ перемѣнахъ образа мыслей, въ хитрости нападеній, въ необычайности мщеній". Понятія извратились. „Безразсудная смѣлость стала считаться мужествомъ, готовымъ жертвовать за товарищей, предусмотрительная медлительность—благовидною трусостью, благоразуміе—предлогомъ къ малодушію, вниканіе во всякое дѣло — лѣностью во всемъ. Безумная же поспѣшность считалась удѣломъ мужа, а осторожное обдумываніе—благовиднымъ предлогомъ къ уклончивости. Поносящій другихъ слылъ во всемъ надежнымъ, а возражавшій ему — подозрительнымъ; успѣшно строившій козни почитался умнымъ и заподозрѣвшій ихъ—еще способнѣе, а напередъ рѣшившій, чтобы совсѣмъ не нуждаться въ нихъ,—разрушителемъ товариществъ, гетерій, и трусомъ передъ противниками. Вообще хвалили того, кто предупреждалъ намѣревавшагося совершить какія-либо злодѣянія и кто побуждалъ къ нимъ не помышлявшаго о нихъ. Родство связывало людей меньше, нежели политическіе кружки, такъ какъ участвовавшіе въ послѣднихъ больше готовы были безъ всякихъ отговорокъ отважиться на все. Ибо подобныя сообщества составлялись не въ согласіи съ существующими законами, ради государственной пользы, но вопреки установленнымъ, изъза корысти. Довѣріе другъ къ другу скрѣплялось не столько божественнымъ закономъ, сколько противозаконіемъ, совершаемымъ сообща... Предпочиталось отмстить кому-нибудь, чѣмъ самому не претерпѣть обиды. Если ради примиренія и бывали клятвы, то онѣ давались обѣими сторонами только въ виду безвыходности положенія, когда не имѣлось никакихъ другихъ средствъ; но при удобномъ случаѣ тотъ, кто раньше отважился, если видѣлъ противника беззащитнымъ, отомщалъ ему съ тѣмъ бо̀льшимъ наслажденіемъ, что тотъ вѣрилъ клятвѣ и

что это не было въ открытой борьбѣ. При этомъ принимались въ разсчетъ какъ собственная безопасность, такъ и то, что побѣдитель пріобрѣталъ славу умнаго человѣка: большинство охотнѣе даетъ себя называть ловкими злодѣями, чѣмъ добрыми простаками; послѣдняго стыдятся, первымъ гордятся.

„Причина всего этого — жажда власти изъ-за корысти и честолюбія; отсюда и страстность борьбы, разъ она началась. Ибо лица, ставшія во главѣ государствъ, каждый подъ благовидными именами, отдавая будто-бы предпочтеніе то политическому равноправію массы, то разумной аристократіи, на словахъ служили общему благу, выставляя его цѣлью борьбы, а на дѣлѣ стремились къ личнымъ цѣлямъ. Всякимъ способомъ борясь другъ съ другомъ, чтобы одолѣть, они дерзали на ужаснѣйшія злодѣянія и шли на еще большія отмщенія, не соображаясь ни съ справедливостью, ни съ государственною пользою, но руководясь только тѣмъ, что̀ пріятно той или другой партіи. Достигнувъ власти осужденіемъ посредствомъ несправедливаго голосованія или насиліемъ, они готовы были тотчасъ же удовлетворить чувство ненависти. Обѣ партіи ничего не считали святымъ; но тѣ, кому, при помощи благовидныхъ словъ, удавалось достичь чего-либо ненавистнымъ способомъ, слыли лучшими. Граждане, не принадлежавшіе ни къ одной партіи, истреблялись обѣими сторонами или потому, что не принимали участія въ борьбѣ, или изъ зависти, что они могутъ остаться невредимыми.

„Такимъ образомъ, всяческіе виды испорченности вслѣдствіе междоусобицъ водворились среди эллиновъ, и то добродушіе, которое больше всего присуще благородству, было осмѣяно и исчезло; сильно же возобладало враждебное, недовѣрчивое отношеніе другъ къ другу. Для прекращенія вражды не было ни достаточно сильнаго слова, ни достаточно страшной клятвы... Брали перевѣсъ люди менѣе сильнаго ума: опасаясь своей неспособности и ума противниковъ, они, чтобы не быть побѣжденными ихъ словами и предупрежденными ихъ изворотливостью, приступали къ дѣлу смѣло; а тѣ, смотря свысока и воображая, что могутъ все предусмотрѣть и что нѣтъ нужды прибѣгать къ дѣйствію, гдѣ можно взять умомъ, погибали беззащитными“...

Въ 425 г. война, казалось, приняла болѣе рѣшительный

оборотъ и притомъ благопріятный для Аѳинъ. Аѳинскій флотъ на пути въ Сицилію, задержанный непогодой, по настоянію сопровождавшаго его Демосѳена занялъ Пилосъ (нын. Наваринъ) на берегу Мессеніи. Пилосъ былъ наскоро укрѣпленъ и въ немъ оставленъ Демосѳенъ съ 5 кораблями. Вѣсть объ этомъ встревожила спартанцевъ: Мессенія, съ ея населеніемъ, находившимся въ положеніи илотовъ, была у нихъ самымъ уязвимымъ мѣстомъ, и вотъ вторгнувшееся въ Аттику спартанское войско поспѣшило покинуть ее, а на Пилосъ, чтобы вытѣснить оттуда аѳинянъ, произведено нападеніе и съ суши, и съ моря; въ то же время спартанцы заняли островъ Сфактерію, лежащій у входа въ Пилосскую бухту. Нападеніе спартанцевъ было отбито. Между тѣмъ на помощь Демосѳену возвращается аѳинскій флотъ и наноситъ пораженіе спартанскому флоту. Сфактерія была осаждена.

Спартанцы, чтобы спасти осажденныхъ, среди которыхъ были и спартіаты, заключили перемиріе съ аѳинянами и отправили пословъ въ Аѳины для переговоровъ о мирѣ. Моментъ для аѳинянъ, чтобы заключить миръ, казалось, былъ благопріятенъ: Спарта готова была на уступки, лишь бы спасти осажденныхъ соотечественниковъ; и если бы миръ былъ заключенъ, то нравственному вліянію Спарты во всякомъ случаѣ нанесенъ былъ бы сильный ударъ: союзники не простили бы ей того, что она ради спасенія своихъ гражданъ, находившихся на Сфактеріи, принесла въ жертву интересы ихъ, союзниковъ. Но въ Аѳинахъ противъ мира былъ Клеонъ: война, говорятъ наши источники, была ему нужна, чтобы „его гнусности не обнаружились“, чтобы имѣть вліяніе, играть роль. Но дѣло было не только въ этомъ: вопросъ о дуализмѣ, основная причина войны, могъ быть рѣшенъ только полнымъ пораженіемъ одной стороны и торжествомъ другой. Въ отвѣтъ на предложеніе мира и дружбы со стороны спартанцевъ аѳиняне требовали возвращенія Нисеи, Трезена, Ахаи,—словомъ, того, чѣмъ они владѣли до Тридцатилѣтняго мира 445 г., когда они мечтали о гегемоніи на сушѣ. На просьбу же спартанскихъ пословъ назначить особую коммиссію для веденія переговоровъ — чтобы переговоры эти не сдѣлались тотчасъ же извѣстными—аѳиняне отвѣтили отказомъ: Клеонъ недовѣрялъ Спартѣ и опасался,

что дѣло затянется. Онъ полагалъ, что можно достигнуть лучшихъ результатовъ, когда въ рукахъ аѳинянъ будутъ спартанцы, осажденные на Сфактеріи. Большинство было на его сторонѣ. Такимъ образомъ переговоры были прерваны, и осада Сфактеріи продолжалась.

Но надежды аѳинянъ на скорый успѣхъ не оправдались: осада затянулась. Аѳиняне готовы были впасть въ уныніе. Можно было опасаться, что съ наступленіемъ зимы нельзя будетъ поддерживать осаду. Клеонъ упрекалъ стратеговъ, говоря, что если бы они были доблестными мужами, то взяли бы островъ, и что онъ на мѣстѣ ихъ это сдѣлалъ бы. Тогда Никій, противъ котораго главнымъ образомъ и направленъ былъ упрекъ, заявилъ, что онъ уступаетъ ему мѣсто: пусть Клеонъ возьметъ на себя начальство надъ войскомъ и исполненіе задачи. Клеонъ сталъ-было уклоняться, но, по настоянію аѳинянъ, вынужденъ былъ согласиться и заявилъ, что въ теченіе двадцати дней онъ или приведетъ лакедемонянъ живыми, или перебьетъ ихъ на мѣстѣ. Такое „легкомысліе“, говоритъ Ѳукидидъ (IV, 28), вызвало смѣхъ среди аѳинянъ. Тѣмъ не менѣе „благоразумные“, т. е. умѣренные и аристократы, противники Клеона, были довольны, ибо, по ихъ мнѣнію, могло быть одно изъ двухъ: или они избавятся отъ Клеона, такъ какъ въ случаѣ неудачи его вліяніе падетъ, на что они больше надѣялись, или лакедемоняне будутъ въ рукахъ аѳинянъ.

Но событія оправдали увѣренность Клеона. Вообще онъ дѣйствовалъ тутъ съ большимъ благоразуміемъ. Онъ въ товарищи или помощники себѣ выбралъ Демосѳена, который и раньше настаивалъ на болѣе энергическихъ дѣйствіяхъ и на взятіи Сфактеріи посредствомъ высадки. Прибытіе Клеона съ необходимыми подкрѣпленіями — съ отрядомъ легковооруженныхъ и стрѣлковъ—дало возможность осуществить этотъ планъ, тѣмъ болѣе, что въ это время выгорѣлъ лѣсъ по берегу острова, служившій защитой осажденнымъ, и теперь легче было произвести нападеніе. Послѣ долгаго сраженія, окруженные со всѣхъ сторонъ, лакедемоняне сдались, въ числѣ около 300, между ними—120 спартіатовъ, принадлежавшихъ къ лучшимъ фамиліямъ [1]). Съ плѣнниками и съ торжествомъ возвратился

[1]) Извѣщая о взятіи Сфактеріи, Клеонъ употребилъ форму частнаго

Клеонъ въ Аѳины. Ему предоставлены были почетныя награды—пожизненный обѣдъ въ пританеѣ и первое мѣсто (проэдрія) въ театрѣ. Его вліяніе достигло высшей степени. На слѣдующій (424/3) годъ Клеонъ былъ выбранъ даже въ стратеги.

Этою побѣдою аѳиняне воспользовались между прочимъ, чтобы повысить форосъ съ союзниковъ (выше, стр. 263). Вообще взятіе въ плѣнъ нѣсколькихъ сотъ лакедемонянъ было важнымъ успѣхомъ. Плѣнники являлись драгоцѣннымъ залогомъ въ рукахъ аѳинянъ. Спартанцы вынуждены были даже прекратить на время свои вторженія, такъ какъ аѳиняне объявили, что если спартанцы явятся въ Аттику, то плѣнники будутъ казнены. Новыя предложенія мира со стороны Спарты ни къ чему не привели. Аѳины надѣются на полную побѣду. Въ 424 г. заняты были островъ Киѳера (къ югу отъ Пелопоннеса) и мегарская гавань Нисея.

Но вскорѣ война приняла иной оборотъ. Ободренные успѣхомъ, аѳиняне задумали подчинить себѣ Беотію; но ихъ сложный планъ нападенія, одновременно съ разныхъ сторонъ, не удался и они при Деліи (въ 424 г.) потерпѣли пораженіе отъ ѳиванцевъ. Въ это же время спартанскій вождь Брасидъ переноситъ военныя дѣйствія во Ѳракію и тамъ наноситъ аѳинянамъ ударъ. Онъ рѣшается приняться на дѣлѣ за осуществленіе той программы, которая выставлена была Спартой еще въ началѣ войны,—за освобожденіе грековъ отъ аѳинскаго ига. Брасидъ отличался талантомъ полководца, смѣлостью, рѣшительностью; обаятельно дѣйствовала самая его личность: онъ обладалъ даромъ слова, столь рѣдкимъ среди спартанцевъ. Вообще Брасидъ составлялъ контрастъ остальнымъ спартанскимъ вождямъ. По своему характеру и стремленіямъ онъ не подходилъ къ Спартѣ, да и спартанское правительство смотрѣло довольно подозрительно на этого смѣлаго, талантливаго, благороднаго вождя.

Съ небольшимъ отрядомъ Брасидъ отправляется въ походъ, проходитъ черезъ враждебную ему Ѳессалію и, преодолѣвъ препятствія на пути, подступаетъ къ городу Аканѳу; онъ

письма къ „совѣту и народу аѳинскому“, а не оффиціальнаго увѣдомленія, что̀ вызвало толки въ аѳинскомъ обществѣ.

обращается къ жителямъ съ рѣчью, въ которой говоритъ, что прибылъ съ цѣлью освободить ихъ отъ аѳинскаго ига, и склоняетъ ихъ къ отпаденію отъ Аѳинъ. Затѣмъ Брасидъ направляется къ Амфиполю, быстро овладѣваетъ мостомъ на р. Стримонѣ и заставляетъ этотъ городъ также отложиться отъ аѳинянъ, чему историкъ Ѳукидидъ, находившійся съ эскадрой у береговъ Ѳасоса, не успѣлъ помѣшать. Потеря Амфиполя и другихъ оракійскихъ городовъ была тяжелымъ ударомъ для аѳинянъ; отсюда они получали не только дорогіе металлы, но и лѣсъ для постройки кораблей. Дальнѣйшіе успѣхи сопровождали дѣятельность Брасида. Спартанское правительство безучастно, даже подозрительно смотрѣло на эти успѣхи. Оно воспользовалось ими, чтобы заключить перемиріе на одинъ годъ съ Аѳинами (423). Каждая сторона должна была удержать за собой свои завоеванія. Но во Ѳракіи враждебныя дѣйствія не пріостановились.

По истеченіи срока перемирія къ Амфиполю является Клеонъ во главѣ войска. Во время произведенной имъ рекогносцировки Брасидъ внезапно напалъ на него. Аѳинскій отрядъ потерпѣлъ пораженіе. Самъ Клеонъ палъ въ битвѣ. Брасидъ получилъ смертельную рану и скончался (422 г.). Гибель того и другого облегчила заключеніе мира, такъ какъ оба они противились ему и стояли за войну: Брасидъ надѣялся сломить окончательно могущество Аѳинъ и не желалъ отдавать имъ въ руки перешедшихъ на его сторону союзниковъ аѳинскихъ, а Клеонъ, какъ мы видѣли, по словамъ нашихъ источниковъ, боялся съ прекращеніемъ войны утратить свое вліяніе. Притомъ онъ надѣялся на окончательную побѣду Аѳинъ и миръ считалъ ошибкой.

Уже десять лѣтъ длилась война, а существеннаго результата не было достигнуто. Обѣ стороны были утомлены. Аѳиняне не имѣли уже прежней увѣренности въ собственныхъ силахъ; можно было опасаться дальнѣйшихъ отпаденій союзниковъ. Финансовыя средства аѳинянъ истощались; заимствованія изъ священной казны, не смотря на повышеніе фороса, продолжались: въ четырехлѣтній промежутокъ, съ 426 по 422 г., взято было изъ казны богини Аѳины около 748 тал., изъ

казны Ники—6 тал., а изъ казны „другихъ боговъ“—болѣе 50, въ общемъ болѣе 800 тал. [1]).

Война особенно тяжела была для сельскаго населенія, и оно жаждало мира. Выразителемъ желаній этого класса былъ Аристофанъ, особенно въ комедіи „Ахарняне“, которая поставлена была еще въ 425 г., и въ „Мирѣ“, пьесѣ, относящейся къ тому моменту (421 г.), когда между Аѳинами и Спартой состоялись уже переговоры, приведшіе къ Никіеву миру. Герой первой комедіи [2]), Дикеополь, мечтаетъ о мирѣ и страстно желаетъ вернуться въ свой домъ; ему противна политика и городской шумъ. За 8 драхмъ онъ получаетъ „порцію“ отдѣльнаго мира со Спартой на 30 лѣтъ и, избавившись отъ войны, на своемъ мирномъ участкѣ въ радости и веселіи справляетъ праздникъ сельскихъ Діонисій. Онъ склоняетъ въ пользу мира даже ахарнянъ, ожесточенныхъ противъ Спарты за разореніе ихъ области, полей и виноградниковъ. У себя на участкѣ онъ объявляетъ свободную торговлю всѣмъ пелопоннесцамъ, беотійцамъ и мегарянамъ. Пользуясь этимъ, сюда является голодающій мегарянинъ, продающій двухъ своихъ дочерей-дѣвочекъ подъ видомъ поросятъ, и за нимъ беотіецъ съ разною живностью и другими продуктами своей страны, въ замѣнъ получающій такой товаръ, какого нѣтъ въ Беотіи,—сикофанта. Тутъ же осмѣивается воинственный Ламахъ, впослѣдствіи одинъ изъ вождей Сицилійской экспедиціи, „герой на шлемахъ перьевъ и засадъ“,

Ужасный, стойкій, три султана у него
На шлемѣ; самъ Горгоной потрясаетъ онъ.

Ламахъ возвращается изъ похода раненымъ, а Дикеополь напивается пьянымъ въ веселой компаніи двухъ полногрудыхъ дѣвицъ. Въ пьесѣ этой много смѣшныхъ сценъ, но сквозь смѣхъ видны „слезы о потерянномъ мирѣ, потерянной связи съ природой и матерью землей“ [3]).

Въ комедіи „Миръ“ Тригей, который рекомендуется Гер-

[1]) Busolt, III, 2, 1186—7.

[2]) „Ахарняне“ есть въ русск. перев. М. А. Георгіевскаго, Журн. Мин. Нар. Пр., 1885, ноябрь—дек.

[3]) Ѳ. Ф. Зѣлинскій, Изъ жизни идей, I, 306.

месу, какъ „честный виноградарь, не сикофантъ, не любитель дѣлъ судебныхъ“, летитъ на навозномъ жукѣ на Олимпъ и съ помощью земледѣльцевъ освобождаетъ богиню мира изъ глубокой ямы, куда ее бросилъ богъ войны. Богиня мира возвращается при ликованіи земледѣльцевъ и при томъ не одна, а въ сопровожденіи Опоры (Плодородія) и Θеоріи (Празднества).

Въ одномъ изъ отрывковъ Аристофана говорится: „Ты, богатый миръ и упряжка воловъ,—о, если бы я могъ, отдѣлавшись отъ войны, окапывать и обрѣзывать виноградную лозу и послѣ освѣжающаго купанья попивать молодое вино, закусывая хлѣбомъ и рѣдькою“. Въ другомъ отрывкѣ прелести мира рисуются такъ: „спокойная жизнь въ помѣстьицѣ, свобода отъ рыночныхъ дѣлъ, мирное обладаніе доброй парой воловъ, блеянье овецъ и журчанье молодого вина, льющагося въ чашу, а на закуску—зяблики и дрозды; не нужно ждать съ рынка рыбы, пойманной три дня назадъ и втридорога купленной изъ противныхъ рукъ рыбнаго торговца“ [1]).

Таковы стремленія къ миру и идеалы этого класса въ изображеніи Аристофана. Но и Еврипидъ тоскуетъ по мирѣ: „О, богатый и прекраснѣйшій изъ боговъ, Миръ! Я давно тоскую по тебѣ: такъ долго ты не появляешься къ намъ опять. Боюсь, что меня сломятъ заботы и старость, прежде нежели я увижу опять благодатное время твоего возвращенія съ чудными хоровыми пѣснями и веселыми пирушками. Приди же, приди, владыка мой, въ мое отечество и прогони раздоръ и бѣшеную вражду, услаждающуюся острымъ убійственнымъ оружіемъ“... [2]).

Вообще по смерти Клеона въ Аѳинахъ возобладали мирныя теченія. Вліяніе Никія, главы партіи мира, возросло. Спарта, съ своей стороны, желала мира, чтобы скорѣе освободить спартіатовъ, находившихся въ плѣну у аѳинянъ; къ тому же истекалъ срокъ ея договора съ Аргосомъ, который теперь могъ примкнуть къ ея врагамъ. Такимъ образомъ, между Аѳинами и Спартой въ 421 г. состоялся миръ на пятьдесятъ лѣтъ,

[1]) Gilbert, Beiträge, стр. 99—100. Ср. сборникъ „Ист. Греціи со врем. Пелопон. войны“, I, 3—4.

[2]) Д. Ѳ. Бѣляевъ, Воззрѣнія Еврипида... (Журн. Мин. Нар. Пр., 1885, окт. стр. 491).

названный по имени главнаго его виновника *Никіевымъ*, закончившій собою первый періодъ Пелопоннесской войны или, иначе, „Архидамову войну“. По этому миру въ сущности возстановлялось положеніе, бывшее до войны: обѣ стороны должны были возвратить свои завоеванія, за нѣкоторыми исключеніями [1]). Аѳиняне должны были обратно получить Амфиполь, выдать плѣнныхъ и возвратить Пилосъ, Киѳеру, но Нисея оставлялась за ними, въ замѣнъ разрушенныхъ Платей, область которыхъ перешла къ ѳиванцамъ. Отпавшіе отъ аѳинянъ союзные города во Ѳракіи оставались внѣ союза, независимыми въ своемъ управленіи, но обязаны были платить форосъ по Аристидовой нормѣ. Споры и несогласія между сторонами должны были рѣшаться судомъ.

Чтобы лучше понять послѣдующій ходъ событій, надо ближе ознакомиться съ внутреннимъ состояніемъ Аѳинъ того времени, ближе всмотрѣться въ темныя стороны тогдашней демократіи, которыхъ мы до сихъ поръ почти не касались.

Темныя стороны аѳинской демократіи.

Въ эпоху Пелопоннесской войны аѳинская демократія переживала тяжелый кризисъ. Тогда стали развиваться и яснѣе обнаруживаться ея отрицательныя стороны [2]). Мы видѣли, какое деморализующее вліяніе на общество производила война и ожесточенная борьба партій. Выступало новое поколѣніе и новые вожди народа, демагоги, подобные Клеону; отъ аристократіи и верхнихъ слоевъ демоса политическое преобладаніе перешло къ низшимъ слоямъ. Масса стала принимать болѣе непосредственное участіе въ дѣлѣ правленія. Демократія грозила перейти въ охлократію. Было время, когда надъ самимъ державнымъ демосомъ въ Аѳинахъ возвышался законъ. Въ

[1]) Именно, за исключеніемъ тѣхъ пунктовъ, которые сдались по договору.

[2]) Ихъ особенно старается выставить Iul. Schvarcz, Die Demokratie. Leipz. I. 1884. Сходный взглядъ у А. Н. Гилярова, Греч. софисты, ихъ міровоззрѣніе и дѣятельн. въ связи съ общей политич. и культурн. исторіей Греціи. М. 1888. О крайностяхъ такого взгляда — см. въ Приложеніи къ моей кн. „Периклъ“ и „Введ. въ ист. Греціи“.

теоріи это оставалось; но въ дѣйствительности теперь демосъ становился господиномъ надъ всѣмъ, даже надъ закономъ. Обнаруживается деспотизмъ массы, большинства надъ меньшинствомъ.

Аристотель, говоря о формахъ правленія и ихъ видахъ, различаетъ четыре рода демократіи. Первый видъ демократіи—тотъ, когда для занятія должности требуется цензъ—и при томъ цензъ незначительный,—такъ что каждый пріобрѣтающій его имѣетъ доступъ къ должностямъ, а теряющій его лишается этого права. Второй и третій видъ демократіи состоитъ въ томъ, что должности предоставляются всѣмъ гражданамъ, но властвуетъ законъ (различіе между ними лишь то, что во второмъ родѣ демократіи обращается вниманіе на безупречность, чистоту происхожденія гражданина). Наконецъ четвертый видъ демократіи отличается тѣмъ, что здѣсь царитъ масса, а не законъ. Это бываетъ тогда, когда рѣшающая сила принадлежитъ псефизмамъ, но не закону. Происходитъ же это благодаря демагогамъ. Ибо въ демократіяхъ, управляемыхъ по закону, не бываетъ демагога, но тамъ на первомъ мѣстѣ самые лучшіе изъ гражданъ. Гдѣ же законы не имѣютъ силы, тамъ появляются демагоги. Демосъ становится многоголовымъ монархомъ... Такой демосъ стремится царить, не подчиняясь закону; онъ становится деспотическимъ и у него льстецы въ почетѣ. Такая демократія подобна тираніи среди монархій. Поэтому и характеръ у нихъ одинъ и тотъ же: обѣ онѣ деспотичны по отношенію къ лучшимъ гражданамъ; и псефизмы здѣсь, въ демократіи, то же, что̀ тамъ приказы, и демагогъ и льстецъ—то же самое: тотъ и другой имѣютъ наибольшее вліяніе, льстецъ у тирановъ, а демагогъ въ такого рода демократіяхъ. Виновники же того, что господствуютъ псефизмы, а не законы,—демагоги, все представляющіе на рѣшеніе народа. Ибо они сами становятся могущественными вслѣдствіе того, что демосъ—господинъ надъ всѣмъ, а надъ его рѣшеніемъ—господа они, такъ какъ масса слушается ихъ. Притомъ, жалующіеся на власти говорятъ, что долженъ судить народъ, а онъ охотно принимаетъ жалобы, такъ что всякая власть подрывается („Политика“, 1292 а). Такая демократія, по мнѣнію Аристотеля, не политія, не правильный политическій строй, „ибо гдѣ законы не властвуютъ, тамъ нѣтъ политіи“. Лучшій государственный строй, говоритъ далѣе Аристотель, тотъ,

который основывается на среднемъ классѣ,—въ которомъ этотъ классъ многочисленъ и силенъ, и самое счастливое государство то, въ которомъ граждане имѣютъ среднее, достаточное состояніе. А гдѣ преобладаютъ несостоятельные, тамъ почва для того или другого вида демократіи, смотря по перевѣсу того или другого рода населенія, напр., если перевѣшиваетъ земледѣльческое населеніе, то—для перваго вида демократіи, а если число ремесленниковъ и наемниковъ, то—для послѣдняго, т.-е. для крайней, радикальной демократіи (1295 b., 1296 b.).

Къ этому виду демократіи можетъ быть отнесена и аѳинская, начиная со временъ Пелопоннесской войны. Демагоги и псефизмы стали пріобрѣтать въ ней все больше и больше значенія...

Вспомнимъ, какой напряженной, неутомимой дѣятельности требовала демократія отъ аѳинскихъ гражданъ (стр. 182 сл.). Между тѣмъ по мѣрѣ увеличивающагося вліянія демагоговъ и преобладанія низшихъ элементовъ, преимущественно городского населенія, многіе начинаютъ уклоняться отъ участія въ народномъ собраніи, судѣ, управленіи: сельскій житель, занятый обработкой своего поля и иногда живущій сравнительно далеко отъ города, не любящій городской сутолки и политики; аристократъ, чувствующій себя не по себѣ среди народной толпы, или просто гражданинъ, которому претили демагоги и сикофанты, который ихъ боялся и предпочиталъ стоять въ сторонѣ отъ политики... Доблестные и мудрые молчатъ, говорится въ одномъ мѣстѣ у Еврипида, и не стремятся къ занятію государственными дѣлами. Словомъ, начинаетъ проявляться абсентеизмъ нѣкоторой части аѳинскаго общества, абсентеизмъ, который потомъ принялъ широкіе размѣры.

Въ организаціи собственно правительства въ Аѳинахъ обнаруживались недостатки. По словамъ Эд. Мейера, нѣсколько, впрочемъ, сгущающаго краски, настоящаго правительства тамъ послѣ Перикла и не было: Аѳины, со времени паденія Перикла и до македонской эпохи, находились въ состояніи постоянной анархіи (IV, 335). А по замѣчанію Белоха, Аѳины имѣли министерства, но не имѣли кабинета. Онъ находитъ много правды въ словахъ, приписываемыхъ Ѳукидидомъ Клеону, что демократія въ томъ видѣ, какъ она существовала тогда въ Аѳинахъ, изъ всѣхъ формъ была самою неподходящею для

великой державы [1]) или, держась ближе греческаго текста, „неспособна властвовать надъ другими“.

Темныя стороны тогдашнихъ учрежденій и политическихъ нравовъ особенно обнаруживались въ случаѣ недостатка денежныхъ средствъ. По свидѣтельству Лисія (XXX, 22), совѣтъ, напр., поступаетъ вполнѣ безукоризненно, пока есть деньги для правленія, но какъ только является нужда въ деньгахъ, онъ принужденъ принимать доносы, конфисковать имущества и слушаться самыхъ дурныхъ ораторовъ.

Мы видѣли, какое важное мѣсто въ строѣ Аѳинскаго государства занимала геліэя, судъ присяжныхъ. Этотъ судъ—необходимая принадлежность демократическихъ Аѳинъ; безъ него нельзя и представить себѣ ихъ. Въ тогдашней литературѣ особенно отмѣчается страсть аѳинянъ къ суду. Стрепсіадъ въ Аристофановыхъ „Облакахъ“ не вѣритъ, что предъ нимъ на картѣ Аѳины, такъ какъ онъ не видитъ засѣдающихъ дикастовъ. Въ „Птицахъ“ два аѳинянина, Пейѳетеръ и Евелпидъ, покидаютъ городъ, хотя онъ и великъ, и богатъ:

Но вотъ въ чемъ дѣло:
Посмотришь, хоть цикады на деревьяхъ:
Поютъ онѣ, ну, мѣсяцъ, много два
Въ году, а вотъ аѳиняне всю жизнь,
Вѣдь то и дѣло лишь, что распѣваютъ
Въ собраніяхъ суда [2]) ..

Вотъ почему и пустились они въ путь, ища спокойнаго мѣста. А Удодъ (къ которому они пришли), узнавъ, что они „оттуда, гдѣ прекрасныя тріэры“, т. е. изъ Аѳинъ, спрашиваетъ: „Неужели геліасты?“ и удивляется, что они, наоборотъ, противники геліастовъ: „развѣ тамъ сѣется такое сѣмя?“ на что Евелпидъ отвѣчаетъ: „Немного, пожалуй, найдешь въ селахъ“. Но особенно осмѣиваетъ аѳинскихъ геліастовъ Аристофанъ въ „Осахъ“ [3]) (422 г.). Здѣсь онъ раскрываетъ предъ нами самую, такъ сказать, психологію аѳинскаго присяжнаго, показываетъ, что было привлекательнаго въ судейскихъ обя-

[1]) Die attische Politik, стр. 18—19

[2]) Рус. пер М. Е. Скворцова, въ „Варшавск. Унив. Извѣст.“, за 1873, № 3, 5—6.

[3]) Рус. пер. Н. И. Корнилова. Каз. 1900.

занностяхъ для зауряднаго гражданина. Герой „Осъ“, Филоклеонъ (т.-е. Другъ Клеона, Клеонолюбъ) одержимъ страстью судить и обвинять. Эта страсть доходитъ у него до маніи, до душевной болѣзни. Филоклеонъ страшится, что безъ него кто-либо будетъ оправданъ: онъ рвется къ судейскимъ урнамъ, „чтобъ кого-нибудь тамъ подвести и упечь“, хотя онъ въ сущности человѣкъ не злой. Его товарищи, старики-геліасты, являются за нимъ еще до зари,—такъ спѣшатъ они въ судъ. Что же такъ привлекаетъ ихъ къ отправленію обязанности присяжнаго? До извѣстной степени, конечно,—плата; не будетъ засѣданія или геліастъ не попадетъ въ него, онъ, по словамъ Аристофана, не знаетъ на что купить припасовъ, гдѣ добыть обѣдъ. Но еще болѣе привлекало геліаста сознаніе власти, могущества, сознаніе того, что отъ него зависитъ судьба подсудимаго, нерѣдко человѣка сильнаго и богатаго; дать почувствовать такому человѣку свою власть, это доставляетъ геласту, человѣку зауряднаму, бѣдному, большое наслажденіе. Наша власть, говоритъ Филоклеонъ (ст. 545 сл.), ничуть не меньше царской. Онъ съ постели встаетъ, а его уже ждутъ важныя лица; не успѣетъ подойти къ суду, какъ казнокрады протягиваютъ ему свою холеную руку и жалобно молятъ о пощадѣ. Наконецъ онъ входитъ въ судъ и чего только онъ тутъ не наслушается! Одинъ изъ просителей жалуется на бѣдность, другой разсказываетъ басню, иной остритъ, стараясь разсмѣшить; а если все это не дѣйствуетъ, приводятъ сыновей, дочерей, заклиная дѣтьми пощадить... „Это ли не власть? Не глумимся ли мы надъ богатствомъ?“ Филоклеона услаждаетъ также, что они рѣшаютъ по своему усмотрѣнію:

И отчета мы въ томъ никому не даемъ, не въ примѣръ остальнымъ учрежденьямъ.

. . . . . .

Самъ совѣтъ и народъ, затрудняясь порой въ разрѣшеніи важнаго дѣла,
Усмотрѣнью присяжныхъ судей предаетъ подсудимыхъ особымъ декретомъ

. . . . . .

Самъ горластый Клеонъ, оглушающій всѣхъ, только насъ не грызетъ, какъ собака,
А могучей рукой отъ напастей хранитъ, надоѣдливыхъ мухъ отгоняя

Но пріятнѣе всего та встрѣча, которая ожидала геліаста дома:

Когда я ворочусь съ тріоболомъ [1]) домой, домочадцы гурьбою обступятъ
И начнутъ лебезить, знаютъ.—деньги принесъ! Первымъ долгомъ меня моя дочка
И омоетъ, и ноги мои умаститъ, и, прижавшись ко мнѣ, поцѣлуетъ,
И лепечетъ мнѣ: „папочка мой“, а сама языкомъ своимъ удитъ монету [2])
Чтобъ умаслить меня, моя женушка мнѣ мягкій хлѣбъ предлагаетъ любовно,
И, усѣвшись рядкомъ, угощаетъ меня: „ты вотъ этого, милый, покушай,
Вотъ отвѣдай того“ Сердце радуется

. . . . .

Наша власть неужели ничтожна?
Только Зевсу такая доступна

. . . . . .

Да и ты вѣдь изрядно боишься меня,

говоритъ Филоклеонъ сыну, который силою удерживалъ его дома и не пускалъ въ судъ,

Да, клянуся Деметрой, боишься, а я,—
Провалиться мнѣ, если боюсь я

Въ отвѣтъ на это сынъ Филоклеона, Бделиклеонъ (т. е. Клеононенавистникъ), доказываетъ, что геліастамъ достаются лишь крохи. Ты самъ, — говоритъ онъ отцу, имѣя въ виду весь аѳинскій народъ,—могъ бы благоденствовать,

Но не знаю я, какъ спеленали тебя благодѣтели массы народной.
Отъ Сардиніи власть ты до Понта простеръ, и громадны владѣнія эти,
Но тебѣ ничего, кромѣ платы твоей не даютъ, да и ту лишь по каплѣ,
Понемногу за разъ, точно масло, тебѣ источаютъ для нуждъ ежедневныхъ.
Цѣль прямая у нихъ, чтобы бѣденъ ты былъ, а зачѣмъ это имъ, объясню я:
Для того, чтобы зналъ ты хозяина, да, для того, чтобъ по первому свисту
На враговъ, на которыхъ тебя натравятъ, ты подобно собакѣ кидался .

Конечно, Аристофанъ преувеличиваетъ: Филоклеонъ—карикатура, но, и карикатура должна имѣть нѣкоторое сходство съ оригиналомъ, иначе она и не производила бы желаннаго эффекта. Имѣется цѣлый рядъ и другихъ данныхъ, указывающихъ на страсть аѳинянъ къ суду.

Важнѣе другое обстоятельство: приговоры зависѣли часто отъ состоянія денежной кассы; присяжнымъ иногда прямо, безъ

[1]) Тремя оболами, платой, которую получали геліасты за каждое засѣданіе

[2]) Мелкую монету аѳиняне носили во рту.

всякихъ стѣсненій, говорили, что если они не обвинятъ подсудимаго, особенно богатаго, то не будетъ денегъ, чтобы выдать имъ плату за исполненіе обязанности судьи, и геліасты осуждали, чтобы изъ денежнаго штрафа, наложеннаго на обвиненнаго, или изъ его конфискованнаго имущества получить эту плату... Ясный намекъ на это есть у того же Аристофана во „Всадникахъ“ (ст. 1358 сл.): колбасникъ Агоракритъ спрашиваетъ Демоса, какъ онъ поступитъ, если какой-либо „блюдолизъ-адвокатъ“ скажетъ: „нѣтъ вамъ, судьямъ, хлѣба, если вы не вынесете обвинительнаго приговора въ этомъ дѣлѣ“. И свидѣтельство Аристофана находитъ себѣ подтвержденіе въ другихъ источникахъ. „Вспомните“, говоритъ, напр., Лисій въ одной изъ своихъ рѣчей (XXVII, 1), обращаясь къ присяжнымъ, „что часто, когда желали кого-либо несправедливо погубить, вамъ указывали, что если вы не осудите тѣхъ, чьего осужденія требовали, вамъ не хватитъ платы“. Въ другой рѣчи Лисія (XIX, 61) обвиняемый откровенно говоритъ судьямъ, что если они поддадутся обвинителямъ и конфискуютъ его имѣніе, то не получится и 2 талантовъ; поэтому не только въ отношеніи ихъ добраго имени, но и въ денежномъ отношеніи выгоднѣе оправдать его... И олигархъ, современникъ Пелопоннесской войны [1]), утверждаетъ, что въ своихъ судахъ аѳиняне заботятся больше о своей выгодѣ, чѣмъ о правосудіи. Случалось, что судебное разбирательство не могло состояться за неимѣніемъ денегъ для уплаты вознагражденія судьямъ [2]). Но слѣдуетъ отмѣтить, что случаи прямого подкупа присяжныхъ въ Аѳинахъ были чрезвычайно рѣдки. Даже упомянутый выше олигархъ свидѣтельствуетъ о затруднительности подкупа въ его время, а его свидѣтельсто, какъ ненавистника демократіи, въ данномъ случаѣ особенно цѣнно. Въ комедіяхъ тоже не встрѣчается намека на прямую подкупность судей, а между тѣмъ будь такое явленіе распространено, комедія навѣрное не преминула бы воспользоваться этимъ для своихъ нападокъ. Первый извѣстный случай подкупа относится къ концу Пелопоннесской войны и источники отмѣчаютъ его, какъ, очевидно, фактъ до-

[1]) Авторъ Псевдо-Ксенофонтовой „Аѳ. Политіи“, I, 13.
[2]) Lipsius, Das attische Recht und Rechtsverfahren, I, 162.

толѣ небывалый. Именно, первый примѣръ подкупа подалъ Анитъ, извѣстный потомъ обвинитель Сократа; послѣ потери Пилоса онъ былъ привлеченъ къ суду и, по словамъ Аристотеля [1]), избѣгнулъ кары, подкупивъ судъ.

Не будемъ говорить о томъ, что съ развитіемъ политической и экономической жизни, а съ другой стороны—софистики и судебнаго краснорѣчія, процессы стали сложнѣе, запутаннѣе; развивалось крючкотворство, а геліасты были большею частью люди простые, безъ юридическихъ знаній и подготовки. Это были неизбѣжные недостатки народнаго суда, но они съ избыткомъ искупались его достоинствами [2]). Геліэя все же являлась однимъ изъ величайшихъ созданій аѳинскаго генія, одной изъ замѣчательнѣйшихъ попытокъ осуществить чисто народный судъ, и ея недостатки зависѣли скорѣе отъ нравовъ, нежели отъ самаго принципа, лежавшаго въ ея основѣ. Даже Аристофанъ, такъ зло осмѣивающій геліастовъ, и тотъ нападаетъ не на принципъ аѳинскаго народнаго суда, а скорѣе на искаженіе его [3]).

Отчасти въ связи со страстью къ процессамъ, такъ характеризовавшею аѳинянъ, находится явленіе, которое было язвою аѳинской демократіи. Это — *сикофантство*. Первоначальный смыслъ термина „сикофантъ“ не вполнѣ выясненъ [4]). По болѣе распространенному объясненію [5]), такъ назывались лица, доносившія о вывозѣ, вопреки запрещенію, смоквъ и слѣдившіе на рынкѣ, нѣтъ ли утайки пошлинъ. Впослѣдствіи же сикофантами называли вообще ищеекъ и доносчиковъ, ябедниковъ и клеветниковъ, которые съ цѣлью вымогательства занимались ложными доносами, угрожали процессами и т. под. Въ эпоху Пелопоннесской войны сикофантство достигло уже большого развитія и распространенія. Оно превратилось въ ремесло. Въ

---

[1]) „Аѳ. Политія“, гл. 27. Ср. Діод. XIII, 64 и друг.

[2]) Объ этомъ—W. Oncken, Athen und Hellas, I, 262 сл.

[3]) M. Croiset, Aristophane et les partis à Athenes, стр. 162.

[4]) P. Girard, Quelques réflexions sur le sens du mot „sycophante“ (Rev. des études grecques, XX, 1907). Ср. S. Reinach, Sycophantes (тамъ же, XIX, 1906).

[5]) Еще у Плутарха, въ біографіи Солона, гл. 24.—Слово „сикофантъ“ образовалось изъ двухъ: sykon, смоква, и phaino, показываю.

Аѳинахъ были профессіональные сикофонты. Въ Аристофановыхъ „Птицахъ“ представитель этой профессіи говоритъ: „Что дѣлать? копать (землю) я не умѣю“. Рода своего онъ, впрочемъ, не постыдитъ: уже дѣдъ его занимался сикофантствомъ. Вообще сикофантъ одна изъ излюбленныхъ второстепенныхъ фигуръ въ аттической комедіи. У Аристофана въ „Богатствѣ“ сикофантъ съ гордостью заявляетъ, что онъ служитъ государству—охраняетъ существующіе законы и не допускаетъ нарушать ихъ, ибо иначе, безъ него, кто же бы выступалъ обвинителемъ въ процессахъ? Тутъ вѣрно подмѣчено одно изъ условій, способствовавшихъ появленію и развитію сикофантства: особаго государственнаго органа, который былъ бы блюстителемъ закона, въ Аѳинахъ тогда не было: эта функція предоставлена была каждому желающему изъ аѳинскихъ гражданъ. Сикофанты и были большею частью такими добровольными обвинителями, бравшими на себя роль блюстителей закона и государственныхъ интересовъ. Они злоупотребляли „обвиненіемъ въ противозаконіи“ (см. выше, стр. 128); они не даютъ покоя мирнымъ гражданамъ, отравляютъ имъ существованіе, и тѣ нерѣдко предпочитаютъ откупиться отъ нихъ. Они выступаютъ съ угрозами или съ обвиненіями и противъ ни въ чемъ не провинившихся и такимъ путемъ больше всего зарабатываютъ, вымогая деньги. Особенно подвергаются преслѣдованіямъ со стороны сикофантовъ люди богатые.

Яркую, образную характеристику сикофанта даетъ Демосѳенъ [1]), сравнивая его со змѣей и скорпіономъ, которыхъ слѣдуетъ уничтожать. Сикофантъ, по выраженію нѣкоторыхъ, говоритъ Демосѳенъ,—это „собака демоса“, которая тѣхъ, кого выдаетъ за волковъ, не кусаетъ, а наоборотъ — овецъ, которыхъ будто бы защищаетъ, сама пожираетъ. Его умъ не направленъ ни на одно доброе государственное дѣло. Сикофантъ не занимается ни искусствомъ, ни земледѣліемъ, ни какимъ-либо ремесломъ, ни съ кѣмъ не вступаетъ въ дружественное общеніе. Онъ ходитъ по площади, какъ ехидна или скорпіонъ, поднявъ жало, поворачивая его туда и сюда, озираясь, кому бы причинить или бѣду, или поношеніе, или какое-либо зло,

[1]) Въ первой рѣчи противъ Аристофана, p. 798—9, 782, 786.

и, повергнувъ въ страхъ, взять съ него деньги... Непримиримый, блуждающій, необщительный, онъ не знаетъ ни любви, ни дружбы, ничего такого, что испытываетъ обыкновенный человѣкъ.

Какой страхъ могли внушить сикофанты, показываетъ примѣръ Никія (стр. 262), который, чтобы не давать повода къ доносамъ, избѣгалъ показываться въ обществѣ и велъ замкнутую жизнь. Критонъ [1]) жалуется Сократу, что тяжело жить въ Аѳинахъ человѣку, желающему заниматься лишь своимъ дѣломъ. „Меня", говоритъ онъ, „нѣкоторые привлекаютъ къ суду не потому, что обижены мною, а въ надеждѣ, что я скорѣе заплачу деньги, чѣмъ буду вести процессъ". Тогда Сократъ посовѣтовалъ ему отыскать такое лицо, которое бы его защищало отъ сикофантовъ и въ свою очередь на нихъ нападало, т.-е. своего рода антисикофанта. Такового удалось найти, и это лицо было въ большомъ почетѣ у Критона и его друзей, также пользовавшихся имъ для защиты отъ сикофантовъ. Сикофанты служили предметомъ ненависти и презрѣнія порядочныхъ людей; но иногда пользовались вліяніемъ въ государствѣ и занимали даже почетное положеніе. Напр., Агоратъ, противъ котораго направлена извѣстная рѣчь Лисія, — по происхожденію рабъ, былъ обвиненъ въ ложномъ доносѣ, присужденъ къ 10000 драхмъ штраха, но это не мѣшало ему пользоваться правами гражданина, засѣдать въ судѣ, въ народномъ собраніи, подымать государственные процессы [2]). Иногда сикофанты дѣлались „ораторами", демагогами. Сикофантъ Стефанъ занимался своимъ ремесломъ въ собственномъ домѣ: онъ взялъ къ себѣ въ качествѣ жены куртизанку, которая, по соглашенію съ мужемъ, завлекала богатыхъ иностранцевъ, а тотъ захватывалъ ихъ, какъ прелюбодѣевъ, и вымогалъ у нихъ деньги. При этомъ Демосѳенъ, отъ котораго мы узнаемъ [3]) эти подробности, отмѣчаетъ, что Стефанъ тогда не имѣлъ средствъ и не получалъ отъ государства большихъ доходовъ, такъ какъ еще не былъ „ораторомъ", а только сикофантомъ. Впрочемъ,

---

[1]) Ксенофонтъ, „Воспомин. о Сократѣ", II, 9, I.

[2]) Burckhardt, Griechische Kulturgeschichte. Berl.-Stuttg., I, 246—8.

[3]) Въ рѣчи противъ Неэры.

это относится уже къ IV в., ко времени упадка аѳинской демократіи.

Государство сознавало вредъ сикофантства и принимало противъ него мѣры. Извѣстно (стр. 129), что за неосновательное обвиненіе, если въ пользу его не оказывалось и пятой части голосовъ судей, полагался штрафъ въ 1000 драхмъ. Народное собраніе имѣло даже право разъ въ году троихъ изъ особенно дѣятельныхъ сикофантовъ предавать суду для изобличенія. Но подобныя мѣры не помогали, и сикофантство продолжало процвѣтать въ Аѳинахъ.

Прошло то время, когда аристократія, знатное и богатое меньшинство властвовало надъ массой. Роли перемѣнились. Если прежде демосъ немало терпѣлъ отъ знатныхъ и богатыхъ, то теперь скорѣе онъ господствуетъ надъ ними и тѣснитъ ихъ. Обнаруживается нерѣдко деспотизмъ и эксплуатація со стороны массы, большинства по отношенію къ меньшинству. Государственная власть является орудіемъ этого большинства, которое старается использовать ее въ своихъ интересахъ; оно стремится дать удовлетвореніе своему естественному чувству зависти и вражды къ богатымъ. Мы видѣли, что основными принципами аѳинской демократіи были исономія и исегорія, равенство и свобода. Но въ дѣйствительности въ соціальномъ отношеніи полнаго равенства не было. Попрежнему были бѣдные и богатые. Со времени Пелопоннесской войны эта классовая противоположность усиливалась; пропасть между богатыми и бѣдными увеличивается, развивается капитализмъ и его спутникъ— пролетаріатъ. Такое противорѣчіе между политическимъ равенствомъ и соціальнымъ неравенствомъ, между теоріей, идеей, съ одной стороны, и дѣйствительностью съ другой особенно должно было чувствоваться и раздражать. Вражда между бѣднымъ и богатымъ столь же стара, какъ демократія въ Элладѣ, говоритъ новѣйшій историкъ античнаго коммунизма и соціализма. Никогда эта противоположность не сказывалась съ такою ясностью и рѣзкостью, какъ со временъ торжества идеи свободы и равенства въ сферѣ государственной жизни [1]). Достаточно было быть богатымъ, чтобы быть заподозрѣннымъ,

[1]) Pohlmann, Gesch. d. antiken Kommunismus und Sozialismus, II, 265.

какъ врагъ народа. Демагоги и сикофанты возбуждали недовѣріе массы противъ лицъ, располагавшихъ большими средствами. Судебные процессы противъ такихъ лицъ, конфискація ихъ имущества дѣлаются обычными явленіями. Иногда ожиданія не оправдывались: конфискованное имущество оказывалось меньше, чѣмъ предполагалось; тогда обвиняемому или его семьѣ и близкимъ грозили новыя непріятности; начинались новые процессы по обвиненію въ утайкѣ имущества и т. д. [1]). Впрочемъ, къ такимъ способамъ пополненія казны демократія стала чаще прибѣгать тогда, когда политическое могущество и финансовыя средства Аѳинъ были подорваны и государство начинало испытывать нужду въ деньгахъ, т.-е. въ эпоху упадка. На богатыхъ падала и главная тяжесть войны, различныя повинности, въ видѣ многочисленныхъ и дорого стоившихъ литургій, и налоги, особенно эйсфора, взимавшаяся съ имущества. Эта эйсфора была тѣмъ тяжелѣе, что многія имѣнія вслѣдствіе вторженій непріятеля были разорены и доходы уменьшились. А какъ тяжелы бывали литургіи, показываетъ приведенный уже раньше (стр. 174) примѣръ одного аѳинскаго гражданина, истратившаго въ пользу государства болѣе 10 тал. (около 240.000 руб.) въ теченіе девяти лѣтъ.

Послѣ всего этого понятна иронія обѣднѣвшаго аристократа [2]), который радуется тому, что потерялъ состояніе. „Когда я былъ богатъ“, говоритъ онъ, „я, во-первыхъ, боялся, какъ бы кто не сдѣлалъ подкопа въ домѣ, не взялъ моихъ денегъ и не причинилъ мнѣ самому какого-либо зла. Затѣмъ, я ухаживалъ за сикофантами, зная, что я могу скорѣе отъ нихъ потерпѣть непріятности, чѣмъ сдѣлать ихъ имъ. Кромѣ того, государство требовало отъ меня постоянно какихъ-либо расходовъ, а отлучиться мнѣ никуда нельзя было. Теперь же, послѣ того, какъ я лишился находящихся за нашими предѣлами имѣній, а здѣшняя земля не приноситъ дохода и домашнее имущество продано, я сладко сплю растянувшись; я сталъ надежнымъ для государства, мнѣ никто не угрожаетъ, но уже я угрожаю другимъ; какъ свободному человѣку, мнѣ можно и отлучаться,

[1]) Какъ показываетъ одна изъ рѣчей Лисія, XIX. Ср. Burckhardt, Griech. Kulturgesch., I, 236.

[2]) Въ Ксенофонтовомъ „Пирѣ“, IV, 30—32.

и здѣсь оставаться. Предо мною встаютъ съ мѣстъ богатые и уступаютъ дорогу. Теперь я подобенъ тиранну, а прежде я былъ явно рабомъ. Тогда я вносилъ подать народу, а теперь государство мнѣ платитъ и кормитъ меня"...

Недовольные; сельскій классъ и олигархи; политическая литература.

Съ тѣхъ поръ, какъ началась Пелопоннесская война, въ Аѳинскомъ государствѣ немало было недовольныхъ. Къ числу ихъ принадлежалъ прежде всего сельскій классъ.

Нельзя сказать, чтобы бѣдный городской классъ только выигрывалъ отъ войны, какъ утверждаютъ это нѣкоторые историки [1]): и ему война давала себя чувствовать, особенно когда впослѣдствіи (въ 413 г.) спартанцы заняли Декелею въ Аттикѣ и такимъ образомъ держали Аѳины въ блокадѣ; а отъ дороговизны жизненныхъ продуктовъ, какъ послѣдствія разоренія страны и военнаго положенія, классъ этотъ страдалъ еще въ бо̀льшей степени, нежели люди состоятельные. Но онъ не несъ тяжелыхъ повинностей; его имущество не разорялось непріятелемъ; въ городѣ онъ чувствовалъ себя дома и въ безопасности; война давала ему и нѣкоторые новые заработки. Пока Аѳины властвовали на морѣ, ихъ обширная торговля и промышленность не была подорвана; нѣкоторыя отрасли, напр. фабрики оружія и т. под., особенно процвѣтали; торговля же противниковъ, преимущественно коринѳянъ, вслѣдствіе войны была стѣснена и находилась въ застоѣ. Вообще городской демосъ, не исключая и болѣе крупныхъ торговцевъ и ремесленниковъ, являлся обыкновенно главнымъ сторонникомъ политическихъ новшествъ, Клеона и войны. Иное было положеніе сельскаго населенія. Война разоряла его. Ему, какъ было упомянуто, приходилось покидать свои поля, хозяйство, переселяться въ городъ. Вторженія непріятеля сопровождались опустошеніями, отъ которыхъ страдалъ именно сельскій классъ. Въ особенности разорительно было истребленіе виноградниковъ,

[1]) Напр. Максъ Дункеръ (X, 423) и Белохъ (Die attische Politik, 6, 13—14).

оливковыхъ и фиговыхъ деревьевъ: оно оставляло слѣдъ на многіе годы, пока вновь могли вырости лозы и деревья. Непріятелей больше боятся земледѣльцы и богатые, замѣчаетъ авторъ олигархическаго трактата объ Аѳинскомъ государствѣ (II, 14); демосъ же (городской), зная хорошо, что ничто изъ его имущества не сожгутъ и не истребятъ, живетъ въ безопасности и не боясь непріятелей. Интересы и стремленія съ одной стороны этого демоса, а съ другой богатыхъ и земледѣльцевъ вообще во многомъ расходились; напр., „корабли нужно спустить въ море, бѣдному это нравится, а богатымъ и земледѣльцамъ не нравится“ [1]). Сельскіе жители проникнуты были консервативнымъ духомъ: они стояли за старину. Они не любили политики и тѣхъ, кто ею занимается; они сравнительно рѣдко посѣщали народное собраніе. У Еврипида есть въ этомъ отношеніи характерныя слова въ описаніи народнаго собранія (въ „Орестѣ“, ст. 907 сл.): „Тогда поднялся другой гражданинъ, видомъ некрасивъ, но человѣкъ мужественный; онъ рѣдко посѣщалъ городъ и площадь; онъ своими руками работалъ въ полѣ; это былъ изъ тѣхъ, которыми держится благосостояніе страны..., честный человѣкъ, ведшій жизнь безупречную“. Сельскій классъ видѣлъ, что его интересы приносятся въ жертву, и онъ не сочувствовалъ тѣмъ новымъ вождямъ, тѣмъ порядкамъ и общему направленію, которые господствовали тогда въ Аѳинахъ. Онъ былъ недоволенъ...

У Аристофана въ „Мирѣ“ говорится, что когда сельскій народъ оставилъ поля и сошелся въ городъ, то и не замѣтилъ, какъ онъ продалъ себя и какъ опутали его ораторы. А „Ахарняне“ у него жалуются:

Старцы древніе, мы городъ порицаемъ, такъ какъ онъ
По заслугамъ насъ не цѣнитъ и за подвиги въ моряхъ
Нашу старость не покоитъ, допуская, чтобы насъ
Стариковъ сѣдыхъ, ужъ спѣвшихъ пѣснь свою, тащили въ судъ
Ритора-молокососы, поднимали-бъ на смѣхъ насъ.
Тѣнь одна отъ насъ осталась: чуть на ладанъ дышемъ мы,
Посохъ нашъ—вся наша сила, онъ нашъ щитъ, нашъ Посейдонъ.
Мы, отъ старости лишь шамша, передъ камнемъ [2]) ихъ стоимъ,

[1]) Аристофанъ въ комедіи „Женщины въ народн. собр.“, ст. 197 сл.
[2]) Т.-е. передъ трибуной оратора.

Ничего вокругъ не видя, кромѣ путаницы дѣлъ;
А тѣмъ временемъ мальчишки, подобравъ себѣ друзей,
Быстро хлещутъ насъ словами, ловко поражая насъ,
Сыплютъ градъ на насъ вопросовъ, всюду ставятъ западни
Мучатъ такъ они Титона [1]) и сбиваютъ, и мутятъ.
Тотъ отъ старости лишь мямлитъ и теряетъ свой процессъ,
Внѣ себя затѣмъ уходитъ и въ слезахъ такъ говоритъ:
„Чгѣ на гробъ я заготовилъ, то ушло теперь на судъ“.
Такъ ли то быть должно, чтобы губили старика совсѣмъ сѣдого
у часовъ? [2])
Много тотъ старецъ золъ перенесъ,
И не мало пролилъ поту онъ горячаго въ бою; много онъ
Въ битвѣ славной Марѳонской оказалъ услугъ странѣ.
Да тогда, при Марѳонѣ, мы гналися за врагомъ, —
Нынче жъ насъ ужъ самихъ негодяи гонятъ сильно и побѣды
торжествуютъ...

Жаловались сельскіе жители и на то, что ихъ не въ очередь вносили въ списокъ гоплитовъ, которые должны были выступать въ походъ, и вычеркивали другихъ, горожанъ.

Средній аттическій крестьянинъ въ характеристикѣ нашихъ источниковъ, преимущественно Аристофана, грубъ, невѣжественъ, любитъ непристойности; онъ одаренъ здравымъ смысломъ, но кругозоръ его весьма узокъ; мы уже видѣли, къ чему сводятся его идеалы (стр. 276). Не смотря на тяжелыя времена и разорительную войну, онъ жизнерадостенъ, не богатъ, но далеко и не нищъ; онъ пользуется извѣстнымъ достаткомъ и обладаетъ чувствомъ независимости. Прежній антагонизмъ между земледѣльческою знатью и мелкими земледѣльцами мало-по-малу исчезъ; у нихъ оказывались во многомъ общіе интересы, которые и объединяли ихъ въ сущности въ одну партію земледѣльцевъ или, по выраженію Э. Мейера, „аграріевъ“ [3]). Сами по себѣ сельскіе жители не были тѣсно сплочены и не представляли строго организованной партіи: въ этомъ—ихъ слабость, не говоря уже о томъ, что они далеко не такъ усердно по-

[1]) Титонъ или Тиѳонъ—очень древній старецъ. Ему богиня Эосъ выпросила у Зевса вѣчную жизнь, но забыла при этомъ выпросить вѣчную молодость.

[2]) Показывавшихъ время, въ теченіе котораго должна была быть произнесена рѣчь.

[3]) Рабство въ древности, стр. 34 сл.; Gesch. d. Alterthums, III, 554.

сѣщали народное собраніе и вообще не принимали такого участія въ государственныхъ дѣлахъ, какъ городской демосъ. Но важно было то, что съ возникновеніемъ Пелопоннесской войны, въ силу нѣкоторыхъ общихъ интересовъ, начинается сближеніе недовольнаго сельскаго класса съ элементами олигархическими [1]). Это былъ опасный для демократіи симптомъ.

Крайняя аристократическая или олигархическая партія издавна существовала въ Аѳинахъ и не исчезла даже съ торжествомъ демократіи. Она то какъ-бы замирала, то вновь оживала и проявляла себя въ тѣхъ заговорахъ, рядъ которыхъ тянется чрезъ аѳинскую исторію V. в.—въ сигналѣ, даннымъ персамъ изъ Аѳинъ послѣ Мараѳонскаго сраженія, въ замыслахъ наканунѣ Платейской битвы, въ умерщвленіи Эфіальта, въ оппозиціи постройкѣ Длинныхъ стѣнъ, въ сношеніяхъ со спартанцами предъ Танагрскою битвою и наконецъ въ переворотахъ временъ Пелопоннесской войны, о которыхъ еще придется говорить. Партія эта преслѣдовала узкія, партійныя цѣли; она представляла собой элементъ, непримиримо враждебный демократіи. По признанію автора Псевдо-Ксенофонтовой „Аѳинской Политіи“, который самъ былъ олигархъ, если бы только аристократы господствовали въ совѣтѣ и въ народномъ собраніи, то польза была бы лишь ихъ собратьямъ, а демосу вредъ (I, 4—6). Завѣтная мечта олигарховъ—не ограниченіе владычества толпы, а безусловное господство ихъ, порабощеніе демоса. Имъ ненавистна была самая идея равенства и народоправства. Аристотель сообщаетъ, что въ его время въ нѣкоторыхъ государствахъ олигархи давали клятву: „буду врагомъ народа и буду вредить ему, чѣмъ только могу“. Ненависть аѳинскихъ олигарховъ къ демосу, по крайней мѣрѣ во время Пелопоннесской войны, была не меньше. Въ силу отмѣченныхъ раньше условій эта ненависть должна была достичь крайняго напряженія и олигархи пріобрѣтали подъ собой нѣкоторую почву. Они пользовались всякимъ случаемъ, чтобы дискредитировать демократію. Для ниспроверженія ея и подавленія демоса всякія средства казались имъ хорошими, и если въ Аѳинахъ была тогда революціонная партія, то это именно

[1]) Busolt, III, 2, 821.

партія олигарховъ. Они бы не остановились предъ такимъ шагомъ, какъ преданіе родного города въ руки спартанцевъ, и готовы были прибѣгать къ такимъ пріемамъ, какъ тайныя убійства и терроръ. Нѣкоторые же олигархи надѣвали личину ярыхъ демократовъ, чтобы тѣмъ вѣрнѣе губить демократію и работать надъ ея низверженіемъ...

Однимъ изъ средствъ въ тогдашней борьбѣ партій [1]) служили *гетеріи* или „товарищества“, являвшіяся политическими клубами и тайными обществами. Первоначально гетеріи образовывались для взаимопомощи при выборахъ и на судѣ, чтобы проводить желательныхъ кандидатовъ на должность или защищать членовъ отъ судебныхъ преслѣдованій, сикофантовъ и т. п. Такимъ образомъ сначала гетеріи носили скорѣе оборонительный характеръ. Но вскорѣ ихъ сфера расширилась и онѣ получили политическій характеръ. Члены гетеріи давали взаимную клятву помогать другъ другу совѣтомъ и дѣломъ, деньгами и кровью. Такія общества иногда группировались вокругъ какого-нибудь отдѣльнаго лица. По своему направленію они различались: были гетеріи какъ олигархическія, такъ и демократическія. Но въ Аѳинахъ особенно многочисленны были первыя: при господствѣ демократіи, пока она была еще сильна, олигархи не рѣшались выступать явно и вынуждены были прибѣгать къ тайнымъ обществамъ, гдѣ и сосредоточивали свою дѣятельность. Гетеріи вступали въ сношенія одна съ другой и съ подобными же обществами или клубами въ союзныхъ городахъ; иногда сообща намѣчался планъ дѣйствій и давались инструкціи отдѣльнымъ членамъ партіи. Во время Пелопоннесской войны гетеріи въ Аѳинахъ широко развѣтвились и многимъ начинали уже внушать страхъ.

Недовольство богатыхъ и земледѣльческаго класса создавало благопріятную почву для дѣятельности олигарховъ, которые начинали находить себѣ опору. Но нельзя, конечно, сказать, что всѣ богатые и земледѣльцы входили въ составъ олигархической партіи. Кромѣ крайнихъ демократовъ и крайнихъ ари-

[1]) Whibley, Political parties in Athens during the Peloponnesian War. 2 ed. Cambridge. 1889; Vicher, Die oligarchische Partei und die Hetairien in Athen (Kleine Schriften. Leipz. 1877, I); ср. русск. пер. въ I т. сборн. „Ист. Греціи со врем. Пелоп. войны“.

стократовъ-олигарховъ, была еще средняя, умѣренная партія, не относившаяся враждебно къ самой демократіи, не отрицавшая ея, но бывшая противъ ея излишествъ, ея демагоговъ и сикофантовъ, тяготившаяся войной. Къ этой партіи принадлежалъ, напр., Никій. Къ ней въ сущности примыкалъ ближе всего и земледѣльческій классъ. Вообще партія эта была многочисленна, но посреди двухъ крайнихъ—радикальной демократіи и олигарховъ—она играла больше пассивную роль: ей недоставало организаціи, единства, опредѣленной программы, энергіи и смѣлости, даровитыхъ вождей. Да и вообще въ бурныя эпохи кризиса, подобнаго тому, какой переживали Аѳины во время Пелопоннесской войны, успѣхъ остается скорѣе за крайностями.

Настроеніе части тогдашняго общества сказывалось въ увлеченіи Спартой. Лакономанія, которая достигла полнаго развитія въ самомъ концѣ V и первой четверти IV в., замѣчается въ Аѳинахъ уже теперь, не смотря на войну со Спартой. Многіе недовольные видятъ въ послѣдней свой идеалъ. Лакономанія выражается даже въ тогдашней модѣ, въ нравахъ, обычаяхъ.

Всѣ люди были въ лакономаніи,

говоритъ съ насмѣшкой Аристофанъ (въ „Птицахъ“):

Растили волосы и голодали,
Ходили грязные, носили палки
И корчили Сократовъ изъ себя.

Особенно это нужно сказать о богатой и знатной молодежи, которая восторгалась подвигами Брасида и старалась во внѣшности подражать спартанцамъ, носила короткіе плащи, лаконскую обувь, отпускала по-спартански бороду, предавалась гимнастикѣ и кулачному бою, гордилась разбитыми, распухшими ушами [1])...

Но политическія партіи, ихъ воззрѣнія и настроеніе лучше всего отражались, конечно, въ литературѣ. Мы уже видѣли, какой, напр., богатый матеріалъ для характеристики темныхъ сторонъ аѳинской демократіи даетъ аттическая комедія. Она

[1]) Платонъ въ „Протагорѣ“, 342 b; E. Meyer, IV, 374; Белохъ, II, 23.

была тогда преимущественно политическою и являлась органомъ оппозиціи. И это объясняется не только тѣмъ, что отъ аристократовъ и вообще людей богатыхъ зависѣла удачная постановка пьесъ, но и самою природою, назначеніемъ комедіи: она должна была стоять въ оппозиціи вообще по отношенію къ существующему и комики должны были осмѣивать господствующіе нравы, порядки и т. п., а такимъ порядкомъ тогда въ Аѳинахъ была именно демократія. Только благодаря терпимости и свободному духу этой демократіи возможны были представленія такихъ пьесъ, какъ Аристофановы комедіи [1]), съ ихъ насмѣшками и глумленіемъ надъ самимъ державнымъ демосомъ. Нельзя сказать, однако, чтобы Аристофанъ былъ олигархомъ и чтобы его комедія была органомъ именно олигархической партіи. Но онъ противъ той радикальной демократіи и ея вождей, которые господствовали въ Аѳинахъ въ его время; въ политическомъ отношеніи онъ консерваторъ. Его идеалъ — „доброе старое время“ борцовъ Мараѳона или даже Кимона, Миронида. Аристофанъ сочувствуетъ земледѣльцамъ и выражаетъ стремленія премущественно этого класса. Въ общемъ онъ не всегда, впрочемъ, послѣдователенъ, а рисуемые имъ идеалы—часто узки, низменны и даже пошлы. Онъ очевидно симпатизируетъ своему герою Дикеополю (стр. 275). Въ тотъ моментъ, когда аѳинянамъ приходилось напрягать свои силы въ борьбѣ съ врагомъ и приносить тяжелыя жертвы, Аристофанъ прославляетъ миръ во что бы то ни стало, рисуетъ прелести этого мира и безмятежнаго покоя въ соблазнительномъ, грубомъ видѣ, а другіе интересы, достоинство и независимость государства для него тутъ какъ-бы не существуютъ. Нерѣдко невѣжество у него восхваляется, а нравственная испорченность выставляется естественнымъ будто-бы слѣдствіемъ умственнаго прогресса. Впрочемъ, мы не будемъ здѣсь подробно останавливаться на Аристофанѣ, какъ одномъ изъ представителей оппозиціи: мы уже знаемъ, какъ отно-

[1]) Объ Аристофанѣ: Muller-Strübing, Aristophanes und die histor. Kritik. Leipz. 1873; Couat, Aristophane et l'ancienne comédie attique. P. 1889; E. Lange, Athen im Spiegel d. Aristophan. Komodie. Hamb. 1894 (ср. рус. пер. въ сборн. „Ист. Греціи со врем. Пелоп. войны“, т. I); M. Croiset, Aristophane et les partis à Athènes. P. 1906.

сился онъ къ войнѣ и миру (въ „Ахарнянахъ“ и „Мирѣ“), къ демократіи съ ея демагогами, подобными Клеону (во „Всадникахъ“), къ темнымъ сторонамъ аѳинскаго суда присяжныхъ (въ „Осахъ“), какъ изображалъ онъ женское движеніе въ своихъ пьесахъ: „Лисистрата“ и „Женщины въ народномъ собраніи“. Въ послѣдней комедіи онъ затронулъ и стремленія къ коммунизму, не чуждыя послѣдующей эпохѣ упадка; въ „Облакахъ“ выступилъ противъ новаго, софистическаго направленія, а въ „Богатствѣ“, о которомъ еще придется упомянуть, касается соціальныхъ отношеній, борьбы бѣдныхъ и богатыхъ. Даже такая фантастическая пьеса, какъ „Птицы“, съ ихъ чисто сказочною обстановкою, имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ тогдашней дѣйствительности: она написана въ 414 г., во времена Сицилійской экспедиціи, когда аѳиняне особенно увлекались несбыточными планами, и въ ея главномъ героѣ Пейѳетерѣ можно видѣть „типъ увлекающаго простодушныхъ людей прожектера“ [1]), не говоря уже о разсѣянныхъ въ комедіи намекахъ на историческія черты.

Въ греческой литературѣ со времени борьбы демоса и аристократіи всегда былъ силенъ элементъ политическій. Въ періодъ „Просвѣщенія“ и софистовъ, въ особенности со времени Пелопоннесской войны, вопросы о формѣ правленія и о наилучшемъ государственномъ устройствѣ, внутренней и внѣшней политикѣ, привлекаютъ къ себѣ общее вниманіе. Въ бесѣдахъ софистовъ, въ различныхъ политическихъ трактатахъ и рѣчахъ вопросы эти съ жаромъ дебатировались; описывалась, прославлялась или критиковалась существующая форма, вспоминался прежній строй „отцовъ“, patrios politeia, выставлялись идеалы совершеннѣйшаго государства, обсуждалась проблема объ отношеніи человѣка къ государству и обществу и т. д. Съ площадей и изъ народнаго собранія борьба мнѣній и партій перенесена была и въ литературу; въ послѣдней она находила себѣ не только выраженіе, но и орудіе, средство для воздѣйствія на общественное мнѣніе. Политическія разсужденія

---

[1]) А. Н. Шварцъ, Тріумфъ Пейѳетера въ „Птицахъ“ Аристофана (Филолог. Обозр., XV, 1901).

воспроизводятся въ произведеніяхъ историческихъ, поэтическихъ и др.

Уже у „отца исторіи", Геродота, дожившаго до первыхъ лѣтъ Пелопоннесской войны, есть такое разсужденіе. Оно вложено въ уста трехъ знатныхъ персовъ, которые обсуждаютъ достоинства и недостатки разныхъ формъ правленія (III, 80 сл.). Одинъ изъ персовъ въ самомъ черномъ свѣтѣ изображаетъ монархію и противопоставляетъ ей демократію. Его характеристику послѣдней мы уже приводили (на стр. 185): персъ этотъ стоитъ за „правленіе массы" прежде всего потому, что оно носитъ „прекраснѣйшее изъ всѣхъ названій" — равноправіе (исономія); затѣмъ оно не дѣлаетъ ничего такого, что дѣлаетъ монархъ; должностныя лица избираются по жребію и отвѣтственны; все предоставляется рѣшенію народа. Другой вельможа соглашается, что слѣдуетъ прекратить тиранію [1]); но онъ противъ предоставленія власти массѣ. „Ибо нѣтъ ничего неразумнѣе и наглѣе негодной толпы", и никоимъ образомъ нельзя допустить, чтобы люди, избѣгая своеволія тиранна, отдавались своеволію необузданной массы. Тираннъ, если что-либо дѣлаетъ, дѣлаетъ со смысломъ, а у народа нѣтъ смысла; да и какой смыслъ можетъ быть у того, кто и не учился и не знаетъ ничего добраго или приличнаго, и гонитъ дѣла, накидываясь на нихъ, подобно бурному потоку. Демократіей будутъ пользоваться тѣ, кто желаетъ зла персамъ: онъ же рекомендуетъ олигархію, ибо „совѣты лучшихъ мужей, разумѣется, окажутся лучшими". Третій персъ, будущій царь Дарій Гистаспъ, изъ трехъ формъ правленія, демократіи, олигархіи и монархіи, отдаетъ предпочтеніе послѣдней. При народномъ правленіи, говоритъ онъ, невозможно, чтобы не возникла порочность, а когда проникаетъ порочность въ государственныя дѣла, тогда дурные не враждуютъ между собою, а находятся въ дружбѣ: ибо вредные для государства люди дѣлаютъ свое дѣло сообща, сговорившись. Такъ продолжается до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь одинъ не станетъ во главѣ народа и не положитъ конца ихъ дѣйствіямъ. Монархія—

[1]) Монархія и тираннія у Геродота употребляются здѣсь, какъ синонимы.

самая лучшая форма правленія, и она лучше обезпечиваетъ свободу.

Симпатіи самого Геродота были на сторонѣ аѳинской демократіи: мы видѣли (на стр. 94), какое значеніе придавалъ онъ ея политической свободѣ, „исегоріи“. Другой знаменитый историкъ древности, Ѳукидидъ въ надгробной Перикловой рѣчи, изъ которой мы уже приводили наиболѣе характерныя мѣста (на стр. 186—7), представилъ апоѳеозъ демократіи; но не радикальная демократія была его идеаломъ [1]): характеризуя Перикла, онъ восхваляетъ его преимущественно за то, что онъ правилъ „умѣренно“, сдерживалъ демосъ, не подчинялся толпѣ, послѣдующимъ же вождямъ ставитъ въ упрекъ именно то, что они стали предоставлять всѣ дѣла демосу. Ѳукидидъ сочувствуетъ Периклу, такъ какъ тогда демократія была только по имени, на дѣлѣ же правленіе перваго мужа; онъ чувствуетъ антипатію къ демагогамъ, подобнымъ Клеону, и въ 97 гл. VIII кн. категорически заявляетъ, что лучшая форма правленія изъ существовавшихъ въ его время была та весьма умѣренная демократія, которая установлена была въ 411 г. по низверженіи олигархіи Четырехсотъ [2]), съ передачей власти 5000 гражданъ, имѣвшимъ тяжелое вооруженіе, т.-е. болѣе состоятельнымъ, съ отмѣной платы за службу государству и т. д. О радикальной же демократіи Алкивіадъ у Ѳукидида отзывается, какъ о такой формѣ правленія, которой люди мыслящіе знали цѣну, и называетъ ее „общепризнаннымъ безуміемъ“, о которомъ нельзя и сказать ничего новаго (VI, 89).

Соціально-политическія сентенціи и разсужденія влагались и въ уста дѣйствующимъ лицамъ въ трагедіяхъ, особенно Еврипида. У него мы находимъ нѣкоторыя изъ тѣхъ положеній, которыя потомъ развивалъ и Аристотель въ своей „Политикѣ“; между ними — то, что главную основу и опору государства составляетъ средній классъ, въ составъ котораго

[1]) Ср. Ѳ. Г. Мищенко, „Послѣсловіе“ къ перев. Ѳукидида; его же, ст. „Ѳук.—сторонникъ аѳ. демократіи“ (Журн. Мин. Нар. Пр., 1890, авг.), мой отвѣтъ (ibid., дек.) и мое „Введ. въ ист. Греціи“. Харьк. 1904 (2-е изд.), стр. 104 сл.

[2]) Объ этомъ—ниже.

входятъ земледѣльцы: это—наиболѣе здоровый элементъ, которымъ держится государство. Ибо три есть класса гражданъ, говорится въ Еврипидовыхъ „Просительницахъ“ (ст. 238 сл.): богатые безполезны и постоянно жаждутъ бо́льшаго; неимущіе и нуждающіеся въ средствахъ къ жизни опасны, такъ какъ, поддаваясь зависти и обманываемые рѣчами дурныхъ вождей, они впускаютъ злое жало въ имущихъ; средній же классъ спасаетъ государство, храня установленный порядокъ [1]).

Въ той же трагедіи есть цѣлый своего рода политическій трактатъ [2]) о преимуществахъ и недостаткахъ демократіи и монархіи, съ доводами pro и contra. Послѣ уже извѣстныхъ намъ словъ Тезея (стр. 186) о томъ, что въ Аѳинахъ „нѣтъ единаго властителя; это—свободное государство; народъ самъ правитъ посредствомъ ежегодно смѣняющихся выборныхъ лицъ; богатому не дается преимуществъ и бѣдный имѣетъ равныя права“, — слѣдуетъ отвѣтъ ѳиванскаго вѣстника, рѣзко отзывающагося о демократіи: „Государство, отъ котораго я явился, управляется однимъ человѣкомъ, а не толпой. Нѣтъ въ немъ такого, кто бы, обманывая рѣчами, вертѣлъ государствомъ такъ и сякъ, сообразно своей частной выгодѣ“. Такой вождь доставляетъ минутное удовольствіе, но потомъ вредитъ и посредствомъ новыхъ клеветъ, скрывая прежнія неудачи, уходитъ отъ правосудія. „Да и какъ можетъ хорошо править государствомъ народъ, который не въ состояніи разобраться въ словахъ?“ Для этого надо время, а бѣднякъ земледѣлецъ, если и не невѣжественъ, не можетъ обращать вниманія на государственныя дѣла, такъ какъ занятъ своими; и вредно для лучшихъ гражданъ, когда дурной человѣкъ, не будучи раньше ничѣмъ, держитъ въ рукахъ демосъ, благодаря языку своему (ст. 410 сл.). Здѣсь опять совпаденіе съ нѣкоторыми изъ замѣчаній Аристотеля, а послѣдующая реплика Тезея напоминаетъ отчасти характеристику демократіи въ знаменитой рѣчи Перикла надъ павшими воинами. Для государства нѣтъ ничего ужаснѣе тиранна, говоритъ Тезей. Гдѣ тираннъ, тамъ прежде всего нѣтъ общихъ для всѣхъ законовъ; тамъ господ-

[1]) Ср приведенныя выше, на стр. 290, слова о земледѣльцѣ.

[2]) Ср. Dümmler, Prolegomena zu Platons Staat und der Platonischen und Aristotelischen Staatslehre. 1891 (Kleine Schriften. Leipz. 1901. I).

ствуетъ воля одного, пріобрѣвшаго законъ самъ отъ себя, а это не есть равенство. При писанныхъ же законахъ и бѣдный, и богатый имѣютъ равныя права, и побѣждаетъ слабѣйшій, если дѣло его право. Предоставляется свобода, кто хочетъ дать государству полезный совѣтъ. И желающій дать совѣтъ пріобрѣтаетъ почетъ, а не желающій молчитъ. Гдѣ демосъ властелинъ земли, тамъ радуются, видя, какъ растетъ число молодыхъ гражданъ. Царь же считаетъ ихъ за враговъ и лучшихъ изъ нихъ умерщвляетъ, боясь за свою тиранніи. Можетъ ли быть сильнымъ государство, когда смѣлая молодежь, какъ весенніе колосья на нивѣ, подкашивается и истребляется (ст. 429 сл.)?... [1]).

Но были и отдѣльныя, самостоятельныя политическія произведенія. Извѣстно, напр., что Критій, одинъ изъ Тридцати тирановъ, поэтъ, ораторъ и философъ, писалъ о строѣ нѣкоторыхъ государствъ („Политіи“), въ томъ числѣ Аѳинскаго. Это были, повидимому, произведенія тенденціозныя: Критій взводилъ обвиненія на Ѳемистокла и Клеона въ чудовищномъ казнокрадствѣ и лихоимствѣ. Довольно богатая политическая литература времени Пелопоннесской войны цѣликомъ до насъ не дошла; она погибла, за исключеніемъ нѣкоторыхъ отрывковъ и одного замѣчательнаго образца, сохранившагося вполнѣ. Образецъ этотъ— небольшой Псевдо-Ксенофонтовъ трактатъ или, лучше сказать, памфлетъ объ Аѳинскомъ государствѣ („Аѳинская Политія“), который не слѣдуетъ смѣшивать съ не такъ давно открытою „Аѳинскою Политіею“ Аристотеля. Его издавна помѣщаютъ обыкновенно въ числѣ сочиненій Ксенофонта, но въ настоящее время никто не сомнѣвается въ томъ, что это произведеніе не Ксенофонта: ни по времени написанія, ни по языку и изложенію, ни по воззрѣніямъ оно не можетъ ему принадлежать и обнаруживаетъ въ авторѣ такое политическое пониманіе и проницательность, такую глубину мысли, на какія врядъ-ли былъ способенъ Ксенофонтъ. Трактатъ написанъ, повидимому, въ 20-хъ годахъ V в., когда демократія и морское могущество Аѳинъ были еще въ полной силѣ, и принадлежитъ, не-

[1]) Ср. Д. Ѳ. Бѣляевъ, Воззрѣнія Еврипида... (Журн. Мин. Нар. Пр., 1882, окт., стр. 401—4).

сомнѣнно, перу олигарха, но кому именно—неизвѣстно [1]). Въ отношеніи характеристики аѳинской демократіи и взглядовъ олигарха произведеніе это чрезвычайно интересно.

Авторъ не одобряетъ выбранной аѳинянами формы правленія, такъ какъ при этой формѣ у нихъ „дурные“ граждане оказываются въ лучшемъ положеніи, нежели „хорошіе“, „благородные“ („дурной“ у автора синонимъ человѣка бѣднаго и низкаго происхожденія, „хорошій“ — синонимъ знатнаго и богатаго). Но разъ они ее выбрали, нужно сознаться, что они прекрасно поддерживаютъ ее и вообще поступаютъ цѣлесообразно. Если прочіе греки думаютъ, что аѳиняне заблуждаются и дѣлаютъ грубыя ошибки, то это неосновательно, что̀ и намѣренъ авторъ показать въ своемъ трактатѣ.

Такъ, если въ Аѳинахъ бѣдные и демосъ пользуются бо̀льшими преимуществами по сравненію съ знатными и богатыми, то потому, что именно демосъ гонитъ корабли и доставляетъ силу государству. Поэтому кажется справедливымъ, чтобы всѣ имѣли доступъ къ должностямъ и право разсуждать о государственныхъ дѣлахъ. Къ военнымъ должностямъ демосъ, впрочемъ, и не стремится; онъ сознаетъ, что полезнѣе, если не самъ онъ будетъ занимать эти должности, а допускать къ нимъ болѣе состоятельныхъ; онъ стремится къ тѣмъ, которыя связаны съ жалованьемъ и выгодны въ хозяйственномъ отношеніи. Далѣе, если преимущество отдается „дурнымъ“, бѣднымъ и вообще людямъ изъ народа, то этимъ самымъ поддерживается демократія: такіе люди содѣйствуютъ росту демократіи; если же было бы хорошо знатнымъ и богатымъ, то демократы усилили бы враждебный имъ самимъ элементъ. Повсюду, въ каждой странѣ, „лучшіе“—противники демократіи: у нихъ меньше всего необузданности, несправедливости и больше стремленія къ благородному; у народа же—больше всего невѣжества, безпорядка, низости; ибо бѣдность доводитъ до постыдныхъ дѣлъ и вслѣдствіе недостатка средствъ

[1]) Его авторомъ считаютъ то Критія, то Фриниха, извѣстнаго олигархическаго дѣятеля 411 г., то, наконецъ, Алкивіада или Ѳукидида Алопекскаго, политическаго противника Перикла. Критическое изслѣдованіе объ этомъ памятникѣ, его текстъ и комментарій—А. Н. Шварца (М. 1891). Ср. мое „Введеніе въ исторію Греціи“. Харьк. 1904 (2-е изд.), стр. 141 сл.

является невѣжество и невоспитанность. Можно было бы возразить, что слѣдовало бы позволять говорить въ народномъ собраніи и участвовать въ совѣтѣ не всѣмъ, а только болѣе опытнымъ и „лучшимъ“. Но, замѣчаетъ на это авторъ, въ такомъ случаѣ было бы хорошо лишь „благороднымъ“, а демократамъ — плохо; теперь же всякій „дурной“, желающій говорить, изыскиваетъ хорошее и себѣ самому, и себѣ подобнымъ. Скажутъ, какъ можетъ такой человѣкъ знать, что̀ хорошо ему и демосу? Но демократы сознаютъ, что его невѣжество и низость при благожелательности окажется полезнѣе, чѣмъ доблесть и мудрость „хорошаго“ при зложелательности.

Конечно, государство съ такими порядками, продолжаетъ авторъ, не можетъ быть самымъ лучшимъ, но демократія такъ лучше всего поддерживается. Ибо демосъ вовсе не желаетъ быть рабомъ при хорошемъ строѣ: онъ желаетъ быть свободнымъ и властвовать; до дурныхъ же порядковъ ему нѣтъ дѣла. То, что̀ считаютъ нехорошими порядками, именно и даетъ демосу силу и свободу. Если искать хорошаго строя, то его можно видѣть тамъ, гдѣ самые опытные люди даютъ законы, благородные будутъ наказывать дурныхъ, будутъ давать совѣты по государственнымъ дѣламъ и не позволятъ, чтобы „сумасшедшіе люди“ участвовали въ совѣтѣ и въ народномъ собраніи и говорили рѣчи. Но при такихъ хорошихъ порядкахъ народъ однако очень скоро впалъ бы въ рабство.

Мы уже знаемъ (стр. 221), съ какимъ возмущеніемъ этотъ олигархъ говоритъ о распущенности рабовъ и метэковъ въ Аѳинахъ: раба, напр., нельзя ударить и онъ тебѣ дороги не уступитъ. Но авторъ находитъ это вполнѣ понятнымъ: по внѣшнему виду раба и метэка не отличишь отъ гражданина, и если бы дозволялось бить раба, то случалось бы, что побои наносились бы аѳинянину, котораго можно принять за раба. Притомъ, государство нуждается въ рабахъ и метэкахъ для морского дѣла, для многочисленныхъ ремеслъ. Отсюда и „исегорія“ ихъ.

Расходы по снаряженію кораблей, поставкѣ хоровъ и т. п. несутъ богатые; народъ же считаетъ справедливымъ получать плату за то, что онъ поетъ, состязается въ бѣгѣ, пляшетъ,

плаваетъ... Что касается союзниковъ, то лица, являющіяся къ нимъ на корабляхъ, доносятъ (въ Аѳины) на „хорошихъ“ изъ нихъ и ненавидятъ таковыхъ, полагая, что властвующій непремѣнно долженъ быть ненавидимъ подвластнымъ. И если въ союзныхъ городахъ получили бы силу богатые и „хорошіе“, то владычество аѳинскаго демоса держалось бы очень недолго. Вслѣдствіе этого „хорошихъ“ среди союзниковъ аѳиняне лишаютъ чести, отымаютъ у нихъ имущество, изгоняютъ и убиваютъ, „дурныхъ“ же возвышаютъ. „Хорошіе“ среди аѳинянъ поддерживаютъ „хорошихъ“ въ союзныхъ городахъ, зная, что для нихъ всегда полезнѣе поддерживать „лучшихъ“.

Казалось бы, что демосъ аѳинскій поступаетъ неразумно, принуждая союзниковъ являться на судъ въ Аѳины. Но онъ при этомъ разсчитываетъ на выгоды. Во-первыхъ, аѳиняне цѣлый годъ получаютъ вознагражденіе; сидя дома, управляютъ союзными городами и спасаютъ людей изъ народа, а противниковъ губятъ на судѣ. А если бы союзники имѣли судъ у себя дома, то губили бы тѣхъ изъ своихъ, кто больше всѣхъ расположенъ къ Аѳинамъ. Кромѣ того, по словамъ автора, аѳиняне получаютъ еще слѣдующія выгоды отъ суда надъ союзниками: увеличивается пошлина, взимаемая въ размѣрѣ „сотой“ въ Пиреѣ; кто имѣетъ домъ, вьючное животное или раба, отдаетъ ихъ въ наемъ и получаетъ доходъ, и глашатаямъ живется лучше, когда союзники являются на судъ въ Аѳины. Далѣе, если бы судъ былъ не въ Аѳинахъ, то союзники оказывали бы почетъ и уваженіе только тѣмъ аѳинянамъ, которые къ нимъ являлись на корабляхъ,—стратегамъ, тріэрархамъ, посламъ. Теперь же каждый союзникъ долженъ льстить всему народу аѳинскому, такъ какъ знаетъ, что долженъ вести процессъ не предъ кѣмъ инымъ, какъ демосомъ, „который въ Аѳинахъ—законъ“; онъ долженъ заискивать, пожимать руку у входящаго... Такимъ образомъ союзники больше стали рабами аѳинскаго демоса.

Сухопутныя силы, гоплиты, въ плохомъ состояніи у аѳинянъ; но аѳиняне владычествуютъ на морѣ, а союзники, населяющіе острова и раздѣляемые моремъ, не могутъ соединиться; города же на материкѣ повинуются Аѳинамъ, большіе изъ страха, малые—по нуждѣ. И авторъ распространяется о тѣхъ

преимуществахъ, которыя доставляетъ господство на морѣ. Его слова отчасти мы уже приводили раньше, когда говорили о богатствѣ Аѳинъ, куда сходятся продукты изъ разныхъ странъ (стр. 177—8). По его мнѣнію, въ положеніи аѳинянъ есть только одинъ недостатокъ — они не на островѣ. Если бы, властвуя на морѣ, они населяли островъ, то могли бы другимъ причинять вредъ, когда бы хотѣли, а ихъ страна не подвергалась бы нашествію непріятеля и опустошенію. Тогда они не опасались бы, что ихъ городъ можетъ быть преданъ олигархами непріятелю или что подымутся возстанія въ надеждѣ на иноземную помощь, которая можетъ быть приведена по сушѣ. Но такъ какъ аѳиняне живутъ не на островѣ, то они дѣлаютъ слѣдующее: имущество свозятъ на острова, полагаясь на свое морское владычество; Аттику же предаютъ на разореніе, зная, что если они ее пожалѣютъ, то лишатся другихъ, еще бо́льшихъ благъ. Такимъ образомъ этотъ олигархъ оправдываетъ Перикловъ планъ войны. Тутъ же онъ дѣлаетъ замѣчаніе, которое было уже приведено, именно, что земледѣльцы и богатые больше боятся непріятеля; демосъ же не боится, зная, что онъ въ безопасности и что у него нечего жечь и истреблять.

Пропускаемъ рядъ другихъ замѣчаній трактата, въ томъ числѣ и касающихся комедіи, запрещенія осмѣивать демосъ, но не отдѣльныхъ лицъ (стр. 189). Авторъ утверждаетъ, что аѳинскій народъ знаетъ, какіе граждане „хорошіе“ и какіе „дурные“, но онъ любитъ тѣхъ, кто ему близки и полезны, хотя бы то были и дурные, а „хорошихъ“ ненавидитъ тѣмъ сильнѣе, что, по его мнѣнію, у этихъ хорошихъ доблесть направлена не на добро, а на зло по отношенію къ демосу.

Олигархъ этотъ прощаетъ демосу его демократію, ибо „простительно каждому благодѣтельствовать самому себѣ“; но если кто не изъ народа предпочитаетъ жить въ демократическомъ государствѣ, а не въ олигархическомъ, тотъ въ его глазахъ завѣдомо готовится совершать несправедливость, разсчитывая, что въ демократическомъ государствѣ дурному укрыться легче, чѣмъ въ олигархическомъ.

Итакъ, повторяетъ авторъ, онъ не одобряетъ образа правленія Аѳинскаго государства, но разъ аѳиняне рѣшили управ-

ляться демократически, они, по его мнѣнію, хорошо поддерживаютъ демократію указанными способами.

Но нѣкоторые порицаютъ аѳинянъ за то, что трудно въ Аѳинахъ, даже просидѣвъ тамъ годъ, добиться чего-либо отъ совѣта или отъ демоса. Но это, по словамъ даже олигарха, происходитъ не по какой-либо иной причинѣ, какъ потому, что аѳиняне вслѣдствіе множества дѣлъ не въ состояніи ихъ разсмотрѣть. Во-первыхъ, у нихъ столько праздниковъ, сколько ни въ одномъ другомъ греческомъ государствѣ; во-вторыхъ, приходится разбирать столько тяжбъ, жалобъ и отчетовъ, сколько не разбираетъ все человѣчество. Нѣкоторые, правда, утверждаютъ, что если кто явится въ совѣтъ или къ народу съ деньгами, тотъ добьется своего. Авторъ соглашается, что въ Аѳинахъ съ деньгами многаго можно достичь, но онъ утверждаетъ, что исполнить просьбы всѣхъ аѳиняне не въ состояніи, сколько бы золота и серебра имъ ни давали; и онъ перечисляетъ при этомъ важнѣйшія дѣла, обыкновенно подлежавшія разсмотрѣнію. „Думаете, что не всѣ ихъ надо рѣшать? пусть кто-нибудь укажетъ, что̀ именно. А если всѣ ихъ рѣшать, то надо рѣшать каждый годъ“. Скажутъ, что судей нужно меньше; но въ такомъ случаѣ легче будетъ вступать въ соглашеніе съ судьями и подкупать ихъ, такъ что судить будутъ менѣе справедливо.

Вообще авторъ того мнѣнія, что въ Аѳинахъ нельзя иначе вести дѣла, чѣмъ такъ, какъ они ведутся; можно слегка что-либо убавить или прибавить, но многаго нельзя трогать, не разрушая вмѣстѣ съ тѣмъ демократіи. Можно многое придумать, чтобы государственный строй былъ лучше; но чтобы существовала демократія и вмѣстѣ правленіе было лучше, это придумать нелегко.

Въ концѣ трактата находимъ замѣчанія по поводу того, что аѳиняне при возстаніяхъ въ городахъ принимаютъ сторону „худшихъ“. Но авторъ полагаетъ, что они дѣлаютъ это съ намѣреніемъ: если бы они принимали сторону „лучшихъ“, то поддерживали бы не тѣхъ, кто имъ сочувствуетъ. Ни въ одномъ городѣ „лучшіе“, т.-е. аристократы, не благоволятъ къ демосу, но „самые худшіе“ расположены къ нему, ибо „подобный всегда благоволитъ къ подобному“ („свой своему

поневолѣ братъ“). И когда аѳиняне принимали сторону лучшихъ, изъ этого для нихъ не выходило ничего хорошаго.

Изъ остальныхъ замѣчаній отмѣтимъ свидѣтельство этого олигарха о томъ, что въ Аѳинахъ были случаи несправедливаго лишенія чести или правъ, но такихъ случаевъ немного.

Таково, въ общихъ чертахъ, содержаніе этого небольшого, но во многихъ отношеніяхъ любопытнаго произведенія, являющагося вмѣстѣ съ тѣмъ древнѣйшимъ памятникомъ *аттической* литературной прозы и первымъ дошедшимъ до насъ политическимъ памфлетомъ. Въ немъ есть неточности, преувеличенія и противорѣчія; самый текстъ далеко не безупреченъ [1]). Но въ общемъ авторъ прекрасно показываетъ, какъ сама сила вещей заставляетъ аѳинянъ поступать такъ, какъ они поступаютъ, и выясняетъ внутреннюю, неразрывную связь между состояніемъ общества, демократическими учрежденіями и демократическою политикою, между развитіемъ демократіи и ростомъ морского могущества. Онъ старается понять эту, въ сущности ненавистную ему, демократію, понять причины и условія ея прочности и выставляетъ на видъ глубокую цѣлесообразность ея учрежденій и принимаемыхъ аѳинянами мѣръ. Онъ выводитъ изъ болѣе общихъ причинъ тѣ черты и явленія, которыя его современникамъ и единомышленникамъ казались случайными или результатомъ произвола. Трактатъ этотъ—плодъ борьбы политическихъ партій и мнѣній. Онъ отличается подчасъ макіавеллистическимъ тономъ. Повидимому, авторъ вполнѣ объективно разсматриваетъ аѳинскую демократію; но мѣстами, на-ряду съ этимъ внѣшнимъ спокойствіемъ и опроверженіемъ какъ-бы неосновательныхъ обвиненій противъ аѳинскаго демоса, проявляется большая страстность, вырываются замѣчанія, полныя иронiи и злобы, въ которыхъ

---

[1]) Все это даетъ поводъ къ различнымъ догадкамъ относительно автора и назначенія трактата. См. изслѣдованіе А. Н. Шварца, который выдѣляетъ главную часть, написанную, по его мнѣнію, въ умѣренномъ тонѣ и принадлежащую олигарху той фракціи, которая считала необходимымъ примириться съ существовавшимъ строемъ, и противорѣчащія ей мѣста, составляющія злобныя замѣтки и возраженія крайняго олигарха, вызванныя чтеніемъ трактата и сдѣланныя на поляхъ или подъ строкой. По гипотезѣ А. Н. Шварца, послѣдующій переписчикъ смѣшалъ вмѣстѣ разсужденія перваго автора и эти замѣтки.

сказывается вся ненависть олигарха къ этой демократіи. Видимыя противорѣчія въ разсматриваемомъ памфлетѣ тѣмъ именно и объясняются, что авторъ—принципіальный врагъ демократіи: какія-либо отдѣльныя, частичныя исправленія и измѣненія въ строѣ, по его мнѣнію, ни къ чему не ведутъ; они безцѣльны и невозможны; нужно или принимать эту демократію, какъ она есть, или же вырвать ее съ корнемъ. Одинъ ученый [1]) сравниваетъ автора этого памфлета съ офицеромъ, который принимается за изслѣдованіе верковъ непріятельскаго укрѣпленія, чтобы высмотрѣть слабыя мѣста и придумать подходящій способъ нападенія, но котораго такъ поражаетъ искусное расположеніе укрѣпленія и цѣлесообразное соединеніе частей, что онъ не только настоятельно предостерегаетъ своихъ отъ слишкомъ поспѣшнаго нападенія, но, не обинуясь, выражаетъ удивленіе предъ планомѣрной постройкой и такимъ образомъ становится почти восхвалителемъ ненавистнаго врага. Именно ненависть сообщила особую остроту его глазу и помогла ему открыть нѣкоторыя, дотолѣ еще неизвѣстныя, основныя политическія истины...

Пока война шла съ равнымъ успѣхомъ или существовалъ миръ, демократическій строй въ Аѳинахъ сохранялся и ему не могла грозить серьезная опасность. Но эта опасность настала для него, когда аѳинянамъ пришлось испытать тяжелую катастрофу.

Алкивіадъ, процессъ гермокопидовъ и Сицилійская экспедиція.

Никіевъ миръ не могъ быть проченъ. Онъ былъ „гнилымъ миромъ“. Не говоря уже о томъ, что онъ не рѣшилъ окончательно вопроса о первенствѣ Аѳинъ или Спарты, не устранилъ одной изъ основныхъ причинъ вражды—того дуализма, который существовалъ въ Греціи,—имъ прежде всего недовольны были союзники Спарты, особенно Коринѳъ и Ѳивы; они отказались признать этотъ миръ. Около того времени окончился срокъ договора между Спартой и Аргосомъ, и

[1]) Gomperz, Griechische Denker. Leipz. 1896, I, 398.

Аргосъ теперь занялъ враждебное положеніе по отношенію къ Спартѣ. Онъ сталъ во главѣ недовольныхъ въ Пелопоннесѣ. Во-вторыхъ, условія мира не были въ точности выполнены. Аѳиняне, по настоянію Никія, выдали, правда, плѣнниковъ, взятыхъ на Сфактеріи, и даже заключили со Спартой союзъ на пятьдесятъ лѣтъ; но Амфиполь не былъ имъ сданъ; ѳракійскіе города отказались подчиниться. Въ свою очередь и аѳиняне попрежнему удерживали за собой Пилосъ и Киѳеру. Вскорѣ власть въ Спартѣ перешла къ новымъ эфорамъ, стоявшимъ за войну, смотрѣвшимъ на Никіевъ миръ, какъ на униженіе ихъ государства. И вотъ Спарта, чтобы выйти изъ своего изолированнаго положенія въ Пелопоннесѣ, заключаетъ союзъ съ Ѳивами, а это возбуждаетъ еще большее неудовольствіе и подозрѣніе въ Аѳинахъ.

Такое положеніе дѣлъ не могло не отразиться на аѳинскихъ партіяхъ: должны были выдвинуться тѣ, кто былъ за войну со Спартой. Тутъ предъ нами выступаетъ замѣчательная личность—Алкивіадъ [1]).

Въ немъ наиболѣе рѣзко выразился индивидуализмъ, свойственный эпохѣ. Алкивіадъ—чрезвычайно яркій представитель того времени, когда человѣкъ провозглашенъ былъ „мѣрою всѣхъ вещей“. Эгоизмъ возведенъ былъ тогда какъ-бы въ систему, въ теорію. „Развилось“, говоря словами одного изъ новѣйшихъ историковъ [2]), „крайне индивидуалистическое воззрѣніе на міръ и на жизнь, которое доходило нерѣдко до полнаго отрицанія права и государства и объявляло интересъ абсолютнымъ мѣриломъ всякаго дѣйствія и поведенія. Это была эпоха индивидуалистическаго естественнаго права, которое при удовлетвореніи эгоизма не знаетъ никакого другого предѣла, кромѣ размѣровъ собственной силы... По этой догматикѣ эгоизма право всегда на сторонѣ того, у кого въ рукахъ сила; оно тождественно съ правомъ сильнаго“. Все, казалось, было дано Алкивіаду: и богатство, и знатность, и красота, и необыкновенныя дарованія, можно сказать — геніальность. Но

[1]) Кромѣ Ѳукидида,—объ Алкивіадѣ у Плутарха, Ксенофонта, въ нѣкоторыхъ діалогахъ Платона. Hertzberg, Alkibiades, der Staatsmann und Feldherr. Halle. 1853.

[2]) Пельмана, Очеркъ греч. исторіи (русск. пер. Спб. 1906, стр. 158).

велики были и его эгоизмъ, его честолюбіе и тщеславіе, жажда первенствовать, повелѣвать. Это личность, въ которой было что-то демоническое; такъ обаятельно она дѣйствовала. Алкивіада можно было любить или ненавидѣть; но трудно было относиться къ нему равнодушно. И у него была толпа почитателей, преклонявшихся предъ нимъ, и толпа враговъ, травившихъ его. Вскорѣ послѣ смерти Алкивіада, въ IV в. создался его культъ [1]), какъ культъ генія, сильной личности. Алкивіадъ готовъ былъ сломить все на своемъ пути. Это—натура, которая не могла подчиниться ни законамъ, ни обычаямъ, презирала ихъ и выше всего ставила свое „я“, свою личность и свои интересы,—натура, которую еще Нибуръ назвалъ „тираническою“. По выраженію одного греческаго поэта, двухъ Алкивіадовъ не вынесла бы Грецiя. Намекая на Алкивіада, Эсхилъ въ Аристофановыхъ „Лягушкахъ“ даетъ совѣтъ: „Не слѣдуетъ вскармливать молодого льва въ городѣ, а разъ вскормили, надо подчиняться его нраву“. И эта богато одаренная личность, благодаря отчасти своему непомѣрному эгоизму, отчасти условіямъ времени и среды, въ которой дѣйствовала, не принесла пользы и счастья Аѳинамъ; наоборотъ, ея вліяніе скорѣе оказалось роковымъ, пагубнымъ.

Дѣдъ Алкивіада, по имени тоже Алкивіадъ, былъ сторонникомъ знаменитаго законодателя Клисѳена; отецъ его, Клиній, нѣкогда мужественно сражался противъ персовъ при Артемисіи и палъ въ битвѣ при Коронеѣ (стр. 141); его мать была изъ рода Алкмеонидовъ. Оставшись малолѣтнимъ ребенкомъ по смерти отца, Алкивіадъ воспитывался въ домѣ Перикла, своего родственника и опекуна. Извѣстенъ разсказъ о томъ, что однажды, видя Перикла озабоченнымъ, какъ дать отчетъ аѳинянамъ, Алкивіадъ замѣтилъ, что лучше было бы подумать, какъ вовсе не давать имъ отчета,—разсказъ, характеризующій его отношеніе и къ закону, и къ демократическому строю. Извѣстны также разсказы объ оригинальныхъ; смѣлыхъ до дерзости, своенравныхъ выходкахъ Алкивіада, когда онъ былъ еще мальчикомъ и юношею. Уже тогда онъ заставлялъ говорить о себѣ. Въ молодости Алкивіадъ былъ

[1]) Bruns, Das literarische Porträt d. Griechen. Berl. 1896, стр. 509 сл.

самымъ блестящимъ представителемъ аѳинской „золотой молодежи“, львомъ тогдашняго общества. Понятно, что Алкивіадъ не могъ остаться въ сторонѣ отъ моднаго, господствовавшаго въ то время философскаго направленія. Онъ слушалъ знаменитыхъ софистовъ—Горгія, Протагора, Гиппія, Продика,—и тѣ считали себя польщенными, когда видѣли Алкивіада среди окружавшихъ ихъ учениковъ. Но ближе всего стоялъ онъ къ Сократу. Оба генія, не смотря на всю разницу въ возрастѣ, въ характерѣ, въ склонностяхъ, какъ-бы чувствовали взаимное влеченіе. Когда у Потидеи молодой Алкивіадъ былъ раненъ, Сократъ прикрылъ его собой и спасъ ему жизнь; въ свою очередь въ битвѣ при Деліи Алкивіадъ охранялъ Сократа во время отступленія. Если вѣрить Платону, Алкивіадъ признавался, что онъ стыдится одного только Сократа. Личность великаго философа, повидимому, ему импонировала. Но вліяніе Сократа на Алкивіада все-же оказалось въ сущности мимолетнымъ. Еще болѣе, чѣмъ философія, Алкивіада увлекали побѣды надъ женщинами, слава и власть, блескъ и великолѣпіе. Въ особенности онъ много тратилъ на содержаніе коней. Въ Олимпіи, въ 416 г., онъ пустилъ на состязаніе 7 колесницъ—такого числа еще никто изъ частныхъ лицъ не выставлялъ—и получилъ три награды, первую, вторую и четвертую. Еврипидъ написалъ стихи въ честь его побѣды. Союзные города оказывали ему необыкновенный почетъ и вниманіе: одни предоставили ему роскошныя палатки, другіе доставляли вино и припасы для его богатыхъ пировъ, третьи—скотъ и кормъ для лошадей. Вообще Алкивіадъ выступалъ здѣсь, въ Олимпіи, по-царски. Понятно, какъ мало подходила подобная личность къ тогдашнему демократическому строю Аѳинъ. Непомѣрныя траты и притязанія Алкивіада давали поводъ подозрѣвать его въ стремленіи къ тиранніи.

Алкивіадъ держался демократической партіи и главнаго соперника видѣлъ въ Никіи. Для него демократія была, впрочемъ, лишь средствомъ для достиженія цѣли; въ сущности же, какъ говорилъ о немъ одинъ изъ олигарховъ, ему не было дѣла ни до олигархіи, ни до демократіи. У Ѳукидида онъ отзывается о демократіи, какъ объ „общепризнанномъ безразсудствѣ, о которомъ ничего новаго и сказать нельзя“. Онъ

открыто заявлялъ—если вѣрить тому же Ѳукидиду—, что не можетъ любить свое государство тогда, когда терпитъ отъ него несправедливость, что онъ любилъ его лишь тогда, когда жилъ въ немъ безопасно (VIII, 48; VI, 89, 92).

Въ 420 г., тридцати лѣтъ съ небольшимъ, Алкивіадъ былъ уже избранъ въ стратеги. По тогдашнимъ понятіямъ онъ былъ еще слишкомъ молодъ для такой должности, и у комиковъ мы находимъ немало намековъ и жалобъ по поводу этого, напр., что „не слѣдуетъ государственныя дѣла поручать мальчику“, „теперь въ Аѳинахъ ведутъ рѣчи юноши, становящіеся выше стариковъ“, „достигаетъ цѣли не добрый и полезный гражданинъ, а тотъ, кто первый въ бѣгѣ“, и поэтъ обращается къ Мильтіаду и Периклу съ мольбой не допускать, чтобы юноши, благодаря быстротѣ своихъ пятокъ, достигали стратегіи. Алкивіаду для достиженія его цѣлей—власти и вліянія—нужна была война, тѣмъ болѣе, что онъ чувствовалъ себя оскорбленнымъ Спартой, пренебрегшей имъ и его молодостью и ведшей переговоры въ Аѳинахъ помимо него. Посредствомъ хитрости онъ разстраиваетъ новое соглашеніе со Спартой и добивается того, что Аѳины заключаютъ союзъ съ Аргосомъ, аркадскимъ городомъ Мантинеей и Элидой.

Военныя дѣйствія возобновились въ Пелопоннесѣ, хотя формально „Никіевъ миръ“ еще существовалъ. Аѳиняне дѣйствовали нерѣшительно и ограничивались полумѣрами: программа Алкивіада встрѣчала противодѣйствіе со стороны Никія. Въ 418 г. въ сраженіи при Мантинеѣ спартанскій царь Агисъ нанесъ пораженіе противникамъ Спарты, въ томъ числѣ и аѳинянамъ. Это была, по словамъ Ѳукидида, „величайшая между греками битва за долгое время“. Она подняла престижъ Спарты, загладивъ впечатлѣніе отъ ихъ неудачи на Сфактеріи. Это была вмѣстѣ съ тѣмъ и побѣда олигархіи. Четверной союзъ—изъ Аѳинъ, Аргоса, Мантинеи и Элиды—сталъ распадаться; демократическое движеніе, начавшее было распространяться въ Пелопоннесѣ, пріостановлено; возобладала реакція въ пользу олигархіи и Спарты.

Положеніе въ Аѳинахъ было неопредѣленное; ни Алкивіадъ, ни Никій не имѣли рѣшительнаго перевѣса, что̀ отражалось на всемъ ходѣ дѣлъ. Постигшая аѳинянъ неудача, пораженіе

при Мантинеѣ побуждали искать выхода изъ такой неопредѣленности. И вотъ въ Аѳинахъ поставленъ былъ вопросъ объ остракизмѣ, къ которому прежде и прибѣгали въ подобныхъ случаяхъ, но который давно уже не примѣнялся. Казалось, что долженъ будетъ отправиться въ изгнаніе или Никій, или Алкивіадъ. Но кромѣ нихъ были и другіе, второстепенные вожди, претендовавшіе на вліяніе. Къ числу ихъ принадлежалъ Гиперболъ. Онъ собственно и стоялъ во главѣ той партіи, которая составляла опору Клеона. Онъ-то и былъ какъ-бы преемникомъ послѣдняго. Это демагогъ такого же типа, представитель того же общественнаго слоя и той же программы, предметъ насмѣшекъ для комиковъ, подобно Клеону. Ораторъ Андокидъ утверждалъ, что отецъ Гипербола—государственный рабъ, а самъ онъ — „чужой“ и варваръ. Но это, очевидно, невѣрно. По своей профессіи Гиперболъ былъ фабрикантомъ лампъ. Выдвинулся онъ своей дѣятельностью въ судахъ, выступая какъ обвинитель (синегоръ). Повидимому, онъ былъ за войну. Комедія приписываетъ ему воинственные замыслы даже противъ Карѳагена. Гиперболъ былъ противъ Никія, съ его мирною программою, консерватизмомъ и умѣренностью; но еще болѣе онъ былъ противъ Алкивіада, который, будучи въ рядахъ демократической партіи, заслонялъ его, стоялъ ему на дорогѣ. Онъ-то и настоялъ на остракизмѣ. Но исходъ былъ неожиданный: Алкивіадъ и Никій вошли въ соглашеніе другъ съ другомъ; ихъ приверженцы соединили свои голоса, и изгнанію подвергся Гиперболъ (417 г.). Въ этомъ видѣли какъ-бы профанацію остракизма; не для такихъ лицъ изобрѣтенъ былъ судъ черепковъ, говоритъ одинъ комикъ. По словамъ Ѳукидида, Гиперболъ, „негодный человѣкъ“, изгнанъ былъ не изъ страха предъ его могуществомъ и вліяніемъ, но за свою гнусность и за то, что позорилъ государство (VIII, 73). Быть можетъ, Гиперболъ и не былъ ужъ такою ничтожностью—недаромъ комики удѣляютъ ему столько вниманія—; но его изгнаніе показало, что остракизмъ отжилъ свой вѣкъ, уже не достигаетъ цѣли и утратилъ свой смыслъ, что имъ злоупотребляютъ... Это былъ послѣдній случай его примѣненія. Больше къ остракизму не прибѣгали въ Аѳинахъ, хотя формально онъ и не былъ отмѣненъ.

Мы видѣли уже, какою жестокостью сопровождалась иногда война (стр. 268 сл.). Новый примѣръ показали аѳиняне въ 416/5 г., безпощадно расправившись съ населеніемъ острова Мелоса, первоначально державшаго себя нейтрально. Говоря объ этомъ, Ѳукидидъ приводитъ (V, 85 сл.) интересный діалогъ между жителями Мелоса и аѳинянами. Это — столкновеніе слабаго и сильнаго, правды и насилія. Жители Мелоса опираются на свою правоту и надѣются, что судьба, посылаемая отъ Бога, не допуститъ, чтобы они были побѣждены, ибо они благочестивы и борются противъ несправедливости; въ отвѣтъ аѳиняне ссылаются на право сильнѣйшаго, какъ на законъ природы, который не они первые установили и который будетъ существовать вѣчно. „Право болѣе сильнаго“ восторжествовало: послѣ долгой осады Мелосъ сдался; взрослое мужское населеніе казнено, женщины и дѣти обращены въ рабство; на островъ отправлены аѳинскіе поселенцы. Говорятъ, что аѳиняне такъ жестоко расправились по побужденію Алкивіада...

Алкивіадъ жаждалъ войны, которая дала бы ему славу, власть. Ѳукидидъ указываетъ еще на одинъ его мотивъ—желаніе поправить дѣла, разстроенныя непомѣрною роскошью и тратами, превосходившими даже его средства (VI, 15).

Случай вскорѣ представился. Въ Сициліи давно уже происходили междоусобія и борьба партій. Правда, въ 424 г. на конгрессѣ въ Гелѣ сиракузскому патріоту Гермократу, выставившему девизъ: „Сицилія для сицилійцевъ“, удалось достичь примиренія между городами, но не надолго. Вскорѣ вспыхнули новые раздоры, въ томъ числѣ между Эгестой и Селинунтомъ, на сторонѣ котораго были Сиракузы. И вотъ Эгеста ищетъ помощи у аѳинянъ, ссылаясь на давній союзъ между ними, на опасность со стороны Сиракузъ и предлагая принять на себя расходы по экспедиціи. Въ Аѳинахъ сначала рѣшили убѣдиться, въ состояніи ли Эгеста нести такіе расходы. Аѳинскіе уполномоченные, посланные съ этою цѣлью туда, дались въ обманъ и, возвратясь, подтвердили о богатствѣ жителей; при этомъ Эгеста внесла 60 тал. впередъ въ уплату флоту за первый мѣсяцъ. Тогда въ Аѳинахъ, по настоянію главнымъ образомъ Алкивіада, рѣшено было снарядить ту ро-

ковую *Сицилійскую экспедицію* (415 г.), которая явилась поворотнымъ моментомъ въ ихъ исторіи.

Самый фактъ отправки экспедиціи къ берегамъ Сициліи не былъ чѣмъ-либо необычайнымъ, предпріятіемъ фантастическимъ. Между Аѳинами съ одной стороны, Италіей и Сициліей съ другой, какъ мы видѣли, давно уже существовали довольно тѣсныя, частыя сношенія (стр. 166). Не говоря уже о торговлѣ, еще въ серединѣ V в. заключенъ былъ союзъ между Аѳинами и тою самою Эгестою, которая теперь обращалась за помощью; при Периклѣ въ южной Италіи основана была колонія Ѳуріи; въ началѣ замѣшательствъ, приведшихъ къ Пелопоннесской войнѣ, аѳиняне вступили въ союзъ съ Регіемъ и Леонтинами, а въ первые годы войны неразъ уже отправляли эскадры къ берегамъ Италіи и Сициліи. Такимъ образомъ, теперь дѣло было не столько въ самой Сицилійской экспедиціи, сколько въ условіяхъ, при которыхъ она была предпринята, а главное—въ ея цѣляхъ, въ размѣрахъ, которые ей были приданы. Никіевъ миръ, какъ упомянуто, былъ гнилымъ миромъ; военныя дѣйствія въ Пелопоннессѣ уже начались; можно было ожидать рѣшительной войны въ самой Элладѣ. Аѳиняне не успѣли даже добиться подчиненія отпавшихъ ѳракійскихъ городовъ, въ томъ числѣ Амфиполя, т.-е. еще не справились съ ближайшими задачами, и въ это время предпринимаютъ грандіозный походъ въ сравнительно далекую Сицилію. Помощь союзникамъ была тутъ только предлогомъ, дѣйствительная же цѣль и мотивъ этой экспедиціи—покореніе всего острова [1]). Давно уже аѳинянами, по выраженію Плутарха, овладѣла „несчастная страсть къ Сициліи“. Отъ этой страсти удерживалъ ихъ Периклъ. Теперь Алкивіадъ воспользовался ею. Завоеваніе Сициліи должно было нанести ударъ Спартѣ. Но этого мало: для Алкивіада и для многихъ аѳинянъ завоеваніе Сициліи было только ступенью, началомъ или „введеніемъ“ къ дальнѣйшему, еще болѣе грандіозному предпріятію. Ихъ воображенію представлялись Карѳагенъ, Ливія; они мечтали о походѣ въ Африку... Сицилія должна была служить опорнымъ пунктомъ, откуда можно было предпринять

[1]) Ѳукидидъ, VI, 6.

войну съ Карѳагеномъ, пріобрѣсти господство надъ Ливіей и надъ всѣмъ моремъ до Геракловыхъ столбовъ... Молодежь въ палестрахъ, старики въ мастерскихъ и на площадяхъ, сидя на скамьяхъ, чертили другъ другу на землѣ карту острова, положеніе Ливіи и Карѳагена; описывали берега Сициліи, окружающее ее море, тѣ гавани и мѣста, которыя лежали на обращенной къ Африкѣ сторонѣ [1]).

Алкивіаду аѳиняне не вполнѣ довѣряли; они опасались его честолюбія. Поэтому начальниками экспедиціи въ качествѣ полномочныхъ стратеговъ (стратеговъ-автократоровъ), кромѣ Алкивіада, избраны были еще двое: осторожный Никій и Ламахъ, извѣстный, какъ храбрый, опытный воинъ, съ порученіемъ помочь Эгестѣ, возстановить городъ Леонтины, жители котораго переселились въ Сиракузы [2]), и вообще устроить сицилійскія дѣла такъ, какъ сочтутъ наиболѣе выгоднымъ для аѳинянъ. Казалось, что если геніальность Алкивіада соединится съ осторожностью Никія и съ мужествомъ Ламаха, то успѣхъ предпріятія будетъ тѣмъ вѣрнѣе обезпеченъ. Въ дѣйствительности же избраніе трехъ полномочныхъ полководцевъ, вмѣсто одного, не предвѣщало ничего добраго: не могло быть необходимаго единства въ планѣ и исполненіи, тѣмъ болѣе, что Никій былъ выбранъ противъ желанія; онъ не сочувствовалъ предпріятію, считая его пагубнымъ. Но именно онъ, желая отвратить аѳинянъ отъ этого предпріятія, помимо воли содѣйствовалъ тому, что оно приняло особенно большіе размѣры.

На пятый день послѣ того, какъ походъ былъ рѣшенъ, въ народномъ собраніи, въ которомъ должны были обсуждаться подробности и мѣры относительно скорѣйшаго снаряженія флота, Никій выступилъ противъ уже рѣшенной экспедиціи. Онъ доказывалъ, что не слѣдуетъ подымать войну изъ-за дѣла, не касающагося аѳинянъ, въ то время, когда здѣсь, въ Элладѣ, многочисленные непріятели, когда миръ и безъ того непроченъ и не обезпечено то, что̀ есть: халкидяне во Ѳракіи не

[1]) Плутархъ въ біографіяхъ Никія (гл. 12) и Алкивіада (гл. 17).

[2]) Демократы въ Леонтинахъ задумали общій передѣлъ земли; тогда олигархи обратились къ сиракузянамъ, съ ихъ помощью изгнали демократовъ, а сами переселились въ Сиракузы; городъ Леонтины опустѣлъ и область его присоединена къ Сиракузамъ.

подчинены; покорность другихъ сомнительна; безразсудно идти войною на такіе народы, удержать которые въ повиновеніи нельзя даже въ случаѣ побѣды, и это тогда, когда государству угрожаютъ козни олигарховъ. Никій обращался къ благоразумію старѣйшихъ изъ аѳинянъ и, намекая на Алкивіада, призывалъ не поддаваться совѣтамъ тѣхъ молодыхъ честолюбцевъ, которые изъ-за личной выгоды и славы готовы повергнуть государство въ опасность. Въ отвѣтъ на это Алкивіадъ говорилъ въ свое оправданіе, что тотъ блескъ и роскошь, которые онъ проявляетъ, способствуютъ и славѣ государства, и доказывалъ, что Сицилію вовсе не такъ трудно завоевать: населеніе ея представляетъ смѣсь, въ немъ нѣтъ единенія; походъ усилитъ могущество Аѳинъ, доставитъ имъ господство надъ всей Элладой; въ покоѣ государство скоро дряхлѣетъ, въ борьбѣ же усиливается и т. д. Тогда Никій, думая напугать аѳинянъ издержками, заявилъ, что если предпринимать походъ, то надо предпринимать его съ большими морскими и сухопутными силами, съ соотвѣтствующимъ количествомъ провіанта, денежныхъ средствъ и проч. Но это не помогло, и результатъ получился обратный тому, на какой разсчитывалъ Никій. Отъ Никія потребовали, чтобы онъ опредѣленно сказалъ, сколько, по его мнѣнію, нужно силъ, и Никій, скрѣпя сердце, отвѣтилъ, что необходимо не менѣе 100 тріэръ, 5000 гоплитовъ, соотвѣтствующее число прочаго войска, легковооруженныхъ и т. под. Все это рѣшено было предоставить полководцамъ и облечь ихъ неограниченными полномочіями. Страсть къ отплытію, говоритъ Ѳукидидъ, овладѣла всѣми; старшіе надѣялись или на покореніе острова, или на то, что такія большія силы не потерпятъ пораженія; молодежь жаждала видѣть далекую страну; масса разсчитывала на жалованье и на пріобрѣтеніе новаго могущества, благодаря которому можно будетъ постоянно получать жалованье. А если кто и не одобрялъ предпріятія, то молчалъ, боясь показаться злонамѣреннымъ, плохимъ гражданиномъ (VI, 8—26).

Флотъ снаряжался, шли приготовленія къ его отплытію, какъ вдругъ случилось происшествіе, взволновавшее городъ: въ одну майскую ночь 415 г. изуродованы были „гермы“, т.-е. статуи бога Гермеса, стоявшія на улицахъ и площадяхъ,

у входа въ частные дома и въ святилища [1]). Ночные скандалы и безчинства подвыпившей молодежи, сопровождаемыя нерѣдко святотатствомъ, были въ Аѳинахъ довольно обычны. Но размѣры этого святотатства были необычны, и народомъ овладѣла тревога: въ изуродованіи почти всѣхъ гермовъ онъ видѣлъ дурное предзнаменованіе для экспедиціи; онъ боялся небеснаго гнѣва и кары. Участниковъ въ святотатственномъ поступкѣ, очевидно, было много. Притомъ здѣсь видѣлся какой-то организованный планъ, замыселъ; чудился заговоръ, направленный противъ демократіи. Виновники не были извѣстны; дѣло было загадочное, темное, и это еще усиливало безпокойство и уныніе. Были лица, которыя постарались еще болѣе раздуть дѣло и использовать его въ своихъ видахъ или въ видахъ партіи. Представился удобный случай запутать въ него и Алкивіада, который многимъ стоялъ на дорогѣ, и такимъ образомъ устранить его.

Въ числѣ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, съ особенною энергіею принявшихся за это дѣло изуродователей гермовъ, „*гермокопидовъ*“, мы встрѣчаемъ, во-первыхъ, Писандра, въ то время бывшаго ярымъ демократомъ или, по крайней мѣрѣ, носившаго его личину,—котораго комики первоначально преслѣдовали своими насмѣшками и называли то погонщикомъословъ, то „большимъ ахарнскимъ осломъ“,—а вскорѣ потомъ ставшаго ревностнымъ олигархомъ, однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ участниковъ переворота 411 г. [2]); затѣмъ мы видимъ такихъ демагоговъ, какъ сторонникъ Клеона, Клеонимъ, неразъ мимоходомъ осмѣиваемый Аристофаномъ, Андроклъ, искренній демократъ и заклятый врагъ Алкивіада [3]), и друг. Они стараются еще болѣе возбудить въ народѣ подозрительность и безпокойство. Созвано было народное собраніе и, по предложенію Писандра, назначена премія въ 10000 драхмъ тому, кто первый укажетъ виновныхъ [4]). Постановлено было,

---

[1]) Главные источники — Ѳукидидъ (VI, 27 сл.) и рѣчь Андокида о мистеріяхъ.

[2]) О которомъ—дальше.

[3]) Busolt, III, 2, 1287 сл., 1292 сл.

[4]) Затѣмъ, по предложенію Клеонима, объявлена была и другая премія въ 1000 др. за второе донесеніе.

что каждый, будь онъ гражданинъ, „чужой“, метэкъ, или даже рабъ, если знаетъ о какомъ-либо иномъ кощунствѣ, можетъ доносить безнаказанно, хотя бы и самъ былъ участникомъ. Дѣло, такимъ образомъ, расширялось; рѣчь уже шла не только о гермокопидахъ, но и о другихъ случахъ святотатства. Совѣту [1]) предоставлены особыя полномочія, и имъ избрана слѣдственная коммиссія съ Писандромъ во главѣ. Начались доносы и толки о томъ, что въ городѣ есть люди, подвергающіе насмѣшкамъ и профанаціи религію, элевсинскія мистеріи и т. под. Тутъ у многихъ на устахъ было имя Алкивіада, который извѣстенъ былъ своими выходками, полнымъ пренебреженіемъ къ обычаямъ и святынямъ; казалось, онъ на все былъ способенъ и для него ничего не было святого.

И вотъ, когда флотъ былъ готовъ уже къ отплытію, въ народномъ собраніи, въ которомъ полководцы должны были получить свои послѣднія инструкціи, нѣкто Пиѳоникъ выступилъ съ заявленіемъ, что Алкивіадъ въ одномъ частномъ домѣ устраивалъ пародію на мистеріи, и въ доказательство представилъ въ качествѣ свидѣтеля раба, который видѣлъ это. Алкивіадъ готовъ былъ дать отвѣтъ на судѣ; но тщетно требовалъ онъ немедленнаго суда: враги Алкивіада опасались рѣшенія въ его пользу, такъ какъ на его сторонѣ было войско и такъ какъ только ради него аргосцы и мантинейцы приняли участіе въ экспедиціи. Кромѣ того, они надѣялись въ отсутствіе Алкивіада собрать новый матеріалъ для его обвиненія. При помощи недальновидныхъ друзей Алкивіада они добились того, что процессъ былъ отложенъ до его возвращенія: Алкивіадъ отправлялся во главѣ экспедаціи, подъ тяжестью не опровергнутаго обвиненія, какъ подсудимый...

Провожаемый населеніемъ со смѣшаннымъ чувствомъ надежды и тоски, флотъ отплылъ изъ Пирея. У Коркиры присоединились союзники. Это была цѣлая армада, по словамъ Ѳукидида (VI, 31)—„самое дорогое и великолѣпное снаряженіе изъ всѣхъ, бывшихъ до тѣхъ поръ“. Флотъ состоялъ изъ 134 тріэръ, изъ которыхъ аѳинскихъ было 60 военныхъ кораблей,

[1]) Можетъ быть, новому, раньше срока вступившему въ должность. Busolt, III, 2, 1292; Keil въ Hermes, XXIX, 1894.

40 транспортныхъ, остальные—союзные. Кромѣ того, имѣлось 130 транспортныхъ судовъ съ запасами хлѣба и вообще провіанта, съ каменщиками, плотниками, съ матеріаломъ и орудіями, необходимыми для осады. Многочисленныя купеческія суда въ торговыхъ цѣляхъ слѣдовали за флотомъ. Экипажа было около 25000 человѣкъ; войско состояло изъ 5100 тяжеловооруженныхъ гоплитовъ, изъ которыхъ аѳинянъ было 2200, изъ 1300 легковооруженныхъ, стрѣлковъ, пращниковъ и т. под. Но не столько численностью отличался этотъ флотъ и войско, сколько великолѣпіемъ: государство и частныя лица не щадили средствъ на ихъ снаряженіе. Моряки получали жалованья по 1 драхмѣ въ день. Тріэрархи платили гребцамъ добавочныя, снабдили корабли дорогою отдѣлкою и старались превзойти другъ друга: каждый старался, чтобы его корабль былъ лучше и быстроходнѣе. Если сосчитать государственные расходы и издержки частныхъ лицъ, помимо запасовъ, говоритъ Ѳукидидъ, то оказалось бы, что вывезено изъ государства множество талантовъ. По приблизительному подсчету [1]), содержаніе 100 тріэръ обходилось въ эту экспедицію 100 талантовъ въ мѣсяцъ.

Въ Сициліи не вѣрили, что походъ въ такихъ размѣрахъ предпринятъ съ цѣлью лишь помочь Эгестѣ, и опасались завоевательныхъ плановъ со стороны аѳинянъ. Такимъ образомъ экспедиція встрѣчена была почти общимъ недовѣріемъ. Во главѣ ея стояло три полководца, между которыми не было согласія. Каждый изъ нихъ имѣлъ свой планъ дѣйствій: Никій желалъ ограничиться помощью Эгестѣ, Ламахъ настаивалъ идти прямо на Сиракузы, а Алкивіадъ думалъ сначала прочно утвердиться на островѣ, соединиться съ сицилійскими городами и тогда идти на Сиракузы. Его мнѣніе взяло верхъ. Аѳиняне заняли уже Катану, какъ вдругъ прибылъ государственный корабль Саламинія за Алкивіадомъ: его требовали на судъ въ Аѳины.

Тамъ, по отплытіи флота, попрежнему производилось слѣдствіе о профанаціи мистерій и изуродованіи гермовъ... Во главѣ дѣлъ, въ отсутствіе Никія и Алкивіада, стояли въ сущности Писандръ и Андроклъ. Вновь появились доносы. Аѳиняне

[1]) Busolt, III, 2, 1298.

принимали ихъ на вѣру, говоритъ Θукидидъ (VI, 53), и по оговору дурныхъ людей хватали и заключали честныхъ гражданъ въ оковы. Нѣкто Діоклидъ показалъ, напр., что онъ, отправляясь ночью въ Лаврійскіе рудники за работавшимъ тамъ рабомъ, при лунномъ свѣтѣ видѣлъ, какъ толпа людей—человѣкъ 300—спустилась къ театру и раздѣлилась на группы и что это и были тѣ, кто изуродовалъ гермы. Онъ назвалъ болѣе 40 лицъ, въ томъ числѣ даже двухъ членовъ совѣта. Діоклида привѣтствовали, какъ спасителя, наградили вѣнкомъ, обѣдомъ въ пританеѣ. Но затѣмъ оказалось, что это—ложный доносъ, что ночь, въ которую совершено преступленіе, была даже не лунная. Діоклидъ за ложный доносъ былъ казненъ. Послѣ его показанія еще бо̀льшая тревога овладѣла народомъ, который ко всему относился подозрительно. Однажды, подъ вліяніемъ слуховъ о приближеніи беотійцевъ и спартанцевъ, аѳиняне провели всю ночь вооруженные. Ихъ пугалъ призракъ тиранніи и демосъ самъ становился подозрительнымъ тирановъ. Рабовъ подвергали пыткѣ, чтобы вынудить у нихъ показанія. Едва не было принято предложеніе Писандра—вопреки закону примѣнить пытки по отношенію даже къ гражданамъ. Многіе, особенно изъ оговоренныхъ лицъ, бѣжали изъ Аѳинъ. Подъ вліяніемъ доносовъ и арестовъ распространилась паника; доходило до того, что когда глашатай созывалъ совѣтъ въ засѣданіе, то граждане опрометью покидали площадь, боясь быть арестованными. Никто не считалъ себя въ безопасности. Положеніе оговоренныхъ и задержанныхъ было тяжкое: ихъ аресту не предвидѣлось конца и на спасеніе не было надежды. Тогда, чтобы положить конецъ этому, одинъ изъ арестованныхъ, Андокидъ, уступая просьбамъ товарищей по заточенію, далъ показаніе, неизвѣстно въ точности, насколько истинное, не пролившее полнаго свѣта, но въ общемъ удовлетворившее и успокоившее аѳинянъ, которые съ радостью ухватились за него. По словамъ Андокида, изуродованіе гермовъ было дѣломъ олигархической гетеріи, во главѣ которой стоялъ нѣкій Евфилетъ. Заговорщики разсчитывали и на соучастіе Андокида; но онъ не сочувствовалъ этому дѣлу и притомъ въ ночь преступленія былъ боленъ, въ постели; вотъ почему и тотъ гермъ, который стоялъ у его дома, остался цѣлымъ. Изъ указанныхъ

Андокидомъ лицъ схваченные были казнены, а бѣжавшіе приговорены заочно къ смерти и головы ихъ оцѣнены.

Дѣло о гермокопидахъ кончилось, но дѣло о мистеріяхъ продолжалось. Противъ Алкивіада были добыты новыя показанія, и сынъ Кимона, Θессалъ, выступилъ въ народномъ собраніи съ формальнымъ обвиненіемъ (эйсангеліей) [1]) его въ томъ, что онъ, Алкивіадъ, совершилъ преступленіе по отношенію къ богинямъ Деметры и Коры (Персефоны), представляя въ своемъ домѣ вмѣстѣ съ товарищами мистеріи, вопреки законамъ и установленіямъ Евмолпидовъ, Кериковъ [2]) и жрецовъ елевсинскихъ. По побужденію враговъ Алкивіада, главнымъ образомъ Андрокла, эйсангелія была принята, Алкивіадъ отрѣшенъ отъ должности стратега и призванъ къ суду. За нимъ отправлена Саламинія. Онъ, какъ извѣстно, сначала какъ-бы подчинился призыву, но дорогою бѣжалъ. Вмѣстѣ съ нѣкоторыми своими товарищами онъ заочно приговоренъ къ казни, имущество его конфисковано, Евмолпиды и Керики предали его проклятію и приговоръ надъ нимъ начертанъ на каменномъ столбѣ.

Таковъ былъ исходъ процесса гермокопидовъ и связаннаго съ нимъ дѣла о мистеріяхъ. По поводу изуродованія гермовъ Θукидидъ замѣчаетъ, что ни тогда, ни впослѣдствіи никто не могъ сказать ничего яснаго, опредѣленнаго относительно совершившихъ это дѣло (VI, 60). И слова его остаются въ силѣ и теперь: дѣло такъ и осталось въ сущности темнымъ, загадочнымъ [3]). Не важны дѣйствительные виновники, но важны

---

[1]) Текстъ у Плутарха, въ біографіи Алкивіада, гл. 22.

[2]) Глашатай при элевсинскихъ празднествахъ былъ изъ рода Кериковъ.

[3]) Одни видѣли тутъ интригу коринѳянъ, желавшихъ разстроить экспедицію, угрожавшую ихъ колоніи, Сиракузамъ; другіе усматривали здѣсь интриги олигарховъ, третьи—демократовъ; высказывалось предположеніе, что заговорщики, враги демократіи, хотѣли связать себя совершеннымъ сообща святотатственнымъ преступленіемъ и этимъ какъ-бы обязать себя, дать другъ другу ручательство, залогъ вѣрности (Weil, Les Hermocopides et le peuple d'Athènes, въ сборн. въ честь Derenbourg'a, 1891, перепеч. въ его Études sur l'antiquité grecque. P. 1900). А Э. Мейеръ удивляется, какъ можно искать въ этомъ святотатствѣ какой-либо политическій замыселъ или планъ государственнаго переворота. Это, по его мнѣнію, „мальчишеская выходка“, которая могла быть предметомъ уголовнаго процесса, но

и въ высшей степени характерны его непосредственныя послѣдствія—то настроеніе, которое вызвано было имъ въ Аѳинахъ, то, какъ его использовали вожди партій, и конечный результатъ—бѣгство Алкивіада. Но устраненіе Алкивіада чьихъ рукъ было дѣло и кто использовалъ процессъ гермокопидовъ. олигархи или демократы? Полагали раньше, что—олигархи [1]); теперь видятъ здѣсь интригу демократовъ [2]). Дѣйствительно. жертвою доносовъ были большею частью олигархи, а главные руководители процесса принадлежали, какъ мы видѣли, къ демократической партіи. Но среди нихъ были такіе подозрительные демократы, какъ Писандръ, вскорѣ перешедшій въ лагерь олигарховъ, или Хариклъ, дѣятельный членъ слѣдственной коммиссіи, а впослѣдствіи крайній олигархъ и одинъ изъ Тридцати тирановъ. Наконецъ, обвинителемъ Алкивіада явился аристократъ—Кимоновъ сынъ Ѳессалъ. Такимъ образомъ, есть основаніе думать, что заодно съ демократами тутъ дѣйствовали и нѣкоторые тайные или явные олигархи и аристократы: для нихъ Алкивіадъ былъ ненавистенъ и стоялъ имъ на дорогѣ такъ же, какъ и истымъ демагогамъ. Характерно и то. что аѳинская демократія явилась такою ревностною защитницею святынь, что обвиненіе противъ Алкивіада касалось религіи, которая въ тѣ времена тѣсно связана была съ государствомъ, и что дѣйствующими лицами мы видимъ тутъ не только демагоговъ, но и Евмолпидовъ, Кериковъ, или Глашатаевъ, и элевсинскихъ жрецовъ.

Какъ бы то ни было, но послѣдствія дѣла гермокопидовъ были тяжелыя для Аѳинъ: они способствовали гибельному исходу Сицилійской экспедиціи и паденію аѳинскаго могущества. Аѳиняне оттолкнули отъ себя такую личность, какъ Алкивіадъ, который, пылая местью, отправился теперь къ ихъ врагамъ—въ Спарту. Въ отвѣтъ на заочный смертный приго-

---

на которую при другихъ обстоятельствахъ и иномъ настроеніи не обратили бы вниманія (VI, 503, 506)

[1]) Напр., Gotz, Der Hermocopidenprozess. Leipz. 1876 (изъ Jahrb. f. class. Philol., VIII Suppl.-b.).

[2]) Gilbert, Beiträge, стр. 253 сл., E. Meyer, IV, 507; Busolt, III, 2, 1293.

воръ, произнесенный надъ нимъ, Алкивіадъ жаждалъ показать аѳинянамъ, что „онъ еще живъ“.

Въ связи съ дѣломъ гермокопидовъ находится и одна ограничительная мѣра того времени: по предложенію Сиракосія, запрещено было поименно осмѣивать въ комедіи, быть можетъ, чтобы не возобновлять въ памяти процесса гермокопидовъ и не выводить прикосновенныхъ къ нему лицъ. И вотъ, когда еще такъ свѣжи были впечатлѣнія отъ этого процесса, и аѳинскій флотъ находился въ Сициліи, Аристофанъ пишетъ свою самую фантастическую пьесу—„Птицы“—(414 г.), гдѣ нѣтъ прямыхъ указаній на все только-что пережитое Аѳинами, но гдѣ мы все-таки находимъ и косвенные политическіе намеки, и нѣкоторыя черты исторической дѣйствительности (ср. стр. 296). Псефизма Сиракосія недолго, впрочемъ, оставалась въ силѣ.

Въ 415 г. аѳиняне не успѣли предпринять въ Сициліи что-либо рѣшительное; лишь весною 414 г. приступили они къ осадѣ Сиракузъ. Они взяли возвышенность Эпиполы, находившуюся къ западу отъ города, стали отсюда возводить стѣны по направленію къ морю, чтобы совершенно окружить и отрѣзать Сиракузы, и уже почти достигли своей цѣли, какъ вдругъ явился изъ Спарты на помощь сиракузянамъ Гилиппъ и далъ дѣлу совсѣмъ иной оборотъ. Эпиполы были взяты имъ, укрѣпленная линія аѳинянъ прервана, Сиракузы избавлены отъ опасности быть совершенно отрѣзанными. Аѳиняне сами очутились теперь скорѣе въ положеніи осажденныхъ, а тутъ приближалась зима. Никій, оставшійся единственнымъ начальникомъ аѳинскаго войска послѣ того, какъ еще раньше у Сиракузъ палъ Ламахъ, сообщаетъ въ Аѳины объ истинномъ положеніи дѣлъ, въ виду котораго необходимо или отозвать обратно экспедицію, или снарядить еще вторую, съ неменьшимъ числомъ кораблей и войска, чѣмъ первая, съ соотвѣтствующими денежными средствами, а его, больного, проситъ замѣнить кѣмъ-либо другимъ. По полученіи этихъ извѣстій въ Аѳинахъ рѣшено было экспедиціи не отзывать, осаду Сиракузъ продолжать и въ подкрѣпленіе Никію послать новый флотъ и войско подъ начальствомъ Демосѳена. Эта вторая экспедиція мало чѣмъ уступала первой: она состояла изъ 73 тріэръ (изъ которыхъ аѳинскихъ было болѣе 50), съ 5000 гоплитовъ и многочи-

сленнымъ отрядомъ легковооруженныхъ, пращниковъ, стрѣлковъ изъ лука. Общее число участниковъ въ ней доходило до 20000, изъ которыхъ аѳинскихъ гражданъ было не менѣе 3000. И за этимъ флотомъ слѣдовало большое число различныхъ судовъ съ провіантомъ и проч.

Миръ между Аѳинами и Спартой былъ уже формально нарушенъ, и когда снаряжалась вторая аѳинская экспедиція въ Сицилію, спартанцы, подъ предводительствомъ царя Агиса, вмѣсто того, чтобы вторгаться въ Аттику на короткое время, по совѣту Алкивіада, заняли въ ней Декелею, укрѣпили ее и поставили тамъ гарнизонъ (413 г.). Декелея находилась на южномъ склонѣ хребта Парнеса, на полпути изъ Аѳинъ къ беотійской границѣ. Она служила для спартанцевъ удобнымъ наблюдательнымъ пунктомъ, откуда они могли вести войну, дѣлая набѣги и держа страну въ блокадѣ [1]). Аѳиняне несли большія потери. Обработка земли сдѣлалась очень затруднительной за исключеніемъ ближайшихъ окрестностей города и наиболѣе отдаленныхъ частей страны. Скотъ погибъ. Большая часть оливковыхъ деревьевъ была вырублена. Цѣлыя полосы прежде воздѣланной земли превращались въ пустыри. Занятіе спартанцами Декелеи отразилось и на промышленности. Около 20000 рабовъ, преимущественно ремесленниковъ, перебѣжало къ непріятелю. Многіе жители Аттики спасались въ городъ. Но и сами Аѳины находились какъ-бы въ осадномъ положеніи. День и ночь приходилось сторожить городскія стѣны. Прямое сообщеніе сухимъ путемъ со многими пунктами было прервано. Доставка жизненныхъ припасовъ изъ Евбеи, производившаяся прежде кратчайшею дорогою по сушѣ, черезъ Декелею, теперь шла моремъ вокругъ Сунія и стоила дорого. Между тѣмъ Аѳины нуждались въ привозѣ всякихъ припасовъ. Уменьшились многіе заработки, а также число судебныхъ дѣлъ, слѣдовательно и плата судьямъ. Аѳиняне лишились аренды съ Лаврійскихъ рудниковъ, такъ какъ пришлось пріостановить разработку этихъ рудниковъ въ виду близости непріятеля.

Подъ конецъ Сицилійской экспедиціи аѳиняне крайне нуждались въ денежныхъ средствахъ. По мѣрѣ того, какъ война

[1]) Ѳукидидъ, VII, 27—28. Ср. Busolt, III, 2, 1401—2.

расширялась, увеличивались расходы, а доходы уменьшались. Казна истощена, кромѣ резервнаго фонда въ 1000 тал., считавшагося до извѣстной степени неприкосновеннымъ (стр. 250). Прибѣгнуть къ усиленному прямому обложенію, къ эйсфорѣ, было невозможно, такъ какъ многія изъ состоятельныхъ лицъ и безъ того были частью разорены, частью чрезмѣрно обременены разными повинностями, литургіями. Увеличить еще болѣе форосъ съ союзниковъ тоже въ тотъ моментъ представлялось затруднительнымъ. И вотъ въ финансовой системѣ Аѳинъ произведена была перемѣна (413 г.) [1]): форосъ отмѣненъ и замѣненъ „двадцатиной“, косвеннымъ налогомъ или пошлиной, которая взималась въ союзныхъ городахъ въ размѣрѣ 5% стоимости ввозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ. Пошлина эта существовала до конца войны.

Между тѣмъ въ то время, когда новый аѳинскій флотъ и войско подъ начальствомъ Демосѳена плыли въ Сицилію въ подкрѣпленіе Никію, положеніе аѳинянъ у Сиракузъ еще болѣе ухудшилось. Сиракузяне успѣли построить корабли и достигли побѣды надъ аѳинянами даже на морѣ. Но вскорѣ послѣ этого прибылъ Демосѳенъ съ эскадрою. Исходъ предпріятія зависѣлъ отъ того, удастся ли вновь овладѣть возвышенностью Эпиполы, командовавшею надъ городомъ; но попытка Демосѳена взять эту возвышенность не удалась. Предпріятіе аѳинянъ оказывалось безнадежнымъ; къ тому же мѣстность была низменная и люди болѣли. Единственнымъ благоразумнымъ рѣшеніемъ, по мнѣнію Демосѳена, было поспѣшить отступленіемъ отъ Сиракузъ, пока не поздно, пока выходъ изъ гавани еще не запертъ. Но Никій колебался. Онъ не рѣшался отступить безъ постановленія аѳинскаго народа; онъ опасался нападокъ ораторовъ въ народномъ собраніи, обвиненій въ томъ, что они, стратеги, отступили, будучи подкуплены; зная, какъ онъ утверждалъ, нравъ аѳинянъ, Никій предпочиталъ остаться и погибнуть отъ врага, нежели сдѣлаться жертвой постыднаго и несправедливаго обвиненія. Къ тому же онъ не терялъ надежды на взятіе

[1]) Еще раньше введена была должность пористовъ, на обязанности которыхъ сначала лежало разысканіе и взиманіе недоимокъ, а потомъ—изысканіе денежныхъ средствъ для покрытія расходовъ. Busolt, III, 2, 1405.

Сиракузъ, разсчитывая тамъ на партію, готовую предать городъ аѳинянамъ. Между тѣмъ время проходило и Гилиппъ даже успѣлъ ввести подкрѣпленія въ Сиракузы. Тогда и Никій далъ согласіе на отплытіе изъ Сициліи. Но произошло лунное затменіе; многіе видѣли въ этомъ дурное предзнаменованіе, а суевѣрный Никій объявилъ, согласно толкованію предсказателей, что нечего и думать объ отплытіи раньше луннаго мѣсяца. Это окончательно погубило аѳинянъ. Гилиппъ произвелъ на нихъ нападеніе и на сушѣ, и на морѣ, и аѳиняне были разбиты. Вслѣдъ затѣмъ сиракузяне своими кораблями заперли выходъ изъ гавани. Аѳиняне сдѣлали отчаянную попытку пробиться, но тщетно. Оставалось отступать сухимъ путемъ; корабли достались сиракузянамъ; больные и раненые были брошены. На отступавшихъ напали сиракузяне; часть спаслась бѣгствомъ; масса погибла или взята въ плѣнъ, въ томъ числѣ и оба полководца, Никій и Демосѳенъ. Судьба плѣнниковъ, количество которыхъ Ѳукидидъ опредѣляетъ приблизительно въ 7000, была тяжелая: они заточены были въ каменоломни. Никій и Демосѳенъ казнены; остальные страдали отъ жары и холода, духоты и зловонія, жажды и голода. Потомъ сиракузяне продали ихъ въ рабство, за исключеніемъ аѳинянъ, сицилійцевъ и италійцевъ, которые долго еще томились въ каменоломняхъ и дальнѣйшая судьба которыхъ въ точности неизвѣстна. Но, кромѣ этихъ плѣнныхъ, многіе достались въ добычу отдѣльнымъ воинамъ, которые ихъ продавали въ рабство; по выраженію Ѳукидида (VII, 85), „вся Сицилія наполнилась ими“. Изъ огромнаго флота и войска немногіе вернулись домой.

Такою страшною для аѳинянъ катастрофою кончилась (413 г.) ихъ экспедиція въ Сицилію. Ѳукидидъ считаетъ это событіе величайшимъ не только за время Пелопоннесской войны, но и вообще въ исторіи Греціи, насколько она была ему извѣстна (VII, 87). Это былъ важнѣйшій моментъ войны, поворотный пунктъ въ ней и въ исторической судьбѣ Аѳинъ. Погибло два прекрасныхъ флота, болѣе 200 тріэръ, и множество людей: около 40 или 50 тысячъ отправлено было въ Сицилію и изъ нихъ возвратились лишь немногіе. Не считая союзниковъ и метэковъ, около 3000 гражданъ высшихъ клас-

совъ и 9000 ѳетовъ остались въ Сициліи мертвыми или плѣнниками [1]). Погибъ цвѣтъ аѳинскихъ силъ. Громадныя средства оказались напрасно затраченными. Но не только матеріальныя потери были чрезвычайно велики; не менѣе важны были нравственныя послѣдствія катастрофы: у Сиракузъ аѳиняне потерпѣли пораженіе *на морѣ*, т.-е. тамъ, гдѣ была ихъ главная сила, гдѣ они такъ привыкли побѣждать, гдѣ такъ господствовали. Теперь они лишились славы непобѣдимости на морѣ, исчезъ страхъ предъ ихъ морскимъ могуществомъ. На этомъ страхѣ въ значительной мѣрѣ держалось ихъ владычество надъ союзниками и теперь отъ нихъ отлагаются даже тѣ союзные города, которые до сихъ поръ оставались вѣрными: города эти не допускали мысли, что аѳиняне въ состояніи выдержать борьбу дольше года. Евбея входитъ въ сношенія со спартанцами; отпадаетъ Хіосъ, Милетъ; почти вся Іонія была утрачена; отложился и Родосъ. Въ этотъ тяжкій для Аѳинъ моментъ должно было особенно сказаться отсутствіе болѣе прочной, органической связи между ними и союзниками. Выступаетъ теперь и Персія со своими притязаніями: персидскій царь требуетъ дани, которую платили греческіе города въ Азіи его предкамъ, и вмѣсто фороса аѳинянамъ тѣ платятъ дань Персіи. Спарта снаряжаетъ флотъ и заключаетъ союзъ съ Персіей.

Этого мало: весь государственный строй Аѳинъ былъ глубоко потрясенъ. Настроеніе было подавленное. На время утратилась вѣра въ цѣлесообразность и благодѣтельность демократіи, которая теперь въ глазахъ многихъ была виновницею всѣхъ бѣдъ. Являются попытки измѣнить строй, ограничить и даже низвергнуть демократію. Олигархи подымаютъ голову и принимаются за осуществленіе своихъ затаенныхъ плановъ.

Олигархическій переворотъ 411 г.

Когда въ Аѳины пришли вѣсти о сицилійской катастрофѣ, говоритъ Ѳукидидъ, тамъ долго не вѣрили, что все такъ погибло. Убѣдившись, что это правда, аѳиняне ожесточились

[1]) Busolt, III, 2, 1400.

противъ ораторовъ, побуждавшихъ къ походу, „какъ-будто не сами они голосовали за него“; они раздражены были также противъ хресмологовъ и предсказателей, обѣщавшихъ имъ успѣхъ и завоеваніе Сициліи. Страхъ овладѣлъ аѳинянами. Они были чрезвычайно потрясены, потерявъ множество гоплитовъ, всадниковъ, цвѣтущей молодежи. На верфяхъ не было достаточно кораблей, не было свободныхъ денегъ въ государственной казнѣ, гребцовъ для флота. Можно было ожидать, что непріятель немедленно явится въ Пирей, что подымутся враги въ самой Элладѣ и союзники отпадутъ (какъ это отчасти и случилось). И все-таки, продолжаетъ Ѳукидидъ, аѳиняне рѣшили, что уступать не слѣдуетъ; необходимо снарядить флотъ, достать лѣсъ и средства, обезпечить за собою союзниковъ, въ особенности Евбею, и ввести бережливость. „Въ данный моментъ, подъ вліяніемъ страха, они, какъ обыкновенно дѣлаетъ народъ, готовы были все упорядочить“ (VIII, I).

Многими сознавалась необходимость измѣненія въ самомъ строѣ въ смыслѣ нѣкотораго ограниченія демократіи. усиленія сдерживающаго начала, и тотчасъ же послѣ сицилійской катастрофы въ 413 г. въ Аѳинахъ учреждена была коллегія 10 пробуловъ изъ старѣйшихъ и уважаемыхъ гражданъ. Они выбраны были по одному отъ каждой филы, на неопредѣленный срокъ, съ тѣмъ, чтобы „предварительно обсуждать текущія дѣла сообразно требованіямъ момента“ и не допускать народное собраніе до слишкомъ поспѣшныхъ, неблагоразумныхъ рѣшеній. Къ нимъ должно было бы перейти фактическое руководство дѣлами; они завѣдывали политикой, администраціей, финансами и ихъ обязанности въ сущности совпадали съ обязанностями притановъ. Такимъ образомъ введеніе пробуловъ ограничивало и оттѣсняло совѣтъ на второй планъ: оно было ударомъ для него. По своей сущности, и по небольшому числу членовъ, и по ихъ возрасту, и по неопредѣленности срока, на какой они были избраны, это учрежденіе—не демократическое; это—побѣда реакціи [1]). Но въ дѣйствительности пробулы, глубокіе старцы, подобные знаменитому Софоклу, принадлежавшему къ

[1]) Busolt, III, 2, 1409 сл.

ихъ числу, не имѣли большого вліянія и обнаружили полное безсиліе.

Подъ вліяніемъ постигшаго аѳинянъ пораженія, сомнѣній и разочарованій въ цѣлесообразности демократіи, пробудился особый интересъ къ старинному строю—къ „строю предковъ“, patrios politeia. Его изслѣдуютъ; вопросы о немъ становятся животрепещущими, модными. Многіе ищутъ политическихъ идеаловъ въ прошломъ, желаютъ вернуться къ демократіи, какою она была до Эфіальта и Перикла, къ строю Клисѳена, Солона, даже временъ Дракона. Именно тогда, по всей вѣроятности, было составлено то изложеніе „Драконовой конституціи“, которое мы теперь находимъ въ 4-й главѣ „Аѳинской Политіи“ Аристотеля (стр. 42—44). Послѣдніе годы V в. были вообще богаты политическими памфлетами въ духѣ олигархической партіи.

Чтобы вести войну, удерживать за собою союзниковъ и господство на морѣ, требовалось чрезвычайное напряженіе силъ. Когда отпалъ Хіосъ, аѳинянамъ пришлось тронуть тотъ запасный фондъ, который выдѣленъ былъ въ началѣ войны на случай, если опасность будетъ грозить самому городу Аѳинамъ. Снаряженъ былъ новый флотъ. Опорнымъ пунктомъ для аѳинянъ служилъ Самосъ, гдѣ произошла демократическая революція, богатые землевладѣльцы, „геоморы“, частью умерщвлены, частью изгнаны, а ихъ дома и земли подѣлены между народомъ. Изъ счетовъ, сохранившихся въ видѣ надписей, видно, что остатки казны существовали еще въ 410 г. Но ихъ не хватало на всѣ потребности; аѳиняне находились въ очень стѣсненномъ положеніи; ихъ средства изсякали, доходы съ отпаденіемъ городовъ уменьшились, а расходы росли. Уже въ началѣ 411 г. войско у Самоса не получало изъ Аѳинъ денегъ и само должно было добывать ихъ. Спарта же получала субсидіи отъ Персіи, которая являлась теперь какъ-бы вершительницею судебъ Греціи. И вотъ въ сознаніе аѳинянъ все болѣе и болѣе проникаетъ мысль, что единственное спасеніе—расторгнуть союзъ Спарты съ персидскимъ царемъ, склонить послѣдняго на свою сторону, чтобы имѣть отъ него субсидіи, вернуть къ себѣ Алкивіада, который, разойдясь уже со спартанцами, находился въ Малой Азіи и, повидимому, пользовался большимъ вліяніемъ на персидскаго

сатрапа Тиссаферна: казалось, только онъ могъ дать побѣду Аѳинамъ. Многіе готовы были измѣнить строй, ограничить или даже низвергнуть демократію, лишь бы достичь союза съ Персіей и возвращенія Алкивіада. Даже искреннимъ приверженцамъ демократіи казалось, что нѣтъ иного исхода изъ тяжелаго, критическаго положенія. Въ этомъ отношеніи характерно признаніе Софокла, одного изъ пробуловъ, несомнѣнно преданнаго демократіи. Софоклъ не отрицаетъ, что онъ въ качествѣ пробула участвовалъ въ установленіи олигархіи и что это дѣло дурное, но, говоритъ онъ, ничего другого, лучшаго, не представлялось [1]).

Такимъ настроеніемъ и положеніемъ дѣлъ пользуются олигархи. Они соблазняютъ аѳинянъ надеждой на союзъ съ Персіей и путемъ интригъ и террора подготовляютъ олигархическій переворотъ.

Движеніе, приведшее къ этому перевороту, началось сперва въ войскѣ у Самоса, а оттуда перешло въ городъ [2]). Алкивіадъ, тяготясь изгнаніемъ, вошелъ въ сношенія съ знатнѣйшими и наиболѣе вліятельными лицами среди аѳинскаго флота у Самоса, заявляя о своемъ желаніи вернуться на родину, если будетъ измѣнена форма правленія: въ демократахъ онъ видѣлъ своихъ враговъ, изгнавшихъ его. Съ другой стороны, къ ниспроверженію демократіи стремились многіе изъ тріэрарховъ и состоятельныхъ гражданъ, тяготившихся бременемъ повинностей. Они полагали, что тѣмъ, кто несетъ наибольшія тягости, должна достаться и власть. Такъ составился заговоръ, тайною цѣлью котораго было установленіе олигархіи; открыто же говорилось о союзѣ съ царемъ, который будетъ другомъ Аѳинъ и дастъ денегъ, если возвращенъ будетъ Алкивіадъ и не будетъ демократіи. Въ войскѣ масса сначала была недовольна происками олигарховъ, но потомъ примирилась въ надеждѣ на субсидію со стороны царя. Заговорщики между собою и въ гетеріяхъ обсуждали предложенія Алкивіада. Тщетно непримиримый врагъ послѣдняго, стратегъ Фринихъ, одинъ изъ олигарховъ, доказывалъ, что Алкивіадъ въ сущности не заботится

[1]) Приводится Аристотелемъ въ „Риторикѣ“, III, 18, 6 (р. 1419).
[2]) Ѳукидидъ. VIII, 47 сл.

ни объ олигархіи, ни о демократіи, а только о своемъ возвращеніи; что персидскому царю невыгодно теперь порывать съ пелопоннесцами; что союзные города нельзя привлечь установленіемъ олигархіи и эти города предпочтутъ освободиться отъ аѳинскаго ига, съ какимъ бы то ни было управленіемъ;—заговорщики приняли сдѣланныя предложенія и рѣшили отправить въ Аѳины нѣсколькихъ лицъ, съ тѣмъ, чтобы дѣйствовать тамъ въ пользу возвращенія Алкивіада, низверженія демократіи и дружбы съ Тиссаферномъ. Во главѣ этихъ лицъ стоялъ Писандръ, еще недавно ярый демократъ, демагогъ, а теперь—крайній олигархъ и одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ участниковъ въ заговорѣ противъ демократіи. Такіе переходы были тогда нерѣдки: упомянутый выше олигархъ Фринихъ раньше былъ тоже крайнимъ демократомъ; есть извѣстіе, что въ молодости онъ жилъ въ бѣдности, пасъ стада овецъ, потомъ переселился въ городъ и занялся сикофантствомъ. Въ Аѳинахъ, въ народномъ собраніи, послы олигарховъ, съ Писандромъ во главѣ, сводили рѣчь къ тому, что если возвратить Алкивіада и отказаться отъ тогдашней формы демократіи, то можно персидскаго царя имѣть союзникомъ и одолѣть пелопоннесцевъ. Многіе возражали въ защиту демократіи; а враги Алкивіада кричали, что опасно возвращать человѣка, поправшаго законы; особенно были противъ его возвращенія Евмолпиды и Керики (Глашатаи), заклинавшіе именемъ боговъ не дѣлать этого. Въ отвѣтъ на это Писандръ спрашивалъ каждаго изъ возражавшихъ, знаетъ ли онъ другое средство спасенія для государства, если не привлечь царя на сторону Аѳинъ? Всѣ отвѣчали отрицательно, и тогда Писандръ прямо заявилъ, что союза съ царемъ не можетъ быть, если не будетъ въ Аѳинахъ болѣе благоразумнаго правленія и власть не будетъ вручена немногимъ лицамъ: только тогда царь можетъ довѣрять аѳинянамъ; въ настоящій моментъ дѣло идетъ не столько о формѣ правленія, сколько о спасеніи государства; потомъ, если что-либо не понравится, можно и измѣнить; Алкивіада же слѣдуетъ возвратить, такъ какъ только онъ одинъ способенъ все устроить.

Тяжело было слушать народу объ олигархіи, говоритъ Ѳукидидъ, но когда Писандръ ясно показалъ, что нѣтъ иного спасенія, онъ уступилъ частью изъ страха, частью въ надеждѣ

на перемѣну въ будущемъ, тѣмъ болѣе, что Писандру вѣрили, считая его искреннимъ демократомъ. Въ задумываемомъ переворотѣ большую роль должны были съиграть олигархическія гетеріи. Писандръ всѣ ихъ обошелъ, убѣждая ихъ соединиться и дѣйствовать сообща для низверженія демократіи.

Переговоры съ Тиссаферномъ и Алкивіадомъ поручены были Писандру и десяти другимъ гражданамъ; но эти переговоры къ соглашенію не привели, такъ какъ Тиссафернъ требовалъ невозможнаго даже для олигарховъ—не только Іоніи и прилегающихъ острововъ, но и открытія персидскому флоту доступа въ Эгейское море. Тогда олигархи рѣшили Алкивіада оставить въ сторонѣ, тѣмъ болѣе, что онъ не желалъ къ нимъ примкнуть и вообще не пригоденъ былъ для олигархіи, а дѣйствовать безъ него и вести войну на свои средства въ надеждѣ, что теперь они будутъ нести жертвы для самихъ себя, а не для другихъ. Не только въ Аѳинахъ, но и у союзниковъ должна была быть введена олигархія. Писандръ, низвергая демократію въ городахъ, на пути въ Аѳины, въ нѣкоторыхъ бралъ съ собою гоплитовъ для поддержки.

Къ его прибытію дѣло было уже подготовлено членами гетерій. Пущенъ былъ въ ходъ терроръ. Между прочимъ, молодыми людьми, принадлежавшими къ гетеріямъ, тайно убитъ былъ Андроклъ, стоявшій во главѣ демоса; такимъ же способомъ устранены были и нѣкоторыя другія неудобныя для олигарховъ лица. Открыто говорилось, что не слѣдуетъ получать жалованье никому, кромѣ служащихъ въ войскѣ, и что участвовать въ государственномъ управленіи должны не болѣе 5000, именно тѣ, кто способенъ приносить пользу государству своею личностью и своимъ имуществомъ. На самомъ же дѣлѣ, говоритъ Ѳукидидъ (VIII, 66), участники въ переворотѣ думали взять государство въ свои руки. Пока, впрочемъ, народное собраніе и совѣтъ продолжали созываться; но обсуждалось только то, что̀ угодно было заговорщикамъ; изъ нихъ были и ораторы и предстоявшія рѣчи напередъ разсматривались ими. Никто не смѣлъ возражать изъ страха предъ заговорщиками; а если кто и возражалъ, того умерщвляли удобнымъ способомъ, и надъ виновными не было ни суда, ни слѣдствія. Народъ, напуганный, необъединенный, безсильный, держалъ себя спокойно:

каждый былъ радъ уже тому, что его не трогаютъ. Численности заговорщиковъ не знали и ихъ силы преувеличивали. Принадлежавшіе къ народной партіи боялись подѣлиться мыслью, относились недовѣрчиво другъ къ другу, подозрѣвая въ каждомъ участника въ заговорѣ, тѣмъ болѣе, что въ числѣ заговорщиковъ оказывались и такіе, о которыхъ никогда нельзя было и думать, что они превратятся въ олигарховъ. Наконецъ, главныя силы демократической партіи отсутствовали, находясь во флотѣ у Самоса.

Таково было положеніе дѣлъ въ Аѳинахъ, когда туда прибыли Писандръ и его спутники. Они тотчасъ принялись за остальное.

О самомъ переворотѣ [1]) имѣется двѣ версіи: одна принадлежитъ Ѳукидиду, другая — Аристотелю въ его „Аѳинской Политіи“ (гл. 29 сл.).

По Аристотелю, въ народномъ собраніи Пиѳодоръ выступилъ съ предложеніемъ относительно „спасенія государства“, а Мелобій, по всей вѣроятности, тотъ самый, который потомъ былъ въ числѣ Тридцати, произнесъ въ пользу его рѣчь, и народъ, главнымъ образомъ поддавшись надеждѣ, что персидскій царь вступитъ съ Аѳинами въ союзъ, если введена будетъ олигархія, принялъ предложеніе Пиѳодора. Оно гласило: къ существующимъ уже 10 пробуламъ народъ долженъ избрать еще 20 изъ лицъ, имѣющихъ отъ роду больше 40 лѣтъ; они, давъ клятву, что предложатъ, что̀ сочтутъ наилучшимъ для государства, составятъ проектъ его спасенія, причемъ и изъ постороннихъ каждому желающему предоставляется дѣлать свои предложенія, дабы изъ всѣхъ они выбрали самое лучшее. Къ этой псефизмѣ Пиѳодора Клитофонтъ сдѣлалъ прибавку, именно, чтобы выбранные члены коммиссіи сверхъ того изслѣдовали и старинные законы, которые издалъ Клисѳенъ, когда установлялъ демократію, дабы, принявъ и ихъ во вниманіе, они составили

[1]) Micheli, La révolution oligarchique des quatre cents à Athènes et ses causes. Genève. 1893; Wilamowitz, Aristoteles und Athen; ст. Köhler'a въ Sitzungsber. d. Berl. Akad. d. Wiss., 1895, I, 451 сл.; 1900, II, 803 сл.; E. Meyer, Forschungen, II, 411 сл.; Gesch. d. Alterthums, IV, 585 сл.; ст. Judeich'a въ Rh. Mus., 1907, LXII; Groh'a въ Listy Filol., XXVIII, 1901; May, Die Oligarchie der 400 in Athen in J. 411. Halle. 1907.

наилучшій проектъ, какъ будто Клисѳенова конституція, замѣчаетъ Аристотель, была не демократическая, а подобна Солоновой.

Итакъ, по Аристотелю, было избрано 30 „синграфеевъ“ (syngrapheis). Въ этомъ предложеніи Пиѳодора не было ничего особенно олигархическаго или необычнаго: „синграфеи“ избирались неразъ и прежде для выработки проектовъ новыхъ законовъ.

Выбранные 30 во-первыхъ представили, что необходимо, чтобы пританы пускали на голоса все, что̀ будетъ говориться по поводу спасенія государства. Затѣмъ, они уничтожили „обвиненіе въ противозаконіи“ (graphē paranomōn), эйсангелію и призывъ въ судъ (prosklēsis), дабы каждый желающій изъ аѳинянъ могъ представить свои соображенія касательно разсматриваемаго вопроса; если же кто за это или накажетъ, или призоветъ, или представитъ въ судъ, тотъ долженъ быть схваченъ и отведенъ къ стратегамъ, а стратеги должны передать его Одиннадцати для смертной казни. Послѣ этого они установили, говоритъ Аристотель, такой государственный порядокъ: поступающія деньги не могутъ быть употреблены ни на что другое, кромѣ войны; всѣ должностныя лица, пока будетъ война, должны служить безъ вознагражденія, за исключеніемъ 9 архонтовъ и притановъ; эти получаютъ каждый по 3 обола въ день. Всѣ же политическія права должны быть предоставлены тѣмъ изъ аѳинянъ, которые больше всѣхъ въ состояніи служить государству или своею личностью, или своими средствами, причемъ ихъ должно быть не менѣе 5000. Они имѣютъ полное право также заключать договоры, съ кѣмъ пожелаютъ. Изъ каждой филы слѣдуетъ избрать по 10 человѣкъ (всего, слѣдовательно, 100) старше 40 лѣтъ, которые и составятъ списокъ 5000, принеся клятву надъ „совершенными жертвами“.

Таковы были предложенія 30 выбранныхъ „синграфеевъ“. Мотивы ихъ понятны. Для осуществленія дальнѣйшихъ плановъ олигархамъ прежде всего необходимо было добиться отмѣны graphē paranomōn, которая являлась палладіумомъ демократіи и въ которой они не безъ основанія видѣли одно изъ главныхъ препятствій къ совершенію олигархическаго переворота. Затѣмъ предложенія направлены были противъ системы денежныхъ

вознагражденій, которыя, за двумя исключеніями, отмѣнялись, что̀ соотвѣтствовало видамъ не только олигарховъ, но и умѣренныхъ, и вызывалось необходимостью, тяжелымъ финансовымъ положеніемъ государства. Постановленіемъ же относительно 5000 малосостоятельные, θеты, исключались изъ состава полноправныхъ гражданъ. Это было „отреченіе суверенаго демоса въ пользу состоятельныхъ классовъ“ [1]).

Проекты 30 были приняты собраніемъ, которое, по Θукидиду, было нарочно созвано за городомъ, въ Колонѣ. Затѣмъ, если вѣрить „Политіи“, 100 избранныхъ (catalogeis) составили списокъ 5000, а эти послѣдніе изъ своей среды въ свою очередь избрали сто человѣкъ, которые и должны были выработать проектъ государственнаго устройства. Эта коммиссія ста составила и внесла два проекта: одинъ—будущей конституціи, постоянной, другой—временной.

По проекту конституціи постоянной, предназначавшейся для будущаго, членами совѣта ежегодно являются лица, имѣющія отъ роду болѣе 30 лѣтъ, безъ жалованья. Изъ гражданъ указаннаго возраста составляется четыре совѣта [2]) или секціи, смѣны, изъ коихъ каждая засѣдаетъ въ теченіе года, причемъ сто выборныхъ должны распредѣлить себя и другихъ по жребію на 4 какъ можно болѣе равныя части. Очередь, въ которой слѣдуютъ секціи, опредѣляется жребіемъ. Члены совѣта должны заботиться относительно денегъ, чтобы онѣ были цѣлы и тратились на необходимое, и о прочемъ, какъ можно лучше. Если бы они пожелали посовѣтоваться съ бо̀льшимъ числомъ гражданъ, то каждый можетъ пригласить кого угодно изъ лицъ того самаго возраста. Засѣданія совѣта должны происходить каждые 5 дней, если не понадобится чаще. Совѣтъ созываютъ 9 архонтовъ. Пятеро избранныхъ посредствомъ жребія изъ состава совѣта считаютъ голоса, и изъ нихъ ежедневно избирается по жребію одинъ (предсѣдатель), который долженъ пускать рѣшенія на голоса. Эти же пятеро бросаютъ жребій между желающими получить доступъ въ совѣтъ,—постановленіе, вполнѣ

[1]) Busolt, III, 2, 1480—1.

[2]) Подобные „четыре совѣта“ существовали у беотійцевъ, въ каждомъ городѣ. См. недавно открытый отрывокъ, приписываемый Θеопомпу. Grenfell and Hunt, The Oxyrhynchus Papyri Lond. V (1908).

понятное, если вспомнить, какъ совѣтъ пятисотъ былъ обремененъ дѣлами и какъ долго приходилось нѣкоторымъ дожидать доступа—, причемъ однако прежде всего должны обсуждаться дѣла, касающіяся богослуженія, во-вторыхъ шли глашатаи, въ третьихъ—посольства, въ четвертыхъ—всѣ остальные. Что же касается дѣлъ военныхъ, то стратеги вносятъ ихъ на обсужденіе когда нужно, безъ жребія, т. е. внѣ очереди. Кто изъ членовъ совѣта не пойдетъ въ булевтерій въ назначенный день, тотъ подлежитъ штрафу въ 1 драхму за каждый пропущенный день, если не получитъ отпуска. Далѣе перечисляются должностныя лица, которыя избираются изъ членовъ засѣдающаго совѣта, изъ предварительно избранныхъ въ бо́льшемъ числѣ кандидатовъ; всѣ же прочія власти назначаются по жребію и не изъ состава совѣта. Къ первой категоріи отнесены стратеги, архонты, казначеи и другія важнѣйшія должностныя лица (гл. 30).

Такова была конституція, имѣвшаяся въ виду въ будущемъ. Мы видимъ, между прочимъ, что ею измѣняется постановленіе 30 „синграфеевъ“, удержавшихъ жалованье для притановъ,— послѣдовательно проведенъ принципъ, что служба государству не оплачивается; съ другой стороны, вводится даже штрафъ за пропускъ засѣданій совѣта. Конституціею этою устанавливается тѣсная связь между совѣтомъ и должностными лицами. Народнаго собранія она не знаетъ: она создавала правительственный органъ, который представлялъ собою и народъ, и совѣтъ, и вмѣщалъ въ себѣ важнѣйшихъ должностныхъ лицъ, но органъ многочисленный и громоздкій. Въ ней опять проглядываетъ забота о денежныхъ средствахъ, опасеніе, чтобы не было ненужныхъ тратъ.

Что касается проекта провизорной конституціи, предназначенной для даннаго момента, то онъ состоялъ въ слѣдующемъ.

Долженъ быть совѣтъ изъ четырехсотъ, по старинѣ (т. е. какъ и при Солонѣ), по 40 человѣкъ отъ каждой филы, изъ предварительно избранныхъ филетами кандидатовъ старше 30 лѣтъ. Эти четыреста должны назначить должностныхъ лицъ, составить формулу присяги, которую слѣдуетъ принести, и дѣйствовать относительно законовъ, отчетовъ и всего прочаго, какъ сочтутъ полезнымъ. Но законы, которые будутъ изданы касательно государственнаго строя, они должны соблюдать и

не могутъ ни измѣнить ихъ, ни издавать другихъ. Выборъ стратеговъ на этотъ разъ произвести изъ всѣхъ 5000: совѣтъ, когда составится, произведетъ смотръ войскамъ и изберетъ 10 человѣкъ и къ нимъ секретаря. Эти избранныя лица пользуются въ наступающемъ году неограниченною властью и, если понадобится, совѣщаются съ совѣтомъ... На будущее же время совѣтъ долженъ избирать ихъ согласно предписанному (постоянною конституціею). Кромѣ членовъ совѣта и стратеговъ, прочія должностныя лица ни теперь, ни потомъ не могутъ занимать одну и ту же должность больше одного раза. На остальное время, „чтобы Четыреста были раздѣлены на четыре секціи, когда придется горожанамъ составить совѣтъ вмѣстѣ съ другими“, ихъ должны раздѣлить 100 коммиссаровъ. (гл. 31).

Такимъ образомъ этою временною конституціею устанавливалось правленіе Четырехсотъ.

Изъ двухъ конституцій, постоянной и временной, вторая была болѣе олигархическая. По первой, въ составъ совѣта въ четыре очереди входятъ 5000, за исключеніемъ лицъ моложе 30 лѣтъ. Этотъ совѣтъ, слѣдовательно, гораздо многочисленнѣе, нежели совѣтъ 400: онъ долженъ былъ состоять приблизительно изъ 1000 человѣкъ [1]), къ которымъ, въ случаѣ надобности, могло быть присоединено еще столько-же. Конституція же провизорная устанавливала совѣтъ всего изъ 400 членовъ, причемъ права и власть его были чрезвычайно обширны: онъ не могъ измѣнять только законовъ, касающихся политическаго строя, которыхъ впрочемъ ему и незачѣмъ было измѣнять, такъ какъ эта конституція была для него выгодна и не могла его стѣснять. Во всемъ остальномъ онъ былъ вполнѣ господиномъ положенія. Онъ избиралъ должностныхъ лицъ, которыя предъ нимъ же подлежали и отчету. О 5000 упоминается лишь мелькомъ, по поводу избранія стратеговъ, да еще неясный намекъ на нихъ можно видѣть въ заключительномъ пунктѣ. Ихъ роль была неопредѣленна, неясна. Словомъ, эта конституція устанавливала въ Аѳинахъ настоящую олигархію; она-то и являлась осуществленіемъ завѣтныхъ стремленій и плановъ враговъ демократіи. Проектъ постоянной конституціи долженъ

[1]) 5000 дѣлились на 4 секціи; слѣдовательно, на каждую приходилось 1250 человѣкъ, но изъ нихъ нужно исключить лицъ моложе 30 лѣтъ.

былъ нѣсколько успокоить умѣренныхъ и примирить ихъ съ олигархіей Четырехсотъ, какъ мѣрой лишь временной. Но въ интересахъ олигарховъ было, чтобы этотъ временный порядокъ вещей просуществовалъ какъ можно долѣе и чтобы какъ можно больше отдалить моментъ, когда должна была вступить въ силу конституція постоянная. И мы видимъ, что срокъ существованія временнаго порядка не былъ опредѣленъ въ точности, срокъ власти членовъ совѣта 400 — тоже. Только заключительный пунктъ говорилъ, какъ-то глухо и неопредѣленно, о томъ времени, когда „горожанамъ и остальнымъ“ придется быть въ совѣтѣ и когда Четыреста будутъ распредѣлены на 4 секціи. Быть можетъ, этотъ пунктъ имѣлъ въ виду тѣхъ аѳинянъ, которые находились у Самоса и которыхъ надо было склонить къ признанію переворота. Отмѣтимъ наконецъ, что ни проектъ постоянной, ни проектъ временной конституціи ни слова не говоритъ не только о геліэѣ, но и объ ареопагѣ.

Собраніе [1]) утвердило проекты ста. Но постоянная конституція никогда не была осуществлена: она осталась лишь на бумагѣ и интересна, какъ одинъ изъ образцовъ тогдашнихъ многочисленныхъ проектовъ въ олигархическомъ духѣ. Зато владычество Четырехсотъ въ Аѳинахъ, хотя и эфемерное, стало фактомъ. Прежній совѣтъ пятисотъ былъ распущенъ раньше срока за мѣсяцъ, а чрезъ 8 дней Четыреста вступили въ должность [2]) (іюнь 411 г.).

Такъ, по Аристотелю, почти черезъ сто лѣтъ послѣ изгнанія тирановъ, ниспровергнута была въ Аѳинахъ демократія и установлена олигархія. Иначе передаетъ объ этомъ переворотѣ Ѳукидидъ (VIII, 67 сл.). По его словамъ, въ народномъ собраніи, по предложенію Писандра и его товарищей, для составленія проекта наилучшаго управленія было избрано 10 „синграфеевъ“ (а не 30), причемъ онъ ихъ называетъ „автократорами“, „полномочными“, вѣроятно въ томъ смыслѣ, что они могли не стѣсняться существующими законами и внести свои предложенія непосредственно въ народное собраніе, минуя совѣтъ. Свое

[1]) У Аристотеля сказано: „масса“ (гл 32). Спорный вопросъ, разумѣется ли здѣсь народное собраніе изъ всѣхъ аѳинянъ или только 5000, за которыми остались политическія права.

[2]) Аристотель отмѣчаетъ даже числа — 14-го и 22-го ѳаргеліона.

мнѣніе они должны были представить къ назначенному дню, и когда этотъ день наступилъ, народное собраніе созвано было за городомъ, въ Колонѣ (можетъ быть, для того, чтобы оно не было многолюдно и чтобы, въ виду опасности со стороны Декелеи, на него легче было оказать давленіе и терроризировать). По Ѳукидиду, „синграфеи“ внесли только одно предложеніе, именно: предоставить каждому аѳинянину право предлагать что̀ угодно и запретить „обвиненіе въ противозаконіи“ (graphē paranomōn) подъ страхомъ строгихъ наказаній, — и „ничего больше“. Вслѣдъ затѣмъ уже открыто предложено было упразднить существующія должности, отмѣнить жалованье, избрать 400, которые будутъ править „полномочно“ („автократоровъ“), „какъ признаютъ лучше“, и созывать 5000 по своему усмотрѣнію, „когда сочтутъ нужнымъ“, и это предложеніе, по словамъ Ѳукидида, внесъ Писандръ. Самый способъ избранія Четырехсотъ, по Ѳукидиду, былъ таковъ: избиралось 5 „проэдровъ“; они должны были избрать 100 человѣкъ, изъ коихъ каждый выбиралъ себѣ еще троихъ [1]). Наконецъ, судя по изложенію Аристотеля, списокъ 5000 былъ составленъ и эти 5000 существовали на дѣлѣ; по Ѳукидиду же, въ дѣйствительности ихъ не было [2]).

Вступленіе Четырехсотъ въ управленіе Ѳукидидъ представляетъ такъ (VIII, 69). Послѣ того, какъ народное собраніе, утвердивъ упомянутое выше предложеніе Писандра безъ всякихъ возраженій, было распущено, аѳинянъ, не посвященныхъ въ заговоръ, отпустили на ихъ посты, для охраны стѣнъ—въ виду непріятеля въ Декелеѣ—, а участникамъ приказано ждать въ опредѣленномъ мѣстѣ на случай сопротивленія. Затѣмъ Четыреста, каждый со скрытымъ кинжаломъ, въ сопровожденіи отряда юношей, являются въ булевтерій, заставляютъ удалиться прежній совѣтъ пятисотъ, вручивъ его членамъ жалованье за оставшееся— до конца года—время, и тотчасъ вступаютъ въ должность.

[1]) Прямого противорѣчія здѣсь съ свидѣтельствомъ Аристотеля можетъ и не быть, если принять, что у Аристотеля говорится объ избраніи кандидатовъ по филамъ, какъ о предварительномъ, а у Ѳукидида рѣчь идетъ объ окончательномъ выборѣ.

[2]) Впрочемъ, и въ „Политіи“ въ одномъ мѣстѣ (гл. 32) о нихъ говорится, что они „были избраны только на словахъ“.

Вполнѣ согласовать сообщенія Θукидида и Аристотеля едва-ли возможно безъ крайнихъ натяжекъ [1]). Мы не будемъ останавливаться на подробностяхъ [2]) и отмѣтимъ лишь различіе въ самомъ характерѣ извѣстій того и другого. У Аристотеля враги демократіи идутъ къ своей главной цѣли, къ установленію олигархіи Четырехсотъ, не сразу, а постепенно, шагъ за шагомъ, въ нѣсколько пріемовъ: у него переворотъ имѣетъ затяжной характеръ, какъ-бы легальный видъ, обставленъ болѣе или менѣе законными формами. У Θукидида же событія идутъ быстрымъ темпомъ; насильственный, революціонный характеръ переворота обрисованъ ярче. Аристотель приводитъ документальныя данныя, псефизмы, хотя бы и изъ вторыхъ рукъ, и мы не можемъ отвергать подобнаго свидѣтельства. Но документы иногда облекаютъ въ законныя, приличныя формы то, что было результатомъ насилій и правонарушеній; они не все говорятъ; въ нихъ мы имѣемъ нерѣдко лишь казовую, оффиціальную сторону [3]). „Что происходитъ въ дѣйствительности въ такія времена“, какъ моментъ переворота 411 г., „не исчерпывается тѣмъ, что попадаетъ въ акты“, говоритъ Виламовицъ (I, 107). И едва-ли дѣло шло такъ гладко, какъ выходитъ это по Аристотелю. Выборы были, по всей вѣроятности, только формой; рѣшали все и намѣчали кандидатовъ руководители переворота, члены гетерій [4]), а истинными двигателями были подчасъ не тѣ, кто выступалъ открыто.

Какъ бы то ни было, суть переворота 411 г. заключалась въ установленіи олигархическаго совѣта Четырехсотъ. Если 5000 даже и были намѣчены или списокъ ихъ составленъ,

---

[1]) Нѣкоторыя данныя имѣются еще въ рѣчи за Полистрата, приписываемой Лисію. Полистратъ былъ однимъ изъ 100 „составителей списка“ (katalogeus) 5000.

[2]) См. литературу, указанную на стр. 333.

[3]) E. Meyer, Forschungen, II, 422—3.

[4]) Возможно напр., что заговорщики объявили, что присутствовавшій въ собраніи народъ и представляетъ собою Пять тысячъ; Сто человѣкъ, которые должны были составить списокъ Пяти тысячъ, были выбраны тутъ же, а въ протоколъ записано, что Пять тысячъ избрали этихъ сто человѣкъ. Θ. Θ. Соколовъ, Въ области древней исторіи (Ж М. Н. Пр., 1897, мартъ, стр. 101). Члены совѣта Четырехсотъ, вѣроятно, заранѣе намѣчены были въ гетеріяхъ.

они потомъ были совершенно оттѣснены Четырьмястами, не созывались и фактически не имѣли никакого значенія; Четыреста, по выраженію Аристотеля, все сами дѣлали и ничего не предоставляли на рѣшеніе 5000 (гл. 33).

Мы видѣли, что даже нѣкоторые честные патріоты, искренніе демократы не видѣли другого исхода, и дѣло заговора, заправляемое многими и притомъ даровитыми людьми, не могло не имѣть успѣха, говоритъ Θукидидъ. Явное и самое ревностное участіе въ немъ принималъ Писандръ, затѣмъ Фринихъ, который послѣ того, какъ мысль о возвращеніи Алкивіада была оставлена олигархами, рѣшительно примкнулъ къ нимъ. Вдохновителемъ же и душою переворота, главнымъ его руководителемъ, составившимъ планъ, лицомъ, которому олигархи больше всего обязаны успѣхомъ предпріятія, былъ ораторъ Антифонтъ, въ то время уже семидесятилѣтній старикъ, по отзыву Θукидида никому изъ современниковъ не уступавшій въ личной нравственности, сильный умомъ и прекрасно владѣвшій словомъ. Предъ народомъ или на судѣ онъ добровольно не выступалъ, такъ какъ народъ относился къ нему подозрительно вслѣдствіе славы его краснорѣчія, но тому, кто имѣлъ дѣло въ судѣ или въ народномъ собраніи, онъ больше всякаго другого въ состояніи былъ помочь. По низверженіи олигархіи Четырехсотъ Антифонтъ произнесъ въ свою защиту рѣчь „лучшую, какая только мнѣ извѣстна“, говоритъ Θукидидъ. Это — „теоретикъ олигархіи“ (Э. Мейеръ). Антифонтъ, Писандръ, Фринихъ и нѣкоторые другіе являлись крайними олигархами, радикалами въ этомъ направленіи. Но были среди Четырехсотъ и болѣе умѣренные. Между ними выдавался Θераменъ, о которомъ еще придется подробнѣе говорить, сынъ пробула Гагнона, ученикъ софиста Продика, человѣкъ тоже „сильный словомъ и умомъ“, по отзыву Θукидида. Сравнительная умѣренность не мѣшала однако Θерамену быть „въ числѣ первыхъ при низверженіи демократіи“.

Но все-же созданіе олигарховъ оказалось эфемернымъ, не имѣющимъ почвы. Владычество Четырехсотъ не продержалось и четырехъ мѣсяцевъ.

Они начали съ того, что, вступивъ въ совѣтъ, булевтерій, избрали по жребію притановъ изъ своей среды, выбрали стратеговъ и многое измѣнили въ демократическомъ строѣ, но

изгнанныхъ во времена демократіи не возвратили, чтобы не возвращать Алкивіада. Государствомъ они правили посредствомъ насилія; нѣсколькихъ неудобныхъ для нихъ лицъ умертвили, другихъ заточили или сослали. Аѳиняне нуждались въ мирѣ, и надежда на то, что олигархія скорѣе всего можетъ дать его, немало способствовала успѣху переворота. Но эта надежда не оправдалась. Олигархи, правда, обратились съ мирными предложеніями сначала къ спартанскому царю Агису, находившемуся въ Декелеѣ, а когда тотъ, не вѣря, чтобы „народъ такъ скоро отказался отъ древней свободы“, отнесся отрицательно къ этимъ предложеніямъ и даже подступилъ было съ войскомъ къ Аѳинамъ, они отправили посольство въ Спарту. Однако и здѣсь мира они не достигли: по словамъ Аристотеля (гл. 32), лакедемоняне требовали, чтобы аѳиняне отказались отъ господства на морѣ. Открыто согласиться на это не могли даже олигархи.

Еще бо̀льшимъ ударомъ для олигарховъ было то, что̀ произошло у Самоса. Замышлявшійся въ средѣ самосцевъ олихархическій заговоръ не удался; дѣло ограничилось политическимъ убійствомъ, жертвой котораго сдѣлался аѳинскій демагогъ Гиперболъ, преданный, какъ мы видѣли (стр. 312), остракизму и жившій на Самосѣ. Съ помощью аѳинскаго войска самосскіе демократы побѣдили, а когда до этого войска дошли вѣсти о переворотѣ въ Аѳинахъ, то оно не признало его: оно взволновалось, низложило стратеговъ и подозрительныхъ тріэрарховъ, избрало на ихъ мѣсто другихъ и обязало себя торжественной клятвой оставаться вѣрнымъ демократіи, держаться единодушно, продолжать войну, считать 400 за враговъ и не сноситься съ ними. Клятву эту вынуждены были дать и бывшіе въ войскѣ олигархи. Войско и флотъ у Самоса смотрѣли на себя какъ на истинныя Аѳины, какъ на защитниковъ законнаго строя. Душою этого и главными дѣятелями тутъ были тріэрархъ Ѳрасибулъ и гоплитъ Ѳрасиллъ, избранные въ число стратеговъ на мѣсто низложенныхъ. По предложенію Ѳрасибула былъ призванъ Алкивіадъ. Провозглашенный стратегомъ, онъ сталъ во главѣ войска и поднялъ его духъ. Посламъ отъ Четырехсотъ, явившимся съ увѣреніемъ, что переворотъ совершенъ на пользу государства и что участіе въ дѣлахъ принадлежитъ 5000, а въ бо̀льшемъ числѣ аѳиняне никогда и не собирались вслѣдствіе

походовъ и занятій за предѣлами Атики,—Алкивіадъ объявилъ, что онъ правленію 5000 не противится, но 400 надо удалить, возстановить совѣтъ пятисотъ, держаться твердо и продолжать войну. Войско порывалось идти прямо на Пирей и Аѳины для низверженія олигархіи; но Алкивіадъ рѣшительно возсталъ противъ такого похода, и Ѳукидидъ признаетъ это первою величайшею заслугою его (VIII, 86), такъ какъ только одинъ Алкивіадъ въ состояніи былъ удержать войско и такъ какъ походъ на Пирей повелъ бы за собою утрату Іоніи, Геллеспонта, Босфора.

Одновременно съ олигархическимъ переворотомъ въ Аѳинахъ низвергалась демократія и въ союзныхъ городахъ и вводилась олигархія. Это былъ полный разрывъ съ политикой прошлаго [1]), такъ какъ до сихъ поръ Аѳины видѣли главную свою опору въ демократахъ. Но сбылись предсказанія Фриниха (стр. 331): города, освобожденные отъ демократіи, вовсе не обнаруживали желанія подчиняться Аѳинамъ; такъ отпалъ Ѳасосъ, а затѣмъ отложились Византія, Халкедонъ, Кизикъ и другъ.

Внутри государства, въ Аѳинахъ, господствовали насиліе и произволъ. Въ средѣ самихъ олигарховъ не было согласія. По словамъ Ѳукидида, у нихъ обнаруживались стремленія, отъ которыхъ большею частью гибнетъ олигархія, возникшая изъ демократіи: большинство руководилось личнымъ честолюбіемъ; каждый жаждалъ первенства, власти. Болѣе умѣренные среди Четырехсотъ, съ Ѳераменомъ и Аристократомъ во главѣ, вступили въ оппозицію къ крайнимъ. Они требовали болѣе равномѣрнаго распредѣленія политическихъ правъ и установленія правленія 5000 на дѣлѣ, а не на словахъ. Неудача въ мирныхъ переговорахъ со Спартой, отпаденіе городовъ, а главное—непризнаніе переворота войскомъ у Самоса, все это должно было поколебать положеніе олигарховъ. Населеніе имъ недовѣряло и относилось подозрительно къ ихъ дѣйствіямъ. Когда олигархи стали укрѣплять Эетіонею, — косу, господствовавшую надъ входомъ въ Пирейскую гавань,—ихъ заподозрѣли въ тайномъ соглашеніи съ Спартой, въ намѣреніи впустить непріятельскій флотъ въ гавань и предать Пирей и самый городъ Аѳины лаке-

[1]) Busolt, III, 2, 1473—4.

демонянамъ. Недовольные собирались въ кружки; шли толки о дѣйствіяхъ крайнихъ олигарховъ; особенно агитировалъ Ѳерименъ; и въ этихъ подозрѣніяхъ и толкахъ, по мнѣнію Ѳукидида, была доля правды; они не были только клеветой: крайніе олигархи желали удержать за собою власть во что бы то ни стало, какою бы то ни было цѣною. Ихъ противники стали смѣлѣе послѣ того, какъ Фринихъ среди дня былъ убитъ близъ булевтерія. А когда пелопоннесскій флотъ появился у Эгины и Эпидавра, работавшіе надъ Эстіонейскою стѣною гоплиты возмутились, арестовали одного изъ стратеговъ, преданнаго олигархамъ, и принялись разрушать эту стѣну, призывая къ тому же всѣхъ, кто желаетъ правленія 5000 вмѣсто Четырехсотъ: желавшіе возстановленія демократіи, замѣчаетъ Ѳукидидъ, прикрывались именемъ 5000, такъ какъ не рѣшались еще открыто говорить о демократіи. Гоплиты двинулись было на городъ противъ Четырехсотъ; едва удалось предотвратить столкновеніе. Четыреста обѣщали обнародовать списокъ 5000, передать имъ правленіе и выбрать изъ ихъ среды Четыреста. Но когда въ назначенный день созвано было народное собраніе и въ то же время у Саламина показался пелопоннесскій флотъ и направился къ Евбеѣ, то аѳиняне второпяхъ сѣли на суда и послѣдовали за нимъ. Произошла битва, въ которой они потерпѣли пораженіе. Евбея, за исключеніемъ только одной клерухіи, отпала отъ Аѳинъ. Это поразило аѳинянъ сильнѣе, чѣмъ даже сицилійская катастрофа, такъ какъ Евбея, по выраженію Ѳукидида (VIII, 95 — 96), была тогда для нихъ все: изъ нея послѣ занятія Декелеи спартанцами (стр. 324), они получали больше выгоды, чѣмъ изъ Аттики. Притомъ ждали, что непріятельскій флотъ пойдетъ прямо на Пирей. Подъ впечатлѣніемъ этого собирается народъ и низлагаетъ 400. Постановлено было передать дѣла Пяти тысячамъ, къ которымъ причислялись *всѣ, кто имѣлъ вооруженіе*; никто не долженъ былъ получать плату ни за какую службу; за нарушеніе этого грозило проклятіе [1]). Потомъ, говоритъ Ѳукидидъ, часто еще происходили народныя собранія, въ которыхъ избраны были

[1]) Совѣтъ, вѣроятно, избранъ былъ не жребіемъ, а голосованіемъ, ибо новый совѣтъ 410 г. обозначается, какъ избранный по жребію,—повидимому въ противовѣсъ предыдущему. E. Meyer, IV, 599—600.

„законодатели“, номоѳеты, для выработки конституціи и сдѣланы постановленія относительно государственнаго строя. Но подробности намъ неизвѣстны.

Эту форму правленія Ѳукидидъ (VIII, 97) считаетъ лучшею изъ бывшихъ въ его время; онъ видитъ въ ней умѣренное смѣшеніе началъ олигархическихъ и демократическихъ; она, по его словамъ, вывела государство изъ тяжелаго положенія. Аристотель раздѣляетъ это мнѣніе, говоря, что тогда аѳиняне хорошо управлялись, „ибо велась война и политическія права принадлежали вооруженнымъ“ (гл. 33), т.-е. тѣмъ, на кого падало главное бремя войны. Рѣшено было изгнаніе Алкивіада отмѣнить; онъ признанъ стратегомъ; къ нему и къ войску у Самоса отправлено посольство съ предложеніемъ принять участіе въ дѣлахъ.

Противъ крайнихъ олигарховъ и ихъ сторонниковъ начался рядъ процессовъ. Антифонтъ, обвиненный въ измѣнѣ, казненъ, несмотря на его защитительную рѣчь, которую такъ хвалитъ Ѳукидидъ (стр. 341). Надъ умершимъ отъ руки убійцы Фринихомъ устроенъ судъ; Фринихъ признанъ виновнымъ тоже въ измѣнѣ; его имущество конфисковано, домъ срытъ, прахъ выкопанъ и выброшенъ за предѣлы Аттики, а его убійца, какъ благодѣтель народа, награжденъ вѣнкомъ; ему даровано право гражданства [1]). Писандръ и нѣкоторые другіе изъ наиболѣе причастныхъ къ олигархіи бѣжали въ Декелею, къ спартанцамъ.

Послѣдніе годы Пелопоннесской войны.

Умѣренная демократія „Пяти тысячъ“, установленная въ Аѳинахъ по низверженіи олигархіи Четырехсотъ, была строемъ преимущественно средняго, состоятельнаго класса; неимущая или мало состоятельная масса, привыкшая участвовать въ народномъ собраніи, судѣ, управленіи государствомъ, и получать жалованье, „діэты“, теперь лишена была и того, и другого. Это было для нея крайне тяжело, въ особенности лишеніе

[1]) Постановленіе въ честь этого убійцы дошло до насъ въ видѣ надписи. C. I. A. (= I. G.), I, 59; Dittenberger, Sylloge, I², 50.

діэтовъ, безъ которыхъ она не могла обходиться. Неудивительно, что демократія „Пяти тысячъ“ существовала недолго: при первыхъ же крупныхъ успѣхахъ аѳинянъ на морѣ она должна была уступить мѣсто прежней, неограниченной демократіи.

Спартанскій навархъ (адмиралъ) Миндаръ перенесъ военныя дѣйствія въ Геллеспонтъ. Аѳиняне послѣдовали за нимъ и одержали побѣду сначала нерѣшительную при Киноссемѣ [1]), а потомъ, при содѣйствіи Алкивіада, болѣе рѣшительную при Абидосѣ (411 г.). На слѣдующій годъ (410 г.) Алкивіадъ нанесъ еще болѣе тяжкое пораженіе пелопоннесцамъ при Кизикѣ; Миндаръ палъ и почти весь непріятельскій флотъ достался аѳинянамъ. Такимъ образомъ Алкивіадъ далъ иной оборотъ войнѣ: побѣда снова склонилась на сторону Аѳинъ; спартанскій флотъ на время былъ уничтоженъ; владычество аѳинянъ на морѣ, казалось, возстановлено. На берегу Босфора, у Хрисополя (Скутари), Алкивіадъ устанавливаетъ родъ таможни и взимаетъ съ проходящихъ чрезъ проливъ судовъ пошлину въ размѣрѣ одной десятой и этимъ пополняетъ скудныя средства аѳинянъ. По сравненію съ такими успѣхами утрата Пилоса и Нисеи, произошедшая около этого времени, не имѣла значенія.

Послѣдствіемъ побѣды при Кизикѣ было возстановленіе полной демократіи въ Аѳинахъ. Всѣ аѳиняне, въ томъ числѣ и неимущіе, получили опять политическія права; вновь введено жалованье; прежняя коммиссія „законодателей“, „номоѳетовъ“, замѣнена новой, которой поручено составить проекты законовъ. Кромѣ того, всѣ дѣйствующія постановленія публичнаго, частнаго и сакральнаго права должны были быть собраны и записаны [2]). Но работа эта затянулась надолго. Повидимому, къ тому времени относится и ограниченіе компетенціи совѣта пятисотъ, лишившагося права собственною властью налагать денежные штрафы свыше 500 драхмъ, заключать въ тюрьму и казнить, а также судить большую часть должностныхъ лицъ

[1]) Для дальнѣйшаго главный источникъ—„Греческая исторія“ (Hellenica) Ксенофонта.

[2]) Къ этому времени относится и та копія Драконовыхъ законовъ, которая въ обрывкахъ дошла до насъ. См. выше, стр. 40

(ср стр. 133). Установленъ былъ новый порядокъ засѣданій совѣта; члены послѣдняго должны были занимать мѣста по жребію, вѣроятно для того, чтобы единомышленники не садились рядомъ, сплоченными группами, и не такъ могли вліять или запугивать другихъ [1]). По предложенію Демофанта, постановлено было, что кто низвергнетъ демократію въ Аѳинахъ или приметъ какую-либо должность по низверженіи демократіи, тотъ будетъ врагомъ аѳинянъ и убитъ безнаказанно, его имущество конфисковано и десятая часть этого имущества посвящена богинѣ (Аѳинѣ). Всѣ аѳиняне, по филамъ и демамъ, должны дать торжественную клятву „надъ совершенными жертвами“: убить „и словомъ, и дѣломъ, и голосованьемъ и, если можно, собственною рукою“ того, кто низвергнетъ демократію въ Аѳинахъ или по низверженіи ея займетъ какую-нибудь должность или если кто-либо возстанетъ, чтобы стать тиранномъ, или будетъ содѣйствовать тиранну; убившаго такового признавать чистымъ предъ богами, какъ убійцу врага аѳинянъ, и ему отдать половину имущества убитаго; кто погибнетъ при умерщвленіи виновнаго въ упомянутыхъ преступленіяхъ, тому и его дѣтямъ оказывать почести, какія оказываются Гармодію и Аристогитону и ихъ потомкамъ. Такова была „псефизма Демофанта“ [2]), имѣвшая въ виду охранить демократію отъ посягательствъ на нее. Противъ членовъ совѣта Четырехсотъ и бывшихъ ихъ сторонниковъ начались преслѣдованія и процессы; многіе присуждены были къ большимъ денежнымъ штрафамъ, изгнанію, лишенію гражданскихъ правъ, или атиміи. Подвергся изгнанію и Критій, не смотря на то, что онъ энергично выступалъ противъ низвергнутыхъ олигарховъ. Тѣ изъ войска, которые до конца оставались вѣрными олигархіи, подверглись частной атиміи: они лишены права быть избираемыми въ совѣтъ и дѣлать предложенія въ народномъ собраніи. Для дѣятельности сикофантовъ открылось широкое поле. Они не замедлили воспользоваться удобнымъ случаемъ; нерѣдко виновныхъ отпускали за деньги, а кто не платилъ, того преслѣдовали. Внутреннему миру это, конечно,

[1]) Busolt, III, 2, 1540.

[2]) Приведена въ рѣчи Андокида о мистеріяхъ, 96—98.

не содѣйствовало и, напротивъ, многихъ возстановляло противъ демократіи.

Но съ замѣной умѣренной демократіи неограниченною не только возобновлена прежняя система денежнаго вознагражденія: введена была еще новая раздача—„двухъ оболовъ“, такъ называемая „діобелія“, которую одно время смѣшивали съ θеорикономъ, но которую нужно отличать отъ него [1]): θеориконъ—собственно зрѣлищныя деньги въ праздники; діобелія же—чуть не ежедневная раздача, своего рода пособіе или „государственная пенсія“, какъ называетъ ее Виламовицъ. По свидѣтельству Аристотеля („Аθ. пол.“, гл. 28), впервые ввелъ ее Клеофонтъ, въ то время наиболѣе вліятельный демагогъ, вождь радикальной партіи. Это—прямой преемникъ Клеона, Гипербола, Андрокла, по профессіи „дѣлатель лиръ“, человѣкъ незнатнаго происхожденія, безъ образованія, съ пріемами террориста, „настоящій якобинецъ“, по выраженію нѣкоторыхъ новѣйшихъ историковъ [2]). Комики, по обыкновенію, обвиняютъ его въ хищеніяхъ, но Клеофонтъ не оставилъ послѣ себя состоянія и несомнѣнно былъ искреннимъ, хотя и ограниченнымъ, демократомъ. То было тяжелое время: аѳинскіе бѣдняки сидѣли какъ-бы въ осажденномъ городѣ, поля не обрабатывались, торговля и ремесла пали; особенно тяжело было положеніе стариковъ, женщинъ, дѣтей, всѣхъ тѣхъ, кто не могъ носить оружія, служить въ войскѣ и флотѣ и получать жалованье, кто въ Аѳинахъ охранялъ стѣны [3]). Посредствомъ діобеліи государство приходило на помощь нуждающейся массѣ. Завѣдываніе этою раздачею поручалось коммиссіи, во главѣ которой стоялъ обыкновенно какой-либо демагогъ. Въ счетахъ, относящихся къ 410/9 г., уже упоминается о неоднократныхъ выдачахъ въ теченіе этого года изъ казны богини Аѳины „на діобелію“, причемъ, напр., въ одинъ и тотъ же день выдается на содержаніе конницы 4 таланта и на діобелію — 1 талантъ 1232 драхмы $3^1/_2$ обола; всего на послѣднюю въ 410/9 г. выдано почти 17 тал.; самая большая изъ извѣст-

[1]) Wilamowizt, II, 213; ст. г. Розова въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1893, май.

[2]) Напр. Бузольта и Пельмана.

[3]) Wilamowitz, II, 214.

ныхъ намъ выдачъ за одну пританію—болѣе 8 тал.; слѣдовательно, тогда получали діобелію ежедневно приблизительно 4000 гражданъ [1]). Въ 407/6 г. въ теченіе одной только пританіи болѣе 10 разъ происходила выдача „на діобелію", иногда даже по два раза въ день и такими суммами, которыя подчасъ поражаютъ своею незначительностью, напр. 2 (по другому чтенію—12) др., 6 др. 3½ обола. Очевидно, всякая капля, поступавшая въ казну, тотчасъ уходила на діобелію (Виламовицъ). Понятно, что эта новая раздача истощала еще болѣе финансовыя средства аѳинянъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ, по предложенію нѣкоего Калликрата, къ 2 оболамъ прибавленъ былъ еще одинъ оболъ. Но діобелія, даже и въ увеличенномъ размѣрѣ, въ сущности мало помогала: по поводу подобныхъ денежныхъ раздачъ Аристотель замѣчаетъ, что это все равно, что лить воду въ бездонную бочку. Государство приходило на помощь населенію еще и другимъ способомъ: оно возобновило постройки, въ особенности Эрехѳейона. Какъ показываютъ обрывки сохранившихся въ видѣ надписей счетовъ, плата за работу шла главнымъ образомъ художникамъ и ремесленникамъ изъ метэковъ, а затѣмъ рабочимъ изъ свободныхъ гражданъ и рабовъ [2]).

Послѣ пораженія при Кизикѣ спартанцы предлагали заключить миръ на условіи, чтобы за обѣими сторонами осталось то, чѣмъ онѣ владѣютъ. Но крайняя демократическая партія въ Аѳинахъ, съ Клеофонтомъ во главѣ, въ надеждѣ на дальнѣйшіе успѣхи, не хотѣла и думать о мирѣ на такихъ условіяхъ. Война продолжалась. Алкивіадъ беретъ Селимбрію, осаждаетъ и принуждаетъ къ сдачѣ Византію. Такимъ образомъ проливы были теперь въ рукахъ аѳинянъ. Насталъ моментъ, когда Алкивіадъ рѣшается отправиться въ Аѳины Онъ является сюда (408 г.) какъ тріумфаторъ, со 100 тал. денегъ, съ богатой добычей и трофеями, въ числѣ которыхъ были захваченные непріятельскіе корабли [3]). Народъ толпами устремился въ Пирей, на встрѣчу побѣдителю. Отношеніе къ Алки-

[1]) Busolt, III, 2, 1544, прим.

[2]) E. Meyer, IV, 613.

[3]) Кромѣ Ксенофонта—Плутархъ въ біографіи Алкивіада, гл. 33—34, и Діодоръ Сицилійскій, XIII, 68 сл.

віаду, повидимому, совершенно измѣнилось. Враги его должны были на время смолкнуть. Казалось, говоритъ одинъ изъ нашихъ источниковъ, это былъ другой городъ, не тотъ, который его изгналъ: съ такимъ восторгомъ встрѣчали Алкивіада. Побѣды флота представлялись дѣломъ его одного; его личность всѣхъ затмила. Въ совѣтѣ и въ народномъ собраніи Алкивіадъ выступилъ со своими оправданіями. Никто не возражалъ... Произнесенное надъ нимъ проклятіе въ торжественной формѣ было взято назадъ, столбы съ приговоромъ постановлено бросить въ море, въ замѣнъ конфискованнаго имущества Алкивіадъ вознагражденъ почетными дарами. Ему поручено высшее командованіе на сушѣ и на морѣ и онъ облеченъ неограниченными полномочіями во всемъ. Обаяніе Алкивіада еще болѣе усилилось, когда во время Элевсинскихъ празднествъ, благодаря его мѣрамъ, въ Элевсинъ могла отправиться процессія по священной дорогѣ, а до тѣхъ поръ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, со времени занятія спартанцами Декелеи, въ виду опасности со стороны непріятеля, процессія отправлялась моремъ, на судахъ, безъ обычныхъ церемоній. Предъ Алкивіадомъ, казалось, открывалась возможность захватить власть въ свои руки, сдѣлаться тирановъ въ Аѳинахъ. Одни изъ аѳинянъ, принадлежавшіе къ высшимъ слоямъ, надѣялись, что въ его лицѣ нашли человѣка, который въ состояніи открыто и смѣло выступить противъ демоса, а неимущіе, наоборотъ, смотрѣли на него, какъ на своего лучшаго защитника, „соратника“, который вмѣстѣ съ ними повергнетъ городъ въ смятеніе и придетъ на помощь ихъ бѣдности (Діод., XIII, 68). Алкивіадъ такъ привлекъ къ себѣ простыхъ и бѣдныхъ, говоритъ Плутархъ, что тѣ питали удивительное страстное желаніе подчиниться его тиранніи, а нѣкоторые приступали къ нему съ требованіями, чтобы онъ, пренебрегши завистью и отвергнувъ псефизмы, законы и „глупости“, губящія государство, дѣйствовалъ по своему усмотрѣнію и воспользовался обстоятельствами, не боясь сикофантовъ(гл. 34). Отъ Алкивіада ожидали своего рода „соціалъ-демократической тиранніи“ [1]). Но на этотъ путь Алкивіадъ не вступилъ...

[1]) Pohlmann, Grundriss, стр. 167.

Сопровождаемый преувеличенными надеждами и ожиданіями блестящихъ побѣдъ, Алкивіадъ покинулъ Аѳины во главѣ флота. Между тѣмъ дѣйствительность далеко не соотвѣтствовала этимъ ожиданіямъ. Пелопоннесцы снарядили новый флотъ, а на историческую сцену выступаютъ двѣ личности, которыя даютъ иной оборотъ войнѣ. Это были спартанскій навархъ Лисандръ, человѣкъ способный, энергичный, не останавливавшійся ни предъ чѣмъ для достиженія своихъ цѣлей, и молодой персидскій принцъ Киръ Младшій, назначенный намѣстникомъ въ Малую Азію. Киръ стоялъ за рѣшительную помощь Спартѣ и готовъ былъ всячески поддержать Лисандра. По просьбѣ послѣдняго онъ увеличилъ плату гребцамъ на 1 оболъ и наемные гребцы массой стали покидать аѳинскія суда, переходить на службу къ спартанцамъ. Въ то время, какъ Спарта пользовалась щедрыми субсидіями отъ Персіи, аѳинскіе стратеги вынуждены были добывать средства на содержаніе флота и для веденія войны посредствомъ реквизицій и пиратства. Это парализовало ихъ успѣхи. Положеніе Алкивіада было затруднительно. Блестящихъ побѣдъ онъ не одерживалъ; между тѣмъ вслѣдствіе высокаго понятія о его способностяхъ отъ него ожидали великихъ подвиговъ; думали, что онъ можетъ сдѣлать все, если только захочетъ; не вѣрили, что для него есть что-либо невозможное. Притомъ, у Алкивіада въ Аѳинахъ попрежнему были враги, которые лишь на время стушевались, но которые боялись и ненавидѣли его и готовы были воспользоваться каждою его неудачею. Однажды, въ отсутствіе Алкивіада, военачальникъ, которому онъ поручилъ флотъ, вопреки его запрещенію вступилъ въ битву съ Лисандромъ и потерпѣлъ пораженіе (у Нотія). И очарованіе Алкивіадомъ исчезло: Алкивіадъ лишенъ былъ главнаго начальства, не былъ выбранъ въ стратеги и предпочелъ добровольно отправиться въ изгнаніе, въ окрестности Херсонеса Ѳракійскаго (407 г.). Такъ вторично—и на этотъ разъ навсегда—лишились аѳиняне своего даровитаго вождя.

На слѣдующій годъ аѳинскій полководецъ Кононъ настигнутъ былъ у Митилены Калликратидомъ, преемникомъ Лисандра, потерялъ почти половину флота и запертъ въ гавани. Аѳиняне напрягли всѣ свои силы, чтобы выручить Конона.

Рѣшено было снарядить флотъ въ 110 кораблей; призваны всѣ годные къ службѣ; гоплиты, даже всадники, сѣли на суда; привлечены были метэки и рабы; первымъ обѣщаны права гражданства, вторымъ—свобода. Для покрытія расходовъ изъ храмовъ взяты и переплавлены священные дары изъ золота и серебра; въ Парѳенонѣ изъ всѣхъ драгоцѣнностей оставленъ одинъ золотой вѣнокъ. Черезъ мѣсяцъ флотъ былъ готовъ; съ союзными кораблями онъ состоялъ болѣе чѣмъ изъ 150 тріэръ. Въ битвѣ при Аргинусскихъ островахъ (406 г.), „величайшей изъ бывшихъ между греками“, флотъ этотъ одержалъ побѣду надъ пелопоннесскимъ; самъ Каллликратидъ погибъ въ волнахъ.

Но послѣдствія этой побѣды были самыя неожиданныя: побѣдителей-стратеговъ въ Аѳинахъ ожидали вмѣсто награды судъ и казнь. На столь характерномъ эпизодѣ необходимо нѣсколько остановиться [1]).

Аргинусская побѣда сопровождалась тяжкими потерями, причемъ не менѣе 12 тріэръ послѣ сраженія, попорченныя и негодныя къ плаванію, носились по волнамъ, и на этихъ тріэрахъ были живые люди. Послѣ сраженія стратеги, правда, поручили тріэрархамъ Ѳерамену и Ѳрасибулу подать помощь потерпѣвшимъ крушеніе и спасти, кого можно. Но разразившаяся буря помѣшала этому. Такимъ образомъ не только не были оказаны подобающія почести павшимъ въ бою, но многіе граждане погибли не отъ руки врага и не въ самомъ сраженіи, а уже послѣ него, въ волнахъ моря, потому что имъ не была оказана помощь. И вотъ вмѣстѣ съ вѣстью о побѣдѣ въ Аѳины приходятъ извѣстія и о тяжкихъ потеряхъ, о гибели многихъ на обломкахъ кораблей. Говорили, что виновники этого—стратеги, что они не приняли надлежащихъ мѣръ, не исполнили своего долга по отношенію къ тѣмъ, кто сражался за отечество, кто заслуживалъ, казалось, лучшей участи. И восемь стратеговъ, участвовавшихъ въ битвѣ, были смѣщены. Двое изъ нихъ, предчувствуя бѣду, не поѣхали въ Аѳины; остальные же шесть явились. Одного изъ

[1]) Главный источникъ—Ксенофонтъ въ Hellenica, I, 7. Изъ новыхъ историковъ особенно подробно излагаетъ этотъ эпизодъ Grote (нѣм. перев., IV, 444 сл.).

нихъ демагогъ Архедемъ, въ то время завѣдывавшій діобелей, прежде всего привлекъ къ суду по обвиненію въ утайкѣ казенныхъ денегъ изъ Геллеспонта и за его „стратегію“, и тотъ былъ арестованъ. Затѣмъ прочіе стратеги сдѣлали въ совѣтѣ докладъ о сраженіи. Совѣтъ постановилъ ихъ арестовать и представить на судъ предъ народомъ,—очевидно, какъ обвиняемыхъ въ государственномъ преступленіи (посредствомъ эйсангеліи). Въ народномъ собраніи главнымъ обвинителемъ ихъ явился Θераменъ, который, повидимому, опасался, что вина падетъ на него, если не будутъ обвинены стратеги. Стратеги, въ свою защиту, въ краткихъ словахъ излагали ходъ дѣла, указывая, что подать помощь потерпѣвшимъ крушеніе поручено было Θерамену, Θрасибулу и нѣкоторымъ другимъ и что если кто и виноватъ, то именно они; но, заявляли стратеги, и эти лица въ сущности не виноваты [1]): сильная буря—вотъ что помѣшало оказать помощь. Настроеніе собранія склонялось видимо въ пользу стратеговъ; многіе предлагали за нихъ поручительство. Но такъ какъ было уже поздно и не видно рукъ при голосованіи—аѳиняне, какъ извѣстно, голосовали посредствомъ поднятія руки—, то рѣшено было дѣло отложить до слѣдующаго собранія, а совѣту поручить представить мнѣніе о томъ, какъ судить стратеговъ. Это уже какъ-бы предрѣшало вопросъ.

Между тѣмъ наступили апатуріи. Это былъ праздникъ фратрій, когда сходились отцы и родственники, когда особенно сильно должна была чувствоваться потеря близкихъ. Многіе облеклись въ трауръ. Такимъ настроеніемъ воспользовались Θераменъ и другіе враги стратеговъ. По ихъ побужденію, говоритъ Ксенофонтъ, родственники погибшихъ явились въ народное собраніе въ черной одеждѣ, съ остриженными до-гола волосами. Совѣтомъ внесено было предложеніе Калликсена, гласившее, что такъ какъ обвинители и защита стратеговъ уже выслушаны въ предшествующемъ народномъ собраніи, то теперь аѳиняне должны подать голосъ по филамъ; для каждой филы поставить двѣ урны; кто за обвиненіе—кладетъ шаръ

[1]) Въ своемъ оффиціальномъ сообщеніи совѣту и народу, послѣ сраженія, стратеги рѣшили не упоминать о данномъ Θерамену и Θрасибулу порученіи, чтобы не бросать на нихъ тѣни.

(камешекъ) въ переднюю урну, кто за оправданіе—въ заднюю; въ случаѣ признанія виновными, стратеговъ наказать смертью, имѣніе конфисковать и десятую часть его посвятить богинѣ Аѳинѣ. Слѣдовательно, судить должно было само народное собраніе; стратеги лишены были возможности защищаться подъ тѣмъ предлогомъ, что они уже раньше говорили въ свою защиту, и приговоръ долженъ былъ быть огульный, вопреки закону. Дѣлу придавался характеръ суммарнаго, спѣшнаго производства. Тщетно нѣкто Евриптолемъ, при поддержкѣ нѣкоторыхъ другихъ, заявлялъ что онъ предъявляетъ противъ предложенія Калликсена „обвиненіе въ противозаконіи“, graphē paranomōn; большинство негодовало, крича: „это ужасно, если народу не будутъ позволять дѣлать, что ему угодно“. Раздавались голоса, что тѣхъ, кто предъявитъ „обвиненіе въ противозаконіи“, надо судить такъ же, какъ и стратеговъ. Такимъ образомъ Евриптолемъ и другіе вынуждены были взять назадъ свое заявленіе. Нѣкоторые пританы не рѣшались пускать на голоса противозаконное предложеніе. Но ихъ запугали. Одинъ только Сократъ, который былъ тогда въ числѣ притановъ, остался при твердомъ рѣшеніи поступать не иначе, какъ по закону. Тогда выступилъ съ рѣчью Евриптолемъ. Онъ предлагалъ судить стратеговъ самымъ строгимъ образомъ, но судить по закону, не лишать защиты, того, что̀ предоставляется даже измѣнникамъ, не вносить такой торопливости въ дѣло, и ссылался на псефизму Каннона, запрещавшую огульный приговоръ и требовавшую суда надъ каждымъ изъ обвиняемыхъ отдѣльно. Большинство голосовъ сначала было въ пользу предложенія Евриптолема, но противъ этого голосованія заявленъ былъ протестъ [1]), а при вторичномъ голосованіи большинство оказалось за предложеніе совѣта. Всѣ восемь стратеговъ, побѣдителей при Аргинусахъ, были приговорены къ смерти и шесть изъ нихъ, бывшіе въ Аѳинахъ, казнены, въ числѣ ихъ Периклъ, сынъ знаменитаго Перикла и Аспазіи, Ѳрасиллъ, во время олигархическаго переворота 411 г. много

[1]) Неизвѣстно, потому ли, что голосованіе было неправильно, или потому, что подсчетъ былъ невѣренъ.

содѣйствовавшій тому, что войско у Самоса осталось вѣрно демократіи, и Аристократъ, одинъ изъ Четырехсотъ.

Быть можетъ, интриги и происки демагоговъ или олигарховъ и не играли такой роли въ этомъ дѣлѣ, какую склонны были приписывать имъ нѣкоторые историки; многое объясняется психологіей аѳинской массы, настроеніемъ, вызваннымъ тяжелыми потерями; но даже Гротъ, при всемъ своемъ пристрастіи къ Аѳинамъ и ихъ демократіи, признаетъ осужденіе побѣдителей при Аргинусахъ противозаконіемъ и нарушеніемъ справедливости. Такое отношеніе къ стратегамъ не могло содѣйствовать успѣху въ войнѣ; оно вносило еще большій разладъ и парализовало силы аѳинянъ. Вскорѣ настала реакція; аѳиняне раскаялись, если вѣрить Ксенофонту, и обратили свой гнѣвъ на тѣхъ, „кто обманулъ народъ“. Ѳераменъ, избранный въ 405 г. въ стратеги, при докимасіи былъ отвергнутъ; Калликсенъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими преданъ суду. Воспользовавшись однимъ возмущеніемъ, онъ бѣжалъ, впослѣдствіи благодаря амнистіи послѣ низложенія Тридцати вернулся въ Аѳины и умеръ голодною смертью, всѣми презираемый. Аристотель въ „Аѳинской Политіи“ (гл. 28) замѣчаетъ, что вообще народная масса, если и дается въ обманъ, имѣетъ обыкновеніе впослѣдствіи ненавидѣть тѣхъ, кто наводитъ ее на нехорошія дѣла. Это замѣчаніе онъ дѣлаетъ по поводу демагога Клеофонта и введенія діобеліи: Клеофонтъ въ самомъ концѣ войны былъ обвиненъ въ неисполненіи обязанности воина и приговоренъ къ смерти, что̀ и подало поводъ къ упомянутому выше возмущенію. По Аристотелю, и послѣ битвы при Аргинусахъ спартанцы предлагали оставить Декелею и заключить миръ на условіи, чтобы за обѣими сторонами остались ихъ владѣнія. Но Клеофонтъ, по словамъ Аристотеля, очень не сочувствующаго демагогамъ и пользующагося нерѣдко тенденціознымъ источникомъ, явился въ народное собраніе „пьяный“, въ панцырѣ, и убѣдилъ аѳинянъ не соглашаться на миръ, если лакедемоняне не возвратятъ имъ всѣхъ отпавшихъ городовъ.

Не смотря на тяжелыя времена и войну, жизнь въ Аѳинахъ, казалось, текла обычно. Умственное движеніе было въ полной силѣ; вопросы философскіе, эстетическіе глубоко интере-

совали общество; празднества, зрѣлища, театральныя представленія шли своимъ чередомъ. О тогдашнемъ настроеніи аѳинянъ даютъ понятіе между прочимъ Аристофановы „Лягушки“, поставленныя въ началѣ 405 г., незадолго до катастрофы. Здѣсь главная тема—изъ области эстетики; дѣло идетъ объ оцѣнкѣ Эсхиловой и Еврипидовой трагедіи. Но есть и политическіе намеки. Не говоря уже о сатирическихъ стрѣлахъ, направленныхъ противъ демагоговъ, подобныхъ Клеофонту, поэтъ, намекая на преслѣдованія, которымъ подвергались сторонники олигархіи, и на ограниченіе ихъ правъ (стр. 347) даетъ такой „полезный для государства“ совѣтъ — сравнять гражданъ, прекратить терроръ, тѣмъ, кто былъ соблазненъ Фринихомъ, дать возможность загладить вину; не должно быть больше въ государствѣ никого подвергнутаго атиміи, лишеннаго правъ; если даже рабъ, разъ сражавшійся, сталъ господиномъ, свободнымъ гражданиномъ (стр. 352), то тѣмъ болѣе справедливость требуетъ тѣмъ, кто самъ и ихъ отцы такъ часто вмѣстѣ съ нами сражались, кто близокъ намъ по происхожденію, простить вину и возвратить права. Людей знатныхъ и доблестныхъ, образованныхъ мы отвергаемъ, а подобными низкопробной монетѣ, чужими и негодяями мы слишкомъ много пользуемся (ст. 686 сл.). Если изъ гражданъ тѣмъ, которымъ мы теперь довѣряемъ, не будемъ вѣрить, тѣми, которыми не пользуемся, будемъ пользоваться, то еще можемъ спастись (ст. 1446). Повидимому, въ Аѳинахъ тогда подымался вопросъ, не вернуть ли Алкивіада? Городъ, говоритъ Аристофанъ, „испытываетъ тяжелые роды“: онъ и тоскуетъ по немъ, и ненавидитъ его, и желаетъ имѣть... (ст. 1422 сл.).

Между тѣмъ, близка была уже катастрофа. Не смотря на побѣду, положеніе аѳинянъ было въ сущности критическое. Особенно велики были финансовыя затрудненія, о чемъ ярко свидѣтельствуетъ та плохая мѣдная монета, которую теперь чеканили въ Аѳинахъ и о которой говоритъ Аристофанъ (въ „Лягушкахъ“, ст. 720 сл.). Во главѣ спартанскаго флота снова сталъ Лисандръ, получившій щедрыя субсидіи отъ Кира Младшаго и опиравшійся на многочисленныя гетеріи, нити которыхъ сходились у него въ рукахъ. Онъ занялъ Геллеспонтъ, и когда аѳинскій флотъ, явившись сюда, расположился

у Эгосъ Потамъ, то Лисандръ, выждавъ удобный моментъ, захватилъ его въ расплохъ. Пораженіе аѳинянъ было полное (405 г.). Около 160 кораблей и много плѣнныхъ достались побѣдителю. Плѣнные аѳиняне—около 3000 человѣкъ—были казнены [1]),—новая иллюстрація той жестокости, которую проявляли обѣ стороны въ эту войну. Одинъ за другимъ союзные города подчиняются Лисандру. Аѳинскихъ поселенцевъ онъ направляетъ въ Аѳины, чтобы увеличить тамъ число жителей и тѣмъ вѣрнѣе потомъ голодомъ принудить городъ къ сдачѣ.

Было уже темно, когда государственный корабль Паралія вошелъ въ Пирей съ печальною вѣстью объ уничтоженіи флота у Эгосъ Потамъ. Съ быстротою молніи вѣсть эта, среди громкихъ криковъ и жалобъ, распространилась по городу. Никто не спалъ въ эту ночь... Катастрофа, постигшая теперь аѳинянъ, была ужаснѣе всѣхъ предшествующихъ; Аѳины были беззащитны: не существовало ни флота, ни средствъ... Тѣмъ не менѣе рѣшено было держаться во что бы то ни стало. Одною изъ первыхъ мѣръ было дарованіе права аѳинскаго гражданства самосцамъ (стр. 234). Затѣмъ, по предложенію Патроклида, постановлено, слѣдуя примѣру прошлаго, когда во время нашествія Ксеркса дарована была амнистія, отмѣнить атимію по отношенію къ приверженцамъ олигархіи Четырехсотъ, государственнымъ должникамъ и другимъ осужденнымъ и возстановить ихъ въ гражданскихъ правахъ, за исключеніемъ изгнанниковъ, обвиненныхъ за убійство или перешедшихъ къ непріятелю.

Аѳины окружены были и съ моря, и съ суши. Населеніе мужественно переносило голодъ. Въ виду страха предъ местью олигарховъ и опасенія, что сдача города равносильна будетъ гибели для демократовъ, вліяніемъ сначала пользовалась крайняя демократическая партія и такіе демагоги, какъ Клеофонтъ. Когда сдѣлано было предложеніе заключить миръ съ тѣмъ, что за Аѳинами останется Лемносъ, Имбросъ и Скиросъ, но Длинныя стѣны на извѣстномъ пространствѣ будутъ срыты,

[1]) Въ воздаяніе за постановленіе аѳинскаго собранія—въ случаѣ побѣды отрубить плѣнникамъ правую руку (или, по другой версіи, по большому пальцу на правой рукѣ) и за то, что одинъ изъ стратеговъ, когда попали ему въ руки двѣ тріэры, приказалъ сбросить плѣнныхъ со скалы.

то Клеофонтъ, говорятъ, грозилъ „отрубить мечемъ голову“ тому, кто заговоритъ о сдачѣ. Но потомъ начали брать верхъ противники крайней демократіи и олигархи; иначе нечего было и думать о мирѣ. Тогда-то возбуждены преслѣдованія противъ Калликсена и другихъ виновниковъ гибели Аргинусскихъ побѣдителей (стр. 355), а затѣмъ погибъ и самъ Клеофонтъ. Ѳераменъ отправленъ для переговоровъ сначала къ Лисандру, а потомъ въ Спарту. Голодъ въ Аѳинахъ усиливался и положеніе становилось нестерпимымъ. Когда Ѳераменъ возвратился и сообщилъ условія мира, аѳинянамъ ничего не оставалось, какъ принять ихъ. Въ Спартѣ союзники ея настаивали на полномъ разрушеніи Аѳинъ и продажѣ населенія въ рабство; но спартанцы не согласились на это. Миръ, называемый „Ѳерамеповымъ“ (404 г.), заключенъ былъ на условіи, что аѳиняне должны срыть укрѣпленія Пирея и Длинныя стѣны, отказаться отъ владѣній внѣ Аттики, возвратить изгнанниковъ, выдать оставшіеся корабли, за исключеніемъ 12. Кромѣ того, аѳиняне вступили въ союзъ со Спартой, обязавшись имѣть однихъ и тѣхъ же враговъ и друзей, что̀ и Спарта, и подчиняться ея гегемоніи. Въ довершеніе всего они должны были отказаться отъ демократіи, ввести „старинный строй“, на самомъ дѣлѣ олигархію Тридцати.

Съ торжествомъ, подъ звуки флейтъ, Лисандръ разрушилъ „Длинныя стѣны“. Съ большимъ усердіемъ помогали въ этомъ возвратившіеся изгнанники: они, какъ и многіе греки, въ то время воображали, что „день этотъ—начало свободы для Эллады“.

Такъ кончилась Пелопоннесская война. Лисандръ сокрушилъ „могущество Кекропидовъ“, какъ гласитъ надпись на его статуѣ въ Дельфахъ. Дуализмъ былъ устраненъ. Вопросъ о гегемоніи рѣшенъ. Аѳины лишились морского могущества, союзниковъ, клерухій. За ними осталась одна Аттика. Послѣ Сицилійской экспедиціи надо удивляться не тому, что былъ таковъ исходъ борьбы, а той стойкости, мужеству, энергіи, богатству силъ, которыя обнаружили въ ней Аѳины: послѣ Сицилійской катастрофы онѣ оказываются въ состояніи вести борьбу еще въ теченіе девяти лѣтъ съ перемѣннымъ счастьемъ. Въ сущности Аѳины были побѣждены не одною Спартою и ея

греческими союзниками: онѣ пали жертвою союза Спарты съ Персіей, не говоря уже о ихъ собственныхъ ошибкахъ и недостаткахъ въ самой организаціи Аѳинскаго государства.

Тираннія Тридцати и возстановленіе демократіи.

Пораженіе аѳинянъ въ Пелопоннесскую войну было вмѣстѣ съ тѣмъ и пораженіемъ ихъ демократіи. Это былъ критическій моментъ въ ея исторіи. Возникалъ вопросъ, удержится ли демократія въ Аѳинахъ?

Если вѣрить Аристотелю, по самымъ условіямъ мира аѳиняне должны были ввести у себя „старинный строй“ или „строй отцовъ“, patrios politeia. О patrios politeia очень много говорили въ Аѳинахъ въ концѣ Пелопоннесской войны; это слово служило какъ-бы общимъ девизомъ и могло объединить всѣхъ. Но каждая партія подъ patrios politeia подразумѣвала разное и понимала эту политію по-своему. Демократы пытались спасти демократію, а изъ аристократовъ одни, именно тѣ, кто принадлежалъ къ политическимъ обществамъ, или гетеріямъ, и возвратившіеся изгнанники желали олигархіи; они для лучшаго достиженія цѣли организовали комитетъ изъ 5 „эфоровъ“, въ числѣ которыхъ былъ Критій; другіе—не принадлежавшіе къ кружкамъ, умѣренные — стремились дѣйствительно къ „древнему строю“. Главнымъ вождемъ ихъ былъ Ѳерименъ, и эта партія казалась наиболѣе сильною. Нѣкоторые демократы — стратеги, таксіархи и тріэрархи, со стратегомъ Стромбихидомъ и Никіевымъ братомъ Евкратомъ во главѣ,— составили заговоръ въ защиту демократіи, противъ надвигавшейся олигархіи; но объ этомъ заговорѣ донесли, и совѣтъ, враждебно настроенный противъ демократовъ, арестовалъ его зачинщиковъ. А олигархи для поддержки призвали Лисандра. Народъ, собравшись въ театрѣ въ Мунихіи, подъ давленіемъ страха принялъ предложеніе Драконтида и подалъ голосъ за олигархію — за установленіе коммиссіи Тридцати, которые должны были выработать новую конституцію, а до тѣхъ поръ править государствомъ. Есть извѣстіе, что изъ нихъ 10 были избраны по указанію Ѳерамена, 10—упомянутымъ олигархи-

ческимъ комитетомъ, а 10—самимъ собраніемъ (по крайней мѣрѣ, номинально).

Такъ въ архонтство Ниѳодора, въ 404 г., при непосредственномъ содѣйствіи Лисандра, установилось въ Аѳинахъ владычество *Тридцати* [1]), которыхъ со времени Цицерона принято называть Тридцатью тиранами. Среди нихъ выдавались Ѳераменъ, Критій, Хариклъ и друг. Нѣкоторые изъ числа Тридцати раньше входили въ составъ олигархіи Четырехсотъ.

Получивъ власть надъ государствомъ, Тридцать о выработкѣ новой конституціи не думали, а постарались упрочить свое положеніе, назначивъ 500 членовъ совѣта и другихъ должностныхъ лицъ изъ предварительно избранныхъ кандидатовъ; главными же ихъ помощниками являлись 10 начальниковъ Пирея, 11 стражей тюрьмы и 300 служителей „биченосцевъ“. Гелэя прекратила свою дѣятельность; ареопагъ еще болѣе стѣсненъ, чѣмъ при демократіи; уголовный судъ переданъ совѣту, въ которомъ предсѣдательствовали сами Тридцать и подача голосовъ была открытою. Верфи, символъ морского могущества Аѳинъ, теперь пустыя, проданы на взломъ: Тридцать старались уничтожить все, что̀ напоминало господство на морѣ, основу ненавистной имъ демократіи. Упомянутые выше заговорщики-демократы казнены.

Но все же Тридцать сначала обнаруживали умѣренность и дѣлали видъ, будто стремятся къ „древней политіи“. Они, говоритъ Аристотель, убрали изъ ареопага таблицы Эфіальтовыхъ и Архестратовыхъ законовъ, касавшихся ареопагитовъ; отмѣнили тѣ изъ Солоновыхъ законовъ, которые давали поводъ къ недоразумѣніямъ и къ сикофантству, напр., оговорки относительно права завѣщать состояніе, и этимъ уничтожили власть народныхъ судовъ и проч.; они преслѣдовали сперва сикофантовъ, людей, угодничавшихъ передъ демосомъ во вредъ послѣднему, злодѣевъ и негодяевъ. Такія мѣры встрѣчены были съ радостью, такъ какъ граждане полагали, что Тридцать это дѣлаютъ ради общаго блага. Но когда ихъ власть утвердилась, Тридцать ужъ не останавливались ни передъ кѣмъ изъ гра-

[1]) Главные источники — Аристотель въ „Аѳ. Пол.“ (гл. 34 сл.), Ксенофонтъ и Лисій (въ рѣчахъ противъ Эратосѳена и противъ Агората).

жданъ и убивали людей, выдающихся по своему состоянію, происхожденію и авторитету, частью изъ опасенія, частью изъ желанія захватить имущество, такъ какъ они нуждались въ средствахъ. Въ теченіе короткаго времени они истребили не менѣе 1500 человѣкъ, или, какъ говорится у Ксенофонта, они за 8 мѣсяцевъ убили аѳинянъ больше, чѣмъ лакедемоняне за 10 лѣтъ войны. Казненъ былъ даже такой умѣренный человѣкъ, какъ сынъ Никія, Никератъ. Но особенно много было казнено состоятельныхъ метэковъ. Чтобы пополнить казну свою, Тридцать порѣшили, что каждый изъ нихъ долженъ схватить по одному богатому метэку и казнить, а имущество его забрать. Объ этомъ мы имѣемъ свидѣтельство оратора Лисія, который самъ былъ метэкомъ и который чрезвычайно живо и рельефно описываетъ, что̀ испыталъ тогда онъ и семья его брата: образъ дѣйствій Тридцати обрисовывается здѣсь со всѣмъ его произволомъ, насиліемъ, жестокостью.

„Ѳеогнисъ и Писонъ въ собраніи Тридцати“, разсказываетъ Лисій въ рѣчи противъ Эратосѳена, одного изъ этихъ Тридцати [1]), „говорили о метэкахъ, что есть между ними такіе, которые недовольны существующимъ государственнымъ порядкомъ, что есть поэтому прекраснѣйшій поводъ подъ видомъ наказанія добывать деньги и что государство нищенствуетъ и правительство нуждается въ деньгахъ. Убѣдить слушателей было нетрудно, потому что убивать людей они ставили ни во что, а пріобрѣтать деньги считали дѣломъ большой важности. И вотъ они рѣшили схватить 30 человѣкъ и въ числѣ ихъ двухъ бѣдныхъ, чтобы имѣть оправданіе въ глазахъ другихъ, что это сдѣлано не ради денегъ, а совершено на пользу государства... Распредѣливъ между собою дома, они отправились. Меня застали за угощеніемъ гостей. Прогнавъ послѣднихъ, они взяли и передали меня Писону; остальные же, явившись на нашу фабрику“ (стр. 215), „стали переписывать рабовъ. Я спросилъ Писона, не согласится ли онъ спасти меня за деньги. Онъ изъявилъ согласіе подъ условіемъ, чтобы денегъ было много. Я сказалъ, что готовъ дать талантъ серебра, и

[1]) Г. Ѳ Шульцъ, Адвокатура въ древн. Аѳинахъ и одинъ изъ ея представителей (Зап. Харьк. Унив., 1897, II, 9 сл.).

онъ согласился... Послѣ того какъ онъ, накликая гибель на себя и своихъ дѣтей, въ случаѣ нарушенія клятвы, поклялся спасти меня по полученіи условленнаго таланта, я, войдя въ спальню, открываю ларецъ; Писонъ, замѣтивъ это, послѣдовалъ за мною, и увидѣвъ, что̀ находится въ ларцѣ, позвалъ двухъ своихъ слугъ и приказалъ имъ забрать все“ (стр. 215)... „Я попросилъ его дать мнѣ хотя денегъ на дорогу, но онъ отвѣтилъ, что я долженъ быть доволенъ, если спасу свою жизнь. Когда я выходилъ съ Писономъ, намъ на встрѣчу попадаются Мелобій и Мнесиѳидъ, выходившіе изъ фабрики, и, повстрѣчавшись съ нами у самой двери, спрашиваютъ, куда мы идемъ. Писонъ сказалъ, что идемъ къ моему брату, чтобы посмотрѣть, что̀ и въ томъ домѣ находится; и вотъ, они ему приказали идти, а мнѣ—слѣдовать за ними въ домъ Дамниппа. Писонъ подошелъ ко мнѣ и совѣтовалъ молчать и не падать духомъ, такъ какъ онъ прійдетъ туда. Тамъ мы застаемъ Ѳеогниса стерегущимъ другихъ. Передавъ ему меня, они опять ушли. Находясь въ такомъ положеніи, я рѣшилъ, что нужно рискнуть, такъ какъ смерть была уже неизбѣжна. Подозвавъ Дамниппа, я говорю ему: „Ты ко мнѣ расположенъ, я въ твоемъ домѣ, я ни въ чемъ не виновенъ, я гибну изъ-за денегъ, такъ употреби жъ благосклонно свое вліяніе въ пользу меня, терпящаго это, для моего спасенія“. Онъ пообѣщалъ исполнить мою просьбу, но ему казалось лучше сообщить Ѳеогнису, такъ какъ думалъ, что тотъ сдѣлаетъ все, если согласятся дать ему денегъ“. Въ то время какъ Дамниппъ разговаривалъ съ Ѳеогнисомъ, Лисій, воспользовавшись моментомъ и зная, что въ домѣ два выхода, скрылся и на слѣдующую ночь переправился моремъ въ Мегару. Передъ этимъ Лисій узналъ о гибели своего брата Полемарха: его заставили выпить ядъ, не сообщивъ предварительно даже вины, за которую онъ долженъ былъ умереть; о судѣ и защитѣ не было и помину... Забравъ множество вещей и даже рабовъ, о чемъ мы уже упоминали по другому поводу (стр. 216), Тридцать дошли до того, что одинъ изъ нихъ, именно Мелобій, какъ только вошелъ въ домъ, вырвалъ изъ ушей Полемарховой жены золотыя серьги, которыя были на ней.

Въ Аѳинахъ царилъ терроръ. Устрашенный народъ без-

молвно сносилъ тираннію; многіе же бѣжали или были изгнаны. Тогда раздался протестъ изъ среды самихъ Тридцати. Онъ исходилъ отъ Ѳерамена.

Ѳераменъ игралъ выдающуюся роль въ событіяхъ послѣдняго времени, начиная съ переворота 411 г. Мы видѣли, что онъ участвовалъ въ олигархіи Четырехсотъ и онъ же содѣйствовалъ ея низверженію. Введенная послѣ этого умѣренная демократія Пяти тысячъ была осуществленіемъ его программы, и онъ былъ тогда главнымъ лицомъ въ Аѳинахъ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ подъ-рядъ Ѳерамена избирали въ стратеги; какъ стратегъ, онъ участвовалъ въ побѣдѣ при Кизикѣ, какъ тріэрархъ—въ битвѣ при Аргинусахъ. Онъ выступилъ главнымъ обвинителемъ стратеговъ, побѣдителей въ этой битвѣ. Онъ былъ посредникомъ въ послѣднихъ переговорахъ со Спартою, и миръ, которымъ закончилась Пелопоннесская война, былъ миромъ „Ѳерамеповымъ“. Ѳераменъ участвовалъ въ установленіи правленія Тридцати и самъ былъ однимъ изъ нихъ. Теперь онъ выступаетъ противъ своихъ товарищей, олигарховъ, настаиваетъ на прекращеніи жестокостей и на передачѣ правленія „лучшимъ“. Какъ въ древности, такъ и въ новое время о Ѳераменѣ высказывались два противоположныхъ мнѣнія: одни видѣли въ немъ человѣка ненадежнаго, постоянно переходящаго изъ одного лагеря въ другой, предателя; называли „котурномъ“, обувью, которая приходится и на правую, и на лѣвую ногу; причисляли къ тѣмъ людямъ, которые всегда ищутъ, гдѣ выгоднѣе и безопаснѣе, которые „переворачиваются на ту сторону, гдѣ мягче“, и умѣютъ выйти изъ всякой бѣды [1]). Наоборотъ, Ксенофонтъ относится къ Ѳерамену съ симпатіей, а Аристотель въ „Аѳинской Политіи“ (гл. 28) удостаиваетъ его такой чести, какой не удостаиваетъ и Перикла: онъ причисляетъ Ѳерамена, на-ряду съ Никіемъ и Ѳукидидомъ Алопекскимъ (стр. 150), къ лучшимъ государственнымъ людямъ Аѳинъ „послѣ древнихъ“, а разногласіе относительно него объясняетъ тѣмъ, что дѣятельность Ѳерамена совпала съ временемъ смутъ и переворотовъ въ государственномъ строѣ. Ѳераменъ, говоритъ Аристотель, „если

[1]) Аристофанъ въ „Лягушкахъ“, ст. 534 сл., 967 сл.

судить не поверхностно, не ниспровергалъ всѣхъ формъ правленія, какъ его упрекаютъ, а старался довести ихъ до такого состоянія, чтобы не совершалось беззаконій, какъ человѣкъ, могущій заниматься политическою дѣятельностью при всякой формѣ государственнаго устройства—какъ это и подобаетъ хорошему гражданину,—не подчиняясь, а борясь съ противозаконіями". И, можетъ быть, Аристотель до нѣкоторой степени и правъ: въ такія бурныя времена, какія переживали тогда Аѳины, въ эпоху подобныхъ кризисовъ, люди, избѣгающіе крайностей, ищущіе средины, мало кого удовлетворяютъ; ихъ судьба печальна: обѣ крайнія партіи обыкновенно смотрятъ на нихъ враждебно и недовѣрчиво, какъ на измѣнниковъ и предателей. Ѳераменъ, по словамъ Аристотеля, былъ главнымъ представителемъ той партіи, которая стремилась искренно къ „древней политіи" (гл. 34). Его идеаломъ была ограниченная демократія „имѣющихъ вооруженіе". „Я всегда", заявлялъ Ѳераменъ, „былъ врагомъ тѣхъ, кто думаетъ, что демократія хороша только тогда, когда получаютъ плату даже и рабы и тѣ, которые по бѣдности готовы изъ-за драхмы предать городъ, а съ другой стороны я всегда былъ противъ тѣхъ, кто думаетъ, что олигархія можетъ быть хороша только тогда, когда государство такъ устроено, что надъ нимъ властвуетъ тираннія немногихъ. Я и прежде полагалъ, что правленіе тѣхъ, кто можетъ служить государству и на конѣ, и со щитомъ, есть лучшее, и теперь не мѣняю этого своего убѣжденія" (Ксеноф., II, 3, 48).

Ѳераменъ долженъ былъ столкнуться съ Критіемъ, представителемъ крайняго направленія среди Тридцати. Критій [1]) былъ выдающеюся личностью, однимъ изъ характерныхъ явленій той эпохи, подобно Алкивіаду. Онъ происходилъ изъ фамиліи Медонтидовъ, къ которой принадлежали прежніе цари и изъ которой происходилъ Солонъ, и былъ въ родствѣ съ Платономъ. Онъ интересовался философіей и одно время былъ ученикомъ Сократа. Критій подвизался на поприщѣ литературы, какъ поэтъ и какъ прозаикъ; писалъ, между прочимъ,

[1]) О немъ—ст. Nestle въ Neue Jahrbücher f. d klass Altert., XI, 1903.

о государственномъ устройствѣ („Политіи“) Аѳинъ, Спарты и Ѳессаліи; обращалъ вниманіе на культурную сторону, обычаи и т. под. [1]). Въ трагедіи подъ заглавіемъ „Сизифъ“ Критій развивалъ ту мысль, что боги выдуманы умнымъ, хитрымъ человѣкомъ, чтобы пугать злыхъ людей и удерживать ихъ отъ преступленій; религія—умная ложь, изобрѣтенная для поддержанія законовъ, которые недостаточны сами по себѣ для обузданія грубаго, дикаго человѣчества; нравственный законъ не обязателенъ; выше всего—человѣческій разумъ, по велѣнію котораго можно нарушить и этотъ законъ; избранныя натуры, сильныя, властныя, могутъ отрѣшиться отъ обычной нравственности... Тутъ сказывается въ крайнемъ, подчасъ уродливомъ видѣ, тотъ индивидуализмъ, ростъ личности, который характеризуетъ эпоху.

Было время, когда Критій шелъ рука объ руку съ Ѳерименомъ. По сверженіи Четырехсотъ именно онъ, говорятъ, внесъ предложеніе объ отмѣнѣ изгнанія Алкивіада; по его же предложенію устроенъ былъ судъ надъ убитымъ Фринихомъ (стр. 345). Но это не спасло Критія отъ изгнанія, когда въ Аѳинахъ возстановлена была радикальная демократія и вліяніе перешло къ Клеофонту. Критій отправился въ Ѳессалію. Здѣсь, по словамъ Ксенофонта, онъ устанавливалъ демократію и поднималъ крѣпостныхъ, пенестовъ, противъ ихъ господъ. Это плохо вяжется съ тѣмъ, что̀ мы знаемъ о воззрѣніяхъ Критія, и есть другое извѣстіе (Филострата), что Критій, наоборотъ, въ сообществѣ съ ѳессалійскими алевадами сдѣлалъ тамъ олигархію еще тяжелѣе. Впрочемъ, пенесты были земледѣльцами, не тою „корабельною чернью“, которую такъ ненавидѣлъ и презиралъ Критій, а главное—онъ не былъ разборчивъ въ средствахъ, когда дѣло шло о достиженіи цѣли, объ удовлетвореніи честолюбія. Какъ бы то ни было, со времени изгнанія Критій становится непримиримымъ, ожесточеннымъ врагомъ аѳинской демократіи; народъ для него—„проклятый демосъ“. Благодаря амнистіи, по окончаніи Пелопоннесской войны,

[1]) Отъ произведеній Критія до насъ дошли лишь небольшіе отрывки. Нѣкоторые полагаютъ, что его перу принадлежитъ Псевдо-Ксенофонтова „Аѳинская Политія“.

Критій вернулся въ Аѳины и сталъ во главѣ Тридцати. Среди нихъ это былъ истый, безпощадный террористъ. Его сравниваютъ съ Робеспьеромъ, хотя тотъ предавалъ казни во имя „свободы, равенства, братства“ человѣчества, а Критій—во имя олигархіи. И съ точки зрѣнія Критія нечего обращать вниманіе на жизнь отдѣльныхъ лицъ; при переворотахъ жестокости, казни неизбѣжны; въ Аѳинахъ много враговъ олигархіи, такъ какъ народъ привыкъ къ свободѣ, и ихъ надо истребить безъ всякой пощады: „тѣмъ, кто желаетъ получить преобладаніе, нельзя не устранять тѣхъ, кто стоитъ на дорогѣ“ (Ксеноф., II, 3, 16).

Когда Ѳераменъ выступилъ съ требованіемъ прекратить терроръ и передать правленіе „лучшимъ“ гражданамъ, олигархи сначала противились, но потомъ, боясь, какъ бы Ѳераменъ, опираясь на демосъ, среди котораго его слова распространились и снискали къ нему расположеніе, не сокрушилъ ихъ владычества, они составили списокъ 3000, которымъ намѣревались будто бы предоставить участіе въ правленіи. Ѳерамена однако это не удовлетворило; онъ выступилъ снова съ нападками и предостереженіями: ему казалось страннымъ предоставлять власть только 3000, будто доблесть заключена лишь въ предѣлахъ этого числа и внѣ его нѣтъ доблестныхъ. Но Тридцать пренебрегли словами Ѳерамена, долго откладывали окончательное обнародованіе списка и хранили его у себя, вычеркивая уже внесенныя имена и внося новыя.

Между тѣмъ многіе бѣжавшіе изъ Аѳинъ нашли себѣ пріютъ за предѣлами Аттики, преимущественно въ Ѳивахъ. Во главѣ ихъ сталъ Ѳрасибулъ и занялъ въ Аттикѣ крѣпостцу Филу. Къ нему начали стекаться недовольные; въ стычкѣ съ нимъ отрядъ олигарховъ потерпѣлъ неудачу, и Тридцать рѣшили обезоружить прочихъ гражданъ, кромѣ 3000, а Ѳерамена умертвить: послѣ неудачи олигархи старались обезопасить себя въ самыхъ Аѳинахъ, устранивъ здѣсь вождя оппозиціи.

Извѣстна трагическая сцена, описываемая Ксенофонтомъ (II, 3, 23 сл.). Тридцать созываютъ совѣтъ, въ присутствіи молодыхъ людей, „самыхъ смѣлыхъ“, съ кинжаломъ за пазухой, а на площади, передъ помѣщеніемъ совѣта, ставятъ отрядъ.

Критій произноситъ рѣчь, обвиняя Ѳерамена, какъ предателя по самой его натурѣ; Ѳераменъ оправдывается и доказываетъ, что образъ дѣйствій Критія и его сторонниковъ не упрочиваетъ ихъ власти, а возстановляетъ противъ нихъ. Рѣчь Ѳерамена производитъ впечатлѣніе на совѣтъ. Тогда Критій, отъ имени Тридцати, вычеркиваетъ его изъ списка 3000— которыхъ нельзя было казнить иначе, какъ по приговору совѣта,—и присуждаетъ къ смерти. Ѳераменъ бросается къ жертвеннику, заклиная членовъ совѣта не позволять Критію по произволу вычеркивать его, такъ какъ иначе столь же легко будетъ вычеркнуто и имя каждаго изъ нихъ. Но являются Одиннадцать съ жестокимъ, грубымъ Сатиромъ во главѣ, силою оттаскиваютъ Ѳерамена отъ жертвенника и ведутъ на казнь; совѣтъ, при видѣ стоявшихъ у рѣшетки „подобныхъ Сатиру“ и отряда на площади, остается неподвиженъ... Разсказъ Аристотеля проще, такъ сказать, прозаичнѣе и, повидимому, достовѣрнѣе, документальнѣе: Тридцать, съ цѣлью погубить Ѳерамена, вносятъ въ совѣтъ два закона, изъ которыхъ одинъ давалъ имъ полное право умерщвлять тѣхъ, кто не внесенъ въ списокъ 3000, а другой запрещалъ принимать участіе въ государственномъ управленіи тѣмъ, кто разрушалъ Эетіонейскую стѣну (стр. 344) или противодѣйствовалъ прежней олигархіи Четырехсотъ, а такъ какъ Ѳераменъ участвовалъ въ томъ и другомъ, то, слѣдовательно, онъ исключался изъ 3000 и Тридцать имѣли право собственною властью умертвить его. Жертвою этихъ-то законовъ, по Аристотелю (гл. 37), и сдѣлался Ѳераменъ [1]).

Послѣ гибели Ѳерамена жестокость и произволъ олигарховъ еще болѣе усиливаются. Тридцать привели въ исполненіе свое рѣшеніе—обезоружить всѣхъ, кромѣ 3000; запретили не попавшимъ въ списокъ являться даже въ городъ, а нѣкоторыхъ захватили въ ихъ помѣстьяхъ, чтобы овладѣть ихъ землями. Чувствуя свое положеніе въ Аѳинахъ непрочнымъ, они занимаютъ Элевсинъ, чтобы имѣть тамъ на всякій случай убѣжище,

[1]) Ни здѣсь, ни во всемъ разсказѣ о Тридцати въ „Политіи“ Аристотель не упоминаетъ имени Критія, говорится вообще о „Тридцати“ или „олигархахъ“; а въ „Политикѣ“ самымъ вліятельнымъ изъ олигарховъ называется не Критій, а Хариклъ.

и около 300 элевсинцевъ предаютъ казни. По просьбѣ олигарховъ изъ Спарты явился отрядъ около 700 человѣкъ, подъ начальствомъ гармоста Каллибія, и занялъ акрополь [1]). Положеніе олигарховъ однако вслѣдствіе всего этого не улучшалось, а ухудшалось.

Между тѣмъ число стекавшихся въ Филу къ Ѳрасибулу росло. Во главѣ отряда въ 1000 съ лишкомъ человѣкъ онъ вступилъ въ Пирей и занялъ Мунихію, возвышенность, господствовавшую надъ гаванью. Попытка олигарховъ вытѣснить оттуда демократовъ не удалась; самъ Критій погибъ въ стычкѣ. Тогда аѳиняне, собравшись на слѣдующій день на площади, низложили Тридцать, которые отправились въ Элевсинъ, и избрали коллегію Десяти гражданъ, облекши ее полномочіями для прекращенія войны. Но тѣ, по словамъ Аристотеля, не выполнили своего назначенія, а напротивъ—послали въ Спарту за помощью и сдѣлали тамъ денежный заемъ. Они стараются терроризовать аѳинянъ; и они находятъ себѣ поддержку въ отрядѣ Каллибія, а также во многихъ всадникахъ, которые были противъ возвращенія изгнанниковъ. Такимъ образомъ въ ту пору въ Аттикѣ было какъ-бы два лагеря, двѣ партіи—„городская“ и „пирейская“: въ Аѳинахъ властвовали олигархи, въ Пиреѣ—демократы. Къ послѣднимъ продолжали стекаться не только граждане, но и иностранцы, метэки, даже рабы. Метэкамъ было обѣщано уравненіе съ гражданами въ отношеніи податей (исотелія). Не говоря уже о тѣхъ насиліяхъ, которыя они испытали при Тридцати, метэки вообще заинтересованы были въ возстановленіи демократіи, и мы видѣли, напр., какую щедрую поддержку оказалъ Лисій отряду Ѳрасибула (стр. 216). Владѣя Пиреемъ и Мунихіей, имѣя на

[1]) У Ксенофонта нѣсколько иначе: у него отрядъ Каллибія является въ Аѳины еще въ началѣ правленія Тридцати; обезоруженіе гражданъ предшествуетъ казни Ѳерамена, а о занятіи Филы Ѳрасибуломъ говорится послѣ этой казни. Въ дальнѣйшемъ тоже есть разница по сравненію съ Аристотелемъ. Трудно сказать, какая версія вѣрнѣе. Э. Мейеръ, напр., отдаетъ предпочтеніе изложенію Ксенофонта. Но и въ пользу свидѣтельства Аристотеля говоритъ многое. См. ст Busolt'a, Aristoteles oder Xenophon (Hermes, XXXIII, 1898) и рец. Э. Р. ф Штерна на III—V т труда Мейера въ Götting. Gelehrte Anzeigen, 1903, № 4. У Ксенофонта въ рѣчи Ѳерамена есть указаніе, что изгнанники уже тогда находились въ Филѣ.

своей сторонѣ народъ, демократы одерживали верхъ и Десять были низложены. Вмѣсто нихъ избраны были другіе Десять, пользовавшіеся самою лучшею славой. Они-то, по словамъ Аристотеля, и способствовали заключенію мира и возвращенію демократовъ. Между ними въ этомъ отношеніи особенно выдавался Ринонъ.

На помощь олигархамъ спартанцы послали было Лисандра; но потомъ возобладало у нихъ другое теченіе, болѣе умѣренное и примирительное, представителемъ котораго былъ противникъ Лисандра, царь Павсаній; онъ самъ посланъ былъ съ войскомъ и воспользовался первымъ же успѣхомъ въ сраженіи съ демократами, чтобы выступить въ роли примирителя. По его просьбѣ изъ Спарты прибыли посредники и при участіи Павсанія и этихъ посредниковъ состоялся миръ (403 г.) между демократами въ Пиреѣ съ одной стороны и „горожанами“, а также Тридцатью, занявшими Элевсинъ, съ другой, — миръ, почва для котораго была подготовлена еще раньше второю коллегіею Десяти съ Риноном въ главѣ. Условія этого договора, сообщаемыя дословно Аристотелемъ (гл. 39), были слѣдующія. Тѣмъ изъ аѳинянъ, которые оставались въ городѣ во время олигархіи, въ случаѣ желанія предоставлялось переселиться въ Элевсинъ, съ сохраненіемъ гражданскихъ правъ, имущества и доходовъ. Святилище Элевсинское должно быть общимъ для обѣихъ сторонъ; завѣдуютъ имъ Керики и Евмолпиды „по старинѣ“. Ни переселившимся въ Элевсинъ не дозволялось являться въ Аѳины, ни оставшимся въ городѣ—въ Элевсинъ, за исключеніемъ времени мистерій. Переселившіеся должны изъ доходовъ платить въ союзную кассу [1]) такъ же, какъ и остальные аѳиняне. Если кто изъ переселившихся въ Элевсинъ пожелаетъ занять домъ, то долженъ войти въ соглашеніе съ владѣльцемъ, и если не сойдутся между собою, то каждый изъ нихъ избираетъ оцѣнщиковъ, и какую цѣну тѣ положатъ, ту и брать. Изъ элевсинцевъ же могутъ жить вмѣстѣ съ ними тѣ, кого они (переселяющіеся въ Элевсинъ) пожелаютъ принять. Для желающихъ выселиться назначался срокъ:

[1]) Вслѣдствіе вступленія Аѳинъ въ Пелопоннесскій союзъ. Объ этой „дани лакедемонскихъ союзниковъ“—въ ст. Ѳ. Ѳ. Соколова, Въ области древн. исторіи (Ж. М. Н. Пр. 1897, мартъ, стр. 92 сл.).

для тѣхъ, кто находился въ странѣ,—10 дней для записи и 20—для выселенія, со времени принесенія присяги; а для тѣхъ, кто отсутствовалъ, — тѣ же сроки, считая со времени ихъ возвращенія. Но переселившіеся въ Элевсинъ въ сущности лишались политическихъ правъ: договоръ постановлялъ, что они не могутъ занимать ни одной должности въ Аѳинахъ, прежде чѣмъ запишутся снова въ жители города. Судъ по дѣламъ объ убійствѣ долженъ быть по старинѣ, если кто кого собственноручно убьетъ или ранитъ. Все прежнее предавалось забвенію: амнистія была полная по отношенію ко всѣмъ, кромѣ Тридцати, Десяти, Одиннадцати и начальствовавшихъ въ Пиреѣ, даже и по отношенію къ нимъ, если они дадутъ отчетъ. Отчетъ же давать должны начальствовавшіе въ Пиреѣ—въ Пиреѣ, а находившіеся въ городѣ—передъ имѣющими цензъ гражданами. Затѣмъ имъ, въ случаѣ желанія, предоставлялось выселиться. Деньги, которыя были взяты взаймы на войну, каждая сторона должна уплатить отдѣльно.

Когда многіе изъ сторонниковъ Тридцати, побуждаемые опасеніями, задумали выселиться, но откладывали заявленіе объ этомъ на послѣдніе дни—„какъ это обыкновенно всѣ дѣлаютъ“, замѣчаетъ Аристотель,—то Архинъ, одинъ изъ вождей демократовъ и сотрудниковъ Ѳрасибула, игравшій особенно видную роль въ дѣлѣ замиренія, съ цѣлью удержать ихъ въ Аѳинахъ, сократилъ произвольно срокъ, назначенный для записи, и такимъ образомъ многихъ принудилъ остаться, пока ихъ опасенія исчезли. Элевсинъ составилъ какъ-бы самостоятельную общину, независимый городъ, рядомъ съ Аѳинами. Только на третій годъ послѣ выселенія послѣдовало полное примиреніе аѳинянъ съ переселившимися въ Элевсинъ.

Тѣ, кто принималъ участіе въ освобожденіи Аѳинъ отъ ига олигарховъ, получили награды. Участникамъ изъ гражданъ рѣшено было дать 1000 драхмъ „на жертву и приношенія“ и наградить каждаго ихъ нихъ плющевымъ вѣнкомъ; метэкамъ, сражавшимся у Мунихіи, дарована, согласно обѣщанію, исотелія, а тѣ изъ нихъ, кто былъ въ Филѣ, кто примкнулъ съ самаго начала къ движенію и былъ въ числѣ его иниціаторовъ, получили право гражданства [1]). Ѳрасибулъ предло-

[1]) Это видно изъ одной надписи—документа изъ эпохи возстановленія

жилъ даже дать политическія права всѣмъ возвратившимся вмѣстѣ съ „пирейцами“, въ числѣ которыхъ были и несомнѣнные рабы; но противъ этого предложенія Архинъ внесъ обвиненіе въ противозаконности.

Побѣдители-демократы честно, свято исполнили условія примиренія [1]). Они дѣйствительно предали забвенію прошлое. Когда одинъ аѳинянинъ началъ „поминать прошлое“ и выступилъ съ обвиненіями противъ нѣкоторыхъ лицъ, то Архинъ отвелъ его въ совѣтъ и настоялъ на немедленной казни его безъ суда, на страхъ другимъ, говоря, что теперь членамъ совѣта представляется случай показать, желаютъ ли они спасти демократію и остаться вѣрными данной клятвѣ. Послѣ этого, говоритъ Аристотель, никто уже впослѣдствіи не „поминалъ прошлаго“. Вообще изъ пережитыхъ несчастій демократы извлекли прекрасный, полезный урокъ. Они не только предали забвенію прошлыя вины, но и уплатили общими силами Спартѣ деньги, взятыя взаймы олигархами на войну противъ нихъ же— хотя по договору каждая сторона отдѣльно должна была платить свои долги—, полагая, что этимъ должно положить начало единенію. Такому образу дѣйствій аѳинскихъ демократовъ Аристотель противоставляетъ поведеніе демократовъ въ другихъ городахъ, которые не только ничего не жертвовали изъ своихъ средствъ, но и устраивали передѣлъ земли. Ѳрасибулъ же, Архинъ и нѣкоторые другіе знали, въ чьихъ рукахъ находится конфискованное у нихъ во время Тридцати имущество, но и не пытались вернуть его себѣ, чтобы не разстраивать мира.

Въ Аѳинахъ правленіе временно было поручено коммиссіи или комитету изъ 20 лицъ [2]), подъ руководствомъ которыхъ были выбраны по жребію совѣтъ и власти, въ томъ числѣ архонтъ Евклидъ. Народное собраніе и народный судъ возста-

---

демократіи въ Аѳинахъ, 401/0 г. О ней ст. Ziebarth'a въ Mittheil. d. Deutsch. Archaol. Instit. Athen. XXIII. 1898, и С. А. Жебелева въ „Филолог. Обозр.“, XV, 1898, стр. 47 сл.

[1]) Если не считать упомянутаго сокращенія срока записи для переселенія въ Элевсинъ, съ цѣлью удержать въ Аѳинахъ боящихся.

[2]) Можетъ быть, къ Десяти городскимъ прибавлено десять изъ Пирея. Beloch, Die att. Polit., 109.

новлены. Годъ „архонтства Евклида“ явился какъ-бы гранью, своего рода эрою въ аѳинской исторіи. Онъ остался памятенъ во многихъ отношеніяхъ. Необходимо было вновь организовать потрясенный строй и притомъ примѣнительно къ новымъ условіямъ, въ которыхъ очутились Аѳины послѣ несчастной для нихъ войны; необходимо было устранить тотъ хаосъ, который господствовалъ въ сферѣ права, гдѣ образовалось немало наслоеній, гдѣ накопилось много законовъ устарѣвшихъ или непримѣнимыхъ, даже непонятныхъ, или взаимно противорѣчащихъ. Въ архонтство Евклида произведены систематическій пересмотръ и кодификація законовъ. По псефизмѣ Тисамена [1]) возстановлялись законы Солона, а также „установленія“ Дракона, бывшіе еще въ силѣ въ прежнее время: ими должны были пользоваться „по старинѣ“. Составить новые законы, какіе необходимо было добавить, поручалось особой законодательной коммиссіи, по избранію совѣта. Устанавливался, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, тотъ порядокъ ихъ разсмотрѣнія и одобренія, о которомъ мы говорили по поводу реформы Эфіальта (стр. 130): упомянутая коммиссія, записавъ законы, должна была выставить ихъ на таблицахъ у статуй героевъ-эпонимовъ, чтобы каждый желающій могъ ихъ обозрѣть. Законы эти долженъ былъ „подвергнуть испытанію“ совѣтъ вмѣстѣ съ 500 номоѳетовъ, избранныхъ демотами и связанныхъ клятвою. Относительно ареопага замѣчается возвратъ, *до нѣкоторой степени*, къ прошлому, къ тому порядку, который существовалъ до реформы Эфіальта: ареопагъ долженъ былъ заботиться о томъ, чтобы власти соблюдали законы. Такимъ образомъ усиливалось вліяніе этого учрежденія, повидимому не скомпрометтировавшаго себя во время тиранніи Тридцати. Затѣмъ, всѣ не утвержденные законы и псефизмы объявлены были не имѣющими силы, запрещалось пользоваться „неписаннымъ закономъ“, коренящимся въ сознаніи всѣхъ, обычнымъ правомъ, и т. д. [2]). Постановленія совѣта и народнаго собранія не должны были быть выше закона. Въ законодательную коммиссію избраны

[1]) Она приведена въ рѣчи Андокида о мистеріяхъ, 83 сл.

[2]) Въ архонтство Евклида произошла перемѣна и въ употребленіи алфавита: вмѣсто аттическаго оффиціальнымъ алфавитомъ признанъ іонійскій.

были между прочимъ самъ авторъ упомянутой псефизмы Тисаменъ и Никомахъ, который уже принималъ участіе въ прежнихъ кодификаціонныхъ работахъ (стр. 346); его упрекали въ медлительности и въ злоупотребленіяхъ, намѣренныхъ искаженіяхъ, но, повидимому, онъ нуженъ былъ, какъ человѣкъ опытный. И эта работа затянулась на нѣсколько лѣтъ, до 399 г. Свобода личности, окончательное уничтоженіе семейно-родовой отвѣтственности, вотъ тотъ принципъ, который былъ проведенъ при пересмотрѣ законовъ [1]). Произошло также немало перемѣнъ въ финансовой администраціи, сообразно измѣнившимся условіямъ; эллинотаміи, напр., были упразднены, такъ какъ аѳинскій союзъ и союзная казна уже не существовали.

Въ смутные годы Пелопоннесской войны и въ виду тяжкихъ потерь въ гражданахъ Перикловъ законъ о правѣ гражданства (стр. 146) или фактически не соблюдался, или даже былъ, можетъ быть, смягченъ. По крайней мѣрѣ, немало чуждыхъ элементовъ за эти годы проникло въ составъ аѳинскихъ гражданъ. Теперь, по предложенію Арифрона, Перикловъ законъ былъ возобновленъ; только ему не дано обратной силы: кто въ архонтство Евклида признавался гражданиномъ, оставался имъ, хотя бы его происхожденіе и было сомнительно.

Была попытка еще съ другой стороны ограничить число полноправныхъ аѳинскихъ гражданъ. Формисій предложилъ предоставить политическія права только земельнымъ собственникамъ. Около 5000 аѳинянъ [2]) — ѳетовъ и обѣднѣвшихъ гражданъ изъ высшихъ классовъ—должны были бы въ такомъ случаѣ лишиться политическихъ правъ. Демосъ, только-что одержавшій верхъ въ борьбѣ съ олигархіей, не могъ согласиться на это. Предложеніе Формисія было отвергнуто.

Народъ, говоритъ Аристотель (гл. 41), получилъ въ свои руки государственное управленіе по справедливости, такъ какъ возвращеніемъ онъ былъ обязанъ самому себѣ. Очевидно, Аристотель не придавалъ большого значенія посредничеству спартанцевъ...

---

[1]) Glotz, Études sociales et juridiques sur l'antiquité grecque. P. 1906, стр. 293, 298.

[2]) E. Meyer, V, 216.

Такъ закончился кризисъ въ исторіи Аѳинъ, внѣшней и внутренней. Революціонная пора миновала и возстановлена была демократія, на этотъ разъ окончательно, до самой потери независимости. Партія крайнихъ олигарховъ съ тѣхъ поръ исчезаетъ изъ Аѳинъ, скомпрометтированная, не имѣя крѣпкихъ корней, оставивъ послѣ себя лишь тяжелыя, кровавыя воспоминанія. Уроки прошлаго, событія 411 и 404/3 г., остались для аѳинянъ навсегда памятными. Демократія, сложившаяся въ Аѳинахъ исторически, въ теченіе поколѣній, развивавшаяся органически, была неразрывно связана съ существованіемъ независимаго Аѳинскаго государства. Для другого строя тутъ не было соотвѣтствующей почвы.

Судъ надъ Сократомъ.

Въ нѣкоторой связи съ событіями, пережитыми аѳинянами въ концѣ V в., находится эпизодъ, лежащій темнымъ пятномъ на ихъ демократіи. Это—процессъ и казнь Сократа.

Время Пелопоннесской войны было эпохой не только политическаго кризиса, но и кризиса въ міровоззрѣніи, глубокихъ перемѣнъ въ сферѣ умственной и нравственной, въ сферѣ образованія. То была эпоха софистовъ и Сократа.

Старинное образованіе аѳинянина было несложно: оно состояло главнымъ образомъ въ обученіи чтенію и письму, гимнастикѣ, пѣнію и музыкѣ, въ заучиваніи стиховъ древнихъ поэтовъ; на этихъ поэтахъ воспитывались прежнія поколѣнія. Теперь такое образованіе уже многихъ не удовлетворяетъ. Назрѣли новыя потребности; человѣкъ не хочетъ принимать что-либо на вѣру; онъ подвергаетъ критикѣ, сомнѣнію установившіеся вѣрованія, воззрѣнія, обычаи и порядки. Осложнившаяся жизнь требуетъ иного, высшаго образованія. Чтобы выдержать жизненную борьбу, играть роль въ обществѣ, въ государствѣ, нужно было обладать имъ и прежде всего надо было владѣть словомъ, искусствомъ „мыслить и говорить“. Какая противоположность существовала между старымъ и новымъ образованіемъ, мы видимъ у Аристофана въ его „Облакахъ“, въ спорѣ между „Справедливымъ“ и „Несправедливымъ Словомъ“.

Навстрѣчу новой потребности шли *софисты* [1],—профессіональные, платные учителя „мудрости“, дѣлавшіе изъ нея ремесло и предлагавшіе ее за извѣстное вознагражденіе, о которыхъ у Платона (въ „Протагорѣ“) говорится, что они развозили по городамъ науку и „торговали ею оптомъ и въ розницу“, „расхваливая то, что̀ продавали, какъ тотъ купецъ или разносчикъ, что торгуетъ тѣлесною пищею; они расхваливали все ради продажи, сами не зная толкомъ, что̀ продаютъ, хорошо ли оно или худо для души“. Это были „просвѣтители“ и „энциклопедисты“ того времени [2]). Учили они самымъ разнообразнымъ предметамъ, „всѣмъ искусствамъ и наукамъ“, какъ величался напр. софистъ Гиппій на площади, у столовъ мѣнялъ; но въ особенности учили они „мыслить и говорить“, искусству слова, этому, по выраженію Горгія, „величайшему благу, которому люди обязаны какъ своею свободою, такъ и властью надъ другими, ибо рѣчами можно убѣждать и судей въ судахъ, и членовъ совѣта въ совѣтѣ, и народъ въ народномъ собраніи, и всѣхъ во всякомъ политическомъ собраніи; владѣя такою силою, ты будешь имѣть раба и во врачѣ и въ воспитателѣ; ростовщикъ будетъ наживать не для себя, а для другихъ—для тебя, умѣющаго говорить и убѣждать толпу“. Софисты обладали этимъ искусствомъ, умѣли „слабое слово дѣлать сильнымъ“; они были искусны въ спорахъ, старались сбить и запутать противника. Ихъ споры—это новый видъ состязаній, agōn'овъ, тѣхъ развлеченій, которыя такъ любили аѳиняне [3]). Воззрѣнія и пріемы софистовъ, ихъ эристика, риторика, діалектика широко распространялись и находили отраженіе и въ литературѣ; стоитъ только вспомнить объ Еврипидѣ, у котораго дѣйствующія лица нерѣдко произносятъ рѣчи по всѣмъ правиламъ тогдашней риторики, разбираютъ вопросъ pro и contra. Еврипидъ, какъ осмѣиваетъ его Аристофанъ въ „Лягушкахъ“, все изслѣдуетъ и разсуждаетъ: почему? зачѣмъ? кто? гдѣ? какъ? откуда?..

Хотя софисты не составляли опредѣленной школы и по уму, талантамъ и нравственнымъ качествамъ немало отличались

[1]) Слово это собственно значитъ „мудрецъ“ и первоначально не заключало въ себѣ предосудительнаго оттѣнка.

[2]) Zeller, Die Philosophie d. Griechen. Leipz. 1877, I⁴, 1027.

[3]) Кн. С. Н. Трубецкой, Исторія древн. философіи. М. 1906, I, 153.

другъ отъ друга—старшее, напр., поколѣніе, къ которому принадлежали Протагоръ, Горгій, Продикъ, было во всѣхъ отношеніяхъ выше младшаго,—но все же въ ихъ воззрѣніяхъ можно замѣтить нѣкоторыя господствующія черты, характеризующія вмѣстѣ съ тѣмъ и ту эпоху.

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить крайній субъективизмъ софистовъ. Какъ упомянуто (стр. 190), человѣкъ признавался „мѣрою всѣхъ вещей, существующихъ, что онѣ существуютъ, не существующихъ, что онѣ не существуютъ". Нѣтъ истины, нѣтъ знанія, есть только мнѣнія; что̀ кому кажется, такъ оно для него и есть. О каждомъ предметѣ можно высказать два противоположныхъ мнѣнія и каждое изъ нихъ можно защищать съ тѣмъ же субъективнымъ правомъ. Все является условнымъ, относительнымъ, такимъ, какимъ оно представляется въ данный моментъ данному лицу. Софисты были по преимуществу скептики и отрицатели. По Горгію, „не существуетъ ничего; если бы и существовало, то оно не было бы познаваемо, а если бы было познаваемо, то не могло бы быть передаваемо". Мы видѣли (стр. 193—4), какъ скептически относился къ греческимъ богамъ Протагоръ: „о богахъ", говорилъ онъ, „я не могу знать, ни что они есть, ни что ихъ нѣтъ".

Историческій процессъ привелъ къ критическому отношенію ко всему прежнему, установленному. Всѣ основы стараго порядка — право и обычаи, религія и нравственность — все это подвергалось обсужденію, критикѣ, отрицанію или сомнѣнію. „Какъ пріятно", говоритъ Стрепсіадовъ сынъ въ Аристофановыхъ „Облакахъ", „познакомиться съ новыми, прекрасными вещами и свысока смотрѣть на существующіе законы" (ст. 1398). Религія объявлялась выдумкой какого-нибудь хитреца (стр. 365); вѣра въ святость и ненарушимость закона утратилась и считалась предразсудкомъ. Въ противовѣсъ установленному человѣческому закону выставлялось право природы, естественное право. Выдвигалась личность, и на первый планъ ставились ея интересы и выгоды: сильная личность, свободная отъ предразсудковъ, знаетъ, какъ мало цѣны имѣютъ обычныя нравственныя понятія и законы; она смѣло можетъ быть выше этихъ „предразсудковъ", попирать ихъ, стать, выражаясь современнымъ языкомъ, „по ту сторону добра и зла"; она можетъ смѣло

стремиться къ неограниченной власти, какъ вершинѣ человѣческаго счастья, къ удовлетворенію лишь своихъ желаній.

Въ этомъ отношеніи чрезвычайно характерны слова Калликла (въ Платоновомъ „Горгіи“, 483 — 4, 491 — 2) [1]), по которому законы человѣческіе—это путы, коими слабые и ничтожные связываютъ сильныхъ: устанавливая законы, они одно хвалятъ, другое порицаютъ ради самихъ себя и своей выгоды. Страшась, чтобы люди болѣе сильные и способные къ преобладанію не взяли верхъ надъ ними, эти слабые говорятъ, что своекорыстное притязаніе дурно и несправедливо, что стремленіе обладать бо̀льшимъ, чѣмъ другіе, и составляетъ несправедливость. Сами будучи худшими, они дорожатъ равенствомъ. Вслѣдствіе этого законъ признаетъ несправедливымъ и дурнымъ, если одинъ человѣкъ старается имѣть больше, чѣмъ другіе. А между тѣмъ сама природа учитъ, что лучшему справедливо преобладать надъ худшимъ и болѣе сильному надъ менѣе сильнымъ. Для животныхъ, для людей, для цѣлыхъ государствъ и народовъ право заключается въ томъ, чтобы сильнѣйшій властвовалъ и преобладалъ надъ слабѣйшимъ. Поступать такъ значитъ дѣйствовать по закону природы,—конечно, не по тому, который измышляемъ мы, когда, овладѣвая людьми отличными и сильнѣйшими еще въ ихъ молодости, заговаривая и очаровывая ихъ, какъ ручныхъ львовъ, мы порабощаемъ ихъ, говоря: слѣдуетъ держаться равенства, въ этомъ-то и состоитъ прекрасное и справедливое. Если же бы нашелся человѣкъ съ сильнымъ характеромъ, то онъ бы стряхнулъ и расторгъ все это и, поправъ наши писанія, чары, заклинанія и всѣ противные природѣ законы, возсталъ и изъ раба сдѣлался господиномъ. Здѣсь-то просіяло бы право природы, — естественное право сильнаго. Сдерживать себя, по мнѣнію Калликла, глупо; по природѣ прекрасное и справедливое состоитъ въ томъ, чтобы безнаказанно удовлетворять свои желанія, служить имъ отвагою и умомъ. Толпа по малодушію хвалитъ скромность и справедливость. Но для людей сильныхъ и властныхъ можетъ ли быть что-нибудь хуже скромности? При полной возможности безпре-

[1]) А. Н. Гиляровъ, Греч. софисты, ихъ міровоззрѣніе и дѣятельность въ связи съ общей политич. и культурн. исторіей Греціи М. 1888, стр. 67—69; кн. С. Н. Трубецкой, Ист. древн. филос., I, 161—2.

пятственно наслаждаться благами, нужно ли имъ ставить надъ собою господина — человѣческіе законы, толки и порицанія? „Роскошь, необузданность, свобода отъ всякихъ стѣсненій — вотъ добродѣтель и счастье; а все остальное—пустая прикраса, противоестественное соглашеніе, ничего не стоющая людская выдумка!“ на что̀ Сократъ иронически отвѣчаетъ: „не безъ благородной откровенности изложилъ ты свои мысли, Калликлъ: ты высказалъ ясно то, что̀ другіе хотя и думаютъ, но говорить не рѣшаются“. А софистъ Ѳрасимахъ—въ Платоновомъ „Государствѣ (338, 343—4)—развиваетъ ту мысль, что справедливость есть не что иное, какъ полезное сильнѣйшему; всякая власть даетъ законы, сообразные съ ея пользою: демократія—демократическіе, тираннія — тираническіе и т. д.; давъ же законы, полезные для себя, она объявляетъ ихъ справедливыми для подданныхъ и нарушителя этихъ законовъ наказываетъ. какъ беззаконника и противника правды.

Послѣ этого намъ становятся еще понятнѣе личности, подобныя Алкивіаду и Критію; это—живая иллюстрація къ положеніямъ Калликла и Ѳрасимаха.

Въ противоположность прежнему націонализму съ конца V и начала IV в. все чаще высказываются идеи космополитическія. „Отечество — тамъ, гдѣ намъ хорошо“, говорится въ Аристофановомъ „Богатствѣ“ (ст. 1151); или, напр., у Еврипида: „Земля, наша кормилица, вездѣ для насъ отечество“. У софистовъ мы встрѣчаемъ немало и гуманныхъ идей. Нѣкоторые изъ нихъ осуждали рабство (стр. 222); у нихъ встрѣчается идея братства всѣхъ людей. „Мы всѣ здѣсь“, говорилъ Гиппій [1]), „родные, собратья и сограждане по природѣ. Ибо подобное подобному по природѣ сродно, и только законъ, этотъ властелинъ людей, распоряжается нами противъ природы“.

Не слѣдуетъ представлять себѣ софистовъ только какъ разрушителей. Но въ общемъ все же они подрывали устои существовавшихъ вѣрованій, нравственности, государства и

---

[1]) Въ Платоновомъ „Протагорѣ“, 337 d. Ср. ст. И. Ѳ. Анненскаго, Аѳинск. націонализмъ и зарожденіе идеи міров. гражданства („Гермесъ“, 1907, № 1—2).

въ-замѣнъ стараго мало давали положительнаго. Противъ нихъ выступилъ Сократъ и указалъ новые пути философской мысли [1]).

Первые греческіе философы, какъ извѣстно, задавались преимущественно вопросами о происхожденіи міра. Но уже софисты стали обращать вниманіе на человѣка; Сократъ же исключительно сосредоточилъ свой интересъ на человѣкѣ и, по выраженію древнихъ, свелъ философію съ неба на землю. Онъ занимался опредѣленіемъ понятій и изслѣдованіемъ о добродѣтели; онъ явился основателемъ послѣдующей логики и этики. Онъ училъ самопознанію и добродѣтели, которая есть, по его мнѣнію, знаніе и достигается путемъ размышленія. Сократа сближало съ софистами отношеніе къ авторитету; его принципъ заключался въ томъ, чтобы ничего не принимать на вѣру, безъ доказательствъ, безъ испытанія; онъ самъ стремился и другихъ побуждалъ изслѣдовать, размышлять, слѣдовать только своему убѣжденію. Въ этомъ отношеніи Сократъ былъ раціоналистъ и оказывался въ противорѣчіи съ прежнимъ, стариннымъ міровоззрѣніемъ. Тутъ онъ стоялъ на иной точкѣ зрѣнія, на почвѣ новаго образованія. Но тогда какъ софисты ограничивались отрицаніемъ и сомнѣніемъ, тогда какъ по ихъ мнѣнію истины не существуетъ, Сократъ, наоборотъ, утверждалъ, что истина и добродѣтель существуетъ. Онъ впервые выяснилъ идею знанія; „впервые и съ полнымъ сознаніемъ онъ заявилъ, что должно существовать нѣчто обязательное, находящееся надъ всѣми индивидуумами, и что знаніе существуетъ лишь тамъ, гдѣ это понято“ (Виндельбандъ). Сократъ искалъ истины и старался въ другихъ пробудить это стремленіе къ ней, это исканіе ея, вселить духовную жажду ея. Онъ не написалъ ни одной строки, въ которой бы выражалось его ученіе; онъ не излагалъ его къ видѣ стройной

---

[1]) Главные источники—Ксенофонтъ въ „Воспоминаніяхъ“ (Memorabilia) и Платонъ; оба, излагая мысли Сократа, привносятъ много своего. Кромѣ общихъ трудовъ по исторіи греческой философіи — Целлера, Гомперца, Виндельбанда, кн. С. Н. Трубецкого — см. лекцію Виндельбанда (перев. „въ Мірѣ Божіемъ“, 1901, февр.); Joël, Der echte und der Xenophontische Sokrates. Berl. 1893—1901. 2 т.; Pöhlmann, Sokrates und sein Volk. Munch.-Leipz. 1899; ср. его же Sokrat. Studien. Munch. 1906 (Sitz.-ber. d. Bayer. Akad. d. Wissensch.).

системы, готовыхъ положеній; онъ вступалъ обыкновенно въ устную бесѣду и путемъ вопросовъ старался лишь навести на путь къ истинѣ и добродѣтели, разоблачая въ то же время мнимое знаніе, шарлатанство и самомнѣніе. Сократъ стремился вызвать въ собесѣдникѣ соотвѣтствующее настроеніе, пробудить въ немъ мысли; онъ какъ-бы помогалъ ихъ рожденію, „повивалъ“ умы недаромъ онъ сравнивалъ свое занятіе съ повивальнымъ искусствомъ.

Добродѣтель, по мнѣнію Сократа, состоитъ въ знаніи: знаніе есть основа всякаго нравственнаго поступка и незнаніе — основа всѣхъ ошибокъ и недостатковъ. Сократъ не могъ себѣ представить знанія безъ добродѣтели и добродѣтели безъ знанія; зло творить, по его мнѣнію, можно только по невѣдѣнію; не слѣдуетъ причинять его другому, даже врагу, неправильно воздавать несправедливостью за несправедливость, зломъ за зло. Борясь съ софистами, Сократъ имѣлъ въ виду нравственное возрожденіе общества. Истинное благо онъ видѣлъ въ жизни сообразно съ истиной, когда человѣкъ перестаетъ быть рабомъ своихъ желаній и становится свободнымъ. Сократъ училъ, что нужно заботиться о разумности, истинѣ, о душѣ своей, чтобы она была какъ можно лучше, ибо это — самое дорогое сокровище. По словамъ Платоновой „Апологіи Сократа“ (гл. 17) [1]), которую Гомперцъ называетъ „стилизированной правдой“, Сократъ, обращаясь къ встрѣчному, обыкновенно говорилъ: „О лучшій изъ мужей, гражданинъ города Аѳинъ, величайшаго изъ городовъ и больше всѣхъ прославленнаго за мудрость и силу, не стыдно ли тебѣ, что ты заботишься о деньгахъ, чтобы ихъ у тебя было какъ можно больше, о славѣ и почестяхъ, а о разумности, объ истинѣ и о душѣ своей, чтобы она была какъ можно лучше, не заботишься и не помышляешь?“ „И если кто изъ васъ,“ продолжалъ Сократъ въ той же „Апологіи“, „станетъ утверждать, что онъ заботится, то я не оставлю его и не уйду отъ него тотчасъ же, а буду его распрашивать, пытать, опровергать, и если мнѣ покажется, что въ немъ нѣтъ доблести, а онъ только говоритъ, что есть,

[1]) „Твор. Платона“, пер. В. Соловьева, М. С. Соловьева и кн. С. Н. Трубецкого, т. II (М. 1903).

буду попрекать его за то, что онъ самое дорогое не цѣнитъ ни во что, а плохое цѣнитъ дороже всего... Вѣдь я только и дѣлаю, что хожу и убѣждаю каждаго изъ васъ, молодого и стараго, заботиться раньше и сильнѣе не о тѣлахъ вашихъ или о деньгахъ, но о душѣ, чтобы она была какъ можно лучше"... „Ежедневно бесѣдовать о добродѣтели и обо всемъ прочемъ, о чемъ онъ бесѣдовалъ, испытывая себя и другихъ", по мнѣнію Сократа,—величайшее благо для человѣка и жизнь безъ такого изслѣдованія не есть жизнь для человѣка (гл. 28).

Въ этомъ Сократъ видѣлъ свое призваніе, свою миссію, велѣніе бога, котораго надо слушаться больше, нежели людей, ибо Сократъ, не смотря на свой раціонализмъ, былъ религіозенъ и слѣдовалъ своему „даймоніону", внутреннему голосу. Философа этого, лѣто и зиму одѣтаго одинаково, въ одинъ и тотъ же плащъ, босого, по наружности напоминающаго сатира или силена, можно было встрѣтить каждый день на улицахъ и площадяхъ Аѳинъ, въ гимназіяхъ и палестрахъ останавливающимъ знакомаго и незнакомаго, вступающимъ въ бесѣду, задающимъ вопросы, всегда спокойнаго, съ ясной душой, проникнутаго юморомъ. Такъ всю жизнь проводилъ онъ въ Аѳинахъ, почти никогда не покидая ихъ, обнаруживая полное пренебреженіе къ мірскимъ благамъ, богатству и почестямъ и въ то же время не впадая въ суровый ригоризмъ или аскетизмъ. Сократа нерѣдко можно было видѣть и въ частныхъ домахъ, среди гостей, на пирахъ, въ которыхъ онъ охотно принималъ участіе, сохраняя и тутъ всегда ясность ума. Сократъ не стремился къ общественнымъ должностямъ; это отвлекло бы его отъ того дѣла, въ которомъ онъ видѣлъ свое призваніе; притомъ онъ относился критически къ демократіи; но законамъ ея повиновался и честно исполнялъ долгъ гражданина, когда этого требовали обстоятельства; мужественно сражался у Потидеи и при Деліи; былъ пританомъ въ то время, когда судили стратеговъ, побѣдителей при Аргинусахъ, и тутъ, какъ мы видѣли, смѣло возсталъ противъ беззаконія; онъ одинъ изъ всѣхъ притановъ остался вѣренъ своему убѣжденію, не смотря на угрозы и крики (стр. 354). Также мужественно отказался онъ исполнить беззаконное требованіе Тридцати привести изъ Саламина стратега Льва, котораго тиранны хотѣли казнить.

Подъ некрасивою—чтобы не сказать безобразною—внѣшностью Сократа скрывалась внутренняя красота, и эта оригинальная, геніальная личность производила на многихъ чарующее впечатлѣніе. Ярко и образно говоритъ объ этомъ Платонъ въ своемъ „Пирѣ“ [1]) устами Алкивіада. Алкивіадъ сравниваетъ Сократа съ тѣми силенами, которые находятся въ мастерскихъ ваятелей и изображаются со свирѣлью или флейтой въ рукахъ, а внутри содержатъ образы боговъ. Онъ подобенъ сатиру Марсію и по виду, такой же насмѣшникъ и музыкантъ; только приводитъ въ восхищеніе онъ безъ помощи инструмента, просто словами. Алкивіадъ говоритъ, что перечувствовалъ онъ отъ рѣчей Сократа: „Когда я слушаю его, сердце у меня бьется сильнѣе, чѣмъ у корибантовъ, и слезы льются отъ рѣчей его. Вижу и многихъ другихъ, которые то же чувствуютъ. Слушая Перикла и иныхъ отличныхъ ораторовъ, я думалъ, что они хорошо говорятъ, но ничего подобнаго я не испытывалъ и не волновалась моя душа, не возмущалась, зачѣмъ она въ рабствѣ; а этотъ Марсій часто настраивалъ меня такъ, что не стоитъ, казалось мнѣ, жить, какъ я живу... Передъ этимъ однимъ изъ всѣхъ людей я чувствую то, чего никто во мнѣ не предполагалъ бы,—чувствую стыдъ. Только его я стыжусь...“ Съ перваго взгляда рѣчи Сократа кажутся смѣшными: внѣшней оболочкой онѣ тоже напоминаютъ сатира; онъ обыкновенно толкуетъ о вьючныхъ ослахъ, о какихъ-то кузнецахъ, сапожникахъ, да кожевникахъ, и повидимому повторяетъ одно и то же. Но кто заглянетъ внутрь этихъ рѣчей, тотъ найдетъ ихъ полными смысла, божественными. „Не знаю, видѣлъ ли кто скрытые внутри Сократа образы, а я“, говоритъ Алкивіадъ, „ихъ видѣлъ однажды, и они показались мнѣ такими божественными, золотыми, прекрасными и чудными...“

И этотъ философъ, посвятившій себя самоотверженному служенію, отысканію истины, учившій добродѣтели, явился однимъ изъ великихъ мучениковъ за убѣжденія. Въ 399 г., вскорѣ послѣ возстановленія въ Аѳинахъ демократіи, тогдашній

---

[1]) 215—221. Есть въ русск. пер. Карпова („Соч. Платона“, ч. IV. Спб. 1863), къ сожалѣнію, тяжеломъ и не изящномъ.

политическій дѣятель, кожевникъ Анитъ, поэтъ Мелетъ и ораторъ Ликонъ представили противъ Сократа обвиненіе въ томъ, что онъ, во-первыхъ, не признаетъ боговъ, которыхъ признаетъ государство, а вводитъ новыя божества и, во-вторыхъ, развращаетъ молодежь. Какъ извѣстно, Сократа судили и предали казни. Но какъ подобное обвиненіе могло имѣть успѣхъ въ Аѳинахъ и какъ такая участь могла постигнуть личность, подобную Сократу? Объясняется это многими причинами.

Вспомнимъ, что наиболѣе демократическая, радикально настроенная въ политическомъ отношеніи часть аѳинскихъ гражданъ въ отношеніи религіозномъ и культурномъ отличалась скорѣе консерватизмомъ, реакціоннымъ духомъ (стр. 192—3). Къ тому же, новое образованіе было антидемократическимъ. Софисты имѣли успѣхъ большею частью среди состоятельной молодежи. За Сократомъ слѣдовали преимущественно молодые люди, у которыхъ было больше досуга, сыновья богатыхъ гражданъ. Масса и въ Аѳинахъ относилась скорѣе враждебно къ философамъ. Въ ея глазахъ это были опасные вольнодумцы, вводившіе новшества, подрывавшіе основы государства и религіи. Прежде уже были случаи гоненія на философовъ, напр. на Анаксагора, Протагора (стр. 193—4). Въ Еврипидовой „Медеѣ“, которая поставлена была задолго до казни Сократа, еще въ 431 г., есть характерныя слова:

Вѣдь если ты невѣжъ чему-нибудь
Хоть мудрому, но новому обучишь,
Готовься между нихъ не мудрецомъ
Прослыть, а тунеядцемъ. Пусть молвою
Ты умниковъ, которыхъ городъ чтитъ,
Поставленъ хоть на палецъ выше будешь,
Ты—человѣкъ опасный... [1])

У комика Евполида говорится: „Я ненавижу и Сократа, этого нищаго болтуна, который всего доискивается и только не заботится о томъ, что̀ ему ѣсть“. Уже Аристофанъ призывалъ къ насильственнымъ мѣрамъ, чтобы положить конецъ новому софистическому ученію и той деморализаціи и соблазну, къ которымъ, по мнѣнію ревнителей старины, оно вело: „Облака“

[1]) Перев. И. Ѳ. Анненскаго („Театръ Еврип.“, I, 155—6).

кончаются сожженіемъ Сократова жилища или „мудрилища“— вмѣстѣ съ философомъ и его учениками—и призывомъ: „Гони, бросай, бей за многое, а больше всего за то, что они оскорбляли боговъ“. Извѣстно, что Аристофанъ въ этой пьесѣ выставилъ Сократа, какъ типъ софиста, и это не одна только простая ошибка или недоразумѣніе: было, какъ мы видѣли, нѣчто общее между Сократомъ и его противниками, софистами. „Сознательная мораль Сократа не могла не показаться опасной для традиціонной староаѳинской морали; въ лицѣ Аристофана старыя Аѳины отбивались отъ того, кто основалъ общечеловѣческую нравственность на развалинахъ національнаго аттическаго міросозерцанія“ [1]). Что касается толпы, то она еще легче могла смѣшивать Сократа съ софистами и вѣрить, что „нѣкій Сократъ, мудрый мужъ, испытуетъ и изслѣдуетъ все, что̀ надъ землею, и все, что̀ подъ землею, выдаетъ ложь за правду и другихъ научаетъ тому же“ („Апологія“, гл. 2).

Сократъ имѣлъ немало и личныхъ враговъ. Къ числу ихъ принадлежали въ особенности тѣ, кому онъ докучалъ своими вопросами, затрогивая ихъ самолюбіе, ставя ихъ въ смѣшное или неловкое положеніе, кого онъ изобличалъ въ шарлатанствѣ и невѣжествѣ, софисты, отцы тѣхъ сыновей, которые слѣдовали за нимъ, слушая его бесѣды, отвлекаясь отъ хозяйства, ремесла, отъ предназначенной родителями карьеры. Въ частности объ Анитѣ напр. говорили, будто онъ золъ былъ на Сократа между прочимъ за то, что тотъ „сбивалъ съ толку“ его сына, находя его слишкомъ способнымъ для того, чтобы заниматься кожевеннымъ дѣломъ, ремесломъ его отца. По словамъ „Апологіи“, Анитъ обрушился на Сократа за политиковъ и ремесленниковъ, Мелетъ—за поэтовъ, Ликонъ—за ораторовъ.

Но главное—отношеніе Сократа къ демократіи. Хотя Сократъ и исполнялъ безупречно обязанности гражданина и свято повиновался законамъ, онъ не скрывалъ однако своего невыгоднаго мнѣнія о демократіи, о господствѣ массы, большинства. По его мнѣнію, если вѣрить Платону, масса, большинство не способно ни на великое зло, ни на великое добро; оно не можетъ сдѣлать человѣка ни разумнымъ, ни неразумнымъ, а дѣ-

[1]) Ѳ. Ф. Зѣлинскій, Изъ жизни идей, I, 320.

лаетъ что̀ попало („Критонъ“, 44 d). Сократъ въ особенности находилъ нелѣпымъ замѣщать должности по жребію и поручать государственныя дѣла людямъ не подготовленнымъ, не знающимъ или неспособнымъ, тогда какъ никому не придетъ въ голову назначать по жребію кормчаго, архитектора или музыканта [1]). Еще болѣе возстановляло противъ Сократа то, что изъ среды его слушателей вышли такіе дѣятели, какъ Алкивіадъ и особенно Критій: выводили заключеніе, что Сократъ вредно вліяетъ на патріотизмъ и преданность демократіи, что онъ воспитываетъ плохихъ гражданъ, враговъ отечества и существующаго строя, и въ числѣ его обвинителей мы видимъ Анита, сотрудника Ѳрасибула и Архина въ дѣлѣ возстановленія демократіи въ Аѳинахъ, а между судьями было немало людей, бывшихъ съ Ѳрасибуломъ въ изгнаніи и затѣмъ вернувшихся Нужно вспомнить, что̀ пережили аѳиняне въ послѣдніе годы Пелопоннесской войны и во время владычества Тридцати, представить себѣ то настроеніе, которое господствовало въ Аѳинахъ по сверженіи ига тирановъ, чтобы понять исходъ Сократова процесса. Сократъ палъ жертвой демократической реакціи, наступившей послѣ паденія Тридцати [2]).

Наконецъ немалую роль сыграло и поведеніе Сократа во время самаго процесса. Онъ не прибѣгалъ къ обычнымъ пріемамъ, не унижался предъ судьями, не старался ихъ разжалобить и прямо заявлялъ, что если его отпустятъ, то онъ, пока есть въ немъ дыханіе и способности, не перестанетъ философствовать, уговаривать и убѣждать. Быть убитымъ, изгнаннымъ, лишеннымъ правъ онъ не считалъ за великое зло для себя. Смерть онъ признавалъ за благо, ибо умереть значитъ одно изъ двухъ: или перейти къ небытію, не испытывать никакого ощущенія, или это переходъ въ другое мѣсто, въ другой міръ... Незначительнымъ большинствомъ Сократъ признанъ былъ виновнымъ. Надлежало опредѣлить наказаніе. Обвинители требовали казни, а Сократъ находилъ, что онъ заслуживаетъ не наказанія за свою дѣятельность, а почетной награды—дарового обѣда въ пританеѣ. Правда, въ концѣ концовъ онъ соглашался уплатить

[1]) Ксенофонтъ, „Воспомин. о Сокр.“, I, 2, 9.
[2]) Zeller, II⁴, 217.

1 мину, а въ виду поручительства друзей и учениковъ даже 30 минъ, но судьямъ это казалось скорѣе насмѣшкой, глумленіемъ, и смертный приговоръ былъ ему вынесенъ уже большимъ числомъ голосовъ.

Не чувствуя за собой вины, вѣрный своимъ убѣжденіямъ и законамъ отечества, спокойно, съ обычною невозмутимостью и ясностью духа, „безъ трагическаго чувства мученичества и безъ радости побѣднаго конца“, семидесятилѣтній философъ выпилъ чашу съ ядомъ,—обычный способъ казни въ Аѳинахъ. Говоря словами кн. С. Н. Трубецкого [1]), „Сократъ палъ жертвою ложнаго національнаго, ложнаго патріотизма и ложнаго правовѣрія. Пусть онъ не былъ софистомъ, а философомъ,—развѣ это не то же самое, развѣ это не хуже для такихъ патріотовъ, какъ Анитъ, если бы только они могли уловить различіе между философіей и софистикой? Вмѣсто суевѣрій древняго благочестія—идеалъ высшаго универсальнаго разума и универсальной, самодовлѣющей правды,... вмѣсто національнаго патріотическаго самомнѣнія — самоизслѣдованіе, самоиспытаніе, вмѣсто заботы о приращеніи могущества и богатства Аѳинскаго государства—забота о самомъ существѣ государства, о его нравственномъ строѣ, *о воспитаніи гражданъ въ любви къ мудрости*. Пусть Сократъ не метеорософистъ, не астрономъ, какъ Анаксагоръ; пусть онъ „свелъ философію съ неба на землю“ и ограничилъ ее нравственною областью, дѣлами человѣческими. Тѣмъ хуже,—онъ коснулся заповѣдной области, въ которой всего менѣе слѣдовало бы допускать умствованіе, онъ человѣческія дѣла переноситъ съ земли на небо, и въ то время какъ демократическое правительство не признаетъ никакихъ законовъ, кромѣ писанныхъ, и уничтожаетъ неписанный законъ обычнаго права [2]), онъ грезитъ о какомъ-то вѣчномъ и высшемъ законѣ правды, который выше самихъ боговъ. И притомъ еще онъ ссылается на свое божественное посланничество. Софистъ или философъ, онъ виновенъ въ нечестіи—онъ вводитъ новыя божества и онъ развращаетъ молодежь, эмансипируя ее отъ традиціонныхъ убѣжденій и мнѣній, требуя отъ нея свободнаго изслѣдованія

[1]) Въ „Разсужденіи объ Апологіи“ („Твор. Плат.“, II, 327—8).
[2]) См. выше, стр. 372.

всего принятаго на вѣру, возбуждая въ ней духъ критики и наконецъ, вселяя въ нее иные нравственные идеалы, которые онъ признаетъ высшими вѣковѣчныхъ отечественныхъ идеаловъ. И пусть онъ никогда [1]) не выходилъ изъ родного города и вѣрно ему служилъ: его идеалъ внѣ Аѳинъ, выше Аѳинъ".

[1]) За исключеніемъ двухъ походовъ—къ Потидеѣ и въ Беотію.

IV. УПАДОКЪ.

Отъ возстановленія демократіи до Анталкидова мира

Демократія была возстановлена въ Аѳинахъ, но онѣ, послѣ злосчастной войны и тиранніи Тридцати, представляли печальную картину [1]). Число гражданъ уменьшилось на треть, если не на половину: оно понизилось до 20—25000. Страна была разорена; земледѣліе, промышленность, торговля въ упадкѣ. Государство, казалось, находилось наканунѣ полнаго банкротства, казна пуста; доходы крайне ограничены; Аѳинскій союзъ не существовалъ и не было ни фороса, ни 5% сбора, ни другихъ доходовъ, получавшихся съ союзниковъ. Аѳиняне лишились владѣній внѣ Аттики. Тысячи клеруховъ принуждены были покинуть свои участки и возвратились въ Аѳины разоренные, безъ средствъ къ существованію [2]). Многіе граждане изъ прежде богатыхъ фамилій обѣднѣли. Укрѣпленія и Длинныя стѣны были разрушены; не существовало ни флота, ни верфей. Еще недавно могущественныя, Аѳины были теперь политически безсильны. Все приходилось возстановлять, начинать какъ-бы съизнова. Требовалось много энергіи, много жизненности, чтобы хотя нѣсколько оправиться, подняться изъ такого упадка...

---

[1]) Beloch, Die attische Politik seit Perikles. Leipz. 1884; A. Schäfer, Demosthenes und seine Zeit. 2-te Aufl. Leipz. 1885. I.

[2]) Аттическіе поселенцы остались только на Лемносѣ, Имбросѣ и Скиросѣ, такъ какъ тамъ не существовало прежняго населенія. Но эти острова не были уже подвластны Аѳинамъ.

Въ строѣ Аѳинъ со времени возстановленія демократіи и до конца ихъ независимости не произошло какихъ-либо существенныхъ измѣненій. Вотъ почему и Аристотель историческій очеркъ въ „Аѳинской Политіи“ заканчиваетъ возстановленіемъ демократіи. Шло лишь постепенное развитіе въ демократическомъ направленіи; масса, какъ говоритъ Аристотель, все болѣе и болѣе присвоивала себѣ власть, всѣмъ заправляя посредствомъ псефизмъ и дикастеріевъ (гл. 41). Наиболѣе крупными нововведеніями за это время являются, во-первыхъ, плата за посѣщеніе народнаго собранія и, во-вторыхъ, финансовыя реформы, о которыхъ скажемъ далѣе.

Введеніе платы за участіе въ экклесіи, народномъ собраніи, было дальнѣйшимъ развитіемъ той системы денежнаго вознагражденія, которая существовала уже раньше со временъ Перикла. Плату эту впервые ввелъ демагогъ Агиррій, около 395 г. По поводу нея Аристофанъ вспоминаетъ, что въ доброе, старое время никто не смѣлъ брать деньги за исполненіе гражданскихъ обязанностей; а ораторъ Эсхинъ сравниваетъ народное собраніе въ Аѳинахъ съ торговымъ или промышленнымъ товариществомъ: аѳиняне, говоритъ онъ, выходили изъ народнаго собранія, словно изъ промышленнаго или торговаго товарищества, подѣливъ доходы. Но сама необходимость, сила вещей вела къ установленію платы за посѣщеніе народнаго собранія. Даже Аристотель, не сочувствовавшій этой мѣрѣ, признаетъ ея неизбѣжность: безъ нея стало трудно собирать экклесію; многіе, особенно люди малосостоятельные, уклонялись отъ участія въ народномъ собраніи, не желая терять заработокъ, бросать свои дѣла, хозяйство. И вотъ, чтобы привлечь массу въ народное собраніе, говоритъ Аристотель, и придумали эту мѣру (гл. 41). Вмѣстѣ съ тѣмъ она служила подспорьемъ со стороны государства для обѣднѣвшаго или неимущаго населенія. Вообще въ то время система денежныхъ раздачъ, ѳеорикона и т. под. достигла еще бо̀льшаго развитія, чѣмъ прежде, не смотря на тяжелое положеніе государственной казны. Первоначально введенная Агирріемъ плата за посѣщеніе народнаго собранія равнялась 1 оболу; затѣмъ нѣкто Гераклидъ Клазоменскій предложилъ увеличить ее до 2 оболовъ; послѣ этого Агиррій довелъ ее до 3 об. Во времена Аристо-

теля плата эта дошла до 1 драхмы, а за первое собраніе каждой пританіи даже до 9 об., если вѣрить тексту „Аѳинской Политіи“ (гл. 62). Объясняется это отчасти тогдашней дороговизной, повышеніемъ цѣнъ и пониженіемъ цѣнности денегъ, характеризующимъ ту эпоху.

Въ IV в. въ народномъ собраніи и въ совѣтѣ пятисотъ предсѣдательствуютъ уже не пританы со своимъ эпистатомъ, а 9 *проэдровъ*, выбираемыхъ по жребію изъ непританствующихъ филъ, и изъ среды этихъ проэдровъ избирается эпистатъ ихъ. За пританами же осталось лишь право созывать засѣданія, при чемъ ихъ эпистатъ производилъ жеребьеваніе проэдровъ. Такимъ образомъ значеніе притановъ умалилось и вообще въ IV в. вліяніе совѣта падаетъ.

Завѣтная мысль возстановленной демократіи была возстановить и прежній морской союзъ. Это—господствующее, руководящее стремленіе аѳинянъ той эпохи.

Спартанская гегемонія не могла быть прочною [1]). Она оказывалась слишкомъ тяжелою для грековъ. Вмѣсто ожидаемой свободы Спарта наложила иго еще менѣе выносимое, нежели иго Аѳинъ. Достигнувъ господства, спартанцы проявили самый грубый произволъ и насиліе, которые не уравновѣшивались и не смягчались чертами, свойственными болѣе утонченнымъ и— не смотря на всѣ свои недостатки—все-же болѣе гуманнымъ аѳинянамъ. Побѣда Спарты была побѣдой консервативныхъ и олигархическихъ началъ. Въ городахъ, отторгнутыхъ отъ Аѳинъ, власть перешла къ олигархическимъ комитетамъ, декархіямъ (изъ 10 лицъ), и къ гармостамъ. Но для первенства и гегемоніи недостаточно одной грубой, матеріальной силы. Между тѣмъ Спарта въ отношеніи образованія и умственнаго развитія отстала отъ многихъ другихъ греческихъ общинъ, была менѣе культурна, чѣмъ большая часть подчиненныхъ ей греческихъ государствъ. Ея собственный строй страдалъ отъ многихъ недостатковъ; ея соціальныя язвы были велики: среди самихъ спартіатовъ къ тому времени обнаружилось уже большое неравенство, образовался довольно многочисленный пролетаріатъ, недовольный и революціонно-настроенный. Спартанскому строю

[1]) Stern, Gesch. d. spartan. und thebanischen Hegemonie. Dorpat. 1884.

грозила опасность и со стороны Лисандра, самаго могущественнаго человѣка въ тогдашней Греціи, задумавшаго политическій переворотъ съ тѣмъ, чтобы лишить царствовавшія въ Спартѣ фамиліи ихъ исключительнаго права на престолъ и открыть къ нему доступъ другимъ спартіатамъ.

Спарта оттолкнула отъ себя даже своихъ прежнихъ союзниковъ въ Греціи—Ѳивы, Коринѳъ. Измѣнились и ея отношенія къ Персіи. Поводомъ къ этому послужило ея косвенное участіе въ предпріятіи Кира Младшаго („Анабасисъ“) и помощь, оказанная ею мало-азіатскимъ городамъ, которыхъ Тиссаферпъ стремился подчинить персидскому царю. Вскорѣ самъ спартанскій царь Агесилай, какъ новый Агамемнонъ, явился въ Малую Азію и имѣлъ нѣкоторый успѣхъ. Но въ тылу его, въ самой Греціи, обнаружилось антиспартанское движеніе и вспыхнула война [1]).

Здѣсь самымъ дѣятельнымъ врагомъ Спарты оказываются Ѳивы. Сторонниками союза съ ними были аѳинскіе демократы и ихъ вожди, не только демагоги Эпикратъ, Кефалъ, но и освободитель Аѳинъ, Ѳрасибулъ. Войной надѣлялись не только вернуть Аѳинамъ ихъ прежнее политическое положеніе: отъ нея масса ждала и матеріальныхъ выгодъ, новыхъ источниковъ для своего содержанія. Противъ Спарты образовалась коалиція, въ которой приняли участіе и ея прежніе враги, Аѳины, Аргосъ, и ея недавніе союзники, Ѳивы, Коринѳъ [2]). Въ битвѣ при Галіартѣ потерпѣлъ пораженіе и палъ Лисандръ (395 г.), и тогда изъ Азіи спартанцами вызванъ былъ Агесилай. При Коронеѣ Агесилай одержалъ побѣду надъ ѳиванцами и аѳинянами, но не рѣшительную, не имѣвшую существенныхъ послѣдствій.

Между тѣмъ на морѣ произошли важныя по своимъ результатамъ событія. Кононъ, одинъ изъ аѳинскихъ стратеговъ, участвовавшихъ въ битвѣ при Эгосъ Потамахъ (стр. 357), на-

[1]) Источники — Ксенофонтъ, Діодоръ и недавно найденный большой историческій отрывокъ, изданный въ V т. The Oxyrhynchus Papyri (1908). Въ этомъ отрывкѣ имѣются новыя для насъ подробности о событіяхъ 396 г.

[2]) Союзъ этотъ былъ уже подготовленъ, когда въ Грецію явился родосецъ Тимократъ, присланный персидскимъ сатрапомъ съ 50 тал., служившими не столько подкупомъ, сколько субсидіей врагамъ Спарты.

шедшій себѣ пріютъ у владѣтеля Кипра Евагора и теперь поставленный во главѣ снаряженнаго Персіей флота, нанесъ пораженіе спартанцамъ при Книдѣ (394 г.). Для спартанской гегемоніи на морѣ это былъ ударъ, отъ котораго она уже никогда не могла вполнѣ оправиться. Греческимъ городамъ на островахъ и въ Малой Азіи обѣщана автономія. Еще до битвы при Книдѣ Родосъ отпалъ отъ Спарты; теперь ею утрачены были Хіосъ, почти весь мало-азіатскій берегъ до самаго Геллеспонта. Тутъ восторжествовала демократія и спартанскіе гармосты были изгнаны. Нѣкоторые города заключили между собою союзъ или вступили въ торговые и союзные договоры съ Аѳинами. Кононъ, вмѣстѣ съ сатрапомъ Фарнабазомъ, содѣйствовавшимъ всему этому предпріятію, отправляется въ Эгейское море, освобождаетъ Циклады отъ спартанскаго господства, занимаетъ Киѳеру (на югъ отъ Лаконіи) и пристаетъ къ Истму, гдѣ Фарнабазъ входитъ въ сношенія съ союзнымъ совѣтомъ, руководившимъ дѣйствіями противъ Спарты, и даетъ ему субсидію. Затѣмъ Кононъ направляется къ Пирею, къ Аѳинамъ. Здѣсь, при помощи денежныхъ средствъ, предоставленныхъ Персіей, при содѣйствіи матросовъ, самихъ аѳинскихъ гражданъ и ихъ союзниковъ, особенно ѳиванцевъ, приславшихъ мастеровъ и рабочихъ, онъ возстановляетъ Длинныя стѣны, разрушенныя Лисандромъ (стр. 358). Это было великое торжество для Аѳинъ, и граждане въ благодарность воздвигли Конону бронзовую статую на площади, у алтаря Зевса, „Защитника Свободы“, за то, что Кононъ „далъ свободу союзникамъ Аѳинъ“. Подобную же статую поставили они и его другу, Евагору—этому предшественнику послѣдующихъ династовъ эпохи эллинизма,—который много содѣйствовалъ Конону.

Такъ вновь положено было начало аѳинскому морскому господству, первый зародышъ ихъ „Второго союза“, и притомъ при помощи персовъ, для борьбы съ которыми организованъ былъ первый союзъ. По побужденію Конона аѳиняне пытались склонить на свою сторону и могущественнаго тиранна Сициліи Діонисія, но безуспѣшно.

Война и особенно побѣда Конона при Книдѣ должна была отразиться на положеніи аѳинскихъ партій и ихъ вождей—усилилось болѣе радикальное теченіе, возобладали демагоги

Агиррій, Эпикратъ и другъ. Около этого времени вводится и плата за посѣщеніе народнаго собранія.

Дѣло Конона продолжалъ Θрасибулъ. Во главѣ вновь возникшаго аѳинскаго флота онъ направляется къ берегамъ Θракіи и къ Геллеспонту, которымъ такъ дорожили аѳиняне, подчиняетъ Θасосъ, Херсонесъ Θракійскій, Византію и Халкедонъ, затѣмъ Лесбосъ, Галикарнассъ (389 г.). Онъ, очевидно, стремился къ возстановленію прежней аѳинской гегемоніи. Онъ взимаетъ 5%-ный сборъ, замѣнявшій форосъ, и 10%-ную пошлину у Босфора съ проходящихъ судовъ. Чтобы содержать флотъ, Θрасибулъ нуждался въ деньгахъ и долженъ былъ прибѣгать къ различнымъ поборамъ и контрибуціямъ, что вызывало жалобы и дало его противникамъ желанный поводъ къ обвиненіямъ. Но онъ вскорѣ погибъ въ ночной стычкѣ въ далекой Памфиліи.

Между тѣмъ война на сушѣ, въ самой Элладѣ, сосредоточивавшаяся главнымъ образомъ вокругъ Коринѳа (почему она и называется Коринѳскою), шла съ перемѣннымъ успѣхомъ. Аѳиняне вели ее при помощи наемниковъ.

Наемничество [1])—характерное явленіе той эпохи. Тогдашнюю Грецію въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ можно сравнить съ Италіей конца среднихъ и начала новыхъ вѣковъ: отсутствіе политическаго единства, раздробленность и жестокая борьба партій, процвѣтаніе городовъ и торговли, блестящее культурное развитіе и, наконецъ, въ особенности наемничество характеризуютъ ту и другую; съ итальянскими кондоттьерами смѣло можно сопоставить вождей греческихъ наемниковъ, подобныхъ Ификрату, Хабрію и Тимоѳею. Наемничество является всюду при наличности извѣстныхъ условій. Стоитъ вспомнить, помимо Италіи, о швейцарцахъ и нѣмецкихъ ландскнехтахъ, о Валленштейнѣ и наемныхъ войскахъ въ эпоху Тридцатилѣтней войны. Въ Греціи наемничество стало развиваться со времени Пелопоннесской войны и было необходимымъ результатомъ тогдашнихъ политическихъ и общественныхъ условій. Мирные граждане не могли уже удовлетворять военнымъ тре-

[1]) Бабстъ, Государств мужи древн. Греціи въ эпоху ея распаденія М. 1851; Delbrück, Geschichte d. Kriegskunst im Rahmen d. politisch. Gesch. Leipz. I. 1900.

бованіямъ; они не могли надолго бросать свои дѣла, свое хозяйство и служить по цѣлымъ годамъ въ войскѣ, гдѣ-нибудь вдали отъ родины. Такимъ образомъ при частыхъ и продолжительныхъ войнахъ долженъ былъ образоваться особый классъ людей, посвящавшихъ себя спеціально военной службѣ, дѣлавшихъ изъ войны себѣ профессію. Являлась необходимость въ спеціалистахъ военнаго дѣла. Кромѣ того, война и перевороты заставляли многихъ покидать родину и искать себѣ дѣла на чужбинѣ. Прежде такіе бездомные скитальцы, изгнанники и недовольные, нерѣдко люди предпріимчивые и энергичные, искавшіе простора и новаго поприща для дѣятельности, отправлялись въ чужіе края въ качествѣ колонистовъ; туда шли и экономически обездоленные, искавшіе обогащенія или просто средствъ къ существованію. Теперь идти колонистамъ было некуда. Вслѣдствіе измѣнившихся политическихъ и иныхъ условій основанію новыхъ колоній поставлены были непреодолимыя преграды. Нельзя уже было основывать и клерухіи. Эмиграція въ этомъ видѣ должна была прекратиться. Кто раньше шелъ въ колонисты или въ клерухи, теперь нерѣдко идетъ въ наемники. Въ то время какъ варвары ввозятся въ Грецію массами въ качествѣ рабовъ для работъ въ полѣ и въ домѣ, въ рудникахъ и промышленныхъ заведеніяхъ, греки уходятъ служить въ чужія страны въ качествѣ наемниковъ. Мы видимъ ихъ не только въ Греціи, но и въ Египтѣ, и въ Азіи. Уже у Кира Младшаго было болѣе 10000 греческихъ наемниковъ. Греческіе наемники проникаютъ на Востокъ, неся съ собою свое военное искусство, свой греческій языкъ, нѣкоторыя черты греческихъ учрежденій, нравовъ, культуры. Они являются своего рода піонерами, въ извѣстномъ смыслѣ—предшественниками Александра Македонскаго въ дѣлѣ эллинизаціи Востока. Въ наемничествѣ, особенно въ лицѣ предводителей наемныхъ отрядовъ, проявляется и индивидуализмъ, свойственный эпохѣ.

Прославленными вождями наемниковъ и выдающимися дѣятелями того времени были аѳиняне Ификратъ, Хабрій и Тимоѳей. Ификратъ является главнымъ героемъ со стороны аѳинянъ въ Коринѳскую войну. Онъ усовершенствовалъ военное дѣло и его реформы составили своего рода эпоху въ исторіи

греческаго военнаго искусства. Онъ ввелъ болѣе легкую обувь, которая даже получила и названіе въ честь его, болѣе легкій круглый щитъ, но зато болѣе длинный мечъ и копье. Вооруженная такимъ образомъ пѣхота, такъ называемые *пелтасты*, являлась гораздо болѣе легкой и подвижной, чѣмъ прежніе гоплиты. Хабрій хотя выдвинулся уже въ Коринѳскую войну, но высшей своей славы и вліянія, какъ и Тимоѳей, достигъ нѣсколько позже. Онъ происходилъ изъ богатой фамиліи, любилъ пышность, но вмѣстѣ съ тѣмъ интересовался философіей и былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Платономъ. Еще болѣе славился своимъ богатствомъ и утонченнымъ образованіемъ Тимоѳей, сынъ Конона, ученикъ и другъ оратора-публициста Исократа. Случалось, что онъ, *благодаря своему богатству* и личному кредиту, *содержалъ аѳинскій флотъ и велъ* войну на собственныя средства.

Наемничество, разумѣется, способствовало развитію и усовершенствованію военнаго дѣла, но имѣло много и темныхъ сторонъ, оказывало вредное вліяніе. Мирные граждане все болѣе и болѣе отвыкаютъ отъ войны; безъ наемниковъ они дѣлались безпомощными и беззащитными. Для содержанія наемниковъ необходимы были *деньги*, и война требуетъ непомѣрныхъ затратъ, громадныхъ денежныхъ средствъ. Для побѣды теперь нужны не столько патріотизмъ, энергія и мужество гражданъ, сколько эти денежныя средства, субсидіи, большею частію получаемыя отъ Персіи, и такимъ образомъ Персія является часто вершительницей судебъ Греціи. Отъ наемниковъ нечего было ждать патріотизма: ихъ отечествомъ былъ лагерь, ихъ цѣлью—обогащеніе и добыча. Они служили изъ-за денегъ тому, кому было выгоднѣе. По выраженію Лисія, ихъ тѣла принадлежали тому, кто лучше платилъ, а ихъ вѣрность продолжалась до тѣхъ поръ, пока хватало денегъ въ военной кассѣ, чтобы имъ уплачивать жалованье. Правда, и у нихъ былъ свой кодексъ чести; и для нихъ необходима была дисциплина. Но все-же это не мѣшало наемнику переходить изъ одного лагеря въ другой, служить, напр., то персидскому царю, то противъ него. Мы видимъ даже знаменитыхъ вождей—Ификрата, Хабрія и Тимоѳея—часто на службѣ за предѣлами Греціи. Главнымъ поприщемъ для Хабрія, напр., былъ Еги-

петъ. А Ификратъ, женатый на дочери ѳракійскаго владѣтеля, одно время командовалъ флотомъ своего тестя и укрѣплялъ его владѣнія, когда тотъ находился въ войнѣ съ Аѳинами.

Наемники и ихъ вожди были крайне неразборчивы на средства. Они позволяли себѣ насиліе, произволъ и грабежъ по отношенію къ населенію, облагали жителей непомѣрными контрибуціями и поборами. Война для нихъ служила средствомъ для обогащенія. Въ ихъ лагерѣ царили обыкновенно буйство и развратъ; цѣлыя толпы гетеръ нерѣдко слѣдовали за отрядами наемниковъ. Вожди наемниковъ славились большею частію своею роскошью и расточительностью. Они такъ же легко и проживали состояніе, какъ наживали. А состояніе ихъ было подчасъ чисто царское. Они играли вообще видную роль; съ ними роднились владѣтели Ѳракіи; съ ними сносился самъ персидскій царь. Они представляютъ собою политическую силу, являются какъ-бы династами и владѣтельными князьями, получаютъ иногда въ даръ или завоевываютъ для себя города, ведутъ свою политику и т. д.

Коринѳская война закончилась „постыднымъ“ *Анталкидовымъ* миромъ (387/6), названнымъ по имени его главнаго виновника, спартанскаго наварха Анталкида, болѣе всѣхъ хлопотавшаго о его заключеніи, или *Царскимъ*, такъ какъ условія его были продиктованы персидскимъ царемъ по соглашенію со Спартой. Персія убѣдилась, что помогать долѣе Аѳинамъ не въ ея интересахъ, что осуществленіе плановъ и могущество аѳинянъ можетъ быть опасно для нея. Притомъ около того времени отношенія воюющихъ сторонъ перепутались и осложнились. Персія была на сторонѣ Аѳинъ и помогала имъ противъ Спарты, а Аѳины помогали въ то же время кипрскому владѣтелю Евагору, который тогда уже боролся противъ персовъ. Поэтому Спартѣ удалось войти въ соглашеніе съ Персіей. Царь потребовалъ, чтобы греческіе города въ Малой Азіи принадлежали ему, а изъ острововъ—Клазомены и Кипръ; остальные греческіе города, большіе и малые, должны быть свободны, автономны; только Лемносъ, Имбросъ и Скиросъ отдавались аѳинянамъ. Условія эти сопровождались угрозой—идти войной противъ тѣхъ, кто мира не приметъ. Положеніе аѳинянъ было затруднительное: въ то время Персія, Спарта

и Діонисій Сиракузскій были заодно, Геллеспонтъ находился въ рукахъ непріятеля, флотъ отрѣзанъ, подвозъ къ Аѳинамъ затрудненъ; безъ персидской субсидіи аѳиняне были лишены возможности продолжать войну. Съ другой стороны изъ общаго постановленія мира—объ автономіи городовъ въ Греціи—въ ихъ пользу дѣлалось исключеніе: имъ предоставлялись нѣкоторыя владѣнія внѣ Аттики—издавна имъ принадлежавшіе упомянутые три острова. Неудивительно, что аѳиняне склонились на сторону мира; особенно желалъ его состоятельный классъ.

Итакъ, мало-азіатскіе греки, освобожденные около ста лѣтъ передъ тѣмъ, должны были подчиниться власти персовъ. Другое постановленіе Анталкидова мира — о независимости всѣхъ большихъ и малыхъ городовъ Эллады — удовлетворяло, казалось, завѣтному стремленію грековъ къ автономіи. Но на самомъ дѣлѣ оно упрочивало политическій партикуляризмъ, полную раздробленность и слабость Греціи [1]) и среди этой раздробленности — господство блюстительницы условій Анталкидова мира, Спарты, беззастѣнчивый эгоизмъ, произволъ и насилія которой достигаютъ теперь своей крайней степени. Занятіе Ѳивъ среди мира — одно изъ яркихъ проявленій этого произвола и насилія. Но въ 379 г. Ѳивы подымаются, освобождаются отъ спартанскаго ига и затѣмъ наносятъ окончательный ударъ гегемоніи Спарты. Наступаетъ эпоха ѳиванской гегемоніи въ Греціи.

Второй Аѳинскій союзъ и финансовыя реформы.

Послѣ захвата спартанцами ѳиванской крѣпости Кадмеи и во время владычества въ Ѳивахъ олигарховъ аѳиняне дали пріютъ ѳиванскимъ изгнанникамъ; а когда ѳиванцы поднялись и осадили Кадмею, то два аѳинскихъ стратега безъ разрѣшенія народа самовольно двинулись даже къ нимъ на помощь. За это однако они были преданы суду; одинъ изъ нихъ казненъ,

[1]) Одинъ изъ историковъ (Karst) называетъ Анталкидовъ миръ „Вестфальскимъ миромъ древности“.

другой бѣжалъ. Очевидно было, что аѳиняне, особенно состоятельные слои населенія, при всемъ сочувствіи къ Ѳивамъ, вовсе не желали тогда разрыва и войны со Спартой. Но сами спартанцы вынудили ихъ къ этому. Одинъ изъ спартанскихъ гармостовъ, Сфодрій, попытался захватить неожиданно, среди мира, Пирей, подобно тому, какъ раньше захвачена была ѳиванская Кадмея, но не успѣлъ, а въ отвѣтъ на жалобы аѳинянъ спартанцы оправдали его. Возмущенные этимъ аѳиняне примкнули къ Ѳивамъ и стали дѣйствовать противъ Спарты.

Насталъ моментъ, когда аѳинская демократія могла осуществить наконецъ свою завѣтную мысль — возстановить свое господство на морѣ и морской союзъ съ Аѳинами во главѣ, хотя и въ иномъ видѣ, нежели прежде. Общественное мнѣніе Греціи было къ этому уже подготовлено: еще года за два до того аѳинскій публицистъ, ораторъ Исократъ, въ своемъ знаменитомъ „Панегирикѣ“ который онъ отдѣлывалъ, говорятъ, въ теченіе 10 или даже 15 лѣтъ, проводилъ идею такого союза и возстановленія гегемоніи Аѳинъ на морѣ. По Исократу, ближайшей задачей національной политики должно быть возстановленіе морского могущества Аѳинъ; Аѳины должны стать наряду со Спартой; оба государства должны соединить свои силы и дѣйствовать заодно. Тогда могутъ вернуться времена Греко-Персидскихъ войнъ; можно будетъ взяться за настоятельную задачу—за освобожденіе азіатскихъ грековъ и за завоеваніе западныхъ областей персидскаго царства.

Зародышъ Второму Аѳинскому союзу былъ положенъ еще побѣдою Конона у Книда и дѣятельностью Ѳрасибула. Послѣ Анталкидова мира нѣкоторые города—Хіосъ, Митилена, Меѳимна, Родосъ, Византія—заключили или продлили уже раньше заключенный союзъ съ Аѳинами. Теперь въ архонтство Навсиника (378/7 г.) Второй Аѳинскій союзъ окончательно былъ организованъ и расширенъ. До насъ дошло постановленіе аѳинскаго народнаго собранія, сдѣланное по предложенію нѣкоего Аристотеля „Мараѳонца“, утверждающее основы, на которыхъ образовался союзъ [1]). Цѣль послѣдняго — защита греческой свободы, но не отъ Персіи, какъ прежде, а отъ Спарты, „дабы

[1]) Corp Inscr. Att. (=Inscr Gr.), II, 17; Dittenberger, Sylloge, I², 80.

лакедемоняне предоставили эллинамъ быть свободными, автономными и спокойно пользоваться своими владѣніями". Постановленіе признаетъ Анталкидовъ миръ и даже господство персовъ надъ азіатскими греками: въ союзъ принимались всѣ тѣ изъ эллиновъ и даже изъ варваровъ, на островахъ и на материкѣ, которые не находились въ подданствѣ персидскаго царя. Оно гарантируетъ ненарушимость правъ и свободы союзниковъ, которые могли имѣть форму правленія, какую хотятъ. Ни фороса, ни клерухій, которые вызывали столько раздраженія въ прежнемъ союзѣ, ни аѳинскихъ властей и гарнизоновъ, отправлявшихся въ союзные города, теперь не должно было быть (вмѣсто фороса существовалъ денежный сборъ, называемый „синтаксисъ"). Какія имѣются владѣнія аѳинянъ, частныя или общественныя, въ странѣ союзниковъ, тѣ остаются за аѳинянами; но на будущее время ни Аѳинскому государству, ни частному лицу не дозволялось пріобрѣтать какимъ бы то ни было образомъ недвижимость, земельный участокъ или домъ, въ области союзниковъ. Въ случаѣ такового пріобрѣтенія всякій имѣлъ право донести объ этомъ въ союзный совѣтъ, недвижимость продавалась и половина вырученной суммы шла донесшему, а другая поступала въ общую кассу союзниковъ. Если кто-либо пойдетъ войною на заключившихъ союзъ, противъ того должны помогать аѳиняне и союзники, на сушѣ и на морѣ, всею силою по возможности. За нарушеніе условій грозило тяжкое наказаніе: если кто изъ должностныхъ или частныхъ лицъ сдѣлаетъ или допуститъ предложеніе, противорѣчащее этому постановленію, чтобы нарушить что-либо изъ сказаннаго, тотъ подвергается атиміи, имущество его конфискуется и десятая часть его посвящается богинѣ; онъ долженъ быть судимъ, какъ нарушитель союза, и наказанъ смертью или изгнаніемъ; въ случаѣ казни его нельзя было погребать ни въ Аттикѣ, ни въ землѣ союзниковъ.

Организація Второго Аѳинскаго союза отличалась отъ организаціи Перваго: въ немъ не было такой централизаціи, такого преобладающаго господства Аѳинъ. Въ немъ было больше равенства: союзъ состоялъ какъ бы изъ двухъ равноправныхъ сторонъ—аѳинянъ и прочихъ союзниковъ. Эти союзники имѣли въ Аѳинахъ свое собраніе или совѣтъ, синедріонъ, состоявшій

изъ ихъ представителей. Каждому союзному городу, большому и малому, принадлежало тутъ по одному голосу. Постановленіе такого собранія или синедріона переходило потомъ — черезъ совѣтъ пятисотъ, который вносилъ свою пробулевму,—въ аѳинскую экклесію.

На каменной стелѣ, на которой начертано постановленіе, записаны и имена союзныхъ городовъ; первые въ ряду ихъ — уже упомянутые выше Хіосъ, Митилена, Меѳимна, Родосъ, Византія. Къ союзу присоединились и нѣкоторыя континентальныя государства, въ томъ числѣ Ѳивы. Всѣхъ союзниковъ было до 60, а впослѣдствіи—болѣе 70.

Одновременно съ образованіемъ союза, въ архонтство Навсиника, происходитъ преобразованіе аѳинской податной системы. Ставъ вновь во главѣ союза и задаваясь широкими планами, аѳиняне, естественно, нуждались въ большихъ денежныхъ средствахъ. Прежде они сравнительно рѣдко прибѣгали къ прямому обложенію, къ эйсфорѣ; это была подать чрезвычайная; теперь она становится постоянною и самый порядокъ ея распредѣленія и взиманія измѣняется. Въ податныхъ цѣляхъ производится оцѣнка земельной собственности, домовъ и прочаго имущества аттическихъ гражданъ [1]). На основаніи этой оцѣнки, для болѣе удобнаго сбора подати, граждане, подлежавшіе обложенію, раздѣлены на податныя группы или общества, товарищества, такъ называемыя *симморіи*, съ приблизительно равнымъ состояніемъ. Взимаемая сумма раскладыва-

[1]) Если вѣрить Полибію (II, 62), все состояніе гражданъ оцѣнено было въ 5750 тал. Демосѳенъ опредѣляетъ оцѣночную сумму круглою цифрою въ 6000 тал. По Беку, это не есть сумма всего имущества, а только имущества, подлежавшаго обложенію, податного капитала; національное состояніе Аттики было гораздо больше, около 30—40000 тал.; оцѣнкѣ же и обложенію подлежала только извѣстная доля его и при томъ въ первомъ имущественномъ классѣ бо́льшая, а въ другихъ двухъ меньшая, четвертый же классъ былъ совсѣмъ свободенъ отъ обложенія: аттическая эйсфора, по Беку, есть прогрессивный налогъ. Но Белохъ (въ Hermes, XX, XXII) доказываетъ, что все имущество Аттики въ ту пору не могло быть такъ велико, какъ полагаетъ Бекъ, и что приведенная у Полибія цифра есть оцѣночная сумма всего состоянія, которая, разумѣется, нѣсколько ниже дѣйствительности, такъ какъ въ такихъ случаяхъ обыкновенно часть состоянія ускользаетъ отъ оцѣнки или оцѣнка принимается слишкомъ низкая.

лась между симміріями поровну. Затѣмъ между членами симміріи, подъ руководствомъ ея главы или гегемона, раскладка производилась соотвѣтственно состоянію или податному капиталу каждаго. Завѣдывало сборомъ подати государство. Хотя за невзносъ подати грозили штрафъ и даже конфискація имущества, но все-же сборы поступали обыкновенно слишкомъ медленно и неисправно. Тогда для бо̀льшаго удобства введенъ былъ такой порядокъ, что въ каждомъ демѣ кто-либо изъ болѣе богатыхъ гражданъ уплачивалъ впередъ причитающуюся съ дема сумму, а самъ потомъ собиралъ ее съ демотовъ. Съ 360 г. стали возлагать это на 300 богатѣйшихъ лицъ, заранѣе опредѣленныхъ. Эти 300 пріобрѣли фактически большое вліяніе на раскладку подати и даже на другія дѣла.

Побѣда Хабрія надъ спартанцами на морѣ при Наксосѣ (376 г.) способствовала еще большему упроченію и расширенію союза; Циклады примкнули къ нему. Затѣмъ другой извѣстный аѳинскій полководецъ Тимоѳей направился на западъ и присоединилъ къ союзу Керкиру, нанеся новое пораженіе спартанскому флоту.

Въ то время въ Греціи, рядомъ съ партикуляризмомъ, съ особенною энергіею обнаруживается и противоположное стремленіе—къ объединенію: идетъ напряженная борьба силъ центробѣжныхъ съ центростремительными. Ѳивы объединяютъ Беотію и готовы стать во главѣ Греціи. Кромѣ нихъ и Аѳинъ, выдвигается Ѳессалія, которую объединяетъ владѣтель или тираннъ города Феръ Ясонъ, задумывавшій даже двинуться во главѣ грековъ противъ Персіи. Онъ держалъ сторону Ѳивъ.

Вообще Спарта не могла надѣяться на побѣду. Съ другой стороны, не въ интересахъ Аѳинъ было содѣйствовать дальнѣйшему росту ѳиванскаго могущества. Къ тому же война истощала ихъ силы. Во главѣ партіи мира или, точнѣе, тѣхъ, кто былъ противъ дѣятельной поддержки Ѳивамъ, стоялъ Каллистратъ, выдающійся ораторъ и государственный дѣятель, знатокъ въ дѣлѣ финансовъ, противникъ Тимоѳея. Въ 374 г. аѳиняне заключили-было миръ, по которому Спарта признала Аѳинскій союзъ; но миръ оказался недѣйствительнымъ: на западѣ, у Керкиры, гдѣ находился Тимоѳей, военныя дѣйствія продолжались. Только въ 371 г. на конгрессѣ въ Спартѣ

состоялся дѣйствительный миръ между спартанцами и аѳинянами; но тутъ же произошелъ новый разрывъ между Спартой и Ѳивами. Это былъ разрывъ Ѳивъ и съ Аѳинами, которыя остались вѣрны заключенному договору и для которыхъ близкія могущественныя Ѳивы казались еще болѣе опаснымъ противникомъ, нежели отдаленная Спарта.

Въ открывшейся рѣшительной борьбѣ Ѳивъ со Спартою аѳиняне занимаютъ враждебное положеніе по отношенію къ первымъ. Холодно, съ неудовольствіемъ принимаютъ они вѣсть о знаменитой побѣдѣ Эпаминонда при Левктрахъ (371 г.),— побѣдѣ, которая составила эпоху въ греческой исторіи, нанесла рѣшительный ударъ спартанской гегемоніи и дала толчокъ демократическому движенію въ самомъ Пелопоннесѣ: ѳиванскимъ посламъ не было оказано обычныхъ въ подобныхъ случаяхъ почестей и предложеніе союза съ Ѳивами было отклонено. Со Спартой и съ Діонисіемъ Сиракузскимъ заключенъ формальный союзъ; Діонисію, противъ котораго раньше аѳинскій ораторъ Лисій такъ страстно возбуждалъ толпу во время Олимпійскихъ игръ, теперь даровано право аѳинскаго гражданства со всею его семьею и — чѣмъ особенно дорожилъ тиранъ — его трагедія удостоена награды. Еще враждебнѣе должны были отнестись аѳиняне къ соглашенію Ѳивъ съ Персіей — этому „второму изданію Анталкидова мира“,—по которому отъ нихъ требовалось отказаться отъ Амфиполя и разоружить свой флотъ, и къ попыткѣ ѳиванцевъ завести собственный флотъ, достичь господства и на морѣ. Въ битвѣ при Мантинеѣ (362 г.) противъ ѳиванцевъ сражались и аѳиняне.

Послѣ этой битвы Греція оказывается еще болѣе слабою и въ ней господствуетъ еще бо̀льшая неопредѣленность и смута, нежели прежде. Спарта, Аѳины, Ѳивы, поочередно пытались установить свою гегемонію, и цѣль оказывалась недостижимою, задача не по силамъ. Греческій партикуляризмъ одерживалъ верхъ; могущество Аѳинъ пало въ борьбѣ со Спартой, могущество Спарты — въ борьбѣ съ Ѳивами. Величіе послѣднихъ было эфемернымъ: оно исчезло со смертью Пелопида и Эпаминонда. Теперь уже ни Спарта, ни Аѳины, ни Ѳивы, не могли возстановить вполнѣ свое прежнее могущество и надъ разрозненною Грецією устанавливается гегемонія Македоніи...

Въ то время, какъ на сѣверѣ, въ Македоніи, началъ уже дѣйствовать Филиппъ и аѳиняне вступили съ нимъ въ столкновеніе изъ-за Амфиполя, Второй Аѳинскій союзъ сталъ распадаться (357 г.). Во-первыхъ, самая цѣль, поставленная первоначально этимъ союзомъ, уже была достигнута и онъ утратилъ свой смыслъ: союзъ направленъ былъ главнымъ образомъ противъ Спарты, а Спарта была теперь вытѣснена съ моря, разбита даже на сушѣ, ослаблена и не страшна для союзниковъ. Они чувствовали себя внѣ опасности со стороны Спарты и скорѣе могли опасаться Аѳинъ. Между тѣмъ аѳинская демократія IV в. мало-по-малу начала возвращаться къ прежнимъ пріемамъ и практикѣ временъ Делосско-Аттическаго союза: старыя традиціи въ отношеніи къ союзникамъ стали брать верхъ. Не говоря уже о томъ, что съ союзниковъ взимался если и не форосъ, то синтаксисъ,—производились тяжкіе поборы, вымогательства, контрибуціи; въ нѣкоторые города посылались снова аѳинскія должностныя лица съ гарнизонами и даже клерухи, что̀ прямо противорѣчило союзному соглашенію 378/7 г. Когда, напр., въ 365 г. Тимоѳей завоевалъ Самосъ, туда посланы были аѳинскіе клерухи, а мѣстные жители изгнаны. Потомъ въ Потидею и Херсонесъ отправлены были клерухи. Правда, эти города не были въ числѣ союзниковъ, включенныхъ въ постановленіе 378/7 г. (стр. 398); но все-же такой образъ дѣйствій могъ внушать опасеніе и остальнымъ союзникамъ, возбуждать ихъ противъ Аѳинъ. И вотъ, войдя въ соглашеніе съ владѣтелемъ Каріи, Мавсолломъ, подобно Евагору предшественникомъ династовъ эпохи эллинизма [1]), Хіосъ, Родосъ, Косъ отпали отъ Аѳинъ, заключивъ союзъ между собою и съ еще раньше отложившейся Византіей. За ними послѣдовали потомъ и другія крупныя союзныя общины. Эта „Союзническая война“ для Аѳинъ была неудачна. Въ теченіе ея они лишились лучшихъ своихъ вождей—Хабрія, который палъ на войнѣ, Ификрата и Тимоѳея, которые подверглись процессу и сошли со сцены, хотя Ификратъ и былъ оправданъ. Война эта стоила аѳинянамъ большого напряженія силъ и большихъ

[1]) Judeich, Kleinasiatische Studien. Marburg, 1892, стр. 236.

расходовъ на снаряженіе флота. Въ связи съ нею находится реформа тріэрархіи.

Прежде тріэрархія падала всею своею тяжестью на сравнительно немногихъ, отдѣльныхъ гражданъ: корабль снаряжало одно лицо. Понятно, какъ тяжела была такая повинность, особенно во время финансоваго и экономическаго кризиса, при обѣднѣніи гражданъ. Поэтому послѣ Сицилійской экспедиціи назначалось уже 2 тріэрарха для снаряженія одной тріэры. Во время Союзнической войны, по предложенію Періандра изъ Холарга, симморіи распространены были и на тріэрархіи: для этой литургіи назначалось 1200 наиболѣе богатыхъ гражданъ, которые раздѣлялись на 20 симморій, по 60 членовъ въ каждой, и эти симморіи сообща должны были снаряжать требуемое число тріэръ. Для снаряженія корабля члены каждой симморіи соединялись въ группы, синтеліи. Первоначально каждый изъ упомянутыхъ 1200 гражданъ участвовалъ въ снаряженіи тріэры въ равной долѣ, безотносительно къ своему имуществу, такъ что богатымъ было легче, а менѣе богатымъ сравнительно тяжелѣе. Впослѣдствіи, по закону Демосѳена, это было измѣнено и установлена извѣстная постепенность въ обложеніи, соотвѣтственно состоянію каждаго: наиболѣе богатымъ приходилось теперь снаряжать иногда даже не по 1, а по 2 корабля; доля же, падавшая на менѣе богатыхъ, была меньше: эти снаряжали по 1 кораблю сообща. Во главѣ симморій стояли 300 богатѣйшихъ гражданъ (стр. 401); на нихъ возложена была теперь новая обязанность, зато расширилось еще больше и ихъ вліяніе: они составляли силу въ государствѣ, своего рода комитетъ богачей. Отъ нихъ въ значительной мѣрѣ зависѣла раскладка повинностей.

Въ ту пору финансовый вопросъ въ Аѳинахъ былъ вообще на первомъ планѣ. Война при помощи наемниковъ обходилась очень дорого. По словамъ Исократа, въ послѣднія войны болѣе 1000 тал. совершенно безплодно потрачено было на наемъ войска. Придумывались мѣры для изысканія средствъ и доходовъ, для пополненія нерѣдко пустой казны, вносились предложенія... Такъ, Лептинъ провелъ было законъ, которымъ отмѣнялись прежде дарованныя привилегіи относительно свободы отъ податей; по предложенію Аристофона учреждена

коммиссія по разысканію долговъ государству: каждый, кто зналъ что-либо на этотъ счетъ, долженъ былъ заявить; отсюда— рядъ процессовъ. Составлялись проекты и въ тогдашней литературѣ. Одинъ изъ такихъ проектовъ мы находимъ въ трактатѣ „О доходахъ“, приписываемомъ Ксенофонту.

„Я всегда былъ того мнѣнія, что каковы правители, таковы и государственные порядки“, такъ начинается этотъ трактатъ. Такъ какъ, по словамъ нѣкоторыхъ, правители Аѳинъ не хуже другихъ понимаютъ что̀ справедливо и только вслѣдствіе бѣдности народа принуждены поступать несправедливо съ союзными городами, то, слѣдовательно, надо устранить бѣдность — увеличить средства и доходы государства. Авторъ и разсматриваетъ, не могутъ ли аѳинскіе граждане содержать себя изъ своей собственной страны. Для него ясно, что Аттика вслѣдствіе своихъ природныхъ условій можетъ доставлять много доходовъ; и онъ отмѣчаетъ ея благопріятный климатъ, ея продукты, особенно скрытую въ нѣдрахъ земли серебряную руду, ея удобное положеніе. Въ числѣ мѣръ къ увеличенію средствъ авторъ предлагаетъ прежде всего улучшить положеніе метэковъ, „которые сами себя содержатъ и приносятъ много пользы государству, не получая отъ него платы, а наоборотъ, сами платя подать, метэкію“. Нужно еще болѣе привлечь ихъ въ Аѳины, оказывать покровительство имъ и льготы, отмѣнить то, что̀ оскорбляетъ ихъ самолюбіе, предоставить право пріобрѣтать мѣста, которыхъ много пустопорожнихъ въ городѣ, и на нихъ строить дома, освободить отъ военной службы въ пѣхотѣ и наоборотъ допустить ихъ къ службѣ въ конницѣ, наконецъ учредить особую должность метэкофилаковъ, которые охраняли бы ихъ. Затѣмъ авторъ говоритъ о поощреніи торговли, какъ средствѣ увеличить доходы. Тутъ для нѣкоторыхъ мѣръ не требуется и расходовъ: нужны лишь, по его выраженію, „филантропическія“ постановленія и заботливость. Для проведенія другихъ мѣръ понадобятся и взносы, но это будетъ лишь выгодное помѣщеніе капитала. Хорошо было бы напр. построить торговыя помѣщенія, лавки, гостиницы и т. под. По проекту автора, государство должно выступить въ роли крупнаго предпринимателя. Особенно же рекомендуетъ онъ разработку серебряныхъ рудниковъ, тѣмъ болѣе, что если другіе предметы

могутъ падать въ цѣнѣ, то серебро, онъ увѣренъ, никогда не потеряетъ своей цѣнности. Ссылаясь на примѣръ частныхъ предпринимателей, въ томъ числѣ Никія, имѣвшаго рабовъ и отдававшаго ихъ въ наемъ для работъ въ рудникахъ, авторъ полагаетъ, что и государство можетъ дѣлать это и даже еще лучше; надо пріобрѣсти рабовъ, пока ихъ придется по три на каждаго аѳинянина, а затѣмъ всякій можетъ нанимать ихъ у государства: „вѣдь, нанимаютъ же священные участки, храмы, дома и берутъ на откупъ пошлины“. А сохранить рабовъ легко: „какъ ихъ украсть, если наложить на нихъ государственное клеймо и назначить наказаніе тому, кто ихъ купитъ или уведетъ?“ Авторъ убѣжденъ, что если дѣло будетъ организовано такъ, какъ онъ проектируетъ, то всѣмъ аѳинянамъ станетъ содержанія отъ государства. Рудники должны служить неизсякаемымъ источникомъ доходовъ и благосостоянія. Нужда, пауперизмъ исчезнетъ. Авторъ рекомендуетъ своего рода государственный соціализмъ [1]). Но при этомъ необходимое условіе процвѣтанія Аѳинъ — миръ. Множество лицъ, посѣщающихъ или постоянно живущихъ въ нихъ, нуждается въ мирѣ, начиная съ владѣльцевъ кораблей и съ купцовъ: торговцы хлѣбомъ, виномъ, масломъ, овцами, лица, живущія умственнымъ трудомъ и деньгами, художники, софисты, философы, поэты, артисты, люди, стремящіеся что-либо видѣть или слышать достопримѣчательное или желающіе что-нибудь продать и купить,— всѣ заинтересованы въ установленіи и поддержаніи мира. Путемъ мира Аѳины скорѣе могутъ достичь и гегемоніи, и притомъ безъ труда, опасностей и затратъ; заботой о мирѣ на сушѣ и на морѣ они скорѣе могутъ привлечь всѣхъ къ себѣ. Тотъ ошибается, кто думаетъ, что война прибыльнѣе, чѣмъ миръ: вслѣдствіе войны сдѣланныя во время мира сбереженія издерживались, многіе доходы прекратились или истрачены...

Миръ проповѣдывалъ въ то время и извѣстный публицистъ эпохи — Исократъ и притомъ миръ не только съ хіосцами, родосцами и византійцами, но и со всѣми. Въ своей рѣчи

[1]) Pöhlmann, Gesch. d. antiken Kommunismus und Sozialismus, II, 250 сл.

„О мирѣ“ онъ доказываетъ, что счастье государства основывается на справедливости и что миръ лучше ведетъ къ достиженію цѣли. „Развѣ не удовлетворило бы насъ вполнѣ, если бы мы могли жить безопасно въ государствѣ, средства къ жизни имѣли бы все въ бо́льшемъ и бо́льшемъ изобиліи, между собою были бы въ согласіи, а у грековъ — въ доброй славѣ?“ При наличности всего этого государство, полагаетъ Исократъ, было бы совершенно счастливо. „Война лишила насъ всего этого.“ Если же миръ будетъ заключенъ, то воцарится безопасность; благосостояніе подымется, граждане освободятся отъ взносовъ, тріэрархій и другихъ литургій, вызываемыхъ войной, государство получитъ вдвое больше доходовъ, чѣмъ теперь, и наполнится купцами, чужестранцами и метэками... А главное—аѳиняне будутъ имѣть истинными союзниками и друзьями всѣхъ людей и не по принужденію, а по убѣжденію, и чего теперь не могутъ достичь войной и большими издержками, то легко получатъ посредствомъ переговоровъ. Исократъ вѣритъ, что ни Керсоблептъ, владѣтель Ѳракіи, ни Филиппъ Македонскій, съ которыми у аѳинянъ было тогда столкновоніе, не вели бы войны, если бы аѳиняне сами не стремились овладѣть чужимъ достояніемъ. Если бы мы, говорилъ Исократъ, измѣнили нашъ образъ дѣйствій, то и Керсоблептъ, и Филиппъ не только отказались бы отъ нашей области, но даже въ добавокъ уступили бы часть своей. Исократъ порицаетъ наемничество, дурное и безпорядочное управленіе государствомъ. Причина зла—стремленіе къ господству на морѣ: и государство, и сами аѳиняне стали бы лучше и во всемъ бы преуспѣвали, если бы перестали стремиться къ этому господству, ибо оно довело до такого безпорядка и уничтожило ту демократію, при которой предки аѳинянъ жили счастливѣйшими изъ грековъ; оно виновно почти во всѣхъ тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя аѳиняне сами испытываютъ и другимъ причиняютъ. Господство это и несправедливо, и невозможно, и неполезно; въ доказательство Исократъ ссылается на исторію Спарты и Аѳинъ. Въ заключеніе онъ такъ резюмируетъ свое мнѣніе о тѣхъ способахъ, которыми можно помочь государству: во-первыхъ, брать въ совѣтники для государственныхъ дѣлъ такихъ лицъ, какихъ мы желали бы для своихъ собственныхъ дѣлъ, и перестать считать сикофантовъ за истинныхъ демокра-

товъ, а людей порядочныхъ—за олигархически настроенныхъ; во-вторыхъ, обращаться съ союзниками, какъ съ друзьями, а не такъ, что на словахъ допускать ихъ автономію, на дѣлѣ же позволять стратегамъ дѣлать съ ними, что̀ угодно, и стоять во главѣ ихъ не деспотически, а по-союзнически, сознавъ, что аѳиняне сильнѣе каждаго города въ отдѣльности, но слабѣе, чѣмъ всѣ они вмѣстѣ; въ третьихъ, выше всего ставить добрую славу у грековъ.

Въ трактатѣ „О доходахъ“ и въ рѣчи Исократа „О мирѣ“ ясно выразилось настроеніе, которое овладѣло аѳинскимъ обществомъ во время Союзнической войны, и мирная программа Исократа была, можно сказать, выполнена. Аѳины заключили миръ съ отпавшими союзниками. Второй союзъ распался (355 г.), просуществовавъ немного больше двадцати лѣтъ. За Аѳинами осталось лишь небольшое число союзныхъ городовъ. На встрѣчу общественному настроенію пошелъ Евбулъ, который пользовался господствующимъ вліяніемъ въ Аѳинахъ въ теченіе шестнадцати лѣтъ, до послѣдней борьбы ихъ съ Филиппомъ. Онъ былъ сторонникомъ мира и главное вниманіе его обращено было на финансы, на ихъ упорядоченіе, пополненіе казны и поднятіе матеріальнаго благосостоянія Аѳинъ; а съ другой стороны, съ его именемъ связано непомѣрное развитіе ѳеорикона, подъ которымъ тогда подразумѣвали не только „зрѣлищныя деньги“, но и другія денежныя раздачи народу.

Ежегодно смѣнявшемуся составу совѣта трудно было слѣдить за бюджетомъ, вникать во всѣ его тонкости, вести послѣдовательную финансовую политику. Уже давно чувствовалась необходимость въ сосредоточеніи и объединеніи финансоваго управленія [1]). Еще до Евбула, въ первой половинѣ IV в., встрѣчается должность „казначея демоса“, который завѣдывалъ суммами, находившимися въ распоряженіи народа, иначе народнымъ бюджетомъ. Союзническая война должна была еще болѣе вызвать сознаніе необходимости такого сосредоточенія, упорядоченія и объединенія бюджета. Реформа въ этомъ направленіи и произведена при Евбулѣ. Если прежде на первомъ мѣстѣ, по своему вліянію, среди должностныхъ лицъ стояли

[1]) Francotte, L'administration financière des cités grecques. P. 1903.

въ старину архонты, а потомъ — стратеги, то теперь самыми вліятельными лицами въ Аѳинахъ являются финансовые дѣятели, подобные Евбулу. Онъ былъ завѣдующимъ кассой ѳеорикона, но ему подвѣдомственно было все финансовое управленіе: онъ, можно сказать, вѣдалъ бюджетъ. Всѣ излишки доходовъ или остатки отъ расходовъ, за удовлетвореніемъ бюджетныхъ нуждъ, должны были поступать въ кассу ѳеорикона. Когда сдѣлано было предложеніе, чтобы такіе излишки или остатки въ теченіе войны, которую вели тогда аѳиняне изъ-за Евбеи, были употреблены на военныя цѣли, то это вызвало „обвиненіе въ противозаконіи“, и лицо, внесшее предложеніе, присуждено къ уплатѣ 1 тал. Евбулу приписываютъ законъ, по которому смертная казнь грозила тому, кто предложитъ употребить „ѳеориконъ“ на войну. Въ 339/8 г., уже наканунѣ паденія независимости Греціи, Демосѳенъ достигъ отмѣны этого закона и провелъ предложеніе, чтобы излишки или остатки шли на военныя нужды, въ военную кассу, которою завѣдывалъ „казначей военныхъ денегъ“, ставшій — на короткое время — главнымъ должностнымъ лицомъ въ финансовой администраціи.

Никогда еще ѳеориконъ не достигалъ такихъ размѣровъ и не раздавался съ такою щедростью, какъ при Евбулѣ. Тутъ въ широкихъ размѣрахъ примѣненъ былъ уже давно извѣстный въ Аѳинахъ принципъ, по которому излишекъ доходовъ составляетъ достояніе гражданъ и въ силу котораго между ними когда-то распредѣлялись доходы съ Лаврійскихъ рудниковъ. Объ Евбулѣ въ исторической наукѣ высказывались противорѣчивыя мнѣнія. Еще одинъ изъ древнихъ авторовъ называлъ его „демагогомъ славнымъ, заботливымъ и трудолюбивымъ“. Изъ новыхъ историковъ одни считаютъ его ничтожествомъ; говорятъ, что онъ своею слабою, мирною во что бы то ни стало политикою довелъ Аѳины до крайняго униженія и паденія, а раздачею ѳеорикона въ небывалыхъ еще размѣрахъ окончательно деморализовалъ народную массу. Другіе называютъ его великимъ финансистомъ, финансовымъ геніемъ, который спасъ Аѳины отъ банкротства и привелъ финансы ихъ въ цвѣтущее состояніе; сравниваютъ его съ Сюлли и Кольберомъ и причисляютъ къ наиболѣе выдающимся дѣятелямъ Аѳинъ всѣхъ временъ. Чтобы справедливо судить объ Евбулѣ, надо при-

помнить, въ какомъ положеніи находились тогда Аѳины, послѣ ряда войнъ, съ пустою, разоренною казною и пошатнувшимся благосостояніемъ населенія; надо имѣть въ виду то настроеніе, стремленіе къ миру и матеріальному благополучію, о которомъ мы говорили выше. Отдавая излишки массѣ, въ видѣ ѳеорикона, Евбулъ, по словамъ его защитниковъ, сохранялъ другія статьи бюджета: если обезпеченъ былъ ѳеориконъ отъ какихъ-либо посягательствъ на него, то обезпечены были и другіе фонды. По выраженію одного новѣйшаго изслѣдователя, Евбулъ бросалъ толпѣ кость, чтобы спасти остальное. При томъ, благодаря сравнительному миру и умѣлому веденію финансовъ, доходы увеличились; одновременно съ щедрою раздачею ѳеорикона значительныя суммы при Евбулѣ расходовались также и на верфи, на сооруженіе флота, на войско и общественныя постройки, что̀ засвидѣтельствовано надписями. Раздачею ѳеорикона Евбулъ привлекалъ къ себѣ несостоятельную массу, а своими постройками—рабочихъ и ремесленниковъ; съ другой стороны, онъ опирался и на состоятельный классъ, избавивъ его отъ бремени литургій и налоговъ, поддерживая мирную политику, улучшая финансы.

Внутреннее состояніе Аѳинъ въ IV в.

Хотя въ Аѳинахъ послѣ низложенія Тридцати не существуетъ болѣе олигарховъ, какъ организованной политической партіи, и въ самомъ государственномъ строѣ не совершается уже крупныхъ перемѣнъ, тѣмъ не менѣе и въ IV в. мы здѣсь наблюдаемъ внутреннюю борьбу, которая ведется подчасъ съ большимъ ожесточеніемъ. Обыкновенно ею сопровождаются перипетіи внѣшней политики Аѳинъ и борьба носитъ характеръ политическій; иногда она принимаетъ характеръ соціально-экономическій, классовый, а иногда трудно даже уловить крупный, руководящій мотивъ ея: дѣло, повидимому, идетъ не столько о принципахъ и программахъ, сколько о личномъ честолюбіи и соперничествѣ, алчности и интригахъ. Эта внутренняя борьба находитъ себѣ выраженіе въ многочисленныхъ процессахъ стратеговъ, государственныхъ дѣятелей, пословъ и частныхъ лицъ,—процессахъ, которые въ IV в. въ Аѳинахъ

были еще чаще, нежели въ эпоху кризиса, во время Пелопоннесской войны. Нерѣдко процессы носятъ просто фискальный характеръ, ведутся съ цѣлью пополнить пустую казну, достать средства, чтобы выдать плату присяжнымъ и т. под. Къ IV в. еще болѣе примѣнимо извѣстное (стр. 280, 283) свидѣтельство Лисія о томъ, что дикастамъ, случалось, прямо говорили, что если они не вынесутъ обвинительнаго приговора, то не будетъ и діэтъ, и что совѣтъ прибѣгалъ къ конфискаціямъ для пополненія казны. Теперь система конфискацій въ фискальныхъ цѣляхъ особенно часто стала практиковаться.

Въ первое время по возстановленіи демократіи главными, наиболѣе вліятельными лицами въ Аѳинахъ являлись тѣ, кому онѣ обязаны были освобожденіемъ отъ тирановъ,—Ѳрасибулъ, Архинъ, Анитъ; а вскорѣ стали пріобрѣтать вліяніе демагоги Агиррій, введшій плату за посѣщеніе народнаго собранія, Кефалъ, гордившійся тѣмъ, что ни разу не подвергся обвиненію по graphē paranomōn, и Эпикратъ. Ѳрасибулъ сознавалъ свои заслуги и свысока смотрѣлъ на массу, на ея вождей, демагоговъ, а тѣ съ своей стороны видѣли въ немъ чуть не аристократа или даже скрытаго тиранна. Боязнь тиранніи и подозрительность въ этомъ отношеніи замѣчалась у аѳинянъ и раньше, еще въ началѣ Пелопоннесской войны, когда, по выраженію Аристофана, тираннія была въ бо̀льшемъ ходу на рынкѣ, чѣмъ соленая рыба. Тѣмъ болѣе—теперь, когда въ Сициліи былъ живой примѣръ тиранніи въ лицѣ Діонисія и когда условія греческой жизни создавали, казалось, благопріятную почву для нея, хотя по отношенію къ Ѳрасибулу подозрѣніе и не имѣло никакого основанія. Враги его воспользовались жалобами на него изъ-за поборовъ и контрибуцій, къ которымъ онъ вынужденъ былъ прибѣгнуть, чтобы содержать флотъ (стр. 393); начальство надъ флотомъ передано Агиррію, а Ѳрасибулъ и его товарищи-стратеги призваны къ отвѣту. Велико было негодованіе въ его лагерѣ. Ѳрасибула побуждали даже обратить оружіе противъ Аѳинъ; онъ на это не пошелъ и вскорѣ затѣмъ послѣдовавшая смерть освободила его отъ дальнѣйшихъ преслѣдованій. Но его ближайшій товарищъ по командованію Эргоклъ, боровшійся нѣкогда вмѣстѣ съ нимъ за демократію, и нѣкоторые другіе были приговорены

къ казни. Въ довершеніе всего, когда оставшееся послѣ Эргокла состояніе оказалось не такъ велико, какъ предполагали, противъ его близкихъ и друзей начаты новые процессы.

Заключеніе Анталкидова мира, бывшаго побѣдой состоятельнаго класса и умѣренныхъ надъ болѣе радикальными элементами, сопровождалось опять рядомъ процессовъ. Въ нихъ вылилось недовольство и разочарованіе вслѣдствіе несбывшихся надеждъ. Палъ тогда и Агиррій, присужденный къ большому денежному штрафу; до уплаты этого штрафа онъ долженъ былъ просидѣть въ тюрьмѣ въ теченіе многихъ лѣтъ.

Въ 70-хъ и 60-хъ годахъ въ Аѳинахъ преобладало вліяніе талантливаго оратора и финансиста Каллистрата. Его противникомъ былъ Тимоѳей, сынъ Конона. Каллистратъ стоялъ больше за мирную политику, Тимоѳей—за войну противъ Спарты. Богатство и аристократическая гордость Тимоѳея создали ему много враговъ среди демагоговъ и радикально настроенныхъ демократовъ. Когда онъ, не имѣя денежной поддержки со стороны аѳинскаго правительства, дѣйствовалъ во главѣ флота недостаточно энергично и не оправдалъ возложенныхъ на него надеждъ, его предали суду. Процессъ этотъ выдавался среди многихъ другихъ и привлекъ къ себѣ общее вниманіе. Обвинителями Тимоѳея выступили Каллистратъ и Ификратъ, а владѣтель Ѳессаліи Ясонъ и царь молосскій Алкетъ лично явились въ Аѳины, чтобы свидѣтельствовать въ его пользу. Тимоѳей былъ оправданъ, но казначей его приговоренъ къ смерти. Самъ Тимоѳей не былъ тогда возстановленъ въ должности стратега и на время удалился изъ Аѳинъ. Вліяніе Каллистрата еще болѣе возросло. Такъ продолжалось до середины 60-хъ годовъ, когда положеніе Каллистрата стало колебаться. Вмѣстѣ съ Хабріемъ онъ подвергся процессу и былъ оправданъ. Но въ концѣ 60-хъ годовъ, послѣ битвы при Мантинеѣ, въ Аѳинахъ разразилась страстная борьба партій, какой давно уже не было тамъ. Подъ вліяніемъ неудачъ на сѣверѣ Каллистратъ былъ призванъ на судъ, „такъ какъ не совѣтовалъ народу самое лучшее“. На этотъ разъ онъ былъ присужденъ къ смерти и бѣжалъ въ Македонію. Когда же спустя нѣсколько лѣтъ Каллистратъ попытался вернуться въ Аѳины и въ качествѣ умоляющаго сѣлъ у алтаря боговъ, то

надъ нимъ приведенъ былъ въ исполненіе смертный приговоръ. Такъ погибъ государственный дѣятель, котораго нѣкоторые сравниваютъ съ Перикломъ. Враги съ ожесточеніемъ преслѣдовали его, боясь его краснорѣчія и талантовъ.

Каллистратъ сначала опирался на несостоятельную массу, а потомъ—на болѣе состоятельныхъ. Вообще обычное мнѣніе что въ Аѳинахъ въ IV в. господствовала чуть ли не охлократія, что всѣмъ заправляла масса неимущихъ, а имущіе были вытѣснены изъ управленія, далеко не вѣрно или нуждается въ оговоркахъ и ограниченіяхъ, какъ доказываютъ это эпиграфическія данныя [1]). Изъ дошедшихъ до насъ именъ притановъ и членовъ совѣта оказывается, напр., что въ совѣтѣ въ эпоху Демосѳена преобладаніе принадлежало элементамъ состоятельнымъ. Плата была не настолько велика, чтобы привлечь бѣднѣйшихъ гражданъ; всецѣло обезпечить существованіе она не могла, а среднему классу служила нѣкоторымъ подспорьемъ. Послами, ораторами и политиками были тоже преимущественно люди болѣе или менѣе обезпеченные. О стратегахъ и финансовыхъ должностныхъ лицахъ и говорить нечего. Даже въ народномъ собраніи въ ту пору несостоятельная масса не играла той роли, какую ей иногда приписываютъ. Политическое вліяніе принадлежало скорѣе имущимъ классамъ.

Союзническая война сопровождалась внутреннею борьбою. Тимоѳей и Ификратъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ Менесѳеемъ подверглись обвиненію за то, что воздержались отъ рѣшительныхъ дѣйствій и битвы, на которыхъ настаивалъ Харесъ. Главнымъ обвинителемъ ихъ выступилъ Аристофонъ. О немъ говорили, что онъ выигралъ 75 процессовъ по graphē paranomōn. Нѣкогда онъ былъ въ числѣ тѣхъ, кто примкнулъ къ Ѳрасибулу во время борьбы съ Тридцатью, и извѣстенъ своимъ закономъ о правѣ гражданства, изданномъ въ годъ архонтства Евклида [2]). Теперь, уже въ глубокой старости, онъ пріобрѣлъ нѣкоторое вліяніе. Тимоѳей присужденъ былъ къ штрафу въ 100 тал., слишкомъ тяжелому даже для него. Онъ отправился

[1]) Sundwall, Epigraphische Beiträge z. sozial-politisch. Geschichte Athens im Zeitalter des Demosthenes. Leipz. 1906.

[2]) Стр. 373, гдѣ вмѣсто Арифрона слѣдуетъ—Аристофона.

въ Халкиду и тамъ вскорѣ умеръ. Ификратъ, какъ и сынъ его Менесѳей, былъ оправданъ, но удалился отъ дѣлъ и тоже вскорѣ сошелъ въ могилу, а Хабрій незадолго передъ тѣмъ палъ у Хіоса. Такъ кончили свое поприще эти выдающіеся вожди. Подъ конецъ Союзнической войны Аристофонъ, со своею нѣсколько задорною, воинственною политикою, долженъ былъ уступить мѣсто такому представителю политики мира, какъ Евбулъ.

Мы видѣли, что при Евбулѣ достигла наибольшаго развитія та система, которая считается главною язвою Аѳинъ,—раздача ѳеорикона, праздничныхъ и иныхъ подачекъ народу, на что̀ шли непомѣрныя суммы. Хотя бы казна была пуста, доходы уменьшались, но народная масса все-таки ждала празднествъ, зрѣлищъ и денежныхъ раздачъ. Къ этимъ подачкамъ сталъ стремиться теперь и сельскій классъ. Не говоря уже о ѳеориконѣ,—издержки на праздничныя жертвоприношенія въ Аѳинахъ IV в. возросли на нѣсколько талантовъ въ годъ по сравненію съ прежнимъ. Изъ документальныхъ данныхъ, сообщаемыхъ надписями, мы видимъ, какъ велики, напр., были призы побѣдителямъ въ разныхъ состязаніяхъ, какія суммы выручались за кожи жертвенныхъ животныхъ и, слѣдовательно, какъ многочисленны и богато обставлены были жертвоприношенія. Къ прежнимъ діэтамъ присоединилась еще плата за участіе въ народномъ собраніи. Мы знаемъ уже, что полученіе этой платы Эсхинъ сравнивалъ съ дѣлежомъ барышей въ торговой или промышленной компаніи. Большинство привыкало видѣть въ пользованіи своими гражданскими правами ремесло, удобный случай хотя нѣсколько поправить свое имущественное положеніе, жалуется Исократъ. Все болѣе и болѣе примѣнялась та точка зрѣнія, что кто не имѣетъ извѣстнаго дохода, того должно содержать государство. Идея своего рода государственнаго соціализма не была чужда тому времени; ее развивалъ, какъ мы видѣли, и авторъ трактата „О доходахъ“ (стр. 405).

Жизнь тогда въ Аѳинахъ стала дороже. Цѣны повысились: во время Коринѳской войны 1 четверикъ пшеницы можно было купить за 3 драхмы; въ эпоху Демосѳена 5—6 др. считалось умѣренной цѣной, а во время Александра Македонскаго,

въ моменты кризиса, платили даже 10 др. [1]). Соотвѣтственно повысилась цѣна и на скотъ. Гекатомба во время Великихъ Панаѳиней въ 410 г. обходилась въ 5114 др., а 109 быковъ для делосскаго празднества въ 374 г. стоили уже 8419 др., слѣдовательно 1 быкъ въ среднемъ обходился 77 др. Впослѣдствіи цѣна хорошаго быка доходила даже до 400 др. Росла и заработная плата. Въ концѣ V в. необученый рабочій получалъ 3 обола въ день, впослѣдствіи — 1 др., мастеръ при постройкѣ Эрехѳейона — 1 др., а спустя 80 лѣтъ плата такому мастеру равнялась 2 др. На продовольствіе раба полагалось 3 обола. Сообразно съ этимъ повышаются и діэты (стр. 389).

Что касается нравовъ, то хотя мнѣніе объ упадкѣ ихъ въ Аѳинахъ въ IV в. оказывается часто преувеличеннымъ, тѣмъ не менѣе нельзя отрицать, что со времени Пелопоннесской войны нравы ухудшились. Особенно бросается въ глаза роскошь въ частной жизни. Прежде замѣчательные памятники и зданія создались для религіозныхъ и государственныхъ цѣлей; теперь для отдѣльныхъ лицъ строятся дома, украшенные фресками, коврами, занавѣсами, по сравненію съ прежними казавшіеся дворцами. Особенно славились своею роскошью дома Хабрія и Тимоѳея; когда Тимоѳей строилъ свой домъ, то лѣсъ для постройки прислалъ ему македонскій царь. Выставляется какъ-бы на показъ дорогая утварь, даются роскошныя пиршества; многочисленные слуги-рабы, богатые выѣзды довершаютъ эту обстановку. Воздвигаются огромные, дорогіе надгробные памятники, стоившіе по нѣскольку тысячъ на наши деньги. На гетеръ, какъ знаменитая Фрина, Лаиса, Пиѳіоника, тратятся безумныя деньги. Имъ ставятся статуи и памятники. Лаиса одно время была царицей аѳинскаго общества. Фрина вдохновляла Праксителя, когда онъ создавалъ свою Афродиту Книдскую. Извѣстенъ процессъ Фрины, подвергшейся обвиненію въ введеніи новыхъ культовъ и въ кощунствѣ,—процессъ, въ которомъ ея защитникомъ выступилъ знаменитый ораторъ Гиперидъ. Ея статуя, работы Праксителя, была поставлена въ Дельфахъ между статуями царей Филиппа и Архидама. Пиѳіоникѣ воздвигнутъ былъ великолѣпный памят-

[1]) Белохъ, Ист. Греціи, II, 283 сл.

никъ на священной дорогѣ, ведшей изъ Элевсина въ Аѳины. На-ряду съ предметами философскими главныя темы разговора въ богатомъ обществѣ — гетеры, произведенія кулинарнаго искусства, острыя словца и т. под. Было даже особое общество остряковъ, за протоколы котораго Филиппъ Македонскій готовъ былъ заплатить большую сумму. Отъ государственныхъ дѣлъ многіе держались въ сторонѣ. Сама аттическая комедія послѣ Аристофана утрачиваетъ политическій характеръ и изображаетъ сцены изъ частной жизни, безъ политическихъ намековъ и нападокъ.—Индивидуализмъ продолжалъ развиваться. Въ искусствѣ и въ литературѣ обнаруживается особый интересъ къ человѣческой личности, появляются біографіи, похвальныя слова, некрологи. Преклоненіе предъ личностью доходитъ до того, что нѣкоторымъ еще при жизни воздвигаются статуи, посвящаются гимны, устраиваются жертвоприношенія. Такъ было не только въ остальной Греціи, напр., по отношенію къ Лисандру, но даже и въ демократическихъ Аѳинахъ, гдѣ ставились статуи Конону, кипрскому владѣтелю Евагору, Ификрату, гетерамъ... Новымъ духомъ проникалась и реакція: онъ овладѣвалъ и сторонниками старины.

Не смотря на пораженіе въ Пелопоннесскую войну и упадокъ политическаго могущества, Аѳины и въ IV в., до времени Александра, были главнымъ умственнымъ центромъ Греціи. Кто желалъ удовлетворить своимъ эстетическимъ или философскимъ стремленіямъ, умственнымъ запросамъ или просто послушать и видѣть достопримѣчательное, тотъ попрежнему отправлялся въ Аѳины. Тутъ Исократъ и Платонъ, позже Аристотель, привлекали массу слушателей и учениковъ. Исократъ явился какъ-бы родоначальникомъ „общаго образованія“. Его школа краснорѣчія имѣла большое вліяніе. У него было до 100 слушателей, и среди нихъ немало такихъ, которые на разныхъ поприщахъ пріобрѣли извѣстность. Онъ входилъ въ сношенія съ государственными людьми и царями, обращаясь къ нимъ съ письмами, совѣтами, политическими программами. Платонъ въ рощѣ, среди зелени, тѣнистыхъ платановъ и вязовъ, создалъ свою знаменитую Академію. Его ученикъ Аристотель, уроженецъ далекой Стагиры, поселившись потомъ надолго въ Аѳинахъ, основалъ свой Ликей, свою школу перипатетиковъ,

и въ грандіозныхъ размѣрахъ организовалъ научную работу, къ которой привлекъ многочисленныхъ своихъ учениковъ. Собою онъ замѣнялъ Аѳинамъ какъ-бы цѣлый университетъ. Но и Академія Платона, и Ликей Аристотеля оставались частными учрежденіями, содержащимися на средства основателя или на взносы учениковъ. Въ ту пору въ Греціи не было въ обычаѣ, чтобы государство отъ себя предпринимало что-либо для научныхъ цѣлей [1]). Кромѣ Платона и Аристотеля съ ихъ учениками, въ Аѳинахъ были представители и другихъ философскихъ направленій, напр., циники, послѣдователи Аристиппа и проч.

Такимъ образомъ въ IV в., до основанія Александріи, Аѳины являлись школою высшаго образованія еще въ бо́льшей мѣрѣ, нежели прежде. Чтобы получить это образованіе, сюда стекались со всѣхъ концовъ греческаго міра. Оно носило космополитическій характеръ. „Нашъ городъ", говоритъ Исократъ въ „Панегирикѣ" (50), „въ отношеніи мысли и слова настолько оставилъ прочихъ позади себя, что его ученики стали учителями другихъ, и имя эллинъ обозначаетъ теперь уже не происхожденіе, а образъ мыслей: скорѣе эллинами называютъ тѣхъ, кто причастенъ нашему образованію, нежели тѣхъ, кто общаго съ нами происхожденія". Къ высшему умственному развитію и образованію стремятся и женщины: женская эмансипація выражалась тогда не только въ гетеризмѣ. Извѣстно, что у Платона были слушательницы и одна изъ нихъ носила мужское платье. Сестра одного изъ учениковъ Ѳеофраста, Гиппархія, вмѣстѣ съ своимъ братомъ переселилась въ Аѳины и здѣсь такъ увлеклась ученіемъ циника Кратеса, что сдѣлалась его женою,—фактъ, показывающій вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ [2]), что любовь между мужчиною и женщиною не была чужда греческому міру. Тогдашніе циники вели нищенскую жизнь, лишенную всякихъ удобствъ, и Гиппархія, бывшая сама изъ знатной семьи, раздѣляла эту жизнь со своимъ избранникомъ, мужественно перенося всѣ невзгоды.

Мало-по-малу Аѳины и въ матеріальномъ отношеніи оправились отъ бѣдствій Пелопоннесской войны. Въ IV в., до за-

[1]) Белохъ, Ист. Греціи, II, 348.

[2]) Braun, Die Frauenfrage. Leipz. 1900.

воеванія Востока Александромъ Македонскимъ, опѣ попрежнему являлись торговымъ центромъ греческаго міра. Но стали обнаруживаться и симптомы упадка. Развивался больше Пирей; въ самыхъ же Аѳинахъ было много пустопорожнихъ мѣстъ и необитаемыхъ домовъ. Нѣкоторые владѣльцы даже сносили постройки и на ихъ мѣстѣ разводили сады [1]). Прежнія богатыя и знатныя фамиліи обѣднѣли: Никій имѣлъ 100 талантовъ, а его сынъ—только 14; внукъ извѣстнаго богача Каллія жилъ въ бѣдности. Богатѣли новые люди, часто изъ не-гражданъ, въ родѣ, напр., вольноотпущенника Пасіона. Земледѣліе приходило все въ бо́льшій и бо́льшій упадокъ. Давно начавшійся сельско-хозяйственный кризисъ еще болѣе усилился. Нѣкоторыя отрасли производства пали, а изъ прежнихъ рынковъ иные утрачены. А главное—число свободнаго гражданскаго населенія послѣ первыхъ лѣтъ мира по окончаніи Пелопоннесской войны поднялось было, но затѣмъ приростъ его остановился, и причина этого лежала не въ войнахъ или эпидеміяхъ, а гораздо глубже—въ нравственныхъ и экономическихъ условіяхъ времени. Здѣсь уже начало того, что̀ позже развилось и по поводу чего историкъ Полибій дѣлаетъ интересное замѣчаніе. Во всей Греціи, говоритъ онъ, господствуетъ бездѣтность и малолюдство, города опустѣли, настали неурожаи, хотя и нѣтъ постоянныхъ войнъ и эпидемій. Причина для Полибія ясна: люди впали въ тщеславіе, любостяжаніе и изнѣженность, не желаютъ вступать въ бракъ, а если и вступаютъ, то не хотятъ воспитывать дѣтей, съ трудомъ развѣ одного или двухъ, ради того, чтобы оставить ихъ богатыми и воспитать въ роскоши, и вотъ зло незамѣтно быстро выросло...—Начало этого зла относится еще къ IV стол. Зато увеличивалось число рабовъ: свободный трудъ все болѣе и болѣе вытѣснялся рабскимъ. Нечего говорить, что развитіе рабскаго труда вело къ обѣднѣнію свободнаго класса и къ униженію свободныхъ рабочихъ.

Въ общемъ Аѳины сохраняли еще за собой значеніе важнѣйшаго торговаго и культурнаго города.

Во взглядахъ на хозяйство древности среди экономистовъ до послѣдняго времени господствовала теорія, высказанная въ

---

[1]) Белохъ, II, 270 сл.

60-хъ годахъ истекшаго столѣтія Родбертусомъ, а затѣмъ въ 90-хъ годахъ развитая и нѣсколько видоизмѣненная Бюхеромъ. По этой теоріи, античное хозяйство было будто-бы „ойкоснымъ", т.-е. хозяйствомъ „дома" (oikos), собственными силами удовлетворяющимъ всѣ свои потребности; далѣе зачатковъ высшей формы и мѣновыхъ сдѣлокъ, какъ единичныхъ явленій и лишь въ предѣлахъ одного города, древность, по мнѣнію Бюхера, не пошла, такъ-что о народномъ хозяйствѣ, постоянной торговлѣ и торговомъ классѣ, объ экономическомъ расчлененіи общества не можетъ быть и рѣчи. Гораздо ближе къ истинѣ воззрѣнія такихъ историковъ, какъ Эдуардъ Мейеръ [1]) и Пельманъ, по мнѣнію которыхъ уже въ древности существовали высшія формы экономическихъ отношеній, уже тогда были періоды, когда промышленность, торговля, деньги, капиталъ играли чрезвычайно важную роль, существовалъ классъ промышленниковъ и купцовъ, были даже и товарищескія предпріятія, торговыя общества и т. д. По отношенію къ IV в. это еще болѣе примѣнимо, чѣмъ по отношенію къ V-му. О томъ, напр., что въ древности существовало раздѣленіе труда, ясно свидѣтельствуютъ между прочимъ слова Ксенофонта. „Въ малыхъ городахъ", говоритъ онъ (въ „Киропедіи", VIII, 2, 51), „одинъ и тотъ же человѣкъ дѣлаетъ кровать, дверь, плугъ, столъ, часто онъ же строитъ и дома, и доволенъ, если найдетъ достаточно работодателей, чтобы себя содержать; но невозможно, конечно, чтобы берущійся за многое дѣлалъ все хорошо. Въ большихъ же городахъ вслѣдствіе большого спроса каждому достаточно одного ремесла для своего содержанія; часто даже занимаются не всѣмъ ремесломъ, а одинъ дѣлаетъ мужскую обувь, другой—женскую, одинъ—плетенную, другой—разрѣзывая кожу, одинъ кроитъ хитоны, а другой, ничего этого не дѣлая, только сшиваетъ ихъ..." Платонъ для значительнаго города считаетъ необходимымъ обмѣнъ товарами, ввозъ и вывозъ: нужны купцы и мелкіе торговцы.

Въ IV в. производство становится болѣе крупнымъ. Для торговли морской часто составляются торговыя компаніи или

[1]) Кромѣ его Geschichte d. Alterthums,—докладъ „Экономич. развитіе древн. міра" (есть въ русск. пер.).

товарищества Какой-нибудь капиталистъ, а иногда и нѣсколько давали ссуду подъ залогъ корабля и груза; при этомъ величина % была въ зависимости отъ риска. По возвращеніи судна товарищество распадалось и деньги получались обратно. Впрочемъ, часто одни и тѣ же лица соединялись и для новаго предпріятія. Составлялись товарищества также для взятія на откупъ косвенныхъ налоговъ, возведенія построекъ и т. под.

Въ Аѳинахъ, какъ центральномъ денежномъ рынкѣ, развилось и банковское дѣло. Находилось оно преимущественно въ рукахъ мѣнялъ, такъ называемыхъ *трапезитовъ* (отъ слова „трапеза", столъ, у котораго сидѣлъ мѣняла). Самымъ знаменитымъ банкиромъ въ Аѳинахъ былъ Пасіонъ, сначала рабъ, потомъ вольноотпущенникъ, впослѣдствіи получившій право аѳинскаго гражданства (стр. 221). Его называютъ Ротшильдомъ того времени. Операціонный капиталъ его банка равнялся 50 тал. Кромѣ того, Пасіонъ имѣлъ фабрику щитовъ. Свое дѣло онъ передалъ вольноотпущеннику Форміону. — Частныя лица иногда деньги держали уже не у себя дома, а въ банкѣ.

Вообще тогдашнее аѳинское общество можно назвать въ значительной мѣрѣ капиталистическимъ!! Самое выраженіе „*плутократія*" было уже извѣстно въ Аѳинахъ: мы встрѣчаемъ его у Ксенофонта въ его „Воспоминаніяхъ о Сократѣ" (IV, 6, 12).

Общее экономическое положеніе ухудшилось. Въ IV в. въ Греціи происходитъ процессъ соціальнаго разложенія и обостренія экомическихъ противоположностей [1]). Средній зажиточный классъ приходитъ въ упадокъ и почти исчезаетъ; контрасты усиливаются. Съ одной стороны мы видимъ богачей, плутократію, торжество капитализма, съ другой—ихъ обычныхъ спутниковъ, увеличивающуюся бѣдность, пролетаріевъ. Земля и капиталъ все болѣе и болѣе сосредоточивается въ сравни-

[1]) Объ этомъ процессѣ главнымъ образомъ — Pöhlmann, Geschichte d. antiken Kommunismus und Sozialismus, его-же ст. Die Entstehung d. Cäsarismus (въ сборникѣ Aus Altertum und Gegenwart. Münch. 1895) и XI гл. его „Очерка греч. исторіи". Пельманъ, впрочемъ, слишкомъ модернизуетъ древнюю исторію и его изложеніе не свободно отъ натяжекъ.—О классовой борьбѣ и классовомъ господствѣ—Schmoller въ Sitzungsber. d. Berl Akad. d. Wissensch., 1903, II.

тельно немногихъ рукахъ; растетъ пролетаріатъ. Были мѣстности, гдѣ онъ составлялъ половину — и даже болѣе — числа всѣхъ гражданъ. По свидѣтельству современниковъ, въ тогдашней Греціи было множество бездомныхъ, бродягъ и изгнанниковъ, грабителей и разбойниковъ, которымъ некуда было дѣваться. По словамъ Исократа, изъ скитающихся внѣ родины легче набрать войско, чѣмъ изъ гражданъ въ городахъ. То было время индивидуализма, а въ такія времена съ особенною силою проявляется эгоизмъ. Принципъ индивидуализма выражался и въ Греціи иногда въ самой беззастѣнчивой формѣ; мотивомъ всѣхъ дѣйствій провозглашался личный эгоизмъ. Вспомнимъ личность Алкивіада, слова Калликла въ Платоновомъ „Горгіи“...

Пропасть между богатымъ меньшинствомъ и неимущимъ или малосостоятельнымъ большинствомъ увеличилась. Греческій polis, по выраженію Платона, распался какъ-бы на двѣ половины—бѣдныхъ и богатыхъ, которые жили вмѣстѣ, но были враждебны другъ другу. Это было какъ-бы два непріятельскихъ лагеря, и борьба общественныхъ классовъ достигла въ Греціи еще небывалаго ожесточенія. Казалось, общество было близко къ тому состоянію, которое характеризуется словами: „война всѣхъ противъ всѣхъ“,—выраженіе, ставшее столь извѣстнымъ со временъ Гоббса (XVII в. по Р. Х.), но встрѣчающееся еще у Платона въ „Законахъ“ (626). Не говоря уже объ ожесточенной до звѣрства борьбѣ партій на островѣ Керкирѣ еще во время Пелопоннесской войны, борьбѣ, по поводу которой Ѳукидидъ дѣлаетъ столь глубокія замѣчанія (стр. 288 сл.), достаточно вспомнить объ эпизодѣ, относящемся къ разсматриваемой эпохѣ, о такъ называемомъ „скитализмѣ“ въ Аргосѣ, когда чернь избила палками болѣе 1000 богатыхъ. Политическая борьба была вмѣстѣ съ тѣмъ, въ большей или меньшей степени, и борьбою соціальною. Цѣлью борьбы было использованіе власти въ интересахъ одного класса на счетъ другого. Вотъ почему въ концѣ V и въ теченіе IV стол., до самаго паденія греческой самостоятельности, борьба эта носитъ такой страстный характеръ. Во многихъ городахъ Греціи она сопровождается многочисленными изгнаніями, экспропріаціями или конфискаціями, казнями, отмѣной долговыхъ обязательствъ, передѣлами земли. Извѣстно, какъ относились олигархи къ демосу,

какъ, по свидѣтельству Аристотеля, въ нѣкоторыхъ городахъ давали другъ другу клятву „быть врагомъ народа и вредить ему насколько можно“. Пролетаріатъ отвѣчалъ тѣмъ же. Юридически онъ былъ свободенъ; политически въ демократіяхъ онъ былъ приравненъ къ богачамъ; но онъ чувствовалъ себя обездоленнымъ и составлялъ революціонный классъ, постоянно готовый обрушиться на богатыхъ, какъ на своихъ враговъ. По словамъ одного изъ новѣйшихъ изслѣдователей, въ каждомъ бѣдномъ гражданинѣ тогда скрывался соціалистъ. Одному изъ демагоговъ приписываютъ слова: „Имущественное равенство есть начало свободы, а бѣдность для неимущихъ начало рабства“. „Высшія сословія на родинѣ все равно, какъ иноземные непріятели, оказываются прирожденными врагами бѣднаго человѣка“, говорятъ также тогдашніе демагоги. По словамъ Исократа, народъ въ Аргосѣ тѣшился избіеніемъ богатыхъ гражданъ и, устраивая такое побоище, радуется сильнѣе, нежели иные радуются, умерщвляя непріятеля. „Въ Пелопоннесѣ“, говоритъ тотъ же писатель, „непріятеля боятся меньше, чѣмъ своихъ согражданъ. Богачи охотнѣе бы кинули свое достояніе въ морѣ, чѣмъ отдать бѣднымъ; бѣдные же, напротивъ, ничего такъ не желали, какъ ограбить богатыхъ. Жертвы исчезаютъ на алтаряхъ, люди убиваютъ другъ друга: у иного города теперь больше изгнанниковъ, нежели прежде во всемъ Пелопоннесѣ“. Какъ велико было число изгнанниковъ вообще въ тогдашней Греціи, видно изъ разсказа, что когда на олимпійскихъ играхъ былъ обнародованъ декретъ Александра Македонскаго о возвращеніи изгнанныхъ, то таковыхъ собралось тамъ будто-бы 20000, хотя цифра эта, вѣроятно, преувеличена.

Платонъ ярко и образно изображаетъ настроеніе разоренныхъ въ обществѣ, гдѣ господствуетъ плутократія [1]), гдѣ идоломъ служатъ золото и серебро, которыя обнаруживаютъ притягательную силу, гдѣ жажда стяжанія непрерывно растетъ, гдѣ одни чрезмѣрно богаты, а другіе — крайне бѣдны, и гдѣ наряду съ богачами и круглыми бѣдняками появляются праздные лѣнтяи и расточители, которыхъ онъ сравниваетъ съ трутнями,

[1]) У Платона говорится объ олигархіи, но по его терминологіи олигархія— та форма, при которой господствуютъ богачи.

съ тою разницею, что у пчелъ трутни безъ жала, а двуногіе трутни есть безъ жала, но есть и съ жаломъ. И вотъ, говоритъ Платонъ, сидятъ обѣднѣвшіе въ городѣ, снабженные жаломъ и вооруженные, одни обремененные долгами, другіе лишившіеся правъ, третьи испытывая то и другое, и они ненавидятъ завладѣвшихъ ихъ состояніемъ и всѣхъ остальныхъ, злоумышляютъ противъ нихъ и жаждутъ переворота. А ростовщики, нагнувшись и какъ-бы не видя ихъ, каждаго новаго поддающагося имъ ранять, впуская серебро, и наживая огромные проценты, увеличиваютъ въ городѣ число тунеядцевъ и нищихъ. Платонъ—философъ-поэтъ, одаренный богатой фантазіей, но въ основѣ его изображенія лежитъ все-же дѣйствительность.

Въ Аѳинахъ положеніе не было такъ остро, какъ въ нѣкоторыхъ другихъ областяхъ Греціи; тутъ не было такого экономическаго бѣдствія; противоположности и крайности не выступали такъ рѣзко. Въ IV в. и до паденія независимости здѣсь не было революцій, массовыхъ конфискацій и изгнаній. Даже такой актъ, какъ возстановленіе демократіи въ 403 г., обошелся безъ нихъ. и Аристотель отмѣчаетъ это, какъ исключеніе, противополагая образу дѣйствій демократовъ въ другихъ городахъ. Но все-таки и въ Аѳинахъ, хотя и въ меньшей степени, наблюдается процессъ соціальнаго разложенія, классовая борьба и ухудшеніе экономическаго благосостоянія массы.

„Ни одинъ изъ гражданъ не живетъ пріятно и беззаботно; но городъ полонъ отчаянія“, говоритъ Исократъ. „Одни жалуются на бѣдность и нужду и голосятъ, другіе жалуются на множество распоряженій и повинностей, на бѣды отъ симморій и проч., и это причиняетъ такое горе, что имѣющимъ состояніе хуже живется, чѣмъ тѣмъ, кто постоянно находится въ бѣдности“. „Въ старину, въ эпоху господства ареопага“, вспоминаетъ тотъ же авторъ, „ни одинъ гражданинъ не терпѣлъ недостатка въ необходимомъ и ни одинъ не позорилъ государства, прося у проходящихъ милостыню; а теперь нуждающихся больше, чѣмъ имущихъ. Можно простить бѣднякамъ, если они заботятся не о государственныхъ дѣлахъ, но думаютъ только о томъ, какъ просуществовать сегодняшній день. Кто не опечалится, когда онъ видитъ, сколько гражданъ ждетъ жребія предъ дикастеріемъ ради хлѣба насущнаго, будутъ ли они имѣть его

или нѣтъ; какъ они за плату въ золотыхъ одеждахъ участвуютъ въ хорахъ, а зиму проводятъ въ одеждѣ, которую я и описать не могу".

Исократъ, правда, риторъ; можно было бы думать, что онъ преувеличиваетъ, слишкомъ сгущая краски; онъ восхваляетъ старину и тенденціозно противополагаетъ ее современности. Но слова Исократа находятъ себѣ подтвержденіе въ другихъ свидѣтельствахъ. О бѣдности массы говоритъ и авторъ трактата „О доходахъ", рекомендующій для борьбы съ нею мѣры государственнаго соціализма. Въ комедіи Аристофана „Богатство" („Плутосъ"), относящейся въ передѣланномъ видѣ ко времени Коринѳской войны, мы не видимъ уже той зажиточности, которою отличались поселяне прежнихъ Аристофановыхъ комедій, а напротивъ – рисуется ихъ бѣдность и горькая нужда. Хремилъ, богобоязненный и честный человѣкъ, бѣденъ и живетъ плохо; его сосѣди, такіе же поселяне, работаютъ въ потѣ лица на своихъ поляхъ и испытываютъ нужду; честные голодаютъ, а „другіе—святотатцы, ораторы, сикофанты и дурные люди"— богатѣютъ. Богъ богатства, Плутосъ, слѣпъ—его еще въ дѣтствѣ ослѣпилъ Зевсъ изъ зависти къ людямъ, чтобы онъ не вращался только среди честныхъ, мудрыхъ и порядочныхъ людей — и онъ слѣпо распредѣляетъ свои дары. Хремилъ ведетъ его съ собою въ домъ и затѣмъ обращается къ Асклепію, который и исцѣляетъ Плутоса отъ слѣпоты. Тщетно Пенія (Бѣдность) отговариваетъ Хремила отъ такого „безразсудства", доказывая, что именно она и есть виновница всѣхъ благъ, что безъ нея не было бы ни знаній, ни искусствъ: кто сталъ бы работать, ковать желѣзо, строить корабли, пахать землю, не будь ея? Хремилъ отвѣчаетъ, что все это дѣлали бы рабы; а „бѣдность— сестра нищеты". Въ мрачныхъ краскахъ изображаетъ онъ обстановку бѣдняковъ, которые отъ холода ищутъ убѣжища въ баняхъ, вмѣсто плаща имѣютъ лохмотья, вмѣсто постели— мѣшокъ съ соломой, полный клоповъ, вмѣсто ковровъ — прогнившую плетенку, вмѣсто подушки — камень подъ голову, вмѣсто хлѣба питаются стеблями мальвы, вмѣсто ячменной лепешки—завядшею зеленью рѣдьки, вмѣсто скамьи имъ служитъ горло разбитаго кувшина, а вмѣсто квашни—бокъ поломанной бочки.

Кто самъ не работаетъ, тотъ пусть и не ѣстъ; справедливъ только тотъ, кто живетъ трудами рукъ своихъ,—этотъ взглядъ встрѣчается уже въ Аѳинахъ [1]). На богатыхъ смотрятъ съ завистью и раздраженіемъ... По словамъ Аристотеля, равные въ одномъ отношеніи—именно въ отношеніи свободы—думали, что они должны быть равны и во всемъ (1280 a): за политическимъ равенствомъ должно было слѣдовать и равенство соціальное.

Среди такихъ условій и настроенія легко могли возникнуть утопіи, мечты о совершенно иномъ, новомъ строѣ, о коренномъ измѣненіи общества на началахъ имущественнаго равенства и коммунизма.

Уже у Еврипида мы находимъ (въ „Финикіянкахъ“, ст. 555 сл.) высказанною мысль, что состояніе не составляетъ полной собственности людей: боги даютъ имъ его лишь для временнаго управленія или пользованія. Фалеасъ Халкедонскій доказывалъ необходимость имущественнаго равенства и въ неравенствѣ имущества видѣлъ источникъ преступленій, вызываемыхъ въ существующемъ обществѣ „голодомъ и холодомъ“ [2]). Платонъ въ своемъ „Государствѣ“ проповѣдывалъ общность женъ, дѣтей и имущества, по крайней мѣрѣ для высшихъ классовъ — правителей и стражей, которые не должны были имѣть собственности. Такъ, по мнѣнію Платона, достигается бо̀льшая цѣльность и единство; собственность же порождаетъ несогласія, раздоры, разрываетъ общество на части, и только уничтоженіемъ ея можно положить конецъ разладу. Впрочемъ, коммунизмъ Платона особаго рода: не говоря уже о томъ, что онъ не распространяется на всѣхъ, а только на первые два класса населенія его идеальнаго государства, онъ состоитъ не столько въ правѣ пользоваться матеріальными благами, сколько въ отреченіи отъ нихъ: такъ обставлена жизнь правителей и стражей.

Но идеи коммунизма не только возникали въ головахъ отдѣльныхъ мыслителей; онѣ составляли достояніе не однихъ философовъ; онѣ существовали и въ аѳинской массѣ. Доказа-

[1]) Pohlmann, Gesch. d. antik. Kommun u. Sozial., II, 236 сл.
[2]) Pohlmann, I, 203.

тельствомъ служитъ комедія Аристофана: „Женское народное собраніе“ (389 или 392 г.). Въ этой пьесѣ, какъ извѣстно (стр. 205—206), женщины берутъ въ свои руки управленіе государствомъ, которое устраивается на совершенно новыхъ началахъ—коммунистическихъ. Ихъ предводительница, президентъ новой, женской республики, Праксагора, въ разговорѣ съ своимъ мужемъ, Блепиромъ, излагаетъ подробности этого коммунистическаго строя и разрѣшаетъ всѣ недоумѣнія и сомнѣнія. Съ переходомъ правленія въ руки женщинъ государство станетъ счастливымъ—не будетъ ни постыдныхъ дѣяній, ни лжесвидѣтельства, ни сикофантства, ни грабежей, ни зависти къ ближнимъ, ни нагого, ни бѣднаго никого, ни брани, ни заклада имущества. Все будетъ общимъ достояніемъ и каждый будетъ жить на общій счетъ, а не такъ, что одинъ богатѣетъ, а другой бѣдствуетъ, одинъ обработываетъ много земли, а у другого нѣтъ мѣста для погребенія, одинъ имѣетъ множество рабовъ, а у другого нѣтъ ни одного. Нѣтъ! жизнь для всѣхъ теперь будетъ общею и равною. Прежде всего земля дѣлается общимъ достояніемъ, а затѣмъ и деньги, и все, что̀ у кого есть, сдается въ общую казну, на счетъ которой женщины будутъ кормить и содержать мужей, разсчетливо и благоразумно. Ни одинъ человѣкъ не будетъ работать теперь изъ бѣдности, ибо всѣ имѣютъ все—хлѣбъ, соленую рыбу, ячменныя лепешки, одежду, вино, вѣнки, бобы... А на вопросъ, кто же будетъ поля обработывать, Праксагора отвѣчаетъ: „рабы“. Такимъ образомъ рабство переносится и въ новый коммунистическій строй. Аѳинянамъ остается только пировать... Вводится общность и женъ. Но тутъ мы опускаемъ подробности... При новомъ порядкѣ не будетъ воровства, такъ какъ все, вѣдь, общее; кто же станетъ красть свое? Не будетъ ссоръ и тяжбъ. Если кто пожелаетъ плаща, ему добровольно отдадутъ; изъ-за чего ссориться? другой, еще лучшій, можно достать изъ общаго склада. Образъ жизни для всѣхъ будетъ общій; городъ самъ составитъ одинъ домъ. Судебныя мѣста и портики будутъ превращены въ общественныя залы. На ораторскихъ трибунахъ будутъ сосуды съ яствами и питьемъ, на площади у статуи Гармодія—урны съ жребіями, но не для избранія судей или должностныхъ лицъ, а для рас-

предѣленія пирующихъ по разнымъ помѣщеніямъ, сообразно вынутой изъ урны буквѣ. Первый же день введенія новаго порядка долженъ начаться роскошнымъ пиромъ. Праксагору смущаетъ только одно — пожелаютъ ли аѳиняне принять всѣ эти новшества и не будутъ ли они слишкомъ держаться устарѣвшихъ порядковъ? Но Блепиръ ее успокаиваетъ, что этого бояться нечего, ибо у аѳинянъ новшество и презрѣніе къ унаслѣдованнымъ обычаямъ считается правительственною мудростью... Во второй половинѣ пьесы комикъ показываетъ, какъ на дѣлѣ осуществлялся коммунистическій идеалъ. Онъ выводитъ двухъ гражданъ, изъ коихъ одинъ спѣшно укладываетъ свое имущество, чтобы согласно новому распоряженію нести его на площадь и сдать въ общую казну, а другой не спѣшитъ: не желая разстаться такъ легко съ своимъ достояніемъ, онъ выжидаетъ, какъ будетъ исполнено приказаніе другими и не помѣшаетъ ли какое-нибудь неожиданное происшествіе, въ родѣ, напр., землетрясенія, приведенію въ исполненіе задуманнаго нововведенія. Въ другой сценѣ нѣсколько старухъ, одна старѣе и безобразнѣе другой, и молодая дѣвушка спорятъ изъ-за обладанія молодымъ человѣкомъ.

Сатира комика, надо думать, имѣла въ виду черты тогдашней дѣйствительности—стремленія и мечты, находившія себѣ мѣсто въ средѣ аѳинскаго населенія. Полагали прежде, что Аристофанъ желалъ здѣсь осмѣять коммунистическій идеалъ Платона. Но коммунизмъ, развиваемый Платономъ въ „Государствѣ“, иного рода, чѣмъ тотъ, который изображенъ у Аристофана, и Платоново „Государство“ появилось позже Аристофановой комедіи.

Отношеніе философовъ и публицистовъ того времени къ демократіи; монархическія идеи.

Между демократіей съ одной стороны и философами, вообще умственною аристократіею того времени съ другой обнаруживалась все бо̀льшая и бо̀льшая бездна. Умственная аристократія въ IV в. отшатнулась отъ демократіи, и въ тогдашней литературѣ преобладаетъ антидемократическое направленіе:

демократія подвергается болѣе или менѣе суровой критикѣ и не она служитъ политическимъ идеаломъ [1]).

У Платона [2]), въ VIII кн. его „Государства“ или „Политіи“, мы имѣемъ чрезвычайно интересную характеристику демократіи.

Аристократъ по происхожденію—онъ велъ свой родъ по отцу отъ Кодра, по матери изъ фамиліи Солона—, родственникъ олигарховъ Критія и Хармида, ученикъ Сократа, современникъ и очевидецъ упадка Аѳинъ, Платонъ не могъ относиться съ сочувствіемъ къ демократіи, казнившей его учителя [3]), и онъ рисуетъ преимущественно ея недостатки, ея темныя стороны; но это—не фантастическая картина: многія черты схвачены съ натуры.

Четыре несовершенныхъ политическихъ формы насчитываетъ Платонъ: то государственное устройство, которое существуетъ въ Спартѣ и на Критѣ, или тимократія, олигархія, демократія и тираннія. Такимъ образомъ по Платону демократія одинъ изъ самыхъ худшихъ типовъ: въ ряду несовершенныхъ формъ она стоитъ предпослѣдней, ниже тимократіи и даже олигархіи, и уступаетъ только тираніи.

Демократія, говоритъ Платонъ, возникаетъ, когда бѣдные, одержавъ побѣду, однихъ убиваютъ, другихъ изгоняютъ, а прочимъ даютъ одинаковую власть и равныя права. При ней всѣ пользуются полною свободою; каждый можетъ дѣлать все, что̀ хочетъ, обставлять жизнь по-своему, какъ ему нравится. При этомъ правленіи типы людей—самые разнообразные. Демократія кажется прекраснѣйшею формою правленія: она подобна пестрому платью, изукрашенному всевозможными цвѣтами, и она пестритъ разными нравами. Она заключаетъ въ

[1]) Ст. Schoffer'a подъ словомъ Demokratia въ Pauly-Wissowa, Real-Encyclopädie, Supplement, I

[2]) Zeller, Die Philosophie d. Griechen, II, 1⁴. Leipz. 1889; Gomperz, Griech. Denker. Leipz 1902, II; Виндельбандъ, Платонъ. Спб. 1900 (перев); кн. Е. Н. Трубецкой, Соціальная утопія Платона (Вопр. филос. и психологіи, 1908, кн. 1—2); ср его же, Политич. идеалы Платона и Аристотеля въ ихъ всемірно-историч. значеніи (ibid., 1890, кн. 4). Рус. пер. Платонова „Государства“—Карпова

[3]) В С. Соловьевъ, Жизнен. драма Платона (Вѣстн. Евр., 1898, мартъ-апрѣль).

себѣ всѣ роды правленій. Если желаешь управлять, не нужно для этого способностей или подготовки; нѣтъ надобности быть управляемымъ, если не хочешь подчиняться, ни воевать, когда другіе воюютъ, ни заключать миръ, когда другіе заключаютъ. Если законъ устраняетъ тебя отъ участія въ судѣ и въ управленіи, ты все-таки можешь, когда тебѣ угодно, судить и управлять. Въ демократіи люди, приговоренные къ смерти или къ изгнанію, тѣмъ не менѣе остаются и ходятъ открыто, выступаютъ героями, и никто не заботится объ этомъ. Тутъ все можно попирать ногами, лишь бы ладить съ народомъ. Это—образъ правленія пріятный, анархическій и пестрый, предоставляющій равенство равнымъ и неравнымъ. Наглость, своеволіе, распутство и безчинство тутъ увѣнчано, восхваляется и называется прекраснѣйшими именами: наглость—образованностью, своеволіе—свободою, распутство—великолѣпіемъ, безстыдство—мужествомъ. Платонъ рисуетъ демократическій типъ расточительнаго сына скупого отца—„олигарха“ [1]). Такой человѣкъ живетъ, поддаваясь постоянно какой-нибудь прихоти. То онъ пируетъ и приглашаетъ флейтистокъ, то довольствуется одною водою и изможданетъ себя, то увлекается гимнастикой, потомъ предается лѣни и ничѣмъ не интересуется; то какъ-будто начинаетъ заниматься философіей, а чаще вдается въ политику, всходитъ на трибуну, говоритъ и дѣлаетъ, что̀ на умъ взбредетъ... Нѣтъ въ его жизни ни порядка, ни закона. „Это—пестрый человѣкъ“.

Демократія вырождается въ тираннію. Благомъ для нея является свобода и ея губитъ ненасытная жажда свободы, подобно тому, какъ олигархію губитъ ненасытная жажда богатства. Демократическое государство, горя жаждою свободы, попадаетъ въ руки дурныхъ виночерпіевъ; оно упивается несмѣшанною свободою и возстаетъ противъ властей, обвиняя ихъ, какъ преступниковъ и олигарховъ, а тѣхъ, кто повинуется властямъ, презираетъ, какъ рабовъ и людей ничего не стоющихъ, тѣхъ же, кто равняетъ правителей съ управляемыми и управляемыхъ съ правителями, оно прославляетъ и

[1]) Вспомнимъ, что по терминологіи Платона олигархія — господство богатыхъ

удостаиваетъ почестей. Въ демократіи свобода проникаетъ и въ частную жизнь. Отецъ тутъ равняется съ сыномъ и боится его, а сынъ равняется съ отцомъ, не стыдится и не боится родителей, чтобы быть свободнымъ. Метэкъ—все равно что̀ гражданинъ, а гражданинъ—все равно что́ метэкъ. Учитель боится учениковъ и льститъ имъ, а ученики презираютъ учителей и „педагоговъ“. Молодые состязаются со стариками, а старики снисходятъ, особенно вѣжливы и ласковы къ нимъ, чтобы не показаться людьми суровыми и деспотичными. Между мужчинами и женщинами здѣсь господствуетъ равенство. Анархія достигаетъ и далѣе: даже животныя въ такомъ городѣ чувствуютъ себя гораздо свободнѣе, и собаки тамъ бываютъ таковы, каковы ихъ господа, а ослы и лошади привыкаютъ ходить свободно и важно, сталкивая тѣхъ, кто не посторонится. Какъ нѣжны здѣсь граждане! Малѣйшій намекъ на рабство ихъ раздражаетъ и они не могутъ этого терпѣть. Они не обращаютъ вниманія на законы писанные и неписанные, чтобы никто и никакъ не былъ ихъ господиномъ. Но одна крайность вызываетъ другую, противоположную. Такъ бываетъ въ природѣ, такъ и въ государственномъ строѣ. Излишняя свобода приводитъ ни къ чему иному, какъ къ рабству, частное лицо и городъ. Изъ демократіи, такимъ образомъ, возникаетъ тираннія, изъ крайней свободы—величайшее и жесточайшее рабство. Болѣзнь, зародившаяся въ олигархіи (плутократіи), порабощаетъ государство и при демократіи; это—родъ праздныхъ и расточительныхъ людей, трутней, изъ которыхъ одни съ жаломъ, а другіе безъ жала. Они, появляясь въ государствѣ, приводятъ его въ волненіе, какъ жаръ и желчь тѣло. Въ демократіи есть три разряда людей. Одинъ, который зарождается благодаря своеволію; въ олигархіи онъ не въ чести, въ демократіи же стоитъ во главѣ: къ нему принадлежатъ демагоги; кто изъ нихъ повостръе, тотъ говоритъ и дѣйствуетъ, а прочіе, сидя вокругъ каѳедры, шумятъ и не терпятъ, чтобы говорилось иное, такъ что всѣмъ заправляютъ демагоги. Другой разрядъ—люди богатые, собиратели меда, лучшая пища для трутней. А третій разрядъ—демосъ, частью живущій собственнымъ трудомъ, частью безработный, мало пріобрѣтающій, но сильный своею численностью. Стоящіе во главѣ его оты-

мают состояніе у имущихъ и раздѣляютъ это состояніе между народомъ, большую часть оставляя себѣ. Ограбленные вынуждены защищать себя; тогда ихъ обвиняютъ въ томъ, что они олигархи и злоумышляютъ противъ демоса. Тѣ, видя это, волей-неволей становятся дѣйствительно сторонниками олигархіи. Являются доносы, разбирательства, взаимная борьба. Какой-либо вождь становится во главѣ демоса, который его питаетъ и выращиваетъ. Такъ рождается тираннія... Она вырастаетъ изъ предстательства. Платонъ ярко изображаетъ, какъ тиранну сама необходимость и судьба предписываетъ либо самому погибнуть отъ враговъ, либо тиранствовать и изъ человѣка стать волкомъ. Предстатель демоса и будущій тираннъ не останавливается ни передъ чѣмъ; онъ изгоняетъ и казнитъ своихъ согражданъ, оскверняя свои уста и нечестивый языкъ кровью ихъ, обѣщаетъ народу прощеніе долговъ и раздѣлъ земель.

Такъ демосъ, по выраженію Платона, убѣгая отъ дыма рабства, попадаетъ въ огонь деспотіи и вмѣсто излишней и неумѣстной свободы облекается въ тягчайшее и горькое рабство...

Платонъ былъ принципіальнымъ противникомъ демократіи. Въ „Горгіи“ проводится имъ мысль, что дѣло хорошаго гражданина совершенствовать нравственно согражданъ, и, исходя изъ этой точки зрѣнія, онъ осуждаетъ, напр., Перикла, который, по его словамъ, испортилъ аѳинянъ, сдѣлавъ ихъ празднолюбивыми, трусливыми, болтливыми и жадными до жалованья, впервые введеннаго имъ. Но Платонъ послѣдователенъ: онъ слагаетъ вину за разложеніе общества не на одного Перикла: наравнѣ съ послѣднимъ виновниками являются и Кимонъ, и Ѳемистоклъ, и даже Мильтіадъ; Платонъ прямо говоритъ, что въ Аѳинахъ не было ни одного поистинѣ хорошаго государственнаго дѣятеля. Онъ—не только противъ демократіи IV в., ему современной; онъ—противъ всего того направленія, которое приняла исторія Аѳинъ, противъ всего ея предыдущаго хода, всего исторически сложившагося аѳинскаго строя.

Въ „Политіи“ Платонъ сравниваетъ современное ему государство съ кораблемъ, на которомъ пассажиры спорятъ за власть, каждый знающій и незнающій считаетъ себя призван-

нымъ управлять кораблемъ, каждый хватается за руль, а знающаго и способнаго кормчаго выбрасываютъ за бортъ. Платонъ осуждаетъ, когда каждый берется не за свое дѣло, когда люди, призванные къ ремеслу и не смыслящіе въ управленіи, хватаются за власть. Уже Сократъ удивлялся, что въ Аѳинахъ должностныхъ лицъ избираютъ по жребію и, казалось, не требуютъ подготовки и знаній лишь отъ тѣхъ, кто занимался государственными дѣлами; самую добродѣтель онъ отождествлялъ съ знаніемъ. Платонъ пошелъ гораздо дальше: пока не будутъ или философы править, или нынѣшніе правители не станутъ философами, говоритъ онъ, пока государственная власть и философія не совпадутъ въ одномъ лицѣ, до тѣхъ поръ не будетъ спасенія отъ зла и совершенное государство не увидитъ свѣта. Въ идеальномъ государствѣ Платона правятъ философы, оберегаютъ это государство стражи, воины, а остальное населеніе—ремесленники, земледѣльцы—содержатъ эти два высшихъ класса. Правители и стражи не имѣютъ собственности; у нихъ все общее, даже жены и дѣти. Только съ такимъ идеальнымъ государствомъ, по Платону, и можно имѣть дѣло; въ другомъ лучше уклоняться отъ дѣлъ. Но описываемаго имъ идеальнаго государства, по сознанію самого Платона, на землѣ нѣтъ; его образъ находится, быть можетъ, на небѣ; оно можетъ существовать у боговъ и сыновъ божьихъ. Впослѣдствіи въ своихъ „Законахъ“, произведеніи старости, Платонъ начертилъ проектъ государства. осуществимаго, по его мнѣнію, и на землѣ. Уже не идеалъ справедливости имѣлся тутъ въ виду: довольно, если люди съумѣютъ жить въ мирѣ и не растерзаютъ другъ друга [1]). Это—государство компромисса, во многомъ являющееся копіей спартанскаго и критскаго, государство на религіозно-полицейскихъ основахъ, гдѣ все до мельчайшихъ подробностей регламентировано, неподвижное и косное, грозящее смертною казнью за критику принятыхъ установленій. Для такого государства необходимъ былъ въ сущности тираннъ...

---

[1]) Кн. Е. Н. Трубецкой, Соц. утопія Платона (Вопр. фил. и психол., 1908, 2 кн., стр. 73).

Аристотель [1]) въ своей „Политикѣ“ [2]) подвергаетъ критикѣ Платоново идеальное государство съ его общностью женъ и имущества и не считаетъ Спарты или Крита образцомъ, достойнымъ подражанія. По его воззрѣнію, есть три „правильныхъ“ формы правленія—монархія, аристократія, т.-е. господство „лучшихъ“, и такъ называемая „политія“—и три соотвѣтствующихъ имъ неправильныхъ, „извращенныхъ“—тираннія, олигархія и демократія. Правильныя формы тѣ, гдѣ имѣется въ виду общая польза, неправильныя—тѣ, которыя имѣютъ въ виду пользу правителей; онѣ являются извращеніемъ первыхъ. Принципъ аристократіи—доблесть, олигархіи—богатство, демократіи — свобода. Въ аристократіи господствуютъ „лучшіе“, въ олигархіи—богатые, въ демократіи—бѣдные. Самою лучшею формою въ теоріи Аристотель признаетъ монархію, но лишь какъ исключеніе, съ большими оговорками,—въ тѣхъ случаяхъ, когда одинъ неизмѣримо превосходитъ остальныхъ, чего, говоритъ онъ, теперь въ дѣйствительности не встрѣчается; онъ отдаетъ въ сущности предпочтеніе аристократіи. Очеркъ государства, которое было бы идеаломъ, въ текстѣ „Политики“ не законченъ: текстъ въ этомъ мѣстѣ прерывается и самый очеркъ является лишь обрывкомъ. Не безусловно лучшею формою, но такою, которая наиболѣе соотвѣтствуетъ дѣйствительности и оказывается хорошею при данныхъ условіяхъ, если не примѣнять особенно высокой мѣрки, Аристотель считаетъ политію [3]), представляющую смѣшеніе олигархическихъ и демократическихъ элементовъ, съ преобладаніемъ послѣднихъ; политія ближе къ демократіи, чѣмъ къ олигархіи. Вообще Аристотель стоялъ за смѣшеніе началъ въ государственномъ устройствѣ, находя такія формы наиболѣе прочными. Наихудшею изъ извращенныхъ формъ онъ считаетъ тираннію. Демократіи же и олигархіи, по его мнѣнію, могутъ быть сносными, если онѣ

[1]) Кромѣ общихъ трудовъ по исторіи греческой философіи Zeller'a Gomperz'a и Виндельбанда (Исторія древн. философіи),—W. Oncken, Die Staatslehre d. Aristoteles. Leipz. 1870—5, 2 т.

[2]) Есть русск. пер. Н. Е. Скворцова.

[3]) Такимъ образомъ это слово у Аристотеля имѣетъ два значенія: 1) вообще государственный строй и 2) государственный строй, лучшій при данныхъ условіяхъ.

лишь нѣсколько уклоняются отъ лучшей формы, но если основной элементъ политическаго устройства ихъ развить еще болѣе и уклоненіе довести до крайности, то строй сдѣлается хуже и даже не будетъ вовсе никакого государственнаго порядка. У демократіи двѣ главныхъ отличительныхъ черты—власть большинства и свобода; подобно Платону, Аристотель говоритъ, что тутъ каждый живетъ, какъ хочетъ. Мы уже видѣли (стр. 278—9), какъ характеризуетъ Аристотель различные виды демократіи, какъ изображаетъ онъ крайнюю демократію, гдѣ царитъ масса съ ея демагогами, гдѣ имѣютъ силу не законы, а псефизмы, гдѣ народъ является многоголовымъ тираномъ, причемъ псефизмы тутъ—то же, что̀ приказы, а демагогъ—то же, что̀ льстецъ при тираннѣ; тутъ демосъ—господинъ надъ всѣмъ, а надъ его рѣшеніями господа—демагоги. Если масса принимаетъ *непосредственное* участіе въ управленіи, то является этотъ крайній видъ демократіи, т.-е. деспотической. Разныя виды демократіи, какъ и вообще формы правленія, зависятъ отъ преобладанія того или другого элемента населенія. Лучшею демократіею Аристотель считаетъ ту, гдѣ демосъ земледѣльческій: такой демосъ не имѣетъ времени часто сходиться въ народное собраніе. „Корабельной черни“ Аристотель не симпатизируетъ. Три класса населенія отмѣчаетъ онъ: очень состоятельные, очень бѣдные и средніе. Его симпатіи на сторонѣ средняго класса. Это—лучшая основа государства и опора государственнаго порядка; тотъ строй хорошъ и проченъ, въ которомъ средній классъ многочисленъ. По Аристотелю, гражданинъ въ настоящемъ смыслѣ слова тотъ, кто участвуетъ въ управленіи и въ судѣ. Онъ противъ предоставленія гражданскихъ правъ и участія въ управленіи ремесленникамъ; наилучшее государство, говоритъ онъ, не сдѣлаетъ ремесленника гражданиномъ; чтобы участвовать въ управленіи и развивать въ себѣ гражданскую доблесть, надо имѣть досугъ, а кто живетъ жизнью ремесленника или поденщика, такого досуга не имѣетъ.

Уже Аристотель сознавалъ всю важность экономическихъ отношеній. Онъ называлъ человѣка не только „политическимъ животнымъ“, но и „экономическимъ“ [въ „Евдемовой Этикѣ“ [1])].

[1]) Если она и не принадлежитъ самому Аристотелю, то все-таки въ основѣ ея лежитъ его ученіе.

Изъ-за имущественнаго неравенства, говорится у него, происходитъ большинство возстаній. Бѣдность порождаетъ мятежи и преступленія. Главная задача государственной мудрости удовлетворительно распредѣлить имущественныя блага. Для прочности государственнаго строя важно обезпечить матеріальное благосостояніе. Въ демократіи нужно, чтобы демосъ не былъ бѣденъ. Говоря о томъ, какими мѣрами можно разумно обезпечить прочность демократіи, Аристотель возстаетъ противъ дѣйствій и пріемовъ современныхъ ему демагоговъ, не только аѳинскихъ. Нынѣшніе демагоги, угождая народу, замѣчаетъ онъ (1320 a), производятъ большія конфискаціи посредствомъ дикастеріевъ; но кто заботится о сохраненіи государственнаго строя, тотъ долженъ противодѣйствовать этому и постановить закономъ, что имущество осужденныхъ и платящихъ штрафы не достается народу, а должно употребляться на религіозныя цѣли. Удерживать отъ преступленій это будетъ не меньше (ибо все равно виновные подвергнутся наказанію), но толпа меньше будетъ обвинять судимыхъ, не надѣясь что-нибудь получить. Нужно свести государственные процессы до возможно меньшаго количества, наложивъ тяжелыя наказанія на подымающихъ несправедливыя обвиненія, такъ какъ къ суду привлекаютъ обыкновенно не людей изъ народа, а знатныхъ. Надо расположить въ пользу государственнаго строя всѣхъ гражданъ или, по крайней мѣрѣ, не считать врагами тѣхъ, кто имѣетъ силу. Такъ какъ крайнія демократіи многолюдны и безъ платы трудно устраивать народныя собранія, а знатные, гдѣ нѣтъ государственныхъ доходовъ, относятся къ этому враждебно, ибо въ такомъ случаѣ средства для уплаты получаются путемъ эйсфоры, конфискацій и несправедливыхъ приговоровъ, что̀ погубило уже многія демократіи,—то надо народныя собранія созывать не часто и суды, хотя и изъ многихъ лицъ, должны дѣйствовать въ теченіе лишь немногихъ дней. А гдѣ есть доходы, тамъ не слѣдуетъ поступать такъ, какъ поступаютъ нынѣшніе демагоги, которые дѣлятъ излишки между народомъ, ибо это все равно, что лить воду въ дырявую бочку: народъ, получивъ подачку, снова въ ней нуждается. Но истинно расположенные къ демократіи должны заботиться, чтобы масса не была слишкомъ бѣдною, такъ какъ это—причина гибели

демократіи. Надо придумать средства, чтобы благосостояніе было постояннымъ, „хроническимъ“. Это—въ интересахъ самихъ состоятельныхъ. И Аристотель предлагаетъ, напр., излишки государственныхъ доходовъ собирать и изъ нихъ раздавать деньги неимущимъ на покупку участковъ земли или для занятія земледѣліемъ, открытія лавки и т. под., если нельзя всѣмъ, то по частямъ, по очереди...

Говоря о переворотахъ, происходящихъ въ демократіяхъ, Аристотель снова возвращается къ дѣйствіямъ демагоговъ, конфискаціямъ, процессамъ и несправедливымъ обвинительнымъ приговорамъ. Демократіи, замѣчаетъ онъ, подвергаются переворотамъ больше всего вслѣдствіе наглости демагоговъ, которые то сикофантствуютъ частнымъ образомъ противъ имѣющихъ состояніе и тѣмъ заставляютъ ихъ сплотиться, то натравливаютъ на нихъ народную массу. Чтобы пользоваться народнымъ расположеніемъ, они причиняютъ обиды знатнымъ, производятъ раздѣлъ ихъ имѣній, истощаютъ ихъ доходы литургіями, клевещутъ, дабы конфисковать ихъ имущество, и тѣмъ побуждаютъ ихъ возставать (1304b—1305a). Въ демократіяхъ, особенно въ такихъ, въ которыхъ народная масса является господиномъ и надъ закономъ, демагоги, ведя борьбу съ состоятельными, раздѣляютъ городъ надвое. Между тѣмъ надо соблюдать мѣру, въ демократіи щадить богатыхъ и заботиться о благосостояніи массы: многія изъ учрежденій, кажущіяся чисто демократическими, разрушаютъ демократію...

Вообще Аристотель умѣренъ. Въ сущности онъ не придаетъ рѣшающаго значенія *формѣ* правленія: то правленіе хорошо въ его глазахъ, которое имѣетъ въ виду общее благо, а не только пользу правителей. Аристотель допускаетъ, что если править большинство, но согласно общей пользѣ, то это будетъ политія „правильная“, и иногда высказываетъ благопріятное мнѣніе о демосѣ. Въ „Аѳинской Политіи“ Аристотель отмѣчаетъ даже „обычную кротость демоса“ (говоря о событіяхъ начала еще V в.), благородное поведеніе демократовъ по низложеніи Тридцати и свидѣтельствуетъ, что самъ демосъ наказывалъ тѣхъ вожаковъ своихъ, которые наталкивали его на дурныя дѣла. Олигархію (въ „Политикѣ“) Аристотель считаетъ извращенною формою и даже худшею, нежели

крайняя демократія. Онъ признаетъ, что въ большихъ городахъ его времени трудно быть иной формѣ правленія, кромѣ демократіи; что бѣдные, если даже и не имѣютъ участія въ почетныхъ правахъ, склонны вести себя спокойно, лишь бы съ ними не поступали насильственно и ничего не отымали у нихъ; что демократія прочнѣе и менѣе подвержена смутамъ, нежели олигархія, и что государственный строй больше губятъ жадность и властолюбіе богатыхъ, нежели демоса. Онъ подробно описываетъ тѣ уловки и хитрости, посредствомъ которыхъ олигархи умѣютъ обойти народъ.

Аристотель—сторонникъ середины. Чрезмѣрное богатство и чрезмѣрная бѣдность, по его мнѣнію, вредны: первое ведетъ къ деспотическому господству, вторая—къ рабскому подчиненію. Лучшіе законодатели—изъ средняго класса. Симпатіи Аристотеля на сторонѣ Солона, котораго онъ причисляетъ къ этимъ лучшимъ законодателямъ и который, по его словамъ, далъ аѳинянамъ строй, представлявшій середину между олигархіей и демократіей. Кратко, сдержанно и холодно говоритъ онъ въ „Аѳинской Политіи“ о Периклѣ, къ которому, очевидно, не благоволитъ, и лучшими государственными дѣятелями „послѣ древнихъ“ называетъ Никія, Ѳукидида Алопекскаго и Ѳерамена, которому ставитъ въ заслугу борьбу съ противозаконіями и то, что онъ могъ заниматься политическою дѣятельностью при всякихъ формахъ государственнаго устройства, „какъ это и подобаетъ хорошему гражданину“; а къ Клеону и подобнымъ ему демагогамъ Аристотель обнаруживаетъ явную антипатію. Лучшимъ изъ бывшихъ въ Аѳинахъ правленій онъ считаетъ ту умѣренную демократію Пяти тысячъ, которая такъ недолго существовала послѣ паденія олигархіи Четырехсотъ въ 411 г. (стр. 345).

Замѣчательно, что и Платонъ, и даже Аристотель, бывшій современникомъ Филиппа и Александра, имѣютъ въ виду только греческій polis, государство-городъ,—типъ, тогда уже отжившій свой вѣкъ, уже обреченный на гибель: когда Аристотель кончалъ свою „Политику“ въ 30-хъ годахъ IV в., наступала эпоха Александра В. и его преемниковъ, эпоха эллинизма, съ новымъ типомъ болѣе или менѣе обширныхъ государствъ-монархій.

Демагоги вызываютъ неудовольствіе не однихъ философовъ. Удивляюсь, пишетъ, напр., Исократъ, обращаясь къ аѳинянамъ, какъ вы не видите, что нѣтъ рода болѣе злонамѣреннаго въ отношеніи къ массѣ, чѣмъ дурные ораторы и демагоги. Ибо, кромѣ иныхъ золъ, они желаютъ, чтобы вы терпѣли недостатокъ даже въ самомъ необходимомъ для дневного пропитанія, такъ какъ они видятъ, что кто можетъ содержать себя на свои средства, тѣ преданы интересамъ государства и держатся наилучшихъ совѣтниковъ, а кто живетъ платой за посѣщеніе судовъ, народныхъ собраній и т. под. доходами, тѣ вслѣдствіе нужды зависятъ отъ нихъ, демагоговъ, и очень благодарны за возбуждаемыя ими обвиненія въ государственныхъ преступленіяхъ, жалобы и прочее сикофантство. Демагоги съ величайшимъ удовольствіемъ готовы видѣть всѣхъ гражданъ въ нуждѣ, благодаря которой они царятъ. Они думаютъ не о томъ, чтобы нуждающимся доставить средства къ жизни, а о томъ, чтобы тѣхъ, кто повидимому имѣетъ какое-либо состояніе, уравнять съ нуждающимися („О мирѣ“, § 129)... Наши предки избирали однихъ и тѣхъ же лицъ и въ главы государства и въ стратеги, а мы дѣлаемъ противоположное: тѣхъ, кѣмъ мы пользуемся въ качествѣ совѣтниковъ въ важнѣйшихъ дѣлахъ, мы не считаемъ достойными быть выбранными въ стратеги, какъ людей, не имѣющихъ ума, а тѣхъ, съ кѣмъ никто не сталъ бы совѣтоваться ни о частныхъ, ни объ общественныхъ дѣлахъ, мы посылаемъ въ качествѣ облеченныхъ полномочіями, какъ будто они тамъ, за предѣлами Аттики, будутъ мудрѣе (§ 55). Кто желаетъ мира, тѣхъ аѳиняне не любятъ и подозрѣваютъ въ склонности къ олигархіи, а тѣхъ, кто побуждаетъ къ войнѣ, и сикофантовъ принимаютъ за друзей народа. Объ одномъ и томъ же въ одинъ и тотъ же день мы бываемъ разнаго мнѣнія и то, что̀ осуждаемъ прежде чѣмъ вступить въ собраніе, собравшись голосуемъ, а немного спустя, когда разойдемся, снова порицаемъ (§ 52). Исократъ мечтаетъ о возвращеніи къ старому строю временъ Солона и Клисѳена. Государство, говоритъ онъ въ „Ареопагитикѣ“, находится въ разстройствѣ. Ему грозитъ опасность. Хорошаго управленія мы не имѣемъ и не ищемъ; распущенность принимаемъ за народоправство, противозаконіе—за свободу, развязность—за

равенство. Нынѣшнимъ государственнымъ строемъ всѣ недовольны. Единственное средство предотвратить опасность и устранить зло это—возстановить строй Солона и Клисѳена. Исократъ оговаривается: онъ не противникъ демократіи; олигархію и привилегіи немногихъ отдѣльныхъ лицъ онъ порицаетъ, равенство же и демократію хвалитъ, но не всякую, а благоустроенную...

Такъ въ IV в. ясно обнаружился разрывъ между тогдашнею демократіею и умственною аристократіею. Платонъ если и пытался провести въ жизнь свои идеалы, то не въ демократическихъ Аѳинахъ, а въ Сициліи; свои надежды онъ возлагалъ на тиранна Діонисія и своего друга Діона. Извѣстно, какое горькое разочарованіе онъ испыталъ при этомъ. На общественную дѣятельность въ Аѳинахъ Платонъ смотрѣлъ съ презрѣніемъ. Въ „Ѳеэтетѣ“ онъ сравниваетъ „теоретическую“, созерцательную жизнь философа съ жизнью людей практическихъ и политиковъ. Философъ свысока взираетъ на всѣ треволненія послѣднихъ. Онъ присутствуетъ въ государствѣ лишь тѣломъ; онъ не знаетъ дороги въ судъ или въ народное собраніе; золото, знатность, вліяніе, могущество, все, чѣмъ увлекаются такіе люди, для него ничто.. И въ дѣйствительности мы видимъ, какъ многіе уединяются въ частную жизнь.

Другой ученикъ Сократа, аѳинянинъ Ксенофонтъ проводитъ большую часть своей жизни внѣ Аттики. Онъ находится даже въ непріятельскомъ станѣ, при Агесилаѣ, когда происходитъ битва при Коронеѣ (стр. 391). Разрывъ съ родиной былъ полный, и Ксенофонтъ поселяется въ Пелопоннесѣ, близъ Олимпіи, въ подаренномъ ему спартанцами помѣстьѣ. Впослѣдствіи постановленіе объ его изгнаніи аѳиняне отмѣнили, но Ксенофонтъ, если и бывалъ въ Аѳинахъ, то не подолгу и умеръ въ Коринѳѣ. Агесилай былъ для него олицетвореніемъ доблести, излюбленнымъ героемъ, а Спарта—идеаломъ государства.

Въ то время многіе, разочаровавшись въ демократіи, въ поискахъ за идеаломъ обращаютъ свой взоръ на Спарту. Въ спартанцахъ и въ ихъ строѣ усматриваютъ образецъ, достойный подражанія. Тамъ видятъ господство доблести, добрыхъ нравовъ, дисциплины, всего того, чего, казалось, такъ недоставало

тогдашнимъ Аѳинамъ; видятъ идеалъ государственнаго порядка, прочнаго и неизмѣннаго, не испытывающаго колебаній и потрясеній, внутренней борьбы и смутъ, свободнаго отъ демагоговъ, и не замѣчали тѣхъ язвъ, отъ которыхъ страдала Спарта, того, что̀ скрывалось подъ покровомъ этой незыблемости и постоянства. Платонъ идеализируетъ Спарту, береть ее и Критъ за образецъ для государства въ своихъ „Законахъ“. Антисѳенъ, основатель школы циниковъ, говоритъ, что Спартанское государство стоитъ выше всѣхъ остальныхъ и относится къ Аѳинамъ, какъ собраніе мужчинъ къ обществу женщинъ; онъ называлъ спартанцевъ педагогами Эллады, а прочія государства греческія—дѣтьми, возстающими противъ наставника. Среди ожесточенной борьбы партій и классовъ, сталкивающихся интересовъ, въ греческомъ обществѣ ощущалась потребность во власти, которая служила бы защитой какъ противъ капиталистовъ, такъ и противъ черни. Греческое государство IV в. было безсильно бороться съ язвами и недугами того времени. Государственная власть сама была представительницей классовыхъ интересовъ (Пельманъ). Являлась потребность въ посредникѣ, и въ обществѣ начинаютъ распространяться идеи монархизма [1]). Аристотель говоритъ, что царь долженъ быть стражемъ, съ одной стороны оберегая тѣхъ, кто имѣетъ состояніе, а съ другой—народъ, чтобы и тотъ не подвергался обидамъ (1310b—1311a). Росту монархическихъ тенденцій способствовало и развитіе индивидуализма [2]), преклоненіе предъ сильною личностью, проповѣдываніе права сильнаго, о которомъ говоритъ, напр., Калликлъ въ Платоновомъ „Горгіи“. Многіе спасенія ждутъ отъ отдѣльной сильной личности. На Кипрѣ и въ Малой Азіи появляются владѣтели, династы, пользующіеся авторитетомъ и славой, подобные Евагору и Мавсоллу; это—типы, являющіеся, какъ было уже упомянуто, предшественниками послѣдующихъ властителей эпохи эллинизма. Личность персидскаго принца, Кира Младшаго, производитъ обаятельное впечатлѣніе на нѣкоторыхъ грековъ, напр., на Ксенофонта. Знаменательно, что Платонъ думалъ

[1]) Karst, Studien z. Entwickelung und theoretischen Begründung d. Monarchie im Altertum. Munch.-Leipz. 1898.

[2]) Karst, Studien, стр. 17 сл.

осуществить свои идеи при помощи *тиранна* сиракузскаго, сначала Діонисія Старшаго, потомъ его преемника, Діонисія Младшаго; три раза предпринимаетъ онъ путешествіе въ Сицилію, ко двору тиранна, пока дѣйствительность не разбила всѣхъ его надеждъ на этотъ счетъ, а самъ онъ едва не лишился свободы и жизни.

Монархическія идеи нашли себѣ выраженіе и въ тогдашней литературѣ. Аристотель, хотя и съ большими оговорками, готовъ былъ признать монархію самою лучшею формою правленія. Онъ опредѣляетъ царя, какъ живой законъ, какъ его воплощеніе. Если, говоритъ онъ, одинъ человѣкъ рѣшительно выдается надъ остальными, то онъ является естественнымъ, прирожденнымъ царемъ и онъ долженъ царить. Но, оговаривается Аристотель, это возможно только въ ранній періодъ человѣчества; трудно допустить, чтобы позднѣе одинъ такъ возвышался надъ общимъ уровнемъ; человѣчество слишкомъ двинулось впередъ, чтобы одинъ могъ казаться какъ-бы богомъ среди другихъ. Поэтому слѣдуетъ предпочесть правленіе лучшихъ. У народа свободнаго, гдѣ каждый равенъ другому, монархія, по мнѣнію Аристотеля, невозможна. Онъ дѣлаетъ исключеніе лишь для народа, стоящаго низко и неспособнаго къ самоуправленію; такой народъ можетъ нуждаться въ господинѣ.

Исократъ съ своими посланіями и рѣчами нерѣдко обращался къ царственнымъ лицамъ. Мы видѣли, что онъ заявлялъ о своей приверженности демократіи, не той, впрочемъ, которая существовала тогда, а той, которая была въ „доброе, старое время“, при Солонѣ и Клисѳенѣ. Въ „Филиппѣ“ онъ замѣчаетъ, что монархія не свойственна грекамъ, что они не привыкли къ ней. Но это не помѣшало ему написать панегирикъ умершему Евагору, своего рода некрологъ, въ которомъ онъ не только прославляетъ этого династа, начиная съ его происхожденія и кончая его личностью и дѣяніями, но и говоритъ, напр., что царская власть самое великое, самое блестящее и самое желанное изъ всѣхъ благъ божескихъ и человѣческихъ. „И какой поэтъ или ораторъ можетъ достойнымъ образомъ восхвалить того, кто пріобрѣлъ это прекраснѣйшее изъ того, что есть на свѣтѣ?“... Если прежніе герои стали

безсмертными благодаря доблести, то удостоится такого дара и Евагоръ, „достойнѣйшій удивленія и блаженнѣйшій“. Въ рѣчи или посланіи къ его преемнику Никоклу Исократъ разсматриваетъ, каковы обязанности царя, и даетъ рядъ наставленій, какъ нужно царствовать, а въ другомъ своемъ произведеніи онъ влагаетъ въ уста самому Никоклу рѣчь, въ которой заявляетъ, что нужно цѣнить существующій на Кипрѣ строй, такъ какъ это самая лучшая изъ государственныхъ формъ, и излагаетъ преимущества монархіи въ сравненіи съ олигархіей и демократіей.

Еще рѣзче монархическія тенденціи выступаютъ у Ксенофонта. У него Гіеронъ въ діалогѣ того же имени говоритъ о преимуществѣ положенія частнаго лица сравнительно съ положеніемъ тиранна; но его собесѣдникъ Симонидъ возражаетъ ему, доказывая, что темныя стороны, которыя отмѣчаетъ Гіеронъ, не связаны неразрывно съ призваніемъ властителя, который можетъ быть благодѣтелемъ народа, пользоваться его любовью, довѣріемъ и быть счастливымъ. Въ „Киропедіи“, въ этомъ тенденціозномъ историко-политическомъ романѣ, Ксенофонтъ желаетъ представить образъ добраго и счастливаго царя, идеалъ монарха, при чемъ тутъ сказывается не только монархическая тенденція, но и нѣкоторое увлеченіе Востокомъ, восточными обычаями и нравами. Характерно уже то, что *грекъ* Ксенофонтъ беретъ личность царя *персидскаго*, какъ воплощеніе идеала. Не менѣе характерны и многія подробности и отдѣльныя замѣчанія. Обращаетъ на себя вниманіе уже начало „Киропедіи“—сопоставленіе людей и стада животныхъ. Ксенофонту пришла въ голову мысль о томъ, что многія демократіи ниспровергнуты тѣми, кто предпочиталъ иную форму правленія; многія монархіи и олигархіи разрушены народомъ; да и въ домашней жизни многіе господа не въ состояніи держать у себя въ повиновеніи даже немногочисленныхъ слугъ. Съ другой стороны, онъ наблюдалъ, какъ стада повинуются своимъ пастухамъ, являющимся полными господами животныхъ, которыхъ они стерегутъ. Ксенофонтъ готовъ былъ признать, что человѣку легче властвовать надъ животными, чѣмъ надъ людьми. Но тутъ онъ вспомнилъ о персидскомъ царѣ Кирѣ и измѣнилъ свое мнѣніе: оказывается,

что управлять людьми не такъ ужъ невозможно и не трудно, если дѣлать это умѣючи. Киръ для Ксенофонта — „мужъ достойный удивленія“. Между прочимъ авторъ „Киропедіи“ подробно описываетъ (VIII кн.), какой порядокъ ввелъ Киръ и какими средствами съумѣлъ расположить къ себѣ вельможъ и вообще подданныхъ. Киръ, говоритъ Ксенофонтъ, полагалъ, что хорошій правитель—это „одаренный зрѣніемъ законъ“. Недаромъ его называли „отцомъ“. Напр., слугъ во время похода онъ приказывалъ водить на водопой, какъ вьючный скотъ, а во время ихъ обѣда ждалъ, пока они наѣдятся, чтобы не испытывали голода. Отъ своего стола онъ посылалъ друзьямъ и слугамъ яства, желая оказать имъ вниманіе и думая, что этимъ внушитъ имъ, какъ собакамъ, привязанность къ себѣ. Обязанности хорошаго пастуха и хорошаго царя сходны: пастухъ, чтобы пользоваться своими стадами, долженъ сдѣлать ихъ счастливыми, насколько только овцы могутъ быть счастливы, и царь долженъ сдѣлать счастливыми города и людей, если желаетъ пользоваться ими.

Итакъ, царь—пастухъ, а подданные—стадо,—таковъ идеалъ, до котораго дошелъ аѳинянинъ Ксенофонтъ. „Плохо было жить въ Греціи“, замѣчаетъ по поводу „Киропедіи“ одинъ русскій авторъ [1]), „когда ученикъ Сократа въ подобномъ устройствѣ способенъ былъ видѣть идеалъ государства“.

Греція въ IV в. была богата силами и талантами на различныхъ поприщахъ. Но политически она была раздроблена и слаба; внутри были разладъ, борьба классовъ, и силы Греціи пока не имѣли выхода, истрачивались во взаимной борьбѣ. Демократія страдала внутренними противорѣчіями и носила въ самой себѣ зачатки разложенія и упадка. Въ глазахъ многихъ подымался страшный призракъ всеобщаго переворота и анархіи. Спасенія ждали отъ диктатуры. Одни — въ Сициліи — нашли ее въ тиранніи, другіе—въ собственной Элладѣ—въ господствѣ Македоніи. Этому господству проложили, такимъ образомъ, путь внутреннее разложеніе въ Греціи, раздоры, опасенія состоятельныхъ классовъ.

---

[1]) Бабстъ, Государствен. мужи древн. Греціи...

Аѳины и Филиппъ Македонскій.

Вопросъ о происхожденіи македонянъ — давній и все еще невыясненный. Одни считаютъ ихъ народомъ, чуждымъ грекамъ, другіе — греческимъ племенемъ, третьи — народомъ, родственнымъ эллинамъ, и послѣднее мнѣніе, повидимому, ближе къ истинѣ. Сообразно съ этимъ одни говорятъ, что македоняне уничтожили греческую свободу, другіе — что они объединили грековъ [1]). Сами македонскіе цари выводили свой родъ изъ Аргоса, отъ Теменидовъ, потомковъ Геракла. Въ культурномъ отношеніи македоняне во всякомъ случаѣ стояли ниже грековъ и ихъ бытъ, ихъ политическій строй въ IV в. значительно отличался отъ греческаго. Городская жизнь въ Македоніи не была развита. Здѣсь былъ многочисленный крестьянскій классъ и главное занятіе жителей составляло земледѣліе и скотоводство. Въ Македоніи существовала царская власть; но македонскій царь не былъ восточнымъ деспотомъ. Его окружало вліятельное дворянство и его можно сравнить съ царемъ гомерической эпохи или съ королемъ древнихъ германцевъ. Вообще нѣкоторыя черты быта Македоніи напоминаютъ гомерическій міръ и бытъ древнихъ германцевъ. Македоняне были народъ храбрый, полный силъ и энергіи; но нравы ихъ были суровы, даже дики, и во время смутъ и междоусобій, довольно частыхъ въ Македоніи, происходили кровавыя сцены.

Мало-по-малу въ Македонію стала проникать греческая культура. Проводникомъ ея были преимущественно греческіе города, расположенные по македонскому и ѳракійскому побережью. Выдвигается Македонія впервые во второй половинѣ V в., особенно въ эпоху Пелопоннесской войны, при царѣ Пердиккѣ, который является какъ-бы прототипомъ Филиппа: ихъ сближаетъ нѣкоторое сходство въ личномъ характерѣ и въ поли-

[1]) Droysen, Geschichte d. Hellenismus. 2-te Aufl. Gotha 1877 — 8. 3 Bde; Niese, Geschichte d. grichischen und makedon. Staaten seit d. Schlacht bei Chaeronea. Gotha. 1893—1903. 3 Bde; Kaerst, Gesch. d. Hellenistischen Zeitalters. Leipz 1901 I, Arn. Schafer, Demosthenes und seine Zeit. 2-te Aufl. Leipz. 1885—7. 3 Bde; Holm, Griech. Gesch. Berl. 1891. III-er B.; Beloch, Die attische Politik, и II—III т. его „Греч. исторіи“.

тикѣ. Изъ преемниковъ Пердикки выдается Архелай. Онъ перенесъ свою резиденцію изъ Эгъ (Эдессы) ближе къ морю, въ Пеллу. Это былъ варваръ по жестокости и неразборчивости въ средствахъ и въ то же время поклонникъ греческой культуры, другъ поэтовъ, художниковъ и философовъ. Онъ, подобно прежнимъ тираннамъ Греціи, призывалъ ихъ къ своему двору, при которомъ, напр., Еврипидъ и умеръ. Такимъ образомъ, на Архелаѣ уже отчасти сказывалось обаятельное дѣйствіе греческой культуры, и греческое вліяніе съ этихъ поръ сильнѣе проникаетъ въ Македонію.

Послѣ Архелая наступаетъ періодъ смутъ. Въ македонскія дѣла вмѣшиваются Пелопидъ и Ификратъ. Греки, можно сказать, были распорядителями македонскаго престола; къ нимъ за помощью обращались соперники и претенденты. Конецъ смутамъ положилъ младшій изъ сыновей Аминты—Филиппъ II (359 г.—336 г.).

Филиппъ въ юности прошелъ суровую школу несчастій. Одно время, какъ извѣстно, онъ находился въ Ѳивахъ, въ качествѣ заложника, и тутъ имѣлъ полную возможность ознакомиться съ сильными и слабыми сторонами тогдашней Греціи, съ ея культурой, съ ея усовершенствованнымъ военнымъ дѣломъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ ея политическою слабостью, партикуляризмомъ и т. п. Филиппъ не увлекался такими широкими и, казалось, фантастическими планами, какъ его знаменитый сынъ Александръ; его умъ былъ болѣе трезвъ и горизонтъ ýже. Но онъ обладалъ большою проницательностью, смѣлостью и энергіей, необыкновенною настойчивостью въ достиженіи цѣли. Современникъ, историкъ Ѳеопомпъ, отзывается о Филиппѣ, что никогда еще Европа не производила такого замѣчательнаго человѣка. Вступивъ на престолъ, Филиппъ быстро справился съ окружавшими его немалыми затрудненіями и опасностями,—побѣдилъ претендентовъ и сосѣднихъ внѣшнихъ враговъ—ѳракійцевъ, иллирійцевъ,—и принялся за организацію военной силы, за преобразованіе македонскаго войска. Онъ усовершенствовалъ знаменитую *фалангу*, тяжелый пѣхотный строй, наряду съ которымъ въ македонскомъ войскѣ были и отличная конница, и легкіе отряды, особенно изъ подвластныхъ иллирійскихъ и ѳракійскихъ племенъ.

Жизненнымъ вопросомъ для Македоніи было получить выходъ къ морю, добиться обладанія береговою полосою, которая усѣяна была греческими колоніями. Къ этой цѣли давно уже стремились македонскіе цари. Эту цѣль поставилъ себѣ и Филиппъ и съ удивительною настойчивостью и ловкостью достигаетъ ея. При этомъ ему нужно было считаться съ аѳинянами, которые заинтересованы были въ судьбѣ греческихъ городовъ во Ѳракіи и Македоніи и могли оказать имъ помощь.

Филиппъ началъ съ Амфиполя, основаннаго аѳинянами въ вѣкъ Перикла и потомъ утраченнаго ими во время Пелопоннесской войны. Съ тѣхъ поръ имъ никакъ не удавалось возвратить себѣ этотъ городъ, не желавшій подчиниться имъ. И вотъ Филиппъ входитъ въ соглашеніе съ аѳинянами: онъ обѣщаетъ завоевать Амфиполь *для нихъ*, а тѣ въ вознагражденіе за это обѣщаютъ предоставить ему Пидну. Но овладѣвъ Амфиполемъ (357 г.), Филиппъ удерживаетъ его за собой, а затѣмъ беретъ и Пидну. Тогда раздраженные аѳиняне вступаютъ въ войну съ Филиппомъ (357—346 г.).

Но едва только нзчалась эта война, какъ отъ аѳинянъ отложились недовольные союзники ихъ. Началась одновременно Союзническая война (стр. 403). Понятно, что ведя войну съ союзниками и при томъ направленіи, которое господствовало въ Аѳинахъ при Евбулѣ (стр. 408), аѳиняне не могли успѣшно бороться съ Филиппомъ. Сосредоточеніе силъ и политики въ однѣхъ рукахъ и военная организація давали перевѣсъ Филиппу. Самъ противникъ его, Демосѳенъ, отмѣчаетъ противоположность между нимъ и аѳинянами. Съ одной стороны, македонскій царь, какъ единый властитель, ни передъ кѣмъ не отвѣтственный, въ одно и то же время самъ полководецъ и министръ финансовъ, всюду поспѣвающій, всюду являющійся съ войскомъ, пользующійся каждымъ временемъ года, всякимъ удобнымъ моментомъ; съ другой — аѳинскій демосъ, „непостоянный, туда и сюда обращающійся, словно вѣтеръ на морѣ“; онъ медлитъ, дѣлаетъ постановленія, узнаетъ только тогда, когда противникъ уже находится на важномъ мѣстѣ, рѣшаетъ выступить противъ него, никогда его не предупреждаетъ и постоянно бываетъ захватываемъ врасплохъ [1]).

[1]) Kaerst, I, 168—9.

Филиппъ всячески пользовался обстоятельствами. Онъ предлагаетъ свою дружбу Олинѳу, беретъ Потидею и отдаетъ ее ему, въ надеждѣ, быть можетъ, потомъ овладѣть ими обѣими; онъ пріобрѣтаетъ богатую лѣсомъ и металломъ мѣстность у Пангея, въ глубинѣ Ѳракіи, и основываетъ тамъ городъ Филиппы. Отсюда онъ получаетъ большой доходъ и матеріалъ для постройки флота, который онъ сталъ заводить. Онъ беретъ Меѳону на македонскомъ побережьѣ и т. д.

Тѣмъ временемъ Филиппу открылась возможность вмѣшаться въ дѣла самой Греціи. Тамъ вспыхнула *Священная война*, которую по побужденію ѳиванцевъ амфиктіоны объявили фокидянамъ, не пожелавшимъ уплатить наложенный на нихъ штрафъ и подъ предводительствомъ Филомела, набравшаго наемниковъ, овладѣвшимъ Дельфами. Распря и борьба разрослась и охватила почти всю Грецію. Аѳины приняли сторону фокидянъ. Союзники Ѳивъ, ѳессалійскіе алевады призвали къ себѣ на помощь Филиппа противъ ферскихъ тирановъ. Преемникъ погибшаго Филомела, Ономархъ сначала имѣлъ было успѣхъ въ войнѣ съ Филиппомъ, но потомъ Филиппъ нанесъ ему рѣшительное пораженіе въ Ѳессаліи. Македонскому царю открывался путь въ среднюю Грецію и онъ попытался овладѣть Ѳермопилами. Но тутъ предупредили его аѳиняне, поспѣшившіе двинуть къ проходу свое войско и флотъ и тѣмъ заставившіе Филиппа отступить.

Тогда Филиппъ снова обращается во Ѳракію. Его вниманіе сосредоточивается теперь, главнымъ образомъ, на покоренiи Олинѳа и Халкидики. Отношенія его къ Олинѳу не были уже такъ дружественны, какъ прежде: Олинѳъ даже заключилъ договоръ съ Аѳинами. Наконецъ въ 349 г. дѣло дошло до открытой войны, и олинѳяне обратились за помощью въ Аѳины. Тогда выступаетъ на первый планъ главный противникъ Филиппа—Демосѳенъ, и начинается борьба оратора съ царемъ. Демосѳенъ, въ молодости вынужденный начать процессъ противъ своихъ опекуновъ и взяться за профессію адвоката, много работавшій надъ собою, пріобрѣлъ славу великаго оратора и отъ судебнаго краснорѣчія перешелъ и къ политическому. Въ своихъ знаменитыхъ „*Филиппикахъ*“ и въ Олинѳійскихъ рѣчахъ онъ настаиваетъ на необходимости послать войско во Ѳракію;

онъ доказываетъ, что сами граждане должны участвовать въ походахъ; онъ побуждаетъ обратиться къ другимъ грекамъ, чтобы привлечь ихъ къ общей борьбѣ противъ Филиппа; старается раскрыть предъ аѳинянами затаенные цѣли и планы Филиппа, выяснить основы его могущества, условія его успѣха; въ своихъ рѣчахъ онъ является великимъ ораторомъ-патріотомъ, стремящимся пробудить въ своихъ соотечественникахъ энергію и побудить ихъ къ принятію своевременнно мѣръ къ защитѣ свободы и независимости, которымъ, по его мнѣнію, угрожала опасность со стороны Филиппа. Для Демосѳена борьба съ Филиппомъ была борьбою принципіальною, борьбою за самое существованіе Аѳинъ и Греціи. Благодаря главнымъ образомъ его настояніямъ, аѳиняне оказали помощь Олинѳу. Но помощь все-же была недостаточна. Къ тому же аѳиняне вели одновременно войну и на Евбеѣ, въ общемъ для нихъ неудачную. Филиппъ покорилъ города Халкидики одинъ за другимъ, частью силой, частью подкупомъ, и при помощи измѣны овладѣлъ самимъ Олинѳомъ (348 г.), который былъ разрушенъ, а жители его проданы въ рабство. Цѣль Филиппа была достигнута: побережье Эгейскаго моря все было теперь въ его рукахъ.

Въ Аѳинахъ паденіе Олинѳа произвело сильное впечатлѣніе. Тѣмъ не менѣе, какъ ни велико было возбужденіе противъ Филиппа, дальнѣйшая война казалась и тягостной, и безполезной: она истощала лишь силы; ни аѳиняне, ни Филиппъ не могли нанести другъ другу рѣшительный ударъ. Съ своей стороны македонскій царь склонялся къ миру. Самъ Демосѳенъ не противился теперь; онъ, вмѣстѣ съ Филократомъ и своимъ противникомъ Эсхиномъ, отправленъ былъ посломъ въ Македонію, къ Филиппу, и переговоры привели къ соглашенію. По такъ называемому *Филократову миру* (346 г.) между обѣими сторонами устанавливались дружба и союзъ; за каждой оставалось то, чѣмъ она владѣла при заключеніи мира; на морѣ и на сушѣ должны были быть обезпечены свободныя, безопасныя сношенія и торговля, а противъ пиратства приняты мѣры. Въ мирный договоръ фокидяне не были включены. Они представляли въ то время своего рода наемническое, полуразбойничье государство; война для нихъ приняла неблагопріятный оборотъ. Вскорѣ послѣ Филократова мира ихъ вождь Фалекъ капитули-

ровалъ. По постановленію совѣта амфиктіоновъ фокидяне должны были разселиться по деревнямъ, а города ихъ преданы разрушенію; на нихъ наложена ежегодная уплата извѣстной суммы въ-замѣнъ разграбленныхъ ими сокровищъ дельфійскаго храма; но самое важное было то, что у нихъ было отнято право голоса въ амфиктіоніи и передано Филиппу. Теперь царь македонскій могъ засѣдать въ амфиктіоніи, дѣлался членомъ ея. Онъ, слѣдовательно, пріобрѣталъ формальное право на участіе въ греческихъ дѣлахъ, получалъ возможность постоянно вліять на Элладу и это вліяніе какъ бы узаконялось. Отсюда до гегемоніи надъ Греціей былъ одинъ только шагъ.

Филократовъ миръ далеко не удовлетворилъ всѣхъ аѳинянъ и подалъ поводъ къ ожесточенной борьбѣ партій и ряду процессовъ.

Въ то время въ Аѳинахъ обнаруживается два противоположныхъ теченія: одно—противъ македонскаго царя, другое—за него. Главою и самымъ яркимъ, лучшимъ выразителемъ стремленій антимакедонской партіи былъ Демосѳенъ. Въ его глазахъ Филиппъ былъ заклятымъ и самымъ опаснымъ врагомъ Эллады, ея свободы и независимости. Демосѳенъ отстаивалъ тотъ идеалъ, который дорогъ былъ греку, въ особенности аѳинянину. Для него борьба противъ Филиппа имѣла принципіальное значеніе, была борьбою не на животъ, а на смерть, борьбою за свободную политію, противъ насилія и тираніи. По Демосѳену, правовымъ государствомъ можетъ быть только демократическое: только въ демократіи господствуетъ законъ. Монархія для него равнозначуща съ тираніей и каждый монархъ или тиранъ—врагъ свободы и противникъ законовъ. Впрочемъ, это не мѣшало Демосѳену искать опоры у персидскаго царя. Въ аѳинской демократіи Демосоенъ видитъ оплотъ свободы, независимости и законности противъ Македоніи. Филиппъ для него—олицетвореніе коварства, вѣроломства и насилія, и гражданинъ, попавшій въ зависимость отъ царя, подобнаго Филиппу, изъ свободнаго и самоуправляющагося, „автономнаго“, становится рабомъ [1]). Мѣры, предлагаемыя Демосѳеномъ для того, чтобы можно было съ успѣхомъ вести борьбу съ такимъ про-

[1]) Pöhlmann, Grundriss [3], стр. 222—3; Kaerst, I, 162 сл.

тивникомъ, какъ Филиппъ, сводились къ поднятію энергіи гражданъ, къ участію ихъ самихъ въ военной службѣ, къ болѣе справедливому и цѣлесообразному распредѣленію между ними тягостей. къ употребленію доходовъ государства не на θеориконъ, а прежде всего на военныя цѣли и т. под. Но мѣры эти оказывались или не осуществленными, или недостаточными... Рядомъ съ Демосѳеномъ среди дѣятелей антимакедонской партіи мы видимъ еще двухъ ораторовъ — даровитаго Гиперида, любителя роскоши. чувственныхъ удовольствій, поклонника Фрины, и суроваго Ликурга, знатока финансовъ.

Но была партія, которая стояла на сторонѣ македонскаго царя и не только по корыстнымъ побужденіямъ, вслѣдствіе подкупа и т. под., какъ утверждали противники, но и по убѣжденію. Къ македонской партіи принадлежалъ Филократъ, по имени котораго названъ миръ съ Филиппомъ 346 г., и знаменитый соперникъ Демосѳена Эсхинъ, сначала по профессіи актеръ и писецъ или секретарь, потомъ ораторъ, одинъ изъ лицъ, близкихъ къ Евбулу.

Идеологомъ этой партіи былъ Исократъ. Родился онъ за нѣсколько лѣтъ до Пелопоннесской войны и умеръ почти столѣтнимъ старцемъ, доживъ до Херонейской битвы. По собственному его сознанію, природа не создала его способнымъ править государствомъ или быть ораторомъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова: она не дала ему ни достаточно сильнаго голоса, ни смѣлости, чтобы говорить предъ народомъ и вступать въ споръ или состязаніе съ людьми, тѣснящимися на трибунѣ; но она одарила его здравымъ смысломъ, онъ пріобрѣлъ хорошее образованіе и считалъ себя способнымъ давать совѣты родному городу, т.-е. Аѳинамъ, эллинамъ и выдающимся людямъ того времени. Исократъ сталъ „публицистомъ“. Еще въ своемъ „Панегирикѣ“, около 380 г., онъ высказываетъ мысли о примиреніи грековъ, объединеніи ихъ и національной войнѣ противъ Персіи. По его мнѣнію, прочнаго мира не можетъ быть между греками, если они не будутъ сообща воевать противъ Персіи. Если бы кто-либо изъ иностранцевъ, говоритъ Исократъ, пришелъ и узналъ современное положеніе Греціи, онъ счелъ бы насъ (спартанцевъ и аѳинянъ) за большихъ глупцовъ, видя, что мы ссоримся изъ-за мелочей и губимъ нашу

собственную страну, тогда какъ мы могли бы безъ всякой опасности завоевать Азію. Исократъ ждалъ объединенія Греціи и національной войны противъ Персіи то отъ Ясона Ферскаго, то отъ Діонисія Спракузскаго, то отъ спартанскаго царя Архидама. Ожиданія не оправдались. Наконецъ Исократъ свои надежды возложилъ на Филиппа Македонскаго. Послѣ Филократова мира онъ въ посланіи къ „Филиппу“ съ особенною ясностью изложилъ свою программу. Обращаясь къ македонскому царю, Исократъ говоритъ: „Я хочу посовѣтовать тебѣ стать во главѣ соединенныхъ грековъ и идти противъ варваровъ“. Надо завоевать если не все персидское царство, то сколько можно, хотя бы Малую Азію отъ Киликіи до Синопа. И это вовсе не такъ трудно. Дѣло человѣка, если онъ полонъ великихъ мыслей, любитъ грековъ и своимъ умомъ видитъ дальше другихъ, воспользоваться массой людей, которые теперь скитаются вслѣдствіе нужды и опасны для общественнаго спокойствія, отвоевать земли и, основавъ въ нихъ города, поселить въ нихъ скитающихся и такимъ образомъ освободить отъ бѣдствій, отъ которыхъ они страдаютъ и которыя другимъ причиняютъ. Города эти будутъ границею Греціи и форпостомъ для всего населенія. Само божество, по мнѣнію Исократа, внушило ему эту мысль; онъ высказываетъ ее не ради личнаго интереса, но ради заботы о благѣ Греціи. Филиппъ долженъ считать всю Грецію своею. Онъ долженъ быть благодѣтелемъ для эллиновъ, царемъ для македонянъ, повелителемъ для варваровъ. Вокругъ него должны собраться уполномоченные всей Эллады для общаго обсужденія панэллинскихъ интересовъ... Такимъ образомъ, Исократъ намѣтилъ программу, которая выполнена была отчасти Филиппомъ и въ гораздо болѣе грандіозныхъ размѣрахъ Александромъ. О послѣднемъ говорили, что, прочитавъ Исократовъ „Панегирикъ“, онъ рѣшилъ идти на завоеваніе Персіи.

Противъ борьбы съ Филиппомъ былъ и лучшій полководецъ Аѳинъ того времени, 45 разъ избиравшійся въ стратеги,—Фокіонъ, прославленный своею честностью и безкорыстіемъ, строгими спартанскими нравами и образомъ жизни, близко стоявшій къ Платоновой Академіи, въ особенности къ тогдашнему главѣ ея Ксенократу. Фокіонъ зналъ слабость аѳи-

нянъ и не вѣрилъ въ ихъ побѣду надъ Филиппомъ. По его мнѣнію, надо было или быть сильнымъ или дружить съ сильными.

Наконецъ на сторонѣ македонскаго царя было большинство вообще состоятельныхъ.

Вскорѣ послѣ заключенія Филократова мира Демосѳенъ и нѣкій Тимархъ выступаютъ обвинителями Эсхина по дѣлу о посольствѣ къ Филиппу. Тогда Эсхинъ въ свою очередь нападаетъ на Тимарха, который извѣстенъ былъ своею крайнею безнравственностью (въ молодости торговалъ собою); Тимархъ былъ осужденъ и лишенъ права гражданства. Обвиненіе противъ Эсхина пришлось на время отложить... Зато Гиперидъ выступаетъ противъ Филократа, сторонника Македоніи и виновника мира съ Филиппомъ, и Филократъ удаляется въ изгнаніе. Наконецъ Демосѳенъ возобновляетъ обвиненія противъ Эсхина по поводу поведенія его при переговорахъ о мирѣ, и Эсхинъ оправданъ былъ лишь незначительнымъ большинствомъ голосовъ. И эти рѣчи, не смотря на все ихъ краснорѣчіе, производятъ въ сущности тяжелое впечатлѣніе: въ этихъ взаимныхъ обвиненіяхъ, злобѣ, зависти и ненависти, инсинуаціяхъ и клеветѣ, трудно подчасъ разобраться. Нельзя, напр., вѣрить на-слово Демосѳену, когда онъ говоритъ объ Эсхинѣ, объ его безчестности и продажности. Между современниками Эсхина не всѣ были такого мнѣнія о немъ, и на его сторонѣ былъ не только Евбулъ, но и извѣстный своею честностью Фокіонъ. Еще Полибій говорилъ, что какъ бы мы ни превозносили Демосѳена, всякій въ правѣ осудить его за то, что онъ „необдуманно и неосновательно“ взводитъ позорнѣйшую вину на замѣчательнѣйшихъ эллиновъ, выставляя ихъ предателями (тутъ имѣются въ виду не Эсхинъ и вообще не аѳиняне, а другіе греки): Демосѳенъ все измѣряетъ пользой родного города, полагая, что взоры всѣхъ эллиновъ должны быть обращены на аѳинянъ и называя предателями всякаго, кто этого не дѣлаетъ; по мнѣнію Полибія, онъ судитъ невѣрно, уклоняется отъ истины, и сами событія показали, что не Демосѳенъ предугадалъ будущее, но тѣ, кого онъ назвалъ предателями (XVIII, 14).

И противоположность взглядовъ, страстность въ оцѣнкѣ лицъ и событій находитъ себѣ отзвукъ даже теперь, въ современной наукѣ: когда заходитъ рѣчь о Демосѳенѣ, о Филиппѣ

и Александрѣ, ученые часто оставляютъ историческую точку зрѣнія и теряютъ надлежащую объективность. Одни восхваляютъ Демосѳена, какъ государственнаго человѣка, дѣятельность котораго по своей благотворности не имѣетъ другого примѣра въ исторіи, который внушилъ своимъ согражданамъ новый духъ, какъ панэллинскаго дѣятеля, ставя его выше Перикла и борьбу съ Филиппомъ сравнивая съ борьбою противъ Ксеркса; въ торжествѣ Македоніи видятъ несчастіе для Греціи, а въ Филиппѣ и даже Александрѣ—извратителей чистыхъ эллинскихъ началъ (Нибуръ, Гротъ). Другіе, напротивъ, оправдываютъ Филиппа, идеализируютъ Александра, а Демосѳена упрекаютъ въ политической близорукости за то, что онъ боролся за старину, за свободу своей родины и не видѣлъ, что борьба эта безполезна: онъ долженъ былъ бы оставить свои патріотическія стремленія и преклониться предъ могуществомъ Македоніи, знать, что ей принадлежитъ будущее, а не бороться съ нею (Дройзенъ); въ Демосѳенѣ иногда видятъ просто „агитатора“, пагубно вліявшаго на соотечественниковъ, наталкивавшаго ихъ на гибельную политику, возбуждавшаго въ нихъ несбыточныя надежды, самомнѣніе и т. д. (Гольмъ, отчасти Белохъ). Но едва-ли историкъ въ правѣ становиться на такую точку зрѣнія: упрекать Демосѳена въ близорукости за то, что онъ не преклонился предъ Македоніей, которой принадлежало будущее, значитъ въ сущности требовать отъ историческаго дѣятеля, чтобы онъ становился непремѣнно на сторону силы и успѣха, чтобы онъ былъ оппортунистомъ и плылъ по теченію. Демосѳенъ боролся за то, что́ для аѳинскаго гражданина должно было быть дороже всего,—за свободу своей родины. Не смотря на всѣ его слабости и недостатки, надо признать, что онъ исполнялъ свой долгъ, и не его вина, если успѣхъ не увѣнчалъ его дѣла, если будущее принадлежало не ему и не тому, что́ онъ отстаивалъ.

При тогдашнемъ положеніи дѣлъ миръ не могъ быть проченъ. Взаимныя неудовольствія росли. Дѣйствія аѳинянъ во Ѳракіи, у принадлежавшаго имъ Херсонеса Ѳракійскаго, гдѣ они нападали на города и мѣстности, покровительствуемые или принадлежавшіе Филиппу, давали послѣднему поводъ къ жалобамъ и требованіямъ. Аѳиняне отвергли ихъ. Демосѳенъ

въ своей третьей „Филиппикѣ“ развивалъ свою воинственную программу, требуя обширныхъ приготовленій на сушѣ и на морѣ и союза съ другими греками противъ Македоніи, какъ общаго врага. А когда Филиппъ двинулся противъ Перинѳа (на берегу Пропонитиды) и затѣмъ Византіи, то послѣдовалъ окончательный разрывъ (340 г.). Аѳиняне заключили союзъ съ нѣкоторыми греческими государствами и входятъ въ сношенія даже съ Персіей. Демосѳенъ избранъ былъ „эпистатомъ морского дѣла“ и преобразовалъ тріэрархическія симморіи, облегчивъ среднихъ гражданъ и увеличивъ долю наиболѣе богатыхъ при снаряженіи кораблей (стр. 404). Онъ достигъ наконецъ и того, что остатки доходовъ шли не на ѳеоріконъ, а на „стратіотиконъ“, т.-е. на военныя нужды (стр. 409). Вліяніе Евбула пало. И Перинѳъ, и Византія устояли противъ Филиппа. Перинѳу оказывали поддержку персы, которые, какъ и аѳиняне, не желали, чтобы македонскій царь утвердился на берегахъ Пропонитиды и въ проливахъ, ведущихъ въ Понтъ. Византіи помогали аѳиняне, Хіосъ, Косъ, Родосъ. Филиппъ снялъ осаду, предпринялъ походъ на сѣверъ противъ скиѳовъ и возвратился оттуда въ тотъ моментъ, когда ему открывался опять удобный случай вмѣшаться въ дѣла Греціи, гдѣ вспыхнула новая Священная война.

Въ собраніи амфиктіоновъ локры изъ Амфиссы выступили съ обвиненіями противъ аѳинянъ, которые принесли даръ въ Дельфы, когда тѣ захвачены были фокидянами, отмѣтивъ въ надписи союзъ ѳиванцевъ съ персами противъ грековъ во время персидскихъ войнъ. Въ отвѣтъ на это Эсхинъ, бывшій тогда аѳинскимъ пилагоромъ, т.-е. представителемъ, въ свою очередь выступилъ съ обвиненіями противъ амфиссянъ въ томъ, что они вспахали поле, которое по состоявшемуся нѣкогда постановленію амфиктіоновъ должно было оставаться не обрабатываемымъ. Это и дало поводъ къ Священной войнѣ противъ амфиссянъ. Филиппъ, призванный въ качествѣ полководца, немедленно двинулся къ Ѳермопиламъ и занялъ Элатею, бывшую ключемъ къ Средней Греціи.

Изъ знаменитой рѣчи Демосѳена „О вѣнкѣ“ (р. 284—5) мы знаемъ, какое потрясающее впечатлѣніе произвело на аѳинянъ это занятіе. „Былъ уже вечеръ“,—такъ спустя нѣсколько

лѣтъ напоминалъ Демосѳенъ своимъ соотечественникамъ объ этомъ моментѣ,—„когда пришла вѣсть пританамъ, что Элатея занята. Тогда одни, тотчасъ вставъ изъ-за стола, удалили торговцевъ изъ палатокъ на рынкѣ и зажгли плетенныя лавки (какъ тревожный сигналъ); другіе послали за стратегами и приказали трубить тревогу. Городъ былъ полонъ смятенія. На другой день, вмѣстѣ съ разсвѣтомъ, пританы созвали совѣтъ въ булевтерій, а вы отправились въ народное собраніе, и прежде чѣмъ совѣтъ обсудилъ положеніе и составилъ предварительное рѣшеніе, весь народъ уже сидѣлъ на мѣстахъ. Затѣмъ, когда совѣтъ пришелъ въ собраніе, пританы сообщили полученное извѣстіе, ввели вѣстника и тотъ разсказалъ самъ,—тогда глашатай спросилъ: „кто желаетъ говорить?“ Никто не выступилъ; глашатай нѣсколько разъ повторилъ вопросъ,—никто не подымался, хотя были тутъ всѣ стратеги, были тутъ всѣ ораторы“... Наконецъ выступилъ Демосѳенъ. Онъ предложилъ отправить пословъ въ Ѳивы, чтобы заключить съ ними союзъ противъ Филиппа. Предложеніе это было принято, и самъ Демосѳенъ во главѣ посольства отправился къ ѳиванцамъ. Филиппъ въ свою очередь старался склонить послѣднихъ на свою сторону, давая заманчивыя обѣщанія. Но Ѳивы отвергли его предложеніе и вступили въ союзъ съ аѳинянами, которые соглашались на все,—брали на себя большую часть издержекъ, подчинялись предводительству Ѳивъ на сушѣ, признавали господство ихъ надъ Беотіей.

Такимъ образомъ прежніе еще недавніе противники—амфисскіе локры и ѳиванцы съ одной стороны, аѳиняне съ другой—становились союзниками въ виду общности ихъ интересовъ и общаго врага, Филиппа. Къ нимъ примкнули Евбея, Коринѳъ, Мегара, Ахая и нѣкоторыя другія. На первыхъ порахъ греки имѣли успѣхъ. Но Филиппъ искуснымъ движеніемъ перенесъ войну въ Беотію и далъ своимъ врагамъ битву при Херонеѣ (338 г.). Здѣсь должна была рѣшиться участь Греціи. По численности силы обѣихъ сторонъ были почти равныя; у грековъ пѣхоты даже немного болѣе, чѣмъ у македонянъ. Но во главѣ грековъ были вожди, подобные Харесу и Лисиклу [1]);

[1]) Онъ былъ обвиненъ потомъ Ликургомъ и казненъ.

во главѣ же македонскаго войска стоялъ Филиппъ, окруженный опытными полководцами, имѣя въ качествѣ помощника геніальнаго сына—Александра. Сами македоняне были испытанные въ бояхъ воины; ими руководила единая воля, и Херонейская битва окончилась пораженіемъ грековъ. Однихъ аѳинянъ пало 1000 и 2000 было взято въ плѣнъ.

Аѳиняне, въ распоряженіи которыхъ находились еще флотъ и море, съ энергіей и лихорадочной поспѣшностью стали принимать мѣры для обороны своего города, въ ожиданіи появленія у его стѣнъ побѣдителя. Гиперидъ предлагалъ даже, чтобы совѣтъ вооруженный отправился въ Пирей для принятія мѣръ защиты и распоряженій, какія сочтетъ необходимыми для спасенія государства, чтобы рабамъ дана была свобода, метэкамъ—право гражданства, чтобы государственные должники, лишенные чести, исключенные изъ списковъ гражданъ и изгнанники вновь возстановлены были во всѣхъ правахъ. И это предложеніе едва не было осуществлено. Оборона города ввѣрена Фокіону. Но Филиппъ обнаружилъ большую умѣренность и желаніе мира, который и былъ заключенъ при посредствѣ попавшаго въ плѣнъ при Херонеѣ оратора Демада, даровитаго, но низкаго и продажнаго. По этому *Демадову миру* Аѳины сохраняли свою самостоятельность; за ними оставались острова Саламинъ, Делосъ, Самосъ, Лемносъ и Имбросъ; опѣ получали Оропъ, служившій нерѣдко яблокомъ раздора между ними и ѳиванцами, но должны были уступить Филиппу Херсонесъ Ѳракійскій. Филиппъ далъ плѣннымъ аѳинянамъ свободу безъ всякаго выкупа, даже одѣлъ тѣхъ изъ нихъ, кто былъ нагъ, и кости павшихъ отослалъ въ Аѳины. Въ благодарность за все это аѳиняне предоставили Филиппу, его сыну Александру и потомству право аѳинскаго гражданства; онъ объявленъ „благодѣтелемъ“ города; ему поставлена статуя на площади.

Послѣ этого Филиппъ отправляется въ Пелопоннесъ и въ Коринѳѣ созываетъ уполномоченныхъ греческихъ государствъ. На этомъ собраніи объявленъ былъ общій миръ между греками. На будущее время запрещались взаимныя войны и междоусобія, всякіе насильственные перевороты и перемѣны въ имущественныхъ отношеніяхъ—конфискаціи, раздѣлы земель, уничтоженіе долговъ, а также возвращеніе изгнанниковъ, освобо-

жденіе рабовъ въ революціонныхъ цѣляхъ; обезпечивалась безопасность торговли и плаванія. Въ этихъ постановленіяхъ находили себѣ выраженіе и поддержку преимущественно интересы состоятельнаго класса, который и служилъ одною изъ опоръ для македонскаго царя. Соціальнымъ реформаторомъ Филиппъ не выступалъ: но онъ стремился положить конецъ войнамъ и смутамъ, взялъ подъ свою охрану миръ и существующій порядокъ. Изъ представителей греческихъ городовъ въ Коринѳѣ долженъ былъ засѣдать союзный совѣтъ, синедріонъ, который и наблюдалъ за соблюденіемъ мира и состоявшихся постановленій. Внутри государствамъ предоставлялась самостоятельность. Между греками и македонскимъ царемъ устанавливался союзъ, и Филиппъ былъ провозглашенъ гегемономъ Греціи въ предстоявшей войнѣ съ Персіей.

Начало эпохи эллинизма и конецъ самостоятельности Аѳинъ.

Херонейскою битвою заканчивается исторія независимой Эллады. Начинается новый періодъ міровой исторіи, который по примѣру Дройзена принято называть эпохой *эллинизма*. Это—періодъ „распространенія греческаго господства и образованности среди отжившихъ культурныхъ народовъ Востока“, когда изъ сліянія началъ греческихъ и восточныхъ возникла такъ называемая эллинистическая культура. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ подъ ударами Александра Македонскаго пало обширное Персидское царство. Востокъ соединился съ грекомакедонскимъ міромъ. „Мы прожили не обычную человѣческую жизнь“, говорилъ современникъ, ораторъ Эсхинъ, въ 330 г. „Исторія нашихъ дней покажется сказкою грядущимъ поколѣніямъ. Персидскій царь, который прорылъ Аѳонъ и проложилъ мостъ чрезъ Геллеспонтъ, который требовалъ отъ эллиновъ земли и воды и осмѣливался называть себя въ своихъ письмахъ владыкою всѣхъ людей отъ восхода до заката,— онъ борется теперь уже не за владычество надъ другими, а за собственную жизнь... А нашъ городъ, убѣжище всѣхъ эллиновъ, куда прежде стекались посольства со всей Эллады, чтобы просить у насъ помощи каждое для своего города,— онъ борется теперь уже не за гегемонію надъ Элладой, а за

собственный клочекъ земли". Димитрій Фалерскій или Фалерейскій, младшій современникъ этихъ событій, замѣчаетъ: „Если бы пятьдесятъ лѣтъ назадъ какой-нибудь богъ предсказалъ будущее персамъ, или персидскому царю, или македонянамъ, или царю македонянъ, — развѣ они повѣрили бы, что нынѣ отъ персовъ, которымъ былъ подвластенъ почти весь міръ, останется одно имя и что македоняне, которыхъ раньше едва-ли кто зналъ даже имя, будутъ теперь владычествовать надъ міромъ" [1])?..

Успѣхи Александра на первый взглядъ могутъ дѣйствительно показаться чисто сказочными. Но если ближе всмотрѣться, то мы увидимъ, что они были подготовлены предъидущимъ развитіемъ. На Востокъ давно уже проникали греки въ видѣ купцовъ, наемниковъ, авантюристовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ начинали проникать и греческое вліяніе, искусство, вообще культура. Исократъ начертилъ уже и программу, которую лишь въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ выполнилъ Александръ. Для грековъ совершившіяся перемѣны имѣли не только то значеніе, что ихъ независимость пала. Тутъ была и другая сторона: для избѣжанія катастрофы, той соціальной революціи, которая могла угрожать грекамъ, надо было пробить тѣ перегородки, которыми окружили эллиновъ съ востока персидская монархія, съ запада Карѳагенъ, съ сѣвера варвары Италіи и Балканскаго полуострова, и тѣмъ снова открыть націи выходъ наружу; для этого необходимо было устранить политическую раздробленность [2]). Въ эпоху эллинизма на Востокъ отливаетъ излишекъ населенія Греціи, который до тѣхъ поръ, вслѣдствіе тяжелыхъ политическихъ условій греческаго міра, частью погибалъ въ безпрерывныхъ войнахъ, частью все болѣе и болѣе увеличивалъ число бездомныхъ скитальцевъ, бродягъ на дорогѣ и пиратовъ на морѣ [3]).

Но прежнее значеніе руководящихъ греческихъ государствъ, въ томъ числѣ и Аѳинъ, пало. Со времени господства Македоніи судьбы аѳинской демократіи не представляютъ общаго интереса; онѣ имѣютъ интересъ спеціальный. Циклъ

[1]) Белохъ, II, 520

[2]) Белохъ, II, 292.

[3]) Э. Мейеръ, Эконом. разв. древн. міра, стр. 66.

развитія аѳинской демократіи закончился. Мы коснемся здѣсь лишь событій, которыя являются какъ-бы эпилогомъ предыдущаго.

Въ 336 г., вскорѣ послѣ Херонейской побѣды, Филиппъ погибъ отъ руки убійцы. Какъ ни была значительна эта личность, но смерть ея не измѣнила общаго положенія Греціи: по выраженію Фокіона, сила, побѣдившая при Херонеѣ, стала только меньше однимъ человѣкомъ [1]). Притомъ преемникомъ Филиппа былъ Александръ Великій. Въ Греціи обнаружилось было броженіе. При извѣстіи о смерти Филиппа Демосѳенъ забылъ о своемъ личномъ горѣ, о смерти недавно умершей дочери, и явился въ совѣтъ и народное собраніе въ праздничной, бѣлой одеждѣ, съ вѣнкомъ на головѣ. По его предложенію была принесена благодарственная жертва и памяти убійцы воздана честь, не смотря на то, что незадолго передъ тѣмъ аѳиняне постановили вручить Филиппу золотой вѣнецъ и выдать всякаго, кто посягнулъ бы на его жизнь. Достаточно однако было появленія Александра въ Греціи, чтобы его гегемонія была признана, и движеніе пока улеглось. Оно вспыхнуло вновь съ бо́льшею силою во время отсутствія Александра, когда пришла ложная вѣсть о его гибели въ войнѣ съ иллирійцами. Ѳиванцы возстали и окружили находившійся въ Кадмеѣ македонскій гарнизонъ; аѳиняне тоже поднялись. Но Александръ быстро явился къ Ѳивамъ и жестоко наказалъ ихъ· городъ былъ разрушенъ, оставшіеся жители проданы въ рабство. Аѳиняне пришли въ смятеніе и отправили къ Александру посольство, поздравляя его съ счастливымъ возвращеніемъ и побѣдой. По политическому разсчету и изъ уваженія къ Аѳинамъ Александръ отнесся къ нимъ иначе, чѣмъ къ Ѳивамъ, и примирился съ ними, отказавшись даже отъ предъявленнаго сначала требованія выдать главныхъ противниковъ Македоніи, въ томъ числѣ Демосѳена, Гиперида и Ликурга.

Наступили мирные годы для Аѳинъ. Демосѳенъ, повидимому, отказался отъ рѣшительной оппозиціи Македоніи; онъ дѣйствуетъ иногда заодно съ такимъ ея сторонникомъ, какъ Демадъ. Но антагонизмъ съ Эсхиномъ продолжается; онъ разрѣшился процессомъ, въ которомъ Эсхинъ выступилъ противъ

[1]) Pohlmann, Grundriss [3], 231.

Ктесифонта, послѣ Херонейской битвы предложившаго наградить Демосѳена вѣнкомъ за его заслуги въ дѣлѣ укрѣпленія Аѳинъ. По этому поводу Демосѳенъ произнесъ свою знаменитую рѣчь „О вѣнкѣ“. Эсхинъ проигралъ дѣло, долженъ былъ заплатить 1000 драхмъ штрафа, такъ какъ въ его пользу не было и пятой части голосовъ (стр. 129), и навсегда покинулъ Аѳины.

Матеріальное благосостояніе и положеніе финансовъ въ Аѳинахъ за эти годы улучшилось. Важныя заслуги тутъ принадлежатъ Ликургу, который въ то время и былъ главнымъ государственнымъ дѣятелемъ въ Аѳинахъ. Ликургъ происходилъ изъ стариннаго, знатнаго рода, отличался строгимъ образомъ жизни, честностью, но въ то же время и суровымъ нравомъ: о его рѣчахъ говорили, подобно тому, какъ о законахъ Дракона, что онѣ написаны не чернилами, а кровью [1]). Въ теченіе 12 лѣтъ (338 — 326) онъ завѣдывалъ финансами и упорядочилъ ихъ; доходы онъ довелъ до 1200 тал. въ годъ, увеличилъ при этомъ флотъ и т. д. Народное постановленіе, сдѣланное въ честь Ликурга — уже послѣ его смерти,—такъ перечисляетъ его заслуги [2]): „Ликургъ во время своей государственной дѣятельности установилъ много прекрасныхъ законовъ отечеству и бывъ казначеемъ государственныхъ доходовъ въ теченіе 3 четырехлѣтій, распредѣлилъ изъ государственныхъ доходовъ 18900 талантовъ, собралъ на акрополѣ большое количество денегъ, приготовилъ украшеніе богинѣ (Аѳинѣ), статуи Побѣды изъ цѣльнаго золота, золотые и серебряные сосуды и золотыя украшенія 100 канефорамъ [3]); будучи избранъ для завѣдыванія военными приготовленіями, собралъ на акрополѣ множество оружія и 50000 стрѣлъ, приготовилъ 400 годныхъ къ плаванію тріэръ, однѣ починивъ, другія вновь выстроивъ; кромѣ того окончилъ постройку до-

[1]) Белохъ (Die attische Polit., стр. 273) называетъ его „аѳинскимъ великимъ инквизиторомъ“.

[2]) В. В. Латышевъ, Оч. греч. древн. I³, 191—2. Постановленіе приводится въ „Жизни X ораторовъ“, приписываемой Плутарху; отрывки—въ надписяхъ C. I. A (=I. G. II, n° 240); Dittenberger, Sylloge, I², 168.—О Ликургѣ на рус. яз. есть диссертація М. М. Стасюлевича (Спб. 1851).

[3]) Дѣвушки, носившія корзины во время Панаѳинейскаго праздника.

ковъ и морского арсенала, достроилъ театръ Діонисa, окончилъ панаѳинейскій стадій, выстроилъ гимназій въ Ликеѣ и многими другими сооруженіями украсилъ городъ... Часто отдавая отчетъ въ своей дѣятельности въ свободномъ демократическомъ городѣ, онъ во все время остался неизобличеннымъ и неподкупнымъ. Итакъ, чтобы всѣ знали, что народъ при жизни высоко цѣнитъ людей, постановившихъ себѣ правиломъ вѣрно служить демократіи и свободѣ, и послѣ смерти воздаетъ имъ приснопамятную благодарность,—въ добрый часъ да постановитъ народъ: воздать хвалу Ликургу, сыну Ликофрона, Бутаду, за его доблесть и честность, воздвигнуть ему отъ имени народа мѣдную статую на площади кромѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ законъ запрещаетъ ихъ ставить, дать содержаніе въ пританеѣ старѣйшему въ потомствѣ Ликурга на вѣчныя времена, вырѣзать на каменныхъ плитахъ всѣ его постановленія и поставить въ акрополѣ".

Когда спартанскій царь Агисъ поднялся было противъ Македоніи, аѳиняне не примкнули къ этому движенію. Но въ концѣ царствованія Александра возникли осложненія. Казначей Александра, Гарпалъ, похитившій громадную сумму денегъ, набравъ наемниковъ, на 30 корабляхъ явился къ берегамъ Аттики, въ надеждѣ, что аѳиняне примутъ его къ себѣ, какъ получившаго уже право аѳинскаго гражданства, и воспользуются его средствами для возстанія противъ Македоніи. На этотъ разъ аѳиняне однако не приняли Гарпала. Но когда онъ, оставивъ наемниковъ и суда у Тенара, въ Пелопоннесѣ, самъ опять явился въ Аѳины, ему дали тамъ убѣжище. На требованіе выдачи Гарпала аѳиняне сначала отвѣтили отказомъ, но затѣмъ арестовали его вмѣстѣ съ сокровищами. Но Гарпалу удалось вскорѣ бѣжать, а изъ его сокровищъ оказалась цѣлою лишь половина; остальное было расхищено или пошло на подкупъ. Возникъ громкій и запутанный процессъ. Разслѣдовать дѣло поручено было ареопагу. Въ числѣ обвиняемыхъ былъ привлеченъ и Демосѳенъ, причемъ его обвинителемъ былъ прежній союзникъ Гиперидъ, недовольный за то, что Демосѳенъ раньше высказывался противъ того, чтобы воспользоваться деньгами и наемниками Гарпала для борьбы съ Македоніей. Демосѳена присудили къ 50 тал. штрафа и,

такъ какъ онъ не въ состояніи былъ уплатить, то его заключили въ тюрьму, а затѣмъ онъ бѣжалъ изъ Аѳинъ. Дѣло Гарпала нарушило прежнія отношенія къ Александру. Затѣмъ Александръ потребовалъ, чтобы его признали богомъ, и только послѣ нѣкотораго колебанія и оппозиціи аѳиняне согласились присоединить его къ сонму олимпійскихъ боговъ, въ качествѣ тринадцатаго, и построить ему святилище,—характерная черта того времени, ясно указывающая, что эпоха прежнихъ демократическихъ Аѳинъ миновала. Но еще болѣе долженъ былъ взволновать аѳинянъ эдиктъ Александра (324 г.) о возвращеніи изгнанниковъ на родину. Для самихъ изгнанниковъ это была мѣра благодѣтельная, но она явилась актомъ самовластнаго распоряженія македонскаго царя, безъ согласія и участія того союзнаго синедріона, который засѣдалъ въ Коринѳѣ. Она прямо противорѣчила прежнимъ постановленіямъ, сдѣланнымъ при Филиппѣ (стр. 456). А главное—изгнанниковъ было много, среди нихъ были политическіе враги, имѣнія ихъ перешли уже въ другія руки и теперь массовое возвращеніе изгнанныхъ тревожило многихъ: оно должно было повести къ распрямъ, внутренней борьбѣ, къ нарушенію установившагося порядка и имущественныхъ отношеній. Аѳиняне должны были разстаться съ Самосомъ, отдать его прежнимъ жителямъ, изгнаннымъ ими, а своихъ клеруховъ выселить оттуда.

И вотъ, когда умеръ Александръ (323 г.), въ Греціи вспыхнула война противъ македонскаго господства. Въ ней приняли участіе многія греческія государства и главнымъ образомъ Аѳины. Противъ сторонниковъ Македоніи началось гоненіе. Демадъ за то, что предложилъ признать Александра богомъ, былъ лишенъ чести и присужденъ къ штрафу. Аристотель долженъ былъ удалиться изъ Аѳинъ. Демосѳенъ же возвратился изъ изгнанія и былъ встрѣченъ восторженно. Во главѣ греческаго войска сталъ Леосѳенъ. Антипатръ былъ запертъ въ Ламіи, отчего и самая война получила названіе *Ламійской*. Но Леосѳенъ вскорѣ погибъ, къ Антипатру двинулась помощь, и осаду съ Ламіи пришлось снять, а затѣмъ Антипатръ соединился съ Кратеромъ и при Краннонѣ побѣдилъ грековъ. На морѣ же аѳинскій флотъ потерпѣлъ пораженіе отъ македонскаго флота (у острова Аморгоса). Анти-

патръ отказался вести мирные переговоры съ греческими государствами сообща. Пришлось каждому государству въ отдѣльности заключать миръ съ побѣдителемъ. Аѳины сдались на милость и немилость Антипатра (322 г.). Оропъ перешелъ опять къ Беотіи; Самосъ отданъ прежнимъ жителямъ. Самостоятельности Аѳинъ положенъ конецъ; македонскій гарнизонъ расположился въ Мунихіи. Антипатромъ произведена перемѣна и во внутреннемъ строѣ Аѳинъ: право гражданства оставлено только за тѣми, кто имѣлъ состоянія не менѣе 2000 драхмъ, т.-е. за болѣе состоятельными, которые главнымъ образомъ и принадлежали къ македонской партіи; передъ тѣмъ всѣхъ гражданъ было 21000; теперь только 9000 сохранили свои права, а большинство, т.-е. 12000, лишились ихъ; изъ нихъ многіе переселены были во Ѳракію. Руководящая роль въ Аѳинахъ перешла къ Фокіону и Демаду. Надъ Демосѳеномъ, Гиперидомъ и другими ревностными противниками македонскаго господства произнесенъ былъ смертный приговоръ. Они бѣжали изъ Аѳинъ. Гиперидъ былъ схваченъ на Эгинѣ, доставленъ живымъ Антипатру и казненъ; Демосѳенъ лишилъ себя жизни, принявъ ядъ, въ Калавріи, въ храмѣ Посейдона, чтобы не отдаться въ руки преслѣдователей.

Такъ отнята была самостоятельность у Аѳинъ. Потомъ она вновь была имъ возвращаема, но не надолго, и Аѳины находились въ зависимости отъ Македоніи, а потомъ отъ Рима. Демократическія формы большею частью оставались, но онѣ утратили былое значеніе.

Мы видѣли, какъ чрезвычайно послѣдовательно, чисто органически шло развитіе государственнаго строя Аѳинъ. Постепенно совершается переходъ отъ монархіи къ аристократіи, затѣмъ такъ же постепенно демократія занимаетъ мѣсто аристократіи. Вспомнимъ, напр., какъ лишь мало по-малу открывался низшимъ классамъ доступъ къ должностямъ, какъ совершалась демократизація Аѳинъ послѣ Клисѳена, какъ „переживанія“, въ родѣ двойного жребія, сохранялись въ послѣдующемъ строѣ Аѳинъ. Тираннъ Писистратъ во многомъ является продолжателемъ и даже завершителемъ дѣла „перваго предстателя демоса“, Солона, и предшественникомъ такихъ

его вождей, какъ Ѳемистоклъ и Периклъ; Клисѳеновы филы и триттіи имѣютъ уже своихъ предшественницъ; Периклъ оказывается вовсе не такимъ новаторомъ, какимъ его иногда изображали новѣйшіе историки. Аѳинская демократія была чисто народнымъ созданіемъ, результатомъ работы цѣлаго ряда дѣятелей и поколѣній, а не результатомъ честолюбія и интригъ отдѣльныхъ личностей. Достигнувъ блестящаго расцвѣта въ періодъ „Пятидесятилѣтія“, она во время злосчастной Пелопоннесской войны пережила тяжелый кризисъ, внутренній и внѣшній, и стала клониться къ упадку. Она въ самой себѣ носила нѣкоторыя внутреннія противорѣчія и элементы постѣдующаго разложенія. Это разложеніе, недостатокъ въ организаціи аѳинскаго правительства, политическая раздробленность Греціи, раздоры и соціальные недуги, не говоря уже объ ослабленіи энергіи гражданъ и порчѣ нравовъ, привели Аѳины къ паденію.

Аѳинская демократія, насколько намъ извѣстно, впервые въ исторіи сознательно и ясно поставила идеаломъ свободу и равноправіе, и свободу не необузданную или анархическую, а въ сочетаніи съ закономъ. Мы видимъ, какъ въ ней нерѣдко проводится принципъ самоограниченія: державный демосъ самъ пытается ограничить себя. Конечно, дѣйствительность иногда далеко расходилась съ идеаломъ; аѳинская демократія имѣла свои недостатки; на ея памяти немало грѣховъ и даже преступленій. Но чтобы правильно оцѣнить эту демократію, надо судить о ней съ точки зрѣнія того времени, современныхъ ей порядковъ и условій тогдашняго міра. Она, напр., не отрѣшилась отъ рабства, которое въ древнемъ мірѣ было такъ распространено, но все-же она его часто смягчала, вносила и въ эти отношенія человѣчность. Вообще, не смотря на нѣкоторыя печальныя исключенія, человѣчность—одна изъ наиболѣе характерныхъ чертъ аѳинской демократіи, особенно въ лучшую ея пору. А чистая человѣчность, по слову поэта, искупаетъ всѣ человѣческіе недостатки:

Alle menschliche Gebrechen
Suhnet reine Menschlichkeit
(Geme).

Литература.

Grote, History of Greece. Lond. 1846—56. 12 т. (нѣсколько изданій); есть французскій и нѣмецкій пер. (въ 6 т.).

Schömann, Griechische Alterthumer. Berl. 1855 (I-й т.) 4-е изд.—въ обработкѣ Lipsius'a (1897).

Ernst Curtius, Griechische Geschichte. Berl. 1857—67. 3 т. (нѣсколько изданій); есть русск перев. (М. 1880—3).

Max Duncker, Geschichte des Alterthums, Leipz. III—IV т. 1856—7. Въ 7-мъ изд переработана вновь; греческая исторія въ немъ—V — IX т. (1877—1886), до смерти Перикла.

Fustel de Coulanges, La cité antique. P. 1864 (много разъ переиздавалась); на русск. яз.—3 перевода, новѣйшій подъ заглавіемъ „Древняя гражданская община". М. 1903 (2-е изд.).

Julius Schvarcz, Die Demokratie. Leipz. 1877—82, I-й т. (2 Titelauflage—1884, 2-е изд.—1901).

Holm, Griechische Geschichte. Berl. 1886—94. 4 т.

Busolt, Griechische Geschichte bis zur Schlacht bei Chaironeia. Gotha. Первые 2 т. (до начала Пелопоннесской войны) въ 1-мъ изд —1885—8; въ 1893—7 совершенно переработаны, въ 3 кн. (I, II и 1-я часть III т.); въ 1904—2-я ч. III т. (Пелопоннесская война).

Его-же, Griechische Staats-und Rechtsalterthumer. Munch. 1886; 2 изд.—1892 (въ коллекціи Iw Muller, Handbuch d. klassischen Altertumswissenschaft). Русск. пер. („Очеркъ государственныхъ и правовыхъ греч. древностей". Харьк. 1890) сдѣланъ съ 1-го изд., имѣется съ нѣкоторыми добавленіями по 2-му изд.

Gilbert, Handbuch der griechischen Staatsalterthümer. Leipz. 1885. I-й т.; 2-е изд.—1893.

Hermann, Lehrbuch der griechischen Staatsalterthumer. 1831; въ 1889—1892—6-е изд., въ обработкѣ Thumser'a (Freiburg i. Br.).

Wilamowitz-Möllendorff, Aristoteles und Athen. Berl. 1893. 2 т.

Beloch, Griechische Geschichte. Strassb. 1893—1904. 3 т. (первые 2 т. перев. по-русски: „Исторія Греціи". М. 1897—9).

Ed. Meyer, Geschichte des Alterthums. Stuttg.-Berl. II—V т. 1893—1902.

Pohlmann, Grundriss der griechischen Geschichte. Munch. (въ коллекціи Iw. Muller'a); 2-е изд.—1896; 3-е—1906, русск. пер.—„Очеркъ греч. исторіи" (Спб. 1906) сдѣланъ со 2-го изд., перев. въ коллекціи „Общая исторія европ культуры" (Спб. 1908, т. I)—съ 3-го.

Burckhardt, Griechische Kulturgeschichte. Berl.-Stuttg. 4 т. (посмертное изданіе, вышедшее въ 1898—1902 г.).

Baumgarten, Poland und Wagner, Die hellenische Kultur. Leipz-Berl. 1905 (2-е изд.—1907); есть русск. перев.—„Эллинская культура". Спб. 1906 и въ коллекціи „Общая исторія европ. культ.".

De Sanctis, Ἀτθίς. Storia della republica Atenese dalle origini alle riforme di Clistene. 1898.

М. С. Куторга, Греческая исторія до начала персидскихъ войнъ. Спб. 1843.

——— Исторія Аѳинской республики отъ убіенія Иппарха до смерти Мильтіада. Спб. 1848.

——— Собраніе сочиненій. Спб. 1894—6. 2 т. (посмертное изданіе)

П. И. Аландскій, Исторія Греціи. Кіевъ. 1885 (2-е изд. 1899, безъ всякихъ перемѣнъ; оба изданія—посмертныя).

В. В. Латышевъ, Очеркъ греческихъ древностей. Ч. I. 3-е изд.—Спб. 1897.

Н. И. Карѣевъ, Государство-городъ античнаго міра. Спб. 1903. 2 изд.—1905 (безъ перемѣнъ).

Р. Ю. Виппперъ, Лекціи по исторіи Греціи. М. 1905 (2-е изд.—1906). Ч. I.

Исторія Греціи со времени Пелопоннесской войны Сборникъ статей подъ ред. Н. Н. Шамонина и Д. М. Петрушевскаго 2 т. М. 1896 (Библіотека для самообразованія).

Подробную характеристику и оцѣнку названныхъ пособій (кромѣ послѣднихъ двухъ) можно найти въ моемъ „Введеніи въ исторію Греціи". Харьк. 1904 (2-е изд.); о „Лекціяхъ" Р. Ю. Виппера—моя ст. въ Журн. Мин Нар. Просв, 1905, окт. Книги, вышедшія до открытія „Аѳинской Политіи" Аристотеля (имѣющейся въ изд. Kenyon'a, Kaibel'я и Wilamowitz'a, Blass'a, Sandys'a, А. М. Ловягина), т. е. до 1891 г.,—устарѣли. Важнѣйшія монографіи и статьи, какъ и источники, указываются мною въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ. Геродотъ и Ѳукидидъ имѣются въ русск. перев. Ѳ. Г. Мищенка, Ксенофонтъ—Г. А. Янчевецкаго, Платонъ—Карпова (незаконченный новый переводъ В. С. Соловьева, М. С. Соловьева и кн. С. Н. Трубецкого), „Политика" Аристотеля переведена Н. Е. Скворцовымъ, а его „Аѳинская Политія" есть въ перев. Н. Я. Шубина (въ Ж. М. Н. Просв, 1891, и отдѣльно) и А. М. Ловягина (съ греческимъ текстомъ en regard).

Важнѣйшія поправки и добавленія.

Стр. 7, стр. 21 сверху. Вм. „среди аристократіи“ надо „между аристократами“.

Стр. 40, прим. 1. См. также ст. А. А. Малинина, Къ вопросу объ Алкмеонидахъ въ I гл. Аѳинской Политіи Аристотеля... (Ж. М. Н. Пр., 1908, ноябрь сл.).

Стр. 51. По вопросу о сисахѳіи—ст. А. Ѳ. Семенова въ русск. журн. „Гермесъ“, 1908, № 13—14. О реформахъ Солона—Gilliard, Quelques réformes de Solon. Lausanne. 1907.

Стр. 5[illegible] О Солоновыхъ классахъ—ст. Cavaignac, Sur les variations du cens[illegible] Solouiennes“ (Revue de philologie, 1908, janv.).

С[illegible] рху. Вм. „февралѣ“ слѣдуетъ: „въ февралѣ—мартѣ“.

d[illegible] L'organisation de la cité Athénienne et la réforme [illegible]ерь—въ La polis grecque того же автора (Pader-Geschichte und Kultur d. Altertums).

[illegible]v. Вм. 488/7 слѣдуетъ 487/6.

[illegible] Послѣ словъ: „предсѣдательствовали въ нихъ“ главѣ“.

[illegible] иклѣ—монографія Ad. Schmidt, Das Peri-[illegible]-9. 2 т.

[illegible] правѣ гражданства—Muller, Untersuchungen [illegible]urger-und Eherechts. Leipz. 1899.

Th [illegible] финансахъ V в.—Cavaignac, Études sur [illegible] V siècle. P. 1908.

[illegible] „какіе“ слѣдуетъ „какія“.

ко [illegible] „въ метэковъ“ слѣдуетъ „въ число мет[illegible]

Арис[illegible] Демосѳенъ—авторъ рѣчей противъ [illegible]
еще [illegible] принадлежность ему оспаривалась [illegible]
случаѣ [illegible] его современника и во всякомъ [illegible]
нравор[illegible] характеристики тогдашни[illegible]
гитона“ [illegible]“ слѣдует[illegible]

Стр. 316, послѣдняя строка. Вм. „статуи бога Гермеса“ слѣдуетъ „его съ изображеніями Гермеса“ О гермахъ—ст. С. О Цыбульскаго въ „Ж. М. Н. Пр., 1908, іюль, и Kuberka въ Klio, VII, 1907, и VIII, 1908

Стр 341, стр. 24 сверху Отрывки изъ этой рѣчи недавно найдены на одномъ изъ папирусовъ Nicole, L'apologie d'Antiphon .. d'apres des fragments médits sur papyrus d'Égypte. Genève-Bâsle 1907.

Стр 373, стр 18 сверху. Вм „Арифрона“ надо „Аристофона“.

Стр. 382, послѣдняя строка, и 383, стр. 1 сверху. Вм. „тогдашній политическій дѣятель“ слѣдуетъ „одинъ изъ тогдашнихъ политическихъ дѣятелей“.